ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ, ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Монография
в двух томах

Том 1

Под общей редакцией
доктора экономических наук
Л.Э. Слуцкого

Москва
Издательский дом «УМЦ»
2026

УДК 355/359
ББК 68.0.0
Ц57

Редакционная коллегия:
М.А. Булавина, кандидат юридических наук, доцент; *М.В. Бутина;*
В.Б. Зарудницкий, кандидат исторических наук, доцент; *И.А. Копылов*, кандидат политических наук, доцент; *С.Н. Мажуга*, кандидат военных наук;
А.В. Сержантов, доктор военных наук, профессор, *О.Н. Слоботчиков*, кандидат политических наук, профессор

Рецензенты:
В.Н. Иванов, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН*;*
В.К. Копытко, доктор военных наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации;
П.В. Петрий, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО

Ц57 **Цивилизационные основы, геостратегические и геополитические приоритеты России в XXI веке:** монография в 2-х т. Том 1 / под общ. ред. Л.Э. Слуцкого. – Москва : Издательский дом УМЦ, 2026. – 586 с.

ISBN 978-5-6054512-3-5
Том 1.
ISBN 978-5-6054512-4-2

В научном труде всесторонне и комплексно проанализированы характерные особенности современного развития России как государства-цивилизации, определены геостратегические и геополитические приоритеты Российской Федерации в XXI веке. Разработаны и предложены военно-политическому руководству государства меры по нейтрализации внешних и внутренних угроз национальной безопасности.

Научный труд предназначен для органов государственного и военного управления, профессорско-преподавательского состава и научных работников, высших учебных заведений Российской Федерации, а также экспертов и специалистов, занимающихся вопросами развития мировых цивилизаций и государств в условиях становления новой мировой системы.

УДК 355/359
ББК 68.0.0

ISBN 978-5-6054512-4-2 (том 1)
ISBN 978-5-6054512-3-5

© Коллектив авторов, 2026
© АНО ВО «УМЦ», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ……..... 5

Предисловие. Цивилизационные основы и геостратегия развития государства в научном наследии В.В. Жириновского…… 7

ГЛАВА 1. Цивилизационные основы развития Российской Федерации: история, современность и будущее …….. 15

1.1. **Россия как особая цивилизация: исторические и культурные предпосылки** – раскрывается формирование России как самостоятельной цивилизации на основе евразийской идентичности и православной традиции……. 15

1.2. Эволюция Российской цивилизации в условиях глобальных трансформаций – прослеживается динамика изменений российской цивилизации под воздействием модернизации, глобальных процессов и постсоветских трансформаций……. 39

1.3. Идеология справедливого развития как доктрина современной Российской цивилизации – подчеркивается значение концепции «справедливого развития» как ключевого идеологического основания современной российской государственности и отказа от неолиберальной модели.. 61

1.4. Национальная идея как фактор сплочения общества и цивилизационного самоопределения – акцентируется роль национальной идеи как идеологической основы, обеспечивающей единство общества, его идентичность и стратегические ориентиры……... 75

1.5. Социальный капитал как стратегический ресурс цивилизационного развития России – фиксируется, что доверие, солидарность, коллективная ответственность и социальное взаимодействие выступают ключевыми ресурсами развития государства-цивилизации…… 91

1.6. Молодежь и ее научный потенциал в разрезе национальной безопасности государства – определяется вклад молодежи в научно-технологическое развитие, поддержание культурной идентичности и управление государством… 117

1.7. Становление новой мировой цивилизации и миссия России в стратегии обеспечения глобальной безопасности – анализируются современные процессы формирования мировой цивилизации и вклад Российской Федерации в обеспечении ее безопасности……... 131

1.8. Геополитическое противостояние России и стран Запада в рамках историко-цивилизационного подхода – характеризуется противостояние как столкновение различных цивилизационных моделей – российской евразийской и западной либеральной…….. 163

1.9. Милитаризация цивилизационного развития: императивы и тенденции постсоветского пространства – устанавливается усиление военно-стратегических факторов в политике России и стран постсоветского региона в ответ на расширение НАТО и комплекс современных угроз……... 183

1.10. Цивилизационные аспекты и современные геостратегические причины украинского кризиса – интерпретируется украинский кризис как форма цивилизационного противостояния, в рамках которого Украина стала пространством реализации геостратегических интересов коллективного Запада…… 203

ГЛАВА 2. Геостратегия Российской Федерации в XXI веке: формирование, механизмы реализации и приоритеты……… 225

2.1. Геостратегия государства в XXI веке: теоретическая интерпретация и понятийная определённость – уточняется содержательное наполнение дефиниции «геостратегия», выработана новая терминологическая конструкция…. 225

2.2. Теоретико-методологические основы исследования геостратегии государства – рассматриваются теоретические подходы, методологические парадигмы и исследовательские инструменты анализа геостратегии…… 243

2.3. Геостратегия и геополитика: методологическое разграничение категорий – проводится различие между понятиями «геополитика» и «геостратегия» через анализ их сущности, функций и прикладного содержания. 261
2.4. Зарубежный опыт формирования и реализации геостратегии государства – анализируется практика ведущих государств в разработке геостратегических целей, инструментов и внешнеполитических механизмов…….. 283
2.5. Исторические этапы и эволюция отечественной геостратегии – прослеживается развитие геостратегических установок России от имперского периода до современного этапа…….. 307
2.6. Геометрия и архитектура геостратегического пространства Российской Федерации – определяется современная конфигурация геостратегических приоритетов, внешнеполитических векторов и инструментов влияния России…… 337
2.7. Технологии и методы реализации геостратегии в контексте российской стратегической культуры – раскрываются исторические и современные основы стратегической культуры Российской Федерации……... 355
2.8. Комплементарность права и геополитики в реализации геостратегии Российской Федерации на исторических территориях – определяется роль геостратегии по укреплению государственности и безопасности, объединению исторических территорий в единое экономическое и правовое пространство…….. 371
2.9. Международно-политическая триангуляция как элемент геостратегии Российской Федерации – раскрывается использование триангуляционных механизмов для балансирования мировых центров силы и расширения геополитического маневра России…… 397
2.10. Гибридная политика как инструмент геостратегического влияния на безопасность государства в XXI веке – обозначается применение дипломатических, информационных, экономических и иных гибридных методов в реализации внешнеполитической стратегии…….. 413
2.11. Военная сила в обеспечении геостратегических интересов России – подчеркивается значимость военной мощи и оборонного потенциала как ключевого фактора защиты национальных интересов…… 431
2.12. Государственная программа вооружений и стратегия развития военных потенциалов в условиях многополярности – фиксируется роль модернизации вооружённых сил и комплексного развития оборонных технологий в контексте глобального силового перераспределения. 457
2.13. Социальная безопасность как структурный элемент национальной безопасности России – акцентируется значение защиты общества, национальных ценностей, социальной стабильности и демографического потенциала…… 475
2.14. Общественная безопасность и ее роль в обеспечении национальной безопасности России – определяется роль общественной безопасности в системе национальной безопасности Российского государства…… 493
2.15. Этнополитическая безопасность как направление государственной стратегии – определяется необходимость предотвращения этнополитических конфликтов и защиты межнационального согласия…… 513
2.16. Стратегия создания, эксплуатации и развития защитных сооружений гражданской обороны России – рассматривается планирование и модернизация защитной инфраструктуры гражданской обороны …… 435
2.17. Политика ядерного сдерживания как ключевой элемент обеспечения суверенитета и безопасности России в XXI веке – освещается роль ядерного потенциала и доктрины сдерживания в обеспечении стратегической независимости и территориальной целостности государства…… 561

ЗАКЛЮЧЕНИЕ …… 581
Список авторского коллектива…… 583

ВВЕДЕНИЕ

«Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали –
Смотрите ж: всё стоит она!»

А.С. Пушкин, «Бородинская годовщина», 1831 г.

XXI век характеризуется переходом мировой системы к состоянию нестабильного многополярного равновесия, при котором институты однополярного порядка утрачивают универсальный статус, а конкуренция центров силы – цивилизаций, культур и технологий – становится системообразующим фактором международной политики.

Россия в этих условиях выступает не просто крупной державой, а самобытным государством-цивилизацией, чья политическая субъектность опирается на историко-культурную преемственность, традиционные ценности многонационального российского общества и пространственную глубину. При этом, цивилизационный подход становится идейным фундаментом российской геостратегии: защита культурной и духовной идентичности рассматривается как ключевой элемент обеспечения национальной безопасности и международного влияния.

В условиях, когда современная международная ситуация носит двойственный характер – усиливается тенденция к многополярности, но при этом Запад сохраняет способность адаптироваться и удерживать ключевые позиции, – Россия нуждается в гибкой стратегии, сочетающей использование новых возможностей с противодействием внешнему давлению.

Такая стратегия должна опираться на баланс: использовать новые возможности многополярного мира и одновременно выстраивать механизмы эффективного противодействия внешнему давлению, сохраняя устойчивость внутренней системы и способность к проактивному влиянию на мировые процессы. Именно в таком контексте происходит переход от «геополитики выживания» к «проактивной геостратегии», в рамках которой Россия не только отражает вызовы, но и задаёт контуры нового мирового порядка.

Научно-теоретический труд «Цивилизационные основы, геостратегические направления и геополитические приоритеты России в XXI веке» является логическим продолжением научных исследований, осуществленных известными российскими теоретиками и практиками – представителями ведущих военных академий, гражданских вузов и научно-исследовательских организаций в совместных научных трудах: «Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации» (2021) и «Современные тенденции международных отношений и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации в XXI веке» (2024).

Основная цель работы заключается в формировании целостного представления о цивилизационном подходе как идейном фундаменте российской геостратегии, а также в определении ключевых направлений её практического воплощения в условиях трансформации мировой системы.

Важность научного исследования обусловлена потребностью в концептуализации цивилизационных оснований российской стратегии, системном анализе геостратегических направлений и механизмов их реализации, а также в выработке долгосрочных геополитических приоритетов на горизонте ближайших двух десятилетий в условиях многоуровневого противоборства и технологического сдвига.

Структура научно-теоретического труда выстроена в логике движения от цивилизационного основания к практическим приоритетам.

Первая глава 1 тома научно-теоретического труда посвящена цивилизационным основам. Здесь рассматриваются историко-культурные предпосылки, закрепившие уникальный статус России как государства-цивилизации, анализируются ценностные трансформации и их роль в национальной идентичности, а также предлагается цивилизационный ракурс интерпретации острых международных кризисов.

Во второй главе раскрываются теоретические и практические вопросы формирования и реализации геостратегии: методология и «геометрия» стратегического мышления, архитектура силы, эволюция отечественной геостратегии в XX–XXI веках, а также современные гибридные инструменты, сочетающие военные и невоенные средства влияния.

В работе рассматриваются вопросы национальной безопасности, стратегической стабильности и укрепления статуса Российской Федерации как самостоятельного центра силы, способного влиять на архитектуру многополярного мира.

Исследование направлено на выработку концептуальных подходов, интегрирующих цивилизационные ценности во внешнюю и оборонную политику, соединяя культурно-исторические основания с современными технологическими и геополитическими вызовами.

Методологическая основа опирается на цивилизационный подход, рассматривающий Россию как культурно-историческую целостность, и на системную геостратегию, базирующуюся на многоуровневой логике проекции силы.

Научная новизна выражается в создании интегрированной рамки, связывающей цивилизационный статус России с поэтапной геостратегией и регионально-технологическими приоритетами; в обосновании трёхэтапной траектории перехода от реактивной адаптации к проактивному нормотворчеству; в формулировании матрицы факторов силы (дипломатия, экономика, военная мощь, технологии, инфраструктура, гуманитарный контур) и демонстрации их интеграции в единую стратегию.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Он был патриотом, талантливым, неординарным человеком, авторитетным политиком, ярким оратором и полемистом, создателем и настоящим лидером старейшей политической партии современной России, руководству которой он посвятил многие годы жизни».

«Его знания, опыт, организаторские способности в полной мере были востребованы в парламентской, законотворческой деятельности. Владимир Вольфович искренне стремился внести свой вклад в решение важнейших задач, стоящих перед страной, и всегда – в любой аудитории, в самых острых дискуссиях на международных площадках – твердо защищал суверенитет и достоинство страны, ставил во главу угла интересы Отечества»

Президент Российской Федерации В.В. Путин.

Вопросы цивилизационного развития, геополитики и геостратегии государства настолько тесно переплетены и взаимосвязаны, что игнорировать их взаимодействие и взаимовлияние в современном мире было бы глубоко ошибочно. Впервые эта проблема с научной основательностью была поставлена и раскрыта В.В. Жириновским – выдающимся российским политиком и ученым, чьи научные труды и геополитические прогнозы намного опередили свое время, и в настоящее время служат «настольной книгой» для представителей российского научного содружества, ориентиром в деятельности руководящих органов Российского государства в XXI веке.

По мнению В.В. Путина, который был хорошо знаком с Владимиром Вольфовичем, «он не предсказатель, он был человеком очень эрудированным и очень хорошо подготовленным, он же вообще специалист был по Ближнему Востоку, он был реально экспертом. И всё, что он говорил, сбывается действительно, потому что он говорил это на основе анализа того, что происходило и в нашей стране, и в мире, и прогнозировал развитие ситуации. Это сбывается, действительно»[1].

Наступивший 2026 год знаменателен тем, что согласно Указа Президента Российской Федерации В.В. Путина от 6 ноября 2024 г. № 958 «О праздновании 80-летия со дня рождения В.В. Жириновского» по всей стране будут проведены многочисленные мероприятия, посвященные памяти российского политического, деятеля, основателя Либерально-демократической партии России.

[1] Итоги года с Владимиром Путиным. 19.12.2024 г. / Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75909 (дата обращения: 12.12.2025). – Текст : электронный.

При написании данного научно-теоретического труда невозможно было не обратиться к наследию В.В. Жириновского, его научным разработкам по вопросам, затрагиваемым в главах и параграфах 1 тома. Приведем лишь некоторые его мысли, научные утверждения и прогнозы, опубликованные в многотомном издании Университета мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского.

Владимир Владимирович Жириновский о цивилизационном развитии России. «Мы за русское возрождение!»

По мнению В.В. Жириновского в 90-х гг. XX века: «геополитическую модель современного мира можно рассматривать как взаимодействие и противоборство пяти мировых цивилизаций – западно-христианской (Западная Европа, США, ЮАР), восточно-православной (Россия, Югославия, Греция, Эфиопия), исламской (Ближний и Средний Восток), восточно-буддистской (Китай, Япония и другие государства АТР) и неразвитой с языческими верованиями (север Евразии, Америки и ряд африканских государств). Кроме того, в мире активно действует скрытая цивилизация (Израиль и еврейские общины во многих государствах мира). С претензиями на мировое лидерство (экономическое, политическое, военное и духовное) выступает ныне западно-христианская цивилизация с ее наиболее мощной силой – Соединенными Штатами. Ими выдвинута и осуществляется идея установления «нового мирового порядка», развивается система все контролирующих и всем диктующих международных финансово-экономических центров (МВФ, МБРР, «большая семерка»), военно-политических блоков и плацдармов (НАТО, Западноевропейский союз), расширяется сфера действия мировой валюты – доллара, который обеспечивается национальными богатствами других стран, в том числе и России, идет массированная духовная экспансия.

А конкурентом является восточно-буддистская цивилизация, которая иными, «скрытыми» методами осуществляет «тихую» мировую экспансию. Стратегического расширения своей сферы доминирования добивается исламская цивилизация, что вовлекает ее в противоборство с другими цивилизациями. Однако исламский мир расколот, часть его находится в союзнических отношениях с Западом. В целом же Запад при содействии восточно-буддистской цивилизации вынашивает планы столкновения исламского и православного миров»[2].

[2] В.В. Жириновский. О судьбах России. Политика и экономика. / Политическая классика: в 50-ти т. / Владимир Жириновский. – 2-е изд. – М.: Издательский дом «ИМЦ», 2021.Том 1, С. 244.

«В качестве объекта экспансии, как очевидно, выступает православная цивилизация, особенно Россия. Недруги СССР, добившись его распада, ныне стремятся разрушить и разделить Российскую Федерацию. При этом администрация США считает одной из важнейших своих военно-стратегических задач не допустить восстановления единого государства на пространстве бывшего СССР, а также воспрепятствовать появлению на территории бывшего СССР нового военного и экономического соперника. В результате распада СССР Россия оказалась отрезанной от своих традиционных соседей на Западе и на Юге, существенно ограничился ее доступ к западноевропейскому рынку, затруднился выход к Балтийскому, Черному и Средиземному морям и к Мировому Океану[3]».

Учитывая сложившиеся реалии в мире, ЛДПР еще в конце XX века предлагала «разработать и принять государственную геополитическую доктрину, обеспечивающую национальную безопасность и возрождение России как мировой державы. В основу ее, (*на взгляд В.В. Жириновского*), следует положить такую геополитическую модель, которая рассматривает современный мир как взаимодействие и противоборство пяти мировых цивилизаций – западно-христианской (Западная Европа, США, ЮАР и др.), восточно-православной (Россия, Югославия, Греция и др.), исламской (Ближний и Средний Восток), восточно-буддистской (Китай, Япония и другие государства АТР) и неразвитой с языческими верованиями (север Евразии, Америки и ряд африканских государств).

В.В. Жириновский определил цели этих цивилизаций следующим образом: «каждая из них стремится не только выжить, при этом сохранив свой неповторимый колорит обычаев, быта, нравов, стереопсихотипа, определенного вектора социально-экономического развития, но и достичь доминирования над другими. Исключение, кроме, естественно, языческой цивилизации, не имеющей собственных геостратегических целей, составляет на современном этапе восточно-православная цивилизация, ядром которой является Россия. К сожалению, в данный момент она является пассивным объектом воздействия».

«Кроме вышеназванных пяти цивилизаций активно действует и имеет свою разветвленную мировую инфраструктуру шестая, так называемая «скрытая» цивилизация. Ее особенность заключается в том, что единственным реальным геополитическим образованием этой цивилизации является искусственно созданное государство Израиль: остальная же часть шестой цивилизации, в тысячу раз большая, организационно оформленная, «живет» в недрах пяти других цивилизаций, за их счет, в их этносах и нациях. Ее суть в четко отлаженной мировой инфраструктуре, большая часть которой не лежит на поверхности».

[3] Там же С. 245

Проводя исторический анализ развития и сосуществование мировых цивилизаций, В.В. Жириновский предупреждал о растущем противостоянии между ними, определял основные тому причины: «разжигание противоречий между цивилизациями представляется как наиболее выгодный путь развития шестой цивилизации. Такая горизонтальная цивилизационная градация прослеживается практически на длительном историческом этапе развития человечества, но наиболее четко – на протяжении последних двухсот лет. В силу целого ряда факторов как внутреннего, так и внешнего характера восточно-православная цивилизация оказалась объектом массированного воздействия других цивилизаций, и, если этому не воспрепятствовать, ее конец будет весьма печальным. На различных исторических этапах уже проявлялась эта геополитическая опасность для восточно-православной цивилизации (1812, 1917, 1939–45, 1985 гг.)».

Говоря об амбициях государств-представителей мировых цивилизаций В.В. Жириновский предупреждал: на мировое лидерство (политическое, военное и духовное) в настоящее время претендует западно-христианская цивилизация в лице ее органического трансплантата США – наиболее мощного образования, обладающего необходимыми транснациональными связями[4].

Конкретными проявлениями «нового мирового порядка» или достижения лидерства западно-христианской цивилизацией явились: войны во Вьетнаме и Персидском заливе, российско-чеченский конфликт. В одном ряду с этим идут создание системы военно-политических плацдармов во всем мире (включая Россию); утверждение доллара как мировой валюты и его обеспечение национальными богатствами других государств (сначала арабской нефтью, так появился «нефтедоллар», затем евровалютой и, наконец, российскими богатствами и квазирублем). Эта также хорошо продуманная и детально разработанная программа экспансии с помощью таких организаций, как МВФ, МБРР, Лондонский и Парижский «клубы» и другие. Наконец, это цивилизационно-духовная колонизация других народов и государств, и прежде всего – России».

По мнению В.В. Жириновского, на первый план выходит политика «тихой», «медленной», «скрытой» колонизации и этнопоглощения, а также экономическая экспансия в форме производства широкого спектра дешевых товаров в огромном количестве. В этом плане западно-христианская и восточно-буддистская цивилизации – конкуренты, однако у них есть и общая цель – захват российских рынков и богатств, а также огромных геополитических пространств, в том числе Африки, Арабского Востока и др.

[4] В.В. Жириновский. О судьбах России. Политика и экономика. / Политическая классика: в 50-ти т. / Владимир Жириновский. – 2-е изд. – М.: Издательский дом «ИМЦ», 2021.Том 1, С. 354

«Согласно западным планам, с которыми совпадают геостратегические цели восточно-буддистской цивилизации, оптимальным сценарием развития мировых событий представляется столкновение, прежде всего военно-политического характера, между восточно-православной и исламской цивилизациями, что должно привести их либо к уничтожению, либо к крайнему ослаблению как конкурентов.

Анализируя геополитические процессы конца XX века, В.В. Жириновский определил следующие тенденции, касающихся России:

«Во-первых, осуществляется разрушение частично схожих с Россией государств (Югославия, Индия и некоторые другие) с целью перенесения этого эксперимента на Россию.

Во-вторых, создается информационно-управленческий механизм, центры которого находятся на Западе, с целью управления политическими, экономическими и социальными процессами в России.

В-третьих, постепенно, целенаправленно разрушается единая энерго-финансово-транспортная инфраструктура, с тем чтобы сделать нерентабельным любое крупное базовое производство в России (за исключением экологически опасных) и превратить ее в сырьевой придаток Запада.

В-четвертых, создается зависимая от мировых финансовых центров банковско-финансовая система, позволяющая обеспечить доллар (как мировую валюту) российским рублем, огромным производственным, естественно-природным и интеллектуальным потенциалом России.

В-пятых, разрабатывается «правовая база» для того, чтобы за российские долги (свыше 120 млрд.) скупить земли страны и сделать процесс ее колонизации необратимым»[5].

Необходимо принять во внимание также и геодуховный аспект. Каждая цивилизация имеет внутренний иммунитет самосохранения, который не позволяет ее произвольно уничтожить. Как показывает опыт истории (с 2000 года до н.в.), цивилизации, не обладающие оным, либо зараженные «СПИДом саморазрушения», гибнут.

После распада СССР и образования нового государства, В.В. Жириновский предупреждал: «в настоящее время иммунитет восточно-православной цивилизации ослаблен, хотя и не ликвидирован полностью. Главной стратегической целью западно-христианской цивилизации здесь является разрушение этносистемного иммунитета России. В этом состоит истинное назначение межнациональных, этноконфессиональных и иных конфликтов, разгорающихся на нашей терри-тории. Механизм подобного рода конфликтов отрабатывался на Ливане, Индии, Югославии, Эфиопии и ряде других стран и территорий планеты.

[5] Там же. С.355

Западные теоретики по проблемам геополитического господства разработали концепцию («новый мировой порядок»), согласно которой для достижения контроля над обширными регионами нет необходимости использовать широкомасштабные военные действия. Поставленные цели Запад рассчитывает достигнуть главным образом «невоенными» методами.

*Уже тогда, В.В. Жириновский определил и обосновал новые методы межцивилизационного противоборства. Так в качестве инструментов ведения противоборства против России было предложено следующее: «*на российский рынок «сбрасываются» дешевые и низкокачественные продукты питания, в том числе с такими добавлениями, разработанными специалистами генной инженерии, с помощью которых достигается скрытое и постепенное уничтожение определенных расовых групп, в первую очередь русского народа. Еще одно проявление подобной политики состоит в продаже России со значительной выгодой военных стратегических продовольственных запасов, у которых истекает срок хранения. При этом страна – получатель подобной продукции ставится в такие экономические условия, когда другого источника питания для населения крупных городов просто не оказывается»[6].

Особое место в деятельности В.В. Жириновского как лидера одной из крупнейших и старейших политических партий России, занимали вопросы геополитики как науки, которые он отразил в своих многочисленных трудах.

По его мнению, «геополитика обычно предполагает направление движения народов и государств в соответствии с их объективным геополитическим положением. Что только сегодня не понимают под геополитикой? Некоторые авторы понимают под геополитикой только военные и военно-политические построения. С нашей точки зрения, это слишком узкое понимание геополитики. Тем более что в геополитике можно выделить три наиболее значимых аспекта:

– традиционный, т.е. военно-стратегический и политический;

– экономический – по уровню экономической безопасности, самодостаточности и месту страны в мире, в системе международного разделения труда;

– культурно-исторический, интерпретирующий существующие и потенциальные цивилизационные разломы.

В настоящее время стратегическое положение государства определяется уже не только географическими параметрами. Определяющую роль играют экономика, уровень развития технологии и электронных коммуникаций».

[6] В.В. Жириновский. О судьбах России. Политика и экономика. / Политическая классика: в 50-ти т. / Владимир Жириновский. – 2-е изд. – М.: Издательский дом «ИМЦ», 2021. Том 1, С. 356.

Да и сама геополитическая терминология уже широко используется во многих сферах жизни. Вместе с тем географическое положение государства подчас определяет и его ресурсы, и степень автаркийности экономики.

Мы понимаем под геополитикой науку, предмет которой составляет глобальная политика, т.е. стратегия политики международных отношений. Каковы перспективы развития этой науки в настоящую эпоху? Может быть, действительно западные ценности и экономическая система, имеющая рыночный характер, окончательно победили во всемирном масштабе и наступил «конец истории»? По нашему мнению, сегодня утверждение о конце истории не более справедливо, чем во времена империи Наполеона.

Важнейшее требование геополитики состоит в том, что в период опасности геополитическое образование (государство) частично или полностью закрывается с целью упорядочения внутренних социально-экономических и иных процессов. Так было с СССР (во время гражданской и Великой Отечественной войн), с Германией, Японией, Англией и другими странами. Исключение составляют США, поскольку их естественно-геополитическое положение этого не требовало. Исторически необходимый промежуток «закрытости», а точнее четкого (не обязательно полицейского) контроля над связями с внешним миром, для России не означал бы возврата к холодной войне. Это была бы необходимая передышка для приведения страны в порядок, для восстановления ее геополитических позиций[7].

*Оценивая роль Коллективного Запада в системе международных отношений с геополитической точки зрения, В.В. Жириновский утверждал, что: «*ныне Запад – это не только и не столько Европа, сколько Соединенные Штаты Америки. И западничество наше и другое характеризуется теперь все большим подражанием Америке и заимствованием чего-то у нее. Что касается Соединенных Штатов, то они явно страдают манией величия, вообразили себя самой мощной, самой богатой и неповторимой державой. Они считают, что могут навязывать свою волю другим странам и народам, поучать их и манипулировать общественным мнением. Стремление Запада, прежде всего США, заранее прибрать к своим рукам еще «неосвоенные» ими территории, установить свое мировое господство основывается на вере в свое всемогущество, на силе оружия массового поражения, на использовании различных средств и методов контроля над странами и народами, в том числе и не в последнюю очередь на разжигании межнациональных, межэтнических войн»[8].

---

[7] В.В. Жириновский. Война приближается к границам России. Голосуйте только за ЛДПР! / Политическая классика: в 50-ти т. / Владимир Жириновский. – 2-е изд. – М.: Издательский дом «ИМЦ», 2021.Том 14, С. 102.

[8] В.В. Жириновский. О судьбах России. Политика и экономика. / Политическая классика: в 50-ти т. / Владимир Жириновский. – 2-е изд. – М.: Издательский дом «ИМЦ», 2021. Том 1, С. 359.

«Ныне по России наносится последний удар с целью превратить ее во второсортную полуколонию, сырьевую периферию мирового хозяйства. Но у Запада ничего не получится. Его надеждам не суждено сбыться. Опыт истории говорит, что когда какую-нибудь цивилизацию пытаются разрушить, навязать ей чуждую культуру, то у нее срабатывают инстинкты самосохранения и удар по ней оборачивается двойным ударом по ее недругам. У России богатый опыт борьбы с завоевателями и недругами. И им следовало бы сделать правильные выводы из истории и остановиться, пока не поздно. А России пора понять, что Запад нам не поможет, что Запад нам не указ, что Запад нам нужен меньше, чем мы Западу![9].

«Мы предложим миру в XXI веке нашу геополитическую модель. Здесь возможны договорные начала. Не нужно большой войны. Нужно договориться о разделении сфер влияния. Разумное разделение сфер влияния исключит конфликты между сверхдержавами, между крупными государствами: между Россией и США, между Россией и Германией, между Германией и Францией, между Китаем и Индией, между Японией и Россией и т.д. Нужно найти этот вариант, чтобы прекратились всякие волнения в мире, исчезла опасность большой войны. Если мы опять будем пересекаться, то снова станем мешать друг другу.

Настало время навсегда отказаться от идеи мирового господства какой-либо державы, перейти только к региональному сотрудничеству, перейти к отношениям север – юг, перейти к оптимальным вариантам экономического и культурного сотрудничества, не допускать расовых столкновений, религиозных, этнических. Мир нуждается в спокойствии.

И на великую русскую нацию опять падает историческая миссия спасти человечество от третьей мировой войны. Мы предотвратим термоядерную войну, взрывы на атомных станциях и массовое истребление людей, гибель огромного количества людей в результате разных эпидемий, разносимых по всей стране в настоящее время.

Россия выполнит свою историческую роль – освободит мир от войн, которые всегда начинаются на юге»[10].

[9] В.В. Жириновский. О судьбах России. Политика и экономика. / Политическая классика: в 50-ти т. / Владимир Жириновский. – 2-е изд. – М.: Издательский дом «ИМЦ», 2021. Том 1, С. 370.

[10] Там же С. 359

ГЛАВА 1.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И БУДУЩЕЕ

1.1. Россия как особая цивилизация: исторические и культурные предпосылки.

Современный мир переживает сложный период перехода от однополярной системы международных отношений к многополярной. Трансформация миропорядка обусловливает необходимость разработки новой геостратегии России, определяющей методы и средства сохранения и укрепления могущества нашей страны и достижения геополитической целей в новых исторических условиях.

При разработке геостратегии и документов стратегического планирования необходимо учитывать множество факторов, оказывающих влияние на безопасность и развитие страны: политических, экономических, социальных, демографических, ресурсных, военных, информационных, технологических и т. д. Игнорирование хотя бы одного из факторов может привести к неполноте анализа, неверным политическим решениям и ошибочным стратегиям. Это требование в полной мере относится к учету цивилизационного фактора. Многие современные конфликты происходят на линиях «цивилизационных разломов» (Кашмир, Синьцзян, Сирия, Ливия, Ливан, Йемен, Украина), и столкновение цивилизаций становится доминирующим фактором мировой политики.

Метод цивилизационного анализа позволяет своевременно выявлять цивилизационные вызовы, признаки возможных экспансий со стороны соседних цивилизаций по отношению к российской цивилизации. В Программе фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2020–2030) в качестве отдельного научного направления определено исследование цивилизационных вызовов для нашей страны[11].

Противостояние российской и западной цивилизации, кульминационным моментом которого стала специальная военная операция на Украине, явилось мощным импульсом ускорения коренной перестройки мировой системы, которую по своей значимости и последствиям сравнивают с планетарными изменениями после распада СССР.

[11] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 г. № 3684-р. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101090048 (дата обращения: 20.08.2025). – Текст : электронный.

Термин «цивилизация» ввели в оборот французские и английские просветители. Как утверждает французский историк Л. Февр, слово «цивилизация» было впервые употреблено во французском тексте в 1766 г., в английском – в 1773 г. Сначала оно употреблялось для обозначения того, что противоречит варварству, при материалистическом подходе цивилизации рассматривались через призму способа производства, соотношения производительных сил и форм собственности, при культурно-историческом подходе ученые стали делать акцент на изучении духовных, религиозных основ жизни людей, их нравов, обычаев, идеалов.

Основателем теории цивилизаций и метода цивилизационного анализа является выдающийся русский мыслитель Н.Я. Данилевский (1922–1895), основные идеи которого были изложены в книге «Россия и Европа».

Идеи Н.Я. Данилевского получили развитие в трудах немецкого философа О. Шпенглера («Закат Европы», 1918), английского историка А. Тойнби («Постижение истории», 1961), американского политолога С. Хантингтона («Столкновение цивилизаций?», 1993) и других ученых.

Сущность цивилизационного метода

В современной политической науке существует множество определений цивилизации и геоцивилизации. Для проведения исследования будут использованы следующие.

Цивилизация – «исторически сформированная социокультурная общность наций, народов и этносов, объединенная территориальной и языковой близостью, системой устойчивых ценностей (религия, культура), демографической и миграционной стабильностью, схожестью целей, самоидентичностью, принимаемая и поддерживаемая национальными элитами»[12].

Геоцивилизация – «это цивилизация (или цивилизации), участвующая в геополитических процессах, являющаяся детерминантой на определённом пространстве. Геоцивилизации различаются между собой религией, традициями, организацией быта, менталитетом, жизненными ценностями, стереотипами поведения, пред ставлениями, установками и т.д.»[13].

Геоцивилизации могут включать в себя субцивилизации. Например, в состав западной геоцивилизации входят такие субцивилизации, как: западноевропейская, североамериканская и австрало-новозеландская.

---

[12] Слоботчиков О.Н. Влияние цивилизационного развития на стабилизацию межгосударственных отношений // Межгосударственное противоборство в условиях глобализации и его влияние на управление национальной обороной Российской Федерации: сборник материалов круглого стола (16 августа 2023 г.); ВАГШ ВС РФ. М.: Издательский дом «УМЦ», 2023. С. 27.

[13] Еремина Н.В., Конфисахор А.Г., Солонников Д.В. Геоцивилизационные основы геополитических исследований: теория и практика/ Современные исследования социальных проблем. 2017, Том 8, № 9. – С. 165-166

В исламской цивилизации выделяют арабскую, африканскую, турецкую, персидскую, индонезийско-малайзийскую субцивилизации[14].

В рамках цивилизационного метода используется также понятие социвилизация, под которым понимается «присоединение к цивилизации группы или отдельного государства за счет тождественности систем ценностей и исторического развития, общих (близких) элементов или структуры экономики и обеспечения безопасности независимо от территориального расположения с центральной цивилизацией»[15].

Согласно цивилизационной теории цивилизации – более прочные и долговечные исторические социальные образования, чем государства.

В отличие от государств они не имеют границ, являются не политическими, а социокультурными образованиями, но именно через государства они проявляют себя. За всю историю существования человечества многие государства возникали и распадались, и лишь некоторые народы смогли создать цивилизации. Например, Н.Я. Данилевский выделял двенадцать цивилизаций (культурно-исторических типов), А. Тойнби – двадцать три, С. Хантингтон – восемь.

Известный российский государственный деятель и политолог В.В. Жириновский исследовал в своих трудах жизнедеятельность девяти основных мировых цивилизаций: западной, латиноамериканской, африканской, исламской, сикхской, индуистской, славянской (православной), буддистской, и японской.

Каждая цивилизация переживает в своем развитии нескольких стадий: зарождение, становление, кризис, упадок, пребывание в остаточном, реликтовом состоянии. На основе исследования истории развития мировых цивилизаций была открыта закономерность сжатия исторического времени развития цивилизации, суть которой заключается в том, что каждый очередной шаг в истории цивилизаций (мировых, поколений локальных) характеризуется более коротким жизненным циклом, ускорением темпа исторического прогресса[16].

В настоящее время, в условиях переустройства миропорядка, человечество переживает очередной период цивилизационного развития и формирования нового поколения цивилизаций. На пике подъема материальной и духовной жизни находятся древние китайская и индийская цивилизации.

---

[14] Буянов В.С., Гаджиева Р.Г. Геополитика и мировая культура // Геополитика и патриотическое воспитание. 2016, № 23. С. 74.

[15] Современные тенденции международных отношений и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации в XXI веке / Под общ. Ред. В.Б. Зарудницкого. – М.: РГГУ, 2024. – С. 616.

[16] Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 5. М.: Институт экономических стратегий, 2008. С. 34.

Период угасания переживают американская, западноевропейская и японская цивилизации. После распада СССР и тридцатилетнего поиска своего пути развития стала возрождаться российская цивилизация. Этап становления и развития переживают разнородные по своему составу мусульманская, латиноамериканская и африканская цивилизации.

В соответствии с теорией цивилизаций определяющая роль в развитии общества принадлежит не материальному производству, а духовной сфере, формам общественного сознания (культура, мораль, религия, наука), системе ценностей, образованию, которые определяют мотивацию людей во всех сферах человеческой деятельности.

Истоки и смыслы ключевых явлений культуры заключены в цивилизационном коде, исследование которого очень важно при изучении генезиса и сущности цивилизаций, объяснения их влияния на современный мир, его динамику, тенденции развития, соотношение содержания и форм, военные конфликты. Цивилизационным код определяют как «совокупность устойчивых, неизменных принципов, которые определяют своеобразие материальной деятельности людей, социальную организацию и духовные начала»[17]. Исследование цивилизационного кода позволяет провести анализ своего, чужого и чуждого в культурах, цивилизациях, способов устранения или нейтрализации этого чужого или чуждого, несущего разрушение, в своей культуре[18].

Цивилизационный подход к исследованию политических процессов и явлений предполагает составление цивилизационной матрицы – когнитивных стереотипов, определяющих ментальную целостность крупных популяций людей, и лежащие в основе всех сфер человеческой деятельности. Ее образуют такие ключевые показатели как хозяйственный уклад, язык, письменность, система социальных отношений и форм общественного сознания. Как отмечает О.В. Плебанек, каждая цивилизация имеет в своем фундаменте специфические структуры, определенный генотип социального развития, которые, находясь в подсознании людей, оказывают существенное влияние на их деятельность[19].

Особое место в структуре цивилизационной матрицы занимают традиции – исторически сложившиеся, устойчивые элементы социальной и духовной культуры, которые передаются из поколения в поколение и сохраняют свою однозначность на протяжении длительного времени.

---

[17] Пазюк Ю.В., Кубрина В.А., Ефимова В.П. Закон жизнестойкости локальных цивилизаций // Труды Института системного анализа РАН. 2018. Т. 68. № 4. С. 84.

[18] Каргаполов Е. П. Культурный и цивилизационный коды: актуальные вопросы теории // Вестник Челябинского28. государственного университета. 2022. № 2 (460). Философские науки. Вып. 63. С. 28.

[19] Плебанек О.В. Цивилизационная матрица как категория геополитики // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2011. Том 12. Выпуск 1. С. 108-109.

Исследование международных отношений через призму геоцивилизационного подхода позволяет более глубоко и адекватно оценивать геостратегическую обстановку, заранее прогнозировать угрозы и вызовы безопасности Российского государства, предвидеть возможности межгосударственного взаимодействия, способствовать принятию более обоснованных военно-политических решений, предвидению их возможных последствий. В последние годы в отечественной геополитике сложились четыре основных подхода к исследованию цивилизационного фактора в мировом политическом процессе:

– «ценностный» (С.Г. Киселёв) – его представители берут за основу систему ценностей;

– «этнологический» (В.Л. Цымбурский) – с позиции такого подхода народы, создавая государства, выступают ядром цивилизации;

– «культурно-географический» (С.В. Хатунцев) – маркировка цивилизаций происходит по географическому критерию;

– «универсалистский» (А.С. Панарин, Ю.В. Яковец)[20].

Что касается разработки документов стратегического планирования, то цивилизационный подход как как элемент методологии геополитического анализа и определения геополитических приоритетов стал использоваться сравнительно недавно.

Впервые роль цивилизационного фактора в международных отношениях была отмечена в Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 года: «Оборотной стороной процессов глобализации становится тенденция повышения значения фактора цивилизационной идентичности. Стремление вернуться к своим цивилизационным корням отчётливо прослеживается в событиях на Ближнем Востоке и в Северной Африке… Схожие процессы наблюдаются и в других регионах…»[21].

В Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года понятие цивилизация и производные термины (государства-цивилизации, культурно-цивилизационная общность, культурно-цивилизационное разнообразие, цивилизационная роль, культурно-цивилизационная самобытность, цивилизационные связи) упоминаются 11 раз, что свидетельствует о возрастании значения цивилизационного фактора в международных отношениях и внешней политике нашего государства[22].

---

[20] Харин А.Н. Альтернативные модели нации-государства в условиях современного мирового развития. Дис. на соискание учёной степени д-ра полит. Наук. М.: РАНХиГС, 2024. С. 195-196.

[21] Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.) // – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/ (дата обращения: 27.08.2025). – Текст : электронный.

[22] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом России В.В. Путиным 31.03. 2023 г. // – URL: https://rg.ru/documents/2023/03/31/ prezident-ukaz229-site-dok.html (дата обращения: 27.08.2025). – Текст : электронный.

Использование цивилизационного метода при разработке геостратегии позволяет заранее предвидеть перспективы межгосударственного взаимодействия, с точки зрения возможности заключения долгосрочных или краткосрочных соглашений. Как показывает международная политическая практика, в большинстве случаев между странами, принадлежащими к разным геоцивилизациям, возможны только краткосрочные тактические соглашения[23].

Неотъемлемым свойством любой цивилизации является экспансия – потребность в расширении своего влияния, которая может осуществляться различных формах: территориально-географической, политической, экономической, технологической, торговой, демографической, военной, культурной.

По мнению С.Г. Киселева, основными предпосылками (факторами) экспансии цивилизации являются: демографический динамизм (в особенности, бурный демографический рост, демографический взрыв); быстрое, нарастающее экономическое развитие, экономический бум; заметное усиление военной мощи, рост военных расходов; г) агрессивные внешнеполитические устремления, доктрины, стратегии, например, Pax Romana, Pax Americana, Pax Ottomanica, стратегия НАТО и т. п.[24]

Несомненный научный и практический интерес при использовании цивилизационного для разработки геостратегии России представляет концепция жизнестойкости локальной цивилизации, предложенная Пазюком Ю.В., Кубриной В.А. и Ефимовой В.П., в соответствии с которой жизнестойкость локальной цивилизации изменяется пропорционально системным изменениям шести факторов генетического цивилизационного кода – *демографического, природно-экологического, финансово-экономического, технологического, социально-политического и социокультурного (духовный мир)*[25].

Цивилизационные подходы вышеуказанных авторов могут быть использованы при оценке геополитической обстановки в мире, оценке и прогнозированию угроз национальной и военной безопасности, формировании геостратегии Российской Федерации в различных регионах мира, определении приоритетов внешней и оборонной политики.

---

[23] Еремина Н.В., Конфисахор А.Г., Солонников Д.В. Геоцивилизационные основы геополитических исследований: теория и практика/ Современные исследования социальных проблем 2017, Том 8, № 9. – С. 180 // – URL: http://ej.soc-journal.ru (дата обращения: 02.09.2025). – Текст : электронный.

[24] Киселев С.Г. Метод цивилизационного анализа в геополитике и геостратегии. Вестник МГЛУ. Общественные науки. Вып. 1 (838) / 2020 / – URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения:02.09.2025). –Текст : электронный.

[25] Подробнее см.: Пазюк Ю.В., Кубрина В.А., Ефимова В.П. Закон жизнестойкости локальных цивилизаций // Труды Института системного анализа РАН. 2018. Т. 68. № 4. С. 84-95.

Цивилизационная безопасность.

Рассматривая цивилизационные аспекты геостратегии России в контексте формирования геостратегии России в новых геополитических условиях, необходимо обратиться к такому понятию, как цивилизационная безопасность, которое часто используется в научных публикациях, но не получила официального закрепления в документах стратегического планирования.

В.М. Родачин под цивилизационной безопасностью предлагает понимать самостоятельный вид безопасности больших надгосударственных культурно-исторических общностей или локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ), взаимосвязанный с международной и национальной безопасностью, прежде всего – «стержневых стран», нацеленный на предотвращение и устранение экзистенциальных угроз их физическому существованию, а также угроз жизнеспособности ЛЧЦ, подрывающих и ослабляющих потенциал их экономических, демографических, межнациональных, межконфессиональных, духовно-идеологических и других составляющих.

Объектами цивилизационной безопасности, по его мнению, являются следующие элементы: экономические ресурсы, язык межкультурного взаимодействия народов, государствообразующий народ, религиозные учения и верования, материальные и духовные святыни цивилизаций; историческая память и традиционные духовные ценности[26].

Противоборство или сотрудничество.

По мнению ученых, в начале XXI века в мире началось формирование пятого поколения мировых цивилизаций. В этих условиях в системе международных отношений особую актуальность приобретают проблемы взаимодействия цивилизаций.

Взаимодействие цивилизаций осуществляется не только в социокультурной сфере, но и в других сферах: политической, экономической, военной, технологической, экологической и т.д.

Как показывает международная политическая практика отношения между цивилизациями могут происходить в различных формах, на основе сотрудничества или противоборства, как на двусторонней цивилизационной основе, так и на уровне межцивилизационных объединений.

При этом, по оценкам ученых, сфера применения таких форм взаимодействия цивилизаций, как их противостояние, противоборство, будет постепенно сужаться, хотя нельзя исключать возможностей конфликтного характера мирового цивилизационного процесса.

[26] Родачин В. М. Цивилизационная безопасность России и ее обеспечение в условиях обострения противоречий с Западом. Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2023; 13(5), С. 45-52. doi: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-45-52

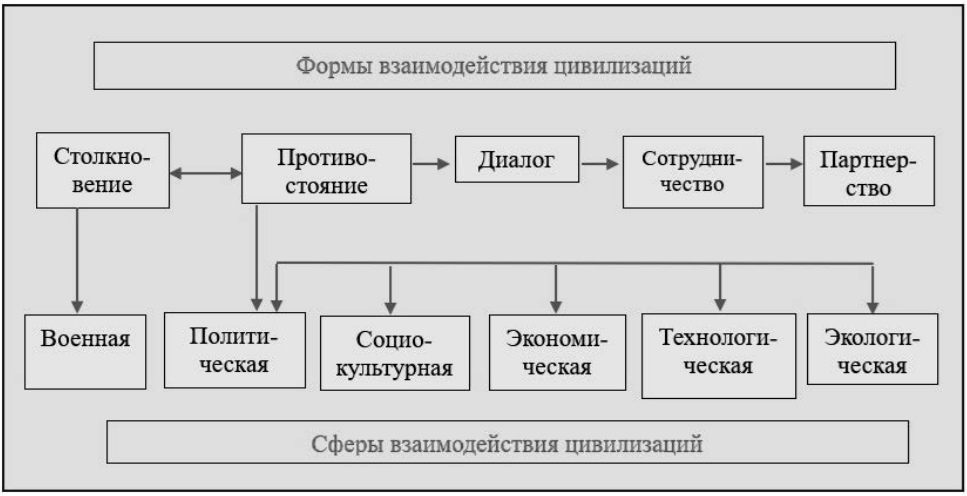

Рисунок 1 – Формы и сферы взаимодействия цивилизаций

Важную роль в предотвращении войн, вооруженных конфликтов и терроризма играет развитие диалога цивилизаций. Взаимодействие цивилизаций на основе сотрудничества и партнерства позволяет устранить социокультурные основы столкновения цивилизаций, помогает понять особенности других цивилизаций, осознать общность интересов и ценностей всех народов и этносов в сохранении мира, значение культуры и общечеловеческих ценностей в духовном развитии людей.

Не случайно в начале XXI появился в политическом и научном лексиконе появился термин «глобальная цивилизация», по-видимому, для того, чтобы подчеркнуть общность, единство коренных интересов существующих локальных цивилизаций.

В 2000 году в ответ на теорию американского политолога С. Хантингтона «столкновение цивилизаций» бывший иранский президент Мохаммад Хатами (возглавлял Иран в период 1997–2005 гг.) впервые выдвинул концепцию «диалог цивилизаций», направленную на формирование моральной основы многокультурного и глобализированного мирового сообщества. В соответствии с этой инициативой Генеральная Ассамблея Организация Объединенных Наций провозгласила 2001 год годом диалога между цивилизациями под эгидой ООН. Развитие диалога цивилизаций позволяет предотвращать или разрешать межцивилизационные противоречия, возникающие на почве непонимания различий исторически сложившихся систем ценностей представителей других культур, создает предпосылки укрепления мер доверия, сотрудничества государств в интересах обеспечения международной безопасности.

В настоящее время в мировом цивилизационном процессе все более отчетливо проявляются две противоположные глобальные тенденции: тенденция насаждения и распространения западной цивилизации как универсальной и тенденция движение человечества к полицивилизационному миру, стремление незападных цивилизаций сохранить свою культурную самобытность. Первая тенденция представляет угрозу безопасности России, так как может привести к утрате национального суверенитета страны и автоматического перевода ее в разряд «сопутствующих и обеспечивающих» государств.

Межцивилизационное противоборство.

В последние десятилетия огромное влияние на межцивилизационное взаимодействие оказывают стремительные процессы глобализации, которые планируются и реализуются по западной модели, при лидерстве США, в интересах западной цивилизации и нарушают сложившуюся систему цивилизационного устройства мира. Наибольшую опасность для судеб мировых цивилизаций представляют:

– стандартизация по западным образцам системы ценностей, составляющая суть, наследственный генотип, уникальность каждой цивилизации;

– лишение локальных цивилизаций экономической самостоятельности, возможности осуществлять хозяйственную деятельность исходя из собственных интересов;

– унификация порядка использования природных ресурсов и охраны окружающей среды в интересах богатых цивилизаций и ТНК[27].

Цивилизационная экспансия западной цивилизации является важным фактором, влияющим на международную безопасность и национальную безопасность Российской Федерации. Ретроспективный анализ международных отношений с позиций цивилизационного подхода показывает наличие постоянного противостояния между западной и российской цивилизацией.

Враждебное отношение западноевропейской цивилизации к России отмечал известный российский геополитик Н.Я. Данилевский, который писал: «… Европа не признает нас своими… Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т. д… Европа видит поэтому в Руси и в Славянстве не чуждое только, но и враждебное начало»[28].

---

[27] Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 5. М.: Институт экономических стратегий, 2008. С. 414-415.

[28] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 65-66.

Что касается России и Америки, то великий русский геополитик еще в конце XX века предвидел конфронтационность между российской и американской цивилизацией отмечая, что «Америка, с которой нередко сравнивают Россию, составляет с ней, как уже было замечено, полнейшую противоположность».

При разработке геостратегии России следует учитывать, что в современных условиях направленность и характер взаимодействия российской цивилизации с западной цивилизацией в определяющей степени зависят от состояния отношений нашей страны с США, которые обладают большим экономическим, технологическим и военным потенциалом и играют ведущую роль в мировой политике и международных.

Межцивилизационное взаимодействие между Россией и США началось после установления официальных дипломатических отношений между странами в декабре 1807 года, во время царствования российского императора Александра I и правления второго президента США Т. Джефферсона.

По мнению Васильева В.С., в развитии российско-американских межцивилизационных отношений можно выделить несколько периодов (форм взаимодействия).

XIX в. Идеализация межцивилизационных отношений. Родственный характер «американской мечты» и «русской идеи».

XX в. (вторая треть – 1990-е годы). Соприкосновение внешних цивилизационных контуров (холодная война).

Конец XX в. – первые десятилетия XXI в. Взаимопроникновение кодов цивилизационного развития. «Цивилизационное выживание»[29].

В первый период, несмотря на внешне идеалистический характер российско-американских отношений в XIX веке, и духовную близость двух христианских цивилизаций, Соединенные Штаты проводили в отношении России политику двойных стандартов, стремились к освоению «новых рубежей», о чем свидетельствует провозглашение «доктрины Монро» в декабре 1823 года и приобретение у России Аляски в марте 1867 года за сумму в 7,2 млн долларов США (золотом).

Если российское руководство рассматривало российско-американские отношения и уступку Аляски как форму прежде всего цивилизационного взаимодействия двух стран, то Соединенные Штаты считали ее, как еще одно подтверждение цивилизационного превосходства Америки. По сути, русских «изгнали» так же, как до этого и коренных жителей Северной Америки на большей части Соединенных Штатов.

[29] Васильев В.С. Россия и Америка в XXI в.: логика цивилизационного противостояния// – URL: https://www.perspektivy.info/history/ 2022-09-16.htm (дата обращения:04.09.2025). – Текст : электронный.

После окончания холодной войны некоторые зарубежные и отечественные политологи продвигали мысль возможной конвергенции, взаимопроникновении западной и российской цивилизацией. Второй период характеризуется острым противостоянием западной цивилизации, возглавляемой США, и евразийской под руководством Советского Союза.

Со второй половины 1980-х годов российская цивилизация оказалась под мощным влиянием западных цивилизационных ценностей, идей «плюралистической» либеральной демократии и принципов «свободного рынка». В научных изданиях и средства массовой информации настойчиво распространялась мысль о том, что после распада Советского Союза и организации Варшавского договора мир находится на заре гуманистической, демократической и либеральной цивилизации, и модель либеральной демократии, воплощенная в Соединенных Штатах, должна распространится по всему миру.

В американской политической науке появился термин «универсальная цивилизация» (введен в оборот В.С. Найполом), который предполагал распространение западного образа жизни, стандартов поведения, ценностей и массовой культуры. В это же период вышла статья Сэмюэла Хантингтона «Столкновение цивилизаций», в которой он опроверг тезисы своего ученика Фрэнсиса Фукуямы о всемирном триумфе либеральной западной цивилизации и исчезновении столкновения культур.

Хантингтон утверждал, что причины конфликта будут переходит из идеологической в цивилизационную сферу и будут определяться культурой, наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям.

Ученый предупреждал, что Западу грозит нарастающий конфликт с другими цивилизациями и неминуемый упадок, а его радужные надежды о «всеобщей цивилизации» могут войти в столкновение с усиливающейся китайской цивилизацией и враждебно настроенной исламской цивилизацией[30]. Последующее развитие международных отношений показало конфликтный характер западной цивилизации, стремящейся к сохранению мировой гегемонии и установления контроля над Россией.

Известный американский политолог Збигнев Бжезинский настойчиво проповедовал мысль о целесообразности децентрализации политической власти в России. «Ввиду колоссальных размеров и неоднородности страны, – писал он, – децентрализованная политическая система на основе рыночной экономики, скорее всего, высвободила бы творческий потенциал народа России и ее богатые природные ресурсы.

[30] Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations? — Foreign Affairs, Vol. 72, № 3 (Summer 1993). P. 22. – URL : https://unihouse.anu.edu.au/ (дата обращения: 02.02.2026). – Текст : электронный.

В свою очередь, такая, в большей степени децентрализованная, Россия была бы не столь восприимчива к призывам объединиться в империю. России, устроенной по принципу свободной конфедерации, в которую вошли бы Европейская часть России, Сибирская республика и Дальневосточная республика, было бы легче развивать более тесные экономические связи с Европой, с новыми государствами Центральной Азии и с Востоком, что тем самым ускорило бы развитие самой России»[31].

Целью Запада было сделать Россию рыночной, демократической, но зависимой и послушной. Однако после избрания президентом В.В. Путина Россия восстановила суверенитет страны, отказалась быть слабой и зависимой, стала более настойчиво и последовательно отстаивать свои национальные интересы. Через тридцать лет России с Западом настолько обострились, что США и Европейский союз сначала объявили экономическую войну против нашей страны, а затем развязали военный конфликт на Украине и в качестве стратегической цели заявили о глобальном ослаблении и уничтожении Российского государства.

Рисунок 2 – Стратегическая цивилизационная цель США по отношению к России: расчленение на 17 «независимых» республик[32]

[31] Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1999. С. 239-240.

[32] Андрей Баранов Запад собирается расчленить Россию: В США опубликовали карту раздробленной на 17 частей страны. 11 июля 2022 г. // – URL: https://www.kp.ru/daily/27416/4616023/ (дата обращения: 44.09.2025). – Текст : электронный.

В июне 2022 года на Конференции на по безопасности и сотрудничеству в Европе, организованной комиссией американской администрации, был представлен план «деколонизации России» (рисунок 2), в соответствии с которым предлагалось разделить территорию нашей страны на 17 частей: Российская Республика, Коми, Уральская и Сибирская республики, Республика Саха, Алтай, Тува, Бурятия, Дальневосточная Республика, Северо-Кавказская Федерация, Мордовия, Чувашия, Марий Эл, Татарстан, Башкортостан, Калмыкия и Удмуртия.

В этой связи необходимо помнить слова Данилевского Н.Я., который предупреждал, что «политическое раздробление в среде одного и того же культурно-исторического типа имеет и вредную сторону, состоящую в том, что оно лишает его политической силы, а следовательно, возможности успешного противодействия внешнему насилию»[33].

Цивилизационная идентичность является важным фактором политической интеграции большого географического пространства, на котором расположена Россия.

Особая роль в формировании цивилизационной идентичности принадлежит религии. Именно поэтому по замыслу американцев, Русская православная церковь, которая в истории не раз выступала в качестве центра возрождения российской цивилизации, должна быть взята под контроль и постепенно превращена в проамериканскую секту. В целях раскола русской Православной церкви мощнейший удар был нанесен по православной Церкви в Украине, находящейся в подчинении Московского Патриархата.

Развитие международной обстановки в XXI веке, особенно события 11 сентября 2001 г. и другие террористические акты, многочисленные военные конфликты на Ближнем Востоке, специальная военная операция на Украине со всей очевидностью показали, что либеральная демократия стала ослабевать, разлагаться изнутри, а также прогибаться под атаками извне.

Свой поучительный характер западная цивилизация утратила после вторжения американцев в Ирак в 2003 году, напомнив о том, что демократию не навязывают силой. Даже западная пресса вынуждена признать, что спустя тридцать лет после падения Берлинской стены демократический и либеральный мир переживает один из величайших кризисов в своей истории[34]. История развития отношений российской цивилизации показывает, что полное понимание между ними невозможно, стратегическое сотрудничество на длительное время представляется маловероятным, полагаться можно лишь на тактическое взаимодействие.

---

[33] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 125-126.

[34] Изабель Лассер Упокоившийся мир Фукуямы, стертый столкновением цивилизаций Хантингтона. Le Figaro. 6 ноября 2019 г. // https://www.inopressa.ru/ (дата обращения: 23.12.2024). – Текст : электронный.

В настоящее время западная цивилизация переживает фазу старения, характеризующуюся зрелостью материальной культуры (экономическое, политическое, технологического, финансовое и информационное превосходство) и кризисом духовной культуры (потеря веры, смыслов, нравственных принципов), в то время как российская, цивилизации находится на стадии своего возрождения.

Геостратегическому развитию России в эпоху революционных перемен в международных отношениях способствует формирование новых центров силы глобального и регионального масштаба, особенно укрепление таких государств-цивилизаций, как Китай и Индия, а также других стран Азии, Африки, Латинской Америки, которые на основе экономического роста и геополитического влияния, поддерживают идею многополярности международных отношений, развивают экономические, торговые, военные и культурные связи с Российской Федерацией.

Китайская цивилизация.

Особое место в геостратегии России занимает развитие отношений с государством-цивилизацией Китай. Китайская цивилизация одна из наиболее древних, ей около 5 тыс. лет. Несмотря на то, что Китай длительное время развивался относительно изолированно, он вобрал в себя достижения большого количества государств и культур.

Китай («Чжунго») в переводе на русский означает срединное государство. С древних времен китайцы привыкли считать себя центром мировой цивилизации, а окружающие их страны – варварами, стоящими на более низкой ступени развития, и что угроза их цивилизации исходит от кочевых племен Севера. Именно поэтому для защиты от потенциально враждебных племён из Евразийской степи была построена Великая китайская стена, которая являлась не только оборонительным сооружением, но и служила символом объединения империи и обозначала границу «цивилизованного мира от варварского».

Соприкосновение двух российской и китайской цивилизацией произошло в середине XVII в., когда русские казаки в процессе освоения новых земель достигли берегов Амура и границ китайских владений, что не могло не вызвать недовольство китайских правителей.

Лишь в 1727 году России удалось заключить постоянный договор с Китаем и создать в Китае постоянную духовную миссию, которая одновременно была и дипломатическим представительством. Российской и китайская цивилизации потребовалось много времени, чтобы пройти путь от военного противостояния до взаимодействия в экономической сфере.

В советский период российской истории отношения между Китайской Народной Республикой и СССР прошли путь от лозунга «Русский и китаец – братья навек» до вражды и военных столкновений на границе.

Советский Союз сыграл решающую роль в освобождении Китая от японских захватчиков в годы Второй мировой войны и образовании в 1949 году Китайской Народной Республики, оказал большую помощь Китаю в осуществлении индустриализации страны, создании Народно-освободительной армии Китая, развитии системы образования и науки.

Однако в конце 1950-х годов в отношениях двух стран произошел раскол, вылившийся в пограничный конфликт на острове Даманский в 1969 году, причинами которого были межличностные отношения между руководителями двух стран Н.С. Хрущевым и Мао Цзедуном, идеологические разногласия, нежелание Китая признавать законность Пекинского договора 1860 года, устанавливающего границу между государствами.

В 1970-е годы во внешнеполитической стратегии Китая наметился дрейф в сторону Запада, который пытался использовать китайскую карту в геополитическом противоборстве с Советским Союзом. Однако несмотря на цивилизационную «непохожесть» России и Китая, попытки Запада трансформировать ее в военный конфликт между нашими странами не оправдались.

Нормализация отношений с Китаем началась во второй половине 1980-х гг., и сегодня Китай для России является основным стратегическим партнером. По оценке председателя КНР Си Цзиньпина, «за минувшие три четверти века китайско-российские отношения закалились в тяжелых условиях, выдержали испытание переменчивой международной ситуацией, сегодня являют собой эталон отношений между крупными державами и соседними странами, отличающихся взаимным уважением, доверительностью, дружбой и взаимной выгодой»[35].

Современной китайской цивилизации присущи следующие особенности:

– преемственность, сохраняющаяся на протяжении пяти тысяч лет, и позволяющая китайской цивилизаций существовать и развиваться;

– инновативность, позволяющая нации адаптироваться к изменяющимся внешним условиям, сохраняя при этом свою самобытность;

– способность обеспечить единство нации, гармоничное сосуществование 56 национальностей и различных религиозных конфессий;

– миролюбивость – Китай не приветствует такой способ решения проблем, как война[36].

---

[35] О чем в Пекине договорились Владимир Путин и Си Цзиньпин. 16 мая 2024 г. // – URL: https://www.rbc.ru/politics/16/05/2024/664622b29a7947399c284767 (дата обращения: 05.09.2025). – Текст : электронный.

[36] Ученый перечислил пять особенностей китайской цивилизации. 24.07.2023 г. // – URL: https://www.pnp.ru/in-world/uchenyy-perechislil-pyat-osobennostey-kitayskoy-civilizacii.html (дата обращения: 05.09.2025). – Текст : электронный.

Специфическое положение в китайской цивилизации занимает религия. Официально Китай является атеистическим государством, однако власти признают буддизм, ислам, католицизм и протестантизм (признаются отдельно) и своеобразные традиционные религиозные учения – даосизм и конфуцианство. Взаимоотношения России и Китая развиваются в различных сферах. Несмотря антироссийские западные санкции, устойчиво растет товарооборот Китая и России, по итогам 2024 года он вырос на 1,9 % и составил рекордные 244,8 млрд долларов США[37].

Важным формой межцивилизационного взаимодействия России и Китая является сотрудничество в международных организациях (ООН, ШОС, БРИКС) при обсуждении таких важных проблем, как предотвращение военных конфликтов, борьба с распространением ядерного, химического и биологического оружия, противодействие терроризму и экстремизму и т.д. Несмотря на цивилизационные различия, позиции наших государств по многим вопросам международной безопасности совпадают.

Отдельным направлением развития отношений между Россией и Китаем является военное и военно-техническое сотрудничество. Народно-освободительная армия Китая по уровню военной мощи находится приблизительно на одном месте с вооруженными силами США и Россией, а по мобилизационным возможностям Китай опережает все страны мира: у него 100 – 150 млн человек, у США – 11 млн, у России – 9 млн[38].

В последние годы стали регулярными обмен визитами и переговоры военных руководителей России и Китая, проведение совместных учений, подготовка военных кадров, визиты военных кораблей, которые играют важную роль в укреплении мер доверия и поддержании стратегической стабильности в мире.

Развивается гуманитарное общение между Россией и Китаем, я туризм, проводятся перекрестные годы языков, годы туризма, годы регионального взаимодействия и другие важные государственные мероприятия.

Индийская цивилизация.

Следующим направлением геостратегии России в условиях трансформации миропорядка является развитие отношений с государством-цивилизацией Индия. Индийская цивилизация – одна из древнейших в мире. Ее история началась с возникновения индской (хараппской) цивилизации, расположившейся в долине реки Инд, в середине III тыс. до н. э. Уже в то время здесь была весьма развитая культура, подобная древнеегипетской или месопотамской, строились города с водопроводными и канализационными системами, существовала письменность.

---

[37] Россия и Китай. – URL: https://ria.ru/20250113/kitay-1993406948.html?ysclid=m6auvp0bm5789283566 (дата обращения: 05.09.2025). – Текст : электронный.

[38] 2025 Military Strength Ranking // – URL: https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php (дата обращения: 07.09.2025). – Текст : электронный.

За долгий срок своего существования индийская цивилизация прошла целый ряд исторических эпох, периоды взлетов и падений.

Важными этапами в истории развития индийской цивилизации стали рождение в VI в. до н.э. религиозно-философского учения – буддизма, распространение в XIII веке ислама, когда в Индии была установлена власть мусульманских правителей, установление правления Великих Моголов (с XVI в.) и начатая в XVIII веке колонизации со стороны европейских государств (особенно Англии).

Развитие взаимодействия между российской и индийской цивилизацией началось сравнительно недавно в связи географической удаленности Индии от России. Первопроходцами этого взаимодействия были тверской купец Афанасий Никитин, совершивший в XV в. «хождение за три моря» и Герасим Лебедев, который в конце XVIII в. прожил 12 лет в Бенгалии и заложил основы индологии как науки. Значительный вклад в постижение духовной культуры Индии внесли Николай и Елена Рерих.

Отношения между российской и индийской цивилизацией активизировались после установления дипломатических отношений между нашими странами 13 апреля 1947 г. После крушения колониальной системы, созданной западноевропейскими державами, индийская цивилизация вступила в период развития экономики, укрепления военного потенциала и возрождения самобытных цивилизационных ценностей.

За последние годы Индия превратилась в один из ведущих мировых экономических центров. В 2024 году темпы экономического роста Индии составили 6,6 %, выше, чем других крупных экономических державах, в т. ч. и Китае. Индия сохранила за собой третье место в мировом рейтинге стран-лидеров по объему ВВП, рассчитанному по ППС (по предварительной оценке, около 14,6 трлн долларов США), и пятое – по ВВП по обменному курсу (около 3,9 трлн долларов США)[39].

Вместе с тем серьезными проблемами развития индийской цивилизации являются: угроза перенаселения страны, низкий уровень среднедушевого дохода населения и наличие противоречий с исламской цивилизацией (Пакистан, Кашмир).

В настоящее время Индия занимает второе место в мире по численности населения. К концу 2024 года численность населения Индии достигла 1457 млн. чел, а плотность населения составила 443 чел. на 1 кв. км.[40]. При этом уровень валового внутреннего продукта на душу населения в 2023 году составлял лишь 2336 долларов США.

---

[39] Галищева Н.В. Экономика Индии в 2024 году // – URL: https://mgimo.ru/about/news/experts /india-economy-2024 (дата обращения: 07.09.2025). – Текст : электронный.

[40] World Countries Population in 2025 // Nationsgeo; Gross Domestic Product (GDP) 2024 //Wordeconomics.com (дата обращения: 07.09.2025). – Текст : электронный.

Отношения между российской и индийской цивилизацией прошли испытание временем. Россия всегда поддерживала Индию в трудные времена ее истории, а она, в свою очередь, в условиях обострения геополитической обстановки в мире в связи с военным конфликтом на Украине, поддержала Россию, отказавшись присоединиться к западным санкциям против России.

Индия отстаивает идею многополярного миропорядка, обладает огромным промышленным потенциалом, поэтому есть все основания рассматривать ее как неотъемлемый элемент зарождающегося многополярного мирового порядка.

Россия развивает торговые и военные отношения с Индией, однако в последние годы наблюдается замедление военно-технического сотрудничества. Это обусловлено усилением геополитического соперничества между ведущими странами мира за превращение Индии в своего стратегического союзника или партнера, обострением конкуренции, а также растущим проникновением на индийский рынок компаний военно-промышленного комплекса западных стран.

Кроме того, Индия стала активно развивать собственное оборонное производство, в результате стоимость ее оборонного производства в 2023–2024 финансовом году (с 1 апреля по 31 марта) установила новый рекорд, превысив 15 млрд долларов США.

Таким образом, Индия превратилась из страны-импортера оружия в страну-экспортера оружия. Несмотря на это, Индия продолжает оставаться импортером российского оружия.

По данным Стокгольмского института проблем мира, за период с 2019 по 2023 годы на долю России приходилось 36 % индийского импорта вооружений. Развитию экспорта российского вооружения в Индию препятствуют США, запретившие военно-технического долларовые транзакции между нашими странами.

Индия с ее многочисленным населением и развивающейся экономикой обладает большим торговым потенциалом. По итогам 2023 года Россия стала четвёртым торговым партнёром Индии после США, Китая и ОАЭ при товарообороте в 65 млрд долл. США[41].

Российско-индийское сотрудничество развивается не только в области природных ресурсов, удобрений, сельскохозяйственной продукции, драгоценных металлов и вооружений, инфраструктуры, фармацевтических продуктов, но также и в сфере информационно-коммуникационных технологий.

[41] РОССИЯ – ИНДИЯ Вызовы и решения экономического сотрудничества // – URL https://bigasia.ru/wp-content/uploads/2024/07/russia_india.pdf (дата обращения: 09.09.2025). – Текст : электронный.

Вместе тем нельзя не учитывать, что существуют и разногласия между нашими странами по таким вопросам, как участие Индии в Quad, развитие ситуации в Афганистане, китайская инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП) и др. Но эти факторы не являются препятствием для развития всесторонних и доверительных отношений между Россией и Индией, о чем свидетельствуют итоги визита премьер-министра Индии Нарендры Моди в Москву в июле 2024 года, в ходе которого была принята программа развития стратегических направлений сотрудничества двух стран до 2030 года[42].

Необходимо в полной мере использовать членство Индии в Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС для дальнейшего развития взаимовыгодного сотрудничества между нашими странами, поддержания стратегической стабильности, обеспечения международной безопасности.

Развитию межцивилизационного взаимодействия, культурно-цивилизационного сотрудничества России и Индии способствует общность мировоззренческих основ наших народов, тех элементов общественного сознания, которые нас сближают и противоречат мировоззрению представителей западной цивилизации.

К ним можно отнеси следующие характеристики:

– *духовность и поиск смыслов.* Для индийской культуры характерны погружение во внутренний мир человека, поиск скрытой энергии внутри себя. С точки зрения европейцев и американцев, такой подход воспринимается как непрактичный и не рациональный.

– *консерватизм, патриархальность, соблюдение традиций, беспрекословный авторитет старших поколений.* Подобный стиль общественной жизни во многом противопоставляется западному.

– *полиэтничность и поликонфессиональность.* В Индии, как и в России, проживают представители многочисленных этносов, исповедующих различные религии. Стремление их объединения в единую гражданскую нацию идет вразрез с западной идеей мультикультурализма[43].

Растущее взаимодействие России и Индии, заинтересованность во взаимовыгодном сотрудничестве между государствами-цивилизациями были наглядно подтверждены в ходе XXIII российско-индийского ежегодного саммита «Россия – Индия: проверенное временем прогрессивное партнерство, основанное на доверии и взаимном уважении» состоявшегося 4–5 декабря 2025 г.

---

[42] Современная геостратегия Российской Федерации в условиях становления нового мирового порядка: сборник материалов круглого стола (12 августа 2024 г.). – М.: ВАГШ ВС РФ, 2024. – 486 с.

[43] Мальчеков С.А. Сотрудничество России и Индии: культурно-цивилизационные основы// Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. Том 24, № 1, 2024. С. 54.

В своем выступлении на саммите, Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «вместе с единомышленниками по БРИКС, ШОС и из числа других государств мирового большинства мы продвигаем процессы формирования более справедливого и демократического многополярного мироустройства, отстаиваем основополагающие принципы международного права, закреплённые в Уставе Организации Объединённых Наций. В их числе – право каждой страны на собственный путь развития и сохранение своей культурно-цивилизационной идентичности, уважение суверенитета, выверенный баланс интересов всех участников мирового сообщества»[44].

Исламская цивилизация

Приоритетным направлением геостратегии России в изменяющимся миропорядке является развитие отношений с исламской цивилизацией, которая становиться влиятельным центром силы.

В Концепции внешней политики Российской Федерации отмечается: «Все более востребованными и надежными партнерами России в вопросах обеспечения безопасности, стабильности, решения экономических проблем на глобальном и региональном уровнях становятся государства дружественной исламской цивилизации, перед которой в реалиях многополярного мира открываются широкие перспективы становления в качестве самостоятельного центра мирового развития»[45].

Мусульманская цивилизация возникла в VII веке, одновременно с исламом. Она является одной из самых молодых цивилизаций Востока, быстро распространила свое влияние на Персию, Северную Африку, Пиренеи, часть Поволжья и почти непрерывно находилась в состоянии военного конфликта с западной, индийской и российской цивилизациями. (Османская империя). Постоянные войны, с одной стороны, наносили ущерб воюющим странам, с другой – способствовали экономическому развитию цивилизаций, взаимопроникновению различных культур, поглощению и принятию в свой состав других территорий и народов. Мусульманская цивилизация прошла в своем становлении и развитии несколько этапов.

На первом из них (VII–IX вв.), отмеченном завоеваниями и миграциями арабов, захватившими всю территорию Ближнего и Среднего Востока, а также Северной Африки и некоторых областей Южной Европы, сложилось новое политическое образование – Арабский халифат.

---

[44] Совместное заявление по итогам XXIII российско-индийского ежегодного саммита «Россия – Индия: проверенное временем прогрессивное партнерство, основанное на доверии и взаимном уважении» / Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6426 (дата обращения: 06.12.2025). – Текст : электронный.

[45] Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 / Официальный сайт Президента Российской Федерации – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090/page/1 (дата обращения: 09.12.2025). – Текст : электронный.

Второй (постимперский) период (с начала X в. до 1258 г.) отмечен постепенным распадом Аббасидского халифата и появлением целого ряда фактически независимых государств, чье образование связано с мощной волной миграции тюркских кочевых племен из евразийских степей.

Третий этап (1258 – конец XV в.) – территориальное расширение, включение в исламский мир значительной части Индийского субконтинента, многих стран Юго-Восточной Азии, государственных образований в Западной и Восточной Африке, а также в Восточной Европе (Золотая Орда и ее наследники).

Четвертый этап (XVI–XVIII вв.) – османский период, расширение исламской периферии, увеличение численности «правоверных», усвоение и реализация наследия прошлого, западная колонизация Алжира, Туниса, Египта, Афганистана.

Пятый этап (с рубежа XVIII–XIX веков по н/в) – модернизация, освоение новаций, привнесенных извне, и утверждавших новые принципы государственного управления, экономического производства и обмена, появление пантюркизма[46].

Со второй половины XX столетия, после распада колониальной системы, начался период возрождения мусульманской цивилизации, ее влияние в мировом цивилизационном пространстве значительно возросла и продолжает увеличиваться. Наметилась устойчивая тенденция «реисламизации» Ближнего Востока.

Исламская цивилизация занимает второе место в мире по численности населения. Согласно оценкам, по состоянию на 2020 год число ее приверженцев составляет 1,9 млрд человек, или 24,9 % населения мира[47].

Крупнейшими мусульманскими странами являются: Индонезия (283 млн человек), Пакистан (251 млн), Бангладеш (174 млн), Египет (117), Иран (92 млн) и Турция (87 млн)[48].

Мусульманская цивилизация не имеет единого центра. Определяющая роль в ее развитии принадлежит исламу. Несмотря на то, что мусульманская цивилизация объединена общей религией соответствующей ей системой ценностей и укладом жизни, она весьма разнородна по своему составу.

В религиозном учении ислама существуют различные течения – суннитов, шиитов, ваххабитов и др., которые отличаются между собой и не способствуют укреплению целостности, жизнестойкости и единства исламской цивилизации.

---

[46] Исламская цивилизация в глобализирующемся мире / По материалам конференции / Отв. ред. – В.Г. Хорос. – М.: ИМЭ МО РАН, 2011. С. 51-73.

[47] Muslim Population in World 2023 // – URL: https://www.findeasy.in/top-countries-by-muslim-population/ (дата обращения: 12.12.2025). – Текст : электронный.

[48] World Population by Country in 2024 // – URL: https://database.earth/population/by-country/2024 (дата обращения: 12.12.2025). – Текст : электронный.

В отличие от западной морали ценностью которой является приобретение богатства и рост прибыли, высшей ценностью мусульманской морали является любовь к людям, к матери и детям, обоготворения грамотных, образованных людей. Мусульман отличает высокая рождаемость и запрет на употребление алкоголя.

Основными факторами в развития мусульманской цивилизации, влияющими на международную безопасность, являются: демографический кризис (перенаселение и неконтролируемая миграция) и возрождение исламской религии и распространение фундаменталистских течений, которые становятся моральной основой распространения экстремизма и терроризма.

Как показывает практика, социальными предпосылками распространения терроризма являются быстрорастущая численность населения, низкий уровень жизни и растущая миграция, особенно из регионов, охваченных военными конфликтами.

После распада Советского Союза усилилось влияние исламской цивилизации на территории России и бывших советских республик в Центральной Азии, активизировалась деятельности агрессивных исламистских организаций. Особенно остро это проявилось во время Чеченского вооруженного конфликта 1994-1996 годов.

Следует учитывать, что Мусульманский мир рассматривает Россию как важную составную часть, имеющую большое историческое наследие. На протяжении многих веков на территории нашей страны существовало немало мусульманских образований (ханств, эмиратов, имаматов), согласно последней официальной переписи, в России проживает около 20 млн мусульман.

Говоря о прогнозе развития мусульманской цивилизации на будущее, то существует два сценария ее развития: первый – это распад на арабскую, иранскую (персидскую), исламско-индийскую и исламско-дальневосточную (Индонезия, Малайзия и др.) в случае ослабления ее противостояния с западной цивилизацией; второй – война с североамериканской или индийской цивилизациями, имеющими ядерное оружие, которая может привести огромным разрушениям и непредсказуемым последствиям.

Если обратиться к истории, то следует отметить, что отношения России с Исламским миром складывались очень сложно. Россия 13 раз воевала с Турцией, в различные периоды вела военные действия на Кавказе, в Средней Азии, Иране и Афганистане. Несмотря на это между Россией и Исламским миром существует совпадение или значительная близость по многим геополитическим и социокультурным ценностям.

Конфликты, возникавшие между двумя цивилизациями, всегда возникали из-за присутствия «третьей силы», которой они действительно были выгодны.

Подтверждение этой точки зрения содержится и у известного английского ученого Арнольда Тойнби, считавшего, что «цивилизационный вызов» Запада играл свою роль в частых кризисных взаимоотношениях православной и исламской цивилизаций[49].

В настоящее время Российская Федерация успешно развивает доверительные отношения с Ираном, выражает готовность к углублению взаимовыгодного партнерства с Турцией, Саудовской Аравией, Арабской Республикой Египет и другими странами Исламского мира. За период 2022–2024 гг. товарооборот России со странами ОИС вырос на 37 % и составил 156 млрд долларов США[50].

В условиях развернутой Западом гибридной войны против России страны Исламского мира являются привлекательными для нашей страны в качестве не только экономических, но и политических партнеров. Позиция России и стран исламского мира по многим проблемам и международной и региональной безопасности совпадают. Это касается проблем безопасности на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и на Кавказе.

Таким образом, использование цивилизационного подхода при формировании геостратегии России позволяет более глубоко анализировать геополитическую обстановку в мире, выявлять противоречия и тенденции развития международных отношений, прогнозировать угрозы и вызовы национальной безопасности, принимать обоснованные внешнеполитические и военно-политические решения.

Исследование мировой цивилизационной системы как совокупности отношений и взаимосвязей между разнообразными и разнотипными социокультурными общностями показывает обострение конкуренции между цивилизациями и приближение их к «точке бифуркации».

Основное содержание современного цивилизационного процесса составляет геополитический конфликт между западной цивилизацией, стремящейся сохранить колониальную однополярную систему международных отношений, и другими цивилизациями, выступающими за формирование более справедливого, многополярного мира.

Одним из главных препятствий сохранения старого миропорядка является политика России, которая выступает за установление нового, справедливого мироустройства, упорно отстаивает свои жизненно важные интересы и сейчас находится на переднем крае борьбы с цивилизационной экспансией Запада, проводя специальную операцию на украинском направлении.

---

[49] См.: Россия и Исламский мир: проблемы, предпосылки и перспективы долгосрочного взаимодействия // «Азия и Африка сегодня», М., 2005 г., № 2, С. 23.

[50] Товарооборот России со странами ОИС. – URL: https://rg.ru/2024/04/16/za-3-goda-rost-tovarooborota-so-stranami-islamskogo-sotrudnichestva-sostavil37.html?ysclid=m6es1wz4ha86940421 (дата обращения: 12.09.2025). – Текст : электронный.

Исходя из сложившейся геополитической обстановки в мире, императивным принципом выживания и развития российской цивилизации является сохранение ее цивилизационной идентичности. Россия как самобытное государство-цивилизация, имеющая тысячелетний опыт государственности и богатое культурное наследие, способна обеспечить гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп, сохранить свою культурно-цивилизационную самобытность, играть важную роль в мировом цивилизационном процессе.

Геостратегия современной России должна быть направлена на решение следующих задач.

Во-первых, цивилизационная интеграция постсоветского пространства, дипломатическое признание пророссийских автономий (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия), реальная поддержка русских диаспор в Прибалтике, Украине, Казахстане, Средней Азии, регулирование миграции из Ближнего и Дальнего Зарубежья.

Во-вторых, укрепление геополитического влияния России во всех цивилизационных ареалах Восточного и Западного полушарий (Латинская Америка, Ближний и Средний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион, Африка, Европа).

В-третьих, объединение усилий российской, китайской, индийской, исламской, латиноамериканской, африканской в единый блок для противодействия гегемонии западной цивилизации, восстановления межцивилизационного баланса, развития диалога цивилизаций в интересах формирования полицентрического миропорядка, обеспечения международной безопасности, стабильности, уверенного права и устойчивого развития всех государств.

Для решения этих задач есть все предпосылки. По сравнению с западной цивилизацией, которая находится в прямой конфронтации с другими цивилизациями, российская цивилизация находится в более выгодном положении.

Используя богатый опыт многовековых цивилизационных и духовных связей народа с народами других государств, России удалось заключить целый ряд взаимовыгодных договоров и соглашений со многими государствами других цивилизаций (Китай, Индия, Иран, Вьетнам, КНДР) о стратегическом партнерстве, которые играют ключевую роль обеспечении международной и национальной безопасности, формировании внешней и военной политики и защите национальных интересов.

1.2. Эволюция Российской цивилизации в условиях глобальных трансформаций

С самого раннего периода оформления «Русской Цивилизации» она была в контексте различных форм геополитического противостояния. Это справедливо от эпохи древнерусского государства и в геополитических и социально-политических условиях XXI в. Изменялись конфигурации и государственные формы конкретных противников, но константой являлись сами направления геополитического противоборства, с другой стороны направления территориального, культурного и социально-политического оформления и дальнейшего развития «Русской Цивилизации».

Необходимо определиться с самим рабочим пониманием термина цивилизация. Мировая научная и общественно-политическая мысль создала огромное количество определений, но в контексте поставленных исследовательских задач наиболее продуктивно представляется воспользоваться комбинацией двух взаимосвязанных смыслов. В историко-философском смысле это безусловно четко фиксируемое единство исторического процесса и достигнутых на конкретной, чётко идентифицируемой территории материально-технических и духовных достижений. Связанное с этим смысловое значение – это локализованное во временном и пространственном отношении рассматриваемое в его исторической динамике общество, которое по сопоставимым характеристикам можно сравнить с другими обществами.

Основанные на национально-историческом процессе цивилизации должны рассматриваться как сложные, многослойные, но целостные системы. Говоря о таком подходе, нужно иметь ввиду наличие цивилизационного ядра и дополнительных элементов, которые присоединялись к существовавшей политико-культурной основе в разное время и при самых различных исторических обстоятельствах, но в итоге также стали неотъемлемой частью русского цивилизационного кода.

«Русская Цивилизация» основана на фундаменте непрерывности истории. Данный принцип был четко сформулирован В.В. Путиным в выступлении посвящённого 1160-летию зарождения российской государственности «Мы помним и чтим этих поистине выдающихся людей: Рюрик и Вещий Олег, княгиня Ольга и Святослав Игоревич, князь Владимир и Ярослав Мудрый, Владимир Мономах и Александр Невский, Дмитрий Донской и Сергий Радонежский, Иван III и Иван Грозный. Ермак, Минин и Пожарский, Дежнёв и Беринг, Пётр I и Екатерина II, Ломоносов и Пушкин, Суворов и Ушаков, Александр II Освободитель и Александр III Миротворец. Брусилов и Деникин, Жуков и Рокоссовский, Курчатов, Королёв, Гагарин. Эти и многие другие наши соотечественники были масштабными, сложными, порой противоречивыми историческими личностями.

Некоторые из них по-своему видели будущее России и даже находились по разные стороны баррикад. Знаете, я то вписывал в этот текст, то зачёркивал такие имена, как Николай II, Ленин, Сталин. Судя по всему, не так уж много с исторической точки зрения прошло времени, для того чтобы давать полноценные объективные оценки, лишённые текущей политической конъюнктуры. Но все они государственные деятели, труженики, воины, первопроходцы, учёные, подвижники и святые, а самое главное, весь наш народ сделали Россию великой мировой державой, определили её судьбу. Современная Россия – наследница Древней Святой Руси так же, как и Московского царства, Российской империи и Советского Союза. Это величайшие эпохи нашей непрерывной тысячелетней истории, которыми мы гордимся»[51]. Историческая память и сформированный ещё в начале российской государственности паттерны будут оставаться актуальными весь период, пока цивилизация будет существовать, воспроизводясь в новых контекстах, но сохраняя свою устойчивость.

В этой связи можно сказать, что принцип цивилизационного развития –это способность конкретной цивилизации находить эффективные ответы на возникающие в отношении неё вызовы в постоянно меняющихся внешних и внутренних условиях сохраняя при этом в целостности свои основополагающие ценностные принципы. Это должно реализовываться в процветании народа, защите и обустройстве территории и развитии культуры России[52].

Такие масштабные и долгосрочные политические, военные, экономические, социокультурные процессы как формирование и развитие цивилизации, имеют своей первоосновой глубинные причины, которые сохраняют свою устойчивость и основную динамику всё рассматриваемое нами историческое время, воспроизводясь в своих первоосновах несмотря на трансформацию российского государственного устройства, территориального расширения либо сжатия. Противодействие идёт именно развитию «Русской Цивилизации», а не какой-то форме, существовавшей исторически на территории России государственности. Геополитические противники России воспринимают нашу страну и культуру как своего противника исторически. При этом, не исключалось сотрудничество с Россией в различные исторические периоды против конкретных ситуационных противников конкретных исторических стран при сохранении общего негативного отношения к российской государственности в целом.

---

[51] Выступление В.В. Путина на Торжественном концерте, посвящённого 1160-летию зарождения российской государственности/ Официальный сайт Президента Российской Федерации – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69397 (дата обращения: 04.08.2025). - Текст : электронный.

[52] Коваленко В.И. Политология: к осмыслению национальных интересов России. – М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 539.

В различные исторические периоды сотрудничество со странами Запада так и Востока определялось несовпадением их интересов в сфере внешней политике, экономики, религии. Буквально накануне гибели Российской Империи в наставлении своему наследнику, будущему императору Николаю II, умирающий Александр III произнёс ставшую известной фразу «В политике внешней держись независимой позиции. Помни, у России нет друзей. Нашей огромности боятся…»[53]. Это итог размышлений, но рассмотрим исторические предпосылки этого вывода.

Основы цивилизационного раскола России и Запада достаточно быстро образовались с 1054 года, когда произошел разрыв между католической и православной церковью и древнерусское государство осталось в лоне Православия. Данная эпоха по большому счету была «детством» для европейских народов. Аналогии условны, но в данном случае, будет уместно напомнить, что именно в детском возрасте формируются как основы характера, так и самые устойчивые стереотипы, и архетипы сознания, которые в дальнейшем будут определять мировосприятие уже взрослого человека. Конкретный контекст эпохи ушел из актуальной политики, но осталось самое главное, закреплённое восприятие России и русского народа как еретиков, иных, неполноценных с точки зрения европейских государств, католических либо протестантских в долгое время в основополагающем вопросе, который касался веры.

Неприятие основ «Русской Цивилизации», объявленной изначально враждебной, неправильной и еретической сформировало основу восприятия, которая существует в наше время в другом контексте. Резюмируя отношение Запада к России, можно привести следующую цитату «Россия всегда была жертвой стереотипов. От маркиза де Кюстина до Карла Маркса, от Гегеля до Энгельса, антирусский расизм которого заслуживает отдельного упоминания, вплоть до Адольфа Гитлера, европейские критики России называли её не иначе как «варварской страной» и «тюрьмой народов». В тоже время они призывали ограничить российскую мощь»[54].

Второй важнейшей точкой разрыва стало безусловно монгольское нашествие и нанесенный ими тотальный разгром российской государственности. Наложившись на процесс феодальной раздробленности, который без этого внешнего фактора вполне мог быть преодолён с быстрым и в более благоприятных внешнеполитических условиях воссозданием единого государства, нашествие фактически уничтожив что оставалось от Древней Руси создало новый контекст выживания и воссоздания государства.

---

[53] Белая Россия - Наставление Александра III к Николаю II. – URL: https://www.belrussia.ru/page-id-4309.html (дата обращения: 04.08.2025). – Текст : электронный.

[54] Бенуа А. де Против либерализма: (к четвертой политической теории). [пер. с фр.; предисл. А.Г. Дугина] СПб.: ТИД Амфора, 2009. С. 463.

К этому историческому времени относится и появления нового фактора в лице Великого Княжества Литовского и Польского Королевства, которые воспользовались ослаблением русских княжеств для начала своих завоеваний. Прежде всего Великое Княжество Литовское –это другой народ, другая правящая династия, которая не имела отношения к формировавшейся русской государственной традиции.

Монгольское нашествие стало важнейшим цивилизационным разломом, оставившим до сих пор значимый аффективный след в русской истории и текущей повседневности. С точки зрения цивилизационного развития это был ценный, но травмирующий опыт. Княжества Московской и Владимиро-Суздальской Руси, сохранив историческую преемственность и обусловленные ею исторические, династические и политические права, оформлялись в государство в рамках континентальной монгольской империи и во многом воспринимая её социально-политический и военный опыт.

В плане политическом появился опыт жизни в рамках огромной по масштабам многонациональной империи, которая принадлежала к иной чем было известно до этого в русских землях государственной и управленческой традиции. Русские княжества оказались в контексте тотальной, абсолютной государственной системы, требовавшей растворения личности подданных и жесткого централизованного управления, подчинённого одной воле правителя. Данные исторические обстоятельства не ведут к прекращению процессов развития, но они его неизбежно деформируют. Приоритет получают те аспекты, которые непосредственно касаются решению задач выживания и обороны.

Именно в этом контексте происходит переформатирование государственных механизмов, социальных отношений и экономики. Вопросы культуры и образования, а, следовательно, технологического развития становятся второстепенными за исключением того, что касается военных технологий, которые позволяют наиболее эффективно решать текущие задачи. Здесь закладывается природа системных технологических заимствований. Военные задачи, особенно если речь идёт именно о выживании государства в целом, а не о частичных и периферийных столкновениях требуют скорейших технологических решений и гораздо проще и рациональней воспользоваться уже появившимися технологиями и образцами, чем идти по пути самостоятельного научно-технологического творчества. Здесь вопрос не в отсутствии способностей и творческого потенциала, а вопрос скорости и эффективности решения задач в экстремальных условиях.

В царствование Ивана III Великого, когда произошел процесс качественного перерождение русских земель и, по сути, оформилось уже полноценное возрождённое государство как суверенный участник политических процессов главной угрозой оставалось южное направление.

Для победы в противостоянии с Ордой был выбран путь создания тотальной армии и в сложившихся обстоятельствах соответственно самый рациональный путь был «ориентализации» всех аспектов военного дела, от вооружения, до форм организации, тактики, оперативного искусства, стратегии, форм социально-экономических отношений в обществе. При этом смирились с неизбежной в этих условиях потерей качества индивидуальной подготовки и уровня отдельного бойца, но появилась тотальная армия для решения масштабных государственных задач.

Задачи собирания цивилизационного ядра исконных русских земель за исключением Севера, Юга и Юго-Запада была в принципе решена, также было нанесено поражение главной на тот момент силе, которая делала невозможным цивилизационное развитие России лишая её государственного суверенитета – Золотой Орде.

На повестке дня появлялись задачи восстановлении целостности цивилизационного пространства в северном, Западном и Южном направлениях. Завершение оформление России в качестве многонациональной империи, а «Русской Цивилизации» в качестве уже сложившейся основы для существования государства, переросшего из масштаба удельного княжества в огромное и стабильное территориально-политическое образование, произошло уже в царствование Ивана Васильевича IV Грозного. Это безусловно болезненный период российской истории, в котором страна трансформировалась от пусть и разросшегося удельного княжества в государство, которое становится полноценным участником геополитических процессов на стыке католического, протестантского и исламского мира в качестве существенного геополитического фактора.

Также в этот период происходит огромное по своим масштабам и историческим последствиям территориальное расширения России и включение в её состав большого количества различных народов, а также поглощение государств, ранее составлявших основу Золотой Орды и в конечном итоге присоединения Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. Для равновесного развития государства было необходимо расширение и в сторону Балтики, но это привело к столкновению со укрепившими свои региональные позиции государствами этого региона.

В этот исторический период произошли существенные исторические трансформации в западном и северном геополитическом секторах. Великое Княжество Литовское которое выступало в течении большого временного периода в виде альтернативного центра собирания русских земель, несмотря на то, что правящей была другая династия Гедиминовичей после брака Великого Князя Ягелло с польской королевой Ядвигой постепенно отказалось от существовавшей политики уважения русской (православной) веры и перешло на позиции ультракатолического террора.

На севере значительно укрепило свои позиции королевство Швеция. Геополитическое соперничество за земли ослабших прибалтийских германских, католических рыцарских орденов стало неизбежным и российского государство, учитывая его новый статус, попыталось бороться за эти территории.

Эта попытка оказалась неудачной, и Россия несмотря на свои усилившиеся военные возможности не смогла эффективно противостоять коалиции государств включавшей себя помимо разбитые на начальном этапе Ливонской войны 1558–1584 гг. прибалтийские рыцарские ордена объединившимся в новое государство Речь Посполитую королевства Польского и Великого княжества Литовского, королевства Шведского, Датско-Норвежской унии.

При том, что в период активных боевых действий в Ливонской войне удар, которые фактически поставил под угрозу само сохранение государства был нанесён снова с южного стратегического направления. Это события, связанные с разорением Москвы войсками крымского хана Девлет I Гирея в 1571 г. и события с последовавшим через год уже не набеговым рейдом, а полноценным завоевательным походом крымского хана с вспомогательными восками султана Османской Империи Селима II и ногайскими войсками с целью уничтожения русского государства и его полного порабощения. Возникший кризис был разрешен в полу русского государства в результате решительного разгрома крымско-османской армии в битве при Молодях с 29 июля по 2 августа 1572 г.

Смутное время 1598 года по 1613 гг. стало проверкой на прочность сложившейся системы государственности, причём в абсолютно экстремальных условиях. Фактические накануне начала этого кризиса в своих основных формах завершилось территориальное и институциональное оформление нового типа русского государства. Специфика исторического периода заключалась в том, что значительные территории, абсолютно отличавшиеся от русского национального ядра по религиозной, этнической принадлежности и государственному опыту были совсем недавно завоеваны и присоединены к русскому государству.

Еще не могла быть утрачена историческая память даже не просто о предшествовавшей государственной независимости, а о том, что завоеватели ещё два-три поколения назад были в состоянии подчинённых данников.

На пике кризиса, после фактического иностранного завоевания столицы, с пресекшейся национальной, и с торической династией, чьи права на престол и власть были неоспоримы не было фактически никаких сдерживающих факторов для отделения от государства и восстановление утраченного суверенитета, но этого не произошло. Представители элиты присоединённых государств сражались за воссоздание русского государства. Это наглядное свидетельство зрелости государства и его жизнеспособности.

Следующим ключевым этапом в развитии «Русской Цивилизации» стала вестернизация второй половины XVII и начала XVIII вв. Её пиком стала деятельность Петра I Великого, но безусловно, процессы такого уровня не могут осуществляться без подготовительного этапа. В предыдущие царствования его деда, отца и брата, Русское Царство оказывалось всё больше вовлеченным в общеевропейские политические процессы. Тем более, что в этот исторический период оставалась актуальной для той же Священной Римской Империи германской нации и Речи Посполитой угроза со стороны Османской Империи.

Россия, окрепнув после завершения смутного времени и стабилизации ситуации в стране смогла попытаться вернуть потерянные земли и открыть тем самым для себя новые возможности для развития. Смоленская война, начатая по своим политическим причинам, но и в логике Тридцатилетней войны, в которой Россия выступала на стороне Франции, Швеции и протестантских государств Германии, в 1632–1634 гг, окончилась неудачей, но она показала дальнейшую направленность военно-политических усилий по восстановлению территориальной целостности русских земель и перенесению основного акцента усилий на западное направление.

В следующее царствование Алексея Михайловича Романова был использован исторический шанс, связанный с восстанием гетмана Войска Запорожского Богдана Зиновия Хмельницкого вернуть по крайней мере часть утраченных в предыдущие эпохи русских земель. В отличие от Ливонской войны, эта война окончилась для России благоприятно со значительными территориальными приращениями, хотя безусловно не в абсолютном объёме от изначально желаемого.

В основе этой победы были заимствования передовых технологических, тактических, оперативных и организационных принципов военного дела из передовых в этом отношении в XVII в. Западной Европы. Ключевую роль сыграли так называемые полки «нового строя», но окончательно принципы регулярной армии в допетровский период еще не были реализованы.

Произошедший упадок после смерти царя Федора Алексеевича Романова лишил российское государство тех наработках, которые зарекомендовали себя в войнах против Речи Посполитой, Швеции и Османской Империи поставив Петра I перед необходимостью создавать заново, но уже опираясь на накопленный ранее опыт.

Радикальные петровские преобразования трансформировали Россию по западноевропейскому образцу. Но они создали новый формат реализации цивилизационного кода России как великой державы, играющей одну из ключевых ролей в мировой политике. Последствия петровских реформ для русской культуры, менталитета и мировоззрения до сих пор являются предметом достаточно острых дискуссий.

В официальной риторике практически всех основных геополитических противников «Русской Цивилизации» сохраняется понимание её исторической преемственности и непрерывности, несмотря, например, на политические процессы XX в. при которых на смену династической монархии и Российской империи пришел сначала построенный на партийно-республиканских принципах в основе которых была марксистско-ленинская идеология и власть ВКП(б) – КПСС Советский Союз, а после 1991 года современная Российская Федерация.

Специалисты в сфере социально-гуманитарных дисциплин, в России и зарубежом, много столетий пытаются осмыслить это явление и здесь существует большое количество различных, иногда диаметрально противоположных точек зрения, но что необходимо отметить, суммируя определённый итог этих дискуссий. Нужно отметить, что к моменту начала петровских реформ, несмотря на определённые достижения в военно-технологической модернизации у его предшественников, глобально вопрос отставания России от передовых стран Запада решен не был.

Более того, отставание начало подходить к линии невосполнимого цивилизационного разлома, когда оно станет непреодолимым. XVII и XVIII вв. были эпохой колониального расширения наиболее развитых европейских стран и в этих условиях без экстренной модернизации Россия неизбежно стала бы жертвой колониальной экспансии, потеряв свой суверенитет, а затем и культурную и национальную идентичность. Оформления достаточно технологичной по меркам времени и мощной в военном отношении Российской Империи сохранило «Русскую Цивилизацию» от фактически неизбежного уничтожения.

Следующей точкой в развитии «Русской Цивилизации» стал советский период. При всём стремлении уничтожить прежний и построить полностью новый мир и воспитать человека нового типа это сделать не удалось, несмотря на действительно огромную глубину произошедших социальных, ментальных, культурных трансформаций и радикальное изменение казавшегося традиционным и незыблемым жизненного уклада.

Октябрьская революция и последующие годы поставили в качестве ключевого вопрос о социальной справедливости и возможности получить развитие для тех глубинных слоев общества, для которых в имперский период такие возможности если и не были полностью закрыты, то по крайней мере очень сильно осложнены и доступны лишь единицам.

Современные геополитические проблемы и конфликты были запущены революцией 1917 года вызвавшей первую дефрагментацию «Русской Цивилизации», но современная конфигурация конфликтов и их идейно-политическое содержание безусловно является следствием советского периода, как и конфигурация границ на момент начала глобальных геополитических трансформаций в 2014 году.

В советский период сформировались факторы, которые определили трансформацию «Русской Цивилизации» как идейно-геополитического конструкта, будут оказывать свое как позитивное, так и негативное влияние и в дальнейшем.

Позитивный фактор – это безусловно историческая память о победе в Великой Отечественной Войне, политические, ментальные и геополитические последствия и наследия этих событий. Предмет национальной патриотической гордости и цивилизационно объединяющий фактор как внутри страны, так и затрагивающий в той или иной степени всё российское геополитическое окружение;

Негативный фактор – формировавшаяся на государственном уровне и закрепленное в массовом сознании представление о Российской Империи как о «тюрьме народов» и русском имперском колониализме. Это не соответствовало исторической действительности, но было нужно пришедшим к власти большевикам с политической точки зрения как фундамент для строительства нового государства согласно их политической доктрине и марксистско-ленинской идеологии.

Но именно этот тезис стал одним из ключевых в обосновании русофобской идеологии и переформатирования сознания в антироссийском контексте на постсоветском пространстве и в мире в целом.

Другим негативным фактором является создание националистической основы в бывших советских республиках, причем это происходило в отрицательной синергии с распространявшимся советской пропагандой тезисом о России как «тюрьме народов». Политика коренизации, и формирование национальной идентичности в итоге своей эволюции стала одним из основных факторов в распаде СССР.

Современный этап развития «Русской Цивилизации» начался в 1991 году с распадом Советского Союза и появлением Российской Федерации. Это обновлённый формат государственности, который продолжает исторические традиции всех предшествовавших периодов, с их триумфами и трагедиями как явление целостной российской истории и в рамках понимания общей судьбы тех, кто является гражданином России. У современной российской государственности формируется своя иерархия ценностей на основе всего цивилизационного фундамента, но в контексте приоритетных задач и угроз XXI в. События новейшей истории также показали, что считавшаяся практически незыблемой либеральная идеология, в той трактовке, которую в настоящее время страны коллективного Запада пытаются распространять вредна для русского человека[55].

[55] Цивилизационная политология в современной России: проблемы методологии и аналитической практики. Монография. / Под науч. ред. В.И. Коваленко, А.В. Понеделкова, А.М. Старостина. -Ростов-на-Дону.: Изд-во «Мини-Тайп», 2025. С. 189.

Безусловно очень значимое место в российском цивилизационном коде будет занимать специальная военная операция в контексте её социальных последствий для российского общества и того факта, что впервые с момента начала Великой Отечественной Войны российская государственность столкнулась с угрозой такого масштаба и военно-политические события коснулись всего российского общества. Несомненно, история СВО будет в числе самых значимых тем трансформации российской гражданской идентичности, дополнения пантеона героев, и жесткого информационного противостояния с Западом. Изначально экстремальные геополитические условия и необходимость при полной открытости русских земель для ударов с запада, Востока, Юга и Севера сформировали ряд базовых характеристик «Русской Цивилизации», которые из условия ее выживания стали источником для дальнейшего развития.

1. Мобилизационный и оборонный характер сознания и социальной организации. Российская государственность не избежала в своё время не феодальной войны 1425–1453 гг., ни мятежей и восстаний, ни смутного времени 1598–1613 гг., ни более поздних революций.

Однако определяющей была именно указанная направленность сознания и основанных на ней политических практик, которая позволила защитить государство и вернуть его суверенитет, затем перейти к территориальному, политическому, социокультурному и экономическому развитию. Специфика условий, в которых формировалась и развивалась «Русская Цивилизация» была детерминирован регулярно возникающей потребностью к сверхмобилизации, состояние которой сохранялась всегда достаточно долгое время[56].

2. В России складывались самые разнообразные формы социальных отношений и форм самоуправления, на реализацию которых опять-таки определяющее влияние оказывала экзистенциональная военная угроза[57]. Характер войн, которые вела России на начальных этапах своей государственности в большей части случаев требовали максимального напряжения и мобилизации всех ресурсов и жесткой централизации власти, поскольку речь шла не о политических войнах с ограниченными целями, а ставился вопрос о дальнейшем существовании России как страны и физическом выживании её народа.

3. Понятие «Русской Цивилизации» является производным от имперской государственной традиции в формате многонациональной империи, рассчитанной на инкорпорацию различных национальных элит в рамках общегосударственного проекта.

---

[56] Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Издательство «РИМИС», 2005. С. 74.

[57] Пушкарев С.Г. Самоуправление и свобода в России. Франкфурт-на-Майне: ФРГ, Посев, 1985. — 176 с.

С точки зрения разнообразия народов, живущих в России и конфессионального состава, Россия представляет собой целую вселенную. Но уже в самый начальный период российской государственности были заложены принцип подданства и принцип продвижения по заслугам и без национальной дискриминации. Представить что-либо подобное по отношению к неевропейским народам в странах Западной Европы было просто немыслимо, причём не только в XV–XVI вв., но практически вплоть до второй половины XX в.

В системе российского государства был заложен принцип цивилизационного развития, при котором представители правящей элиты различных народов инкорпорировались в процессы государственного строительства, военной и административной службы. Этот процесс получил ещё больший импульс с периода реформ и войн Петра I Великого, когда были сняты существовавшие ранее барьеры в контактах с Западной Европой и процесс взаимодействия только усиливался в течении XVIII и XIX вв.

Необходимо отметить, что за века истории были и проблемные моменты реализации такой политики и различного рода эксцессы, но руководящий стратегический принцип оставался неизменным. Русский давно перестало быть этническим понятием, а утвердилось в качестве понятия наднационального и государственно-цивилизационного. Русский тот, кто сражается за Россию, отдаёт ей свои таланты, связывает будущее своих детей с судьбой России, остальное неважно. Как вполне справедливо отмечал русский эмигрантский историк Н.И. Ульянов – «русская государственность никогда не связывала себя с национальными интересами какой-нибудь подвластной народности. Конечно, все три ветви русского народа, вместе взятые, составлявшие больше 80 % населения, не могли не производить впечатления национальной опоры трона и предмета наибольших забот со стороны власти. Но такое впечатление ошибочно. Власть усматривала свой долг не в удовлетворении национальных претензий, а в попечении о «благоденствии»»[58].

Совокупность современных условий показывает, что при всём многообразии современной России ряд принципов может стать точкой кристаллизации современного понимания государственного мировоззрения.

Принцип исторической правоты. Он предполагает то, что в вопросах геополитики и в вооруженных конфликтах историческая правота, правда и справедливость всегда были на стороне российской государственности, и это относится ко всем без исключения историческим периодам. Нас не должно беспокоить то, что нравится это кому-либо или нет. Покаяния и извинения здесь абсолютно недопустимы. России как государству и гражданам России не перед кем, и не за что каяться и извиняться.

[58] Ульянов Н.И. Исторический опыт России. Нью-Йорк, США, 1962, С. 20.

Принцип нерушимости границ России. Возможны территориальные уточнения и демаркации, но в рамках мирного дипломатического процесса они за эти годы были проведены. В частности, урегулированы многовековые территориальные вопросы с Китаем и окончательно определена граница. Но совершенно другой вопрос о сохранении нашей территории, её республик, краёв и областей в контексте современных угроз нашей безопасности и территориальной целостности, которые формируются коллективным Западом, включая сюда и Украину, угрозы со стороны туранского мира.

Вопрос о принадлежности территорий России не обсуждается, это Россия и здесь нет места каким-либо обсуждениям. Если какая-либо политическая партия, общественная организация, отдельные лица выступают за отторжение российской территории, должны сразу предприниматься меры, исключающие их дальнейшее участие в политике в принципе. Если когда-нибудь политик, занимающий государственную должность любого уровня, выступит с такими предложениями, должен быть предусмотрен законодательный механизм немедленного отстранения его от власти.

Принцип абсолютного суверенитета. Воспитание неприятия любых форм иностранного вмешательства в российские политические процессы. Не должны повториться позорные страницы истории 1990-х гг. Нужно даже более глубоко посмотреть на этот вопрос. Суверенность начинается с чувства собственного достоинства и понимание стыда. Стыда в том смысле, что должно быть неприемлемо с моральной точки зрения ругать свою страну на потеху иностранцам, неважно из какой они страны, дружественной нам или нет. Всё, что касается нашей Родины и нашей государственной жизни, должно обсуждаться, между нами. С иностранцами приемлем экспертный диалог, обмен мнениями, но здесь должны быть чётко понимаемые моральные границы, до какой степени возможна откровенность. Те, кто перед иностранцами выступают против своей страны, не понимают, насколько их собеседник их же презирает, какие бы слова он не говорил в ответ. Предателями, конечно, пользуются, но их презирают.

Ценности семьи, отцовства, материнства и детства. Эти ценности должны быть в основе государственной идеологии, поскольку именно они являются первоосновой стабильности и воспроизводства нашего общества, а, следовательно, тем, без чего у России не будет исторических перспектив. Здесь стоит обратить внимание на то, сколько было попыток и какие средства вкладывали, и можно не сомневаться, что попытаются вкладывать дальше наши враги, чтобы подорвать демографический потенциал нашей страны и разрушить ту мировоззренческую и ценностную основу, которая является стержнем нашей государственности. Мы прекрасно видели, что кажущиеся незыблемыми и естественными ценности и жизненный уклад могут разрушаться, и при том достаточно быстро, если это всё не защищать солидарными усилиями общества и государства.

Соблюдение этой системы цивилизационных принципов обеспечит возможности для развития и станет основой для устойчивости России в условиях геополитической турбулентности. Исходной точкой современного отношения Запада к России является то обстоятельство, что с их точки зрения страна, потерпевшая поражение в Холодной войне, не имеет право на свои национальные интересы и сферы влияния.

Современное геостратегическое противостояние полностью изменило все казавшиеся незыблемыми с начала 1990-х гг. и до 2007–2008 г. векторы геостратегического позиционирования Если ещё в начале 2008 г., т.е. до операции по принуждению Грузии к миру в августе 2008 г. часть российских экспертов отмечала, что «Наиболее отвечает национальным интересам России интеграция в экономические и военно-политические структуры Запада, для того чтобы совместно бороться с международным исламским терроризмом и сдерживать растущие амбиции Китая. В будущем глобальное противостояние будет проходить по линии Север-Юг. Объединившись, США, Европа и Россия образовали бы северное кольцо. Эта геополитическая модель позволила бы наиболее эффективно противостоять угрозам с Юга»[59].

Дальнейшее развитие геостратегической общемировой ситуации данные прогнозы изменило. Хотя нараставшее по мере восстановления Россией своего государственного суверенитета, после преодоления непосредственной угрозы организованного международного терроризма в начале 2000-х. гг. напряжение в отношениях с ЕС и США привело к первому явному кризису до событий в Южной Осетии.

10 февраля 2007 г. в ходе работы 43-й Мюнхенской конференции по безопасности Президент России В.В. Путин поставил перед представителями НАТО глобальные вопросы существования миропорядка в целом и вопросы обеспечения безопасности России. Если обобщить суть того, что было сказано, то это выступление можно считать важнейшим этапом кристаллизации проблемных геополитических вопросов и окончательное формулирование линий и направления развития конфликта Россия – коллективный Запад. В Речи Президента В.В. Путина были подняты вопросы с продвижением военной инфраструктуры НАТО к границам России в нарушении достигнутых ранее договоренностей, тенденции к политики изоляции России и отказа Запада принять концепцию многополярного мира исключающую политику диктата и монополизма[60].

---

[59] Мясоедов, Д.И. Прогноз развития конфликта цивилизаций и стратегия геополитики России / Д.И. Мясоедов; Елецкий государственный университет // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. - 2008. - №2(42), вып.6.-С. 130-134.

[60] Выступление В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности / Официальный сайт Президента Российской Федерации – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 20.07.2025). – Текст : электронный.

Предпосылки формирования современного, и в своей основе инструментального, т.е. ориентированного на решение конкретных геополитических задач понимания того, что такое русская цивилизация началось с 1990-х гг. XX века. В этот исторический период, после распада Советского Союза и связанного с этим процесса системной сверхтурбулентности, потребовавшей обретения нового геополитического мировоззрения и смысловых ориентиров.

Однако окончательно «Русская Цивилизация» в современном геополитическом контексте сформировалась в результате событий «русской весны» и в условиях определенного формата как внутрироссийских идейно-политических процессов, так и реакции на события конца 2013 и 2014 г. со стороны ведущих игроков всего мирового геополитического пространства.

Необходимо внести терминологическую ясность что именно понимается в контексте данной работы под «Русской Цивилизацией». Существует огромное количество научных и политических определений этого понятия. Интеллектуальная традиция была заложена ещё с определения «Москва – Третий Рим» как понимание особого рода историософской и геополитической традиции и основы целенаправленных геополитических действий.

Здесь же упомянем и о более ранней концепции самопонимания, позволившей в своё время найти силы для восстановления русского государства после катастрофы монгольского нашествия. Это безусловно понимание Отчины и историческая память о великом Древнерусском Государстве как династическом наследии московских Рюриковичей, основанным на религиозном сознании на основе собирания русских земель и восстановления исторической справедливости.

«Русская Цивилизация» опирается на базовое понятие русские в его современном контексте. Здесь представляется уместным привести определение, которое было дано Архиепископом Зеленоградским Саввой (Тутуновым) «Русские – это этнос тех, кто, кто сами считают себя русскими, став таковыми по рождению или по искреннему присоединению, и которых таковыми считают сами русские. Этнос тех, кто любят русскую культуру и историю, чтят русские обычаи (уклад жизни), знают и уважают русский язык, разделяют русские духовные идеалы (т.н. духовно-нравственные ценности), являются православными или, не будучи таковыми, относятся с почтением к Православию как к нашей народообразующей вере. Русский человек (в отличие от человека Русского мира) стремится жить в России, желает её державности (суверенитета) и процветания, самостояния народа Российской Федерации»[61].

[61] Архиепископ Зеленоградский Савва (Тутунов) – URL: https://t.me/kartezianec (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.

В связи с этим Русский мир мы можем представить, как геополитическую производную реализации политического, экономического, культурного, военного потенциала, созданного русским человеком государства.

Но «Русская Цивилизация» находится над всеми этими понятиями. Она создавалась русским человеком, нашла своё воплощение в государстве с его задачами, системой управления и глобальной стратегией, но она шире, чем всё это. Геополитическое, культурное развитие «Русской Цивилизации» – это наш вклад в историческую судьбу всего человечества, наряду с другими подобными цивилизациями.

В этом же ключе следует рассматривать ряд рубежных этапов, когда основанная на уже сформировавшаяся на общецивилизационном фундаменте российская государственность смогла воссоздать себя в периоды распада 1598–1613 гг. Смута, затем 1917–1922 гг. революция и гражданская война, 1991 г. распад Советского Союза и успех предотвращения распада непосредственно России с её последующим возрождением в системе ведущих мировых держав и восстановлением государственного суверенитета.

Н.Я. Данилевский[62] поставил в геополитическом контексте вопрос о цивилизационно детерминированных взаимоотношениях Россия – Запад, причем в контексте определения причин глобальной враждебности западных стран и их воспроизводящихся попыток уничтожить российскую государственность. Причем, глобальную, цивилизационно обусловленную, системную враждебность в её стратегической основе не изменяли не появившееся во второй половине XVIII в. прямое кровное родство русской правящей династии с династиями европейскими, не отдельные периоды сотрудничества Российской Империи и ряда европейских монархий.

Н.Я. Данилевский считал, что славянской (русской) цивилизации принадлежит будущее. Именно славянская цивилизация должна прийти на смену угасающей западной. Славянская цивилизация в отличие от западной не агрессивна. В ней общественный элемент преобладает над личным, индивидуальным, ибо психология славян сложилась преимущественно под влиянием православия.

Впоследствии появилось огромное число работ отражающие различные, а иногда и диаметрально противоположные точки зрения на специфику как различных аспектов «Русской Цивилизации», так и попытки осмыслить её в целостности и формат данного исследование не позволяет дать их детальный анализ.

[62] Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. / составление, вступительная статья и комментарии А.А. Галактионова. – СПБ.: Изд-во «Глаголъ», 1995. – 552 с.

Но что необходимо определить? «Русская цивилизация» сейчас как определенный концепт осмысления геополитики опирается на следующие стратегические аспекты:

– мы говорим о территории, на которую распространяется суверенная государственная власть и которую российская политическая элита и основная часть населения России считают своей и неотъемлемой. Здесь имеется в виду территория России, закреплённая в Конституции страны, разумеется, с воссоединенными историческими территориями – Республикой Крымом и городом федерального значения Севастополем, Донецкой и Луганской Народными Республиками, Херсонской и Запорожской областями, и с теми их частями, которые пока ещё остаются под украинской оккупацией и за которые идут сражения;

– гражданско-правовое пространство России как основа формирования и реализации всей совокупности политико-правовых, экономических, социально-культурных отношений. То, что можно связать с понятием гражданская политическая идентичность и государственно-правового самосознания;

– имперский и многонациональных характер «Русской Цивилизации». Восстановление государственного суверенитета России произошло при Великом Князе Московском и Владимирском Иване III. Можно назватьдве даты, первая 1462 г., начало самостоятельного правления нового Великого Князя по династическому праву наследования, не запрашивая при вступлении на престол согласия (ярлыка) от хана Золотой Орды.

Другая, более распространённая дата обретения независимости, это завершение длительных боёв с целью не допустить прорыва татарской конницы в глубь русской территории, так называемое стояние на реке Угре в 1480 г. С этого времени государственный суверенитет России не прерывался несмотря на смену династии, затем советский период и его завершение в 1991 г. Но именно с момента начала перехода России на уровень первоначально крупнейшей региональной державы, затем на уровень уже державы имеющей мировое значение, были заложены основополагающие принципы многонациональной империи, которые в своей основе трансформировались спустя целые исторические эпохи в современные понятия единого многонационального народа России и политической гражданской идентичности.

– глобальное пространство русского языка и культуры, как формирующее образ России в мировой системе. Язык и культура – это безусловно основа цивилизационного кода и развитие «Русской Цивилизации» основана на продвижении своего культурного кода и культурных достижений для других стран. Большинство людей воспринимает образы и представления, они создаются культурой и искусством.

В этом смысле развитие «Русской Цивилизации» это представление достижений русской культуры, которые были накоплены в течении всего исторического периода развития. Это внешний аспект вопроса, но есть и внутригосударственный. Он связан с необходимостью защиты национальной культуры от размывания её основы, но при этом с сохранением возможности для взаимодействия с другими вариантами культуры и обогащения. Угроза в этом отношении в замещении ценностностной основы и прежде всего со стороны современной американской и европейской массовой культуры. Русская культура в своей основе культура европейская, но те изменения, которые происходят в современной Европе и США несут угрозу для основы культурного кода традиционного для Европы. В этой связи есть проблема и сохранения государственного языка как цивилизационной основы[63].

Угроза развитию русской цивилизации в том, что Запад стремиться нанести удар именно по этим системообразующим принципам.

Угроза территориальной целостности России является крайне актуальной. Здесь можно выделить два аспекта. Во-первых – непризнание территориальной целостности и суверенитета России в тех границах, которые закреплены в Конституции Российской Федерации.

Коллективный Запад настаивает на поражении России в ходе специальной военной операции и её последующей капитуляции с отказом от как минимум воссоединённых исторических территорий вместе с Крымом и Севастополем и возврат к границам 1991 г. Для решения этой задачи Украине увеличивается военная помощь от ряда стран, к которым относятся Германия, Дания, Канада, Норвегия, Нидерланды, Великобритания с ожидаемым со стороны руководства НАТО присоединением и последующим выполнением своих обязательств и другими странами[64].

«Русская цивилизация» представляется в данном контексте целью для уничтожения поскольку Россия является препятствием к возврату к однополярному миру США, бенефициарами которого на втором месте после непосредственно американцев были страны ЕС. Именно у них была историческая возможность использовать для строительства собственного благополучия ресурсов остального мира оставляя его без права на получение законных выгод.

---

[63] Челышев Е.П., Орешкина М.В. Языковая политика и национальная безопасность России // Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России / Под ред. акад. Е.П. Челышева; Научный совет РАН по изучению и охране культурного и природного наследия; Институт языкознания РАН. М.: ИЦ Азбуковник, 2017. С. 6.

[64] NATO - News: Генеральный секретарь НАТО встречается с президентом Трампом для усиления поддержки Украины, 14-Jul.-2025 – URL https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_237031.htm? selectedL (дата обращения: 20.07.2025). – Текст : электронный.

Геополитическая концепция «Русской Цивилизации», наиболее полно представленная в её современном понимании в понятии «Русского Мира», если мы посмотрим на это него с точки зрения геополитики. Оно может восприниматься как концепт как политики России по отношению к государствам ближнего зарубежья, которые ранее были в составе российской государственности и это является важнейшим фактором в межгосударственном взаимодействии как в направлениях сотрудничества, так и по конфронтационным и угрожающим безопасности Российской Федерации аспектам. С этим понятием связаны и вопросы глобальной идеологии, под которыми необходимо понимать как в целом голос России в глобальном мире, отношение нашей страны к определяющим смысловым линиям, связанным с исторической памятью, современной информационной повесткой и формированием отношения к России зарубежом и с внешнеполитическими ориентациями России[65].

Необходимо помнить, что развитие современной «Русской Цивилизации» происходит в широком геополитическом пространстве, состоящим из различных контуров сотрудничества и конфронтаций. На современном этапе само понятие процесса развития «Русской Цивилизации» связано с экзистенциональной необходимостью победного завершения специальной военной операции и заключение полноценного мирного договора. Однако, это именно тот результат, который коллективный Запад как главный источник современного военного противостояния и Украина как инструментарий противодействия интересам России постараются не допустить всеми имеющимися в их распоряжении военными, политическими и экономическими ресурсами.

Стратегическая цель коллективного Запада добиться полного военного поражения России и как следствие их программа минимум отторжение всех воссоединенных территорий, «покаяние» России и её официальное признание виновной страной агрессором, на основании чего будет взыматься репарации и контрибуции, которые сделают невозможным никакое экономическое и социальной развитие России как минимум на ближайшие несколько десятилетий. Безусловно коллективным Западом будет реализовываться проект по системному переформатированию всего исторического сознания народа России, при котором у русских будет воспитываться чувство вины за своё происхождение, историю, за своих предков, а в отношении коренных народов России в разные эпохи вошедшие в состав государства будет формироваться ненависть к российской государственности как к «тюрьме народов», будет создан новый пантеон «героев», которые в разные эпохи были врагами России.

[65] Laruelle M. The «Russian World»: Russia’s Soft Power and Geopolitical Imagination. – Washington: Center on Global Interests, 2015. – 29 p.

Эта схема в принципе уже многократно отрабатывалась и технологически понятно, как они планируют это сделать. Победа в специальной военной операции, а при необходимости, если конфликт разрастётся, то и в военном противостоянии более высокого уровня является абсолютно необходимым условием выживания, а впоследствии и залогом уже для развития «Русской Цивилизации».

Вектор цивилизационного развития с точки зрения российских государственных интересов сместился от запада к Востоку и Глобальному Югу. Технологической монополии Запада больше нет, вопрос о ценностной катастрофе западной цивилизации и её замене уже другой неприемлемой с точки зрения российских стратегических интересов цивилизационно-духовной, политико-идеологической и мировоззренческой матрицей. Разрушение традиционных ценностей, которые делали Запад в предыдущие исторические периоды авангардом технологического прогресса. Разрушение традиционных форм реализации геополитических интересов, существовавших по меньшей мере с середины XVII в. в виде верховенство норм права и замена их основанным на двойных стандартах, сокрытии реальных политических целей и фактически неизвестный в своей политической полноте «порядке, основанном на правилах».

Возрождение в Европейских странах по отношении к России нацистских принципов и инструментария ведения политики, в частности принципов «коллективной ответственности всех граждан России», «коллективного наказания всех граждан России», преследования за наличие российского гражданства, отмена российской культуры и целенаправленное уничтожение русского и советского культурного наследия;

Политика отмены русской культуры также является стратегической угрозой интересам российской государственности, тем более она направлена на достижение долгосрочного эффекта формирования неприязни и враждебности по отношению к нашей стране на длительную историческую перспективу. По сути, против России реализуется программа национального антибрендинга, суть которой состоит в следующем. «Продуманная кампания, намеренно проводимая государственной организацией с целью дискредитации международного имиджа соперника и приводящая к сокращению возможностей соответствующей страны проецировать «мягкую силу»»»[66]. «Российская Цивилизация» смогла сформировать уникальные и вызывающие интерес в мире достижения как высокой, так и массовой культуры. Здесь присутствуют писатели, поэты, драматурги, кинематографисты, скульпторы, художники мирового уровня.

[66] Браун Дж. Антибрендинг России в американских медиа: освещение сочинской Олимпиады // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 2. С. 91–121. – URL: http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/2017/aYoNUh9Qmj.pdf. (дата обращения: 05.08.2025). – Текст : электронный.

В мире также заметен интерес и к русской национальной кухне и традициям, причем есть чёткая ассоциация с российской государственностью, и по большому счёту русская культуры с этническими вариантами культур живущих в России различных коренных народов воспринимается как целостное явление.

Роль культуры в системе международных отношений нельзя недооценивать, поскольку именно она, проецируемая посредством «мягкой силы» формирует общественное мнение относительно страны и способствует, либо препятствует принятию определённых политических решений. Также этот вопрос принципиально важен для экономического сотрудничества и формированию в этой сфере новых возможностей. Безусловно популярность и покупательная способность товаров и брендов из страны, с которой связываются основанные на восприятии её культуры приятные ассоциации будет значительно выше.

Система угроз развитию «Русской Цивилизации» предопределили основные векторы дальнейшего ее развития.

1. Развитие «Русской Цивилизации» как стержневой основы современного государства её олицетворяющую – Российской Федерации. Здесь речь идёт об усилении работы связанной с воспитанием гражданской политической идентичности в формате «мы объединены, общей страной и общей судьбой». Это понятие должно быть не общим, а инструментальным, связанным пониманием того, что успех и стабильность России, является основой успеха и стабильной жизни каждого её гражданина в отдельности, вне зависимости от его национальной или конфессиональной принадлежности, по факту того, что он гражданин России и пользуется всеми положенными ему правами. Другой стороной здесь должно быть распространение понимания того, что будет в случае поражения, и такая информация должна доводится на конкретных исторических примерах. В итоге должно быть сформировано и стать руководящим понимание того, что победа будет основой всего будущего, без неё будущего не будет не только у страны, но и у каждой семьи и отдельного человека.

2. Вектор развития в формате взаимодействия с глобальным Югом. Это разные страны с достаточно сильно отличающимся потенциалом, силами и интересами. Ключевым партнером является Китай, но при достаточно устойчивом геополитическом партнерстве и общем понимании того, что целью коллективного Запада является разрушение не только России, но и Китая, существует вовлеченность Китая в многоплановое сотрудничество с Западом и он способен создать для Китая крайне сложную экономическую ситуацию. Это нужно учитывать, но у России и Китая есть общее понимание значения для стабильности именно многополярного мира и необходимости защиты базовых и традиционных для каждой цивилизации духовно-нравственных и социально-политических ценностей;

3. Россия и коллективный Запада во главе с США. Мы должны исходить из того, что это будет экзистенциальной угрозой самому существованию «Русской Цивилизации» причем в стратегической как минимум много десятилетней перспективе. В этом контексте Украина как часть «Русской Цивилизации», средствами пропаганды превращённая в анти-Россию, является несамостоятельной силой, а лишь наконечником копья коллективного Запада и США, которое направлено против России. Для нашего главного противника современный кризис и вооруженное противостояние, является очередным историческим шансом уничтожить нашу страну и народ, устранив тем самым сильнейшего геополитического конкурента и получив доступ к тому объёму стратегических ресурсов, контроль над которыми обеспечит стратегическое доминирование, подчинение Китая и глобальный контроль над миром в целом.

В этих условиях возможны какие-то эпизодические контакты и взаимодействие в определенных экономических областях, но не восстановление доверие и стратегическое партнёрство. Это та угроза для «Русской Цивилизации», которая будет сохранятся, но одновременно, это и фактор, который позволит не ослаблять усилий по укреплению российской государственности во всех его аспектах. Другие направления политики важны, но это вопросы будут именно в центре внимания.

Развитие «Русской Цивилизации» в контексте политико-экономических, военных, социокультурных процессов современного мира сталкивается с целой системой различной интенсивности глобальных вызовов и угроз. Важным вопросом здесь является то, что может быть критерием успешного цивилизационного развития и безусловно это не будет сводиться к какому-либо одному основанию. В этом контексте успешное цивилизационное развитие будет у тех цивилизаций, которые окажутся способны эффективно совмещать свои традиционные, составляющие именно генетический код данной цивилизации и ее специфику, и модернизм, препятствующий её стагнации и архаизации.

Для защиты цивилизационных основ и обеспечения условий развития «Русской Цивилизации» в условиях сверх турбулентности и системных долгосрочных угроз нужно понимать, что речь может идти только о системности условий развития, где по большому счёту не представляется возможность выстроить определённую иерархию, поскольку они все одинаково важны. Защита традиционных ценностей невозможна без эффективной государственной власти, сохраняющей полный социальный контроль и экономики, которая в своих критических отраслях, связанных с продовольственной безопасностью, военно-промышленным комплексом, энергетикой и инфраструктурой не будет зависеть от внешних факторов. При этом «Русская Цивилизация» сможет в полном объёме показать свою уникальность и эффективность.

Необходимо подчеркнуть, что при всей доказанной на практике необходимости суверенизации критически важных отраслей экономики и защиты на государственном и общественном уровнях ценностной основы «Русской Цивилизации» она не должна быть в изоляции от мировых процессов и тенденций.

Но нужно учесть опыт 1990-х гг. когда распад государства, основанного на достаточно жестокой идеологической системе и чрезмерное стремление нового общества к открытости, нанесло существенный ущерб именно цивилизационным основам российской государственности, что неизбежно привело к стремлению ряда западных стран ограничить российский суверенитет и получить контроль над российскими энергоносителями.

Итогом стала современная ситуация острого и долгосрочного военно-политического и экономического противостояния России и Запада, которое стало существенным вызовом для обеих сторон. Цивилизационное развитие – это непрерывный процесс, который будет реализовываться до тех пор, пока существует сама цивилизация, но ключевым вопросом здесь будет сохранение и воспроизводство тех ценностей и государственного ядра, которые и образуют цивилизационную основу в их целостном виде.

Развитие «Русской Цивилизации», учитывая многоплановость и системность рисков и то, что речь будет идти о стремлении коллективного Запада рано или поздно вернуться к решению «русского вопроса» путём уничтожения государства как такового должно идти в направлении усиления её адаптивности в агрессивной внешнеполитической среде, повышения уровня консолидированности общества, воспитание у граждан полного принятия базовых принципов для всей их жизненной активности.

1.3. Идеология справедливого развития как доктрина современной Российской цивилизации

Мир изменяющихся параметров и нестабильных подходов к удержанию своего места в истории человечества в условиях возросшей геополитической волатильности после победы Дональда Трампа на выборах США в январе 2025 года старается из последних сил сохранить баланс интересов различных международных акторов в недопущении катастрофы глобальной войны и пытается удержать баланс существующих региональных конфликтов на управляемом уровне.

При этом существует осознание, что именно такие противоречия всё активнее нарастают в противостоянии подходов дальнейшего цивилизационного развития: от неоколониальной парадигмы англо-саксов, ожидающей своей новой гегемонии, до формирования интеграционных площадок «глобального Юга», которые ищут компромисс в своей конвергенции и пытаются поделить мир на валютные, военные, технологические и интеграционные блоки и союзы равных или взаимоувязываемых сообществ единого планетарного пространства по интересами продвигаемым компетенциям. Современная политика стала уделом разнонаправленных, н четко проводящих свое влияние, сил, ставящих три главных вопроса для каждого её актора с позиций эффективности, повторяемости (возобновляемости) и оригинальности («хорошо забытого старого» под видом новых сентенций и максимов «более сладкой жизни») и комплексного решения задач: от восстанавливаемого постковидного суверенитета государств до человеческого церебрального сортинга, описанного профессором С.В. Савельевым[67].

Идея такого поведения гаминидов, нынешних людей, неизживших своих базовых предпочтений своего обезьяннего прошлого, становится ареной борьбы двух из трех главных систем человеческого мозга: лимбической системы и кортикальной, отвечающей за наш прогресс, как существ разумных, а не только справляющих вечные вопросы «животного мира» по размножению, сытому существованию и социальному доминированию над себе подобными.

Всё это сочетается с поиском гармонии и с ленью головного мозга на дополнительные энергозатраты, которые, последний, готов тратить, согласно трем системам нашего организма на стадии ещё эмбриогенеза: лимбической (миндалевидное тело, гиппокамп и др.), кортикальной (неокортекс – кора головного мозга, отвечающая за мышление и память, планирование и принятие решений) и рептильной (ствол мозга, решающий базовые вопросы через основные инстинкты выживания).

[67] Савельев С.В. Церебральный сортинг. Москва: Веди. 2025. С. 64–67.

Как показали многочисленные и долголетние исследования: человечество плохо размножается гениями (особенно техническими, половина из которых чаще всего не женятся или не оставляют потомков, а другая половина, учитывает закономерности воспроизводства потомства на основе «закона возврата» Ф. Гальтона начала 20-ого века, известного в его родной Англии, как «закон возвращения к расе» или как «закон регрессии», который напрямую гарантирует, что «среднее значение (в данном случае гениальности) какого-либо количественного признака для потомков определнной группы родителей находится между средними значениями этого признака для данной группы родителей и для популяции». А это означает, что любое сверхталантливое существо практически никогда не может ни в детях, а уж тем более во внуках удержать наработанные трудом и генетикой состояние гениальности, сделать его копию осознанно развитой единицей большего прогресса в ожидаемом продолжении исследований, начатых гениальными родителями.

Именно поэтому судьба таких потомков приводит их к более жесткому и к эволюционно точечному социальному вытеснению на обочину прогресса в своих бесталанных попытках продолжить «дело старших», и теряющих саму идею наследования гениальных признаков. Тем самым получаемая печальная статистика таких очевидных неудач развенчивает окончательно саму идею о научном образовании человечества, как ожидаемом и запрашиваемом династическом стимуле прогресса и богом отмеченного создания (евгенически, через манипуляции с геномом, играми с ДНК или со стволовыми клетками)[68]. Не получается у нас никак извлекать из рук природы всё более умных и развитых индивидов на фоне открытия новых, необходимых для человечества знаний, и удерживать уже ранее заявленные творческих абберации, авторитетных фамилий в лице остающихся репродуктивно бессильных в этом вопросе, предков.

То есть сама эволюция, без учета привычно применяемых для такой коррекции общества социальных инструментов быстрого оздоровления в виде тюрем и гильотин, как безупречного способа по гармонизации социумов времен переходов очередного ожидания большей справедливой, качественной и безопасной жизни для всех, для более гуманистически настроенной прослойки (обычно берущей на себя формулирование философии «среднего класса» или институтов глобального управления наднациональными системами развития, шлифующих и урезающих своими возможностями национальный суверенитет). И именно такое течение дел до сих определяет «счастливчиков» во власти: когда-то это были лучшие умы и мужи эпох античности и средневековых изысканий Возрождения, дающих поводы следовать их примеру.

[68] Савельев С.В. Нищета мозга. Москва: Веди, 2025. 46-48 с.

Параллельно формируемая героизация и мифологизация общества на базе религиозных, культурно-этических, но обязательно биологически направленных изменений, показывает тщетность появления из ниоткуда таких «героев» (как это празднично и красочно представляет «Марвел» в своих нарисованных ИИ вселенных), как класса «вечных борцов с тьмой и с невежеством», поскольку тогда и власть, должна со временем сакрализироваться и передаваться по понятным для социума законам, а не в рамках действующих конститутций и «набора правил», позвоялющих джентльменам либо и дальше выигрывать, либо менять и создавать новые правила «под себя»[69]... Правила особенно хороши когда они для всех, но когда они скатываются на уровень понятий, то идущая криминализация мировой политики только фиксирует статистику 20-ого века: от 3-ех % серых и теневых схем 1970-ых годов планета живет в 2020-ых годах мировой экономикой 58 % не отслеживаемых государством схем и это разрушает через коррупцию и криминал последние надежды на светлое будущее человечества, пропагандируя триумвират неоконов в их корпоратократическом, нетократичеком и банкстерском воплощении[70].

Ушли в прошлое классические фантазии и асбстракции вечно филантропически настроенных классиков, ждущих от человечества перемен к лучшему, договоров о желаемом совершенстве с никак не взрослеющими гоминидами, с позиций реализации общественно-социальных конструкций проведения воли большинства над неразумностью и несостоятельностью личностных притязаний, которые от замятинских «Мы», ефремовских «часов быка» или оруэлловских «1984» годов уводит нас вглубь веков через уэллсовские договоренности с инопланетянами и с «утопическим островом» Томаса Мора, жаждущего обрести оригинальную свободу, совместив её, с рабским классом обслуги… Или пытаемся обогреться душой, полной стремдения к совершенству, в другой утопии Томмазо Кампанеллы, в его прокоммунистическом «городе Солнца» и высветить «истинный путь» в желаемой независимости от человеческих предрассудков в просвещенном и поляризованном воспитании детей вне классических традиций существующего общества, которые, другой фантазер и масон своих экономических концепций для избранных, Фрэнсис Бэкон, рисует нам в «Новой Атлантиде». Именно это «место силы» давно использует науку с достигнутым прогрессом общества: от телефона до «вечного двигателя», которые неуместны и смешны на фоне диковинных существ Сирано де Бержерака в его «государствах и империях Луны», ведущих поиск своих особенностей, и знающих истинно существующие законы мироздания.

---

[69] Гривен М., Йип Д., Вэй В. Новаторы Поднебесной или китайский бизнес покоряет мир. М. 2022. Ланит. – 114 -116 с.

[70] RAND Corp. report “Dispersed, Disguised, and Degradable”, www.randcorporation.com., June 2025.

Все эти изыскания носили характер бегства от общества и стимулировались фантазией, замешанной на любви к абстактному человеку, который, чтобы выжить и остаться в истории, должен бороться и доказывать другим своё право на свою богоподобность и продолжать отстаивать право на центральное, как ему кажется, место в иерархии ценностей всего сущего во Вселенной, а уж тем более на такой исследованной, и всё ещё ищущей компромисс между общим и частным, местом, как наша планета.

Поэтому эра капитализма, в её высшей стадии империализма, замешенной на роботах и на цифровых трюках с нашей реальной свободой становится некой абстракцией, если есть желание поменять истинные смыслы на дефиниции чуждых нам культур и религий, совершить грех царя Соломона, утратившего благосклонность Всевышнего, вступив в альянс с богами своих жен и наложниц, имевших целью отвернуть его от истинной миссии и забыть про настоящего и единого Бога.

Поэтому так важен заявленный лозунг Президента Российской Федерации В.В. Путина о том, «что если драка неизбежна, то надо бить первым», имеет то преимущество, что мы проявляем инициативу (правильную и главное своевременную), чтобы защитить свои же витальные (понятые нами, за все годы мытарств, с 1991 года) интересы, ибо если посмотреть логику текущей СВО и то, что «мы ещё и не начинали», по-настоящему, оправдывается наш посыл на выстраданное миропонимание и на легитимное формирование собственного места на Земле, которое лично нам точно не нужно «без России» или при неправильном местоположении нас, с позиции рецессивных сил, утративших свою природную доминантность и ставших шлаком генных реакций…

И безвозвратно рухнувшая система международных договоров, о системной и о глобальной безопасности, сопровождается идущим хаосом политических концепций по «праву сильного», ставшего мэйнстримом Судного дня приближающегося ядерного Аппокалипсиса, который, может говорить только об одном: какими силами и как мы играем в новый миропорядок и какие нужны признанные всеми основания, чтобы окружающие нас враги и партнеры приняли нашу серьезность и осознали успешность формируемых национальных механизмов дальнейшего существования и развития права на жизнь «равного среди равных».

И здесь, опять можно говорить о поправках к тексту Конституции России, опработанной во времена руководства Россией Б.Н. Ельциным, который предполагал сделать из тогдашней Российской Федерации, полностью утратившей атрибуты Сверхдержавы, уездную территорию захудалого княжества и создать полуколониальную версию кастрированного и расчлененного мекркантильными уловками бывшего советского этноса, безропотно и последовательно ведущего самого себя на самоуничтожение и заклание западным ценностям.

При этом, эти чуждые нам по духу «скрижали трех Толстяков», работают только в случае их соответствия интересам «джентльменов» и помогают им «милостиво» осуществлять протекторат над всеми туземцами формируемого в XXI веке неоколониального мира, – благостное и заявленное безапеляционно англо-саксами классическоое клише Редъярад Киплинга, о вечном «бремени белого человека», как «проклятии цивилизованных народов в их взаимодействии с дикарями»[71].

И это видение должно быть осознано любыми формами власти и народовластия в России современной, ожидающей победы не только в СВО, но и в концептуально-философском итоге. А он проявляется в патриотическом дискурсе, при скачкообразном изменении в стратах российского общества, перепрыгивающего с местнических олиграхическо-клановых задач так называемой «элитки» криминально-чиновничьего безвременья 1990-х годов на путь имперского возрождения Российской Федерации за счет консолидации здоровых сил общества, готовых помогать Президенту России. Далее, надо уметь и знать как правильно наводить порядок и формировать из «датского королевства» путем волшебных «капель датского короля», ранее заявленных классиком советской поэзии Булатом Окуджавой, в области реанимирования всего искреннего и настоящего для сохранения своего места в истории и в цивилизационном доминировании на евразийском пространстве, с позиций идей полицентризма и мультивекторного развития, одной из базовых его держав.

И это стремление «объять необятное» у наших врагов, давно уже было прокомментировано другим русским литературным персонажем, Козьмой Прутковым, который также предлагал «заткнуть фонтан в себе», если он не уместен и вредит окружающим. Аппетиты же их всегда базировались на нашей слабости и на неумении вовремя дать отпор на всех фронтах, которые теперь уже стали не только земными, воздушыми, морскими и космическими, но и перешли в геофизические среды виртуального противостояния. Более того, те дроновые войска и рои их БПЛА исполнения, основанные на разработках нейроалгоритмов ИИ и Биг Дата заставляют нас полностью осмыслить глубину враждебного воздействия чуждых нам сил, методично, целенаправленно и доктринально ведущих борьбу со всем россйским и православным, поджигая наши мусульманские отношения с такими же гражданами России на Кавказе и в мигрантской среде. России требуется перейти из сырьевой модели рентного существования на инновационные рельсы для развитии цифровой инфраструктуры Индустрии 4.0.[72], становящейся главной средой мультиплицирования любого рода инвестиций.

[71] Редъярд Киплинг. Баллады. Москва: Знание, 1976. 142-146 с.

[72] Клаус Шваб. Четвертая промышленная революция. Москва: Изд-во «Э», 2016. С. 34.

Битва за кадры и за уникальные отраслевые и креативные компетенции технократической направленности – это начало пути возрождения нашей страны для осознания процесса по формированию новой российской идеологии, которая должна учесть горький опыт постсоветской миграции ученых и профессионально обученных лиц из всех сфер в мировое пространство, которое сегодня не должно быть более всемирным пылесосом «золотого миллиарда», его животворящей средой, подпитываемой более 30 лет, мозгами и идеями наших соотечественников.

Наоборот, действительно работающие на Родину структуры, должны взять идеи «Россотрудничества» о возвращении граждан бывшего СССР в Россию. Таким образом, мы сможем привлечь обратно, домой, не только потенциальный генофонд, но и использовать возможность профильно использовать уникальный профессиональный опыт людей, проживших вне границ отечественной индустриальной базы, и способных через институты наставничества и реформы средней и высшей школы применить те навыки и полученные знания, что станут основой принятия и потенциальной имплементации лучших примеров бизнеса и производства в идущей альтерглобализационной повестке.

Её национальное и региональное влияние усиливается и выходит на позиции географической и технологической фрагментации за счет глокализации (глобальной локализации) цепочек производства и поставок, позволяющих выстроить альтернативную санкциям логистику через «теневой флот» или другие средства доставки, которые умело можно вплетать и в англо-саксонские интересы борьбы за сырье и за металлы того же «глобального Юга».

Этот неразработанный до конца пласт наших сторонников оказывает нам уже сейчас неоценимую помощь и несет бремя санкционного давления через сетевые или оффшорные контакты, участвуея в формировании новых бирж, логистических хабов и систем межстрановых расчетов[73].

Целенаправленная и ответственная политика по сведению задач единого реестра уязвимостей в совместную базу решений интеграционных площадок таких как БРИКС и ШОС, развитие самого наднационального интерфейса проекта евразийства и интеграционной площадки ЕАЭС, так или иначе заставляют перепрошивать пространства государств-партнеров и использовать существующие ИКТ-решения в едином ключе кооперацинных возможностей. Это возможно реализовать через унификацию стандартов и через диспергирование цепочек компетенций и сетевой дистрибьюции товаров и услуг в реальном мире и иммерсивных инноваций маркетинга будущего в сфере виртуальной и дополненной реальностей.

[73] Кай-Фу Ли. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. Бостон. Нью-Йорк. 2018. Хаутон Миффлин Харкаурт. – 288 с.

Здесь же и Интернет вещей, и энергетически распределенные структуры-решетки традиционной и «зеленой энергетики», и ВИЭ, и конгломерат всего того, что может быть использовано для перетока технологий и знаний, каскадов избыточных мощностей и дешевых киловатт между государствами-созидателями единой зоны успеха, стремящихся к эффективности и к суверенной самодостаточности в области энергетики, питьевой воды и биологического белка[74].

И эта устремленность, обеспечивающая переход к зрелости общества в эпикурейском бдении вызревает к более созерцательному гедонизму, а далее, развиваясь, натыкается на желание действенной практики проснувшихся гоминидов не только вкусно поесть, поспать и игриво размножиться, упиваясь туземными бусами различного градуса соблазнения, растления и оболванивания, но охватить смысл второго постулата по выработке идеологического консенсуса постперестроичной вахты сбора различных фокус-групп в монолитную структуру государства.

Задача же этого спасительного действа будет весьма очевидна: разбудить достойных и необезумевших от сновидений экзистенциальной дремоты нашего сознания через активизацию кортикальной системы головного мозга, позволяющей отрешиться от лимбидного атавистического желания нести только саму жизнь без смыслов и без оглядки на последствия своих всё ещё обезьяньих действий.

Это самоочищение должно придать импульс к поиску нестандартных шагов по удержанию здоровья и искомого благополучия в рамках ареала выживания племени (совокупности народов некогда единой и успешной для большинства общности, являвшейся суверенным государством) за счет морально-этических норм силы и справедливости, поддерживаемых нашими, дозревшими до этого союзниками, и геополитическими сторонниками.

Исторический расклад самого решения по спасению Отечества был всегда очень конкретным и опирался на умение преодолеть личное во благо коллективного, перевести угрозы из экзистенциальной плоскости в русло управляемых алгоритмов решений, накопившихся диспропорций и вызовов темпорального затихания путем необходимой коррекции социума через постановку сверхзадач и вовлечения требуемых для этого ресурсов в прорыв или в борьбу с врагом.

Это и ГОЭЛРО, и Днепрогэс, и первые атомные станции, и сталинские 10 ударов, способные единым кулаком, в порыве воодушевленных идеологией, личностей (задавивших в себе шкурничество гоминид) пройти за 10 лет индустриализации путь, длиною в целое столетие, дабы не быть сломленными и победить в самой кровопролитной войне человечества.

[74] Котлер Ф. Маркетинг 5.0. Технологии следующего поколения/ Филип Котлер, Сетиаван Айвен, Картаджайа Хермаван; - Москва: Эксмо, 2023. – 241 с.

Сегодня же очередной виток перескакивания, а это излюбленная праткика НТР, в Индустрию 4.0., на совместные робото-гуманоидные возможности ставит для нас задачу адекватной адаптации цифровой инфраструктуры, готовой и безопасной к предъявляемым ей требованиям урбанистического будущего, изобилующего футурологией эгоизма и насилием институтов глобального управления над остатками суверенитета стран в их низвержении до единой управляемой биомассы, лишенной желания точечного и интеллектуального развития.

Именно ИИ и Биг Дата (красивая сказка о копировании мозговой деятельности машинами), позволяющих использовать себя, как обслугу, дают ложное представление о вседозволенности, уставшего от роста нагрузок и от скорости преобразований НТР, разума[75].

Сам же тернистый путь знаний и приносимые ими в обществе изменения, ещё с XVIII века, через теорию инноваций Йозефа Шумпетера, показал тщетность любых скачков, завязанных на человеческую природу, ждущих чудес и сказок, комиксов и лубочных картинок вместо роста производительности труда и совершенствования мотивации каждого на его рабочем месте. А посему выбор для увеличения дальнейшей эффективности национальных экономик через усиление конкуренции и персонификацию имеющихся преимуществ не сможет через какие-либо «цифровые скачки» вывести нас на тропу изобилия и самодостаточности.

Виной тому становится ужесточающийся кризис дефицита ресурсов и нежелание различных цивилизационных, религиозных, расовых и этнических проектов уступать «место под Солнцем» «себе равным» и делиться с ними поровну, тем самым, опракидывая мир в пучину новых конфликтов и битв, за истинные знания человечества, и поддерживающих его в этом нейроалгоритмов на базе все более совершенных, быстродействующих (включая и квантовые) компьютеров, гаджетов и машин. Модель такого дальнейшего развития человечества давно стала непродуктивной и «конец истории», это не измышления Фрэнсиса Фукуямы о капиталистической победе свободных людей, сделавших идолом деньги и служение их накоплению и последующего правильного их размещения, а стала мостиком над бездной, которая может поглотить всех либо в ядерном пепле борьбы различных групп за власть, либо обратить в дикость и довести до банкротства, из-за краха энергетических мощностей в продвижении производственных сил, гнетущихся столь нелепой эксплуатацией ухудшающихся производственных отношений: от рубильника компьютера до замерзания/охлаждения цифровых ресурсов сетевых преобразований во славу эффективности и et все более мифической капитализации.

[75] Котлер Ф. Маркетинг 6.0. (Атланты маркетинга). Филип Котлер, Айвен Сетиаван, Картаджайа Хермаван; Москва: Эксмо, 2024. – 116 -118 с.

Национальная же идеология России, как страны сакральных знаний и православных традиций, требует от руководства страны постоянного прописывания шагов по её стратегическому развитию, и может иметь задачу комфортного выживания в рамках долгосрочного планирования в привязке к землям, культуре и религиям, народов её населяющих. Причем именно единство и взаимодополняемость этого понимания для общего спасения и была заявлена в СВО, когда Россия, по-горчаковски, «начала сосредотачиваться» и лучшие сыны и дочери, оставив отчий дом, приняли вражеский вызов.

При этом, само многовековое противостояние славянофилов и западников в литературе, и образовавшееся его отношение в нынешних реалиях к западному фашизму в форме его русофобской традиции требуют от нас решения идеологической дилеммы в вопросе состоятельности наших государственных институтов и структур эволюционного целеполагания для достижения финального победного результата: до какого уровня Зло должно быть побеждено Добром, которое хоть и осознается большинством населения Земли за русскими, но искажается усиленной пропагандой наших врагов о нашем милитаризме и о растущей всепланетной агрессии.

Эта чушь стратегов «коллективного Запада», и далее, будет основой для согнания народов в очередной «крестовый поход» против славян и «глобального Юга», не прогибающегося под стандарты создаваемого неоколониализма XXI века. А значит, первейшей задачей руководства нашей Родины и её идеологов в этой схватке будет детализация параметров Добра, которые должны быть унифицированы и применены для всех наших сторонников, союзников и помощников, готовых разделять наши принципы и становиться частью нарождающегося организма, как надстройки над фундаментом классических ценностей и семейного домостроя с тысячелетней традицией и опытом.

С нашими разрастающимися интеграционными блоками, которые всё более будут поляризоваться, превращаясь в технологические и в валютные союзы, придет и понимание о том, как нам надо учитывать вопросы и гендерных предпочтений, и оценивать власть традиций, и их влияние на современное общество в механизмах противостояния сатанизму, ЛГБТ[76] и чайлд-фри измышлениям. Каждый фактор нашего видения Добра должен быть гноссеологически одобрен не только властью, но и народом, через институты совместного выстраивания форм самоуправления, таких как Общественная палата или национальные проекты по восстановлению имперского духа на евразийском пространстве.

[76]30 ноября 2023 года Верховный суд Российской Федерации объявил международное общественное движение ЛГБТ и его структурные подразделения экстремистскими организациями и запретил их деятельность на территории Российской Федерации.

Он должен учитывать интересы и наших соседей, и разворачивающегося фронта усиливающегося противостояния с экстремистскими и с террористическими провокациями со стороны англо-саксов и франкофонских наемников и наймитов, НАТОвских пособников из числа ино-агентов, стремящихся через Среднюю Азию возродить различные проекты и Турана, и Персии, католических миссионерских притязаний, а также всех, де-юре, но не де-факто, исчезнувших метрополий, закопанных советскими войсками в пески истории на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии[77].

Само же понимание сущности, остающегося грозной силой, и по сей день, как вездесущего и никуда не исчезающего постсоветского олигархата, возникшего как образование криминала 1990-ых годов в смычке с интересами глобальных ТНК на костях российской оборонки и ТЭК, лесного и металлургического секторов требует государственного переосмысления и постепенного выведения за скобки дальнейшего развития страны постоянно демонстрируемых клановых интересов узкой кучки заточенных на собственное воспроизводство и обогащение семейств и групп, безраздельно владеющих российскими недрами, копями, месторождениями и землями, скрывающими в себе многие запасы полезных ископаемых и минералогического сырья, полиметаллических руд и просто драгоценных камней и благородных металлов[78].

Вопрос о национализации такого имущества пока не может быть поднят в полной мере (идущая СВО не может стать предтечей новой гражданской войны), но идущая коррекция национального законодательства с приданием Прокуратуры России полномочий по рассмотрению сроков давности приватизации, покупки, перепродажи офшорных активов из различных, особенно вражеских, на сегодняшний день, юрисдикций, может правомерно ставиться Президентом России В.В. Путиным.

Это будет способствовать процессу формирования патриотической элиты и станет служить клапаном для снижения накала криминально-уголовных методов перераспределния активов (банкротства наиболее перспективных и нужных для государства материально-имущественных ценностей) между недобросовестными собственниками или фиктивными владельцами, представляющих в виде номинальных управляющих интересы сбежавших за рубеж граждан, отрекшихся от российского гражданства и от граждан Родины, как общности и собственности всего проживающего этноса на исторической территории, за которую они готовы биться, не щадя собственной жизни, отстаивая своё право и её независимое развитие.

---

[77] Симон Г. «Скрытые чемпионы». Москва: Паблишер, 2009. – 308 – 310 с.

[78] Сикамова А. В России объявлена всеобщая роботизация. 07.04.2025. Монокль. № 15 (1383). – 48-54 с.

Постепенный анамнез проблемы о смене сырьевой парадигмы на инновационное развитие, также как и возможный переход собственников на средства производства и присутствующие в государстве ресурсы должны помочь бесконфликтно, выстроить легитимные цепочки совместного владения (ранее это были артели и коллективные/совместные хозяйства), которые вместе с частными собственниками смогут удержать ожидаемую норму прибыли и провести требуемую реиндустриализацию большинства отраслей народного хозяйства.

Сегодняшний износ эксплуатируемого оборудования и основных фондов доходит до 90 % и выше, что говорит о потребительском и о сиюминутном характере варварского использования активов олигархатом, о постоянной практике скрытых перепродаж, толлинговых схемах по занижению налогооблагаемой базы современного бизнеса, не готового делиться и быть социально направленным в тяжелые времена идущих военных испытаний. И проблема в данном вопросе заключается в психологии данного нового класса владельцев, ставших в силу различных причин собственниками различных видов богатств, которые в случае дальнейшего нерационального и однобокого использования могут привести к распаду такого государства из-за растущей диспропорции богатых и бедных, которая в зависимости от региона России, различается между собой в десятки раз[79].

Нет ни одного долгого исторического периода осознанного владения активами в современной истории, который бы не стал заложником духовныв прорывов и ментальных озарений властей на фоне честного и законного перераспределения прибылей, что всегда, в случае отсутствия практики, как таковой, ведет к деградации элит и к желанию насильственного удержания благ во имя своих родов и кланово-бюрократических интересов.

Поэтому любая попытка приморозить во времени объективные процессы владения имуществом или наблюдаемая неспособность к модернизации, вследствие высокой политической волатильности своих частных «свечных заводиков», приводит к краху неэффективиного государства, в целом, и к новым жестоким и кровавым переделам, которых нынешняя страна точно не достойна, и вряд ли, способна пережить.

Третьим этапом нашего ответа на западные обвинения в автократическом развитии можно считать адекватную оценку оставшихся в стране ресурсов/активов/производств, которые госудаpство может либо выкупить, либо изменить через формы владения и собственности под потенциальных инвесторов. Можно попробовать с «глобальным Югом», в рамках сетевых кооперацией и за счет фрагментации цепочек производств и поставок для кластеризуемых рынков различных регионов.

[79] ТехИнсайдер. Июль-август. 2025. (№16). Антон Монахов. Солнце в спирали. С. 42.

В частности, для евразийства, в рамках ЕАЭС или для БРИКС, через софинансирование проектов стратегической значимости заявленных интеграционных объединений. Это приведет и к формируемому тогда командному успеху в решении задач в рамках освоения Арктики (станет понятно кто и на что претендует) и какие дивиденды, кроме Китая, Россия может получить от глобальных проектов типа ОПОП («Один Пояс, Один Путь») и его водного аналога СМП («Северного морского пути»)[80].

Здесь же возникает и вопрос единого глоссария по расчетам между государствами, в виде бартера, криптовалют и трансфера технологий, позволяющего учитывать учесть переток трудовых ресурсов и унификацию систем образований для участия в различных компетентностных линейках наряду с роботами и с киборгами в создании конечного инновационного продукта. Это уже состоявшаяся часть неотвратимого следствия влияния ИИ, Биг Дата и квантовых вычислений на исследуемые возможности бизнес-процессов, учитывающих национальную специфику, уровень ИКТ и конечное потребление платежеспособным населением товаров и услуг, при этом активно вовлеченного в строительство прорывных креативных отраслей цифровой экономики «глобального Юга», и самой же Российской Федерации, в частности[81].

Источниками для четкого следования развития идеологически выверенного социального государства могут стать также ранее приняты на саммитах БРИКС Кейптаунская и Казанская декларации, которые четко обрисовывают какой мир и с кем мы строим, что для нас чуждо и неприемлемо, а что вынашивается в планах с позиций роста эффективности данного бизнес-клуба, всё более растягивающегося до роли альтернативного пространства ведения товаро-денежных и инновационно-технологических преобразований стран «глобального Юга» и нашего координирующего участия. Нужно оценивать и шаги по распределению растущих рисков наших коллег в условиях различного вида санкций, продолжающих покупать наши нефть и газ, поставляя нам широкий перечень НБИКС-технологий, а также и новейшие станки, и робото-технические комплексы (80 совместных инвест-проектов на 20 трлн рублей)[82], а, иногда, как это уже доказала и КНДР, свои войска для победы Добра над Злом в специальной военной операции на Украине.

---

[80] Sleepwalking Toward War. Will America and China Heed the Warnings of Twentieth - Century Catastrophe? Odd Arne Westad. Foreign Affairs. July/August 2024. Volume 103, Number 4. – P. 44-46.

[81] Харланов А.С. Азиатский синдром: битва сверхдержав за новое мировое господство. Межвузовский международный конгресс. Высшая школа: научные исследования. Москва. 24 ноября 2022. Издательство «Инфинити2. – 39 - 44 с.

[82] А. Степаненко, Ю. Живикина. Поднебесные технологии: какие проекты развивает Россия вместе с Китаем. Эксперт РБК, май 2023. - 118-122 с.

Стоит также подумать и о нашей репутации, и о подведении итогов разрушительной перестройки М.С. Горбачева в конце 80-х годов XX века, отправивших не только на свалку истории самую великую «красную Империю» до этого сущетвовавшую, а с ней и Варшавский договор, и страны СЭВ, но и многие здравые идеи социализма о развивающемся человеке нового типа, homo soveticus, который мог бы дать урок всем гоминидным комплексам обезьянней истерии и метаний между природной необходимостью и социально значимом поведении в обществе равных и взаимоуважительных высокоразвитых личностей.

Пора бы и принести извинения обеим сторонам «красного» и «белого» движения рухнувшей царской империи государства Российского, подвести итоги правления династии Романовых, извиниться за их ритуальное убийство, не вписывающееся ни в какие моральные устои ни одного нормального общества.

И может тогда, мы сможем четко высказать свою государственную, примиренную с обеих сторон этносов и противостоявших на тот момент классов, позицию, к 110-летию окончания Первой мировой войны на новой встерче в Кампьене, где через 3 года мы уже будем подводить итоги не только начала прошлого века, но и ставить на место заблудших стран Антанты, опять накинувшихся на нас под видом «коллективного Запада» на полях специальной военной операции?

И если нас на неё опять не позовут, то можно будет ввести и свою площадку альтернативной истории, где наше понимание Добра против Зла будет официально разделяться нашими партнерами и военными союзниками, которые уже сегодня составляют численно большинство жителей земного шара. И к этому времени мы, наконец-то, откроем Ставку Верховного Главнокомандующего, поскольку Америка уже заявила, что вступила в серию непрекращяющихся войн и конфликтов, а мы ответим им на это свершившейся национализацией своего Центрального банка и четкой регламентацией всех активов государства в рамках появившейся к тому времени национальной идеологией социального целеполагания на базе институтов справедливого развития. И именно они, как симбиоз военных и гражданских вузов доведут до сведения всех граждан страны все необходимые цели и задачи, найдут формулировку по единению и кооперационному взаимодействию с достойными, и соответствующими нам по духу и миропониманию, партнерами, ждущими от нас консолидирующего воздействия в строительстве мира полицентрических возможностей и заданной многополярности[83].

[83] Харланов А.С., Толмачев П.И., Эванс Ю.Н. Тенденции перераспределения активов на фоне дикаплинга экономик Китая и США //Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Том 13. – № 4. – С. 112.

Основой справедливой идеологии и доктрины Российской цивилизации должна стать совокупность национальных интересов и геополитических приоритетов России как государства-цивилизации, закрепленных в Конституции Российской Федерации, Федеральных законах и других нормативно-правовых актах, документах стратегического планирования.

Одним из таких документов является утвержденная Указом Президента Российской Федерации № 858 от 25 ноября 2025 г. «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» в которой в частности прописано, что:

– «государственная национальная политика основывается на историческом опыте становления и развития России как самобытного государства-цивилизации. На исторической территории Российского государства благодаря объединяющей роли государствообразующего русского народа, многовековому межкультурному и межнациональному (межэтническому) взаимодействию сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность народов (п. 6);

– современное российское общество объединено общим культурным (цивилизационным) кодом, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации, интегрировании их лучших достижений в единую российскую культуру (п.7);

– целью государственной национальной политики является укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) при сохранении этнокультурного и языкового многообразия для обеспечения развития страны, ее государственной и территориальной целостности, внутренней политической и социальной стабильности (п.35)»[84].

[84] О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года. Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 г. № 858. / Официальный сайт Президента Российской Федерации – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615 (дата обращения: 29.11.2025). – Текст : электронный.

1.4. Национальная идея как фактор сплочения общества и цивилизационного самоопределения

«Национальная идея – это не то, что народ думает
о себе во времени, а то, что Бог думает о нём в вечности»[85].
Соловьёв Владимир Сергеевич (1853 – 1900) –
русский религиозный мыслитель, поэт и публицист.

Поиск национальной идеи и ее роль как фактора общественных преобразований актуализируется особо в переломные моменты развития государства. Именно тогда национальная идея становится своего рода политической идеологией и стратегией государственной деятельности, направленной на трансформацию общества на новых принципах и устоях. Востребованность национальной идеи обусловлены необходимостью консолидации политической элиты и различных слоев российского общества, для роста доверия к власти.

Объективная потребность современной России в национальной идее обусловлена прежде всего складывающимися геополитическими реалиями, ведущейся против нас «прокси-войны» коллективного Запада во главе с США, непрекращающимися поставками вооружений киевскому режиму, который является инструментом достижения этой прокси-войны, принятием незаконных экономических санкций и продолжающейся оголтелой русофобией в информационной сфере.

Очень точно оценил текущую ситуацию в своем выступлении на пленарном заседании Государственной думы Российской Федерации народный артист РСФСР, Герой Труда России, режиссер Н.С. Михалков: «Мы сегодня единственные во всем мире, кто реально встал во весь рост против действительно мирового зла»[86].

Вызовы и угрозы национальной безопасности России настоятельно требуют уточнения ее территориально-пространственных, социально-экономических, военно-политических, духовно-идеологических, культурно-цивилизационных параметров. В связи с этим вспоминается следующее выражение В.В. Путина: «Россия может и должна достойно сыграть роль, продиктованную ее цивилизационной моделью, великой историей, географией и ее культурным геномом[87].

---

[85] Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения / пер. с фр. Г.А. Рачинского. – М.: Современник, 1991. – URL: http: // az.lib.ru/s/text_1888_lidee_russe.shtml (дата обращения: 18.08.2025). – Текст : электронный.

[86] Никита Михалков: у народа, который стесняется своей религии, истории, культуры, традиций, нет перспективы. – URL: http://duma.gov.ru/2025/06/17/news/61632/(дата обращения: 20.08.2025). – Текст : электронный.

[87] Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. – 2012. – 16 янв.

Актуализация проблематики национальной идеи связана с тем, что общественно-политическая мысль, постигая сегодня полный драматизма опыт российской политической истории, в поисках смысловых опор вновь обращается к концепту национальной идеи.

Парадигма национальной идеи, преодолевая свою временную ограниченность, обретает в наши дни новое измерение. Общественный запрос на продуктивную национальную идею требует усилий не только политиков, но и представителей научно-интеллектуального сообщества. Успешное достижение стратегических целей национального развития России, как нам представляется, возможно лишь при консолидации нашего социума на базе общепринятой национальной идеи.

Термин «русская идея» впервые ввел Ф.М. Достоевский, позднее доклад с тем же названием сделал В.С. Соловьев. «Русский человек без идеи, писал Ф.М. Достоевский, – это дрянной человечишка … Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация … Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев и свое Отечество»[88].

Поиском национальной идеи России в прошлом занимались И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, Г.П. Федотов и другие русские мыслители[89].

В постсоветский период отечественной истории, в тяжелейшие годы транзитивного периода, проблема национальной идеи России вышла нашла отражение в целом ряде научных работ. К ним следует отнести многочисленные монографии[90].

---

[88] Достоевский Ф.М. Дневник писателя (1876). https://azbyka.ru/fiction/dnevnik-pisatelya-1876/(дата обращения: 18.08.2025).

[89] Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность / сост. и комм. С. Лебедев / отв. ред. О. Платонов. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. – 640 с.; Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. – 1990. – № 1, 2; Ильин И.А. О русской идее // Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. – М., 1993. – С. 430 – 431; Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея – Петербург: «Academia», 1922. – 80 с.; Русская идея / сост. и авт. вступ. статьи М.А. Маслин. – М.: Республика, 1992. – 496 с.; Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. – М.: РОССПЭН, 1996. – 612 с.

[90] Осипов Г.В. Россия: национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. – М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. – 207 с.; Троицкий Е.С. Возрождение Русской идеи. Социально-философские очерки. – М.: Исида, 1991. – 224 с.; Киселев А.Ф. Национальная идея в историческом бытии России / А.Ф. Киселев, А.В. Лубков. – М.: Вече, 2025. – 640 с.; Лепехин В.А. Обретение идеологии. Методология поиска / В.А. Лепехин. - М.: Изд-во Канон+, 2020. – 204 с.; Криницкая Г.С. Национальная идея России: история и прогнозы: монография / Г.С. Криницкая. - Томск: Томский гос. ун-т, 2016. – 331 с.; Тишков В.А. Национальная идея России / Валерий Тишков. – М.: АСТ, 2021. – 416 с.; Шкаратан О.И. Россия как цивилизация: материалы к размышлению / О.И. Шкаратан, В.Н. Лексин, Г.А. Ястребов. – М.: Мир России, 2015. – 466 с.; Рыжков Н.И. Национальная идея России. Историческое развитие и современность: в 2 т. / Н.И. Рыжков, В.А. Штыров, Е.Ю. Спицын. Т. 1. – М.: Викор Медиа, 2024. – 453 с. и др.

Не менее важные научные результаты были получены в диссертационных исследованиях, которые усилили научный потенциал в области осмысления национальной идеи государства[91]. Несмотря на «монблан» научных публикаций, посвященных национальной идее России, дискуссия по заявленной теме продолжается. Сформулированная и принятая на государственном уровне национальная идея позволит современной России определиться в культурно-цивилизационном отношении и обозначить свои национально-государственные и геополитические интересы и приоритеты.

Несущая в себе мощный интегративный заряд, национальная идея могла бы стать идейной основой стратегии развития России в XXI веке. На сегодняшний день приходится констатировать: вопрос смыслового значения категории «национальная идея» остается дискуссионным.

Приведем лишь наиболее характерные подходы к определению сущности данного феномена.

По мнению А.Л. Казина[92]; национальная идея представляет собой «самосознание народа (нации) в пространстве мировой истории и культуры».

В.Э. Багдасарян утверждает, что национальная идея должна содержать в себе и представляет собой «набор основополагающих целей, идеалов, ценностей и принципов в их духовном и символическом выражении, в биосоциальной проекции – одна из скреп популяции, фактор жизни»[93].

---

[91] Арвеладзе Г.Ш. Национальная идея как феномен российской политической культуры: дис. … канд. филос. наук. – Ставрополь: СГУ, 1999. – 167 с.; Вальков А.А. Идея нации: социально-философское понимание: дис. … д-ра филос. наук. – Уфа: БГУ, 2000. – 343 с.; Голошумов Е.В. Национальная идея в современной России: теоретико-методологические аспекты: дис. … канд. полит. наук. – М.: МГУ, 1998. – 138 с.; Дорожкина В.Ю. Национальная идея в России как фактор общественных трансформаций: политологический аспект: дис. … канд. полит. наук. – Уфа: УфГНТУ, 2009. – 180 с.; Коровникова Н.А. Предпосылки и перспективы формирования национальной идеи современной России: дис. … канд. полит. наук. - М.: РАГС, 2009. – 219 с.; Косорукова М.И. Национальная идея и ее роль в развитии русской культуры за рубежами России (20-30-е гг. XX в.): дис. … канд. истор. наук. - М.: МГУ, 2004. – 216 с.; Петрова М.В. Парадигмы русской национальной идеи: История и современность: дис. … д-ра полит. наук. – М.: МГУ, 2000. – 376 с.; Путилов С.В. Национальная идея как форма концептуализации национального самосознания: дис. … канд. филос. наук. – Чита: ЗабГПУ, 1999. – 190 с.; Пушкарь А.И. Российская идея в социокультурном континууме: генезис и актуальное состояние: дис. … канд. филос. наук. – Казань: КазГУКИ, 2004. – 126 с.; Стовбун С.Ф. Метафизическая традиция «русской идеи» в отечественной философии: дис. … канд. филос. наук. – Тверь: ТГУ, 2007. – 161 с.; Шангина А.Ю. Российская печать о формировании национальной идеи в России (1991-2003 гг.): дис. … канд. филолог. наук. М.: РУДН, 2003. – 185 с.; Шаровара К.А. Ценностные константы российской цивилизационной идентичности: дис. … канд. филос. наук. – Новочеркасск: ЮРГПУ, 2025. – 182 с.

[92] Казин А.Л. Ещё раз о национальной идее // Литературная газ. – 2007. – 01 янв.

[93] Багдасарян В.Э. Национальная идея и жизнеспособность государства / В.В. Аверков, И.Р. Ахметзянова, В.Э. Багдасарян. Матер. науч. семинара. Вып. 2. – М.: Научный эксперт, 2009. – 160 с. С. 121.

Советский и российский политолог, С.А. Караганов определяет национальную идею как «живая идея-мечта»[94] и предлагает разработать на ее основе Кодекс россиянина в XXI веке.

Герой Труда России, писатель и общественный деятель А.А. Проханов в своих научных и публицистических работах раскрывает «Национальную идею» как «Русская Мечта о божественной справедливости»[95].

Согласно научным работам В.И. Якунина, «Национальная идея» – «базовая идея, основная цель и смысл жизни российского общества и государства[96].

Военный политолог, И. В. Радиков утверждает, что национальная идея – «дорожная карта» при выборе стратегии реализации национальных интересов Российской Федерации»[97].

«Концентрированное выражение смысла бытия нации» так характеризует национальную идею А.П. Марков[98].

По мнению Л.Б. Вожевой, национальная идея является основой «коренных интересов всей нации, стратегических целей и задач современного общества, русской цивилизации»[99].

В.А. Лепехин с философской точки зрения определяет национальную идею как «сверхактуальный идеологический супермесседж, катализатор и мобилизатор национально ориентированных, созидательно-преобразовательных сил страны»[100].

С позиции писателя В.Н. Ганичева национальная идея – «идея служения державе, государству, Отечеству»[101]. а профессора В.И. Лутовинова. «синтез прошлого, настоящего и будущего России»[102].

---

[94] Караганов С.А. Живая идея – мечта России, Кодекс россиянина в XXI веке. Июль 2025 г. – URL: http: // globalaffairs.ru (дата обращения: 18.08.2025). – Текст : электронный.

[95] Проханов А.А. «В чём русская идея, идеология Государства Российского?». – URL: https://ruskline.ru/news_rl/2024/05/02/(дата обращения: 13.08.2025). – Текст : электронный.

[96] Якунин В.И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход // Власть. – 2007. – № 3. С. 1 – 10. С.4.

[97] Радиков И.В. Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2019. – № 1. – С. 54-75. С.55-56.

[98] Марков А.П. Национальная идея как смысл и судьба «русской цивилизации». – URL: https://docs.yandex.ru/docs/view/(дата обращения: 18.08.2025). – Текст : электронный.

[99] Вожева Л.Б. Национальная идея России (история и современность). – URL: https://elar.urfu.ru/handle/10995/30378 (дата обращения: 18.08.2025). – Текст : электронный.

[100] Лепехин В.А. Национальная идеология России давно разработана. Надо только её увидеть. – URL: https://trinitas.ru/rus/doc/0001/005d/00012555.htm (дата обращения:18.08.2025).

[101] Валерий Ганичев: «Главное начало русской идеологии – это соборность». – URL: https://zavtra.ru/blogs/valerij_ganichev (дата обращения: 18.08.2025). – Текст : электронный.

[102] Лутовинов В.И. Проблема национальной идеи современной России в контексте исторической ретроспективы и реалий постсоветского периода // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2017. – № 12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-natsionalnoy-idei-sovremennoy-rossii/ (дата обращения: 18.08.2025). – Текст : электронный.

В структуре национальной идеи одни исследователи выделяют: ментальную (приверженность национальной культуре), геополитическую (место России в мире), формационную (социализм, капитализм) и патриотическую составляющие (желание процветания Родины как норма гражданского поведения); другие – ценностный (аксиологический) и целевой (телеологический) компоненты (концепты, образцы).

Роль национальной идеи в сплочении российского общества и развития русской цивилизации проявляется через реализацию ею ряда функций[103]: интегрирующая (единение различных слоев общества и власти), компенсаторская (снижение социальной напряженности), аксиологическая (утверждения традиционных духовно-нравственных ценностей и идеалов), мобилизующая (стимулирование социальной активности граждан России на достижение целей национального развития), преобразующая (мотивирование граждан на переустройство бытия в соответствии с лучшими его образцами), прогностическая (задает проект лучшего будущего) функции. «Без национальной идеи, утверждает президент Коллегии военных экспертов России, кандидат политических наук А.И. Владимиров, – не будет и национальной идеологии, а без нее невозможна и национальная стратегия Российской Федерации»[104].

Другой пример – Украина, политическое руководство которой в 2014 году навязало народу ложную национальную идею «Армія, Віра – Мова». Воплощение ее в практику киевским режимом привело к национальной катастрофе. «Украинцы (сиречь русские на территории де-юре Украины), – отмечает главный редактор российской газеты «Культура», писатель Петр Власов, – отказались от своей истории, культуры, языка. По сути, от самих себя ... Погнавшись за призрачной целью, страна под названием Украина не только заметно уменьшилась в размерах, в численности населения, но и фактически оказалась колонией США … Украина сегодня – это тьма, боль, страдание, ложь, накрывшие одним душным, мучительным мороком миллионы совращенных, искалеченных «украинством» русских людей. Полный крах и, с другой стороны, огромная человеческая трагедия. Погнавшаяся за фантомом страна сорвалась в пропасть и сегодня сама похожа на искалеченного, без пары конечностей инвалида войны – ползущего по грязи из последних сил, оставляющего за собой длинный кровавый след»[105].

---

[103] Данилова Е.А. Великодержавность в массовом сознании россиян как внутриполитическая основа национального брендинга Российской Федерации // Власть. – 2017. – № 9. – С. 93 – 99; Якунин В.И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно−ценностный подход // Власть. – 2007. – № 3. – С.4.

[104] Владимиров А.И. О национальной государственной идее России. – URL: https://shzs.info/news/1126 (дата обращения: 18.08.2025). – Текст : электронный.

[105] Власов П. Украинская трагедия // Культура. – 2025. – № 2. – 14 марта.

Таковы последствия многолетней политики украинского руководства, направленной на разрыв добрососедских связей с Россией, фальсификацию национальной истории, раскол православия, запрет русского языка и интеграцию Украины в европейские структуры. Дальнейшая реализация Киевом антироссийской политики может привести к утрате государственности и окончательному экономическому закабалению украинского народа со стороны США и их западноевропейских сателлитов.

Национальная идея России, как нам представляется, призвана:

– закрепить приоритет нравственных ценностей и ориентиров, преемственность традиций соборности, связи поколений, справедливости, бескорыстного служения Отечеству;

– обеспечить разумный баланс религиозного и светского начал, соблюдение принципа веротерпимости, уважительного отношения к представителям других конфессий и этнических групп;

– определить смысл и ценность настоящего существования нации и будущее русской цивилизации;

– способствовать объединению представителей различных социальных групп в интересах реализации целей национального развития России;

– содержать в себе стратегическое целеполагание успешного национального развития Российской Федерации и занятия ею достойного положения в системе международных координат.

Результаты контент-анализа многочисленных публикаций, посвященных национальной идее, позволяют утверждать, что большинство авторов выделяют в качестве базовых следующие ценностные концепты: Справедливость, Вера, Отечество, Родина, Семья, Православие, Духовность, Соборность, Правда, Свобода. Авторский же подход к структуре национальной идеи России заключается в формуле: «Справедливость – Вера – Отечество» (сокращенно – «СВО»).

Попытаемся аргументировать данную точку зрения.

Одним из основных традиционных принципов, лежащих в основе национальной идеи России на протяжении всей истории ее существования, является принцип социальной справедливости. Святейший Патриарх Кирилл в своем выступлении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации призвал к формулированию сегодня идеала социальной справедливости (справедливо – значит нравственно, подчеркнул Патриарх) и к новому осмыслению русской идеи, к осознанию того образа России, отстаивая который наша страна и вступила в ценностный и геополитический конфликт с Западом[106].

[106] Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Выступление на открытии III Рождественских Парламентских встреч, 22 января 2015 г. // – URL: http://www/patriarchia.ru/db/text/3960558.html (дата обращения: 18.08.2025). – Текст : электронный.

Аналогичной точки зрения придерживается известный общественный российский деятель и писатель А.А. Проханов: «Россия беременна справедливостью … Сегодня, когда мы созидаем пятую империю русских, идея справедливости остаётся драгоценным состоянием русского сознания. Донбасс – в крови и слезах, в грохоте артиллерии, среди молитв и проклятий – является местом, где торжествует русская справедливость. Мы боремся с чудовищной несправедливостью 1991 года. Мы соединяем воедино рассечённые части русского народа, возвращаем себе русские земли, насильно отторгнутые. Мы сражаемся с Западом, который в очередной раз двигает на Россию всю мощь своей тёмной цивилизации...»[107].

Социальная справедливость как ценность выступает неким «идеальным» типом, моделью, мысленной конструкцией, общественным идеалом определенной исторической эпохи, выработанным общественным сознанием, исходя из конкретных социально-исторических предпосылок (культурных, экономических, нравственных и др.).

Под социальной справедливостью принято понимать систему существующих в повседневном сознании ценностей и представлений людей о характере создания, накопления и распределения в обществе экономических и социальных благ, а также о специфике взаимодействий гражданского общества, людей, бизнеса и государственных органов, институционально закрепленных в виде норм и законов.

Поддержание в обществе социальной справедливости смягчает резкость существующих социально-экономических, политических противоречий и культурно-ценностных разрывов между богатыми и бедными, между всеми основными политическими и экономическими группами[108].

Социальная практика справедливости предполагает набор материальных и духовных благ, к которым все граждане должны иметь равный доступ. Идеал справедливых социальных условий на современном этапе развития российского общества заключается:

– во-первых, в создании для всех членов общества равных возможностей для развития своих способностей и в удовлетворении жизненных потребностей;

– во-вторых, в соразмерности распределительных отношений.

Движение к социальной справедливости, закрепленное в Конституции Российской Федерации, предполагает необходимость формулирования на государственном уровне ее принципов и критериев.

---

[107] Проханов А.А. «В чём русская идея, идеология Государства Российского?». – URL : https://ruskline.ru/news_rl/2024/05/02/(дата обращения: 18.08.2025). – Текст : электронный.

[108] Сажин А.В. Социальная справедливость в российском обществе: социально-философский анализ: автореф. дис. … д-ра филос. наук. – Краснодар: ЮФУ, 2010. – С. 12 – 13.

Под принципами в данном контексте понимают правила и установки, которыми следует руководствоваться при создании условий и механизмов достижения социальной справедливости, а под критериями – признаки, на основании которых производится проверка соблюдения принципов справедливости, а также выявляются последствия их несоблюдения[109].

Степень социального расслоения населения по доходам принято определять с помощью децильного коэффициента (коэффициент дифференциации доходов), который показывает во сколько раз минимальные доходы 10 % наиболее обеспеченного населения превышают максимальные доходы 10 % наименее обеспеченного населения.

При «децильном коэффициенте» в соответствии с официальными подсчетами в 17:1, а по экспертным оценкам доходящем до 50:1, патриотизм, как объединяющее начало, не работает: уж слишком необоснованно разделены люди по материальному признаку. Допустимым считается соотношение 6:1, терпимым – 8:1, а 10:1 – это уже тревога, необходимость принимать срочные меры. Для сравнения, в СССР децильный коэффициент составлял 3:1[110]. По оценкам ряда отечественных экономистов, в России в настоящее время децильный коэффициент составляет 17:1, а по некоторым данным – 40:1, а то и 60:1. Не в последнюю очередь этому способствует отсутствие прогрессивного налогообложения[111].

Идея справедливости, по результатам исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН (2021), в наибольшей степени играет роль консолидирующего фактора в российском обществе. Ключевыми элементами «справедливого общества», являются равенство возможностей для всех, активная роль государства в системе социальной защиты, поддерживающих всех, оказавшихся в сложном положении, дифференциация в доходах, отражающая образование, квалификацию и эффективность работы каждого человека, но находящаяся в разумных пределах[112].

Опрос, проведенный Институтом социологии РАН в 2023 году, показал, что 45 % респондентов хотели бы видеть нашу страну в качестве гаранта социальной справедливости[113].

---

[109] Аникеев А.Б. Идеалы социальной справедливости в России. – URL: https://proza.ru/2022/11/03/618 (дата обращения: 20.08.2025). – Текст : электронный.

[110] Пирогов Н.Л. Поиски национальной идеи // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2017. – №12-3. – С. 675.

[111] Чемшит А.А. Зачем и какая идеология нужна современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2016. – Т. 17. – С. 20.

[112] Мчедлова Е.М. Социальная справедливость и права человека в социокультурном пространстве России // Россия: Центр и регионы: сб. статей / отв. ред. В.Н. Иванов, Х.В. Дзуцев; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. Вып. 28. – С. 105 – 109.

[113] Горшков М.К. Социальная справедливость и неравенства как объект социологической диагностики // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН. 2023. Вып. 21. – С. 150–172.

В обществе идея справедливости может проявляться как: общий нравственный принцип, определяющий социально одобряемый характер поведения; правовая норма, которая закреплена в законах; практика реализации этих принципов и норм в общественной жизни. Справедливость как нравственный принцип и правовая норма является основой социально ожидаемого поведения и выступает способом формирования социального пространства. Реализация идеалов социальной справедливости следует рассматривать как главное условие консолидации российского общества в условиях нарастающих внешних угроз. В условиях поликультурного общества реализация принципа справедливости означает обеспечение и признание равенства гражданских прав этнических общностей как представителей многонационального российского народа[114].

В последние годы запрос на справедливость только растет. Граждане России понимают под социальной справедливостью прежде всего равенство, равноправие, законность и экономическое благополучие. А сферами, в которых справедливости особенно не хватает, называют медицину, образование и социальную политику. Образ справедливого общества строится в первую очередь вокруг социальной политики и поддержки. На втором месте – система управления, в которой главную роль играет забота государства о людях через равенство всех перед законом, безопасность, достойную и благоустроенную жизнь. Реже со справедливостью связывают свободу выбора и возможности, а также сплоченность общества. При этом почти половина россиян сегодня считает, что политика российских властей способствует укреплению социальной справедливости в нашем обществе, это максимум за время измерений, рост к 2013 году более чем двукратный (2013 год – 20 %, 2025 год – 46 %). Остальные или говорят об отсутствии влияния властей на уровень справедливости, или видят препятствия со стороны власти[115].

О необходимости интеграции в единое цивилизационное пространство, ярко выразился глава ЛНР Л.И. Пасечник: «Жители Донбасса проделали большой путь домой – на протяжении многих лет отстаивали право на самоопределение, защищали русскую землю, язык, свои дома, семьи... Объединившись, мы вернулись домой, мы стали частью России»[116].

---

[114] Волков Ю.Г. Восприятие гражданами исторической справедливости в современном социокультурном и политическом контекстах // Вестник Института социологии. −2024. – Т. 15. −№ 4. −С. 155 – 170;

[115] Крупнов Ю.В. Есть ли в России социальная справедливость? – URL: https://ruskline.ru/news_rl/2025/05/08/est_li_v_rossii_socialnaya_spravedlivost/(дата обращения: 21.08.2025). – Текст : электронный.

[116] Поздравление Главы ЛНР Леонида Пасечника с Днем воссоединения Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией. – URL: https://xn-80aafc4bdoy.xn-p1ai/news/all/ (дата обращения: 22.08.2025). – Текст : электронный.

Безусловно, что историческая справедливость является основой сложившихся за многие века традиционных социально-культурных, духовно-религиозных ценностей многонационального народа России, сохранению которых посвящен Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», подписанный в ноябре 2022 года.

Согласно Основ государственной политики, «традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России».

«К традиционным ценностям, относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»[117].

Задача по осмыслению национальной идеи России предполагает осмысление духовно-нравственного феномена Веры. Данная задача была впервые философски поставлена И.В. Киреевским: «для меня душа государства есть господствующая вера народа»[118], а в поэтической форме высказана Ф.И. Тютчевым: «умом Россию не понять … в Россию можно только верить»[119].

Следует зафиксировать, что на протяжении многовековой истории России неизменной доминантой ее цивилизационного кода выступает православная вера. Для большинства русских православие является не религией, а символом русского своеобразия и его духовной ценности, одним из маркеров их этнокультурной, идеологической идентификации[120].

---

[117] «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 / Официальный сайт Президента Российской Федерации – URL: http://www.kremlin.ru/acts/ (дата обращения: 23.08.2025). – Текст : электронный.

[118] Киреевский И.В. Отрывки // Разум на пути к Истине. – М.: Правило веры, 2002. – С. 119.

[119] Тютчев Ф. Умом Россию не понять. – URL: https://www.culture.ru/poems/46430/ (дата обращения: 18.08.2025). – Текст : электронный.

[120] Митрофанова А.В. Россия и славяно-православный мир: от иллюзий к реальности // Национальная идентичность России и демографический кризис / Материалы Всероссийской научной конференции (20-21 октября 2006 г.). М., 2007. С. 178–179.

Достаточно ярко и вполне убедительно о значении православной веры высказался Н.С. Михалков: «Народ, который стесняется своей религии, своей истории, своей культуры, своей традиции, у него нет перспективы, он пуст, он не имеет иммунитета»[121]. Вера имеет два измерения: религиозное (вера в Бога) и гносеологическое (вера в познавательные возможности Человека). Предметом веры является ценность осмысленной и осознанной человеческой жизни. Вера как экзистенциальная ценность определяет поведение человека, раскрывает смысл его жизненного существования.

Поступок, реализующий личностный смысл, зависит от принятых на веру идеалов, которые не просто признаются разумом, но пропускаются через ценностные переживания личности. Утрата веры или ее ослабление приводит к полной или частичной потере личностного смысла. Справедливо утверждают, что человек по своей природе устремлен к какому-либо идеалу постольку, поскольку им движет вера.

«Вера определяет бытие человека (смысл и ценность), его возможности (потенциал) и коммуникативную открытость (отношение к Миру, Истине, Другому). Помимо своих моделирующей, направляющей, понимающей, эмоциональной, санкционирующей, компенсирующей, коммуникативной, интегративной (системообразующей) функций вера как экзистенциальная ценность выполняет также смыслообразующую функцию»[122].

Что же касается вопроса об отношении православных верующих к инославным, более или менее общим ответом на него может стать известное ставшее крылатым изречение, приписываемое разным христианским мыслителям: «В главном – единство, во второстепенном – (благоразумная) свобода, во всём – любовь»[123].

Веротерпимость – признание права на существование чужой религии; признание за каждым гражданином права исповедовать любую религию; терпимое отношение к религиозному инакомыслию. Подлинная веротерпимость по отношению к людям, их принятие возможны лишь на основе любви. Составной частью русской цивилизации является соборность, которая подразумевает единство нашего народа с другими этносами страны, а дальновидные представители последних, признавая это, видят спасение в возрождении цивилизационной идентичности России.

---

[121] Никита Михалков: «У народа, который стесняется своей религии, истории, культуры, традиций, нет перспективы». – URL: http://duma.gov.ru/2025/06/17/news/61632/ (дата обращения: 28.08.2025). – Текст : электронный.

[122] Омельчук Р.К. Вера как фундаментальная экзистенциальная ценность // Ценности и смыслы. – 2011. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vera-kak-fundamentalnaya-ekzistentsialnaya-tsennost (дата обращения: 28.08.2025). – Текст : электронный.

[123] Веротерпимость – православная энциклопедия «Азбука веры». – URL: https://azbyka.ru/veroterpimost (дата обращения: 28.08.2025). – Текст : электронный.

24–25 октября 2022 года в Москве состоялся Всемирный Русский Народный Собор. На Соборе с пламенной речью к присутствующим обратился Президент Академии наук Чеченской Республики Джамбулат Вахитович Умаров. Он зачитал «Манифест, обращение к русскому народу от чеченцев, российских кавказцев и представителей великой уммы пророка Мухамеда».

Представляется целесообразным привести ряд положений этого Манифеста: «Роль русского народа в истории становления нашего государства переоценить невозможно … Без великой русской нации, что еще со времен Киева, Новгородской Руси и до настоящего времени стала связующим стержнем, объединившим вокруг себя сотни народов, у России никакого будущего нет и не может быть никогда … Русские – это могучий народ с древней религией и самобытной культурой, разумный народ, справедливый народ, никто и никогда не смог насильно навязать этому народу свою волю … Святая Русь – это неумирающий духовно-нравственный идеал нашего народа … Наши русские сограждане, братья и сестры, мы, чеченцы во главе с нашим лидером, героем России, генералом Рамзаном Кадыровым верим в вас. Мы горячо поддерживаем вас. Мы, не раздумывая ни мгновения, плечом к плечу стали вместе с вами на полях ожесточеннейших сражений на истерзанной нацистами Украине против сильного и безжалостного врага, вдохновленного самим сатаной, который надменно называет себя коллективным Западом» [124].

В Манифесте содержится призыв: «Чрезвычайно важно, чтобы вы (русские) сами в делах и помыслах своих уповали на милость Бога, глубоко верили в великое будущее нашего Отечества, в его неминуемую и безоговорочную победу, и самое главное, чтобы вы русские верили в самих себя!».

Ключевым понятием национальной идеи является понятие «Отечество». «Кто любит своё Отечество, – завещал великий русский полководец А.В. Суворов, – тот подаёт лучший пример любви к человечеству».

Не менее важными являются и другие мысли и афоризмы, приписываемые великому полководцу: «Природа произвела Россию только одну. Она соперниц не имеет», «Россиянин отличается верой, верностью и рассудком» [125].

Лексический анализ понятия «Отечество» позволяет утверждать, что оно является близким по смыслу понятию «Родина» (таблица 1).

---

[124] Манифест от чеченцев, российских кавказцев и представителей великой уммы пророка Мухамеда к русскому народу. – URL: https://trinitas.ru/rus/doc/0001/005d/00012715.htm (дата обращения:25.08.2025). – Текст : электронный.

[125] Чобану В. Мысли и афоризмы Александра Васильевича Суворова / Валер Чобану. – URL: https://stihi.ru/2020/07/11/1985 (дата обращения: 25.08.2025). –Текст : электронный.

Таблица 1.

Результаты анализа дефиниций лексем «Родина» и «Отечество»[126]

Словарь	Лексема	
	Родина	Отечество
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка	Не обнаружено	Родная земля, отчизна, где кто родился, вырос; корень, земля народа, к коему кто, по рожденью, языку и вере, принадлежит; государство, в отношении к подданным своим; родина в обширном смысле.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка»	1. Отечество, родная страна. 2. Место рождения, происхождения кого-чего-н., возникновения чего-н.	Страна, где человек родился и к гражданам которой он принадлежит.
Фасмер М. Этимологический словарь (2017)	«Отечество», тогда как укр. родин´а = семья, блр. родзина — то же., болг. родин´а «родина, место рождения». Произведено от род	Не обнаружено
Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам (2017).	Не обнаружено	«Родина, отечество»; «наследственные, родовые права»; «отеческая честь, достоинство»; «свойство отца», «звание духовника», «избранная страна», «родовое владение, доставшееся по наследству от предков», «правила, обычай отцов», «отцы, предки, род».
Большой толковый словарь русского языка» (2000).		«Страна, где родился человек и гражданином которой является. Это то же, что и Родина».

Писатель-фронтовик В.П. Астафьев подчеркивал: «Если у человека нет матери, нет отца, но есть Родина – он ещё не сирота. Всё проходит: любовь, горечь утрат, даже боль от ран проходит, но никогда – никогда не проходит тоска по Родине … Родина – это всё: и, прежде всего язык, природа, история страны, её праздники, народные песни и сказания, память о предках и уважение к родителям, а главное – творческий созидательный труд»[127].

[126] Гаспарян Н.К. Репрезентация концептов «Родина» и «Отечество» на материалах русских и армянских паремий // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2018. – Т. 16. – № 2. – С. 211; Чикаева Т.А. Родина или Отечество: разграничение понятий // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2017. – №1. С. 90 – 97.

[127] Астафьев В.П. Нет мне ответа ... Эпистолярный дневник. − Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. −С. 154.

Отечество определяется Новейшим большим толковым словарем русского языка как синоним родины в смысле страны, где человек родился и гражданином которой он является[128]. Отечество существует независимо от политического режима и формы правления. Отечество – это и Русь, и Российская империя, и Советский Союз, и современная Россия. Оно было создано усилиями предков, чем мы, безусловно, можем гордиться[129].

Родина выступает естественно-природной и этнической основой Отечества, тем конкретно-историческим фоном, на котором разворачивается отечественная жизнь, складываются ее устои. «Отечество, отмечает С.В. Иванова, – вырастает из Родины, как из своего «корня»; оно является своеобразной надстройкой над ней и олицетворяет величественное здание цивилизации … К атрибутам Отечества относятся пространственно-территориальные характеристики, политическая, социальная, культурная среда, его прошлое, исторические и культурные традиции, вклад соотечественников в мировой прогресс[130].

В русском языке понятие «Отечество» стало употребляться с XI века, а слово «Родина» появилось лишь в начале XVIII века, обозначая «родные места». В современном русском языке концепт «Отечество» вписывается в следующий синонимический ряд: родина, отчизна; край отцов, родная сторона, родная страна, отчий край, страна, родная земля, родная сторонка, родные палестины. Концепт «Родина» представляет собой важнейший компонент национальной языковой картины мира любого языка, так как в нем выявляется отношение человека и общности к обитаемому пространству, ко многим историко-культурным событиям и явлениям[131].

Говоря о «Родине», представители русской национальной лингвокультуры часто используют лексику и фразеологию: матушка Россия, Родина мать, родная земля, родимая сторона, отчий край и т.д.[132],

---

[128] Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ–классик, 2008. – С. 745.

[129] Осипов О.В. Возможна ли общенациональная религиозная идея в современной России? // Социум и власть. - 2013. - № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhna-li-obschenatsionalnaya-religioznaya-ideya-v-sovremennoy-rossii (дата обращения: 18.08.2025). – Текст : электронный.

[130] Иванова С.Ю. Патриотизм в системе социокультурных ценностей современной России. - Ставрополь: СГУ, 2003. – 299 с.

[131] Приорова Е.М., Савченко Е.П., Фильчакова Е.М. Концепт «родина» в английской и русской лингвокультурах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 4. – Ч. 1. – С. 160; Гао Тянь, Гудков Д.Б. Концепты «родина» и «дом» в русском и китайском патриотическом дискурсе // МИРС. – 2018. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-rodina-i-dom-v-russkom-i-kitayskom-patrioticheskom-diskurse (дата обращения: 18.08.2025). – Текст : электронный.

[132] Приорова Е.М., Савченко Е.П., Фильчакова Е.М. Концепт «родина» в английской и русской лингвокультурах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 4. – Ч. 1. – С. 161.

В своих научных работах они предлагают различные методологические подходы в процессе исследования данного феномена[133].

Онтологический подход к понятию «Родина» отражает пространство, имеющее определенные границы, то есть место рождения человека, многообразие условий его бытия.

Согласно этногеографическому подходу Родина – это исторически сложившаяся социально-экономическая и политическая среда («большая Родина»), место рождения человека, где родились и жили его предки и где живет он сам, с которым связана история его народа («малая Родина»).

С точки зрения витального подхода предлагается рассматривать Родину как живой объективно существующий субъект, высшую ценность. Родина, исходя из конструктивистского подхода, представляет продукт деятельности личности, социальной группы полностью или частично. Родина всегда конкретна, исторична, образ Родины находит отражение в национальном менталитете.

Однако, конструктивизм противопоставляет Родину и общечеловеческие ценности, отрицает ее объективность и искажает роль в общественном бытии. Духовно-нравственный подход заключается в представлении о Родине как о духовно-нравственной ценности, святыне, которая по содержанию объективна, а по форме существования – субъективна.

Понимание Родины как нравственной ценности имеет длительные исторические корни. Древнеримский философ и политик Цицерон называет Patria, Рим высшей ценностью, по его мнению, «Родина – и только она – вмещает в себя общие привязанности»[134].

Цивилизационная идентичность закрепляется «родовой связью» человека с его «социальной землей» (малой родиной). Результаты социологических исследований подтверждают, что в рамках гражданской идентичности весьма значимой является семейная память. Знание истории малой родины, истории своего рода имеет исключительно важное значение в патриотическом воспитании подрастающего поколения. «Родину защищать, отмечает ветеран войны в Афганистане, Герой Советского Союза Николай Кравченко, – это честь и большая ответственность. Сейчас многие военные специальности востребованы в зоне СВО. Молодые люди понимают, что пришло время и нужно идти выполнять долг по защите страны»[135].

---

[133] Чикаева Т.А. Анализ подходов к дефиниции понятия «Родина» // Вестник ВятГУ. 2018. №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz podhodov-k-definitsii-ponyatiya-rodina (дата обращения: 28.08.2025). – Текст : электронный.

[134] История Рима. – М.: Художественная литература, 1970. – С. 7.

[135] Кравченко Н. Защита Отечества – самый главный принцип нашего государства. – URL: https://gazeta-vz.com/articles/media/2023/5/20/zaschita-otechestva-samyij-glavnyij-printsip-nashego-gosudarstva/ (дата обращения: 02.09.2025). – Текст : электронный.

Приверженность к правде и справедливости, любовь к детям, патриотизм и преданность Родине служат опорой для России, заявил президент Российской Федерации В.В. Путин на совещании с постоянными членами Совбеза России. По мнению российского лидера «традиционные ценности – это нравственные ориентиры, которые закладывались нашими предками в течение столетий. Они в основе нашей цивилизации и идентичности, служат опорой в жизни человека и семьи, формируют культуру, суверенное мировоззрение, устойчивое к попыткам навязать нам чужую волю. Такие ценности, определяющие для нас, это единство народов России, приверженность к правде и справедливости, милосердие и гуманизм, крепкая семья и любовь к детям. Это взаимопомощь и стремление добиваться не только личного благополучия, а успеха всей страны. И, конечно, это патриотизм, преданность Родине»[136].

Патриотизм, будучи сложным, многоаспектным, многогранным социальным явлением проявляется как: социальное чувство (любовь и преданность Родине, Отечеству, своему народу и т.д.); патриотическая идеология (на теоретико-концептуальном, нормативно-институциональном, поведенческом уровнях); духовная ценность (одна из системообразующих ценностей общегосударственного уровня); морально-нравственные установки (патриотическое мировоззрение); вектор практического поведения (в различных видах)[137].

Патриотизм как социокультурная ценность отражается в чувственно-эмоциональных и концептуальных аспектах взаимодействие субъекта – патриота и предмета – Отечества на разных уровнях организации социума (индивидуально-личностном, групповом, на государственном).

С одной стороны, интегрирующая патриотическая идея – это образ Отечества как родовой среды, которую необходимо сохранять, развивать и защищать. С другой стороны, Отечество – это часть Я-субъекта, что вызывает глубоко личностное отношение к данному феномену.

Таким образом, в основу национальной идеи современной России могут быть положены следующие фундаментальные ценности: «Справедливость», «Вера» и «Отечество», из которых духовно-нравственный концепт «Веры» выступает ядром предлагаемой конструкции. Только Вера в Бога, в Справедливость и в наше Отечество – Россию обеспечит жизненность русской цивилизации и ее процветание в XXI веке.

---

[136] Путин назвал патриотизм и преданность Родине опорой для России / РИА. РУ. – URL: https://ria.ru/20250610/putin-2022057367.html (дата обращения: 11.09.2025). – Текст : электронный.

[137] Минаков В.А. Место патриотизма в российской национальной идее (социально-философский анализ): автореф. дис. … канд. филос. наук. – Барнаул: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2009. – С. 9.

1.5. Социальный капитал как стратегический ресурс цивилизационного развития России

«Россия – цивилизация, притворяющаяся страной»
Ж.М. Баррозу, председатель Европейской комиссии

Цивилизационное развитие России как направление национальной политики государства.

В последние годы обозначилось фундаментальное противоречие процесса глобализации: необходимость централизованного управления потоками капитала, товаров и услуг, информации, транспорта, людей сталкивается с реальными ограничениями такого регулирования, осуществляемого в основном на уровне национальных государств.

Как правило, в качестве причины этому выступают идейные социокультурные препятствия. Государства, в приоритетном порядке заботящиеся о сохранении национальных ценностей, демонстрируют осознанное понимание важности культурной уникальности и самобытности: разделяемые гражданами страны традиционные универсалии позволяют укрепить чувство национальной идентичности, тем самым обеспечивая социальную целостность. Формирование единого человечества с трендами на унификацию и стандартизацию разрушительно действует на национальный колорит, особенное звучание таких государств.

Наиболее эффективны в противостоянии глобализации оказываются государства-цивилизации, в числе которых наиболее яркие сегодня – Россия, Китай, Бразилия и Индия. Специфические особенности этих государств сложились в процессе историко-культурного развития. Сегодня на них дополнительное влияние оказывает позиция в международных отношениях, их ранг, способность и готовность придерживаться принципа суверенитета во взаимоотношениях с любыми политическими, военными, экономическими и другими акторами.

Для государств-цивилизаций исследователями отмечается выраженная историческая преемственность, четкое следование выбранным ориентирам и ценностям[138]. В таких странах, как правило, отмечается самобытность норм и традиций, общность языка, складывается уникальная система образовательной подготовки.

В рамках научного анализа цивилизации как сложной социальной системы, исследователи выделяют ключевые элементы, формирующие ее уникальное ядро и обеспечивающие устойчивость во времени.

[138] Huntington Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York: Simon & Schuster, 1996, pp. 68-72; Jacques M. When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. London: Penguin Books, 2009), pp. c. 224-230, 412-415.

Эти элементы не существуют изолированно, они находятся в состоянии постоянного взаимодействия и взаимовлияния, образуя каркас цивилизационной идентичности. Так, одним из важнейших элементов любой цивилизации выступает история и историческая преемственность. Осознание общего исторического пути, ключевых событий – побед, поражений, «золотых и серебряных веков», кризисов, героев и предков – формирует чувство единства и принадлежности к предшествующим поколениям, родства с ними. Знание о прошлом страны и народа позволяет лучше понимать настоящее, уроки истории служат основанием при выработке направлений будущего развития государства.

Известны множественные примеры того, как история становилась основой для национальной мифологии. Уникальный исторический опыт, наполненный географическими открытиями, научными прорывами, культурными достижениями является основным фактором, отличающим одну цивилизацию от другой и формирующим ее специфический характер. Узнавая прошлое страны с опорой на менталитет народа, можно, с высокой долей вероятности, выделить значимые для нации ценности и установки, прогнозировать общий характер реагирования на внушение и внутренние вызовы и угрозы.

Традиции – это устойчивые, унаследованные от прошлого модели поведения, проявляющиеся зачастую в ритуалах и праздниках. Они обеспечивают связь времен и стабильность социальной жизни. Через соблюдение традиций члены цивилизации демонстрируют приверженность ее ценностям и нормам.

Общность традиций позволяет народу страны поддерживать собственную сплоченность, напоминает о сходстве и близости. Конкретные формы традиций, зримо проявляющиеся в чествовании значимых для страны событий, семейных праздниках, профессиональных торжествах, могут серьезно отличаться у наций и этносов.

Культура обобщает и транслирует последующим поколениям накопленный опыт, эстетические идеалы, этические нормы, способы общественной кооперации и пр., тем самым формируя коллективную память цивилизации. Обычаи и традиции народа обеспечивают солидарность граждан, служат мостами между эпохами.

Культура является сосредоточием, носителем и выразителем базовых цивилизационных ценностей, в ряду которых на первое место в Росси выходят взаимопомощь, гостеприимство, четность и порядочность, задавая ориентиры для поведения и социального взаимодействия.

Именно в культуре наиболее ярко проявляется уникальность цивилизации через специфические формы искусства, архитектуры, музыки, литературы, социального этикета и повседневных практик, отличающие ее от других.

Религия, даже в светском государстве выступающая в роли мировоззренческого ядра, предоставляет фундаментальные ответы на смысложизненные вопросы, формирует систему абсолютных ценностей и моральных истин, являющихся высшими ориентирами для членов цивилизации. Религиозные тексты, обобщенные в них установки позволяют каждому человеку опираться на этот базис при определении смысла собственного существования. Религиозные нормы формируют уникальную этическую систему, как следствие, правовые основы и социальные нормы, существенно различающиеся у различных цивилизационных моделей.

Система образования призвана целенаправленно и организовано транслировать накопленные знания, а также нормы и правила поведения, принятые в данном обществе от старших поколений младшим, обеспечивая преемственность цивилизационного развития. Образование – главный институт социализации, на него возложена задача по формированию личности в соответствии с идеалами и ценностными предпочтениями конкретного государства. Оно воспитывает лояльность и понимание «правил игры», принятых в данном социуме. Каждая цивилизация вырабатывает свою специфическую модель образования, отражающую ее приоритеты и мировоззрение.

В качестве определяющего инструмента передачи исторического опыта, знаний и традиций во времени выступает язык. Его эволюция отражает путь развития той или иной цивилизации. Наличие общего языка является важнейшим фактором объединения, обеспечивая взаимопонимание, формирование общего информационного поля и чувства принадлежности к одной цивилизационной общности, восприятия себя как части общего, сопричастности с ним. Язык кодирует и сохраняет уникальную картину мира, сложившегося в государстве, его способы мышления и восприятия реальности. Лексика, грамматика и фразеология отражают специфику ее культуры и опыта.

Таким образом, культура, религия, язык, образование, история и традиции образуют взаимосвязанный комплекс, обеспечивающий выраженную историческую преемственность цивилизации. Через механизмы образования и повседневных социальных практик, базирующихся на традициях, осуществляется четкое следование выбранным ориентирам и ценностям, заложенным в религии и культуре. Самобытность норм и традиций является прямым следствием уникального исторического пути и культурного развития. Общность языка выступает как коммуникационная основа и хранилище цивилизационного кода, а уникальная система образовательной подготовки стремится обеспечить воспроизводство идентичности и передачу ключевых элементов цивилизации следующим поколениям. Именно синергия этих элементов формирует устойчивое и узнаваемое целое, именуемое цивилизацией.

Это не означает, что рассмотренные характеристики являются исчерпывающим перечнем элементов цивилизации. В научных работах рассмотрены и такие элементы, как политическая структура и организации, экономика и торговля, наука и технологии. Но именно рассмотренные признаки обеспечивают преемственность той или иной цивилизации во времени, ее уникальность и самобытность. Более того, эти особенности, обеспечивают уверенную самоидентификацию, как населению этих государств, так и восприятие страны любым сторонним наблюдателем.

Своеобразие страны, выраженная самобытность, обеспечивающая узнаваемость и привлекательность в глазах представителей иностранных государств, создает основания для воздействия мягкой силой, что зачастую оказывается более эффективным средством, чем выраженная агрессия.

Важно, что государство-цивилизация не только имеет богатый опыт становления и развития. Такие государства склонны к долгосрочному стратегическому планированию, сочетающему сохранение традиционных устоев с адаптацией к происходящим изменениям. Несмотря на теоретичность цивилизационного подхода, политическая элита России осознает важность учета его положений и наработок при определении будущего страны. Свидетельством тому – значительный пакет нормативно-правовых актов, подготовленных Федеральным Собранием Российской Федерации. Анализ направленности документов, тех отношений и вопросов, которые ими регламентируются, позволяют сделать следующие выводы:

– наша национальная самоидентификация базируется на осознании себя в качестве государства-цивилизации, и это не зависит от внешних критериев и интерпретаций, предлагаемых иными политико-культурными системами;

– на законодательном уровне организована защита истории государства, его языка, традиционных ценностей, что позволяет не только сохранить прошлое, но будет выступать основой для будущего развития страны;

– в качестве национальных интересов РФ рассматривается укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного наследия, а в качестве стратегических национальных приоритетов – защита этих ценностей, культуры и исторической памяти[139].

Изучение содержательных акцентов стратегических документов позволяет выявить отчетливо проявляющееся изменение приоритетов. На настоящем этапе нормы права были направлены, скорее, на защиту и сохранение накопленного культурно-исторического багажа.

[139] Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

Однако сегодня назрела необходимость сместить акценты пассивного сбережения на развитие страны с опорой на активное обращение к этим нематериальным, но чрезвычайно значимым ресурсам. Так, Концепция внешней политики 2023 года рассматривает продвижение «русского мира» уже не как защитный механизм и способ самосбережения, а как проект культурно-цивилизационного взаимодействия. Обобщая вышесказанное, можно уверенно констатировать перспективность и обоснованность дальнейшего развития страны как государства-цивилизации. Для успешного развития и реализации всех амбициозных планов стране потребуется разнообразные возможности, источники и ресурсы.

Отметим, что, говоря о ресурсном обеспечении, как правило, подразумеваются материальные средства, которые можно оценить экономическими показателями. Подобным же образом оцениваются и факторы, влияющие на достижение цели. Однако, в программных документах зачастую не находят места ресурсы и факторы, опосредовано связанные с материальным миром. Назовем такие ресурсы и факторы дополняющими. Оценка влияния их на выполнение стратегий – предмет для исследования.

Нематериальные ресурсы развития.

Существует значительный пласт исследований, посвящённых проблеме поиска дополнительных ресурсов развития социума. Всё более важным ресурсом развития и повышения качества жизни становится наше умение жить сообща, доверять друг другу, объединяться и помогать незнакомым людям для достижения общих целей. Именно такое поведение уже сейчас рассматривается как основа процветания общества и устойчивого экономического развития во многих странах мира.

Среди таких ресурсов обратим наше внимание на социальный капитал, который стал не только ключевым понятием в академических теориях и исследованиях, но и влиятельной основой для принятия политических решений, которые призваны формировать повседневные практики в деле создания социальной интеграции. Широко понимаемый в контексте социальных связей, которые влияют на личные взаимодействия, концепт используется, чтобы объяснить огромную совокупность явлений, начиная от паттернов голосования до здоровья и экономического успеха стран.

Изучение социального капитала – это изучение форм и характера существующих социальных связей между субъектами. Это важная характеристика любого сообщества, которая позволяет получить информацию о его структурных характеристиках, о наличии социальных ресурсов и их распределении между различными социальными группами, о существующих практиках его возникновения и использования, о влиянии институциональной среды, политического строя, религиозных, культурных факторов на его состояние.

Объемы социального капитала могут увеличиваться или уменьшаться, а от этого зависит в каком состоянии находятся общественные отношения. Социальный капитал является общественным благом, он создается индивидами в процессе взаимодействия с себе подобными, а потому не отделим от этого взаимодействия.

Этот процесс предполагает социальный контракт, набор социальных норм, обменов и некоторый базовый уровень доверия, без которого взаимодействие практически невозможно.

Разработка концепции социального капитала стала ответом на ряд накопившихся проблем и вызовов экономической теории. Уже в начале ее разработки ясно выделялась установка на интеграцию традиционных экономических концепций с социологическими и политологическими построениями.

Ее включение в концептуальный арсенал исследований может способствовать более адекватному пониманию характера социально-экономического и политического развития Российской Федерации по инновационному пути[140].

Анализ сформировавшихся подходов к трактовке социального капитала дает возможность полагать, что мы имеем дело с многоаспектным феноменом. Отсюда и интерес к нему со стороны экономики, политологии, социологии, психологии, культурологии. Несмотря на некоторые различия в подходах, все они видят суть социального капитала в складывающихся отношениях, в том, что именно они и имеют значение.

Эти отношения формируют социальные связи, которые могут дать индивидам и группам доступ к различным ресурсам. Все ключевые авторы разделяют точку зрения, согласно которой социальный капитал составлен из ресурсов, внедренных в социальные отношения и социальные структуры, которые могут быть мобилизованы, когда актор желает повысить вероятность успеха некоторых целенаправленных действий.

О распространенности и популярности концепции социального капитала говорит тот факт, что М. Вулкок, ведущий социолог Всемирного банка насчитал семь областей научного знания, для которых характерно широкое применение теории: проблемы семьи и молодежи, школьного и высшего образования, жизни местных сообществ, работы организаций, вопросы демократии и управления, проблемы, связанные с коллективными действиями и экономическим развитием. К этому списку сегодня добавляют физическое и психическое здоровье, иммиграцию, социальную защиту, социальную работу и еще ряд вопросов[141].

---

[140] Рожков Г.В. Генезис инновационной экономики в России / Под ред. С. Г. Ерошенкова. –М.: МАКС Пресс, 2009. 888 с.

[141] Woolcock M. The Place of Social Capital in Understanding Social and Economic Outcomes // Isuma. 2001. Vol. 2. № 1.

Концепт «социальный капитал» возник при изучении особенностей многочисленных территориальных сообществ.

Опыт сравнительного анализа региональных различий впервые провели Р. Патнем и Дж. Хеллиуэлл применительно к Италии[142], затем С. Панебьянко использовал их методику для изучения немецких регионов[143].

Анализ данных по сельским районам Франции провели Дж. Каллуа и Шмитт[144]. Й. Дзялек дал описание пространственных структур социального капитала в Польше[145]. Именно это позволяет использовать концепцию как объяснительную модель.

Социальный капитал как концепт позволяет исследовать социальные отношения и структуры, формирующиеся в локальном сообществе. Это означает, что социальный капитал имеет территориальную привязку, то есть является «продуктом местного значения». На сегодняшний день концепция социального капитала является достаточно устоявшейся, имеющей свой исторический генезис, прошедшей определенные этапы развития, что создало условия для ее широкого использования в современной науке.

Среди авторов, относимых сегодня к представителям классических исследований социального капитала, упоминаются Дж. Коулмана и Р. Патнэма с их акцентом на ценностях и сетях. Именно они сформировали «мейнстрим» теории социального капитала. П. Бурдье привнес в формирующуюся картину проблемы неравенства и социальной справедливости.

Дж. Коулман (1990), ставший классиком концепции, определил социальный капитал следующим образом: «...Социальная организация образует социальный капитал, способствующий достижению целей, которые не могут быть достигнуты в случае его отсутствия или могут быть достигнуты только при более высоких издержках»[146].

Р. Патнэм и его коллеги представляют аналогичную характеристику: «...социальный капитал ...обозначает функции социальной организации, такие как доверие, нормы и сети, которые могут улучшить эффективность общества...»[147].

---

[142] Putnam R.D, Helliwell J. Economic Growth and Social Capital in Italy. Eastern Economic Journal. 1995. 21(3): 295-307.

[143] Panebianco S., The impact of social capital on regional economic development // ACSP Con-gress, Lovanio. 2003.

[144] Callois J. M., Schmitt B. The role of social capital components on local economic growth: Local cohesion and openness in French rural areas // Review of Agricultural and Environmental Studies. 2009. 90 (3). P. 257-286.

[145] Dzialek J. Is social capital useful for explaining economic development in polish regions? // Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. 2014. V. 96, N. 2. P. 177-193.

[146] Coleman J. The Foundations of Social Theory // Cambridge, MA: Belknap of Harvard UP. 1993. P. 304.

[147] Putnam, R. Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy. Princeton: / [Text] R. Putnam R. Leonardi, R. Y. Nanetti // Princeton University Press. 1993. P. 167.

Характеристики социальной организации, включающие сети, нормы и социальное доверие, которые способствуют координации и кооперации в интересах общественной цели, он подчеркивает и в другой своей широко известной работе[148].

Оба определения указывают на предполагаемое благотворное влияние социального капитала на социальное целое. В соответствии с этими определениями, социальный капитал – это разновидность положительных внешних эффектов группы.

Определение Дж. Коулмана предполагает, что внешние эффекты возникают из социальной организации. Определение Р. Патнэма подчеркивает особые неформальные черты социальной организации, такие как доверие, нормы и сети.

Другие определения характеризуют социальный капитал не только в плане результата, но и с точки зрения отношений или взаимозависимости между людьми. В более позднем исследовании Р. Патнэм определяет социальный капитал как «...связи между индивидами – социальные сети и нормы взаимности и доверия, которые возникают из них»[149].

Нобелевский лауреат по экономике в 2009 году Э. Остром, пишет, что «социальный капитал – это общее знание, понимание, нормы, правила и ожидания относительно форм взаимодействия, которые группы индивидов привносят в повторяющуюся деятельность»[150].

Не вдаваясь в подробное обсуждение всех существующих определений социального капитала, выделим основные идеи, воспроизводимые почти во всех определениях: он порождает возникновение внешних эффектов для членов группы, которые достигаются за счет совместного доверия, норм и ценностей, и их последующего воздействия на ожидания и поведение. А, главное, общее доверие, нормы и ценности возникают из неофициальных форм организации на основе социальных сетей и ассоциаций.

Таким образом, по мнению ряда исследователей, «социальный капитал – это изучение основанных на сетях процессов, которые генерируют полезные результаты через нормы доверия».

Хотя в литературе социальный капитал сводят иногда только к его отдельным атрибутам или аспектам (к сетям, или к доверию, или к участию), нам представляется, что изолированно ни один из них сам по себе не может рассматриваться как социальный капитал.

---

[148] Putnam, R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital /[Text] Putnam, R. // Journal of Democracy. 1995. January. P. 65-78.

[149] Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster. 2000. P. 19.

[150] Ostrom, E. Social capital: Fad or a fundamental concept? In: Dasgupta, P., Serageldin, I. (Eds.), Social Capital, a Multifaceted Perspective [Text] / E. Ostrom // The World Bank, Washington, DC. 2000. P. 176.

С нашей точки зрения социальный капитал представляет собой социальную организацию в форме сетей социальных отношений, формирующихся на основе норм доверия и взаимности, в которых обеспечивается доступность ценных ресурсов и достигается целесообразное взаимодействие акторов[151].

Международные наблюдения социального капитала (СК).

Социальный капитал является объектом интереса исследователей, практиков, управленцев во многих странах мира. Он начинает измеряться и фиксироваться на уровне государственных и международных структур. Так, например, индекс социального капитала является субиндексом Глобального индекса устойчивой конкурентоспособности (GSCI)[152].

Глобальный индекс устойчивой конкурентоспособности (GSCI) позволяет измерить конкурентоспособность стран помимо их ВВП. В рамках построения данного индекса национальный социальный капитал определяют как сумму социальной стабильности и благополучия (ощущаемого или реального) всего населения.

Социальный капитал создает социальную сплоченность и определенный уровень консенсуса, что, в свою очередь, обеспечивает стабильную среду для экономики и предотвращает чрезмерную эксплуатацию природных ресурсов.

По данным за 2023 год индекс социального капитала составил в Китае 51,4 процентных пунктов (47 место), в РФ 43,1 процентных пунктов (85 место), США 42,5 процентных пунктов (89 место)[153].

GSCI измеряет конкурентоспособность стран на основе показателей, полученных из таких источников, как Всемирный банк, МВФ и различные агентства ООН. Учитывают данные 6 субиндексов: природный капитал, эффективность и интенсивность использования ресурсов, социальная сплоченность, интеллектуальный капитал, экономическая устойчивость и эффективность управления. В совокупности они отражают устойчивую конкурентоспособность страны и формируют Глобальный индекс устойчивой конкурентоспособности (рисунок 3).

При анализе карты необходимо учитывать: чем ярче цвет выбран для «заливки» страны, тем более высоким уровнем социального капитала обладает ее население.

---

[151] Afanas'ev D.V., Guzhavina T.A., Mekhova A.A. Social capital in a region: revisiting the measurement and building of an indicator model. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2016. no. 6. pp. 110-125.

[152] Индекс социального капитала: карта мира. – URL: https://solability.com/the-global-sustainable-competitiveness-index/the-index/social-capital. (дата обращения: 18.09.2025). – Текст : электронный.

[153] Social Capital Index. – URL: https://solability.com/the-global-sustainable-competitiveness-index/the-index/social-capital. (дата обращения: 11.08.2025). – Текст : Электронный.

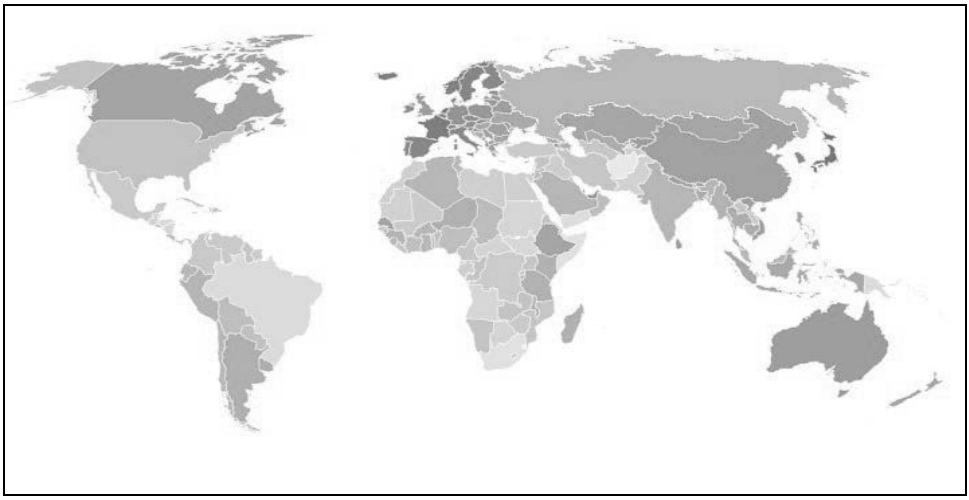

Рисунок 3 – Карта мира по индексу социального капитала (2024)[154]

Основные выводы, сформированные с опорой на ключевые показатели:

– самый высокий уровень капитала диагностирован в Японии. Также в качестве лидеров отмечаются Нидерланды, Франция, Исландия и Норвегия. Отметим, что прочие скандинавские страны входят в первую десятку по уровню социального капитала.

– хорошие показатели отмечаются для стран, составляющие топ-30. За небольшим исключением в эту группу входят страны Западной Европы и Прибалтики.

– значительное количество африканских стран находится на последних местах в перечне. В качестве основных причин исследователи отмечают как политические проблемы (погрешности с соблюдением прав человека, ограничение личной свободы), так и социальную необустроенность (недоступность медицинского обслуживания, его ограниченность, детская смертность и т.п.).

В США создан атлас социального капитала[155]. Атлас использует данные о 21 миллиарде друзей из Facebook, что позволяет его создателям измерить три типа социального капитала в каждом районе, средней школе и колледже. В качестве индикаторов были выбраны: сплоченность, экономическая связанность, вовлечение в структуры гражданского общества.

[154] Глобальный индекс устойчивой конкурентоспособности на 2023 г. – URL: https://solability.com/all-news/the-social-capital-index-2024. (дата обращения: 15.09.2025). – Текст : электронный.

[155] Social capital atlas. – URL: https://www.socialcapital.org. (дата обращения: 15.09.2025). – Текст : электронный.

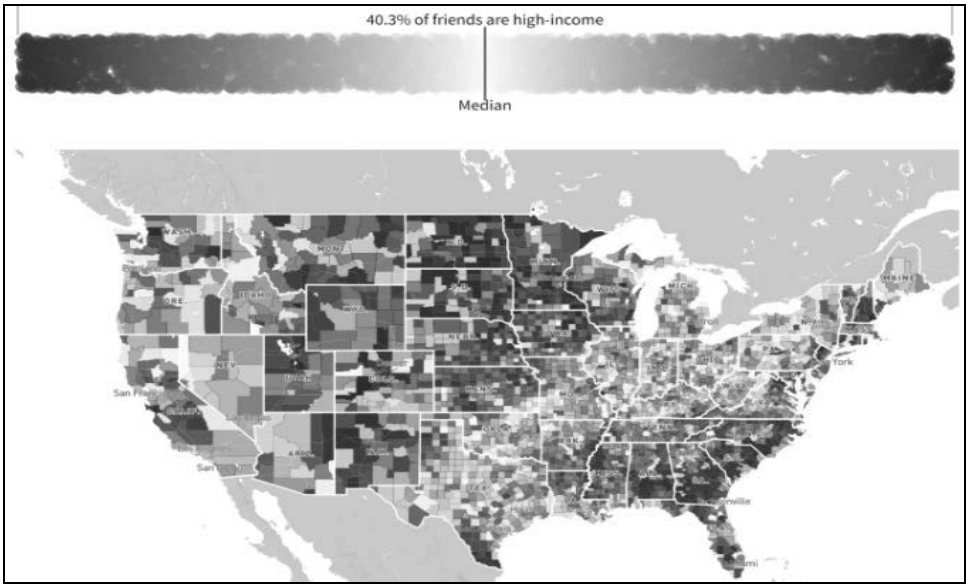

Рисунок 4 – Карта социального каптала США

В Великобритании данные о социальном капитале собираются офисом национальной статистики[156]. Аналитики сайта отмечают, что за время измерений Великобритания преуспела в четырех областях социального капитала – личных отношениях, поддержке социальных сетей, гражданской активности, а также нормах доверия и сотрудничества.

В 2022 году была создана Международная ассоциация социального капитала. Ее цель – стать мировым лидером в области теории и практики социального капитала. Социальный капитал оценивается как основа для понимания и информирования о важности социальных процессов, подчеркивается его большое значение практически во всех аспектах человеческой деятельности[157]. По мнению организатора и создателя института, австралийского исследователя Т. Клариджа, каждая организация, каждый проект, каждое сообщество и каждая человеческая деятельность могут выиграть от понимания социального капитала.

Несмотря на все споры, исследования показывают, что социальный капитал – это нематериальный фактор и ресурс, который влияет на экономику, на общественное благосостояние, на эффективность социальных программ и на многое другое.

[156] Office of National Statistics. – URL: https://www.ons.gov.uk. (дата обращения: 17.09.2025). – Текст : электронный.

[157] Institute for Social Capital. – URL: https://www.socialcapitalresearch.com. (дата обращения: 17.09.2025). – Текст : электронный.

От него зависит и качество общественных услуг, таких как образование, здравоохранение, репродуктивный потенциал, общественная безопасность, а также качество госуслуг и госуправления. В социальной сфере обобщенное доверие облегчает жизнь в разнородном обществе и способствует толерантности и принятию различий.

Дети, интегрированные в поддерживающие социальные сети, меньше отчисляются из школ[158], кроме того, некоторые исследования обнаружили сильную связь между умственным и даже физическим здоровьем и вовлеченностью в сети[159]. В политической сфере обобщенное доверие и другие гражданские установки позволяют гражданам объединить свои силы в социальных и политических группах и дают им возможность более легко сплачиваться в гражданских инициативах. Выявив, что эффекты социального капитала, безусловно, влекут за собой социальные выгоды для индивидов, исследования также показали прямую связь между некоторыми аспектами социального капитала и крупномасштабными результатами, такими, как экономический рост[160], низкий уровень преступности[161] и более ответственная перед обществом власть.

Таким образом несмотря на то, что многие положения концепции социального капитала сохраняют дискуссионный характер, в целом она взята на вооружение многими представителями социальной науки и приносит несомненные плоды. Например, измерения и оценка и роли социального капитала в сфере общественного здоровья и социального благополучия показывают его несомненное влияние на развитие соответствующих исследований в сфере здравоохранения[162].

---

[158] Coleman, G Public and private high schools: The impact of communities [Text] / G. Coleman, Hoffer. N. Y.: Basic Books. 1988.; Натхов, Т. В. Социальный капитал и образование [Текст] / Т. В. Натхов // Вопросы образования. 2012. № 2. С. 63-67.

[159] Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster. 2000; Rose, R. How much does Social capital add to individual Health? A Survey Study of Russians [Text] / R. Rose // Social Science & Medicine. 2000. V. 51. № 9. P. 1421-1435.

[160] Fukuyama, Francis TRUST the Social Virtues and the Creation of Prosperity [Text] / Francis Fukuyama. 1995; Knack, S. Does social capital have an economic pay-off? A cross country investigation [Text] / S. Knack, P. Keefer // Quarterly Journal of Economics. 1997. № 112.4. P. 1251-1288; Dasgupta P, Social capital: a multifaceted perspective [Text] / P. Dasgupta, I. Sergaldin // World Bank, Washington, District of Columbia. 2000. P. 15.

[161] Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities New York: Random House. 1961. Wilson, W.J. The Truly Disadvantaged: the Inner City, the Underclass and Public Policy. Chicago [Text] / W.J. Wilson // University of Chicago Press. 1987.

[162] Harpham T., Grant E. Thomas E. Measuring social capital within health surveys: key issues // Health Policy and Planning. 2002. № 17 (1). P. 106-111; Helliwell J. F. Well-being and social capital: Does suicide pose a puzzle? // Social Indicators Research. 2007. № 81 (3). P. 455-496; Kaplan B. H., Cassel J.C., and S. Gore. Social Support and Health // Medical Care. 1977. № 15. P. 47-58; Veenstra G. Social capital and health (plus wealth, income inequality and regional health governance // Social Science & Medicine. 2002. № 54 (6). P. 849-868.

Типы социального капитала.

Сейчас общепризнано, что существуют разные типы социального капитала, более того, хорошо известно, что он может иметь негативный окрас. Дело в том, что социальный капитал позволяет и облегчает коллективные действия, но общества могут иметь пагубные коллективные цели, и наличие социального капитала может позволить им достичь этих целей более легко. Это привело к выводу, что для общества важен не только уровень социального капитала, но и его тип.

Не все виды социального капитала рассматриваются как доброкачественные, и только отдельные аспекты социального капитала могут иметь положительные последствия для общества в целом.

Уже Р. Патнэм различал типы социального капитала: ограничивающий (bonding) и перекрывающий (bridging). Если первый из упомянутых типов скрепляет только однородные группы и может блокировать контакты, то последний тип представляет собой связи, которые формируются поверх разнообразных социальных групп и способствуют расширению контактов и снимают ограничения с потоков информации.

Открытый социальный капитал служит своеобразным «мостом» между людьми, принадлежащими к различным группам. Наиболее эффективным способом создания открытого капитала, по Патнэму, является участие в добровольных объединениях. Общества, основанные на открытых, децентрализованных, горизонтально структурированных усилиях общественных объединений, таких, которые Патнэм изучал в северной Италии, имеют больше социального капитала и, таким образом, более успешны, чем те, которые основаны на закрытых, вертикальных, иерархических структурах, которые он нашел в южной Италии.

Эта последняя гипотеза лежит в основе стратегии, направленной на укрепление организаций гражданского общества и, таким образом, на дополнение и замену вертикальных социальных связей горизонтальными.

Ряд исследователей[163] выделяют также третий компонент – соединяющий (linking) социальный капитал, который описывает связи с людьми во власти и характеризуется отношениями между людьми в иерархии, где существуют различные уровни власти. Он важен для получения поддержки, ресурсов, идей и информации от формальных институтов и лидеров, которые занимают позиции во власти вне круга общения человека и которые могут распределять зачастую редкие ресурсы.

[163] Woolcock, M. Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework [Text] / M.Woolcock // Theory and Seciety. 1998. 27 (2). P.15-208; Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster. 2000; Szreter, S., Woolcock, M. Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health [Text] / S. Szreter, M. Woolcock // International Journal of Epidemiology. 2004. V. 33. P. 650-667.

Соединяющий капитал отличается от ограничивающего и перекрывающего типов тем, что связан с отношениями между неравными по статусу людьми. Таким образом, характер связей такого капитала является вертикальным – он связывает людей на разных уровнях власти.

Связи перекрывающего и ограничивающего типа (или горизонтальные сети) также называют сетями доверия, в то время как соединяющая (или по вертикали) связь формирует сети власти. Необоснованным будет полагать, что социальный капитал ввиду своей нематериальной сущности, не оказывает прагматического воздействия на материальные сферы социума.

Как западные, так и отечественные исследователи сходятся во мнении о том, что в реалиях современного экономического развития социальный аспект категории «капитал» приобретает все большее значение.

Инициаторами в эмпирическом анализе темы воздействия социального капитала на экономический рост стали Нэк и Кифер[164]. Они построили модель, увязывающую экономический рост стран с уровнем доверия, этическими нормами и членством в объединениях. Они показали, что доверие и гражданское сотрудничество оказывают значительное влияние на экономическую деятельность, и, кроме того, что не все элементы минимального определения социального капитала значимы – в частности, участие в сетях мало связано с доверием и с экономической результативностью.

М. Вулкок[165] представил широкий концептуальный анализ роли социального капитала для развития общества и экономики; список влияний социального капитала на экономическое развитие собрали П. Дасгупта и И. Серагельдин[166]. П. Уайтли исследовал отношения между социальным капиталом и экономическим ростом в выборке из тридцати четырех стран за период с 1970 по 1992 гг. в рамках модифицированной неоклассической модели экономического роста[167].

Р. Меняшев и Л. Полищук[168] провели пионерское и пока единственное в своем роде исследование влияния социального капитала регионов России на экономические результаты.

---

[164] Knack, S. Does social capital have an economic pay-off? A cross country investigation [Text] / S. Knack, P. Keefer // Quarterly Journal of Economics. 1997. № 112.4. P.1251-1288.

[165] Woolcock, M. Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework // Theory and Seciety. 1998. 27 (2). P.151-208.

[166] Dasgupta P, Sergaldin I. Social capital: a multifaceted perspective // World Bank, Washington, District of Columbia. 2000. P. 15.

[167] Whiteley P. Economic growth and social capital // Political Studies. 2000. V. 48. № 3. P. 443-466.

[168] Меняшев Р.Ш., Полищук Л. И. Экономическая отдача на социальный капитал: о чем говорят российские данные? // XI Межународная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 2011. Т. 2. С. 159-170.

Оперируя данными, собранными ФОМ в рамках всероссийского опроса, они использовали факторный и регрессионный анализы, в результате чего пришли к выводу о том, что «несмотря на сомнения в способности российского общества стать самостоятельной движущей силой развития страны, социальный капитал в российских условиях дает осязаемую экономическую отдачу, в первую очередь за счет повышения подотчетности органов власти». И хотя количественные показатели, используемые различными авторами в доказательство тезиса о влиянии социального капитала на экономический рост и развитие, продолжают вызывать полемику, можно суммировать качественные находки, относящиеся к предмету полемики. Социальный капитал, прежде всего, ведет к снижению трансакционных издержек:

– на поиск информации и проверку контрагентов;

– на координацию (выполнение формальных бюрократических процедур, заключение договоров и др.);

– на контроль и принуждение контрагентов к соблюдению обязательств, на государственную регуляцию (поскольку социальный капитал связан с ожиданием того, что другие экономические агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций).

Таким образом, можно говорить об удешевлении стоимости переговоров, облегчении персонифицированного неформального взаимодействия между участниками экономических отношений, о потенциале саморегулирования экономической деятельности, снижении затрат на содержание государственных институтов и других неявных расходов общества.

Социальный капитал облегчает его владельцам доступ к ресурсам, накопленным (созданным, перераспределяемым) в социальной сети. Следствиями этого являются:

– дешевизна кредита, более широкий доступ к информации, инновациям, лучшим рабочим местам и т.д.;

– снижение уязвимости, получение помощи в случае неудачи, кризиса и иного форс-мажора.

Общими эффектами социального капитала на уровне общества называют:

– компенсацию слабости институциональной среды экономической деятельности, неэффективности формальных институтов;

– повышение социально-политической стабильности, качества управления;

– общее оздоровление социальной ситуации, расширенную возможность сотрудничества, коллективных действий ради общей цели;

– положительное социальное самочувствие индивидов, снижение порога риска для принятия решений в условиях неопределенности.

Проблема измерения социального капитала.

Параллельно развитию теории социального капитала осуществлялись попытки найти способы его измерения. Чаще всего для измерения социального капитала используется индексно-рейтинговый метод. Среди международных источников отметим индекс процветания стран мира (Legatum Prosperity Index), индекс восприятия коррупции и индекс доверия Trust Barometer.

Legatum (the Legatum Prosperity Index, LPI) – это комбинированный показатель, который измеряет достижения стран мира с точки зрения их благополучия и процветания. Отслеживается с 2006 г. британским аналитическим центром The Legatum Institute. Цель исследования – изучение общественного благополучия и его развитие в глобальном масштабе. Индекс составляется на основе различных 79 показателей, объединенных в восьми категориях, которые отражают различные аспекты жизни общества и параметры общественного благосостояния[169].

Индекс восприятия коррупции (The Corruption Perceptions Index, CPI) – это глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг стран мира по показателю распространенности коррупции в государственном секторе. Рассчитан по методике международной неправительственной организации Transparency International, основанной на комбинации общедоступных статистических данных и результатов глобального опроса.

Индекс восприятия коррупции представляет собой сводный индикатор, рассчитываемый на основе данных, полученных из экспертных источников, предоставленных международными организациями.

Все источники измеряют общую степень распространенности коррупции (частотность и/или объем взяток) в государственном и экономическом секторах и включают оценку множества стран. Источники оценивают уровень восприятия коррупции экспертами как живущими в конкретной стране, так и зарубежными, и представляют собой набор опросов предпринимателей, аналитиков по оценке коммерческих рисков и специалистов по конкретным странам из различных международных организаций[170].

Глобальное исследование Trust Barometer проводится компанией Edelman с 1999 года с каждым разом расширяя свою географию. В 2007 году впервые в него была включена и Россия. Основная цель данного исследования – определение уровня доверия к различным общественным институтам, таким как государство, бизнес, СМИ, общественные организации, религиозные учреждения, а также источники информации.

[169] The legatum prosperity index. – URL: https://www.prosperity.com/. (дата обращения: 27.08.2025). – Текст : электронный.

[170] Corruption Perceptions Index. – URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2023. (дата обращения: 27.08.2025). – Текст : электронный.

Среди российских источников построения рейтингов, связанных с социальным капиталом, наибольшую ценность представляют индекс оценки властей от ВЦИОМ. Свои исследования проводят Фонд общественного мнения (ФОМ), Институт человека РОМИР и другие центры.

В Российской Федерации на национальном уровне измерение социального капитала в постоянном режиме не проводится, хотя в целом исследований становится все больше и больше, но они не носят системного характера и не дают полноценного представления о состоянии социального капитала. В большей степени это исследования разового характера, построенные на самых разных методологических основаниях.

С нашей точки зрения концепция социального капитала имеет большие эвристические возможности и, прежде всего, она позволяет выявить в территориальном сообществе группы его носителей, обладающих ресурсами, которые могут быть востребованы в изменяющейся социальной реальности для сохранения и защиты России в ее противостоянии Западу.

Опыт измерения социального капитала и его практическое значение.

Отметим, как уникальное исследование социального капитала регионального сообщества, проводимое в мониторинговом режиме начиная с 2016 года Вологодским научным центром РАН[171].

Социальный капитал рассматривается как социальный индикатор интегрального типа, дающий возможность оценить состояние общественных отношений. Для измерения разработана индикаторная модель, позволяющую получить в систематизированном виде информацию об изучаемых социальных отношениях, выявить взаимосвязи между составляющими элементами.

На основе модели построен интегральный индекс социального капитала – ИСК., а его носители сгруппированы в зависимости от уровня накопленного социального капитала в группы от 1 до 5, что и обозначено цветовым способом на рисунке 5. Использованная в исследовании индикаторная модель измерения социального капитала позволяет увидеть как его территориальное распределение, так и его накопление в динамическом аспекте, а также получить представление о структуре регионального сообщества.

Основным итогом применения методики построения индикаторной модели стала информация о структуре локального сообщества. Данные показывают нам как изменения в «красной зоне», вбирающей в себя носителей минимального социального капитала, так и изменения в «зеленой зоне», символизирующей социальный капитал высокого уровня (рисунок 5).

[171] Региональный социальный капитал в условиях кризиса: монография / Т. А. Гужавина, Д.В. Афанасьев, И. Н. Воробьева и др.: Череповец. гос. ун-т. Череповец: ЧГУ, 2018. 220 с.

Использованная в исследовании индикаторная модель измерения социального капитала позволяет увидеть как его территориальное распределение, так и его накопление в динамическом аспекте.

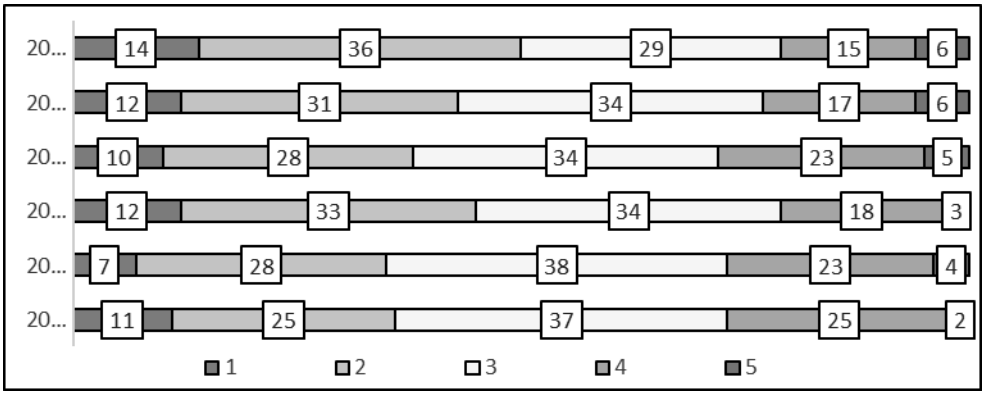

Рисунок 5 – Распределение респондентов по уровню накопленного социального капитала в Вологодской области (в %, по годам)[172]

Небольшая, но значимая часть населения демонстрирует высокий уровень социального капитала. Эти люди, представляющие собой активное ядро сообщества, вероятно, обладают устойчивыми связями и достаточным влиянием в социальной среде. Они могут быть вовлечены в местные инициативы, быть организаторами мероприятий и содействовать развитию социального пространства. Их способности налаживать связи могут служить важным ресурсом как для них самих, так и для более широкого круга людей в их окружении, а, в итоге, и для территориального сообщества в целом.

Обладатели социального капитала среднего уровня представляют собой наиболее многочисленную и устойчивую по своим масштабам группу. Это говорит о том, что большинство людей имеют определенный запас социальных связей, который позволяет им обращаться за помощью и поддержкой. Вместе с тем, респонденты этой группы могут не полностью использовать свой потенциал вовлеченности в сообщество.

Группа представителей минимального уровня социального капитала вбирает, вероятно, тех людей, кто испытывают регулярно или эпизодически серьезные социальные и экономические трудности, способные повлиять на их возможности развивать и поддерживать социальные связи.

[172] Все опросы проведены на территории Вологодской области по репрезентативной выборке, квотированной по полу, возрасту и типу поселения. Опрашивалось население старше 18 лет.

Для этой категории крайне важным может являться создание возможностей для взаимодействия и устранения факторов, препятствующих им строить доверительные отношения с окружающими.

Сравнение данных за 2019, 2020 и 2021 годы показывают влияние кризисного периода, связанного с пандемией на падение социального капитала. 2021 год, когда локдаун был отменен и коммуникации стали восстанавливаться, когда общество в определенной степени адаптировалось к условиям пандемии, можно считать временем восстановления социального капитала.

Сравнение данных за 2020 и 2021 годы позволяет сделать выводы о том, что восстановление социального капитала шло неравномерно. Быстрее восстановилась в своем объеме доля респондентов, обладающих более высоким его уровнем. Медленнее происходило сокращение доли респондентов, относящихся к первой группе с минимальным социальным капиталом.

В 2023 году вновь обнаруживается спад уровня социального капитала практически до значений коронавирусного 2020 года, причиной которого могут быть масштабные события, произошедшие в политике страны годом ранее, а именно начало специальной военной операции России по денацификации и демилитаризации украинского режима.

Замеры 2023 и 2024 годов показывают, что падение социального капитала в территориальном сообществе продолжается. Это говорит нам о том, что факторы глобального масштаба способны оказывать существенное влияние на состояние социального капитала.

Восстановление социального капитала, под которым следует понимать усиление стабильности социальных отношений в сообществе и рост доверия на всех уровнях возможно и зависит от ослабления давления со стороны негативных факторов.

Еще один значимый вывод, который следует из полученных данных состоит в том, что возможно управляемое воздействие на социальный капитал, ориентированное на его поддержку, а также на создание условий для его роста в сообществе через решение назревших социальных вопросов и сокращение социального неравенства, достигшего в нашей стране беспрецедентного уровня. Это возможно как с помощью принятия базовых решений в виде законодательных актов, так и с помощью информационного управления повесткой, что, в совокупности, должно соответствовать запросам общества[173].

[173] Примерами могут служить меры, направленные на упорядочивание и сдерживание неконтролируемой миграции, меры по решению экологических проблем, в частности с разливом мазута на черноморском побережье, поддержка жителей приграничных регионов и ряд других вопросов. Важным моментом в этих вопросах будет смена руководства ряда телеканалов, что востребовано в российском обществе.

Использование возможностей социального капитала для цивилизационного развития России.

Для каждого человека его страна, его Родина – особенная: близкая, понятная, знакомая. Говоря о России, ее самобытность подтверждается исследованиями ученых, называющих ее государством-цивилизацией, объединенной уникальным культурным кодом, исторической памятью и коллективными ценностями.

В отличие от классических наций-государств, Россия базируется и развивается не только под управлением институтов власти. Огромное значение имеют и нематериальные ресурсы, важнейшим среди которых может быть назван социальный капитал, проявляющийся в доверии, солидарности, сетях взаимодействия и общих нормах. Именно этот источник развития, не в полной мере осознаваемый, как следствие – используемый интуитивно, в обыденной жизни помогает справляться с возникающими жизненными сложностями. Системное изучение и исследование феномена социального капитала и возникающих внешних эффектов, демонстрация успешных социальных практик по расширению, развитию, упрочению социального капитала позволит повысить качество жизни граждан и обеспечить эффективное развитие государства-цивилизации.

Рассмотрим возможности применения социального капитала.

Перефразируя мысль П. Бурде полагаем, что социальный капитал необходимо трактовать и позиционировать как «склеивающий» ресурс российской цивилизации[174]. Превалирующая область обращения к социальному капиталу сегодня – это межличностное общение, возникающее в сетях семейных и дружеских контактов, взаимодействия между соучениками и коллегами.

Отдельное место в этих сетях занимают территориальные сообщества – подъездные, дворовые, районные, городские. Как было отмечено ранее, в таких сетях между акторами складываются горизонтальные связи, что облегчает и упрощает взаимодействие. Отображение этих связей, издавна складывающихся между людьми, можно прочитать в русских народных пословицах и поговорках: «не имей сто рублей, а имей сто друзей», «рыбак рыбака видит издалека», «один в поле не воин» и др. Ожидаемо, культурно-историческая солидарность менее представлена на территории огромной страны. Безусловно, граждан страны сплачивают единое прошлое, герои, победы и трагедии, создающие чувство единства и сопричастности. Однако, это основание для сплочения населения характеризуется неустойчивостью, фактами пережитых ранее социальных расколов.

[174] Цитата: «Социальный капитал – это “клей”, позволяющий группам мобилизовать ресурсы через доверие и взаимные обязательства» (Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. Greenwood Press, 1986. pp. 241–258.).

Так, Смутное время (начало XVII века) выявило глубокий кризис доверия между сословиями, когда боярские группировки, казачество и посадское население преследовали противоположные интересы. Повторяющиеся исследования, проводимые ВЦИОМ, свидетельствуют о сохранении настороженного отношения россиян к посторонним другим: «большинству людей можно доверять» – так в 2018 году заявляли только 23 % опрошенных, и ситуация практически не меняется к 2023 году, когда готовность доверять демонстрируют четверть респондентов[175]. Более того, молодежь относятся к незнакомым другим еще более настороженно.

Доверие к государственным институтам и политической системе в целом в стране традиционно невелики. Причин такого положения можно выделить несколько, из наиболее приближенного по времени – негативное влияние десятилетий отчуждения власти от народных масс, их закрытость и недоступность для граждан. Добавляет настороженности восприятие политической элиты как источника инициатив, приносящих новые заботы. И сегодня положительно оценивает деятельность правительства только половина опрошенных, поддерживает правящую партию немногим более трети респондентов (35,3 %)[176]. На основе вышеизложенного необходимо констатировать ассиметричность социального капитала в России: граждане доверяют представителям своего семейного и родственного круга и тем, с кем связаны общностью жизненных забот: коллегам, одногруппникам, соседям. Принадлежность к аутгруппе, воспринимаемой человеком как «чужая, другая, не моя» повышает настороженность и снижает доверие к ее представителям.

Чтобы превратить социальный капитал в драйвер роста, необходимо действовать в нескольких направлениях.

Прежде всего, необходимо эффективнее использовать те сети взаимодействия, в которые каждый человек включен естественным образом в процессе получения образования. Социальный капитал, приобретаемый и наращиваемый за годы школьного и профессионального обучения – второй по значимости (после семейного), но формируемый каждым человеком самостоятельно. В юном возрасте человек не задумывается о важности тех контактов и знакомств, которые у него формируются, о том, как значимые другие влияют на формирование его личности и развитие мягких компетенций, прежде всего – коммуникативных.

---

[175] Доверие в Росси: мониторинг. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-v-rossii-monitoring. (дата обращения: 06.09.2025). – Текст : электронный.

[176] Рейтинги доверия политикам, оценки работы Президента и Правительства, поддержка политических партий. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-27062025. (дата обращения: 06.09.2025). – Текст : электронный.

Накопленный социальный капитал становится фундаментом для цивилизационного развития России, проявляясь в нескольких аспектах. Во-первых, он обеспечивает устойчивость общества в условиях трансформаций, создавая систему адаптивных социальных практик. Во-вторых, способствует консолидации многонационального населения вокруг общих ценностей и целей. В-третьих, повышает эффективность общественных институтов за счет роста уровня доверия и кооперации.

Рассматривая вопрос о социальном капитале, складывающемся в результате взаимодействий многих видов совместной деятельности, отметим неизбежность дублирования отдельных условий, механизмов и способов использования капитала для достижения целей развития. Обозначенная схожесть базируется на четкой определенности и исчерпаемости тех ценностей (доверии, солидарности, общей нормативности и сетей связей), которые составляют основу социального капитала.

Различия в процедуре и обстоятельствах формирования капитала отражаются на характеристиках этих ценностей: степени и прочности доверия, его границах, области регламентации поведения и пр. и это справедливо для всех ценностей. Переходя к вопросу об использовании накопленного ресурса, происхождение капитала на этом этапе может иногда утрачивать принципиальную значимость, на первый план выходят именно его существенные характеристики. Ожидаема следующая закономерность: чем более значимы для личности те сети, в которых формировался капитал, тем большую частоту обращения к ним можно ожидать.

Как было отмечено ранее, для каждого компонента цивилизационного развития существуют свои особенности формирования и наращивания социального капитала, что предопределяет специфику общения к этому ресурсу. Выделим другие области и сферы социальных контактов, обладающие высоким потенциалом для накопления социального капитала.

В качестве системного и сложноорганизованного источника для формирования социального капитала и цивилизационного развития необходимо рассматривать культуру народа, проживающего на территории государства. Культура формирует основания и ключевые этические ориентиры для создания и функционирования социального капитала, а социальный капитал, в свою очередь, поддерживает и воспроизводит культурные установки. Предпосылкой для генерирования капитала в различного рода отношениях являются общие, разделяемые правила и нормы поведении. Особенно значимы в этом контексте ценности честности, уважения, взаимопомощи, справедливости, на базе которых вырабатывается понимание о предсказуемости действий других участников, возникает фундамент для доверия. Важно, что «кредиты доверия» имеют активное хождение не только в семейных и дружеских взаимодействиях, к ним обращаются и в деловой среде.

Общая культурная идентичность – национальная, этническая, территориальная, профессиональная – объединяет людей по схожести в группы. Регулярное обращение к культуре через праздники, ритуалы, символические и традиционные действия позволяет актуализировать и укреплять эту связь.

Колоссальна роль культуры в социализации личности. Культура передает из поколения в поколение неписаные правила о том, кому можно доверять, как строить отношения, как разрешать конфликты, что считается «честным» обменом – все это принципиально на этапе наращивания социального капитала.

Для России, обладающей уникальным цивилизационным кодом, грамотное использование культурного потенциала – это возможность не просто сохранить идентичность, но, что важнее – грамотно его «инвестировать» в развитие.

Рассмотрим ключевые направления, при реализации которых социальный капитал, возникший благодаря культурной общности, становится значимым ресурсом цивилизационного развития.

Ключевым условием приращения и дальнейшего обращения к ресурсу социального капитала является сохранение, трансляция и поддержание национальной идентичности. В качестве эффективного и уже работающего механизма укажем включение населения в мероприятия, позволяющие осознать причастность к культуре страны. Вологодский край имеет многолетний опыт реализации проекта «Летние праздники в округах и районах Вологодской области», позволяющего гражданам принять участие в народных гуляниях, посетить мастер-классы по традиционным промыслам, приготовлению местных кушаний и т.п.[177].

Именно такой формат, по мнению гостей праздников, позволяет почувствовать общность со своим народом и краем, своей страной в целом, увидеть ее красоты и достижения. На реализацию схожей цели направлены и «Разговоры о важном»: знакомство с культурой, наукой, людьми и т.п. нашей страны формирует у школьников основание для гордости и любви.

Российская культура обладает уникальным потенциалом «мягкой силы» благодаря своему пограничному положению между Востоком и Западом. Исторически сложившийся синтез культурных традиций делает её одновременно узнаваемой и притягательной для представителей разных цивилизаций. Иностранцы находят в русской музыке, литературе и искусстве знакомые элементы, что снижает психологический барьер настороженности и недоверия – повышает интерес к нашей стране.

[177] Летние праздники в округах и районах Вологодской области. – URL: https://cultinfo.ru/projects/letnie-prazdniki-na-vologodchine-25/. (дата обращения:18.09.2025). – Текст : электронный.

Этот эффект узнаваемости имеет практическое значение. Встречая в культуре нашего народа знакомые черты своей Родины, граждане других стран лояльнее относятся к проявлениям, для них чуждым. Следуя этой логике, российская культура может позиционироваться в качестве инструмента межцивилизационного сближения.

Следующим значимым компонентом цивилизационного развития является язык, который выступает ключевым объединяющим элементом российской цивилизации, выполняя три стратегические функции. Во-первых, он служит основным инструментом формирования общего культурного кода для многонационального населения страны. Во-вторых, язык становится хранителем исторической памяти и традиционных ценностей. В-третьих, он выполняет роль социального лифта, обеспечивая равные возможности для представителей разных этносов и социальных групп.

С лингвистической точки зрения русский язык обладает уникальной способностью адаптировать, трактовать и интегрировать в современный речевой контекст заимствования, сохраняя при этом свою структуру. Эта особенность делает его эффективным инструментом модернизации без потери идентичности. Как показывает опыт последних десятилетий, русский язык успешно осваивает и интегрирует в свое поле термины цифровой эпохи, сохраняя при этом грамматическую и стилистическую целостность.

Представленные выше особенности языка позволяют эффективно использовать его на этапе наращивания и использования социального капитала. Общие языковые нормы и культурные коды упрощают межрегиональное взаимодействие и укрепляют доверие между гражданами. На первый взгляд может быть не заметно, но язык влияет даже на деловые отношения. Если в стране все говорят на одном языке, используют понятные акторам формулы приветствия и вежливости, устойчивые выражения, фразеологические обороты, шутки – это облегчает контакты, снижает настороженность по отношению контрагенту.

Все это особенно значимо для России с её огромной территорией и этнокультурным разнообразием: язык становится тем универсальным кодом, который позволяет преодолевать географические и социальные барьеры.

Рассмотрим конкретные способы и механизмы, посредством которых государство-цивилизация Россия может использовать языковой потенциал для решения стратегических задач.

Русский язык как инструмент цивилизационного развития России реализует свой потенциал через несколько взаимосвязанных механизмов. Будучи системообразующим элементом национальной идентичности, он обеспечивает культурно-историческую преемственность у населения страны, создавая смысловое поле для межпоколенческого диалога и транслируя традиционные ценности в современных форматах – от цифровых образовательных платформ до медиапространства.

Агрессивно распространяющееся в последнее десятилетие обилие заимствований, встраиваемых в устную и письменную речь, негативно влияет на целостность народа, провоцируя смысловой разрыв между представителями разных поколений. Молодежный сленг, содержащий множество англицизмов, снижает уровень доверия, отрицательно влияет на солидарность: сложно стремиться к взаимодействию с теми, кого понимаешь не в полной мере. В стране сегодня активно реализуется политика, направленная на защиту русского языка; важным представляется расширение мероприятий. В качестве способа защиты языка можно позиционировать введение лингвистической экспертизы городской среды в отношении вывесок, средств навигации, объявлений и т.п. по стандартам ясности и доступности.

Как язык межнационального общения в полиэтничном государстве, русский выполняет интегративную функцию, снижая разобщение населения и формируя общее коммуникационное пространство. Было установлено, что в регионах с развитой языковой инфраструктурой (библиотеки, литературные сообщества, языковые курсы) солидарность на почве языка положительно отражается на приросте социального капитала.

На международной арене русский язык становится ресурсом «мягкой силы» через образовательные услуги, продвижение культурных продуктов и создание альтернативных смысловых платформ в цифровой среде. Лингвистические исследования демонстрируют, что когнитивные структуры русского языка, сочетающие логическую стройность и образную гибкость, особенно эффективны для передачи сложных социально-философских концептов, что усиливает цивилизационную привлекательность России.

При этом цифровизация языковой среды через различные лингвистические технологии превращает русский язык в конкурентное преимущество в условиях глобальной информационной конкуренции, обеспечивая технологический суверенитет в сфере коммуникаций.

В качестве отдельного направления приращения социального капитала для цивилизационного развития необходимо выделить развитие разнообразных контактов. Выстраивание (с последующим развитием) сетей связей и каналов взаимодействия между различными социальными группами на основе доверия и солидарности ценностей не требует значительных финансовых затрат, но располагает значительным потенциалом.

В качестве основы для сотрудничества будет выступать то общее, что объединяет группы. То, что сможет нивелировать различия между ними, акцентируя внимание на похожести. Так, перспективными представляется любые условия для профессиональных контактов на площадках конкурсов, мастер-классов, круглых столов, онлайн-мероприятий. Очевидно, что общность может базироваться не только на профессиональной близости: достаточно найти то сходство, которое послужит началом диалога.

Современный человек, имеющий большое количество различных обязательств и достаточно плотный график планов, с трудом и без особенного энтузиазма будет выделять время на те встречи, значимость и важность которых для себя он осознает не в полной мере.

Следовательно, начинать необходимо с популяризации сущности социального капитала, тех достоинств и возможностей, которые они дают своим обладателям. Опираться предлагается на те социальные практики, которые уже являются привычными для типичного гражданина страны: справиться у друзей-знакомых о хорошем враче, мастере, репетиторе и т.п.; обсудить эффективность и полезность рекламируемой новинки.

Молодёжь как наиболее восприимчивая к инновациям социально-демографическая группа представляет собой приоритетное сообщество для формирования новых моделей социального взаимодействия. Эмпирическим подтверждением данного положения выступает успешная реализация федеральной программы «Год добровольца (волонтера)» в Российской Федерации.

Кульминационным событием данной инициативы стал Всероссийский слет добровольцев, проведенный в г. Пятигорске в 2018 году. Описываемый опыт демонстрирует эффективность механизмов вовлечения молодежи в процессы генерации горизонтальных социальных связей, основанных на принципах кооперации и солидарности. В дальнейшем практики волонтерского движения стали массовыми, вовлекая в социально-значимые инициативы молодых людей по всей стране.

Помимо этого, важнейшим следствием расширения сети подобных молодежным контактов, является создание предпосылок расширения гражданских инициатив и укрепления социального капитала.

Завершая изложение возможностей использования социального капитала для достижения целей цивилизационного развития, отметим, что социальный капитал – это больше, чем просто нематериальный ресурс российского государства.

Обоснованным считаем позиционирование капитала в качестве основания-каркаса и скрепляющего субстрата – клея, обеспечивающего солидарность народа. Благодаря социальному капиталу государство-цивилизация сохраняет свою устойчивость, адаптируется к внешним и внутренним вызовам, получает потенциал для будущего развития.

1.6. Молодежь и ее научный потенциал в разрезе национальной безопасности страны

В современной среде ценность научного потенциала выражена в ценности молодежи нового формата, которого требует экономика на современном этапе. Это молодой человек, имеющий способности и компетенции новаторов и инноваторов к созданию и производству инноваций. В связи с этим назрела острая необходимость пересмотра целей и задач в сфере образования и науки и развитии молодежной политики. Важные вызовы в сфере научно-инновационного развития страны в предыдущие годы проявлялось в ускорении научно-технологического развития экономики[178].

Увеличение конкуренции в сфере науки и инноваций стало проявляться не только среди стран, возглавляющих рейтинги, но и среди развивающихся стран. Прорывы в технологическом развитии повысили неопределенность в сценариях развития России на мировом рынке.

В этом ключе для обеспечения опережающего развития стали аккумулироваться финансовые ресурсы на научные исследования, технологические разработки, включая экологически чистую энергетику, геномную медицину, новые технологии в сельском хозяйстве и др., что было отражено в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[179]

Кроме этого, многочисленные вопросы развития научно-образовательной сферы были закреплены в Национальных проектах «Наука и университеты»[180], «Образование», «Наука»[181], в Указе Президента Российской Федерации от 25.04.2022 г. № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий»[182].

---

[178] С. Прима, Р. Вовк и В. Вовк, «Анализ научно-технологического развития стран», 2023 г., 13-я Международная конференция по передовым компьютерным информационным технологиям (ACIT), Вроцлав, Польша, 2023 г., стр. 289-293, doi: 10.1109/ACIT58437.2023.10275502.

[179] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». – URL: https: kremlin.ru/events/president/news/73986/ (дата обращения: 21.09.2025). – Текст : электронный.

[180] Национальный проект «Наука и университеты». – URL: https://minobrnauki.gov.ru/nac_project/ (дата обращения: 21.09.2025). – Текст : электронный.

[181] Национальный проект «Наука» – URL: http://government.ru/info/35565/ (дата обращения: 21.09.2025). – Текст : электронный.

[182] Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 №231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий». – URL: http://government.ru/rugovclassifier/902/events/ (дата обращения: 22.09.2025). – Текст : электронный.

Смена парадигм в процессе развития научно-инновационного потенциала с молодежи.

Советская Россия являлась огромной научной школой, что способствовало развитию, созданию и накоплению новых знаний. Популяризация научно-технических знаний в СССР охватывала и культурную политику, и идеологическую работу, и систему профессиональной ориентации. Решение масштабных исследовательских и инженерных задач обеспечивалось за счет концентрации ресурсов в системе Академии наук СССР и отраслевых институтах, директивного планирования исследований и разработок, осуществляемого Государственным комитетом Совета Министров по науке и технике и Госпланом[183].

На рисунке 1 показаны организации, задействованные в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Из рисунка видно, что самая большая численность – подразделения на промышленных предприятиях являлся отраслевым (75,3 %), далее отраслевые научно-исследовательские институты и конструкторские организации (61,8 %), на сектор вузовской науки отводилось – 26 %, организации Академии наук – 25,2 %. Число занятых в области науки и научном обслуживании в 1990 году в СССР составляло 4403,1 тыс. чел.

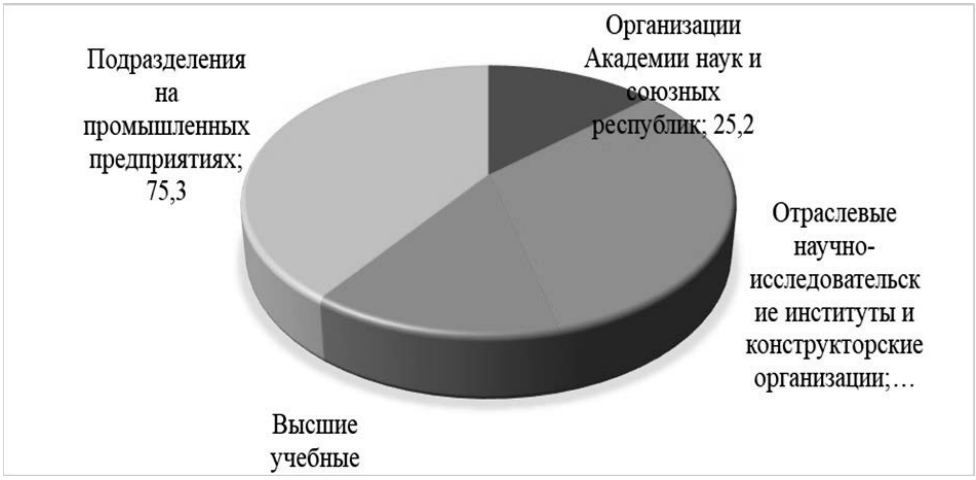

Рисунок 6 – Структура затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по видам исследований[184].

[183] Грузина Ю.М., Орусова О.В., Симонов К.В. Отчет о НИР Разработка механизмов государственного стимулирования по актуальным и приоритетным направлениям молодежной политики в сфере науки, техники и инноваций в Российской Федерации. – М.: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. – 2018. – 238 С.

[184] Наука СССР в цифрах: 1990: Краткий стат. сб. М.: ЦИСН. – 1991. – 320 с.

В 1990 г. расходы на науку составили 33,1 млрд. руб., что соответствует 4,7 % от национального дохода[185]. В эпоху перемен с переходом экономики на рыночный путь развития изменялась вместе с производственной экосистемой и экосистема образования.

Так показатель наукоемкости экономики в стране уменьшился на 47 %, доля расходов на НИОКР в России снизилась в 3,5 раза. Качественные и количественные показатели материально-технической базы были сокращены с 60 % до 30 %. Возросла конкуренция на рынке труда за высококвалифицированную рабочую силу. Произошло вымывание из страны кадров, технологий, идей, капитала.

Рассмотрим внутренние затраты на исследования и разработки по источникам финансирования, так, в 2021 г. средства государства составили 67,5 %, из которых:

– средства организаций государственного сектора – 174337,6 млн. руб.;

– средства бюджета – 688707,9 млн. руб.;

– бюджетные ассигнования на содержания образовательных организации высшего образования – 15733,1 млн. руб. [186] Однако внутренние затраты на исследования и разработки в России в 2021 г. в процентах к ВВП (например, 0,99 % в 2021 г.) снизились по сравнению к 2010 г. (1,13).

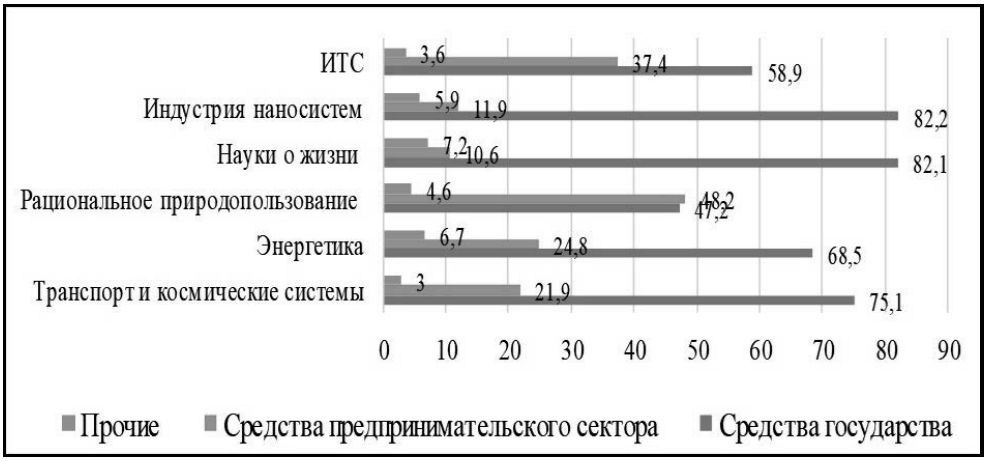

Рисунок 7 – Структура внутренних затрат на исследования и разработки за 2021 год [187].

[185] Наука СССР в цифрах: 1990: Краткий стат. сб. М.: ЦИСН. 1991. – 320 с.

[186] Лебедева Д.В. Ресурсное обеспечение инновационной деятельности в области научных исследований и разработок/Диссертация. – М: РУДН. 2021. – 210 с.

[187] Наука. Технологии. Инновации: 2023: краткий статистический сборник / В.В. Власова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 102 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-7598-2742-9 (в обл.).

Государственные средства составляют около 70 % во всех направлениях развития науки, техники и инноваций. Наибольший упор в финансировании из средств государственного сектора в 2021 году был сделан на направление «Индустрия наносистем» (82,2 %) и «Науки о жизни» (82,1 %), у предпринимательского сектора на направлении – «Рациональное природопользование» (48,2 %) и «Информационно-телекоммуникационные системы» (37,4 %). В то же время у предпринимательского сектора самое низкое финансирование в 2021 году было по таким направлениям, как «Индустрия наносистем» (11,9 %) и «Науки о жизни» (10,6 %).

На основании отчетов об исполнении консолидированного бюджета государственных внебюджетных фондов (данные казначейства) рассмотрены (рисунок 8) расходы на науку из средств федерального бюджета (млн руб.).

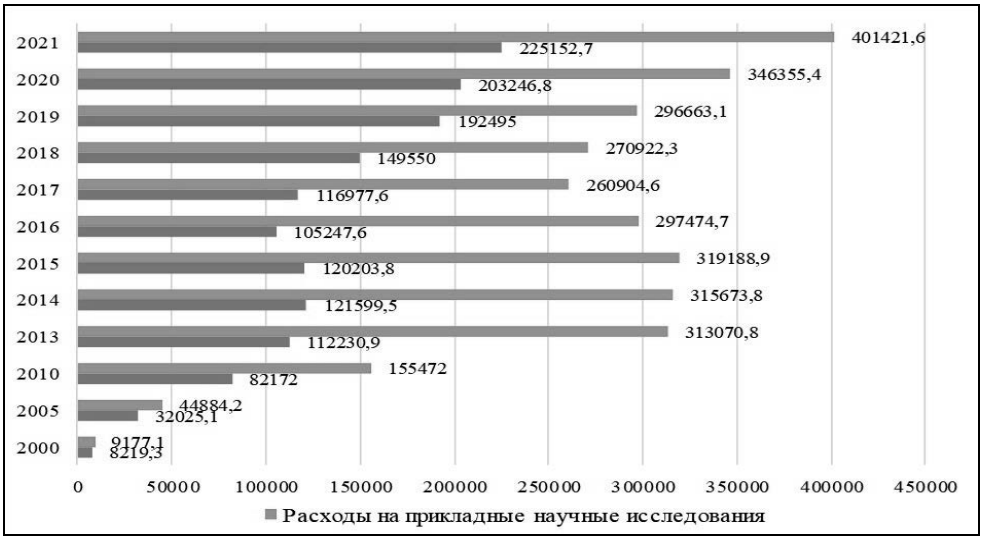

Рисунок 8 – Финансирование науки из средств федерального бюджета (млн руб.) [188].

В 2000 году расходы из средств федерального бюджета составили 8219,3 млн. руб., в 2021 году данные показатели увеличились примерно в 27 раз и составили 225152,7 млн. руб. Ассигнования на развитие прикладной науки с 2000 года росло плавно, с небольшим проседанием в 2017–2019 гг. В 2021 году показатели увеличились в 44 раза по сравнению с 2000 годом и составили 401421,6 млн. руб.

[188] Федеральная служба государственной статистики. Наука и инновации. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1 (дата обращения: 21.11.2025). Текст : электронный.

За последние годы в России развиты элементы системы институтов в сфере науки и инноваций, такие как: Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, венчурные фонды (с государственным участием через открытое акционерное общество «Российская венчурная компания»), федеральное государственное автономное учреждение «Российский фонд технологического развития», государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» и открытое акционерное общество «РОСНАНО» и др.

Рисунок 9 – Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по видам затрат по Российской Федерации (млн. руб.) [189].

В настоящее время, когда значимость вуза определяется уровнем развития научных и инновационных структур, способностью к коммерциализации научно-технических идей и разработок, степенью влияния образовательного учреждения на инновационную экономику региона и страны в целом можно сделать вывод о том, что архиважным и первостепенным становится создание условий для «стихийного» рождения новых знаний, научных разработок, технических открытий, что требует создания и развития соответствующей научной инфраструктуры[190].

[189] Федеральная служба государственной статистики. Наука и инновации. – URL: сайт: https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1 (дата обращения: 11.11.2025). – Текст : электронный.

[190] Ряховская А.Н., Грузина Ю.М. и др. отчет о НИР Проведение исследований и анализ стратегических программ развития экономики и промышленности регионов, в целях разработки комплекса мер для включения результатов инновационной, научно-технологической деятельности вузов в экономическую деятельность субъектов Российской Федерации– М.: Министерство образования и науки РФ, 2015. – 1036 с.

С 2019 по 2020 гг. в рамках проекта «Развитие передовой инфраструктуры для проведения исследований и разработок в Российской Федерации»[191] на обновление приборной базы было выделено 37,4 млрд. руб. В 2022 году в рамках нацпроекта «Наука и университеты» 204 научные организации получили 11,8 млрд. руб. на обновление научно-инновационного оборудования. Проанализируем востребованность научной и инновационной инфраструктуры организаций, проводивших исследования и разработки (таблица 2).

Таблица 2.

Востребованность научной и инновационной инфраструктуры в процессе исследований и разработок[192].

Наименование	Доступность научно-инновационного оборудования	Аренда МТБ	Услуги в сфере маркетинга и инжиниринга	Услуги ИКТ	Прочие услуги
Центры научно-инновационного оборудования	81	5	14	15,9	13
Центры трансфера технологий	29,9	7,9	24,9	25,9	31,9
Технопарки	54,7	20,9	38	28,9	19
Бизнес-инкубаторы	33,1	38	20,9	29,9	26,9
Инжиниринговые центры	43,9	52	74	26,9	13,9
Базы данных	29	30	5,4	46,8	14,8
Коворкинговые зоны	21,9	18,9	11,9	28	10,9
Центры подготовки кадров в научной сфере	31	32	15,9	19	17,9

Как видно из таблицы 2 доступность центров научно-инновационного оборудования осуществляется на высоком уровне – 81 %. Однако доступность технопарков – 54,7 %, бизнес-инкубаторов – 33,1 %, инжиринговых центров – 43,9 %, баз данных – 29 % остается на низком и среднем уровнях соответственно.

[191] Федеральный проект «Развитие передовой инфраструктуры для проведения исследований и разработок в Российской Федерации» национального проекта «Наука». – URL: https://storage.strategy24.ru/documents/project/2496ef312a2cb9c6a78e54388001a2b1.pdf (дата обращения: 11.09.2025). Текст : электронный.

[192] Федеральная служба государственной статистики. Наука и инновации. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 11.09.2025). – Текст : электронный.

На рисунке 10 отражены данные Федеральной службы статистики о структуре организаций, выполняющих исследовательские проекты и разработки с 2009 по 2024 гг. Можно сделать вывод об уменьшении на 1,8 % по сравнению с 2019 года общего количества организаций в России, выполняющих исследования и разработки организациями высшего образования. Это связано с оптимизацией и реформой системы образования и подведомственной сети научных организаций.

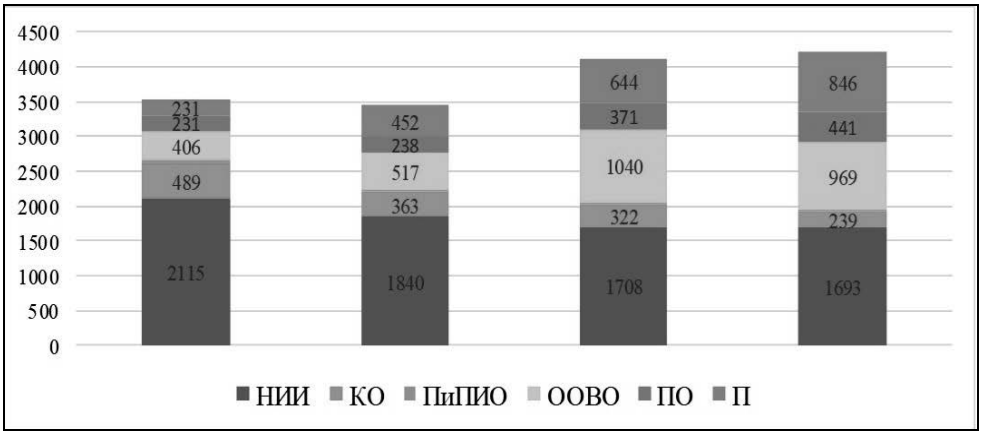

Рисунок 10 – Структура организаций, выполняющих исследовательские проекты и разработки с 2009 по 2024 год [193]

(НИИ – научно-исследовательские организации; КО – конструкторские организации; ПиПИО – проектные и проектно-изыскательские организации; ООВО – образовательные организации высшего образования; ОП – организации промышленности, имевшие научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения; П – прочие).

Начиная с 2010 года и по настоящее время наблюдается тенденция снижения инновационного потенциала, что обусловлено падением темпов инновационного обновления основного капитала.

Основные индикаторы, отражающие состояние сферы науки в России, показывают объем внутренних затрат на исследования и разработки. Как отмечает С.Ю. Глазьев[194] во всех странах мира увеличивается финансирование НИОКР, доля которого в ВВП достигает 4 %, что втрое превышает наукоемкость российской экономики.

[193] Федеральная служба государственной статистики. Наука и инновации. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1 (дата обращения: 01.09.2021). – Текст : электронный.

[194] Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и российской экономики на траекторию опережающего развития. Доклад / С.Ю. Глазьев. М.: Институт экономических стратегий, Русский биографический институт, 2015 — 60 с. ISBN 978-5-93618-231-0.

Тенденции обеспечения научной сферы молодыми учеными и выпускниками вузов.

На современном этапе развития экономик стран мира преобладают профессии интеллектуального труда, поэтому эта особенность стала одной из отличительных характеристик лидирующих стран в социальной и экономической сферах. Рабочая сила, кадры, человеческие ресурсы претерпели трансформацию, превратившись из промышленной рабочей силы в «информационную, интеллектуальную». На рисунке 8 представлены показатели стран мира по индексу инноваций за 2024 г.

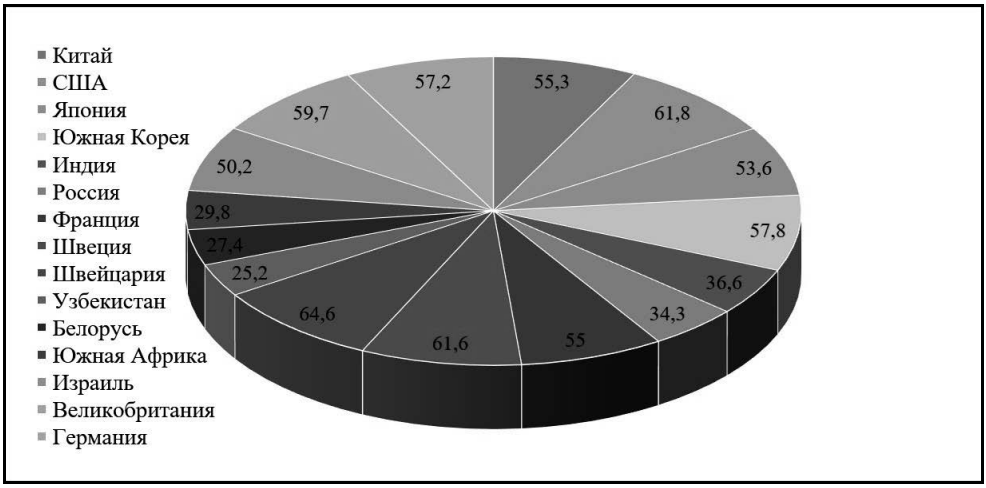

Рисунок 11 – Глобальный иновационный индекс стран в 2024 году

Как видно из Рисунка 11 лидируют такие страны, как Швейцария, США, Швеция, Китай занимает 11 место с показателем 55,3, Россия значительно уступает и занимает 59 место – 29,7 %.

Далее проведем анализ научных кадров через структуру исследователей по отраслям науки. Можно отметить, что % исследователей распределяется следующим образом:

– технические науки – 62,3 %;
– естественные науки – 22,2 %;
– общественные науки – 2,9 %;
– сельскохозяйственные науки – 5 %;
– медицинские науки – 4,2 %;
– гуманитарные науки – 3,4 %.[195]

[195] Наука. Технологии. Инновации: 2023 : краткий статистический сборник / В.В. Власова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. НИУ ВШЭ, 2023. – 102 с.

В России научный кадровый потенциал, занятый в исследованиях и разработках, составил на конец 2021 года 662,7 тыс. чел. В 2012 году этот же показатель составлял 726,3 тыс. чел., что показывает снижение занятых в исследованиях и разработках почти на 12 %[196]. Средний возраст исследователей представлен на рисунке 12.

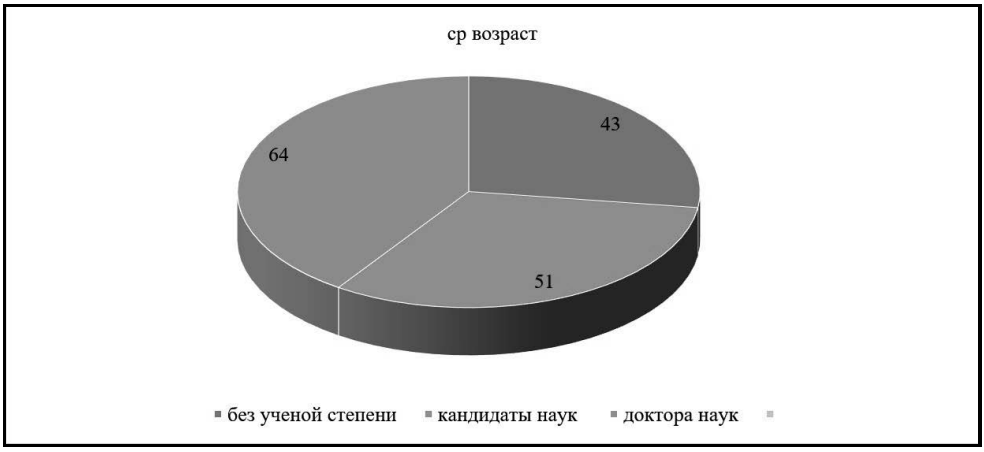

Рисунок 12 – Средний возраст исследователей в России.

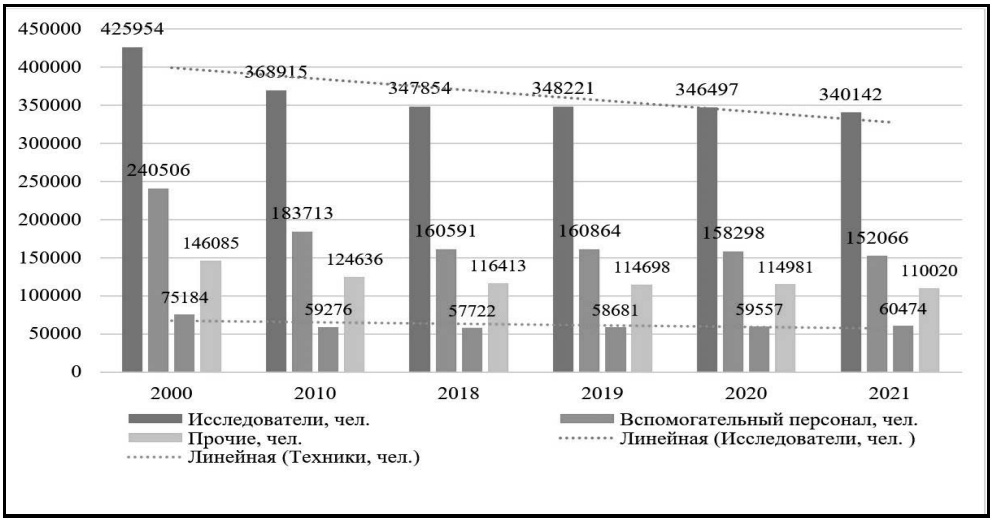

Рисунок 13 – Анализ персонала в научно-исследовательской сфере.

[196] Наука. Технологии. Инновации: 2023: краткий статистический сборник / В.В. Власова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 102 с.

Наблюдается ситуация разрыва поколений в российской науке (рисунок 13). Так, например, с 2000 по 2021 гг. доля исследователей в науке сокращается. Это связано в первую очередь с тем, что именно ресурс, выпущенный высшей школой, и обладающей компетенциями, востребованными рынком для развития современной экономики страны, является в настоящее время дефицитом.

Количество молодежи, интересующейся наукой составляет более 50 % в момент обучения в университете, но снижается при выпуске, так количество выпускников, трудоустроенных в качестве специалистов в области науки и техники составляет менее 10 %. Однако сама доля молодежи, вовлеченной в научную деятельность, незначительно растет (рисунок 14).

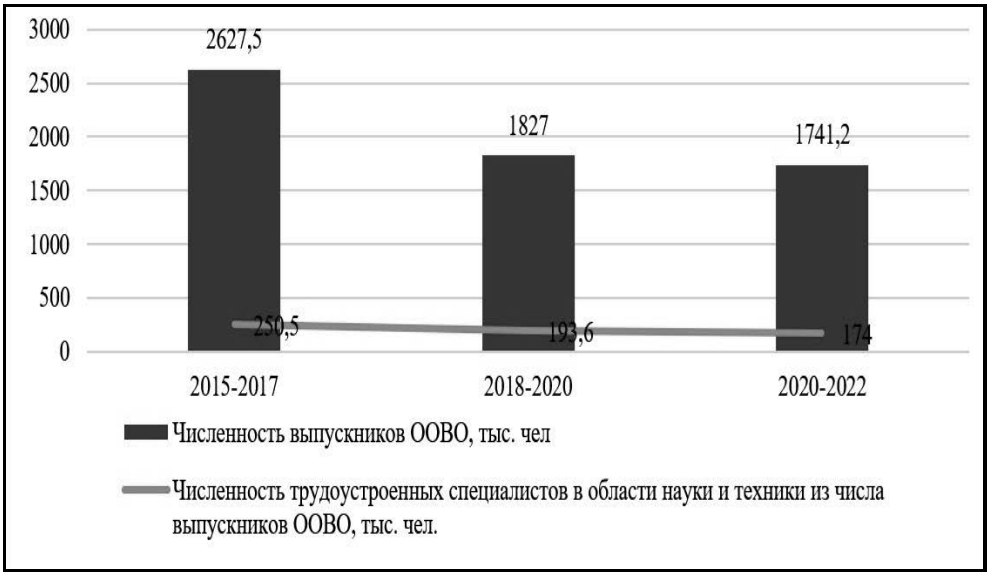

Рисунок 14 – Численность выпускников университетов, трудоустроенных в области науки и техники в общей численности выпускников университетов в 2015–2022 годах[197].

В соответствии с опросами студентов, такая ситуация связана с такими факторами, как невостребованность научных кадров, материальная составляющая, отсутствие перспективы роста и др.[198].

[197] Федеральная служба государственной статистики. – URL : https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 01.09.2025). – Текст : электронный

[198] Грузина Ю.М. К вопросу об экономической оценке усилий образовательной организации высшего образования по развитию научно-инновационного потенциала/ Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 15. № 12 (141). С. 174-183.

Рисунок 15 – Динамика численности молодежи, вовлеченной в научную деятельность.

Рассматривая динамику распределения исследователей по областям науки, можно отметить (рисунок 16), что количество исследователей в области естественных наук и технических наук, превышает количество исследователей в остальных областях, таких как: медицинские, сельскохозяйственные, гуманитарные.

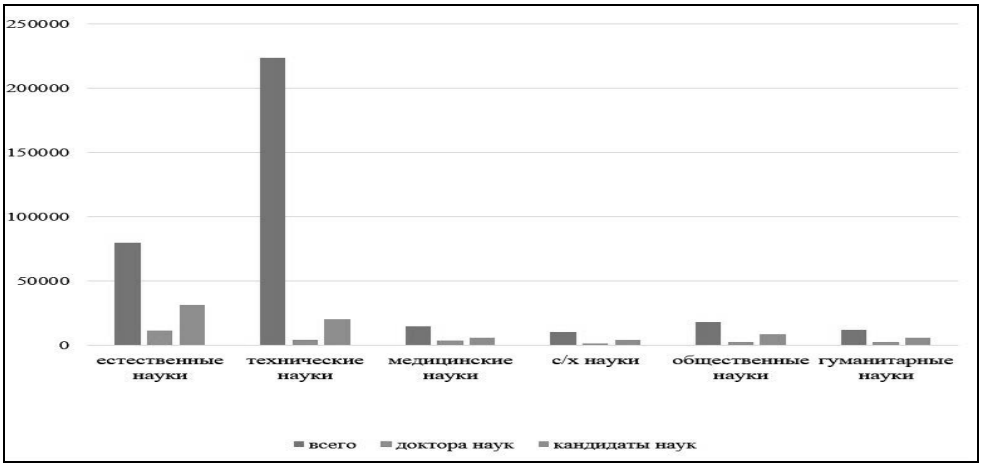

Рисунок 16 – Динамика распределения исследователей по областям науки[199].

[199] Наука. Технологии. Инновации: 2023: краткий статистический сборник / В.В. Власова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 102 с.

Также интересным представляется посмотреть процентное соотношение исследователей со степенями (рисунок 17). На рисунке показано, что количество докторов и кандидатов наук от общего количества исследователей составляет примерно 25–29 %.

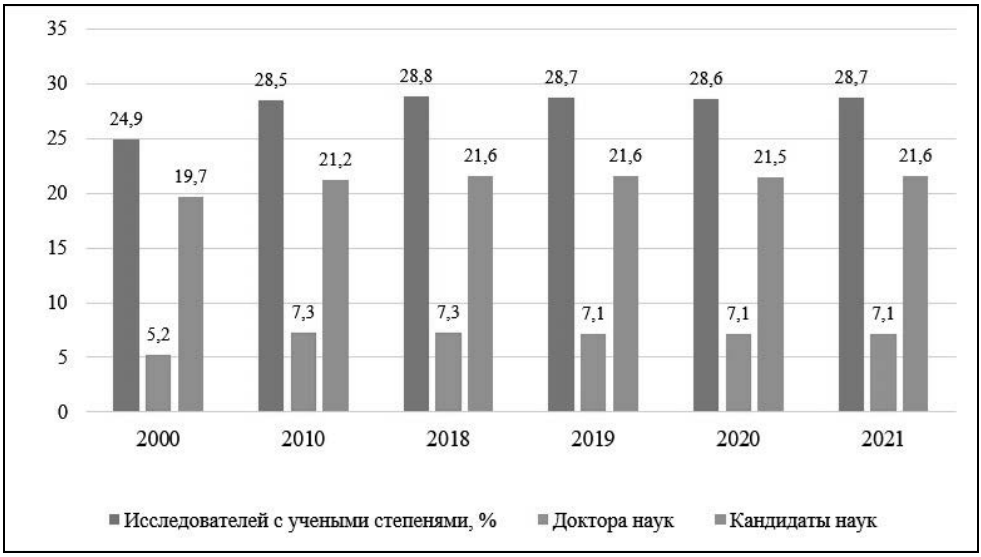

Рисунок 17 – Исследователи с учеными степенями в % от общей численности исследователей[200].

Очевиден тот факт, что наблюдается острая нехватка остепененных исследователей, что говорит об определенных проблемах в сфере подготовки научных кадров через аспирантуру и докторантуру в России.

Число организаций, осуществляющих подготовку кадров в области научной сферы с 2000 года по настоящее время уменьшилось. Так, например, в 2000 году число организаций составляло 1362 ед., в 2005 году их количество возросло до 1473 ед., в 2010 году также происходит рост организаций по подготовки научных кадров – 1568 ед. Однако с 2015 по 2021 гг. их число начинает сокращаться с 1446 ед. до 1174 ед.[201]

Если в 2010 году количество выпускников составляло 33763 чел., то к концу 2021 году число выпускников аспирантуры сократилось на 58 % и составило 14326 чел.

[200] Наука. Технологии. Инновации: 2023: краткий статистический сборник / В.В. Власова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 102 с.

[201] Грузина Ю.М Особенности развития научно-инновационного потенциала образовательных организаций/Инновации и инвестиции. 2024. №7. С. 139-142.

В настоящее время ситуация мало изменилась количество выпускников аспирантуры с каждым годом уменьшается, что наглядно отражено на рисунке 18.

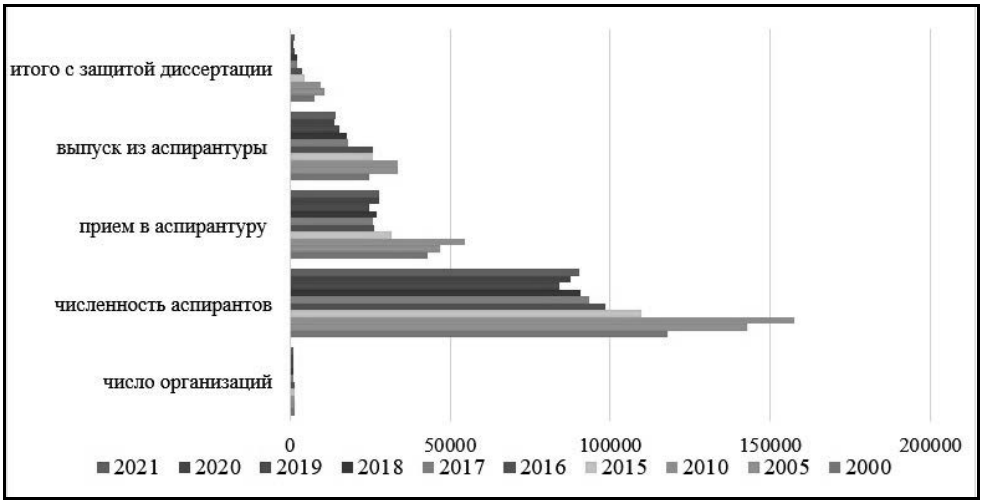

Рисунок 18 – Динамика показателей подготовки научных кадров в том числе с выпуском и с защитой диссертаций.

Проведенный анализ показал, что в России присутствует разрыв поколений в российской науке:

– сокращается общая численность исследователей в 2023 году по сравнению с 2022 годом снизилась на 0,5 % и составила 79,6 %,

– наблюдается острая нехватка остепененных исследователей – количество защищенных кандидатских диссертаций с 2010 по 2023 гг. снизилось в 4,2 раза;

– количество защищенных докторских диссертаций с 2010 г. по 2023 г. снизилось в 3,7 раз. При этом наблюдается значительное снижение защиты диссертаций в 2023 году – кандидатских диссертаций – 4 057, докторских – 578 по сравнению с 2022 годом – кандидатских диссертаций – 6 119, докторских – 927. Также идет уменьшение количества численности персонала, занятого в сфере научных исследований – по отношению к 1990 году число кадров в сфере науки сократилось на 65,5 %, к 2000 году – на 24,5 %, к 2010 году – на 8,9 %; число организаций, выполняющих исследования и разработки в 2023 году – 4 125, в 2022 году – 4 195[202].

[202] Красников Г.Я. Аналитический доклад о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными. – М.: РАН, 2025 – 19 с.

Анализ показал, что увеличивается финансирование научной деятельности, появляются новые объекты инфраструктуры для проведения исследований, создаются условия для вовлечения молодежи в научную деятельность, но остается открытым вопрос кадрового обеспечения научной сферы для научно-технологического развития страны.

Решение обозначенного вопроса связано с работой по вовлечению и удержанию молодежи в научно-исследовательской деятельности, с развитием устойчивой поведенческой модели, позволяющей на более ранних сроках обучения молодым людям начинать свою научную карьеру. Основное – вовлекать школьников в научно-исследовательскую деятельность уже во время обучения.

Решение может быть найдено только при условии, что в систему профориентации школ будут привлечены на ранних стадиях университеты, потенциальные работодатели. Такая же активная работа по вовлечению в научно-исследовательскую деятельность должна вестись на протяжении всего периода обучения студента на разных ступенях образования, особое внимание при этом следует уделять студентам первых и четвертых курсов бакалавриата и студентам магистратуры.

В связи с этим и система образования должна перестраиваться под новые требования, предъявляемые современными реалиями к выпускнику образовательной организации, в том числе образовательная организация высшего образования должна изменять свою структуру и принимать на себя расширенные функции подготовки кадров для высокотехнологичных секторов экономики.

От образовательных организаций высшего образования требуется полифункциональность, так как от научного потенциала, способности к масштабным научным исследованиям и коммерциализации результатов научной деятельности зависит уровень академического превосходства университета и выполнение национальных целей развития Российской Федерации[203].

[203] «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. / Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73986. (дата обращения: 12.09.2025). – Текст : электронный.

1.7. Становление новой мировой цивилизации и миссия России в стратегии обеспечения глобальной безопасности

Современный мир и гуманитарные аспекты проблемы глобальной безопасности. В настоящее время мировая цивилизация вступила в период глобальных трансформаций планетарного характера. Они происходят как в природе, так и во всех сферах жизнедеятельности общества. На наших глазах происходят глубокие перемены в среде обитания человека, которые существенным образом изменяют и его самого.

Исследования показывают, что эти изменения не всегда являются позитивными. Многие из них очень опасны, так как представляют угрозу для здоровья и жизни людей, окружающей их природы и биосферы нашей планеты в целом. Именно поэтому наиболее важной и приоритетной проблемой современности должно стать обеспечение глобальной безопасности человечества и сохранения необходимых для этого природных экосистем. Для решения этой актуальной и жизненно важной проблемы современности необходима стратегия глобальной безопасности, которая должна быть разработана уже в ближайшие годы и принята в качестве главного приоритета деятельности международного сообщества.

О необходимости разработки такой стратегии говорил Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев в своем выступлении на 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН в 2015 году. На этой сессии была принята комплексная программа действий ООН в области решения проблем устойчивого развития на период до 2030 года, которая включает 17 глобальных целей и 169 задач для их достижения.

Однако, на сегодняшний день ни одна из этих целей не достигнута и, как показывает анализ, к 2030 году достигнута не будет, хотя комплекс глобальных угроз развитию мировой цивилизации продолжает быстро нарастать, и ситуация становится критической. Причина этой ситуации состоит не только в том, что ООН показала свою беспомощность в вопросах мобилизации мирового сообщества для решения общих проблем обеспечения глобальной безопасности[204].

Корень проблемы в другом - в нежизнеспособности современной парадигмы развития мировой цивилизации, в которой доминируют принципы либерализма и капиталистической рыночной экономики.

Именно такая оценка содержится, например, в монографии «Революция сознания», которая была опубликована в США в 1999 году, а в 2004 году издана в России[205].

---

[204] Колин К.К. Половинчатая стратегия: критический анализ новой стратегии ООН в области устойчивого развития. //Партнерство цивилизаций, 2016, № 1-2. С. 33-41.

[205] Гроф С. Революция сознания: Трансатлантический диалог. / С. Гроф, Э. Ласло, П. Рассел; Пер. с англ. М. Драчинского. - М.: АСТ, 2004. 248 с.

Ее авторами являются известные ученые: системный аналитик Эрвин Ласло, теоретик в области проблем эволюции Питер Рассел и психолог Станислав Гроф. Они утверждают, что для выживания современному человечеству необходима революция сознания, которое в настоящее время ориентировано, главным образом, на удовлетворение материальных потребностей человека в ущерб его духовному развитию.

Этот вывод они сформулировали следующим образом: «переживаемый человечеством глобальный кризис в основе своей является кризисом сознания, и, если мы желаем уберечь мир, от нас требуется нечто большее, чем спасение дождевых лесов, борьба с загрязнением окружающей среды, с выделением углеводородных газов и уничтожением озонового слоя. Нам необходимо освободиться от эгоцентрического, материалистического модуса сознания, порождающего все эти проблемы».

По мнению Питера Рассела, главная причина глобального кризиса современной цивилизации заключается в материалистическом характере сознания, который определяется системой ценностей западной культуры: «наша деловая этика, наша политика, даже наш индивидуальный стиль жизни – все это лишь симптомы более глубокой проблемы. Вся наша цивилизация нежизнеспособна, и причина этого в нежизнеспособности нашей ценностной системы, самого нашего сознания, которое определяет наше отношение к миру».

Приведем еще одну важную цитату из этой монографии, которая принадлежит Станиславу Грофу и весьма убедительно характеризует психологическое состояние общества в странах Запада: «в определенном смысле сам факт перенасыщения в сфере базовых материальных потребностей и породил кризис смысла и духовных потребностей в обществе. Долгое время мы находились в плену иллюзий и ложной надежды на то, что рост материальной обеспеченности сам по себе способен основополагающим образом изменить качество жизни, принося нам благополучие, удовлетворение и счастье.

Богатство западных индустриальных стран на сегодняшний день невероятно, особенно в определенных слоях общества. Многие семьи наслаждаются подлинным изобилием - большой дом, два набитых едой холодильника, три или четыре машины в гараже, возможность поехать в отпуск в любое место в мире.

Но ничего из этого на принесло людям удовлетворения – налицо рост числа эмоциональных расстройств, злоупотребление наркотиками и алкоголизм, терроризм и насилие в семье. Наблюдается повсеместная утрата смысла, ценностей и перспективы, отчуждение от природы и общая саморазрушительная тенденция». Приведенная выше оценка психологической ситуации в странах Запада была опубликована еще в конце XX века, и с тех пор эта ситуация только ухудшается.

Наглядным свидетельством этого является тот факт, что в кабинете министров Великобритании создано два новых министерства. Одно из них занимается проблемой одиночества в старости, а другое - проблемой самоубийств, которые приняли массовый характер среди мужчин в возрасте 25–55 лет и стали основной причиной их смертности, опережая онкологические и сердечно-сосудистые заболевания.

Важно отметить, что причиной этих самоубийств являются не материальные трудности, а утрата людьми целей и смысла жизни. Психологи назвали этот феномен синдромом Мартина Идена, главного героя одноименного романа Джека Лондона. Будучи выходцем из бедной семьи, он, благодаря своему таланту и трудолюбию, пробился в высшее общество, но, даже став известным писателем и обеспеченным человеком, неожиданно покончил с собой. Причиной этого стало его глубокое разочарование в целях и смысле своей дальнейшей жизни[206].

Станислав Гроф определил эту психологическую ситуацию следующим образом: «это все равно, что добраться до вершины лестницы и обнаружить, что она приставлена не к той стене».

Социально-демографическая статистика свидетельствует о быстро нарастающей депопуляции коренного населения промышленно развитых стран Запада, а также об утрате ими своей национальной идентичности под воздействием потока мигрантов из стран Востока и Африки. На наших глазах деградирует великая культура стран Запада, так как вырождаются ее основные носители[207]. И это - трагедия новейшей истории развития мировой цивилизации, которая должна стать серьезным уроком для других стран мирового сообщества.

Структура и динамика мира цивилизаций. В настоящее время содержание термина «цивилизация» в русском языке имеет несколько различных значений. В монографии лидера российской научной школы цивилизационных исследований Ю.В. Яковца, изданной в нашей стране в 2021 году[208], предлагается различать следующие три основных компонента мира цивилизаций:

– глобальную цивилизацию – человеческое общество на стадии его цивилизационного развития, начиная с неолитической революции (10 тыс. лет назад) и городской революции (7 тыс. лет назад);

– мировые цивилизации – эпохи в развитии глобальной цивилизации (неолитическая, раннеклассовая, античная, средневековая, раннеиндустриальная и индустриальная);

---

[206] Лондон Джек. Мартин Иден. - М.: Эксмо, 2025. - 416 с.

[207] Дашкевич В.С. Великое культурное одичание: Арт-анализ. М.: Russian Chess House, 2013. 720 с.

[208] Яковец Ю.В. Новая парадигма теории, истории и будущего мира цивилизаций. М.: МИСК-ИНЭС, 2021. 564 с.

– локальные цивилизации – социальные мегасистемы, возникшие более 5 тысяч лет назад и отражающие особенности цивилизационного развития в различных регионах мира.

Среди локальных цивилизаций принято различать три группы цивилизаций: западную, восточную и евразийскую, к которой относится и современная Россия, как государство-цивилизация.

В настоящей работе термином цивилизация мы будем обозначать некоторую общность людей, которая характеризуется определенным набором базовых ценностей, традиций и принципов жизнедеятельности, нравственных ограничений, а также сходством своих моральных миров.

Важно отметить, что локальные цивилизации по всем этим характеристикам могут существенным образом различаться, так как они были сформированы в различных природных и исторических условиях их развития. Именно эти различия и являются источниками потенциальных конфликтов между этими цивилизациями, о чем наглядно и убедительно свидетельствует мировая история.

В то же время, цивилизационное разнообразие является благом для человечества в целом, так как оно содействует выживанию рода человеческого в различных природных условиях регионов нашей планеты.

Фундаментальные исследования процессов цивилизационной социогенетики, проведенные российскими учеными, выявили циклический спиралевидный характер этого процесса, который позволяет прогнозировать дальнейшее развитие мировых цивилизаций. Так, например, установлено, что за последние 5 тысяч лет произошло уже пять циклов развития мировых цивилизаций, и в настоящее время начинается шестой цикл, когда на смену индустриальной мировой цивилизации приходит цивилизация нового типа, облик которой можно только прогнозировать.

В указанной выше монографии Ю.В. Яковца эту цивилизацию предлагается назвать *интегральной цивилизацией.* Однако, есть и другие названия, например, *ноосферная цивилизация.* Это название нам представляется более адекватным основному содержанию будущей новой цивилизации. Ведь ее главной чертой должно стать партнерство локальных цивилизаций для преодоления глобального кризиса, восстановления жизненно важных систем и сохранения на нашей планете человечества как биологического вида. А это возможно лишь при условии становления ноосферы – сферы разума, в которой человек будет, наконец, соответствовать названию своего биологического вида – Homo sapiens.

При современной парадигме жизнедеятельности общества, когда природные ресурсы быстро истощаются, а экологические и другие глобальные угрозы нарастают, перспективы становления биосферной цивилизации представляются несбыточными. Но нужно понимать, что альтернативы этому просто нет.

Существующая парадигма жизнедеятельности общества либо радикально изменится, либо глобальная цивилизация погибнет, как это уже было в истории человечества ранее. Очень жаль, что эта история нас ничему не научила.

Отличительные особенности цивилизаций Запада, Востока и России в контексте проблем глобальной безопасности. При формировании стратегии выживания человечества и обеспечения его глобальной безопасности, очень важно учитывать специфику *цивилизационных кодов* тех локальных цивилизаций, которые должны сотрудничать для совместного решения общих проблем. Различия этих цивилизационных кодов являются весьма существенными, и поэтому их необходимо хорошо знать и обязательно учитывать в геополитике.

Современное все более жесткое и масштабное противоборство стран Востока и Запада, которое уже поставило мировую цивилизацию перед угрозой новой мировой войны с применением ядерного оружия, имеет не только геополитические и экономические причины. Аналитические исследования показывают, что существенно более важными являются причины цивилизационного характера. Это то самое столкновение цивилизаций, которое прогнозировали в своих работах Н.Н. Моисеев[209] и Самуэль Хантингтон[210] еще 30 лет тому назад.

Справедливость этого утверждения можно показать на примере современной агрессивной геополитики стран НАТО против России. Сегодня эти страны активно готовятся к войне с нашей страной, которая, по их прогнозам, должна начаться в ближайшие годы.

В последнее время они активно наращивают свой военный потенциал, увеличивают численность вооруженных сил и военные бюджеты. Создается специальный инвестиционный фонд для развития военной промышленности в размере порядка 500 млрд. евро. Строится новая железная дорога для доставки военных грузов к границам России.

В Германии началось переоборудование железнодорожных составов под санитарные поезда для транспортировки раненых. Создаются новые убежища для населения и осуществляется его психологическая подготовка к войне с Россией, которая, якобы, должна начаться в ближайшие годы.

Все эти факты являются слишком серьезными для того, чтобы оставить их без внимания со стороны России и ее геополитических союзников. Угроза новой мировой войны становится все более реальной, и поэтому обеспечение военной безопасности становится сегодня глобальной проблемой для всего мирового сообщества.

---

[209] Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ. //Вопросы философии, 1995, № 1. С. 3-30.

[210] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. - М:. АСТ, 2014. 640 с.

При этом возникает естественный вопрос: почему все это сегодня происходит? Ведь затраты на милитаризацию экономики, поставку оружия и боеприпасов на Украину, строительство оборонительных сооружений и содержание армии в странах НАТО являются очень большими. Они уже заставили эти страны существенно сократить социальные расходы и поставили их перед угрозой экономического кризиса.

Трудно себе представить, что все эти затраты делаются в интересах защиты народа Украины и европейской демократии. Главная причина совсем в другом. Россия для стран Запада всегда была и остается сегодня *идеологическим противником*, который имеет принципиально иные базовые духовные ценности. Это – другая цивилизация, имеющая свой собственный цивилизационный код, сформированный за многовековую историю и укоренившийся в сознании и подсознании народов России.

Отличительными чертами российской цивилизации является коллективизм, соборность, служение отечеству. Они сформировались потому, что были жизненно необходимы в условиях сурового климата, огромной территории и враждебного окружения. Именно эти качества помогали нашей стране возрождаться после каждого военного или же социального потрясения, которых в истории России было множество.

В то же время, характерной чертой российской ментальности является поиск нового, стремление к освоению новых пространств. Ведь именно русские открыли Курильские острова, которые многие годы были неизвестны в Японии, хотя находятся рядом с ее территорией.

У западной цивилизации базовые ценности и ментальность совсем другие. Здесь главное – индивидуализм, личное благополучие, материальный достаток, а общественные проблемы – на втором плане. Именно такая ментальность определяет отношение представителей западной цивилизации к другим людям и окружающей природе, которая рассматривается ими как источник ресурсов для своего жизнеобеспечения. Именно это и стало причиной разрушения многих жизненно важных экосистем нашей планеты.

В то же время, нельзя не отметить таких важных качеств представителей западной цивилизации как их активность, конкурентоспособность, законопослушность, высокая дисциплина и образования и культуры в Эпоху Просвещения, индустриализацию Европы и повышение уровня жизни ее населения. Однако, сегодня очень важно учитывать агрессивность западной цивилизации, которая унаследована ею от Римской империи. Стремление покорять другие страны и народы проявлялось у представителей западной цивилизации в течение всего периода ее существования. Сохраняется оно и в настоящее время. Ведь современное богатство сран Запада основано на ограблении других стран, из которых они получают природные и людские ресурсы.

Академик Н.Н. Моисеев в своих работах справедливо называл такую геополитику «дьявольским насосом»[211]. В современных условиях становления многополярного мира действие этого «насоса» сокращается, и это служит основной причиной многих международных конфликтов. Для народов восточной цивилизации главной ценностью является стабильность, основанная на *сохранении традиций.*

Отсюда берут свои начала их консерватизм, уважение к старшим людям, приоритет ценностей традиционной семьи. Именно эти качества обеспечивают ту удивительную живучесть восточных цивилизаций, которая наблюдается в течение их тысячелетней истории. Примерами здесь могут быть такие страны Востока как Китай, Индия и Япония, которые сохраняют эти качества и в настоящее время.

Так, например, когда японская фирма нанимает нового сотрудника, она, прежде всего, выясняет не его профессиональную компетентность, а то, в какой мере его ментальность соответствует традициям и стилю деятельности этой фирмы. Поэтому в японских компаниях руководящие посты занимают именно ветераны этих компаний, трудовые договоры с которыми заключаются пожизненно. Мало того, в некоторых фирмах около 5% сотрудников после достижения ими пенсионного возраста получают статус консультантов, а их должностной оклад удваивается. При этом, на работу они могут приходить по своему усмотрению.

Американские специалисты по работе с персоналом не понимают такой кадровой политики, но практика японских компаний свидетельствует об ее эффективности. Ведь затраты компании на оплату деятельности консультантов пенсионного возраста с лихвой окупаются повышением производительности труда остальных сотрудников, которые надеются получить аналогичный статус в будущем.

Консерватизм восточных цивилизаций проявляется не только во внутренней, но и во внешней политике. И это тоже нужно обязательно учитывать в международных проектах. Так, например, высшей ценностью для Китая является сам Китай, его благополучие и национальные интересы. Именно это определяет его осторожную и сдержанную политику в международной сфере. Проблемы глобальной цивилизации у этой страны всегда были и остаются сегодня на втором плане.

Новая информационная реальность и перспективы развития мира цивилизаций в XXI веке. Начало XXI века было ознаменовано подписанием Окинавской Хартии глобального информационного общества, которую некоторые аналитики называют Конституцией информационного общества. Свои подписи под этим документом поставили руководители восьми ведущих государств мира, включая Президента России В.В. Путина.

[211] Моисеев Н.Н. Быть или не быть ... человечеству? - М.: 1999. 288 с.

С этого момента времени процесс информатизации общества начал принимать глобальный характер, так как многие государства стали принимать свои национальные программы развития информационного общества, а ООН и ЮНЕСКО - активно содействовать этому процессу путем проведения крупных международных форумов.

Динамика этого процесса является очень высокой, а его результаты превосходят многое ожидания и прогнозы. В настоящее время информационная сфера общества становится новой средой обитания человека и существенным образом трансформирует многие аспекты его жизнедеятельности: структуру занятости, объекты и результаты труда, организацию общественного производства, быта и отдыха миллионов людей на нашей планете, их потребности и качество жизни, а также представления о пространстве и времени[212].

Новые средства информатики и информационных технологий широко применяются практически во всех странах мира и уже стали атрибутами нашей культуры, с которыми мы никогда не расстанемся. Поэтому можно вполне обоснованно утверждать, что сейчас, по существу, формируется третья природа, с которой человеку необходимо находить компромиссные формы совместного безопасного существования.

В таком ракурсе эта проблема еще не осознана интеллектуальной элитой современного общества, хотя академик Н.Н. Моисеев написал о ней в своей монографии еще 26 лет тому назад[213].

Содержание этой глобальной проблемы состоит в том, что, формируя новую, более комфортную среду своего обитания, человек сам становится ее заложником. Мало того, эта среда изменяет и природу человека, его социальные, психологические и даже физиологические свойства и качества.

Особенно сильно это проявляется в последние годы в жизнедеятельности молодого поколения жителей нашей планеты, которое уже получило название поколения NEXT[214]. Многие представители этого поколения родились и выросли в условиях новой информационной среды своего обитания и поэтому получили название «цифровые с рожденья». Они легко осваивают новую информационную технику и большую часть своего времени проводят в социальных сетях, предпочитая именно эту форму общения с другими людьми. Социальные исследования показали, что молодые граждане России проводят в виртуальном мире социальных сетей 6,5 часов ежедневно. А это – 40 % всего времени их бодрствования.

---

[212] Колин К.К. Информационная культура и качество жизни в информационном обществе. //Открытое образование, 2010, № 6. С. 84-89.

[213] Моисеев Н.Н. Судьба цивилизаций. Путь разума. М.: 2000. - 98 с.

[214] Колин К.К. Информационная антропология: поколение NEXT и новая угроза психологического расслоения человечества в информационном обществе //Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств, 2011, № 4. - С. 32-36.

В результате этого молодые люди имеют клиповое мышление и не способны сосредоточиться над решением сложных проблем, которые требуют концентрации внимания и глубоких размышлений. А ведь именно им предстоит в ближайшем будущем найти способы решения тех глобальных проблем, которые сегодня стремительно нарастают[215].

В XXI веке мир цивилизаций стремительно изменяется. При этом наиболее глубокие и масштабные перемены сегодня происходят в информационной сфере общества. Прогнозные исследования показывают, что в результате этих перемен уже в середине текущего столетия может сложиться такое состояние мировой цивилизации, которое вполне обоснованно можно будет назвать *информационной цивилизацией.*

Основные контуры этой цивилизации, а также роль и место в ней человека представлены в монографии, подготовленной в Институте проблем информатики РАН. В ней показано, что информационная цивилизация будет представлять собой качественно новую ступень развития человеческого общества, в котором многие сферы его жизнедеятельности получат новую форму и содержание. События последних десятилетий убедительно подтверждают этот прогноз, однако еще более глубокие перемены нас еще ждут впереди, так как процесс информационной трансформации общества продолжает нарастать во многих странах мира, включая Россию[216].

Можно прогнозировать, что уже в середине XXI века отличительными чертами информационной цивилизации станут следующие:

– большая часть трудоспособного населения будет занята в информационной сфере. При этом, основным объектом и результатом труда станут информационные ресурсы общества и новые технологии их использования;

– структура экономики и промышленного производства примет сетевую структуру, при которой многие товары и услуги будут производится непосредственно в местах их потребления. Это приведет к существенным переменам в организации общественного производства, снизит уровень урбанизации и транспортных перевозок, а также экологические проблемы развития мегаполисов. Хорошим примером здесь является Сингапур, где за счет широкого использования цифровых информационных технологий удалось существенным образом повысить уровень жизни населения, решить достаточно серьезные экологические проблемы этого города[217];

---

[215] Колин К.К. Интеллектуальный потенциал общества в стратегии глобальной безопасности. //Стратегические приоритеты, 2016, № 1. С. 57-70.

[216] Зацаринный А.А., Киселев Э.В., Козлов С.В., Колин К.К. Информационное пространство цифровой экономики: концептуальные основы и проблемы формирования. - М.: ФИЦ ИУ РАН, 2018. - 236 с.

[217] Хонг М. Секреты успеха Сингапура: 12 статей господина Марка Хонга Тат Сун, посла республики Сингапур в России и на Украине. - М.: 2000. - 174 с.

– в системе информационных коммуникаций будут доминировать новые космические системы связи, навигации и передачи данных глобального масштаба. При этом доступ ко многим их ресурсам и услугам станет массовым и бесплатным. Здесь следует ожидать создания глобальных систем телекоммуникации и мониторинга на базе тяжелых космических платформ на геостационарной орбите[218], а также станций на Луне. И это будет означать новый этап освоения человеком космического пространства;

– дальнейшее развитие получат *беспилотные авиационные, морские и транспортные системы,* которые в настоящее время бурно развиваются и уже широко применяются в военных действиях. Их использование кардинальным образом изменяет весь облик современной войны и уже привело к необходимости пересмотра основных положений Боевого устава Вооруженных Сил России. Развитие и использование беспилотных систем является особенно важным для России, территория которой огромна и для своего освоения требует новых средств наблюдения, связи и транспортных коммуникаций. Создание и широкое использование таких средств следует рассматривать как новый этап освоения человеком воздушного пространства нашей планеты[219];

– новое качество техносферы нашей планеты прогнозируется в результате массового применения интернета вещей в различных сферах жизнедеятельности общества. Ожидается, что уже в ближайшие десятилетия эти средства будут широко использоваться в промышленности, градостроительстве и даже в бытовой технике. Объемы трафика между этими средствами сегодня приближаются к объему трафика между людьми, и этот процесс быстро нарастает. Следует ожидать, что это новое средство информатизации общества радикальным образом изменит многие традиционные процессы жизнедеятельности людей. Все наши служебные и домашние помещения приобретут новые функции и создадут комфортные для человека условия;

– наряду с глобальной цифровизацией техносферы будут широко использоваться гибридные информационные технологии и средства искусственного интеллекта, повышающие их эффективность. Эти технологии будут природоподобными, и поэтому их использование представляется весьма перспективным для обеспечения биосферной совместимости человека и природы. Комплексный план развития таких технологий в России на период до 2036 года уже разработан в соответствие с Указом Президента Российской Федерации от 02.11.2023 г. № 818.

---

[218] Черток Б.А., Цыбин С.П. Перспективные системы связи на базе тяжелых космических платформ и пути решения насущных проблем общества //Проблемы информатизации, 1991, № 1.

[219] Кошкин Р.П. Беспилотные авиационные системы. М.: Стратегические приоритеты, 2016. - 676 с.

Для его реализации будет создана кооперация исполнителей, включающая 700 предприятий. Из них 350 – это учреждения науки и образования, 150 – инновационные центры и 200 – промышленные предприятия. Выполнение этого плана позволит перевести технологическое развитие страны на качественно более высокий уровень, но потребует адекватных перемен в науке и образовании;

– в области науки и образования следует ожидать радикальных перемен, связанный с необходимостью перехода к новой парадигме развития цивилизации, которая должна отодвинуть надвигающуюся планетарную экологическую катастрофу. При этом основное внимание должно быть уделено проблематике рационального соотношения между фундаментальными и прикладными знаниями, которые необходимы для обеспечения глобальной безопасности развития цивилизации на основе новых природоподобных технологий. Именно для этого и нужны более глубокие и целостные знания о фундаментальных законах эволюции природных систем, общества и самого человека, во всех его аспектах – биологическом, психологическом и социальном.

Можно ожидать, что в результате прогнозных исследований будут определены «красные линии» в жизнедеятельности общества и на этой основе сформирован императив безопасности, который будет внедрен в сознание людей новыми средствами образования, воспитания и культуры.

Сегодня такая перспектива представляется несбыточной, так как она требует от людей сознательных самоограничений во имя общей безопасности, и, следовательно, новой этики и морали. А эти качества формируются многими десятилетиями, и они несовместимы с эгоизмом и потребительством современного человека.

Кратко описанные выше черты новой цивилизации, конечно же, не являются полными. Однако, они дают общее представление о масштабах и направлениях тех грядущих перемен, к которым современное общества еще не готово, так как таких перемен в его истории никогда не было. Поэтому вполне возможно, что человечество не успеет осознать их необходимость и осуществить практически. Тогда биосфера нашей планеты переживет очередной кризис и продолжит свое развитие, но уже без рода человеческого, который не оправдал ее ожиданий.

Этот сценарий глобальной эволюции мировой цивилизации представляется вполне вероятным. Мало того, по мнению известного российского математика и философа А.А. Зиновьева, именно он и является наиболее вероятным для будущего. В заключительной части своей монографии «Фактор понимания» свой прогноз он сформулировал следующим образом: «наиболее вероятный конец человечества – воинствующая глупость. Человечество погибнет от своей глупости».

Прогноз был опубликован в марте 2006 года. Прошло 20 лет, и сегодня мы видим, что в процессе развития общества появляется все больше признаков, которые подтверждают возможность его реализации. Некоторые из них рассматриваются ниже[220].

В настоящее время мировая цивилизация находится на переломном этапе своего развития. Пришло время принятия судьбоносных решений, от адекватности которых зависит дальнейшая судьба человечества. Для принятия этих решений необходим системный анализ новых вызовов и угроз XXI века, результаты которого кратко изложены ниже.

Вызовы и угрозы становления новой мировой цивилизации. Результаты развития современной научно-технологической революции являются беспрецедентными в мировой истории. Они создают принципиально новые возможности для повышения качества жизни людей, а также для их развития и социальной самореализации. Однако, слишком высокие темпы использования природных ресурсов и материального потребления в экономически развитых странах стали причинами целого комплекса новых проблем, вызовов и угроз, которые в последние годы быстро нарастают[221]. Их структура представлена в Таблице 3.

Таблица 3.

Вызовы и угрозы становления новой мировой цивилизации

Вызовы и угрозы	Возможные последствия для глобальной безопасности
Нарушение гомеостаза биосферы	Сокращение восстановительных способностей биосферы в результате техногенной деятельности человека. Глобальное изменение климата и атмосферы. Планетарная катастрофа.
Истощение природных ресурсов	Ухудшение качества жизни населения. Дефицит чистой воды. Опустынивание земельных угодий. Голод. Борьба за ресурсы.
Информационное неравенство	Социальное расслоение общества. Психологический разрыв между поколениями людей. Международная напряженность.
Новая структура занятости	Рост безработицы. Новые профессии в техносфере. Необходимость модернизации системы образования.
Новые угрозы информационной безопасности	Угрозы для живучести информационной сферы. Информационный тоталитаризм. Глобальный контроль над личностью. Манипуляции сознанием. Энергоинформационные опасности для биосферы.
Трансформация человека	Формирование постчеловека в результате генной инженерии, биологической и кибернетической трансплантации.
Искусственный интеллект	Техногенные аварии в результате неадекватных решений в системах управления. Интеллектуальная деградация личности. Гибридное общество людей и роботов. Биологический супермозг и проблема сингулярности.

[220] Зиновьев А.А. Фактор понимания. - М.: Алгоритм, 2006. - 528 с.

[221] Колин К.К. Глобальная безопасность и приоритеты ООН на ближайшее десятилетие. //Стратегические приоритеты, 2020, № 1-2. - С. 49-60.

Нарушение гомеостаза биосферы. Опасность этой новой угрозы была установлена учеными в результате наблюдения за динамикой восстановительных функций биосферы нашей планеты, ее реакцией на техногенную деятельность человека.

Они показали, что антропогенная нагрузка на биосферу к началу XXI века существенным образом превысила ее восстановительный способности и ее необходимо сократить примерно в 10 раз. Это означает, что нужно либо адекватным образом уменьшить численность населения планеты, либо радикально снизить уровень ее загрязнения отходами жизнедеятельности и ввести строгие ограничения на потребление ресурсов биосферы.

Первый путь представляется практически нереальным, так как численность населения продолжает расти, и ожидается, что к середине текущего столетия она увеличится еще на 2,5–3 миллиарда.

Остается второй путь, но он также маловероятен, так как требует радикальной перестройки общественного сознания современного потребительского общества. А такие процессы требуют длительного времени, которого у человечества с каждым годом остается все меньше.

В этих условиях вопрос о будущем современной мировой цивилизации остается открытым, и реалистичные пути решения этой судьбоносной проблемы пока не найдены.

Истощение природных ресурсов. Здесь на первый план выдвигаются проблемы сокращения разведанных запасов топлива для обеспечения потребностей мировой углеводородной энергетики, а также запасов чистой воды, от дефицита которой страдает уже четверть населения нашей планеты. Для решения этих проблем необходим переход к экологически чистым энергосберегающим технологиям и альтернативным источникам энергии. Эти проблемы осознаны интеллектуальной элитой общества и поиск путей их решения осуществляется весьма энергично.

Россия здесь вносит существенный вклад, так как является лидером в области передовых технологий атомной энергетики, обладающей высоким уровнем безопасности. Одним из новых достижений является создание реакторов на быстрых нейтронах с замкнутым циклом использования ядерного топлива.

Информационное неравенство. Одной из глобальных проблем становления информационной цивилизации является проблема информационного неравенства, которое проявляется между людьми, странами и регионами мира в новой среде их жизнедеятельности. Исследования показали, что это неравенство является серьезной социальной проблемой, и потому оно должно рассматриваться как новая форма социального неравенства. В Окинавской хартии глобального информационного общества этой проблема было уделено особое внимание, а сама проблема обозначена как *«цифровое расслоение»* (digital inequality).

Главной причиной возникновения этой проблемы в тот период времени полагались неравные возможности доступа людей к цифровым сетям передачи данных и информационным технологиям. Однако, дальнейшие исследования показали, что эта проблема является более глубокой и имеет также и гуманитарные, культурологические и лингвистические аспекты[222].

Для использования новых возможностей информационного общества люди должны обладать мотивацией и определенным уровнем своей информационной культуры. А это предполагает и адекватный этим требованиям уровень образованности человека.

Лингвистический аспект проблемы информационного неравенства также является очень важным для использования социально значимых мировых информационных ресурсов. В настоящее время большая часть этих ресурсов представлена на английском языке, которым владеют далеко не все жители нашей планеты. А средства качественного компьютерного перевода текстов еще далеко отстают от потребностей их практического использования. В последние годы, когда проблема международного сотрудничества в интересах глобальной безопасности выдвигается на первый план, эта проблема становится особенно актуальной[223].

Социальный аспект проблемы информационного неравенства состоит в том, что оно разобщает людей, которые все больше предпочитают просмотр информации в своих гаджетах реальному общению с другими людьми. Кроме того, специалисты прогнозируют возрастание психологического разрыва между молодежью и старшим поколением, которое хуже владеет современной информационной техникой.

Новая структура занятости населения. Прогнозные исследования показывают, что структура занятости трудоспособного населения существенным образом изменится уже в ближайшие десятилетия. При этом утратят свое значение многие профессии, связанные с рутинной обработкой информации. Существенным образом сократится количество офисных работников среднего и нижнего уровня, а требования к информационной культуре остальных возрастут многократно. Безлюдные автоматизированные системы общественного производства и транспортных коммуникаций также высвободят много работников этих профессий. Поэтому общий уровень безработицы, скорее всего, будет повышаться по мере все более широкого использования новых технологий. В то же время, появится и много новых профессий, связанных с их созданием, внедрением и применением.

---

[222] Колин К.К. Глобальные проблемы информатизации: информационное неравенство //Alma mater (Вестник высшей школы), 2000, № 6. - С. 27-30.

[223] Колин К.К., Хорошилов А.А., Кан А.В., Никитин Ю.В. Решение проблемы многоязычия в международном научно-техническом пространстве /Труды Института системного программирования РАН. 2023. Т.35, № 6. - С. 337-346.

Все это - очень важные и актуальные проблемы, требующие адекватной модернизации системы образования, которое должно приобрести опережающий характер для сохранения социальной стабильности в обществе.

Новые угрозы информационной безопасности. В числе таких угроз нужно в первую очередь отметить угрозу для живучести критически важных объектов техносферы и социально значимых информационных ресурсов общества. Эта угроза нарастает по мере развития процессов информатизации общества, когда многие функции его жизнеобеспечения передаются от человека к автоматизированным системам управления.

Кроме того, накопление социально значимой информации в электронной форме делает ее уязвимой к деструктивным воздействиям природного или же антропогенного характера. Так, например, если в результате очередного мощного выброса плазмы на Солнце, которые в последние годы происходят достаточно часто, значительная часть важных информационных ресурсов будет разрушена, человечество вернется в средневековье, так как будут утрачены многие научные знания и критически важные технологии.

Эта проблема стала осознаваться лишь в самые последние годы и еще не нашла своего системного решения. Содержание этой проблемы и некоторые пути ее решения рассмотрены в монографии И.И. Быстрова[224], а также в ряде публикаций специалистов ФИЦ ИУ РАН[225].

Серьезной новой угрозой в области информационной безопасности является возможность формирования *информационного тоталитаризма*. Речь здесь идет о возможности монополизации социально значимых информационных ресурсов крупными транснациональными компаниями, что создает для них большие возможности контроля над личностью и манипуляции общественным сознанием в своих интересах.

Еще одна новая угроза для безопасности человека и окружающей его биосферы обусловлена существенным возрастанием интенсивности электромагнитных полей современной техносферы. Это особенно заметно в мегаполисах, где жилые и служебные помещения заполнены электронной информационной техникой и различными устройствами, которые создают высокий уровень электромагнитных полей.

Кроме того, современные высотные здания имеют каркас из металлической арматуры, которая экранирует их внутренние помещения от естественного электромагнитного поля планеты.

---

[224] Быстров И.И. Живучесть автоматизированных организаций. - М.: Майор Осипенко, 2016. - 506 с.

[225] Быстров И.И., Веселов В.Н., Колин К.К. Основы живучести автоматизированных организаций информационного общества. //Системы и средства информатики. 2018. Т.28, № 4. - С. 110-121.

Оба этих фактора действуют одновременно и оказывают негативное воздействие на людей, которые живут или работают в этих помещениях. Допустимые уровни этого воздействия сегодня не установлены, так как необходимых исследований этой проблемы не проводится[226].

Мало того, необходимо учитывать, что это деструктивное воздействие испытывают на себе не только люди, но также и микроорганизмы, бактерии и вирусы, которые находятся в таких же условиях. И вполне возможно, что это может стать причиной их генетических мутаций и появления опасных мутантов[227]. Более детальный анализ современного содержания комплексной проблемы обеспечения информационной безопасности представлен в журнале «Стратегические приоритеты»[228].

Трансформация человека. Попытка комплексной постановки и анализа этой проблемы была сделана в 2002 году известным американским аналитиком Фрэнсисом Фукуямой в его монографии «Наше постчеловеческое будущее»[229]. В ней он подробно рассмотрел ситуацию в области биотехнологий и генной инженерии и показал опасность дальнейшего проведения опытов в этой области, включая попытки клонирования человека, а также создания химер путем пересадки генов человека животным и, наоборот, от животных к человеку.

Несмотря на то, что такие опыты во многих странах запрещены, они продолжаются и могут привести к опасным последствиям. Однако, еще более опасными нам представляются работы по созданию биологического интерфейса мозг-компьютер. Такие работы, например, ведутся в США при финансовой поддержке компании Илона Маска.

Проводятся они с благими намерениями помощи инвалидам по зрению и являются многообещающими. Уже удалось обеспечить возможность двум слепым с детства людями различать контуры окружающих их предметов, что облегчает им ориентирование в пространстве своего обитания.

Специалисты прогнозируют, что уже в течение ближайших лет может быть получена возможность передачи больших объемов информации из памяти компьютера непосредственно в мозг человека. И именно эта возможность, по нашему мнению, представляет собой новую серьезную угрозу для безопасности мировой цивилизации.

---

[226] Колин К.К. Экологическая безопасность как комплексная проблема: информационные и биоэнергетические аспекты экологической культуры общества. //Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2022. № S1-1. С. 18-24.

[227] Колин К.К. Культура безопасности в градоустройстве и гродостроительстве как стратегический фактор биосферной совместимости человека и природы. //Биосферная совместимость: человек, регион, технологии, 2024, № 1. - С. 16-24.

[228] Колин К.К. Информационная безопасность: новое содержание комплексной проблемы //Стратегические приоритеты, 2020, № 3-4. - С. 55-65.

[229] Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. - М.: АСТ, 2004. - 349 с.

Ведь мозг одного человека по своему информационному потенциалу хранить и обрабатывать большие объемы информации далеко превосходит аналогичные возможности всех современных компьютеров вместе взятых. Поэтому вполне возможно, что в результате этих опытов будет создан биологический супермозг с фантастическими возможностями. И нельзя исключить того, что этот мозг окажется под влиянием фанатиков с совсем недобрыми намерениями, которые будут использовать его в своих амбициозных или же преступных целей.

Вопрос о том, почему мудрая и очень экономная в своих творениях природа заложила в геном человека такие огромные возможности, которые он сегодня очень мало использует, остается открытым и очень интересным для изучения. Но посмотрим на эту проблему с другой стороны - использования этих возможностей против самого человека. История развития человечества свидетельствует, что очень многие свои выдающиеся достижения человек использовал против себя, создавая новое оружие для уничтожения других людей или же утверждения своей власти над ними.

Это свойство человеческой природы унаследовано нами на биологическом уровне и сохранилось до сих пор. Поэтому надеяться, что на этот раз все будет по-другому, было бы слишком наивным и рискованным. Очень важно, чтобы мировое сообщество своевременно обратило внимание на эту новую глобальную угрозу и усилило контроль за такими экспериментами, как на национальном, так и на международном уровне.

Искусственный интеллект. В последние годы исследования и разработки в области создания новых средств, методов и технологий искусственного интеллекта бурно развиваются во многих странах и уже приняли характер нового направления развития научно-технологической революции[230]. Уже сегодня интеллектуальные роботы самостоятельно проводят хирургические операции над пациентами, в которых требуется высокая точность владения медицинскими инструментами.

Промышленные роботы автоматизированного производства позволили создать почти безлюдные фабрики промышленных изделий, в которых учитываются вкусы и особенности требований их потребителей.

Однако наиболее значимыми по своим последствиям являются применения методов искусственного интеллекта в информационной сфере общества, где необходимо работать с текстами, анализировать изображения и принимать решения по управлению сложными системами в реальном масштабе времени. В этой области искусственный интеллект превосходит человека по целому ряду важных критериев, и поэтому он будет широко использоваться и в будущем.

[230] Колин К.К. Новый этап в развитии искусственного интеллекта: национальные стратегии, тенденции и прогнозы //Стратегические приоритеты, 2019, № 2. – С. 5-15.

Цивилизационная значимость этого нового феномена состоит в том, что человек, впервые за всю историю своего существования, изобрел средство для усиления своего интеллекта. Но одновременно он стал и его заложником. Исследования показывают, что, передавая свои интеллектуальные функции системам искусственного интеллекта, человек существенным образом снижает свои естественные интеллектуальные способности. При этом, в первую очередь, сокращается объем информации и научных знаний, которые ранее человек должен был хранить в своей памяти. Ведь теперь их может ему предоставить интеллектуальная информационная система. Казалось бы, что здесь плохого? Высвобождается много времени для других забот. Но природа человека так устроена, что мало используемый орган обязательно атрофируется. И это правило распространяется также и на интеллектуальные способности его головного мозга.

Можно прогнозировать, что, если эффективного средства для противодействия интеллектуальной деградации личности не будет найдено, то человек в недалеком будущем станет придатком высоко развитых систем искусственного интеллекта, которые он сам и создал.

Такая перспектива блестяще показана в известном научно-фантастическом романе Александра Зиновьева «Глобальный человейник»[231]. Он был написан еще в 1998 году, задолго до начала нового этапа развития искусственного интеллекта. В этом романе автор использовал аналогию с муравейником, который, как известно, обладает коллективным разумом, и каждый муравей выполняет лишь строго предписанные ему функции общей жизнедеятельности. Есть рабочие муравьи, муравьи-стражники и даже воспитатели молодого поколения. Однако, если муравья лишить связи с муравейником, он обязательно погибает.

Не такая ли судьба ожидает и человеческое общество в будущем? Ведь уже в наши дни даже старшие школьники не знают таблицы умножения, а действия над простыми дробями в уме представляются сложной задачей для студентов современных вузов. Ведь у каждого из них есть смартфон или компьютер, где есть калькулятор. Поэтому знания арифметики им особенно и не нужны. И это явные признаки новой глобальной проблемы современности, которая уже получила название проблемы интеллектуальной безопасности[232]. Пути решения этой проблемы пока не найдены, хотя ее значимость для глобальной безопасности в последние годы начинает все больше осознаваться[233].

---

[231] Зиновьев А.А. Глобальный человейник. М.: “Конон+” РООИ “Реабилитация”, 2019. - 368 с.

[232] Колин К.К. Биосоциология молодежи и проблема интеллектуальной безопасности. //Знание. Понимание. Умение. 2012, № 1. - С. 156-162.

[233] Колин К.К. Интеллектуальная безопасность - новая глобальная проблема XXI века. //Стратегические приоритеты, 2019, № 3-4 - С. 99-111.

Миссия России в обеспечении глобальной безопасности. Россия является великой державой в составе современной мировой цивилизации. Поэтому ее роль в обеспечении глобальной безопасности является не только очень важной, но и особенной. И эта особенность обусловлена следующими основными факторами:

– по своему географическому положению наша страна находится в центре материка Евразии и имеет очень обширную территорию, богатую природными ресурсами. При этом она представляет собой *мост между двумя принципиально различными региональными цивилизациями стран Востока и Запада.* И именно это позволило России вобрать в себя и использовать опыт развития этих цивилизаций;

– система *базовых цивилизационных ценностей* России, ее исторически сложившиеся традиции сочетают в себе многие особенности стран европейского Запада и тихоокеанского Востока. И это - очень большое цивилизационное достижение России, которое необходимо использовать для построения многополярного безопасного мира и партнерства цивилизаций в интересах глобальной безопасности;

– Россия является крупной *ядерной державой*, обладает современными Вооруженными Силами, имеющими боевой опыт и оснащенными современным оружием. Это гарантирует нашей стране военную безопасность для противостояния любому агрессору. Военным путем победить нашу страну сегодня невозможно, и это сохранится в обозримой перспективе;

– уровень жизни населения нашей страны ниже, чем в экономически развитых странах Запада. Поэтому гражданам России гораздо легче будет принять те неизбежные *ограничения экологического императива,* которые в ближайшие годы необходимо будет принять странам Запада для того, чтобы отодвинуть наступление экологического кризиса;

– в нашей стране имеется *научный и духовно-нравственный потенциал,* который позволяет ей стать мировым лидером в решении проблемы формирования Стратегии глобальной безопасности мировой цивилизации и ее поэтапного практического воплощения.

В своем выступлении на Валдайском форуме в октябре 2025 года Президент России В.В. Путин заявил: «безопасность человечества зависит от его способности отвечать на вызовы, порождаемые природными катаклизмами, техногенными катастрофами, технологическим развитием, новыми стремительными социальными, демографическими, информационными процессами» [234].

[234] Владимир Путин принял участие в пленарной сессии XXII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» / – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78134 (дата обращения: 21.09.2025). – Текст : электронный.

При этом, он отметил: «мир, несмотря на обострение конфликтов, на кризис прежней модели глобализации, фрагментацию мировой экономики, остаётся целостным, взаимосвязанным и взаимозависимым». А наша страна в этом мире «.. последовательно отстаивала и отстаивает принцип неделимости безопасности. Не раз говорил: безопасность одних не может быть обеспечена за счёт других. В противном случае безопасности нет вообще, нет ни для кого». К сожалению, добиться утверждения такого принципа в мире России пока не удалось, хотя он является необходимым условием глобальной безопасности.

Российские исследования проблем безопасности. Российская академия наук уже около 30 лет осуществляет комплексные исследования проблем безопасности. Они проводятся в виде специальной Программы Президиума РАН «Безопасность России» (научный руководитель – член-корр. РАН Н.А. Махутов), а результаты этих исследований публикуются в виде серии монографий. В настоящее время издано 70 таких монографий по различным аспектам проблем безопасности. Очередная монография, посвященная использованию методов системной инженерии в решении проблем обеспечения безопасности, вышла в свет в мае 2025 года[235].

Необходимо особо отметить и серию коллективных монографий, подготовленных Военной академией Генерального штаба ВС РФ[236]. Их содержание достаточно глубоко обсуждалось заинтересованными специалистами на регулярно проводимых в последние годы научных форумах Министерства обороны России. Нам представляется, что совокупность этих результатов является хорошей основой для формирования науки о безопасности. Это позволит вывести дальнейшие исследования проблем безопасности на новый научно-методологический уровень. А результаты этих исследований необходимо использовать не только в России, но и в других странах, в том числе - в Республике Беларусь и других странах БРИКС, являющихся союзниками России[237].

Концептуальные основы науки о безопасности. В настоящее время проблема безопасности является самой приоритетной и жизненно важной проблемой развития человечества. Поэтому представляется странным, что этой проблеме так мало уделяется внимания в философских исследованиях. Ведь ни в одной из изданных в нашей стране философских энциклопедий не содержится даже определения содержания термина «безопасность».

---

[235] Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Системная инженерия в проблемах национальной безопасности. - М.: Знание, 2025. - 904 с.

[236] Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации. М.: РГГУ, 2021. - 604 с.

[237] Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Научный доклад к VII саммиту БРИКС. - М.: МИСК-ИНЭС-НКИ БРИКС, 2014. - 392 с.

Нет этого определения и в философских словарях. И только в Международном энциклопедическом словаре «глобалистика» имеется цикл статей, в которых раскрывается содержание ряда терминов, определяющих различные виды безопасности[238]. В Российской академии наук проводятся работы по формированию концептуальных основ науки о безопасности, которую предлагается назвать *сафитологией*[239]. При этом показано, что при проведении таких исследований необходимо помнить, что термин *«безопасность»* в русском языке имеет два основных значения. Первое из них обозначает отсутствие какой-либо опасности для некоторого объекта, процесса или явления со стороны внешних или внутренних источников или же состояние защищенности от их негативного воздействия. В этом смысле мы употребляем такие словосочетания как *личная безопасность, общественная безопасность, национальная безопасность* и т.п.

Второе значение термина «безопасность» используется для обозначения свойства самих объектов, процессов или явлений не причинять вреда или ущерба другим объектам или процессам в результате своей деятельности. Характерными примерами здесь могут служить такие понятия как *безопасный транспорт, безопасный путь, безопасная бритва.*

Понимание и учет этой двойственности является очень важным при определении источника или причины опасности. Таким источником может быть сам человек, нарушающий законы природы и общества. Источником угрозы или опасности могут быть также и некоторые социальные структуры – преступные сообщества или террористические организации

Источником опасности может быть и государство, если оно проводит агрессивную внешнюю или репрессивную внутреннюю политику. Примером здесь может служить Израиль, военные действия которого по уничтожению населения Палестины уже признаны геноцидом.

Определение некоторых важных терминов в области безопасности приведено в ряде директивных документов нашей страны по этой проблематике. Наиболее важными из них являются:

– Закон о безопасности в Российской Федерации;

– Стратегия национальной безопасности Российской Федерации;

– Доктрина информационной безопасности Российской Федерации.

Однако, во всех этих документах основное внимание уделяется, главным образом, проблематике обеспечения защищенности объектов безопасности от внешних угроз. А этого явно недостаточно, так как проблема безопасности является комплексной и многоаспектной.

---

[238] Глобалистика: Международный энциклопедический словарь. – М. Спб. 2006. – 1160 с.

[239] Колин К.К. Современный мир и актуальные проблемы формирования науки о безопасности /Донецкие чтения 2023: Образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. М-лы VIII Межд. науч. конф. - Доенецк, 2023. - С. 59-61.

Иерархическая структура проблемы безопасности. Если рассматривать окружающий человека мир как сложную иерархическую систему, то представляется целесообразным различать следующие уровни объектов для анализа проблем безопасности:

– дальний и ближний космос;
– планета Земля;
– неживая природа;
– биосфера планеты;
– человеческое общество;
– национальные государства и их объединения;
– корпоративные организационные структуры;
– семья;
– человек.

В качестве критерия для определения приведенной выше структуры принят уровень проявления угроз для безопасности, которые сегодня наблюдаются или же прогнозируются для объектов или процессов, находящихся на различных уровнях иерархии современного мира.

При этом необходимо помнить, что для всех этих объектов при анализе должны рассматриваться оба аспекта проблемы безопасности, которые были указаны ранее.

Так, например, при изучении проблемы безопасности для объектов и процессов космического уровня, нужно рассматривать не только угрозы и опасности, исходящие из космического пространства, но также и проблемы обеспечения безопасности самого этого пространства. Ведь уже сегодня околоземное космическое пространство нуждается в очистке от «космического мусора», который становится одной из новых угроз для деятельности человека в космосе.

Аналогичным образом, при комплексном исследовании проблем безопасности личности, должны рассматриваться не только проблемы защищенности человека от различного рода внешних и внутренних негативных факторов, но также и проблемы формирования безопасной личности. При этом, необходимо создавать такие условия образования и воспитания человека, при которых образованный человек не будет являться источником опасности для других людей и окружающей его природы, а также – для самого себя.

Исследования показывают, что именно эта проблема и является в настоящее время ключевой проблемой глобальной безопасности дальнейшего развития мировой цивилизации, а ее решение - необходимое условие выживания человечества в современном динамичном и все более опасном мире.

Основные задачи науки о безопасности. Исследования показали, что главными задачами науки о безопасности должны стать следующие:

– философское осмысление проблемы безопасности и ее места в стратегии дальнейшего развития общества;

– прогнозирование угроз для безопасности в различных сферах, их источников, причин и возможных последствий;

– определение допустимых пределов воздействия негативных факторов в природе, техносфере и обществе, тех «красных линий», превышение которых ведет к особо опасным или катастрофическим последствиям;

– определение адекватных мер противодействия вызовам и угрозам для безопасности природы, человека и общества и разработка рекомендаций по их реализации на национальном или международном уровне;

– формирование научно обоснованного *императива безопасности* и принципов его реализации в системе образования и воспитания;

– формирование в обществе *культуры безопасности*;

– популяризация передовых достижений обеспечения безопасности.

Структура предметной области науки о безопасности должна содержать исследования в следующих основных сферах:

– естественная неживая природа, включая недра Земли и окружающее ее космическое пространство;

– биосфера, включая животный и растительный мир, бактерии и вирусы;

– техносфера, включая информационную технику и технологии;

– общество, во всем многообразии его жизнедеятельности;

– человек, как объект безопасности и фактор риска для безопасности других людей, природы и общества.

Приведенная структура предметной области является весьма широкой, что обусловлено междисциплинарным характером науки о безопасности. Ее формирование является необходимым условием выживания человечества в стремительно изменяющемся и все более опасном мире.

Потенциал России для решения проблем обеспечения безопасности.

Современная Россия накопила и имеет весьма значительный научно-методологический потенциал для решения проблем обеспечения национальной и глобальной безопасности.

Результаты исследований российских ученых в этой области хорошо известны.

Имена В.И. Вернадского, Н.Н. Моисеева, А.Д. Урсула и других российских ученых знает весь мир[240]. Сегодня эти результаты вновь востребованы и являются исключительно актуальными.

[240] Урсул А.Д. Путь в ноосферу: Концепция выживания и устойчивого развития человечества. - М.: Луч, 1993. - 275 с.

Однако, мир стремительно изменяется, и новая реальность преподносит нам все новые и новые вызовы и угрозы в самых различных сферах жизнедеятельности человека и общества. Наиболее динамичной является информационная сфера, где происходят перемены революционного характера. Этот феномен уже получил название цифровой трансформации. Он продолжает нарастать, и пределы его дальнейшего развития пока не просматриваются.

Цифровая трансформация общества создает для людей такие новые возможности, которых ранее никогда не было. Но она также создает и новые глобальные вызовы и угрозы, последствия которых еще плохо прогнозируются и поэтому меры противодействия им не принимаются. Самой опасной здесь является деградация личности в цифровом обществе, в котором все большее место занимает виртуальная реальность.

Потенциал современной России в области развития передовых технологий, а также науки и образования для ответа на большие вызовы и глобальные угрозы XXI века достаточно подробно и аргументированно показан в монографии известных российских ученых В.В. Иванова и Г.Г. Малинецкого «Россия: XXI век. Стратегия прорыва. Технологии. Образование. Наука»[241].

Кризис цивилизации и императив безопасности. В настоящее время мировая цивилизация вступила в новую стадию своего исторического развития. В ближайшие годы мы станем свидетелями радикальных перемен во многих сферах жизнедеятельности общества, а также в международной геополитике. Самой важной из них должен стать переход к новой парадигме цивилизационного развития, которая должна отодвинуть глобальный экологический кризис и сохранить жизнь на нашей планете.

Во имя этой великой цели, все геополитические, экономические, идеологические и культурные противоречия между народами и государствами современного мира должны быть решительно отодвинуты на второй план. Ведь другой планеты у нас нет, и все мы – обитатели одного дома, связанные обще судьбой.

Партнерство цивилизаций в совместной работе по противодействию общей глобальной угрозе должно стать главным принципом современной геополитики. Понимание реальности, масштабов и последствий этой угрозы, которая стремительно нарастает, должно стать основным стимулом для формирования геополитики безопасного мира. Но этого недостаточно. Необходимо, чтобы подавляющее большинство жителей нашей планеты пересмотрело и изменило свое отношение к природе в сторону гармоничного сосуществования с нею.

[241] Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Россия: XXI век. Стратегия прорыва. Технологии. Образование. Наука. - М.: ЛЕНАНД, 2024. - 304 с.

А это требует нового образования и воспитания для миллиардов наших современников. Быстро этого осуществить невозможно. Поэтому проблема представляется практически неразрешимой в обозримом будущем, до наступления экологической катастрофы. Существует ли какой-либо выход из этой безнадежной ситуации? Да, такой выход есть. Его предложил академик Н.Н. Моисеев, который назвал его принципом *«направляемого развития»* в целях выполнения требований *экологического императива.*

Напомним, что в русском языке термин императив (от лат. imperativus – повелительный) означает требование, закон, приказ; безусловный принцип поведения[242]. Поэтому *экологический императив* должен представлять собой такой безусловный принцип поведения людей, который не нарушает требований экологической безопасности биосферы нашей планеты.

В этом смысле, направляемое развитие означает такую стратегию жизнедеятельности общества, при которой строго соблюдается принцип «не навреди», хорошо известный и широко применяемый в медицинской практике. А для этого необходима высокая *экологическая культура* общества, которая должна быть основана не только на соблюдении законов, нормативов и предписаний, но, главным образом, на чувстве личной ответственности каждого человека за судьбу своей страны, цивилизации и биосферы в целом.

В юбилейном Докладе Римского клуба, посвященном 70-летию со дня его основания, в качестве первоочередных задач для выживания современной мировой цивилизации определены формирование *нового мировоззрения* интеллектуальной элиты и *научное просвещение* общества в области проблематики глобальных угроз XXI века и методов им противодействия. Кроме того, в этом Докладе показана необходимость отказаться от капитализма, который оказался несостоятельной концепцией развития общества и является одной из главных причин современного кризиса мировой цивилизации. К сожалению, этот документ не получил необходимого обсуждения в международном сообществе и даже до сих пор не переведен не переведен на русский язык.

Таким образом, новейшая история поставила человечество перед выбором: либо радикальным образом изменить свою жизнедеятельность, ограничив воздействие на природу до разумных пределов, либо исчезнуть – в результате экологической катастрофы, ядерной войны или же биологического вырождения. И этот выбор должен быть сделан безотлагательно. Социальное время быстро сжимается, оно не ждет. Поэтому возрастает вероятность того, что, даже если пути выхода из современной критической ситуации будут найдены, то человечество просто не успеет реализовать возможности их практического использования.

[242] Краткий словарь современных понятий и терминов. – М.: Республика, 1995. С. 148.

Некоторую надежду здесь дает новое мировое медиапространство. Исследования показали, что современные люди оказались гораздо более восприимчивыми к внешним информационным воздействиям, чем это считалось ранее. Поэтому, если наполнить мировое информационное пространство необходимой информацией гуманитарного характера, то можно существенным образом изменить не только сознание, но и подсознание многих людей. Техника и технологии для этого имеются и уже широко применяются сегодня, но для других целей - рекламы, развлечений и информационного противоборства между людьми, политическими партиями и структурами бизнеса.

Поэтому начинать решение проблемы глобальной безопасности нужно именно с формирования нового содержания информационного пространства современного общества[243]. В России для этого необходимо создать специальный правительственный орган – *Министерство информационной политики.* Его основной задачей должна стать координация всех основных акторов национального информационного пространства России для повышения сплоченности народов нашей страны перед лицом общих угроз, противодействия наполнения медиапространства информацией деструктивного характера, а также организация работы по созданию необходимых информационных ресурсов для практического решения проблем обеспечения безопасности страны.

Все эти меры должны найти отражение в новой редакции Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, текст которой в настоящее время разрабатывается с учетом новых реалий, вызовов и угроз. На ее основе должна быть также разработана и Стратегия информационной безопасности Российской Федерации на период до 2036 года и перспективу до 2040 года. Этот документ давно ожидается, и сегодня он крайне необходим для противодействия новым информационным вызовам и угрозам.

Приоритетные направления стратегии обеспечения глобальной безопасности.

Исследования показывают, что для безопасного развития цивилизации в XXI веке, необходима комплексная стратегия обеспечения глобальной безопасности. Именно *стратегия безопасности*, а не стратегия *устойчивого развития*, как это принято считать в настоящее время. Ведь задачи развития общества можно эффективно решать лишь в условиях, когда обеспечена его безопасность. Поэтому смешивать эти две различные глобальные задачи методологически неправильно.

---

[243] Колин К.К. Глобальное информационное пространство как ресурс и инструмент влияния на международные отношения. // Информационные процессы, системы и технологии, 2023, № 1. - С. 6-15.

В качестве приоритетных направлений стратегии обеспечения глобальной безопасности целесообразно определить следующие:

– военная безопасность, разоружение и демилитаризация экономики;

– обеспечение биосферной совместимости человека и природы;

– преодоление системного кризиса культуры;

– преодоление приближающегося антропологического кризиса;

– создание системы глобального управления развитием мировой цивилизации.

Каждое из указанных выше направлений Стратегии является комплексным и включает в себя целый ряд достаточно сложных задач, в числе которых должны быть выделены наиболее приоритетные.

Военная безопасность. Определение термина «военная безопасность» в Международном энциклопедическом словаре представлено в следующем виде: *«Безопасность военная:* – защищенность личности, общества и государства от угроз военных; состояние, при котором вероятность войны сводится к минимуму вследствие отсутствия побудительных мотивов к применению военной силы и условий, требующих восстановления баланса сил, а также вследствие осуществления мер по предотвращению и парированию опасности военной».

Проблема военной безопасности в настоящее время является очень актуальной для многих стран мира, включая Россию. Источником военных угроз для других стран являются, например, такие страны, как США, Израиль, Украина, Великобритания, Франция и Германия.

В последнее время эти страны существенным образом увеличивают свой военный бюджет, принимают масштабные программы по милитаризации своей экономики, а также осуществляют информационно-психологическую подготовку своего населения к будущей войне с Россией, которая, якобы, планирует нападение на Европу.

Самые большие военные расходы сегодня имеют США, которые создали около 800 своих военных баз в различных регионах мира. Треть из них окружает Россию, создавая вокруг нее так называемую «петлю анаконды». Военный бюджет США на 2025 год утвержден в размере 895 млрд. долларов США, что на 9 млрд. долларов США превышает военный бюджет 2024 года. Это многократно превышает военный бюджет России и составляет более 35 % общемировых военных расходов.

США создали многотысячную группировку космических спутников военного и двойного назначения, которая позволяет не только осуществлять информационный мониторинг поверхности всей нашей планеты, но также и управлять боевыми действиями в любом регионе мира, передавая данные целеуказания для применения различных видов современного оружия. Для обороны США такая военная мощь не требуется. Ведь на эту страну никто не нападал и нападать не собирается.

Напомним, что после окончания гражданской войны между северными и южными штатами, никаких боевых действий на территории США не было. Поэтому население этой страны тягот войны не знает. А ее военный потенциал используется для военных действий в других странах с целью устранения своих экономических или геополитических конкурентов и выполнения функций мирового жандарма[244].

В последнее время активно наращивают свой военный потенциал и другие страны НАТО. Они увеличивают численность вооруженных сил, а также военные бюджеты. Создается специальный специальный инвестиционный фонд для развития военной промышленности в размере порядка 500 млрд. ЕВРО. Строится новая железная дорога для доставки военных грузов к границам России. В Германии началось переоборудование железнодорожных составов под санитарные поезда для транспортировки раненых. Создаются новые убежища для населения и осуществляется его психологическая подготовка к войне с Россией, которая, якобы, должна начаться в ближайшие годы.

Все эти факты являются слишком серьезными для того, чтобы оставить их без внимания со стороны России и ее геополитических союзников. Однако, в рамках настоящей работы, важно указать, что они дают основания для вывода о том, что угроза новой мировой войны становится все более реальной, и поэтому проблема обеспечения военной безопасности становится сегодня глобальной проблемой для всего мирового сообщества.

Создание системы глобального управления развитием цивилизации. В настоящее время глобальной стратегии развития цивилизации, а также системы управления этим развитием не существует. Поэтому одним из первых шагов в этом направлении могло бы стать создание международной системы мониторинга и анализа глобальных угроз развитию цивилизации.

Отличительной особенностью этой системы должен стать комплексный поход к изучению глобальных угроз, при котором во внимание должны приниматься не только природные, но также и геополитические, социально-экономические, гуманитарные и информационные их компоненты. Поэтому система мониторинга должна иметь интегральный и многоаспектный характер.

Ее технологической основой может стать система распределенных аналитических и ситуационных центров (Центров управления развитием), которая может быть создана на базе современных информационных и коммуникационных технологий, а также новых методов комплексного прогнозирования и стратегического планирования.

[244] Ильницкий А.М. Стратегия гегемона – стратегия войны. // Военная мысль, 2023, № 3. С. 18–36.

Исследования и практические разработки в области создания такого рода системы в России уже проводятся. Во всех регионах нашей страны, а также в министерствах и ведомствах созданы и функционируют ситуационные центры, которые предназначены для информационно-аналитической поддержки управления социально-экономическими процессами[245].

В дальнейшем планируется их объединить в систему, работающую по общему информационному регламенту, что должно существенно повысить эффективность государственного планирования и управления. Аналогичные системы могут быть созданы и в других странах мира, включая страны БРИКС, ШОС и Евразийского союза[246]. Однако для этого необходимо понимание политическими лидерами актуальности этой стратегически важной задачи и ее приоритетности в числе других задач обеспечения национальной и глобальной безопасности.

Важно отметить, что такое понимание в настоящее время начинает складываться. Так, например, на Саммите руководителей стран ШОС, который состоялся в Китае в сентябре 2025 года, проблема глобального управления уже обсуждалась. И можно ожидать, что такое обсуждение продолжится и даст свои результаты.

Гуманитарные аспекты глобальной безопасности и фактор времени.

Результаты проведенных в последние годы исследований показали, что причины многих глобальных проблем, вызовов и угроз глобальной безопасности имеют гуманитарный характер.

Они обусловлены, главным образом, деградацией культуры, образования и духовно-нравственным вырождением самого человека, который перестает понимать суть происходящего и утрачивает природный инстинкт самосохранения. В этих условиях самоуничтожение человечества в XXI веке представляется весьма вероятным.

Единственным шансом, который еще дает надежду на выживание человечества, является *новая гуманитарная революция*[247]. Она должна быть направлена, в первую очередь, на изменение подсознания, а затем и сознания человека, которые и определяют всю его стратегию жизнедеятельности. Необходимые средства для решения этой проблемы имеются.

---

[245] Зацаринный А.А., Шабанов А.П. Системные аспекты эффективности ситуационных центров. // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление, 2013. – С. 110–123.

[246] Распределенная система ситуационных центров развития для поддержки информационно-аналитической работы на пространстве Большой Евразии / А.А. Зацаринный, Н.И. Ильин, К.К. Колин, В.Е. Лепский, Г.Г. Малинецкий, А.Н. Райков, Б.Б. Славин // Аналитика развития, безопасности и сотрудничества: Большая Евразия. Сборник материалов IV Международной конференции 29 ноября 2017 г. – М.: Когито-Центр, 2017. – С. 74–78.

[247] Колин К.К. Информационная глобализация общества и гуманитарная революция. /Глобализация

Однако сможет ли современный человек осознать реальность современных глобальных угроз и использовать этот последний шанс для своего спасения? Ответ на этот вопрос остается открытым. Некоторые специалисты считают, что время уже упущено, и шансов на выживание у человечества практически не осталось[248]. Современная цивилизация себя не оправдала, а ее позитивный потенциал человеком должным образом не использован. В таком случае планета сможет обойтись и без нее.

И все же, несмотря на столь пессимистический вывод, нужно продолжить системные исследования проблем обеспечения глобальной безопасности. Эти исследования надо проводить с привлечением ведущих специалистов самого различного профиля. Их целью должна стать разработка таких рекомендаций по противодействию глобальным угрозам, которые позволили бы как можно дальше отодвинуть надвигающуюся глобальную катастрофу современной цивилизации.

Императив безопасности как основа формирования культуры безопасности. Крупная и актуальная гуманитарная проблема обеспечения безопасности состоит в том, чтобы сформировать в обществе императив безопасности и глубоко внедрить его в сознание людей через систему научного просвещения.

Мировая цивилизация сегодня активно разрушает жизненно важные экосистемы планеты. Поэтому она сможет выжить лишь в том случае, если успеет сформировать новый тип массовой культуры – *культуру безопасности.* Концептуальные основы решения этой задачи уже разрабатываются в Российской академии наук.

При формировании культуры безопасности очень важно определить императив безопасности, т.е. совокупность тех обязательных запретов, норм и ограничений, нарушать которые нельзя ни при каких условиях, так как это может вызвать опасные последствия для природы, человека и общества. Эту задачу должна решить наука, которая располагает для этого необходимым арсеналом аналитических методов и средств, включая суперкомпьютерные технологии моделирования сложных систем и глобальных процессов на основе использования больших данных научного наблюдения.

Основные требования императива безопасности должны быть сформулированы в кратком и понятном виде. Только тогда они смогут быть эффективно использованы в системе образования и воспитания безопасной личности и станут атрибутом нового направления развития культуры – культуры безопасности.

Сегодня такая общепризнанная система требований и ограничений отсутствует, и именно это является одной из наиболее острых и актуальных проблем обеспечения глобальной безопасности.

---

[248] Моисеев Н.Н. Быть или не быть ... человечеству? М.: 1999. – 288 с.

История последних лет показала, что за пренебрежение требованиями культуры безопасности человечеству приходится расплачиваться не только материальными утратами, но также и многими тысячами человеческих жизней. В настоящее время мировая цивилизация вступила в новую стадию своего исторического развития.

В ближайшие годы мы станем свидетелями радикальных перемен во многих сферах жизнедеятельности общества, а также в международной геополитике. Самой важной из них должен стать переход к новой парадигме цивилизационного развития, которая должна отодвинуть глобальный экологический кризис и сохранить жизнь на нашей планете.

Во имя этой великой цели, все геополитические, экономические, идеологические и культурные противоречия между народами и государствами современного мира должны быть решительно отодвинуты на второй план. Ведь другой планеты у нас нет, и все мы – обитатели одного дома, связанные общей судьбой.

Партнерство цивилизаций в совместной работе по противодействию общей глобальной угрозе должно стать главным принципом современной геополитики. Понимание реальности, масштабов и последствий этой угрозы, которая стремительно нарастает, должно стать основным стимулом для формирования геополитики безопасного мира.

Но этого недостаточно. Необходимо, чтобы подавляющее большинство жителей нашей планеты пересмотрело и изменило свое отношение к природе в сторону гармоничного сосуществования с нею. А это требует нового образования и воспитания для миллиардов наших современников. Быстро этого осуществить невозможно. Поэтому проблема представляется практически неразрешимой в обозримом будущем, до наступления экологической катастрофы.

Таким образом, новейшая история поставила человечество перед выбором: либо радикальным образом изменить свою жизнедеятельность, ограничив воздействие на природу до разумных пределов, либо исчезнуть – в результате экологической катастрофы, ядерной войны или же биологического вырождения. И этот выбор должен быть сделан безотлагательно. Социальное время быстро сжимается, оно не ждет. Поэтому возрастает вероятность того, что, даже если пути выхода из современной критической ситуации будут найдены, то человечество просто не успеет реализовать возможности их практического использования.

Исследования показали, что современные люди оказались гораздо более восприимчивыми к внешним информационным воздействиям, чем это считалось ранее. Поэтому, если наполнить мировое информационное пространство необходимой информацией гуманитарного характера, то можно существенным образом изменить не только сознание, но и подсознание многих людей.

Техника и технологии для этого имеются и уже широко применяются сегодня, но для других целей - рекламы, развлечений и информационного противоборства между людьми, политическими партиями и структурами бизнеса. Поэтому начинать решение проблемы глобальной безопасности нужно именно с формирования нового содержания информационного пространства современного общества.

В России для этого необходимо создать специальный правительственный орган – *Министерство информационной политики*. Его основной задачей должна стать координация всех основных акторов национального информационного пространства России для повышения сплоченности народов нашей страны перед лицом нарастающих общих угроз, противодействия наполнению медиапространства информацией деструктивного характера, а также организация работы по созданию необходимых информационных ресурсов для практического решения проблем обеспечения безопасности страны.

Все эти меры должны найти отражение в новой редакции Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, текст которой в настоящее время разрабатывается с учетом новых реалий, вызовов и угроз. На ее основе должна быть также разработана и Стратегия информационной безопасности Российской Федерации на период до 2036 года и перспективу до 2040 года. Этот документ давно ожидается, и сегодня он крайне необходим для противодействия новым информационным вызовам и угрозам.

Таким образом, можно ожидать, что уже в ближайшие годы в истории мировой цивилизации наступит перелом, который и определит судьбу ее дальнейшего развития[249]. Миссия России в этот судьбоносный период состоит в том, чтобы, опираясь на уникальный духовно-нравственный и интеллектуальный потенциал нашего народа, определить ту реалистическую стратегию преодоления системного кризиса цивилизации, которая сможет быть принята не только в нашей стране, но также и другими странами, осознающими свою ответственность за наше общее будущее.

[249] Человечество на переломе: проблема выбора целей и стратегии глобального развития //Знание. Понимание. Умение. - 2022, № 2. - С. 33-48.

1.8. Геополитическое противостояние России и стран Запада в рамках историко-цивилизационного подхода

Что такое цивилизация? Это исторически сформировавшееся крупное общество, которое отличается от других характером социально-экономических отношений, властных структур, особенностями развития культуры, экономики, науки, образования и религии. Такое общество представляет собой целостную социально-экономическую, локализованную во времени и пространстве систему, которая развивается циклично, имея периоды взлёта и падения.

В XX веке возник цивилизационный подход, – такой анализ общественного развития, при котором история страны рассматривается не сама по себе, а в контексте взаимодействия, взаимовлияния и сравнения с другими странами и обществами. Русская цивилизация имеет более чем 1000-летнюю историю, знала многочисленные взлёты и падения, богата различными событиями, как внутреннего, так и мирового масштаба.

Актуальность данного исследования заключается в том, что в нем рассматривается комплексный вопрос цивилизационной принадлежности России, её места и роли в мировой истории и особенности развития отечественной цивилизации во взаимодействии с западной и восточной, а также её влияние на развитие мировой истории.

В современных реалиях, резкого обострения противоречий между странами (и группировками стран) мира многие политологи, историки, экономисты и просто не равнодушные люди пытаются ответить на вопрос: когда же началось противостояние России и Запада? Наиболее распространённые варианты ответов: в 2014 году (после присоединения Крыма к России); в 2008 году (после грузино-осетинского военного конфликта); в 1917 года (после октябрьской революции и захвата власти большевиками). Конечно же нет, противостояние между Россией и Западом столько лет, сколько существует сама русская цивилизация.

Если мы совершим экскурс в историю, то как ни парадоксально, противостояние Руси (восточнославянской цивилизации) стала зарождаться в Западной Европе ещё до того, как Россия вышла на арену мировой истории. Чтобы понять ту социальную пропасть предрассудков, которая отделяет современную Россию от Запада, нужно вернуться к Великому церковному расколу (1054), и даже почти на два века раньше, когда король франков Карл Великий мечом и огнём сколотил огромную империю (в её состав входили территории многих современных европейских государств: Франции, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, значительная часть Германии и Италии)[250].

[250] Васильев А.А. История Византийской империи. – СПб., 1998, – с. 49.

В то время, Балканский полуостров и часть полуострова Малая Азия занимала Византийская Империя, со столицей в городе Константинополе (в настоящее время – турецкий город Стамбул). Несмотря на своё частичное ослабление, вызванное вторжением арабов (VII – VIII века нашей эры), Византия продолжила оставаться достаточно мощным государством и являлась главным конкурентом империи Карла Великого. Противоречия и борьба между двумя империями проходили в политической, экономической, военной, религиозной, дипломатической сферах.

Политическое и экономическое соперничество сыграло не менее важную роль, чем религиозные споры. Оно усугубило нараставшие противоречия и разногласия между двумя империями, в результате приведшие к расколу, последствия которого не удалось преодолеть и в наши дни. Юридический раскол христианской церкви в 1054 году разорвал историю Европы и до сих пор способствует искажённым представлениям друг о друге, хотя его религиозная подоплёка за прошедшие двенадцать веков утратила свою значимость и актуальность[251]. С высоты XXI века причины религиозного раскола могут показаться незначительными. В современную эпоху рационализма, скептицизма и агностицизма, а также отделение церкви от государства с признанием светского характера образования и общественной сферы привели к тому, что разногласия по многочисленным теологическим вопросам морально-нравственно устарели.

Однако очевидным является тот факт, что в эпоху Средневековья религия являлась важнейшим инструментом проведения внутренней и внешней политики государства, и соответственно религиозное противостояние в ту историческую эпоху имело огромное значение во всех сферах общественной жизни. В религиозном плане ведущая роль Константинополя часто становилась причиной различных конфликтов между римским папой и константинопольским патриархом.

С 500 по 1200 годы политическая, общественная, социальная и культурная жизнь кипела именно в Константинополе, столице Византии. В этом городе велись самые оживлённые интеллектуальные и теологические споры, усердно трудились учёные и богословы, процветали искусства и культура. В то время Рим, Париж, Лондон и Берлин были всего полуразрушенными небольшими, грязными городами с немощёными улицами[252]. Решающий удар по могуществу Византии был нанесён западноевропейскими рыцарями, в результате IV-го крестового похода в 1204 году, когда вместо того, чтобы «освобождать гроб Господен из рук неверных» был разрушен и разграблен Константинополь – крупнейший христианский город той эпохи.

[251] Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь–М., 1996, – с.128.
[252] Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь–М., 1997, – с. 212.

Ослабевшая Византия сумела ещё просуществовать почти 250 лет, при этом империя потеряла почти восемьдесят процентов своей территории, и столица постепенно пришла в запущеннее. В 1453 году турки-османы после длительной осады захватили Константинополь. Византийская империя прекратило своё существование[253].

Поэтому первый этап противостояния между Русской цивилизацией и Западом – это с 988 года (крещения Руси) до конца XV века, ориентировочно до 1480 года (стояние на реке Угре, конец Ордынского ига и завершение процесса формирования единого и централизованного Русского государства в годы правления Ивана III 1462–1505 гг.). Данный период характеризуется начальной стадией противостояния (формирование религиозно-идеологических противоречий), поскольку политические и военные контакты с Европой были незначительны, за исключением скандинавов: «путь из варяг в греки», а наиболее крупное сражения – это Невская битва 15 июля 1240 года и Ледовое побоище 5 апреля 1242 года). Кроме того, на данном этапе главная угроза для Русских земель пришла с Востока (Юго-Востока): сначала Половцы, а потом Золотая Орда, чьё иго продолжалось примерно 240 лет.

Падение и прекращение существование Византийской империи было воспринято определённой частью западноевропейского дворянства с некоторым злорадством. Но надо быть объективными, страны Западной Европы практически не оказали никакой помощи Византии и несут определённую ответственность за её гибель.

Первое раннефеодальное государство у восточных славян – Киевская Русь, где господствует языческая религия (политеизм). Но политеизм (обожествление сил природы) не устраивает представителей боярско-княжеской аристократии, необходим переход к монотеизму. Выбор пал в пользу восточной (греческой церкви), которая в последующем получила название православной. Мы вправе задать вопрос – почему? Причин несколько, главная причина заключалась в том, что Киевская Русь поддерживала с Византией тесные политические отношения, а также торгово-экономические и культурные связи. В 988 году при князе Владимире начинается процесс принятия христианства на Руси и по оценке историков потребовалось 80–100 лет для окончательного вытеснения языческой религии[254]. Возникает закономерный вопрос, почему католическая церковь в течении более тысячелетия пыталась полностью или частично подчинить православную церковь. Ответ очень простой, главная причина – это экономический и финансовый интересы.

---

[253] Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004, – с. 404.

[254] Валуев Д.А. Начала славянофильства. – М.: Институт Русской цивилизации, 2010. – с. 51.

Теперь обратимся к истории конфликта Запада с Россией. Западные историки не любят вспоминать о нашествиях тевтонских и ливонских рыцарей и неудавшихся крестовых походах с XIII го века, поскольку это не вписывается в образ агрессивной России. Они молчат по поводу того, что с 1240 года русские воевали на два фронта, защищая западные территории от натиска немцев, шведов и поляков, а восточные от монголо-татарских захватчиков. С середины XIII века, после нашествия Бату-хана основная часть Киевской Руси оказалась во власти монголо-татар, которые в самой западной части империи Чингисхана (территория Среднего и нижнего Поволжья, Крым, Северный Кавказ, Южный Урал, Западная Сибирь) создали государство Золотая Орда со столицей город Сарай на Волге[255].

Тем не менее, впоследствии произошло объединение русских земель вокруг Москвы в XIV–XV веках и образовалось централизованное Московское государство. Московскому князю Ивану III в 1480 году удалось сбросить иго Золотой Орды и добиться статуса Великого князя Московского, правителя всех русских княжеств.

Его приемники Василий III и Иван IV укрепили и расширили территорию Московского государства. А Иван IV «Грозный» покончил с остатками сепаратизма и первый из правителей нашей страны принял титул царя (сокращенный вариант от латинского слова «цезарь»)[256].

Решив провозгласить себя приемником Византии и защитником православия, Иван III открыл новую эпоху в истории России. Он стремился сделать её полноправным игроком на европейской арене.

Именно в это время возникла доктрина: «Москва – Третий Рим» и стала зарождаться теория русской цивилизации, которая осталась крупнейшим (и на тот момент единственным) оплотом православия в мире. Ведь, после падения Константинополя (1453) все народы (за исключением Московского государства), исповедавшие православную веру, были завоёваны на столетия турками-османами.

В XV–XVI веках русской цивилизации приходилось вести борьбу одновременно на трёх геополитических направлениях: на южном – с турками и крымскими татарами; на восточном – с остатками Золотой Орды, а в последующем – с Казанским ханством; на западном – с Польшей и Литвой, которые в последующем объединились в единое, более мощное государство «Речь Посполита». В данном контексте мы отчётливо можем наблюдать процесс формирования особой русской (восточнославянской) цивилизации, которой приходилось вести длительную и ожесточенную борьбу на выживание, как с Западом (католиками), так и с Востоком (мусульманами).

[255] Вернадский Г.В. Монголы и Русь. – Тверь, М.: ЛЕАН, АГРАФ, 1997, – с. 119.
[256] Вернадский Г.В. Русская история. – М.., 1997, – с. 265.

В отношении Византии и средневековой Руси Западная Европа проявила и проявляет невероятную историческую неблагодарность. Во чтобы превратилась Западная Европа, если бы Византия многие века не сдерживала натиск арабов и турок. Чтобы с ней стало, если бы монгольские ханы и Золотая Орда не встретили ожесточенного сопротивления русских княжеств. При этом в Европейских государствах в эпоху Нового времени во всю шёл процесс формирования образа России, как исключительно агрессивного и варварского государства, проще говоря Русофобии (боязни русских и России).

Противостояние между Русской цивилизацией и Западом продолжилось с начала XV века до середины XVIII столетия. За данный период Россия окончательно обрела суверенитет и превратилась в крупного политического игрока в Европе. Благодаря Ивану Грозному был решён вопрос с угрозой с Востока, а Казанское ханство в 1552 году вошло в состав Русского государства. Пётр I – царь, создавший не только постоянную и профессиональную армию и военно-морской флот, но и проводивший активную внешнюю политику, направленную, прежде всего на борьбу с главным геополитическим соперником государства Российского того периода – Шведским королевством. В результате Северной войны Россия не просто получила выход к Балтийскому морю и новые земли (Ингерманландию, Эстляндию, Лифляндию и часть Карелии), а стала одним из крупнейших и наиболее влиятельных государств в Европе. Кроме того, важным событием той эпохи явилось принятие титула императора Петром I 22 октября 1721 года и провозглашение России империей.

Фальшивое завещание Петра I стало манифестом русофобской мысли XIX века[257]. Необходимо отметить, что французские либералы очень активно критиковали деспотизм, крепостное право и рабский русский менталитет, но не нашли слов, чтобы осудить рабство, процветавшее в южных рабовладельческих штатах США, которое было отменено только в 1865 году после кровопролитной гражданской войны. К примеру, крепостное право в Пруссии было отменено в 1823 году, в Австрии – в 1848 году, а рабство в Бразилии только в 1888 году. Никто из теоретиков западной демократии не высказывал обеспокоенности геноцида американских индейцев особенно в Северной Америке и островах Карибского бассейна (где коренное население было истреблено почти на 100%)[258]. Значительный вклад в формирование мировой русофобии внесла и Великобритания. Объяснение английской русофобии очень простое – это столкновение имперских интересов двух великих держав.

[257] Жириновский В.В. Очерки по геополитике. – М., Псков: Либерально-демократическая партия России, 1997, – с. 188.

[258] Жириновский В.В. Очерки по геополитике. – М., Псков: Либерально-демократическая партия России, 1997, – с. 215.

После разгрома Франции в 1815 году соперничество между Россией и Великобританией приобрело глобальный характер. В похожей ситуации оказались США и СССР после 1945 года. В политической системе США и Великобритании очень много общего. Та же двухпартийная система, те же парламентские блокировки и пустые обещания, то же манипулирование общественным мнением через СМИ и тоже раздувание антирусской истории ради внутриполитических целей. Между партиями вигов и тори 1815 года в Великобритании и республиканцев и демократов 2025 года в США очень мало различий. Давайте проанализируем как Великобритания превратилась в рассадник русофобии. Первая трещина в англо-российских отношениях пролегла в эпоху царствования Петра-I, в годы Северной войны (1700–1721) Англия в годы войны активно поддерживала Швецию и прилагала все усилия, чтобы Россия не получила выход к Балтийскому морю. Если бы не происки Англии, то Северная война окончилась в 1718 году, а не в 1721 г.[259].

Второе резкое ухудшение англо-российских отношений произошло в годы царствования Екатерины-II (1762 – 1796) В результате двух русско-турецких войн второй половины XVIII века к России отошел Крым и Северное Причерноморье. Великобритания во время этих войн оказывала Турецкой (Османской) империи политическую, дипломатическую, финансовую и военную помощь[260].

Всплеск интереса к России, как ведущей цивилизации мира произошёл в Европе, в первой четверти XIX столетия, вскоре после наполеоновских войн. Благодаря Российской империи, в результате победы в Отечественной войне 1812 года и заграничного похода русской армии в 1813–1814 годах страны Западной Европы были освобождены от наполеоновского ига. Но, европейцы не оценили освободительный поход русской армии и не оказались благодарны, поскольку боялись дальнейшего усиления влияния России. Англия, Пруссия и Австрия с 1815 года стали разрабатывать план войны против нашей Отчизны.

В третий раз напряженность в отношениях между двумя странами возникла в 1815 году в ходе Венского конгресса. По требованию императора Александра I к Российской империи была присоединена основная часть территории Герцогства Варшавского (восточная и центральная Польша с городом Варшава). Это марионеточное государство было создано французским императором Наполеоном I в 1808 году, как плацдарм для подготовки нападения на Российскую Империю[261].

---

[259] Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – СПб.: Издательство «Лань», 2000, – с. 105.

[260] Кицикис Д. Османская империя. – М.: Весь Мир, 2006, – с. 303.

[261] Зеленёва И.В. Геополитика и геостратегия России XVIII – первая половина XIX века. СПБ. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005, – с. 240.

Великобритания была противником присоединения части Польши к Российской Империи. Почему? Польша всегда была козырной картой английской политики на материке – рычагом давления на Пруссию и другие немецкие государства, Австрию и Россию. Великобритания очень не хотела, чтобы Россия обосновывалась в самом сердце Европы, контролируя Польшу. В последующем русско-английские отношения продолжали ухудшаться и этому способствовали крупные внешнеполитические и внутриполитические конфликты. Это народное восстание в 1821 году и провозглашение независимости Греции в 1830 году, русско-персидская война в 1826–1828 гг., русско-турецкая война в 1828–1829 гг., начавшаяся в 1817 году война с горцами на Северном Кавказе, которая с перерывами продолжалась до 1864 г., народное восстание в русской Польше в 1830 году и карательные операции царских войск по усмирению восставших, которые продолжились до конца в 1831 года[262].

Таким образом, к середине XIX века, менее чем за тридцать пять лет английское общественное мнение полностью изменилось. Из основного союзника, который вступил в войну с Наполеоном, Россия стала врагом Великобритании номер один, русский царь превратился в деспота, варвара, вероломного захватчика. В октябре 1853 года началась Крымская (Восточная) война. Против России образуется мощная коалиция государств. В апреле 1854 года войну России объявили Великобритания и Франция, а затем Сардинское королевство[263]. Враждебную позицию по отношению к России заняли такие страны – Австрия, Пруссия, Швеция, Персия.

В сентябре 1854 года в Крыму высадились французские, английские, турецкие, а затем к ним присоединились сардинские войска. В августе 1855 года численность войск союзников в Крыму превысила 300 тысяч человек. Несмотря на массовый героизм русских солдат, матросов, офицеров по причине технико-экономической отсталости, почти полного отсутствия железных дорог, пароходов, устаревшего вооружения армии и флота, крайне ограниченных мобилизационных резервов, массового воровства и коррупции, а также слабой подготовки многих генералов и адмиралов Российская империя потерпела поражение.

Новый этап ухудшения отношений между Великобританией и Россией приходится на 1904–1905 годы. Во время русско-японской войны (январь 1904 – август 1905 года) во многом благодаря помощи и поддержки со стороны Великобритании и США Япония одержала победу в этой войне. В качестве примера можно привести тот факт, что 25 % военных расходов Японии были покрыты за счёт кредитов Великобритании и США[264].

---

[262] Ноженко М.В. Национальные государства в Европе. – М.: Норма, 2007, – с. 119.

[263] Строков А.А. История военного искусства. Т. 4. – М.: Полигон, 1994, – с. 474

[264] История русско-японской войны 1904-1905 гг./ под ред. И.И. Ростунова. – М: Наука, 1977, – с. 51.

Поражение в этой войне было очень болезненно воспринято русским обществом: достаточно вспомнить слова поэта серебряного века, Константина Бальмонта: «Наш царь – Мукден, наш царь – Цусима!». Все вышеперечисленные факторы привели русское общество в кризисное состояние, вылившееся в революцию 1905–1907 гг.

В годы Первой мировой войны Россия и Великобритания официально были союзниками, но несмотря на это английское правительство скрыто проводило внешнеполитическую линию, которая принесла нашей стране вред. В годы Гражданской войны Великобритания оказывала активную материальную и военную помощь белогвардейским правительствам Колчака, Деникина, Врангеля, Миллера, а английские войска в 1919–1920 гг. приняли участие в оккупации северных районов Мурманска – Архангельска, Дальнего Востока, Южного Кавказа и Туркестана. При этом правительство Великобритании не планировало воссоздание «единой и неделимой России» У Англии были цели захвата и колонизации регионов, входящих в состав России – Туркестана, южного Кавказа (особенно большое внимание уделялось району Баку), Крыма, севера европейской части страны и некоторым районам Восточной Сибири с золотодобывающими рудниками[265].

Во время существования Советского Союза русофобская и антисоветская политика Великобритании, то маскировалось, или проводилась скрыто, как было в годы Великой Отечественной войны или резко усилилась, как было после ввода советских войск в Афганистан (декабрь 1979 – январь 1980 гг.)

Русофобия в Германии распространилась позже по сравнению с другими великими державами Европы. Как единое государство Германия образовалась только в 1871 году. Скрытную политику противоборства России проводил «железный канцлер» Отто фон Бисмарк, который на Берлинском конгрессе великих держав в 1878 году сделал всё возможное по умалению победы России в русско-турецкой войне 1877–1878 годов[266].

Несмотря на тот факт, что кайзер Вильгельм II и русский царь Николай II были родственниками, в годы Первой мировой войны антироссийская пропаганда в Германии достигла огромных размеров. В конце 1917 года на территории Германии находились более двух миллионов российских военнопленных. От некачественного питания, тяжёлой работы, отсутствие медицинской помощи, смертность среди российских военнопленных была в два раза выше, чем военнопленных из Франции и в три раза выше, чем у английских военнопленных[267].

---

[265] Фортунатов В.В. История России – СПб: Питер, 2023, – с. 301-302.

[266] Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиеваа Н.Г., Сивохина Т.А. История России. – М: Проспект, 2024, – с. 382.

[267] Строков А.А. История военного искусства, т. 5. – СПб.: Омега-Полигон, 1994, – с. 662.

После поражения в Первой мировой войне (1 августа 1914 года – 11 ноября 1918 года), когда Германия лишилась всех своих колоний в Африке, Азии и на Тихом океане, а также потеряла 12 процентов своей территории на которой проживал 10% населения, в стране сформировались социально-экономические и политические условия для становления и распространения идеологии националистического, ультра-правого государства[268].

Социально-экономические и политические кризисы 1923–1924 и 1929–1933 годов стали главной объективной причиной установления в Германии 30 января 1933 года нацистской диктатуры. Согласно нацистской классификации расовых групп, славяне, жившие к востоку от Днепра, находились на одной ступени развития с представителями африканской расы, евреями, цыганами и за это они впоследствии поплатились. Страшным итогом этих событий стала самая масштабная бойня в истории человеческой цивилизации. В годы Великой Отечественной войны погибло по не совсем точным данным около 27 млн. человек, граждан Советского Союза[269].

Американская русофобия опирается на динамический синтез либерально-демократической, французской, колониальной, имперской английской и захватнической немецкой русофобии. Длительное время у США не было серьезных претензий к России. Во время войны за независимость (1776–1783) Екатерина II поддержала североамериканских повстанцев и по мнению многих историков спасла их от разгрома английскими колониальными войсками. Во время гражданской войны (1861–1865) Российская империя поддержала северные промышленные штаты и во многом способствовала их победе. Россия в апреле 1867 года за символическую цену продала Аляску и Алеутские острова североамериканским Соединенным Штатам[270]. В «благодарность» за такую помощь и поддержку США активно поддерживала Японию во время русско-японской войны.

После окончания гражданской войны в России США долго не признавали де-юре Советский Союз, но активно торговали с нашей страной, придерживаясь точке зрения, что «деньги не пахнут». Дипломатические отношения между СССР и США были установлены только в январе-феврале 1933 года, после победы на президентских выборах Ф.Д. Рузвельта[271]. В годы Второй мировой войны Советский Союз и США были стратегическими союзниками, и наша страна получала значительную помощь вооружением, боеприпасами, техникой, автотранспортом, обмундированием, продовольствием, горючим, станками, оборудованием по ленд-лизу.

---

[268] Кузнецов И.Н. История России. – М.: Дашков и К, 2019, – с. 342–343.

[269] Мединский В.Р. Война: Герои и подвиги. – М.: Эксмо, 2020, – с. 34–36.

[270] Баринова О.А. История России с древнейших времён до наших дней. М.: Блок-Принт, 2024, – с. 55.

[271] Прохоров С. Великие противостояния. СПБ.: Астрель, 2008, – с. 243.

Тем не менее сразу после окончания Второй мировой войны США, ставшие ведущей мировой державой, пошли на конфронтацию против вчерашнего союзника СССР. Но руководство Советского Союза пыталось не обострять отношения со своим бывшим союзником. В 1946 советские войска были выведены из Болгарии, северной Кореи, датского острова Борнхольм, а в 1948 году из Чехословакии. Это было сделано в угоду США. На первомайском параде и демонстрации трудящихся в 1946 году, в Москве, на трибуне мавзолея рядом с И.В. Сталиным стоял главнокомандующий американскими войсками в Европе, будущий президент страны генерал-армии Дуайт Эйзенхауэр. А во время переговоров И.В. Сталин, обращаясь к нему, три раза говорил о том, что Советский Союз заинтересован сохранить добрососедские отношения с США[272].

Возникает закономерный вопрос, почему же отношения между СССР и США стали портится и привели к «холодной войне». Ответ заключается в том, что США стали требовать от Советского Союза таких стратегических, политических, экономических и военных уступок, которые превратили бы нашу страну в полуколонию США. Пойти на такие уступки руководство СССР во главе с И.В. Сталиным не могло и отношения между двумя странами стали с каждым годом портиться и ухудшаться.

В конце сороковых годов США резко увеличили количество военных баз по периметру границ Советского Союза. Договоры о военном и экономическом сотрудничестве со странами сателлитами, с целью изоляции Советского Союза заключались один за другим. В 1948 году была создана международная региональная организация – «Организация американских государств» (ОАГ), а в апреле 1949 года военно-политический блок НАТО, в который первоначально вошло 12 стран Западной Европы и Северной Америки[273]. В последующем под эгидой США создаются военно-политические блоки АНЗЮС, СЕАТО СЕНТО[274].

США стремились создать окружение из враждебных государств по периметру границ Советского Союза. США должны стать сверхдержавой мира номер один и такая точка зрения господствовала не только на протяжении «холодной войны», она актуальна и в наши дни. Соединённые Штаты после 1945 года развязали беспощадную идеологическую войну с коммунизмом как внутри страны, так и за её пределами. «Красная угроза» пришла на смену «русской угрозе», и началась охота на ведьм внутри страны и за её пределами.

---

[272] Застольные речи И.В. Сталина: документы и материалы/ сост. В.А. Невожин. – М.: Аиро-ХХ, 2003, – с. 388.

[273] Данилов А.А. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН, 2001, – с. 81.

[274] Катасонов В. Ю. Америка против России. Холодная война. Москва: Книжный мир, 2015, – с. 204

Именно в конце сороковых годов формируется идеологическая основа холодной войны: свобода, демократия, прогресс и богатство противопоставлялась коллективизму, равенству и интернационализму (основам коммунистической идеологии). Борцы с коммунизмом реанимировали идею борьбы с «деспотизмом» «тиранией» которыми, когда-то клеймили царскую Россию. США активно проводили политику по организации государственных переворотов и учреждении военных или полуфашистских диктатур на большей части контролируемых ими территорий (в Латинской Америке, Африке, во многих регионах Азии).

Холодная войны не прекращалась на всем протяжении 1950–60-х годов, пик её приходится на Карибский кризис в 1962 году, когда мир оказался на грани ядерной войны.

Руководители СССР и США сознавали необходимость диалога, направленного на улучшение двусторонних и международных отношений. В июле 1975 года в Хельсинки начались переговоры, которые 1 августа 1975 года привели к подписанию серии соглашений тридцатью пятью государствами Европы и Северной Америки, в том числе двумя сверхдержавами (США и СССР)[275].

Заключительный акт Совещания содержал десять принципов взаимоотношений между государствами:

– суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету;
– неприменении силы или угрозы силой;
– нерушимость границ;
– территориальная целостность;
– мирное урегулирование споров;
– невмешательство во внутренние дела;
– уважение прав человека и основных свобод;
– равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой;
– сотрудничество между государствами;
– выполнение международных обязательств[276].

Хельсинские соглашения предоставили Западу прекрасную возможность реанимировать идею «о свободе и правах человека». В 1979 году международная обстановка резко ухудшается. В результате исламской революции пал шахский режим в Иране. США рассчитывали подавить революционное движение в Иране, организовав возвращение аятоллы Хомейни из Парижа в Тегеран. Руководство США ошибочно полагали, что теократический режим более выгоден чем левая советская власть, но грубо просчитались[277].

[275] Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945 – 1991. – М.: РАГС, 1998, –563 с.
[276] Уткин А.И. Американская. империя. – М.: Алгоритм, 2003, – с. 590
[277] Катасонов Ю.В. Хозяева денег: 100-летняя история ФРС. М.: Эксмо, 2014, – с. 199.

В конце декабря 1979 года Советский Союз ввел войска в Афганистан. Это выдало резкий рост антисоветской пропаганды в США, странах Западной Европы, в некоторых арабских странах, Пакистане.

В 1980 году президентом США был избран Рональд Рейган, который был крайним консерватором и называл Советский Союз «империей зла». Появление на политическом олимпе Великобритании крайне реакционной Маргарет Тэтчер усилило позиции Рейгана[278].

Пылкие речи Рейгана в защиту свободы и прав человека положительно воспринимались западноевропейской общественностью и не противоречили интересам крупных предпринимателей и руководителей союзных и подконтрольных США государств.

Социально-экономический и политический кризис в Польше, продолжавшаяся война в Афганистане, необходимость укрепления дальневосточных границ усиливали трудности для советской экономики. В марте 1985 года новым Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран молодой партийный функционер Михаил Сергеевич Горбачев[279]. Ему было всего 54 года и на фоне своих предшественников Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко, он выглядел очень положительно. М.С. Горбачёв свободно говорил, а не читал по бумаге, у него была хорошая дикция, он свободно ходил без посторонней помощи.

Миллионы советских людей надеялись, что с приходом М.С. Горбачёва к власти, жизнь в Советском Союзе начнет улучшаться. Будет сокращаться дефицит продуктов и товаров широкого потребления, уменьшится коррупция и улучшится трудовая дисциплина, будет ликвидирована жилищная проблема, уменьшится скрытая инфляция. Но, к сожалению, эти недостатки советского общества стали, наоборот, резко усиливаться, особенно после 1987 пода. К этим проблемам и недостаткам прибивались новые, которых не было до 1985 года. Это тотальный дефицит, разгул спекуляции, рост инфляции и преступности, межнациональные столкновения, которые вызвали большие жертвы среди граждан ряда регионов страны, миллионы людей стали вынужденными беженцами.

Мы вправе задать вопрос, в чем заключается объективные и субъективные причины резкого роста социально-политической и экономической нестабильности в Советском Союзе после 1987 года. Эти причины качественно не изучены до настоящего времени. Современные историки, политологи, обществоведы при изучении этой проблемы основное внимание уделяют вопросу о том, что административно-командная экономика изжила себя и поэтому наступил кризис.

---

[278] Уэллс Г.Дж. Открытый заговор: перевод с английского. М.: Кислород, 2021, – с. 188.

[279] Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. - Москва: РОССПЭН: Политическая Энциклопедия, 2018, – с. 574.

Но соответствуют ли эти теоретические положения с объективной реальностью? Объективные трудности в экономике, без субъективного фактора не могли привести к развалу СССР. Субъективный фактор заключался во внутренней и внешней политике, которую проводил лидер Советского Союза М.С. Горбачёв и его ближайшее окружение, и эта политика сыграла решающую роль в дестабилизации обстановки в нашей стране, а именно:

В области внутренней политики:

– борьба с пьянством и алкоголизмом, которая началась в мае 1985 г. и принесла больше негатива, чем позитива. Этот негатив заключается в росте самогоноварения спекуляцией алкогольной продукцией, массовым отравлением людей фальсифицированным алкоголем, увеличение потребления наркотиков. Также государственная казна недополучила десятки миллиардов советских рублей (точная цифра неизвестна), которые попали в карманы спекулянтов и «королей самогонной продукции»[280];

– кооперативное движение, которое получило новый импульс после 1988 года. Эта волна кооперативного движения не имела ничего общего с реальным кооперативным движением. Это были кооперативы-спекулянты, которые не производили материальных ценностей, а занимались в основном спекуляцией приобретённой продукцией в государственных магазинах и отмыванием финансовых средств теневого капитала. Цены в кооперативных магазинах, ресторанах, кафе были в несколько раз выше, чем в государственных и поэтому посещали эти заведения только весьма обеспеченные люди: спекулянты, подпольные миллионеры, теневики, криминальные авторитеты[281];

– крайне негативное освещение советской истории с октября 1917 года по март 1985 года. Все советские руководители В.И. Ленин, И.В. Сталин, Г.М. Маленков, Л.М. Брежнев, Ю.В. Андропов, К.У. Черненко в средствах массовой информации освещались только с отрицательной стороны, говорилось о их ошибках и просчетах и особенно много внимания уделялось массовым репрессиям и недемократическим методам правлениям советских руководителей. Очень много внимания уделялось критике И.В. Сталина, но реально эта была компания обливания грязью советского руководителя, который возглавил нашу страну в тяжелейшие исторические периоды существования Советского Союза. В годы «перестройки» средства массовой информации постоянно хвалили первого «демократического руководителя» Советского Союза М.С. Горбачева, единовременно восхвалялась и его супруга Р.М. Горбачёва[282];

---

[280] Авен П.О. Время Березовского. – М.: АСТ, 2017, – с. 703

[281] Глазев С. Культ золотого тельца и Россия //Изборский клуб, журнал. – 2019, № 7-8., – с. 5-8.

[282] Зайпель Х. Путин. Логика власти: перевод с немецкого. – М.: Время, 2018., – с. 313

– так называемый «парад суверенитетов», когда с осени 1988 года республики Прибалтики (Литва, Эстония, Латвия) стали принимать декларации независимость и отказывались признавать власть Москвы. Вслед за ними принимать декларации «о независимости» стали и другая союзные республики (Грузия, Украина, Молдавия, Азербайджан...). За союзными республиками провозглашать независимость стали автономные республики и автономные области, которые входили в состав РСФСР, Грузии, Азербайджана[283]. Этот «парад суверенитетов» вызвал рост национализма в ряде регионов Советского Союза и межнациональные конфликты с большими человеческими жертвами, а миллионы людей стали вынужденными переселенцами;

– непродуманный переход к рыночной экономике усилили экономические трудности в промышленности и сельском хозяйстве. В стране отсутствовали горизонтальные и вертикальные рыночные связи и моментальный отказ он плановой экономики вызвал сокращение производства товаров народного потребления и продуктов питания, со 2-го апреля 1991 года резко в 3–4 раза выросли цены и на товары, и на продукты[284]. Население Советского Союза было крайне недовольна такими результатами «перестройки».

– несмотря на резкий рост социальной напряжённости и уголовной преступности в стране, М.С. Горбачев стал проводить политику на ослабление и дискредитацию Советских Вооруженных Сил, Комитета Государственной безопасности и органов Министерства Внутренних Дел. В средствах массовой информации активно велась компания обливания грязью офицеров и сотрудников армии и флота, государственной безопасности. Кроме этого, в 1990–1991 годах была амнистирована большая группа уголовников, а также политические заключенные, которые сидели за антикоммунистическую деятельность, так называемые диссиденты[285].

В области внешней политики:

– переориентация внешней политики Советского Союза со стран социалистического содружества на США и страны НАТО (ФРГ, Франция, Великобритания, Италия, Канада). М.С. Горбачев и его окружение (особенно А.Н. Яковлев и Э.А. Шеварнадзе), не только в одностороннем порядке сворачивали экономические, политические, идеологические, дипломатические, военные связи с социалистическими странами, но и различными средствами пытались дестабилизировать обстановку в ряде социалистических стран;

---

[283] Крючков В. А. Личное дело. Три дня и вся жизнь. – М.: Центрполиграф, 2019., – с. 407.

[284] Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачёва: - М.: Республика, 1995, – с. 248-250.

[285] Коржаков А.В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М.: Интербук, 1997., – с. 380.

– поспешный вывод, а правильнее сказать «бегство» советских войск из бывших социалистических стран. С 1988 по 1994 год из Восточной Германии (ГДР), Польши, Чехословакии, Венгрии, Афганистана, Монголии, Кубы были выведены войска общей численностью более полумиллиона солдат и офицеров, десятки тысяч единиц боевой, гусеничной и колесной техники[286]. Были брошены сотни обустроенных военных городков, разворованы и оставлены большие запасы материальных средств. Войска выводились на совершенно неподготовленную базу (в тайгу, степь). В этих тяжелых бытовых условиях многие офицеры на обучение и подготовку которых были затрачены большие денежные и материальные средства, разбегались по кооперативам, коммерческим структурам, а некоторые уходили в криминальные организации. Такой поспешный, в угоду западу и неорганизованный вывод войск значительно подорвал обороноспособность Советского Союза, а впоследствии и России.

– политические и экономические уступки СССР США и странам Запада. Вспомним передачу США шельфа Берингова моря богатые рыбой, общей площадью в 67 тысяч квадратных километров. М.С. Горбачёв, который всё время говорил о гласности в политике, передачу этого шельфа осуществил строго конфиденциально.

Почему в нашей стране партийная, государственная элита не отправила вовремя в отставку М.С. Горбачева? Ответ очень прост. Большинство представителей государственной, партийной, военной верхушки хотелось жить, как живет элита на западе и в той или иной мере разделяли и поддерживали политику перестройки.

В 1991 году под влиянием резкого усиления внутренних противоречий, вызванных политикой «перестройки» и вмешательством иностранных держав Советский Союз распался на пятнадцать независимых государств. После распада Советского Союза в декабре 1991 года, отечественные демократы и либералы, а также первый президент России Б.Н. Ельцин считали, что молодая, демократическая, либерально-рыночная Российская Федерация вольется в систему стран запада и станет стратегическим партнером и союзником США.

Но тех, кто это на это надеялся, ждало скорое разочарование. Во время первого срока президентства Б.Н. Ельцина (1991–1996) события развивались по предсказуемому американскому сценарию. Экономическая шоковая терапия, навязанная идеологами МВФ, насаждала в разоренной России свободу неолиберального толка, что привело к краху тысяч крупных и средних промышленных предприятий. Приватизация позволила небольшой горстке людей присвоить национальные богатства страны под предлогом неэффективного управления государственными предприятиями.

[286] Панарин А.С. Правда железного занавеса – М.: Алгоритм, 2006., – с. 199.

Заигрывания и односторонние уступки Западу ни к чему положительному не привели. Следует понимать, что политика уступок в одностороннем порядке может привести к развалу России и к краху всей русской цивилизации, которая, не имея единой и мощной государственности, скорее всего будет поглощена соседними, более крупными центрами силы и влияния (Европой, исламским миром, китайской и японской цивилизацией)[287].

В настоящее время коллективный Запад пытается военными, экономическими, политическими и дипломатическими средствами сохранить свое лидирующее положение в мире, навязать мировому сообществу свою политику, идеалы и либеральные ценности. Новизна и драматизм переживаемого исторического периода в том, что перед Россией встает историческая, глобальная задача – занять собственное место в формирующейся новой мировой политической системе.

Как сказал президент России В.В. Путин: «США и Западу нужны не союзники, а вассалы. Среди союзников США и Запад не захотели нас видеть на равных, а вассалами мы не захотели стать сами, осознав, что это угрожает превращением нашей страны в классическую полуколонию запада»[288].

В недалеком будущем сформируется новый миропорядок, который условно можно назвать «многополярный мир». Проблема русофобии в этой социально-политической системе также будет существовать, так как отношения России с США и Западом не станут союзническими и дружественными.

Особое внимание необходимо уделить специальной военной операции на Украине, которая продолжается с 24 февраля 2022 года по настоящее время. Вспомним каким образом совместными усилиями США и Запада современная Украина была превращена в «анти-Россию»[289].

После присоединения Крыма к России в 2014 году Вооруженные Силы Украины «накачиваются» современным американскими и натовскими вооружениями. На востоке Украины была создана мощная система оборонительных укреплений и размещена внушительная армейская группировка, состоявшая из наиболее боеспособных частей, соединений, личный состав которых готовили и обучали американские и натовские советники и инструктора.

---

[287] Шишелина Л.Н. Расширение Европейского союза на Восток и интересы России. М.: Наука, 2006, – с. 149.

[288] Путин В.В. Чтобы защитить Крым, мы готовы были развернуть ядерное оружие/ Комсомольская правда – 2016-20409. – URL: https://cbr.ru/ (дата обращения: 25.07.2025). – Текст : электронный.

[289] Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев: статья. – URL: https://rg.ru/2021/07/12/statia-vladimira-putina-ob-istoricheskom-edinstve-russkih-i-ukraincev.html (дата обращения: 29.07.2025). – Текст : электронный.

Значительную часть этой группировки украинских войск составляли фанатики, исповедующие идеологию радикального украинского национализма, и неонацисты из таких частей, как батальон «Азов». Кроме того, во многих регионах Украины была развёрнута сеть биолабораторий, которые финансировались министерством обороны США и находились под контролем ЦРУ и в которых велись исследования опаснейших новых штаммов бактериологического оружия. В ходе его разработки широко использовались биоматериалы граждан Украины[290].

Украинская власть создала настоящую «информационную пустыню» для своих граждан: целое поколение молодёжи было выращено на пропаганде и агитации об угрозе «российской агрессии» и русофобских теориях. Служба безопасности Украины расправлялась со всеми, чьё мнение и взгляды отличались от официального государственного курса. Украинское общество было скованно страхом и репрессиями.

На Украине, вопреки её конституции, появились военные базы НАТО, которые для отвода глаз официально назывались «международными центрами миротворчества и безопасности» и в этих условиях не только неонацисты из «Азова», но и официальные лица во главе с президентом Зеленским стали публично заявлять о возврате военным путём территорий ДНР, ЛНР и даже Крыма[291].

В этих условиях Россия перешла к самостоятельным действиям по обеспечению собственной национальной безопасности. 21 февраля 2022 г. Россия официально признала Донецкую и Луганскую Народные Республики и вступили с ними в военный союз. А 24 февраля 2022 г., с нанесением ВКС России ударов по аэродромам и военным базам ВСУ – развернулись крупнейшие военные действия в Европе после 1945 года.

Президентом Российской Федерации В.В. Путиным целями военной спецоперации были объявлены нейтральный и безъядерный статус Украины, её демилитаризация и денацификация, признание воссоединения Крыма с Россией и суверенитета ДНР и ЛНР в административных границах.

Чтобы претворить в жизнь эти цели, требуется изменить конституцию Украины и целый ряд законов, вернуть русскому языку статус государственного, запретить деятельность националистических и неонацистских организаций и группировок, ввести запрет на закупки иностранного вооружения, ограничить военный бюджет страны и сократить численность армии и флота до 100 тысяч человек[292]. Выполнение всех этих условий означает политическую и военную капитуляцию правящего режима на Украине и полную победу над стратегическим противником России.

---

[290] Дугин А.Г. Геополитика России. М.: Академический проспект, 2024г., – с. 493.

[291] Молофеев К. Империя. Настоящее и будущее. Книга третья. М.: Издательство АСТ, 2022, – с. 400.

[292] Дугин А.Г. Евразийский реванш России. М.: Родина, 2024. с. 86–87.

Итак, современный этап в противостоянии России и Запада начался, после развала Советского Союза, а именно в 1999 году, на рубеже тысячелетий, когда в августе этого года началась вторая чеченская война, а чуть ранее с 24 марта по 10 июня 1999 года была осуществлена варварская бомбардировка военно-воздушными силами североатлантического альянса территории Югославии.

Именно с символического, но политически и идеологически очень важного решения тогдашнего премьер-министра России Е.М. Примакова отменить свой официальный визит в США (известный в новейшей истории, как «разворот над Атлантикой») и начался, новый виток эскалации в вопросах противоборства между нашими цивилизациями.

Нужно прежде всего отметить, что данный этап ещё очень далёк от своего логического завершения, но не смотря на незначительную продолжительность в 26 лет (по историческим меркам) он включает в себя очень важные события:

– продолжающееся расширение НАТО на Восток: 12 марта сразу три страны бывшего Варшавского договора (Венгрия, Чехия, Польша) присоединились к альянсу, а спустя 5 лет – 29 марта 2004 года, уже 3 бывшие союзные республики (Латвия, Литва, Эстония) в том числе стали членами этого блока. Затем последовали ещё 5 волн всё новых расширений (2009, 2017, 2020, 2023 и 2024 гг.), когда до этого нейтральные страны (Финляндия и Швеция) стали членами НАТО;

– операция США и НАТО в Афганистане (2001–2022 гг.);

– военная интервенция НАТО и их союзников против Ирака (с 20 марта 2003 г. по 15 декабря 2011 г.);

– военная интервенция НАТО против Ливии (с 17 марта по 31 октября 2011 г.);

– гражданская война в Сирии (с 2011 года – по наст. время);

– государственный переворот на Украине и последовавшее вслед за ним присоединение Крыма к России (2014 год), а также начало русского национально-освободительного движения на юго-востоке этой страны, вылившееся в провозглашение независимости ДНР и ЛНР и начала боевых действий с украинской армией и националистическими военными формированиями (с 2014 – по 23 февраля 2022 года);

– специальная военная операция, начавшаяся 24 февраля 2022 года и продолжающаяся по сей день. Это далеко не полный перечень тех событий, которые произошли за столь короткий исторический период. Но все они являются важными звеньями в цепочки событий, чьё значение невозможно недооценить: борьба нашей страны за своё существование, за безопасность наших границ, отстаивание суверенитета и национальных (в том числе цивилизационных ценностей, в частности возможности для людей считать себя русскими и свободно говорить на родном языке).

Завершение данного этапа произойдёт тогда и только тогда, когда установится новая, более справедливая система мирового порядка, известная также, как «многоцентричный мир», без единого центра власти и мирового гегемона, без навязывания другим странам чуждым для них ценностей, без прямого вмешательства во внутренние дела суверенных стран. При этом предполагается уважение к другим нациям, народам, культурам и религиям. Именно за такой мир и борется Россия сейчас.

В качестве выводов следует отметить следующее:

– противостояние России и Запада имеет более чем 1000-летнюю историю, является глубоко укоренившемся и комплексным явлением. Главная причина которого – это борьба за национальные интересы, зоны, сферы влияния, рынки сбыта, сырьё, ресурсы, территории и т.д.

– цивилизационный подход к анализу данного противостояния позволяет нам дополнительно осознать, что разница между русскими и европейцами весьма серьёзная. В её основе лежит совершенно различный культурный код, сформированный вековой историей и традициями народов, который предопределяет диаметрально-противоположное восприятие мира и общественно-политических явлений;

– несмотря на все трансформации общественно-политической системы и идеологического базиса (Петровские реформы, революции 1917 года, советский период) естественный ход исторических процессов не был нарушен в нашей стране вплоть до перестройки 1985–1991 гг.

– «политика перестройки» которая проводилась в Советском Союзе (1985–1991) под руководством М.С. Горбачева привела не только к краху СССР, но и к реальному упадку всей русской цивилизации, которая могла быть постепенно поглощена, при условии дальнейшего распада России.

– односторонние стратегические уступки в пользу США и других стран Запада не дали никаких положительных результатов. Наша страна не стала равноправным партнером и союзником западного демократического мира, а самого М.С. Горбачёва, когда тот выполнил свою задачу, в конце 1991 года коллективный Запад выбросил на «свалку истории».

– политическое противостояние между Россией и ведущими странами мира (США, Канада, Япония, ФРГ, Великобритания, Франция, Италия) будет продолжаться ещё длительное время. Отношения с некоторыми из этих стран могут стать в лучшем случае нейтральными, но не союзными;

– внутренняя и внешняя политика страны, проводимая под руководством президента Российской Федерации В.В. Путина, полностью отвечает национальным интересам (в том числе и цивилизационным) и геополитическому положению России.

– одним из главных инструментов в историко-культурным противостоянии России и Запада на протяжении столетий является идеологический базис;

– Россия, имея высокий военный и ядерный потенциал, огромные природные ресурсы, развитую науку, с её доминирующим положением на стыке двух континентов и отказом признавать мировую гегемонию США, неизбежно будет восприниматься Западом как стратегический противник, которого необходимо уничтожить. Тем более, что Российская Федерация категорически отказывается признавать либерально-демократическую идеологию и мировой порядок по-американски, абсолютно чуждые русским традиционным цивилизационным ценностям;

– в противоборстве с коллективным Западом Россия должна рассчитывать только на свои экономические и природные ресурсы. История международных отношений показывает, что в условиях кризисов и войн страна, чья экономика очень зависит от импорта сырья, продовольствия, комплектующих, деталей, вооружения, полуфабрикатов оказывается в острейшем социально-экономическом и политическом кризисе;

– геополитическое положение России, ее национальные богатства, большая протяженность границ (67 т км.), наличие сильных в военном плане потенциальных противников в лице США и государств блока НАТО, требуют от нашей страны наличие более многочисленных и мощных Вооруженных Сил. Взятый государствами Запада курс на вооруженное противоборство с Россией требует модернизации существующей подготовки населения и особенно молодежи к защите Родины. В этих целях необходимо постепенно вернуться к прежнему сроку службы срочников в вооруженных силах два и три года;

– опыт проведения специальной военной операции на Украине показал, что военно-промышленный комплекс страны должен принадлежать государству. В условиях кризисов и войн государственные предприятия работают более эффективно. Экономика Советского Союза в годы Великой Отечественной войны этот факт доказала;

– в условиях интенсификации информационного, экономического, политического, идеологического и культурного взаимодействия между цивилизациями и странами, главными стратегическими задачами России являются: сохранение своего особого культурного кода, защита русского языка и культуры, традиционных ценностей русского общества (православие, патриотизм, семья). но при этом отсутствие культурного, политического и экономического изоляционизма.

– необходимо не допустить растворения в западной или восточной цивилизации, следует активно наращивать плодотворное и взаимовыгодное сотрудничество со всеми, кто готов уважать Россию как цивилизацию и культурный феномен, а также учитывать российские национальные интересы в своей внешней и внутренней политике.

1.9. Милитаризация цивилизационного развития: императивы и тенденции постсоветского пространства

На протяжении постбиполярного периода мировая цивилизация вступила в период принципиальной трансформации своего содержательного характера и сущностных начал. Современный мировой политический порядок после окончания «холодной войны» был в одностороннем порядке переформатирован, что повлекло за собой цивилизационные сдвиги тектонического масштаба. Одним из них стала модификация феномена милитаризма, наличие которого выступало одним из параметров развития как локальных, так и всей планетарной цивилизации в предшествующие периоды мировой истории

Для Российской Федерации стремление доказать и утвердить свою цивилизационную идентичность – которая отнюдь не совпадает в полной мере, с установившимися после распада СССР новыми государственными границами объективно вело к противостоянию с новыми претендентами на мировое господство. Официальное признание России «государством-цивилизацией» накладывает на институты публичной власти особые обязательства – возлагает задачи защиты и поддержания цивилизационной идентичности от внешних и внутренних посягательств. Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации от 2023 года, Россия провозглашается евразийской и тихоокеанской державой, которая сплотила русский и другие народы на основе принадлежности к культурно-цивилизационной общности Русского мира[293].

По мнению представителя отечественного экспертного сообщества С. Пантелеева в основа современного конфликта Запад-Россия пребывает стремление нашей страны отказаться от навязанной европейской политической мыслью парадигмы «государств-наций»[294]. Идентификация в качестве государства-цивилизации позволяет объединить на русской основе многие этносы и социокультурные общности, согласно принципу «единства во множественности», позволяет на порядок снизить конфликтогенность евразийского геополитического региона. Подобная тенденция может быть признана универсальной – по всему планетарному пространству началось нарастание конфликтогенности, когда в орбите международно-политической борьбы помимо материальных и прагматических интересов оказались не в последнюю очередь духовные и смысловые принципы и ценности.

---

[293] «Об утверждении Концепции внешней политики России» Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 / Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811 (дата обращения: 21.10.2025). – Текст : электронный.

[294] Россия – государство-цивилизация: форма и содержание: аналитическая записка № 1 / 2024. под ред. К.А. Пурен]; Фонд «Цивилизация», ИА «Цивилизация». 2024. 37 с.

Именно антагонизмом мировоззренческих устоев следует объяснять предвзятой внешнее восприятие не только внешней политики России, но и фундаментальных оснований русско-православной цивилизации со стороны «политического класса» и экспертного сообщества атлантического сообщества. Закономерным образом, одним из магистральных направлений современного межцивилизационного конфликта становится сектор милитаризации международных отношений. Такое явление как милитаризм трактуется в научных подходах как всеобъемлющий вневременной феномен, отличающийся в то же время конкретным историческим и военно-политическим плюрализмом[295].

Для научной классификации милитаризма используются наработки и методы идеологического, формационного, цивилизационного подходов[296]. Из них наиболее релевантной представляется методология цивилизационного подхода, при помощи которого выделяются национально-государственные вариации исторического и современного милитаризма. Наиболее известны из них такие разновидности, как «прусский» и «японский милитаризм», ответственные за развязывание наиболее крупномасштабных войн в истории человечества и на протяжении сотен лет нацеленных на военно-силовое расширение своего цивилизационного пространства. Именно милитаристский потенциал выступал стрежнем геополитических притязаний Берлина и Токио в период Нового и Новейшего времени, во многом определив идейную идентификацию германской и японской наций. Цивилизационным оппонентом указанных типов выступали «британский милитаризм» и милитаризм США. Если «золотой век» военно-политического экспансионизма Великобритании пришелся на период колониальных захватов, то американский милитаризм, изначально преследуя условно ограниченные внешнеполитические цели, со второй половины XX столетия продолжает оставаться наиболее устойчивой и адаптивной моделью геополитического доминирования. Осознавая себя в качестве победителя в «холодной войне», вдохновители и разработчики милитаристского курса США выдвинули новые, соответствующие реалиям глобализации версии военно-политического экспансионизма, во многом превзошедшие по своим возможностям аналогичные образцы предшествующих эпох.

Отмечается, что внутренняя сущность феномена милитаризма проецируется в процессах милитаризации социальной действительности и политических отношений. Весьма близким к истине следует признать объяснение данного процесса милитаризации через призму наложения друг на друга социального, политического и военного факторов.

---

[295] Мельков С. А. Герменевтика современного милитаризма: размышления политолога // Власть. 2013, № 1. с. 191–192.

[296] Jean J. Mérand pages 177–191F.The varieties of liberal militarism: A typology French Politics. 2014. volume 12,

Результатом чего становится воспроизводство власти через военные принципы и идентичности. Что ведет к культивированию значения вооруженного насилия и военной мощи в массовом политическом сознании и социальной активности конкретной страны или более широкого по масштабам цивилизационного сообщества[297].

В науке оформилось согласие по поводу неправомерности трактовки милитаризации в контексте ее материального и технологического содержания и подчинения политической системы утилитарным военным интересам. Не вызывает сомнения, что милитаристские проявления во многом определяют социокультурную и цивилизационную принадлежность, модифицируя этические и моральные нормы и модели восприятия окружающей действительности и социальной жизнедеятельности. На содержание процесса милитаризации в условиях глобализирующегося мира отчасти могут быть перенесены разработки тезисы зарубежной научной доктрины, оформившейся после окончания противостояния Запад–Восток на рубеже XX–XXI столетий[298].

Для современных ученых и мыслителей характерно признание трансцендентности милитаристского потенциала российской государственности и цивилизационного наследия. В то же время распространенными остаются ангажированные конструкты, приписывающие исторической и современной России перманентную нацеленность на агрессию и внешнюю экспансию. Именно подобные субъективные трактовки положены в основу идейной платформы антироссийской международной коалиции, сформировавшейся вокруг поддержки киевского режима в период военно-политического кризиса вокруг Украины 2014–2020-х гг.

Одним из ключевых аргументов волюнтаристского подхода к обоснованию российской версии милитаризации длительное время выступала констатация отсутствия реальной опасности со стороны Запада по отношению к постсоветской Российской Федерации[299]. Длительное время основными вызовами и угрозами цивилизационному развитию современной России называли международный терроризм и экстремизм, опирающиеся на радикальные исламистские постулаты. Наряду с чем признавалась вероятность потенциальной конфронтации с атлантическим блоком, предпосылкой чего обозначалась вековая предубежденность англосаксонских элит к России как к «стране-цивилизации».

---

[297] Andrew Bickford, Militarism and Militarization, Anthropology of in International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition), International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences, Second Edition. Vol. 4. Оксфорд : Elsevier, 2015. Pages 483-489ю

[298] Lasswell H. Essays on the garrison state. New Brunswick, NJ; London: Transaction Publishers; 1997.

[299] Brunswick NJ; London: Transaction Publishers; 1997.

Одной из актуальных угроз цивилизационному пространству современной России представляет экспансионизм постсоветского украинского милитаризма. На протяжении 1990–2020х гг. этот феномен обрел собственную идеологическую и институциональную субъектность, значительно повысил уровень своей легитимации внутри страны и на международной арене.

В настоящее время украинский вариант милитаризма вполне интегрировался в контекст западной геостратегической экспансии на евразийском направлении. Декларации киевских идеологов о формировании Украины как восточного форпоста западного мира используются не только для слияния с военно-политической организацией НАТО, и для оправдания принадлежности одной из составных частей Русского мира к западным цивилизациям.

В поддержку чего на практике в последние годы выступают политические и идейно-политические лидеры, в том числе континентальной Европы. Если ранее в авангарде русофобской геостратегии выступали в первую очередь идеологи англосаксонского цивилизационного сообщества и их сателлиты из числа стран т.н. «Новой Европы», то в средине 2020-х гг. лагерь геополитических противников России существенно расширился.

Прежде ориентированные на прагматическое партнерство с Москвой лидеры Европейского союза – Франция, Германия, Италия, вопреки своим экономическим интересам и потребностям оказались в числе лидеров антироссийской коалиции.

Представляется, что определяющим фактором в определении своей позиции вокруг украинского кризиса для лидеров «единой Европы» стал именно вопрос цивилизационной идентификации. Россия в данном контексте воспринимается как мировоззренческий чуждый субъект, обособленный от европейско-центричной геополитической парадигмы.

Логическим продолжением эскалации межцивилизационных противоречий следует признать всестороннюю реставрацию милитаризации политики большинства государств англо-саксонской и континентально-европейской принадлежности. В значительной мере к этому процессу присоединились многие страны Латинской Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона, ранее не вовлеченные в идейно-политическое противостояние Запада и России.

События последних лет показывают, что в первом десятилетии XXI века эпицентр военно-политического экспансионизма переместился непосредственно в ближнее зарубежье России. На цивилизационное развитие как Европы, так и Евразии серьезное влияние оказывает геостратегические концепты, опирающиеся на новые национально-государственные вариации милитаризма, ставшие реальностью постсоветской геополитики.

Специфика и периодизация милитаризации постсоветского пространства.

События вооруженных конфликтов и локальных и региональных войн 2020-х гг. наглядно свидетельствуют о недооценке политическим руководством и научным миром комплексных вызовов, опасностей и угроз, которые оформились по отношению к российской геостратегии непосредственно на постсоветском пространстве.

По традиции, берущей свое начало еще с 1990-х гг. ключевым фактором дестабилизации пространства цивилизации Евразии считалось внешнее проникновение – со стороны НАТО, США или транснационального исламистского движения. Однако современные события показали, что наиболее масштабные проявления милитаризации постсоветского региона имели место ввиду масштабирования традиционно присущих евразийскому сообществу конфликтов и противоречий[300].

Одни из них – как конфликт вокруг Нагорного Карабаха, стали следствием очевидного «цивилизационного разлома», другие, как противостояние Российской Федерации и Украины, имели более сложную природу, будучи спровоцированы в первую очередь идейным и мировоззренческим расколом триединого цивилизационного ядра.

Недостаточное внимание к указанным обстоятельствам тем более неприемлемо, что постсоветское пространство – новые независимые государства СНГ и Прибалтики, еще в период переформатирования геополитической конфигурации испытывало на себе воздействие процесса феномена милитаризма – фактически суверенизация новых независимых государств и милитаризация их внутренней и внешней политики неразрывно связаны друг с другом. Причем последний процесс проходил весьма противоречиво и сочетал в себе как умножение числа военных организаций, так и массовое сокращение вооружений и численности войск, церемониальный характер вновь возникших регулярных армий, деградация уникального военно-промышленного комплекса, отказ Украины, Белоруссии и Казахстана от обладания ядерным оружием и другими средствами массового поражения.

Однако наряду с указанными тенденциями происходила реставрация архаичных проявлений вооруженного насилия, в ходе которого основными участниками конфликтов и локальных войн выступали различные парамилитарные и иррегуярные формирования. Попытки разрешить социальные противоречия при помощи неконвенциональных средств политической борьбы привели к многочисленным этноконфессиональным конфликтам и государственным мятежам.

[300] Хоперская, Л.Л. Евразийская безопасность: концепции и инициативы // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025, Т. 14, № 1(66). С. 172–185.

В данном контексте следует трактовать многочисленные вооруженные перевороты периода 1990-х гг. в Грузии, Азербайджане, череду локальных войн за Нагорный Карабах, приднестровский, грузино-осетинский, грузино-абхазский конфликты. На территории Российской Федерации в аналогичном ключе развивался конституционный кризис октября 1993 года, две военные компании по ликвидации ичкерийского сепаратизма, осетино-ингушский конфликт, многолетняя террористическая активность исламистов в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии[301].

Благодаря последовательным действиям России большинство из перечисленных конфликтов были умиротворены военным или дипломатическим путем, таким образом, завершив первый этап милитаризации постсоветского пространства. На подобный результат повлияла неспособность милитаристов «первой волны» разработать и реализовать рациональные программы и стратегии использования военной силы в политической борьбе.

Будучи неспособны к освоению колоссального военно-технологического арсенала, доставшегося от Вооруженных сил СССР, новые правящие этнократии имели в своем распоряжении весьма ограниченные экономические, интеллектуальные и кадровые ресурсы для проведения сколь-нибудь действенной милитарной политики. Наиболее действенным фактором, препятствующим милитаризации, следует назвать системный кризис социально-экономических отношений, связанный с проведением радикальных рыночных реформ. В итоге практически все страны СНГ оказались на пороге социальной катастрофы и не имели практической возможности для поддержания материального потенциала экспансионистских геостратегий.

В начале 2000-х годов на смену угасшим милитаристским тенденциям пришел второй этап, совпадающий с развертыванием культурной, экономической и военно-политической экспансии атлантического сообщества в геополитическом ареале бывшего СССР. Возможности НАТО, ранее задействованные для утверждения на Балканском полуострове, были перенацелены на борьбу с транснациональным исламистским терроризмом, под предлогом чего геостратегии НАТО предусматривали военно-политическую интеграцию постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы и постсоветских республик с евроатлантическими институтами. Показательно, что в указанное время ближнее зарубежье России было охвачено т.н. «цветными революциями», инициаторы которых всячески ретушировали и опровергали наличие ресурса политического насилия в борьбе за публичную власть.

[301] Кавтарадзе, С. Д. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве / – Москва : Экзамен, 2005. 223 с.

Обобщим, что на фоне перманентной дестабилизации именно Организация Североатлантического договора стараниями пропаганды в СМИ и социальных сетях преподносилась в качестве гаранта очередного витка демократического транзита, способного играть конструктивную роль при формировании системы коллективной безопасности на пространстве Евразии[302]. Опорным элементом концепции «двойного расширения» НАТО становится корректировка геостратегической идеологии этой организации. Альянс преподносился общественному мнению не как военный блок, а в качестве международного союза, в постбиполярную эпоху выполняющего прежде всего цивилизационные и мировоззренческие задачи по воплощению в жизнь идеалов либеральной демократии.

Реальным содержанием атлантических стратегий в постсоветском регионе становится вовлечение вооруженных сил новых независимых государств СНГ в военные операции за пределами зон их национально-государственных интересов.

Военные контингенты бывших союзных республик, вслед за былыми членами Организации Варшавского договора принимали заметное участие в поддержании санкционированных ООН международных оккупационных режимов в странах и регионах, так или иначе подвергшихся агрессии атлантического блока – Боснии, Ираке, Косово, Афганистане, африканских государствах. Параллельно чему были развернуты многочисленные программы по двусторонней и многосторонней координации деятельности вооруженных сил новых независимых государств, а также по созданию аффилированных с атлантическими организациями квазигражданских объединений.

Наивысшей фазой рассматриваемого периода признается принятие в НАТО прибалтийских государств, а также попытки интегрировать в состав альянса Украины, Грузии, Молдавии, которые были отложены после отражения грузинской агрессии в Южной Осетии и Абхазии в августе 2008 года. Контрдействия России приостановили процесс продвижения НАТО на Восток, что трансформировало милитарную геостратегию атлантистов институтов в менее резонансные и косвенные формы и технологии.

Определенным препятствием для атлантической экспансии выступало формирование системы коллективной безопасности постсоветского региона, которая структурировалась вокруг Договора о коллективной безопасности 1992 года, известного еще как «Ташкентский пакт». Указанный акт международного права стал катализатором и военно-политического, и цивилизационного размежевания новых независимых государств.

---

[302] Яскович Д.А. Эволюция стратегических концепций НАТО в постсоветский период: формирование стратегии продвижения на восток // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики 2017. № 7 (81). С. 210-214.

Отказ от выполнения или продления подписанного соглашения по безопасности со стороны Азербайджана, Грузии, Узбекистана, имевший место в 1999–2007 и в 2012 гг. существенно повлиял на устойчивость геополитической архитектуры евразийского пространства.

Показательно, что в рассматриваемый период происходил последовательный идеологический и духовный дрейф постсоветских элит от российских интересов и ценностей былого цивилизационного единства.

Отмеченная тенденция была должным образом оценена геополитическими конкурентами России. Благодаря продуктивному использованию инструментария «мягкой силы» Вашингтон и Брюссель упрочили свое влияние в партийно-политических системах постсоветских государств, а также оформили присутствие подконтрольных филиалов среди «третьего сектора» и национальных масс-медиа.

Таким образом, геостратегия милитаризации постсоветского региона после «Мюнхенской речи» Президента Российской Федерации В.В. Путина и «олимпийской войны» 2008 года было только приостановлено, но не прекращено окончательно. Для вытеснения России из традиционного цивилизационного пространства государства Запада инициировали государственный переворот на Украине в феврале 2014 года. Последовавший затем полномасштабный международный кризис отозвался такими событиями, как «Русская весна» и воссоединение Российской Федерации, Крыма и Севастополя, а также гражданская война на Донбассе 2014–2022 гг. Итогом стала открытая конфронтация атлантической цивилизации и России, положившая начало новому этапу милитаризации региона СНГ.

Украинский милитаризм как угроза постсоветской цивилизации.

Прежде всего, необходимо рассмотреть идейно-политические основания украинского милитаризма. Наличие тесной взаимосвязи между определенными идеологиями и милитаристскими проявлениями обосновано в работах ряда авторов[303]. Современный украинский идеологический спектр после 2014 года схематично представлен тремя основными идейно-политическими течениями: этнический национализм, политический национализм, неонацизм. Их отличают некоторые специфические отличия, обусловленные региональными и социокультурными факторами.

Этнический национализм, основанный на примитивном толковании «чистоты нации», опирается на ментальные установки населения Галиции и частично Волыни. Главный идеологический лозунг этнических националистов – это культ коллаборации периода Второй мировой войны, которой пытаются придать псевдопатриотическую трактовку.

[303] Кулакова, Н.Н. Анисимов В.В. Истоки формирования украинского радикального национализма: история и характеристика// Социально-гуманитарные знания. 2025. № 1. С. 265–269.

Адепты этнического национализма прочно заняли нишу идеологов и «духовных наставников» общества, фактических вершителей национальной внешней политики[304]. Политический национализм на постсоветской Украине охватывает ареал центральных областей страны. В период 1990–2020-х гг. ставший знаменем зонтичного «днепропетровского клана», он позволил перехватить предпочтения социально активных сограждан и прочно закрепиться в системе официальной пропаганды.

Неонацизм как системный фактор общественно-политических отношений постсоветской Украины проявил себя преимущественно после 2014 г. Социальной базой течения являются юго-восточные области, ранее традиционно тяготеющие к России. Его отличает ставка на откровенный «белый расизм» и неоязыческое сектантство. Все три версии современного национализма опираются на очевидную милитаристскую доминанту.

Для галицийских этнократов характерно оправдание подпольно-террористического движения 1920–1950 гг. Политические националисты строят социокультурную идентичность на образе днепровского казачества как средневекового «рыцарства», в пропаганде которого эксплуатируется архетип японских самураев. Неонацисты объявляют себя наследниками воинских корпораций Средневековья, формируя псевдоисторическую мифологию преемников фашистских организаций XX века.

Ранее существовавшая ориентация доктрин националистического толка на конфликт с иными этносами оказалась в значительной мере нивелирована тем обстоятельством, что в составе нового украинского государства в 1990-х гг. оказались исторические русские земли. Новороссия и Слобожанщина составляли примерно половину территорий, притом наиболее экономически и культурно развитых, оказавшейся под властью Киева после 1991 г. Причем эти регионы по крайне мере со второй половины XVIII века были вполне органично интегрированы в состав ядра имперской, а затем и советской государственности. В результате между постсоветскими Россией и Украиной сложились предпосылки для раскола скорее не по принципу «метрополия-колония», а по вопросу о первенстве двух составных частей ядра в недавнем прошлом единой цивилизации.

Ввиду чего объективно возникало противоречие между двумя векторами: сотрудничество и солидарность либо же конкуренция или противоборство между опорными частями былого цивилизационного монолита. Баланс между названными перспективами постепенно смещался в пользу конфронтационного варианта, будучи предопределен нарастающей эрозией идейно-политического и политико-экономического фундамента исторической Большой России.

[304] Шмелев, Б.А. Влияние идеологии украинского национализма на внешнеполитическую концепцию страны // Мир перемен.2024. № 4. С. 143–158.

Другим весомым фактором отката процесса милитаризации Украины, стала стратегическая линия российского руководства на умиротворение и односторонние уступки своему юго-западному соседу. Среди них: признание внутренних административных границ СССР в качестве государственных, отказ от поддержки ирредентистских устремлений русской общины бывшей Украинской СССР, отсутствие реакции на фактическую ликвидацию политико-территориальной автономии республики Крым, осуществленная Киевом в 1996 году, ратификация Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Украиной 1997 года.

В данном контексте необходимо также учитывать фактор внешнего влияния держав – бенефициаров нового мирового порядка. И российские и украинские элиты в период суверенизации 1990-х гг. в значительной степени ориентировались на мнение, а во многих случаях – на прямые директивы западных партнеров. В итоге, убедившись в отсутствии активных внешнеполитических стратегий Москвы в своем ближнем зарубежье, украинские политические кланы не нуждались в дальнейшей последовательной милитаризации общества, ввиду чего в конец 1990-х гг. задача подобного рода была фактически пересмотрена.

Однако после нарастания внутренних противоречий, приведших Украину к падению режима легитимного президента В. Януковича, страна фактически оказалась в заложниках радикального курса, выдвинутого различными тогда еще разрозненными группировками националистов и неонацистов. Спровоцированные ими Русская весна и национально-освободительная борьба народа Донбасса привели к стремительной милитаризации украинского социума и украинской государственности.

Наиболее опасные проявлениями милитаризма после 2014 года охватили следующие сферы социальной жизнедеятельности Украины. В концептуальном обеспечении государственной политики приняты решения об отказе от внеблокового статуса Украины, отменены статьи конституции о международном нейтралитете и запрете размещения на своей территории иностранных военных баз, декларирована необходимость союза с Североатлантическим альянсом, в 2019 году объявлен отказ от продления Договора о дружбе и сотрудничества с Российской Федерацией.

В военно-стратегическом плане. Приняты и реализованы планы военной оккупации республик Донбасса, разработаны варианты полномасштабной войны с Российской Федерацией. В идеологической и информационной сферах в 2014–2015 гг. завершено формирование «образа врага» в виде русских граждан Украины, уроженцев ЛДНР, сформировано представление об исторической России как экзистенциальной угрозе для существования украинского общества. В экономической области отмечается кратное возрастание военных расходов, возобновление научно-конструкторских разработок и военных производственных комплексов.

В социальной сфере сложилась специфическая маргинальная агрегация, пропитанная русофобскими настроениями и существующая за счет обслуживания милитаристской политики правящего режима, подавления инакомыслящих, перманентного социального террора. В политической сфере имеет место деформация политической системы: легальный статус получили военизированные группировки радикалов и экстремистов, многие из которых пополнили ряды парламентских партий и общественных движений.

Поэтому совершенно логичным и оправданным с международно-правовой точки зрения выглядит такое требование России как демилитаризация киевского режима, выдвинутое в связи с началом специальной военной операции 2022 гола. Указанные тенденции 2015–2022 гг. после начала открытого военного столкновения с Россией приобрели еще более выраженный замысел, и перешли на качественно новый уровень, способствовав наращиванию милитаристского потенциала Украины и преобразованию прежде достаточно ограниченного в возможностях типа в модель милитаризации регионального масштаба. Основной целью украинской милитаризации сегодня выступает отторжение освобожденных регионов и нарушение территориальной целостности России[305].

Главный признак военно-политического экспансионизма Киева – это перенос ареала милитаристских действий за пределы театра конфликта с Россией, распространение военных демонстраций, давления, подрывных операций на близкие или отдаленные территории, где имеются геополитические интересы России – на Приднестровье, Мали, Судан и другие отдаленные регионы и государства. Особенная черта украинского милитаризма – это отсутствие граней между законными и неконвенциональными формами вооруженной борьбы, сращивание военной деятельности и террористической активности, которая распространяется как на Россию, так и на иные интересующие Киев районы земного шара.

Последствия милитаризации для цивилизации постсоветского пространства.

Итогом культурного и мировоззренческого раскола пространства бывшего СССР, следует признать формирование новых специфических моделей милитаристских геостратегий. В то время, когда прибалтийские республики и Украина, интегрировались в милитаристский дискурс Запада, остальные новые независимые государства сталкиваются с необходимостью ответа на исходящие со стороны военно-политического экспансионизма вызовы и опасности.

[305] Корякин В.М. Сулаков Р.М. Обеспечение территориальной целостности Российской Федерации как задача специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2025. № 7(336). С. 52–62.

Что касается Российской Федерации, то в условиях полномасштабной международной эскалации, когда на стороне противников в той или иной форме выступают порядка государств земного шара, закономерным ответом выглядит обращение к потенциалу милитаризма. При этом российская модель геостратегии собой вариант «ограниченной милитаризации», то есть использования военных принципов, приемов и технологий в масштабах, не позволяющих радикально преобразовать общественные отношения, внешнюю и внутреннюю политику страны.

Доказательством отсутствия замысла организации российской стороной военно-политической экспансии можно назвать отсутствие в практике российского государственного и военного управления приверженности ценностям и принципам конкретной идеологии вселенского масштаба. Военная политики и геостратегия Российской Федерации как строились ранее, так и формируются в настоящее время главным образом с учетом прагматических геостратегических интересов и геополитических приоритетов.

Показательно содержание требований к киевскому режиму в начале специальной военной операции, которые сводились к нейтрализации и «финляндизации» украинской государственности, но не выдвигали идеи ее полной реконструкции и территориального поглощения.

Определенный идеологический вектор содержится в ситуативном обращении российских элит к доктринам «Русского мира» и лозунга «собирания русских земель»[306].

Однако, достигнув продуктивных результатов в деле обоснования восстановления исторической справедливости положения указанных концепций не были индокринированы в сферу идеологического наполнения российской геостратегии и внешней и оборонной политики[307].

Примерно схожая ситуация отличает отношение к потенциалу милитаризации практически всех участников организации ОДКБ, также нейтральные Туркмению и Узбекистан.

Все эти государства не имеют устойчивой военно-экспансионистской традиции и не обладают возможностями для ведения продолжительных войн или интервенций. Присущие патриархальному обществу трайбализм и непотизм центральноазиатских и закавказских государств не позволяют укрепиться здесь общенациональному мировоззрению и примату верховенства интересов национального государства, которое только и может выступать инициатором и исполнителем милитаристских геостратегий.

---

[306] Руденко, М.В. Оноπко О.В. Доктрина «Русский Донбасс»: идейно-теоретические основы и политическое значение // Вопросы национализма. 2021. № 1(33). С. 126–133.

[307] Пожидаев Е.А. К вопросу о предпосылках геополитического столкновения на Донбассе и Украине // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2022. № 3(82). С. 151–166.

Однако все большее отчуждение идеологических позиций от общих духовных ценностей представляет реальную опасность потенциального приобщения социумов и политического класса дружественных государств СНГ к антироссийским военно-экспансионистским проектам.

Практически во всех из них реставрируются или создаются искусственно националистические концепты, не оставляющие места для духовного единения с российской цивилизацией и Русским миром. Причем после событий «Русской весны» 2014 года данные тенденции приобрели более интенсивное выражение и стали реакцией правящих этнократий на ограниченную и незавершенную попытку идеологического самоопределения Российской Федерации.

Характерная черта развития идеологической сферы постсоветских социумов – это наличие сразу нескольких конкурирующих между собой вариаций этнического или государственного национализма, выдвигаемых как оппозиционными силами, так и официальным правительством. В сфере международных геостратегий подобное положение выражается в декларировании курса на многовекторность, что очевидно свидетельствует о неготовности официальных военных союзников Москвы разделять с Россией ответственность за общую судьбу в рамках единой цивилизации. Показателен пример современной Белоруссии, где апелляции к международной многовекторности совмещены с наличием прозападного националистического концепта «литвинства» и официальной политикой «белорусизации»[308]. Логическое следствие идеологического и духовного сепаратизма от общих цивилизационных основ – это эрозия предназначения системы коллективной безопасности с участием России. Из всех ее официальных союзников только Белоруссия оказала ограниченную поддержку усилиям российской армии по решению задач Специальной военной операции в 2022 голу. Продолжением российско-белорусского сотрудничества в рамках Союзного государства стало подписание Военной доктрины (2021), Договора и взаимной помощи и общей доктрины безопасности Союзного государства (2024).

Тогда как остальные участники ОДКБ самоустранились от действенной поддержки России в ее конфронтации с Западом, частично примкнув к выполнению обязательств по обеспечению незаконных международных санкций. Причем объективная неспособность партнеров России к участию в реальных вооруженных конфликтах высокой интенсивности достаточно верно осознается российским руководством, которое проводит достаточно деликатную политику на платформе Организации Договора о коллективной безопасности.

[308] Гудименко, Д.В. Национализм в Белоруссии: Двуликий Янус// Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10, № 11(68). С. 2660–2669.

Очевидная ограниченность возможностей ОДКБ по противодействию вызовам атлантических геостратегий может быть объяснена отличительной чертой на равноправие стран-участников и идеологизацию предназначения этого объединения. Будучи провозглашена как многопрофильная организация коллективной безопасности ОДКБ не ставило задач поддержания духовно-исторической преемственности с существовавшей ранее цивилизационной общностью и не предпринимало попыток создания интегрирующего мировоззренческого конструкта. Следствием чего следует назвать продолжающийся кризис этой организации, усугубляющийся на фоне экспансии евроатлантистов и пантюркистов на просторах Евразии. Наиболее показателен пример фактического выхода из союзных структур Армении, организованный прозападным правительством Н. Пашиняна. Просматривается очевидная взаимосвязь между ревизией позиции Еревана как участника системы коллективной безопасности и эскалацией Запад–Россия, набравшей обороты после начала СВО[309]. Особенную тревогу вызывает концентрация как внутренней, так и внутренней, так и внешней милитаризации в политике ряда постсоветских государств. В наибольшей степени указанная тенденция характерна современной Украины, которая, наряду с Азербайджаном представляет две специфические модели новых национально-государственных типов милитаризма.

Опасность для существования постсоветской цивилизации украинской милитаризованной геостратегии заключается в состоявшейся интеграции этой страны систему постиндустриального милитаризма глобализирующегося мира. Выступая в качестве военно-силового авангарда антироссийской экспансии, украинский милитаризм всемерно обеспечен идеологической, моральной и политико-дипломатической, информационной и пропагандистской поддержкой атлантических держав и примкнувших к ним государств, транснациональных и международных субъектов.

Высоким уровнем также отличается финансовое, военно-технологическое, обеспечение украинской милитаризации, которое сдерживается лишь высокой материальной ценой столь масштабной задачи для ресурсного потенциала участников антироссийской коалиции.

Опасностью и угрозой для безопасности России и всей постсоветской цивилизации признаются развертывание крупных войсковых группировок НАТО по всему периметру наших западных границ, модернизация военной инфраструктуры сопредельных «младоевропейских государств», гонка вооружений с участием транснационального ВПК, фактическая легализация наемничества и оформление «интернационала» международных военизированных фирм и корпораций.

[309] Ананьев, А.В. Смена внешнеполитического курса Армении в условиях украинского кризиса / А. В. Ананьев // Международная жизнь. 2025. № 1. С. 30–37.

Описанные последствия представляют собой угрозу не только для региональной безопасности СНГ, но и проецируются на более высокий международный уровень, создавая перспективу глобального военного столкновения. Наряду с чем, проработка технологий создания антироссийской коалиции на основе поддержания претензий конкретного милитаристского государства предоставляет претендентам на мировую гегемонию готовые инструментарий и модели реализации экспансионистских геостратегий в отношении практического любого неугодного субъекта мирового порядка.

Особенная роль в поддержании милитаристского дискурса ареале бывшего СССР принадлежит сторонним по отношению к таковому субъектам -- государственным элитам «Новой Европы», сделавшим ставку в качестве проводников атлантической геостратегии «младоевропейцам». Ведущее место среди них занимают правительства Польской республики, Румынии, Финляндии, Швеции, Турции каждое из которых в реваншистских целях формирует двусторонние и многосторонние альянсы с русофобскими режимами ближнего зарубежья России. Все из перечисленных стран обладают собственными геополитическими интересами на просторах постсоветской цивилизации.

Правительства и президентские администрации этих государств вынуждены принимать во внимание позицию радикальных националистов, спекулирующих на непростых исторических перипетиях отношений с Российской империей и СССР. В условиях полномасштабного конфликта середины 2020-х гг. в целом маргинальные общественные нестроения относительно достижения реванша над Россией приобрели новое выражение и существенно укрепили популярность политиков и партий националистического спектра. Таковые получили признание и со стороны представителей панъевропейской бюрократии, легитимизировав свое присутствие в легальном политико-партийном пространстве.

Впрочем, в ряде случаев русофобская риторика восточно-европейских реваншистов замещается или же комбинируется с предъявлением претензий уже в адрес украинской стороны, как это происходит со стороны польских или румынских радикалов. Тем самым провоцируются все новые линии противоречий и конфликтов на этноконфессиональной почве, являющиеся закономерным следствием реставрированных цивилизационных разломов.

В обозримом будущем подобное возможно оформление очередных национально-исторических типов и разновидностей милитаризма XXI века, вдохновители которых будут опираться на мифологизированное прошлое, за счет обращения к практике военно-политической экспансии.

В перспективе возникает возможность появления в Восточной Европе дочерних по отношению к НАТО и ЕС, но не связанных с ними международно-правовыми обязательствами «мини блоков».

Наиболее близки к подобной перспективе Литва, Латвия и Эстония, ориентирующиеся на поддержку партнеров по Скандо-Балтийской интеграции, способных обеспечить пропагандистское и дипломатическое продвижение проектов дальнейшее милитаризации. На Юго-Востоке Европы ожидаются аналогичные инициативы по поводу оформления румынско-молдавского формального или неформального союза.

Дополнительным стимулом для сближения Бухареста и Кишинева может выступать, помимо русофобских мотивов, также и опасения молдавской и румынской сторон относительно дальнейших планов украинского милитаризма, имеющего собственные виды на Днестровское Левобережье. Таким образом, из всех вариаций милитаристских геостратегий наибольшую опасность для России как для «государства-цивилизации» представляет украинский милитаризм. Таковой не только является «прокси-армией» атлантических держав, но и приобретает значение катализатора глобальной военно-политической экспансии.

Несмотря на крайний авантюризм и популизм политика Киева заставляет считаться со своим целеполаганием и европейскую бюрократию и транснациональные организации[310]. Со всей очевидностью милитаризм постмайданного Киева способен перейти к подрыву единого пространства безопасности Евразии. Наглядная автономия украинской геостратегии 2020-х гг. по отношению к концептам и действиям его формальных старших союзников, служит аргументом для признания нарастающего кризиса современного миропорядка.

Схожие параметры демонстрирует геостратегия современного Азербайджана периода правления И. Алиева. Совершим крен в сторону от навязываемых евроатлантистами интеграционных стратегий и не принимая в своем культурном пространстве «общечеловеческие ценности» политические элиты на протяжении второго–третьего десятилетий XXI столетия сделали очевидный выбор в сторону цивилизационных ценностей пантюркизма.

Оставив в стороне присутствие в заведомо недееспособной военно-политической организации ГУУАМ, патронируемой Западом, Баку преобразовал свои устремления на сотрудничество с созданным под эгидой Анкары Тюркским союзом. Фактически режим И. Алиева примкнул к альтернативной геостратегии Р. Эрдогана, реализующей вмешательства в конфликты и войны на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Закавказье[311].

---

[310] Попов Э. А. Место украинского национализма/нацизма в контексте интернационализации украинского конфликта // Международная жизнь. 2025, № 1. С. 46–57.

[311] Ирхин, А. А. Внешняя политика руководства партии справедливости и развития Турции и геополитические интересы России. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2019, Т.5 (71), № 3.С. 51–62.

Прокси-силы и регулярные формирования, и другие институты современного турецкого милитаризма оказались широко представлены в конфликтах в Сирии, Ливии, Ираке, Нагорном Карабахе.

На фоне чего азербайджанская вариация милитаризма продемонстрировала достаточно высокий уровень эффективности по сравнению с другими версиями военно-политического экспансионизма, продвигаемыми некоторыми из бывших союзных республик.

Как полагает российский исследователь А. Кривопалов, Баку удалось добиться геополитического доминирования благодаря умению координировать свои действия в таких сферах, как стратегия, внешняя политика и военная деятельность[312].

Причинами такого развития событий следует назвать: нефтяной ресурсный потенциал республики, тесную интеграцию с российской экономикой, военно-технологической и политической сферами, в том числе за счет «теневых» и «серых схем» с участием азербайджанских диаспор, всемерная поддержка патронирующей региональной державы – Турецкой республики, удачное использование внешнеполитической конъюнктуры в связи с отвлечением как России, таки и евроатлантического сообщества на международный кризис вокруг Украины.

Если Вторая война за Карабах (2020) и операция по окончательному вытеснению из него армянских сил (2023) еще могут вполне признаваться параметрами «ограниченной милитаризации», то дальнейшая геостратегия Баку свидетельствует в пользу выбора экспансионистской линии в Закавказье. Такие шаги, как выдвижение территориальных претензий на принадлежащие Армении область Сюник и Зангезурский коридор, участие в давлении на Иран в координации с США и Израилем, провоцирование дипломатических трений и информационных кампаний против России на фоне демонстративного сближения с националистическим Киевом побуждают признать стремление азербайджанского руководства закрепить за собой статус регионального лидера в Закавказье и в Прикаспии. Очевидно, что дальнейшими мерами в этом направлении могут стать программы по установлению той или иной формой совместного с Турцией протектората над Ереваном с последующем вытеснением из региона российского политико-экономического и военно-политического присутствия.

В то же время практически все модели милитаризации, продвигаемые на постсоветском пространстве – украинская, азербайджанская, прибалтийская, не обладают прочным историческим и рациональным основанием, будучи основаны на прямо шовинистических и волюнтаристских подходах.

---

[312] Кривопалов, А.А. Вторая карабахская война в политико-стратегической ретроспективе // Россия и новые государства Евразии. 2022, № 3(56). С. 149–160.

Практический опыт показывает, что взаимное наложение милитаристских и националистических догматов ведут не только к внешней эскалации, но и провоцируют внутреннюю напряженность, грозящую гражданской войной, как это было в Молдавии и Приднестровье, Грузии, на Украине. Неминуемо следующее за этим посягательство на национальные интересы и цивилизационные основы России, инициируя ее вмешательство в целях восстановления геополитических позиций и защиты прав соотечественников. Платой за попытки развязывания внутреннего террора и внешней экспансии для позволивших увлечь себя милитаристскими приготовлениями народов и государств становится разрушение народного хозяйства, катастрофические демографические утраты, реальность кризиса общественной морали и массовой психической девиантности. Здравые политические силы в ближнем зарубежье России имеют в виду, что в случае нахождения компромисса с российской стороной потери и утраты прозападных геостратегий останутся в прошлом, равно как и рецидивы череды кризисов региональной и коллективной безопасности[313].

Ввиду чего тематика взаимодействия международных организаций и переговорных платформ согласования национальных интересов представляется достаточно востребованной и в сфере осмысления развития международных отношений в ареале постсоветском цивилизации.

Нарастание международного кризиса, охватывающего не только ближние рубежи России, но и все большие территории евразийского континента имеет следствием дестабилизацию коллективных интересов государств-членов ОДКБ – в первую очередь тех, кто непосредственно вовлечен в происходящий геополитический передел и испытывает прямые негативные последствия не в перспективе, а в настоящее время – Армения, Белоруссия, Киргизия. Вызовы милитаризации для цивилизационного развития повышают значение политико-коммуникационного фактора как в эскалации военно-политической конфликтогенности, так и в деле стабилизации зоны стратегических геополитических интересов России как государства-цивилизации.

Заключим, что милитаризм как неотъемлемый спутник развития планетарной цивилизации и отдельных региональных цивилизационных общностей в XXI столетии не только не стал достоянием истории, но и продолжает оставаться одним из магистральных факторов развития национальных и международных геостратегий. Эскалация напряженности отношений в восточно-европейском регионе на протяжении 2023–2025 гг. переместилась и в другие регионы земного шара.

---

[313] Торопыгин, А. В. Организация Договора о коллективной безопасности: реалии и перспективы кризисного реагирования // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022, Т. 16, № 4(42). С. 149–156.

Приход к власти в США республиканской администрации Д. Трампа характеризуется взрывным ростом военного бюджета и развертыванием нового витка гонки вооружений. Для геостратегии очередной президентской команды характерна линия на манипулирование фактором военной мощи – стремясь прекратить или приостановить одни региональные войны или конфликты (Россия–Украина, Индия–Пакистан, Израиль–Палестина), трамписты готовы развернуть экспансию там, где, по их мнению, концентрируются прежде всего материальные прагматические интересы США. В первую очередь объектом приложения милитаризма команды Д Трампа становятся регионы производства наркотиков и нефтеносные районы Африки и Латинской Америки.

Постсоветское пространство интересует американских геостратегов не столь очевидно, как это имело место в период пребывания у власти в США демократов-глобалистов. Фактический постепенное сворачивание военного присутствия американских контингентов и база в Восточной Европе и на континенте в целом открывает возможность для замещения лидирующих позиций в процессе милитаризации новыми последователями экспансионистского внешнеполитического курса.

Вектор милитарных геостратегий постепенно готов сместиться из политики НАТО в область геополитических притязаний Европейского союза и поддерживающей милитаристский запал европейцев. Великобритании. Предпосылки милитаризации «единой Европы» достаточно давно описывались экспертным сообществом, однако после начала СВО ориентация на открытый конфликт с Москвой становится стержнем и смыслом политического существования евроатлантистов.

Следует признать, что со стороны экспертного сообщества и политических элит нашей страны не отмечалось наличия проработанной стратегии противодействия милитаризации постсоветского пространства во взаимосвязи с оценкой геостратегических намерений традиционных внешнеполитических конкурентов и противников российской цивилизации.

Приверженность милитаристскому курсу со стороны публичных деятелей и политических сила стран ближнего зарубежья длительное время не являлось ранее, и не является сейчас препятствием для установления контактов и тесных отношений с ними со стороны официальных представителей российского государства. В дополнение к чему откровенное игнорирование фактора цивилизационного единства и поддержания культурного и духовного родства с народами региона СНГ длительное время – фактически до принятия Концепции внешней политики Российской Федерации от 2024 года, объяснялось вынесением во главу угла реализуемых интеграционных проектов – Таможенного союза, Евразийского экономического союза, ОДКБ, исключительно прагматических деидеологизированных вопросов.

В результате неприятным сюрпризом для исполнительных органов и институтов Российской Федерации стало появление непосредственно на границах страны агрессивных политических режимов милитаристского толка. Продвижение националистических убеждений и оправдывание военных приготовлений служит ключевым вектором политики правящих кругов прибалтийских государств, Украины, Азербайджана. И если милитаристские приготовления в субрегионе Скандо-Балтики ожидаемо можно связать пребыванием в рядах Североатлантического союза, то две другие вариации милитаристских геостратегий формировались не только и не столько во исполнение геополитических намерений евроатлантистов, но имели под собой более широкие причинно-следственные связи.

Актуализируется необходимость творческого переосмысления нормативной и концептуальной базы обеспечения национальной и коллективной безопасности в XX столетии. В связи с подготовкой новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации требуется не допустить широкого и противоречивого толкования источников и движущих сил вызовов, опасностей и угроз национально-государственным интересам России.

В первую очередь назрела корректировка базовых представлений о безопасности с учетом внесенных в Концепцию внешней политики изменений в определение роли России в мире как «государства-цивилизации».

В связи с чем, в обновленной доктринальной основе должны быть прописаны термины и категории, отражающие вновь осмысленные явления и понятия, относимые как к объекту защиты – цивилизация, цивилизационные ценности, нормы и принципы цивилизации, так и к субъектам, ресурсам и технологиям антироссийских геостратегий – милитаризм, милитаризация, милитарная политика, военно-политический экспансионизм.

Внесение согласованных с экспертным сообществом дополнений в содержание концептуальных актов будет способно модернизировать методологический инструментарий теории международных отношений и политики национальной безопасности, подготовить основу для выдвижения проработанных рекомендаций для решения актуальных вопросов отражения вызовов и угроз российской цивилизации на постсоветском пространстве.

1.10. Цивилизационные аспекты и современные геостратегические причины украинского кризиса

В генезисе трагических событий, связанных с конфликтом на Украине, важно оценить геополитические аспекты и, в частности, роль коллективного Запада в этом многоступенчатом и длительном по времени процессе. Говоря о геополитическом факторе в развитии и радикализации связанного с Украиной военно-политического кризиса, перешедшего в стадию активного вооруженного конфликта, нужно иметь в виду следующий аспект и понимать его хронологию. Здесь присутствует сложная взаимосвязь факторов, интересов, причин и следствий, личностных аспектов, исторического наследия и исторической памяти, проявившихся во всей архитектуре происходящих событий. В данном историческом времени и географическом пространстве совпали деструктивные по отношению к России стремления коллективного Запада к установлению своего безусловного доминирования, которое для них возможно после или полного подчинения, или уничтожения в принципе российской государственности. С другой стороны, можно говорить о стремлении украинского политикума, в котором постепенно преобладание получили антироссийские силы доказать свое право быть принятыми в сообщество коллективного Запада как главный силовой ресурс в активной фазе борьбы против России.

Для начала нужно рассмотреть рамочное определение того, что мы понимаем под коллективным Западом. Это стабильный состав государств, приводящих враждебную по отношению к российской государственности политику. В основном они являются членами ЕС и НАТО, но здесь ключевой фактор –это стабильность и воспроизводимость их союзнических отношений, основанных на активной враждебности по отношении к России, которая оправдывается соответствующей русофобской идеологией.

Роль коллективного Запада в лице антироссийски настроенного политического сообщества, затем институционального на государственном уровне ЕС и США была проявлена с 1991 года, то есть с момента распада Советского Союза и появления суверенной украинской государственности. Государственная политика была на первом этапе, в ранние 1990-е гг. изменчивой, особенно в период, когда коллективный Запад воспринимал Россию в качестве полностью подконтрольного государства, не было мейнстримным мнение, что Россия сможет восстановиться в качестве мировой державы, которая поставит вопрос о своих государственных интересах и обеспечении безопасности. Но структуры, которые были созданы из русофобской украинской эмиграции в годы Холодной войны активно вкладывали свои ресурсы в формировании в украинском государстве антироссийской информационной повестки и политического мировоззрения как основы идентичности независимой Украины.

Для коллективного Запада выстраивание с новой Россией равноправные политические и экономические отношения, что предполагало интеграцию России во все без исключения структуры Запада и прежде всего в НАТО как полноправного члена организации и отсутствие политики создания по границам «санитарного кордона» не стало стратегической линией поведения.

Была выбрана политика окружения России за счет продвижения блока НАТО к её границам, борьба с российским влиянием на постсоветском пространстве, продвижением к власти откровенно русофобских политических сил.

Есть несколько взаимосвязанных причин таких действий США и их союзников. Россия воспринималась ими как страна, не имеющая права на равноправный статус поскольку согласно мнению в том числе получивших после 1991 года независимости государств постсоветского пространства, она воспринималась как ядром и продолжателем Советского Союза, следовательно, страной, проигравшей в «Холодной войне».

В своей критической массе поколения политиков стран коллективного Запада были воспитаны на логике «Холодной войны» и считали, что все издержки должна теперь оплатить Российская Федерация, которая располагала основным массивом стратегически важных природных ресурсов.

На Россию была возложена «историческая» вина за все негативно воспринимавшиеся на Западе политические события. В политически активных и интегрировавшейся в политические, военные и экономические структуры Запада странах бывшего Советского Союза и социалистического блока, таких как Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Литва, Латвия, Эстония политику по отношению к уже новой России, определяло желание исторической мести и реванша.

Россия должна была по их представлениям понести наказание за политику Советского Союза, которая интерпретировалась уже исключительно не в антикоммунистическом, а в русофобском ключе. Здесь же присутствовал и круг экспертов, принадлежавших к академической среде, дававшей такому взгляду на Россию вид академической аргументированности и оказывавших влияние на органы государственной власти и общественное мнение, по сути, фальсифицируя историю в антироссийской парадигме, и выступая в качестве лоббистов антироссийских политических сил. В качестве примера можно привести работы Тимоти Снайдера, его статьи и это далеко не единичный случай[314].

[314] Timothy Snyder Ivan Ilyin, Putin’s Philosopher of Russian Fascism / Timothy Snyder / The New York Review of Bookshttps: – URL: www.nybooks. com/online/ 2018/03/16/ivan-ilyin-putins-philosopher-of-russian-fascism. (дата обращения: 30.08.2025). – Текст : электронный.

Если мы посмотрим на специфику геополитического планирования, то увидим следующие аспекты. Здесь сохраняют свою политическую и научную актуальность характеристики украинского фактора, данные Збигневом Бжезинским с временным промежутком в пятнадцать лет.

В 1997 году он, оценивая проявившиеся последствия распада Советского Союза и оформления нового геополитического ландшафта отмечал, что для США «долгосрочная же задача состоит в следующем: каким образом оказать поддержку демократическим преобразованиям в России и её экономическому восстановлению и в тоже время не допустить возрождения вновь евразийской империи, которая способна помешать осуществлению американской геостратегической цели формирования более крупной евроатлантической системы, с которой в будущем Россия могла бы быть прочно и надёжно связана»[315].

Учитывая проявившиеся геополитически тенденции основной целью геостратегии, следует считать не сотрудничество с Россией, а именно выстраивание системы её сдерживания, геополитического и геоэкономического контроля. НАТО были отклонены попытки России в 1990-е и 2000-е. гг. интегрироваться в альянс и на равных правах с остальными участниками выстраивать равновесную и стабильную систему коллективной безопасности с взаимным учётом интересов.

В этой описанной З. Бжезинским системе «сдерживания России» важная роль отводилась Украине. Она воспринималась как ключевой элемент геополитического сдерживания России. «Отречение от более чем 300-летней российской имперской истории означало потерю потенциально богатой индустриальной и сельскохозяйственной экономики и 52 млн. человек, этнически и религиозно наиболее тесно связанных с русскими, которые были способны превратить Россию в действительно крупную и уверенную в себе имперскую державу. Независимость Украины также лишила Россию её доминирующего положения на Чёрном море, где Одесса служила жизненно важным портом для торговли со странами Средиземного моря и всего мира в целом»[316].

З. Бжезинский отмечал ещё и такой фактор, что без Украины «принимая во внимание снижение уровня рождаемости в России и буквально взрыв рождаемости в республиках Средней Азии, любое новое евразийское государство, базирующееся исключительно на власти России без Украины, неизбежно с каждым годом будет становиться всё менее европейским и всё более азиатским»[317].

---

[315] Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. [пер. с англ. О.Ю. Уральской]. - М.: Международные отношения, 1999. С. 108.

[316] Там же. С. 114.

[317] Там же. С. 115.

В 2012 году З. Бжезинский рассуждал уже имея в геополитической реальности Россию не в качестве «чёрной дыры», в состоянии тяжелейшего экономического, политического, духовного, геополитического кризиса, а в качестве страны, сумевшую преодолеть угрозы и кризисные явления 1990-х гг., одержавшую победу над организованным международным терроризмом и восстановившую свой государственный суверенитет на Кавказе, преодолевшую последствия нескольких экономических кризисов и перешедшую к экономическому росту.

К этому времени уже чётко обозначились и кризисные явления в отношениях России с США и НАТО, причём Россия доказала факт восстановления военного потенциала, понимание своих геополитических интересов и стремление их защищать. З. Бжезинский говорил о возможности поглощения Украины Россией, против которого играло, по его мнению, время, поскольку на Украине у молодых поколений формировалось уже патриотическое чувство по отношению к независимой Украине[318].

Использование геополитическими противниками России украинского фактора в ущерб её интересам опирается на политическую традицию, берущую своё начало еще в XVII в.

После воссоединения Украины с российским государством в середине XVII в. казацкая старшина не осуществила интеграцию в государственно-политическое пространство Русского Царства в полной мере. Здесь было несколько причин, как внутриполитического и психологического, так и внешнего характера. Однако в основе и причин внутриполитических и психологических было то, что воссоединённых «украинные» земли большой исторический период находились во власти и под абсолютным влиянием чуждой их цивилизационной основе польско-литовской конфессиональной и политико-идеологической среде. Чисто поддержка со стороны Речи Посполитой, Османской империи и Крымского ханства практически всех антироссийских движений и мятежей на территории Украины (российской левобережной её части);

Измена и мятеж гетмана И.С. Мазепы в 1708 году и попытка со стороны Швеции использовать его как возможность усилится в противостоянии с Россией и лишить её данных территорий. Земли Гетманщины, ее военные и политико-экономические особенности воспринимались королём Швеции Карлом XII как форпост для противоборства с царём России Петром I с расчетом на верность шведской короне со стороны старшины Гетмана И.С. Мазепы с его ресурсами и со стороны основной массы Войска Запорожского, несмотря на его выступления против гетмана.

[318] Бжезинский З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. [пер. с англ. М.Н. Десятовой]. - М.: АСТ, 2015, С. 143–146.

Попытки использовать украинскую антироссийскую эмиграцию во главе с Ф. Орликом для нанесения политического ущерба России и провоцирования мятежей в XVIII в. со стороны Пруссии, Османской империи, Франции, Швеции, Крымского ханства;

В XIX в попытки использовать украинских самостийников для ослабления России со стороны Великобритании, Австро-Венгрии, Франции, Османской империи;

Формирование Германской и Австро-Венгерской империями из украинских элементов антироссийских вооруженных отрядов и поддержка антироссийской пропаганды;

Использование «украинского вопроса» в борьбе против Советской России, а позднее СССР, Польшей и гитлеровской Германией, начало не просто агитационной, а террористической деятельности участие украинских националистов в преступлениях Вермахта и СС;

Поддержка США и Великобританией украинских националистов в годы «Холодной войны». Целенаправленно поддерживались все украинские цели – от участников бандитского националистического движения и до украинских диссидентов. В основном ЦРУ и британской разведкой МИ 6 осуществлялась целая система секретных операций, направленных на поддержку антисоветского подполья и осуществления на территории СССР террористической деятельности[319].

Обстоятельства выхода Украины из состава СССР были следующими. На завершающем этапе истории СССР как единого государства стало понятно, что являвшаяся руководящей коммунистическая идеология не может выдержать конкуренции с национализмом, который одновременно опирался на возникшие в обществе сдвиги массового сознания, связанные всплеском этничности и на желание как советских управленческих элит данных республик, так и сформировавшихся в годы перестройки контрэлит, получивших политическое влияние уйти из под политического контроля союзного центра и получить весь объём политического суверенитета.

После провала попытки государственного переворота в Москве в августе 1991 года на Украине в подтверждение Акта провозглашения независимости Украины от 24 августа 1991 г. был, назначен постановлением Верховной рады Украины Референдум, который состоялся в один день с первыми выборами Президента Украины 11 октября 1991 г. Обращает на себя внимание манипулятивный характер постановки вопроса как подтверждение акта о независимости Украины, также о том, что речь шла о восстановлении тысячелетней государственной традиции Украины, что не соответствовало реальным историческим фактам.

[319] Крашенникова В., Суржик Д. Украинский национализм на службе Западу. / В. Крашенникова, Д. Суржик. - М.: Издательство «Кучково поле», 2023. - 144 с.

В поддержку акта провозглашения независимости Украины выступило подавляющее большинство населения, но этому историческому факту есть несколько объяснений:

Исторический период, в котором проходил референдум характеризуется «всплеском этничности». На высшей стадии своей активности находились созданный или вышедшие из подполья националистические организации. В отношении массового сознания населения нужно указать, что созданный ещё в двадцатые годы XX в. национальный государственный национализм уже стал основой региональной идентичности в противовес идентичности общесоюзной. Союзный центр и понимание принадлежности к единому Советскому Союзу в этот исторический период уступало пониманию принадлежности к своей республике. далекая реального для массового сознания «надстройка» СССР на волне националистической и антикоммунистической пропаганды на могла противостоять центробежным тенденциям, которые основывались на более прочном фундаменте регионального национал-сепаратизма;

Необходимо отметить романтизированные и завышенные ожидания украинского населения, которые в обобщённом виде сводились к том, что сам факт получение независимости от союзного центра, который абсолютно в массовом сознании ассоциировался с Россией уже приведёт к решению всех основных жизненных проблем как республики, так и лично каждого гражданина и приведёт к немедленному росту уровня жизни.

Подобные настроения развивались на фоне неприязненно-пренебрежительного отношения к всему, что ассоциировалось с Россией, такие настроения активно поддерживались со стороны украинской диаспоры из других стран;

В период отделения Украины от СССР были созданы и проявляли повышенную политическую активность политические партии, которые имели устойчивые зарубежные связи. В частности, 8–10 сентября 1989 г. была создана национал-сепаратистская по свой идеологии и сути политических действий организация «РУХ».

Её полное название «Народное движение Украины за перестройку». Уже 25–28 октября 1990 г. во время проведения II-х Всеукраинских сборов в устав движения были внесены имевшие существенное политическое значение изменения, исключено упоминание о перестройке и прописана настоящая цель – достижение независимости Украины.

29 апреля 1990 г. на основе Украинской хельсинкской группы была создана Украинская республиканская партия (УРП). Её руководство составляли украинские националисты, которых западная пропаганда относила к так называемым «политзаключенным» Л.Г. Лукьяненко, С.И. Хмара имевшие разветвлённые зарубежные связи, в частности с украинской диаспорой.

В годы холодной войны со стороны западных спецслужб и в первую очередь ЦРУ и МИ 6 предпринимались попытки привлекать к разведывательной и террористической деятельности против СССР украинских националистов, в том числе и непосредственно тех, кто являлся пособником нацистов и участвовал в карательных операциях. Можно упомянуть целый ряд получивших огласку операций против СССР. После стабилизации ситуации в среде перемещённых после завершения Второй Мировой Войны лиц в 1948–1949 годах было начата операция «Icon» («Икона»). В ее итоге, как отмечалось в докладе резидента в Карлсруэ от 20 октября 1948 г., после изучения возможности «привлечения к сотрудничеству в качестве партнеров по сдерживанию роста влияния СССР» в мире, были избраны около 30 организаций, объединявших выходцев из России и восточно-европейских государств.

В период с 1949 по 1954 гг. действовала программа массовой засылки агентуры из числа «перемещенных лиц», т.е. бывших граждан Советского Союза под кодовым названием REDSKIN. (всего до 1959 г. ЦРУ было предприняло более 150 попыток по заброске в СССР агентов-нелегалов, подавляющее большинство которых было арестовано).

В 1949–1970 годах реализовывалась имевшая значительную материальную и финансовую базу долгосрочная программа «Картель» (впоследствии названия изменялись «Androgen», «Aecarthage», «Aerodynamic». Сутью программы была поддержка со стороны ЦРУ так называемого Зарубежного представительства «Украинской головной вызволийной рады» (ЗП УГВР), развитие её возможностей по подрывной и разведывательной деятельности на территории Советского Союза с опорой на украинские националистические элементы. В 1970 г. кодовое название «Аэродинамик» был изменен на QRPLUMB.

В начале 1990-х годов фактор зарубежного влияния был представлен работой различных научно-политических структур, которые были в разные годы, в основном после завершения Второй Мировой Войны созданы украинскими диаспорами. В частности, структуры, созданные и функционировавшие в Канаде, США, ФРГ – Канадский институт украинских исследований (англ. Canadian Institute of Ukrainian Studies, CIUS, «Канадские друзья Украины», «Комитет украинцев Канады» (КУК), центр которого находится в Виннипеге. Одной из массовых украинских зарубежных националистических организаций в США является «Украинский конгрессовый комитет Америки» (УККА) с центром в Нью-Йорке. УККА объединял более 50 различных украинских зарубежных националистических организаций (ОО ЧСУ, ЗП УГВР, ОУН-з, ОДВУ, ОДУМ и др.), которые активно продвигали в общественном мнении сначала стран своего нахождения, затем на территории Украины антироссийскую информационную повестку.

Более 25 организаций, в их числе ОДУМ, УНО, «Союз украинских самостийников» (СУС), «Братство украинцев-католиков» (БУК), а также самые различные ветеранские организации, объединяющие бывших участников ОУН и УПА формировали общественное мнение в русофобском ключе и активно искали возможности выйти непосредственно на территорию Украины.

Мы видим даже из этого краткого перечня ту огромную и систематическую работу, которые проводили иностранные спецслужбы используя украинских националистов в глобальном геополитическом противостоянии с Советским Союзом.

После распада СССР Украина была задействована в новом этапе геополитического противоборства с Россией причём синхронно действовали два взаимосвязанных процесса. Рост русофобских настроений и их институционализация коррелировали с процессом утраты Украиной своего государственного суверенитета[320]. Успеху закреплению в украинском обществе антироссийских трендов, которое проходило с решающим геополитическим участием коллективного Запада способствовали следующие факторы:

– изначальное наличие в украинском обществе активного антироссийского элемента, который при наличии внешней поддержки и предоставлении им ресурсов смогли распространить свою агрессивную русофобскую идеологию и политические практики уже в рамках всей страны. Коррумпированность политической элиты Украины и её готовность принять внешний контроль и политическое руководство. После распада Советского Союза основополагающая позиция была переакцентирована с антикоммунизма на русофобию, но настроения, которые привели к динамичному распространению идеологии украинского неонацизма и его институционализации в украинском обществе была безусловно сформулирована в советский период;

– Украина являлась страной с большим населением, военной промышленностью и ресурсами для ведения войны, а также границами, проходящими в непосредственной близости к стратегическим центрам России. Выгодно использование Украины в качестве направленной против России военной силы странами входящими в блок НАТО в рамках геополитического противостояния с нашей страной.

Если мы систематизируем причины обострения отношений между Россией и странами коллективного Запада, то увидим следующее.

---

[320] Иванов И.Д. Украинский кризис в системе международных отношений // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ukrainskiy-krizis-vsisteme-mezhdunarodnykh-otnosheniy/ (дата обращения: 19.08.2025). – Текст : электронный.

Общую тональность во взаимоотношениях задавало то, что отношение к России со стороны НАТО было как к стране, проигравшей в «холодной войне», к которой не допустимо относиться как к полноценному партнеру, и которая не имеет право на собственные интересы и сферы влияния. Это проявилось в прямом нарушении со стороны НАТО подписанного в установленном международном праве порядка соглашении об отказе от продвижения к границам России блока путём принятия в его состав новых участников с распространением соответствующих гарантий.

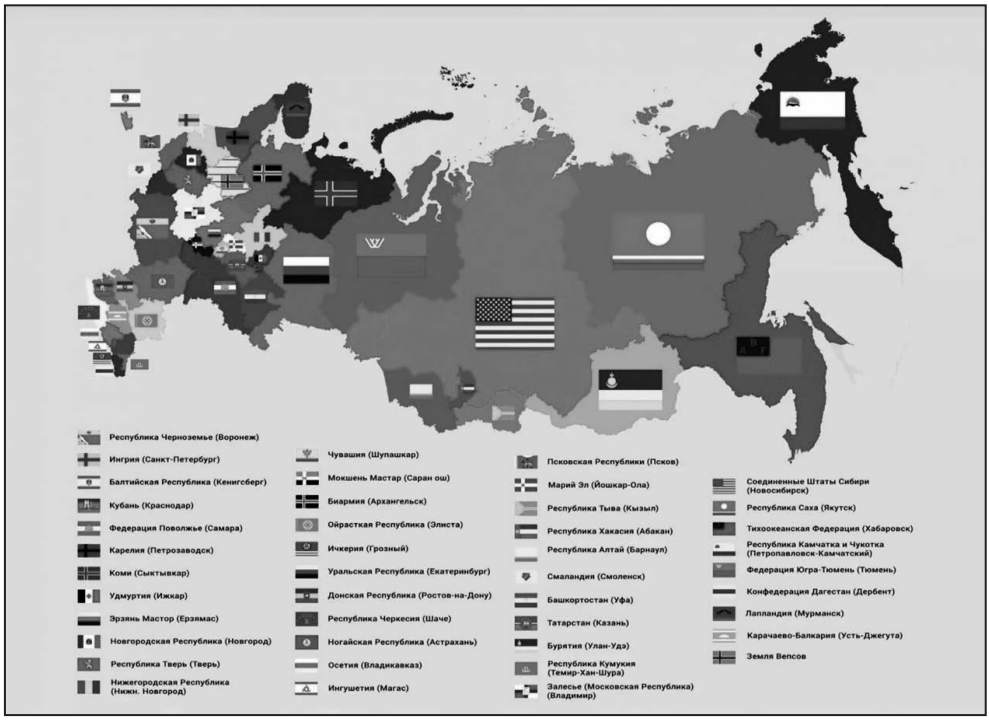

Рисунок 19 – Планируемое разделение территории России на отдельные государства, подконтрольные коллективному Западу.

Стремление стран коллективного Запада взять Россию под полный колониальный экономический и политический контроль, чтобы использовать по своему усмотрению её природные и технологические ресурсы. Прежде всего было обозначено стремление получить контроль над ресурсами энергетическими, которые необходимы ЕС для поддержания технологического лидерства и обеспечение привычного в самых развитых европейских странах уровня жизни. Отказ ЕС от покупки российских энергоносителей после начала специальной военной операции необходимо рассматривать с точки зрения тактики борьбы против России.

В Европейском Союзе считают, что это нанесет России критический экономический ущерб и приведёт к капитуляции и как её следствию распаду государству. Если это произойдёт ЕС получит контроль над российскими ресурсами и компенсирует те свои экономические потери, которые присутствуют в настоящее время.

На представленной карте один из обсуждаемых с участием официальных структур ЕС и США (по крайней мере до избрания президентом США Д. Трампа) проект территориальной дефрагментации России, которая должна быть осуществлена после её предполагаемого со стороны ЕС поражения в противостоянии с Украиной[321]. Данный сценарий считается для коллективного Запада наиболее желаемым с точки зрения реализации их политики утверждения своего доминирования и получения необходимых ресурсов за счет раздела России и присвоения того, чем она располагает. Также в политических кругах НАТО достигнут консенсус в понимании недопустимости сохранения России в её современных границах даже при желаемой ими смены политического режима на прозападный. Оценивается опыт возрождения государственного суверенитета России и основополагающих ценностей российского государства после системного кризиса 1990-х гг.;

Политика США и находящихся под американским контролем с конца 40-х гг. XX в. стран Запада сводилась к попыткам не допустить формирование новых центров силы и создания альтернативы однополярному американскому миру. В данном контексте геополитическое возрождение России стало фактором, который был воспринят в качестве абсолютной угрозы, которая требовала немедленного жёсткого реагирования. Тем более, что обозначилась тенденция к формированию конструктивного взаимодействия и взаимопонимание по геополитическим вопросам и угрозам между Россией и Китаем и формированием системы их всестороннего сотрудничества и взаимной поддержки;

Агрессивная политика блока НАТО, продолжение его расширения к российским границам, размещения систем ПРО, которые технологически могут нести наступательное вооружение, в том числе и с ядерными боеголовками с минимальным расчетным временем подлёта к стратегически важным центрам и объектам России. отказ предоставить для России гарантии безопасности. Необходимо обратить внимание на демонстративно оскорбительный тон ответа со стороны НАТО на предложения России о гарантиях безопасности во время переговоров в декабре 2021 года. Основные условия России были следующими:

[321] Free Nations PostRussia Forum: Design of post-Russian spaces Taiwan Taipei18.09.24 08:30-17:00 - YouTubehttps://www.youtube.com/live/6DetcAaV9T4 (Форум свободных государств пост России признан Верховным судом Российской Федерации террористической организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ).

– участники подтверждают, что не рассматривают друг друга в качестве противников;

– участники поддерживают диалог и осуществляют взаимодействие по совершенствованию механизмов предотвращения инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним (в первую очередь, на Балтике и в Черноморском регионе).

– Российская Федерация и все Участники, являвшиеся по состоянию на 27 мая 1997 г. государствами-членами Организации Североатлантического договора, соответственно, не размещают свои вооруженные силы и вооружения на территории всех других государств Европы в дополнение к силам, размещенным на этой территории по состоянию на 27 мая 1997 г. В исключительных случаях, при возникновении ситуаций, связанных с необходимостью нейтрализации угрозы безопасности одного или нескольких Участников, такие размещения могут осуществляться с согласия всех Участников.

– участники, являющиеся государствами-членами Организации Североатлантического договора, принимают обязательства, исключающие дальнейшее расширение НАТО, в том числе присоединение Украины, а также других государств;

– участники, являющиеся государствами-членами Организации Североатлантического договора, отказываются от ведения любой военной деятельности на территории Украины, а также других государств Восточной Европы, Закавказья и Центральной Азии[322]. В число основополагающих требований входило также нераспространение ядерного оружия.

Результатом переговоров было то, что все предложения российской стороны были отвергнуты. Со стороны НАТО было стремление придать своему отказу максимально резкие формы со стремлением публично унизить российскую сторону и показать якобы бессилие российского руководства перед лицом консолидированной политики НАТО и их позиции реализовать принцип «открытых дверей». С начала 1990-х гг. коллективным Западом реализуется политика активной поддержки русофобских и, по сути, неонацистских политических режимов в приграничных с Россией государствах, как политика ослабления России и поддержания положения постоянной угрозы. В данном контексте обращает на себя внимание прежде всего пример, связанный с прибалтийскими государствами и Польшей. Позиция Прибалтийских государств, Польши была определена с момента распада советского блока и непосредственно СССР.

[322] Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств-членов Организации Североатлантического договора. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/. (дата обращения: 28.07.2025). – Текст : электронный.

Эти страны сделали агрессивную русофобию основой своего политического и информационного позиционирования и активно продвигали данную информационную повестку в ЕС и НАТО постепенно добивались принятия таких оценок России в качестве абсолютно доминирующих. Фобии указанных стран и их навязывания в качестве основы отношения со стороны ЕС и НАТО к России и видение ими обеспечения своей безопасности только в рамках НАТО, формирование ими русофобского политического контента в своё время запустили механизм развертывания геостратегического конфликта и его постепенной, но уверенной радикализации[323].

Здесь заметна даже определённая логика и система. Эти страны постоянно провоцировали Россию, высказывали в её отношении угрозы, территориальные претензии требовали репараций, оказывали поддержку откровенным международным террористам, лишь бы они были против России. Когда российская сторона начинала защищать свои интересы и безопасности данные государства использовали защитную реакцию России как доказательство перед мировым сообществом её агрессивности и ещё больше повышали уровень русофобии, которая после 2022 г. приобрела абсолютно нацистские, по сути, и формам преследование за русскую национальную принадлежности или вообще за наличие российского гражданства.

Необходимо обратить внимание на роль внешнего влияния на социально-политические процессы на Украине и формирование кризиса в отношениях Украины с Россией в контексте выявленных этапов новейшей истории украинской государственности.

Первый этап начинается в 1991 г., и мы можем его проследить по 2004 год. Это самое начало бытия Украины в качестве суверенного государства, когда существовал выбор дальнейшего пути и шло определение идейно-политического содержания мировоззрения суверенной Украины, а также оформлялось позиционирование по отношению к России и Западу.

Как показала дальнейшая история, был выбран самый деструктивный путь, а именно формирование и закрепление на государственном уровне идеологии «Украина не Россия» и постепенное закрепление мифологизированных и сфальсифицированных концепций украинской истории, позиционирующих Украину постоянной жертвой «российской агрессии». В институциональном плане проходило формирование, постепенное укрепление и сращивание с силовыми структурами и органами государственной власти политических организаций, использующих русофобскую риторику на общегосударственном уровне.

[323] Georges-Henri Soutou Comment les liens entre l'Europe et la Russie se sont peu à peu délités. Par Michel De Jaeghere, pour Le Figaro Histoire. – URL: https://www.lefigaro.fr/histoire/comment-les-liens-entre-l-europe-et-la-russie-sesont-peu-a-peu-delites. (дата обращения: 23.07.2025). – Текст : электронный.

В этот период бандеровская и откровенно неонацистская идеологии стали на Украине терпимыми. Активное создание сети европейских и американских фондов и НКО, поддерживающих создание и реализацию как на областном, так и на общенациональном уровне антироссийских информационных проектов.

Второй этап отсчитывает свою историю с 2005 по 2010 гг. Здесь мы видим Первый майдан («Оранжевую революцию») и дальнейшую политику русофобии и поддержки украинского неонацизма со стороны украинского государства. Происходит окончательная реабилитация украинского нацизма и фашизма. Проведение активных информационных кампаний по их героизации. При финансовой и информационной поддержке стран НАТО русофобия становится ключевым элементом политической риторики на государственном уровне. Бандеровская и неонацистская идеологии стали не просто разрешенными, а абсолютно приемлемыми для подавляющей части украинских регионов, среди многочисленных и влиятельных представителей украинской элиты и в силовых структурах[324]. Запад при этом непосредственно формирует новые поколения украинской управленческой и политической элиты, воспитанной в русофобском духе.

Третий этап с начала 2014 года и по 24 февраля 2022 г. Здесь можно говорить о том, что Украина под полным политическим, экономическим и военным контролем НАТО и становится его главной ударной силой в борьбе против России. Агрессивная антироссийская риторика на высшем государственном уровне. Карательная операция в Донбассе, полное сращивание нацистских группировок с силовыми структурами Украины. Насильственная дерусификация и дальнейшая нацификация под видом украинизации. Фактический запрет русского языка, уничтожение памятников, связанных с историей Российской Империи и Советского. Пришедшие к власти на территории Украины политические силы перешли к политики физического геноцида народа Донбасса.

Четвертый этап с начала специальной военной операции 24 февраля 2022 г. по настоящее время. На всем протяжении этого периода можно говорить о системной реализации тотальной гибридной войны коллективного Запада против России. В данном контексте тотальную гибридную войну отличает от войны классической отсутствие вооруженных сил стран коллективного Запада под их национальными флагами. Присутствует санкционирование отправки в зону ведения боевых действий прокси-вооруженных формирований, вооружений как оборонительного, так и наступательного характера, передача разведданных, санкционная и информационная война против России.

[324] Гирин А.В., Скворцоа Е.М. Зарождение и развитие украинского национализма. – М.: ВАГШ ВС РФ, 2023, 220 с.

Хронология военно-политических перед началом специальной военной операции показывает то, что не Россия, а Украина с полного одобрения со стороны начали боевые действия против Донбасса, и именно действия Украины приняли характер геноцида.

Если мы кратно, насколько позволяет объём исследования рассмотрим происходившие события, то увидим следующее, война была подготовлена и инспирирована Западом и первой её начала Украина 16 февраля 2022 г.

В отношении дипломатической подготовки украинской агрессии 18 февраля 2022 г. занимавший в данный исторический период пост государственного секретаря США Энтони Блинкен, заявил: «Всё, что мы видим, это часть российского сценария по созданию ложных провокаций, чтобы потом ответить на эти провокации и в итоге совершить новую агрессию против Украины»[325].

Ещё в декабре 2021 года произошёл целый ряд дипломатических событий и действий со стороны коллективного Запада, усиливавших эскалацию конфликта. В частности, 15 декабря 2021 г. российская сторона передала для рассмотрения представителям военно-дипломатических кругов США и НАТО свои проекты договора о гарантиях безопасности. Проект соглашения предусматривал систему мер обеспечения безопасности как для России, так и для стран НАТО. Все российские проекты были отклонены, причем в максимально возможной жесткой и даже в оскорбительной форме.

Через короткий промежуток времени, 24 января 2022 г., руководство НАТО решило расширить своё военное присутствие в Восточной Европе. Отдельные страны НАТО заявили о приведении своих вооружённых сил в состояние боевой готовности, при этом начал осуществляться переброска дополнительных ударных сил в Восточную Европу с явной угрозой российской стороне. В этот же день Европейская комиссия заявила о готовности выделить пакет чрезвычайной финансовой помощи для Украины в контексте её конфликта с Россией в общей сумме 1,2 млрд. евро.

Уже 28 января 2022 г. в США одобрили Украине дополнительную военную помощь на сумму 200 млн долларов США, а также ряд стран-участников НАТО уведомили о поставках вооружений Украине. Как показали последующие события в ряде позиций номенклатуры поставок это была легализация не планируемых, а уже осуществляемых действий.

Со стороны Великобритании 29 января 2022 г. было сделано заявление о готовности королевства направить свои дополнительные войска, полностью оснащённые боевой техникой на территорию Эстонии и иных граничащих с Россией государств, относящихся к так называемому восточному флангу НАТО.

[325] Блинкен назвал обстрелы в Донбассе частью российского сценария. – URL: https://www.interfax.ru/world/822951 (дата обращения: 25.08.2025). – Текст : электронный.

НАТО заявляет 1 февраля 2022 г. о существенном расширении своих воинских контингентов, а Польша говорит о своей готовности начать на Украину поставки десятков тысяч артиллерийских снарядов, а также систем ПЗРК «Гром», беспилотных систем военного назначения, лёгких миномётов и т.п.

С 6 февраля 2022 г. в британской прессе, в частности в газете The Mirror была размещена информация о планируемой в ближайшее время отправке на территорию Украине более чем 100 кадровых военнослужащих британского спецназа для обучения и передачи своего опыта сотрудникам украинских ССО.

Важнейшее политическое событие произошло 11 февраля 2022 г. на встрече советников Германии, Франции, России и США в ходе которой Украина официально отказалась выполнять Минские соглашения, и эти действия не встретили осуждения со стороны стран Запада.

С 13 февраля 2022 г. иностранные наблюдатели начали покидать территорию Украины в экстренном порядке, а на следующий день, 14 февраля В. Зеленский подписал указ, провозгласивший 16 февраля 2022 г. «Днём единения украинцев». Провозглашаемой целью было укрепление консолидации украинского общества. Это можно считать символическим началом украинской агрессии против народа Донбасса, поскольку с 16 февраля 2022 г. резко возрастает количество обстрелов Донбасса с украинской стороны с ежедневных до 14 февраля 2022 г. включительно около 200 различного рода нарушений и 50 обстрелов, а уже 16 февраля 2022 г. до 591 зафиксированных нарушений и 316 обстрелов, дальше только рост подобных нападений украинской стороны.

С 16 февраля 2022 г. начались непосредственно ожесточенные бои на границе Донецкой и Луганской Народных республик с Украиной, а с 17 февраля 2022 г. уже было зафиксировано начало продвижения на территорию ДНР и ЛНР украинских войск. На фоне этих событий 18 февраля 2022 г. руководство ДНР и ЛНР начало массовую экстренную эвакуацию населения республик на территорию России.

Современные формы и методы влияния стран коллективного Запада на развитие украинского кризиса и придание украинскому политикуму активной русофобской направленности основаны на:

– финансовой, организационной и идеологической поддержке всех проектов НКО, которые имеют антироссийские цели;

– формировании и воспитании ориентированной на Запад и русофобски настроенной политической элиты Украины. Данное направление является ключевой для достижения политического успеха, и подобная активная работа проводится прежде всего в отношении молодёжи, которая занимает активную жизненную позицию.

– полной финансовой, идеологической и организационной поддержке любых проектов, направленных на фальсификацию в русофобском духе совместной истории России и Украины, формировании в украинском обществе образа России как «вечного» врага Украины.

– распространении откровенно клеветнической информации в странах Запада о действиях России с целью дезинформирования общественного мнения своих стран и блокирования попыток России представить свою точку зрения на происходящие процессы.

– введении режима тотальных экономических санкций с целью нанести максимальный ущерб Российской Федерации, подорвать её экономику, снизить уровень жизни и посредством этого вызвать политическую дестабилизацию, которая будет полезна для достижения успеха гибридной войны против России.

Геополитические проекты, создаваемые коллективным Западом и правящей украинской политической элитой, опираются на соответствующий прозападный и антироссийский идеологический контекст. Информационные ресурсы Запада принимали и принимают активное участие в закреплении в украинском массовом сознании абсолютного неприятия всего, что связано с Россией и формировании на этой основе активной ненависти и постоянной готовности к агрессии против России. В формировании украинской и антироссийски-европейской идентичности в украинском обществе активно внедряется тезис о том, что есть только Украина и Европа, а Россия всегда была исключительно враждебной и деструктивной силой, мешавшей украинскому народу развиваться. По сути России приписывается агрессивная империалистическая политика, которую в контексте реальных событий проводит сам Запад[326].

В качестве примера можно привести как описывается экономическое становление Донбасс с исключением из анализа Российской империи и Советского Союза в книге «Европейский след в становлении украинской промышленности: конец XIX – начало XXI столетия»[327].

Рассказывается о роли европейского бизнеса в экономическом развитии Донбасса, но он представлен как Украина, без каких-либо уточнений, когда именно он был передан Украине и без России и её имперских экономических и инфраструктурных проектов в предыдущие исторические периоды.

Реальность после избрания Президентом США Д. Трампа представляет собой пространство политических парадоксов и повышенной дипломатической турбулентности.

---

[326] Marcel H. Van Herpen. Putin's Wars: The Rise of Russia's New Imperialism. – ed. Rowman & Littlefield, 2014. 296 p.

[327] Лазебник В.И. Європейський слід у становленні української промисловості: кінець XIX-початок XXI століття. Київ, ФОП МАЗУР А.В., 2021, 272 с.

Для администрации Дж. Байдена и связанных с ней групп в политической военной и экономической элите Президент России В.В. Путин и российское государство как таковое представляли абсолютного и экзистенционального врага, который должен или полностью капитулировать, или подлежать уничтожению в результате военного поражения. Украина для администрации демократической партии США принципиальная позиция сама по себе в силу всего комплекса причин,

Концепция правящего европейского политического консенсусу сводится к военному поражению России в которой Украина необходимый мотивированный и силовой рычаг, демографическими ресурсами которого можно пожертвовать, не получив взамен внутриполитический кризис и массовые акции протеста, но это на современном этапе. В Европейском Союзе также как в США и в России, несомненно, рассматривают несколько сценариев.

Председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен, глава исполнительной власти в Европейском Союзе последовательный противник российской государственности, в данном случае активный сторонник политической платформы целого направления в ЕС, основной целью которой является уничтожение российской государственности в её современном формате единой суверенной страны. Минимальная программа при невозможности нанести поражение России на поле боя и её распада, не допустить выполнения задач специальной военной операции.

В условиях отсутствия предпосылок для поражения России на фронте, более того, когда российская армия сохраняет инициативу и наносит поражение украинской армии несмотря на всю поддержку ВСУ со стороны НАТО, со стороны ЕС предложен другой вариант, который также не предполагает мирного урегулирования. Из того, что будет оставаться от украинского государства закрепить положение вооруженного передового укрепления, которое в перспективе будет главной ударной силой против России, когда в НАТО и ЕС посчитают, что сложились благоприятные условия для возобновления агрессии против России. Концепция, выдвинутая Урсулой фон дер Ляйен «Украины как стального дикобраза»[328].

В настоящее время можно говорить о нескольких сценариях развития украинского кризиса и в каждом из них присутствует геополитическое влияние Запада. Однако перед тем, как рассмотреть возможные сценарии, необходимо отдельно сказать о трансформации геополитической роли США и возможных путях участия американской стороны в процессах, связанных со специальной военной операцией.

[328] How Europe hopes to turn Ukraine into a «steel porcupine». – URL: https://www.economist.com/europe /2025/04/06/ how-europe-hopes-to-turn-ukraine-into-a-steel-porcupine. (дата обращения: 30.08.2025). – Текст : электронный.

Подходы США радикально изменились с избранием президентом Дональда Трампа. Здесь есть несколько причин, обусловленных как объективными факторами, так и личностными и политико-психологическими особенностями самого Д. Трампа и его стилем ведения политических дел. США переживают системный кризис и для части политической элиты, которая группируется вокруг Д. Трампа решение американских внутриполитических проблем гораздо важнее сохранения статуса главного инструмента «продвижения демократии».

Долгое время аксиомой считалось, что расходы не поддержание глобального политического доминирования США окупаются получаемыми экономическими выгодами. Д. Трамп поставил вопрос о том, что политика, которая была основана на идеологии прежде всего демократической партии США и её ценностном базисе убыточна и ведёт к усугублению экономического кризиса, что по мнению «трампистов» недопустимо. Глобальное доминирование с использованием методов появившихся и отработанных в ходе холодной войны недопустимо потому, что невыгодно с точки зрения экономики.

Идеология и политическая практика «Сделаем Америку снова великой» это переход к новой форме национализма в специфических цивилизационных условиях США и отход от глобализма на идеологических основах «продвижения демократии». Это не означает что США вернутся к традициям изоляционизма, но существовавшая прежде глобальная повестка администрацию Д. Трампа не интересует.

В интересующем нас украинском контексте действия американской стороны основываются сейчас на следующих аспектах украинский кризис отвлекает ресурсы США от начинающейся глобальной борьбы за рынки Юго-Восточной Азии. Главным противником для Д. Трампа в экономическом и политическом противостоянии является Китай, а сближения с ним России воспринимается Д. Трампом как противоестественное и обусловленное ошибками предыдущих администраций Президентов Барака Обамы и Джозефа Байдена, которые Дональд Трамп не сумел исправить в свой предыдущий президентский срок поскольку его действия были заблокированы тем, что его обвинили в незаконных связях с Россией и посредством этого поставили под сомнение его президентскую легитимность фактически лишив возможности достигнуть с российской стороной договоренностей в контексте кризиса с Украиной.

Предвыборные обещания Дональда Трампа и его первые политические шаги после инаугурации показывают, что он достаточно упрощённо воспринимает связанный с Украиной военно-политический конфликт с его политическими, цивилизационными идеологическими мотивациями интересами сторон.

Заявления о решении конфликта одним звонком и в течении двадцати четырёх часов подрывают его авторитет как в США, так и в мировой политике в целом. Особенно на фоне событий, когда США столкнулись с отказом президента Украины Владимира Зеленского и поддерживающих его стран ЕС и Великобритании пойти на уступки требованиям России. Более жесткая политика по отношению к Украине приводят к обвинениям в работе Д. Трампа на Россию, попытки вести с Россией диалог с позиций силы и ультиматумов получают соответствующую отрицательную реакцию со стороны российской стороны и в итоге Д. Трамп не может добиться желаемого для себя результата.

Важным фактором являются отмечаемые наблюдателями личностные особенности Дональда Трампа как политика, которые учитывая уровень его власти и влияния являются важнейшим активным фактором политического процесса. Дональд Трамп считает себя мессией сохраненным Богом для выполнения высшей миссии установления всеобщего мира и возрождения величия США. Отмечается, что в этом убеждении его укрепили события, связанные его возвращением на пост Президента США.

Всё это формирует определенный стиль политического мышления, принятия и реализации принимаемых решений. Дональд Трамп склонен принимать решения исходя практически исключительно из своего стратегического видения ситуации и того, что будет правильно и эффективно. Уже в свой первый президентский срок Дональд Трамп продемонстрировал стремление к игнорированию мнения структур, институционально отвечающих за работу во внешнеполитической сфере, в частности госдепартамента США, советников по национальной безопасности, глав пентагона и разведывательного сообщества.

Особенностью в поведении Дональда Трампа является его быстроизменяющиеся оценки, даваемые как политическим событиям, так и отдельным политикам и быстрый переход к конкретным действиям, в первую очередь в виде наказаний, введения санкций и т.п. Поэтому правильнее говорить не о политике США как долгосрочного измерения, а реакциях лично Дональда Трампа. Тем более, что особенностью политической системы США является смена парадигм в случае перехода власти от республиканской администрации к демократам.

Первый геополитический сценарий, наиболее желаемый для коллективного Запада, но не для администрации президента Дональда Трампа – сценарий полного поражения России, когда Запад продиктует свои условия мира, включающие в себя отторжение российский территорий, как воссоединённых, так и тех, которые являются международнопризнанными. Коллективный Запад буде настаивать на полной смене политико-управленческой элиты на всех уровнях власти в России с соответствующими персональными репрессиями.

Будет навязана политика «покаяния и осуждения» актуальной политики и исторического прошлого России с воспитанием чувства вины и внедрения принципа коллективной ответственности всех россиян, опять-таки в том, что они пожелают оставить от России, если вообще что-то будут сохранять как государство. Украина потребует себе в качестве компенсации те территории, на которые традиционно претендовали украинские националисты. Это Краснодарский край, Ростовская область, а также на территории, которые украинские националисты называют Восточная Слобожанщина, а это Курская область Белгородская область, Воронежская область. Польша в этой ситуации займёт Калининградскую область.

В дальнейшем будет реализовываться проекты по территориальной дефрагментации России в том ключе, который был описан выше. В любом случае они будут стремиться оторвать от Российской Федерации региона располагающие энергетическими ресурсами. То образование, которое будет оставлено от Российской Федерации в будет обязано выплачивать контрибуции.

Желаемый для НАТО и всего коллективного Запада результат украинского кризиса состоит в следующем:

– уничтожение России как единого суверенного государства путём её раздробления на отдельные находящиеся под контролем Запада страны.

– если Россия выдержит давление и сохранится как единая суверенная держава, то создать для неё из Украины постоянную угрозу и поддерживать такое состояние в своих интересах неопределённо долгое время.

– забрать из Украины трудовые ресурсы для решения экономических проблем стран Запада (дешевая рабочая сила, в большей степени, чем мигранты из стран Азии и Африки способные быстро интегрироваться в западное общество)[329].

– несмотря на ослабление экономики, Украина продолжит представлять определённый интерес как рынок для товаров из стран Запада и США, полигон для захоронения химических и ядерных отходов, а также для размещения экологических опасных производств.

Второй геополитический сценарий – это полный коллапс украинской государственности и безоговорочная победа России. В данном случае будет возможна реализация политики по полному возврату «ленинского наследства». Всех тех исконно российских территорий, Донбасса, Новороссии и Слобожанщины, которые были переданы в ранние годы советской власти в состав Украины и впоследствии подвергались насильственной украинизации.

[329] Кирсанова Т. Уходим, уходим, уходим! Украине грозит демографическая катастрофа – URL: https://lenta.ru/articles/2016/08/02/nenka_kak_ je_tak/ (дата обращения: 27.08.2025). – Текст : электронный.

Если события будут развиваться в таком направлении, это будет означать возвращение к России таких важнейших центров как Одесса, Николаев, Харьков, Суммы. Эффект от такого развития событий будет для коллективного запада абсолютно шоковым и приведёт к долгосрочным политическим последствиям в их внутриполитическом контексте. Системный кризис в тех государствах, которые сейчас проявляют свою русофобскую активность прежде всего это Франция, Германия, Великобритания, Италия.

В отношении стран Прибалтики и Польши можно сказать, что там шока не будет, русофобия, давно ставшая основой их государственной внешне и внутриполитической идеологии, послужит своеобразным амортизатором общественного недовольства. Но в перечисленных выше западно и южноевропейских странах состояние турбулентности может привести к фундаментальным политическим трансформациям.

Реализуя антироссийскую политику некогда ведущие европейские страны понесли критически значимые экономические потери лишившись значительной части своего промышленного потенциала и переживая упадок уровня жизни. Вот ситуация, когда станет очевидной бесполезность этих проблем для простых жителей этих европейских стран приведёт к трансформации идеологии и политического поведения, что скорее всего будет своих элите продвигающих сейчас антироссийскую информационную и политико-идеологическую повестку их положения и власти. Появится проблема объяснить для населения почему не была дана адекватная оценка возможностей России первоначально, за что были принесены такие по крайней мере экономические жертвы, тем более что к населению европейских стран этот конфликт никакого непосредственного отношения не имеет. Это не их исторический и ментально-мировоззренческий контекст, за что они в этом случае испортили отношения с Россией, с которой до этого у них были вполне хорошие партнёрские отношения.

Заключение полноценного мирного соглашение создаст впоследствии условия для полноценного переформатирования отношения России с коллективным Западом и восстановления по крайней мере экономических проектов. Однако и здесь не стоит забывать о том, что даже полноценный мирный договор и признание российского суверенитета над воссоединёнными историческими территориями не будет означать стабилизацию отношений и снятие угрозы безопасности и территориальной целостности России в долгосрочной исторической перспективе, и к этому нужно будет готовится.

Третий геополитический сценарий – прекращение боевых действий по линии фронта и сохранение ситуации, при которой вопрос о признании российских воссоединённых территорий будет не решен. Это концептуальное перемирие с подготовкой к новой тотальной войне.

Безусловно, какие бы договорённости не заключались, войска НАТО (коалиции желающих) с их национальными флагами будут размещены на территории Украины и будет поставлено для России условие о категорическом недопущении нанесения по ним ударов с угрозой начат против России в противном случае коалиционную войну. В принципе тридцатидневное полное перемирие, которого так активно добиваются представители ЕС, Великобритании и США, оправдывая это желанием обеспечить условия для начала полноценных мирных переговоров, как одна из ключевых задач обеспечить условия для размещения национальных войск «коалиции желающих» на территории Украины.

По их мысли, это в значительной степени осложнит для России военно-политическое положение, даст возможность Украинским войскам провести перегруппировку и восполнить потери, не находясь под постоянным огневым воздействием со стороны российской армии и в итоге перехватить инициативу.

Первая попытка попробовать российский фронт на прочность может ожидаться в течении ближайшего времени, если такой сценарий будет реализован. В случае его неудачи перемирие может быть продлено на неопределённый срок. В принципе поэтому всё чаще проговаривается «корейский сценарий» с разделением воевавших армий по примеру 48-й параллели. Но временное решение будет означать усиление информационной войны и роста числа попыток дестабилизировать внутриполитическую ситуацию внутри России.

Отметим, что в недопущение именно этого сценария будут вкладываться основные ресурсы стран коллективного Запада. Здесь будет оставаться открытым вопрос, пойдут ли они на дальнейшую эскалацию еще больше радикализовав ситуацию и подняв ставки, связанные с угрозой уже не гибридной, а полномасштабной Третьей мировой войны, которая неизбежно станет термоядерной войной и завершит историю человечества. Вопрос здесь в том, насколько адекватно в НАТО оценивают соотношение военных потенциалов России и Украины и свои возможности.

На данный момент видно то, что страны коллективного Запада в значительной мере недооценивают не реальные российские возможности, включая внешнеполитическую поддержку, которую Россия получает, в том числе и военную. Здесь же отметим проблемы с прогнозированием какую поддержку российская сторона получит если произойдёт новый этап радикализации конфликта, в частности поддержку со стороны Северной Корее в случае необходимости путём прямого участия её армии. В настоящее время заметна со стороны Запада политика ожидания «эффекта последнего усилия», чтобы нанести России поражение как в военном, так и в экономическом плане и переломить ситуацию в свою пользу.

ГЛАВА 2.

ГЕОСТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В XXI ВЕКЕ: ФОРМИРОВАНИЕ, МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПРИОРИТЕТЫ

2.1. Геостратегия государства в XXI веке: теоретическая интерпретация и понятийная определённость

Актуальность исследования геостратегии государства в XXI веке обусловлена радикальной трансформацией мировой политической и экономической системы, переходом от однополярной модели к сложной конфигурации многополярности, нарастанием военно-политического противостояния и конкуренцией центров силы за ресурсы, технологии и контроль над ключевыми пространствами. В этих условиях геостратегия выступает не только как внешнеполитическая категория, но и как комплексный инструмент долгосрочного государственного планирования, связывающий обеспечение национальной безопасности, пространственное развитие и позиционирование государства в глобальном порядке.

Современные исследования по геополитике и национальной безопасности фиксируют усиление роли геостратегического измерения в определении приоритетов развития государства и формировании его внешнеполитического курса[330]. При этом, несмотря на устойчивое использование термина «геостратегия» в научном и экспертно-политическом дискурсе, сохраняется проблема его методологического определения.

В рамках различных научных школ геостратегия трактуется либо как прикладной раздел геополитики, либо как специфический уровень стратегического управления, либо как совокупность внешнеполитических и военно-стратегических установок государства на длительную перспективу[331].

Отсутствие единства в понимании объекта, предмета и функционального содержания геостратегии затрудняет формирование целостного понятийно-категориального аппарата, что особенно заметно на стыке категорий «геополитика», «геоэкономика», «национальная безопасность» и «стратегическое планирование», обусловливает необходимость теоретического уточнения сущности геостратегии с учётом современных глобализационных и постглобализационных трендов.

---

[330] Телятник Т. Е. Особенности формирования геостратегий современных государств в контексте глобализационных процессов // Международный научно-исследовательский журнал. 2021, № 8 (110), ч. 3. С. 136

[331] Мажуга С.Н. Геостратегия России: генезис, состояние и перспективы развития: монография. – Москва: ВАГШ ВС РФ. 2023, 165 с.

Таким образом, представляется необходимым уточнить содержательное наполнение дефиниции «геостратегия», опираясь на современные исследования, посвящённые формированию геостратегий государств в условиях глобализационных процессов, усиления санкционного давления и трансформации международного порядка.

Во-вторых, важно раскрыть структурные компоненты геостратегии государства как инструмента долгосрочного управления развитием национального пространства, включая стратегические приоритеты, механизмы их реализации и институциональные основания.

В-третьих, целесообразно определить методологические связи геостратегии с действующими стратегическими документами Российской Федерации и доктринальными установками государства, что позволит выявить её нормативно-концептуальные параметры и место в системе государственного стратегического планирования.

Для достижения указанных целей следует обратиться к эволюции самой категории и рассмотреть историко-теоретические основания, на которых сформировалось современное представление о геостратегии. Подобный подход позволяет соотнести традиционные геополитические концепции с новейшими трактовками, сформировавшимися в условиях изменения мировой политической архитектуры и роста роли факторов экономической и технологической конкуренции.

Понятие «геостратегия» сформировалось на стыке военной стратегии и геополитики в первой половине XX века и первоначально использовалось преимущественно в сфере военно-политического планирования.

В классических работах К. Хаусхофера, А. Мэхэна, Х. Маккиндера и Н. Спайкмена геостратегия трактовалась как способ контроля над ключевыми пространствами, коммуникациями и ресурсами, обеспечивающими глобальное влияние[332].

В таком понимании геостратегия выступала как общий принцип пространственного доминирования, то есть как первоначальная форма, ещё не конкретизированная на уровне геостратегии государства.

В дальнейшем развитие геостратегического дискурса привело к расширению предметного содержания и постепенному отходу от исключительно военно-политической трактовки, что отражено в эволюции теоретического осмысления геостратегии в XX–XXI вв.

В первой половине XX века доминировал милитаристский подход, согласно которому геостратегия рассматривалась преимущественно как технология применения военной силы и контроля над стратегическими пространствами с целью достижения преимущества в международной политике.

[332] Дугин А. Г. Геополитика России. – М.: Академический проект, 2012. 424 с.

В период «холодной войны» содержание геостратегии существенно расширилось и стало применяться в глобальном планировании, блоковой политике и военно-стратегическом сдерживании, что отражало сложившиеся условия биполярного мира и необходимость системного обеспечения глобальной безопасности.

На этой стадии геостратегия приобрела институциональное измерение и практически приблизилась к категории «геостратегии государства», поскольку стала отражать реальную деятельность конкретных государств, прежде всего США и СССР, как субъектов разработки и реализации стратегических установок. Во второй половине XX века она стала рассматриваться в контексте ядерного сдерживания, военно-политической конкуренции и формирования международных блоков, фактически обретя прикладной характер.

Именно в этот период происходит переход от абстрактного представления о геостратегии к осмыслению её как формы деятельности суверенного государства, определяющего национальные интересы, средства их достижения, стратегические ресурсы и механизмы политико-военного обеспечения. В работах Г. Киссинджера, З. Бжезинского и представителей американской стратегической школы фиксировалась необходимость интеграции военных, политических и экономических инструментов в единую систему противодействия соперникам, что знаменовало переход от концепции военного доминирования к концепции долгосрочного стратегического планирования.

С конца XX – начала XXI века содержание понятия «геостратегия» существенно расширяется под воздействием процессов глобализации, информационной революции, цифровизации и появления сетевых форм противоборства. На данном этапе геостратегия начинает трактоваться как комплексная система стратегического управления, включающая геоэкономическое, технологическое, информационно-цифровое и культурно-цивилизационное измерения[333], что отражает переход от преимущественно военно-политической трактовки к междисциплинарному пониманию стратегического обеспечения национального суверенитета.

Такая концептуальная эволюция объективно приводит к необходимости теоретического разграничения общего понятия «геостратегия» и конкретизированного понятия «геостратегия государства», поскольку именно государство выступает носителем суверенной воли, субъектом формирования стратегических целей и обладателем ресурсной базы для их достижения.

[333] Лукьянович Н. В. Геополитика России: теоретико-методологические основы, генезис, особенности формирования и развития в условиях глобализации: дис. … докт. ист. наук. – Минск, 2004. 334 с.

В логике современного стратегического анализа становится необходимым введение категорий, отражающих динамику стратегического процесса: «формирование геостратегии государства» – как период разработки стратегических установок, и «реализация геостратегии государства» – как применение внешнеполитических, военно-экономических и информационных инструментов.

В российской научной традиции такая конкретизация дополняется акцентом на системный характер геостратегии как механизма обеспечения национального суверенитета и долгосрочной устойчивости государственного развития[334], что, в свою очередь, актуализирует вопрос не только о теоретическом наполнении данных категорий, но и о необходимости оценки результативности геостратегических решений, выражающейся в способности государства противостоять внешним вызовам.

Современный этап развития международных отношений демонстрирует, что геостратегия трактуется уже не только как теория пространственного поведения государств, но и как практико-ориентированная основа стратегического управления, предполагающая последовательные этапы формирования, реализации и оценки результативности геостратегических решений.

Таким образом в начале XXI века геостратегия окончательно трансформируется из преимущественно военно-политической доктрины в многомерную категорию стратегического управления, что вызывает необходимость расширения теоретико-методологических рамок её изучения, формирования целостного понятийно-категориального аппарата и разработки аналитических моделей, учитывающих современную конфигурацию международной конкуренции и возрастающую роль стратегического планирования государств.

В современной системе международных отношений геостратегия занимает ключевое место в обеспечении национальной безопасности, поскольку определяет содержание долгосрочной государственной политики в пространственно-геополитическом, военном, экономическом и информационном измерениях. В отличие от традиционной военно-силовой трактовки, современная геостратегия понимается как системная категория, обеспечивающая условия сохранения суверенитета, территориальной целостности и самостоятельного развития государства. Отсюда логически вытекает необходимость перехода от общего понимания геостратегии как научной концепции к категории «геостратегия государства», позволяющей исследовать её формирование, механизмы реализации и критерии результативности в деятельности субъекта международных отношений.

[334] Пространственное развитие Российской Федерации: основа геостратегии и геополитики / Цыпкин Ю.А. и др. // Московский экономический журнал. 2023, С. 32–35.

В теоретическом дискурсе подчёркивается, что геостратегический подход охватывает более широкую сферу, чем оборонная стратегия, поскольку ориентируется на предотвращение угроз не только военного, но и геоэкономического, технологического и геополитического характера[335].

Концептуально геостратегия интегрирует ключевые элементы обеспечения национальной безопасности, включая внешнеполитическую доктрину, развитие оборонных технологий, систему международных союзов, контроль над стратегическими пространствами и критически важными коммуникациями. В таком понимании государственная безопасность выступает прямым результатом формирования геостратегии государства как процесса выработки долгосрочных установок, определяющих стратегические приоритеты и механизмы защиты национальных интересов.

В российской научной традиции геостратегия рассматривается как одно из центральных направлений обеспечения национальной безопасности, что закреплено в стратегических документах и доктринальных установках государства[336,337]. Современные нормативные акты подчёркивают необходимость учёта геостратегических факторов при определении направлений пространственного развития, оборонной политики и обеспечения суверенитета Российской Федерации. Тем самым утверждается логика выделения этапа реализации геостратегии государства, предполагающего применение внешнеполитических, военных, экономических и информационных инструментов для достижения стратегических целей. Таким образом, геостратегия выступает не только элементом внешнеполитического курса, но и фундаментальной основой национальной безопасности, формируя архитектуру долгосрочного развития государства. Однако в условиях глобальной конкуренции данная архитектура требует последующего анализа и эмпирической верификации, что делает необходимым введение категории результативности геостратегии государства как интегрального показателя фактического укрепления суверенитета, снижения угроз и обеспечения стратегической устойчивости.

Следовательно, оценка геостратегии государства может осуществляться только через результативность, демонстрирующую степень соответствия реализуемых решений национальным интересам и долгосрочным целям развития.

---

[335] Караганов С. А. О стратегии России в XXI веке // Россия в глобальной политике. – 2022, Т. 20, № 4. С. 15–28.

[336] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения:13.09.2025). – Текст : электронный.

[337] Федеральный закон «Об обороне». Утвержден Указом Президента РФ от 31.05.1996 N 61-ФЗ. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51483 (дата обращения: 13.09.2025). – Текст : электронный.

В этом контексте уточнение дефиниций становится методологически необходимым. Геостратегия определяется как особая сфера государственного управления, основанная на использовании географических, ресурсных и культурно-исторических преимуществ для обеспечения национальных интересов, безопасности и стратегического развития государства.

В современных условиях пространственный фактор, природные ресурсы, транзитный потенциал и цивилизационная специфика приобретают значение структурных элементов глобальной конкурентоспособности государств, что актуализирует необходимость перехода от общей категории «геостратегия» к категории «геостратегия государства», отражающей национальные особенности, параметры формирования и механизмы реализации стратегических установок. Особое значение это приобретает в отношении Российской Федерации, обладающей арктическим, евразийским и транзитным потенциалом, что формирует предпосылки для формирования геостратегии государства на основе национально-цивилизационных особенностей и долгосрочных интересов в мировой системе.

Можно утверждать, что в современных условиях геостратегия выступает интегративным уровнем государственной политики, соединяющим военные, дипломатические, экономические и цивилизационно-культурные элементы в единую систему стратегических решений. В отличие от традиционной стратегии, ориентированной преимущественно на внешнюю или военную сферу, геостратегия охватывает комплекс инструментов, направленных на долгосрочное использование национальных преимуществ, что определяет её роль как основы последующей реализации геостратегии государства в практическом измерении.

В научной литературе наблюдается устойчивая тенденция к смешению понятий «геополитика» и «геостратегия»[338], что объясняется близостью предмета исследования и общностью пространственной проблематики. Однако отождествление данных категорий приводит к методологическим и аналитическим ошибкам, поскольку фактически нивелирует различие между теоретическим объяснением пространственного поведения государств и практическими инструментами его реализации.

В данном отношении геополитика объясняет пространственные закономерности международной конкуренции, тогда как геостратегия обеспечивает целеполагание, механизмы и средства формирования геостратегии государства на основе геополитических предпосылок.

[338] Розов Н. С. Геополитика как наука: отменить нельзя – развивать // Политика и общество, 2016. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geopolitika-kak-nauka-otmenit-nelzya-razvivat (дата обращения: 01.12.2025). – Текст : электронный.

Современная критика отождествления категорий основана на положении о том, что геополитика выступает аналитическим уровнем, описывающим структуру международной среды, а геостратегия – управленческим уровнем, обеспечивающим адаптацию суверенного государства к этой среде. Такой подход позволяет разграничить уровни аналитической и практической деятельности, избежать подмены понятий и сформировать методологическую основу реализации геостратегии государства посредством внешнеполитических, экономических и военно-стратегических инструментов. В этом контексте геостратегия рассматривается как производная от геополитики категория, обладающая самостоятельным содержанием и направленная на достижение долгосрочных национальных интересов и приоритетов.

В российской и зарубежной стратегической мысли усиливается понимание необходимости корректного терминологического различения данных категорий, поскольку ошибочная подмена приводит к снижению адекватности анализа, искажению оценки угроз и неверному определению национальных приоритетов. Следовательно, теоретическое разграничение геополитики и геостратегии является не только научной, но и практической задачей стратегического государственного управления, что создаёт условия для последующей оценки результативности геостратегии государства, сопоставляя фактически достигнутые результаты с заявленными стратегическими целями.

В российской военно-политической практике геостратегия выполняет функции прогнозирования угроз, интеграции направлений государственной деятельности, определения стратегических ресурсов и обеспечения оборонно-стратегической устойчивости. Эти функции проявляются, в частности, в стратегии России в Арктике, военно-политическом присутствии в Центральной Азии, развитии партнёрств в рамках БРИКС и ШОС, что иллюстрирует реализацию геостратегии государства через внешнеполитические, военные, экономические и технологические инструменты.

Сравнительный анализ демонстрирует различие моделей геостратегии: США опираются на глобальное военное присутствие; Китай – на экономико-технологический потенциал и контроль торговых маршрутов; НАТО усиливает геостратегическую активность в кибер- и космическом пространстве[339]. Это подтверждает, что результативность геостратегии государства не может определяться только военными параметрами, но должна учитывать способность обеспечивать технологическое развитие, экономическую устойчивость и долгосрочную стратегическую автономию.

[339] Пашковский П. И. Особенности стратегического курса США в отношении России в условиях обострения отношений // Постсоветские исследования. 2025, Т. 8. № 1. С. 33–47.

Для Российской Федерации геостратегия имеет фундаментальное значение ввиду территориальных масштабов, ресурсной обеспеченности, цивилизационной специфики и статуса великой державы.

Указанные факторы объективно усиливают необходимость теоретического анализа формирования, реализации и оценивания результативности геостратегии государства в условиях глобальной конкуренции XXI века.

В отличие от традиционной внешнеполитической стратегии, ориентированной преимущественно на текущие дипломатические задачи, геостратегия включает прогнозирование трансформаций международной среды, выявление ключевых геополитических рисков и разработку комплекса мер по их нейтрализации на длительную перспективу.

В этом смысле геостратегия выступает одновременно механизмом стратегического целеполагания и теоретической основой для последующего формирования геостратегии государства как деятельности суверенного субъекта международных отношений.

Одним из ключевых элементов геостратегии является определение пространственных ориентиров развития государства, включая контроль над жизненно важными коммуникациями, ресурсными зонами, стратегическими территориями и направлениями внешнеполитического присутствия. В рамках долгосрочного планирования геостратегия предполагает не только выбор приоритетных регионов, но и разработку механизмов воздействия на международную среду посредством дипломатических, экономических, военно-стратегических и информационных инструментов.

Тем самым пространственная и инструментальная составляющие геостратегии образуют основу для последующей реализации геостратегии государства в практической деятельности. В этом аспекте геостратегия определяет параметры внешнего позиционирования государства и обеспечивает его устойчивое присутствие в мировом пространстве в длительной перспективе.

С одной стороны, современные научные подходы подчёркивают, что геостратегия должна быть институционально интегрирована в систему стратегического управления государством, включая государственные программы развития, национальные проекты, оборонные доктрины и концепции национальной безопасности[340]. Такая интеграция позволяет не только формировать долгосрочные геополитические цели, но и трансформировать их в комплекс практических решений государственного управления.

[340] Тонконогов А. В. Геостратегия России в современном мире // Вестник международных отношений. – 2015. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geostrategiya-rossii-v-sovremennom-mire (дата обращения: 07.12.2025). – Текст : электронный.

Одновременно это создаёт методологическую основу для последующей оценки результативности геостратегии государства через анализ степени достижения стратегических целей и соответствия реализуемых действий национальным интересам.

Следовательно, геостратегия выступает не исключительно внешнеполитическим инструментом, но и системным механизмом государственного управления, обеспечивающим формирование, реализацию и оценку стратегического развития государства в условиях глобальных трансформаций.

С другой стороны, в научной литературе геостратегические интересы государства интерпретируются как совокупность фундаментальных потребностей, реализация которых обеспечивает сохранение суверенитета, территориальной целостности, международного влияния и устойчивого развития государства в долгосрочной перспективе[341].

Содержательно они выступают стратегически значимыми направлениями внешнеполитической, военно-оборонной, экономической и цивилизационной деятельности государства, ориентированной на укрепление его позиций в мировой системе. По своей природе геостратегические интересы представляют отправную основу формирования геостратегии государства, определяя содержание приоритетов, стратегических целей и механизмов их достижения.

В иерархическом отношении геостратегические интересы подразделяются на базовые, региональные и глобальные[342]. Базовые интересы связаны с защитой суверенитета, внутренней устойчивости и жизненно важных ресурсов; региональные – с поддержанием влияния в стратегически значимых геополитических пространствах; глобальные – с участием государства в формировании мировой архитектуры безопасности, контролем стратегических коммуникаций и позиционированием в качестве самостоятельного центра силы.

Такая классификация позволяет рассматривать геостратегические интересы как многоуровневую систему, определяющую пространственное и функциональное содержание государственной политики и задающую параметры реализации геостратегии государства на конкретных географических направлениях.

---

[341] Маруев А. Ю. Военные аспекты формирования геополитических интересов и геостратегии России // Политическая наука. – 2009. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voennye-aspekty-formirovaniya-geopoliticheskih-interesov-i-geostrategii-rossii (дата обращения: 07.12.2025). – Текст : электронный.

[342] Назарова И. С. Основные тенденции развития геостратегии Российской Федерации [Электронный ресурс] // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. – 2025. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-razvitiya-geostrategii-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 07.12.2025). – Текст : электронный.

Соответственно, степень достижения заявленных интересов, усиление международных позиций и фактическое укрепление стратегической автономии государства становятся методологической основой последующей оценки результативности геостратегии государства в условиях глобального соперничества.

Структура геостратегических приоритетов государства отражает иерархию основных направлений, по которым осуществляется геостратегическая деятельность, и включает задачи, обеспечивающие реализацию долгосрочных интересов в пространственно-геополитическом, военно-оборонном, экономико-технологическом и информационно-коммуникационном измерениях.

Геостратегические приоритеты государства могут быть структурированы по нескольким ключевым направлениям, включающим: пространственный компонент (региональные зоны влияния и геополитическая позиция в международной системе), ресурсный компонент (контроль над стратегически значимыми природными и экономическими ресурсами), военно-оборонный компонент (силовой и оборонный потенциал государства), технологический компонент (развитие инновационных, передовых и оборонных технологий), а также информационный компонент (информационное пространство, цифровые платформы и средства стратегического влияния). Совокупность данных элементов определяет содержательные параметры формирования геостратегии государства и задаёт рамочные ориентиры его внешнеполитического, оборонного и технологического планирования.

В прикладном плане геостратегические приоритеты представляют собой систему целей, задач и инструментов, обеспечивающих реализацию геостратегии государства посредством политико-дипломатических, военных, экономических, технологических и информационных механизмов, которые закрепляются в стратегических документах государства, включая национальные стратегии, государственные программы и концепции безопасности, формируя доктринальную основу стратегического курса.

Кроме того, структура геостратегических приоритетов определяет направление развития национальной безопасности и долгосрочные параметры внешнеполитического поведения государства в условиях глобальных трансформаций. В этой связи достижение заявленных приоритетов выступает одним из ключевых критериев оценки результативности геостратегии государства, позволяя определить степень укрепления суверенитета, внешнеполитических позиций и стратегической устойчивости. Следовательно, геополитику следует рассматривать как фундамент теоретического знания, на основе которого формируются геостратегические концепции и аналитические модели внешнеполитического поведения государства.

В данном качестве именно геополитические параметры выступают исходной основой, определяющей предпосылки и границы долгосрочного стратегического поведения государства, что позволяет рассматривать геополитику как исходный методологический уровень формирования геостратегии государства. В свою очередь, геостратегия представляет собой прикладной аспект геополитического знания, ориентированный на формирование целей, приоритетов и инструментов, обеспечивающих защиту национальных интересов в долгосрочной перспективе. Если геополитика отвечает на вопрос «почему?» (какие факторы определяют поведение государств), то геостратегия отвечает на вопрос «как?» (каким образом эти факторы используются государством). На этой основе возникает необходимость введения категории «реализация геостратегии государства», отражающей применение внешнеполитических, военных, экономических, технологических и информационных инструментов для достижения стратегических установок.

Таким образом, соотношение геополитики и геостратегии имеет системный и иерархический характер: геополитика формирует картину международного пространства, а геостратегия государства обеспечивает практическое действие в соответствии с этой картиной. В свою очередь, степень достижения целей, заложенных в геостратегии, выступает основанием последующей оценки результативности геостратегии государства, позволяющей определить, в какой мере реализуемые решения обеспечивают укрепление суверенитета, безопасность и международные позиции государства в долгосрочном измерении.

Геостратегические интересы государства формируются под воздействием комплекса геополитических факторов, определяющих объективные условия международного функционирования и пространственного развития государства. В наиболее общем виде геополитические факторы включают территориально-географическое положение, доступ к стратегическим ресурсам, контролируемые коммуникации, демографический потенциал, цивилизационную идентичность, а также характер внешнеполитического окружения. Эти параметры задают исходные предпосылки формирования геостратегии государства и обозначают рамки, в пределах которых оно способно реализовывать долгосрочные интересы.

В современном научном дискурсе геостратегические интересы трактуются как результат взаимодействия объективных геополитических условий и субъективных политико-стратегических решений государства[343].

[343] Маркелов К. А. Современные геостратегические концепции политических элит прикаспийских государств // Геополитика и международные отношения. – 2020. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-geostrategicheskie-kontseptsii-politicheskih-elit-prikaspiyskih-gosudarstv (дата обращения: 07.12.2025). – Текст : электронный.

Их наполнение определяется не только пространственными возможностями и геополитической средой, но и уровнем военной мощи, экономической самостоятельности, технологического развития, а также способностью обеспечивать стабильность в стратегически значимых регионах.

Согласно российской научной школы геополитические факторы рассматриваются как системообразующие элементы формирования стратегических приоритетов государства. Особое значение придаётся евразийскому положению России, обладанию ресурсными и транзитными преимуществами, контролю северных маршрутов и статусу ядерной державы, что формирует специфическую российскую модель геостратегических интересов и предопределяет направления реализации геостратегии государства.

Дипломатия является базовым инструментом реализации геостратегических интересов, обеспечивая развитие союзов, участие в международных организациях и использование механизмов «мягкой силы», что позволяет продвигать геостратегические приоритеты и создавать условия для их последующей оценки.

Военная сила обеспечивает защиту национальных интересов, сдерживание противников и участие в формировании безопасности, что делает военный потенциал одним из ключевых факторов стратегической автономии и важным показателем результативности геостратегии государства.

Экономико-технологические инструменты определяют способность государства обеспечивать технологический суверенитет и участвовать в глобальной конкуренции, формируя долгосрочные основания геостратегического развития.

Информационно-коммуникационная компонента служит ключевым средством продвижения национальных интересов и обеспечения информационной безопасности, что также выступает критерием результативности геостратегии.

При этом возможности формирования и реализации геостратегии государства объективно зависят от глобальных трансформаций международной системы, что требует постоянной адаптации стратегических решений и уточнения критериев их результативности.

Переход международной системы к многополярности представляет ключевой глобальный процесс, определяющий содержание современной геостратегии. Формирование новых центров силы, ослабление однополярной модели и усиление многих региональных держав требуют пересмотра геостратегических интересов и перераспределения внешнеполитических приоритетов.

В этих условиях формирование геостратегии государства приобретает адаптационный характер, ориентированный на диверсификацию внешнеполитических связей и поиск механизмов стратегической автономии. Тем самым внешняя среда выступает не только фактором формирования, но и задаёт параметры последующей реализации геостратегии государства.

Современная геостратегия функционирует в условиях нарастающей военно-политической конкуренции, расширения военных блоков, модернизации вооружённых сил и применения гибридных средств противоборства. Соответственно, реализация геостратегии государства превращается в многокомпонентный процесс, требующий комплексных решений, обеспечивающих военную устойчивость, политическую манёвренность и способность сдерживать угрозы на региональном и глобальном уровнях.

Технологическое соперничество становится центральным направлением геостратегической конкуренции, определяя стратегическую автономию государств и их позиции в мировой системе. Владение критическими технологиями и научно-технический потенциал становятся обязательными элементами реализации геостратегии государства, предопределяя её долгосрочные возможности и устойчивость стратегического развития.

Геоэкономическое измерение геостратегии проявляется в противоречиях, связанных с распределением ресурсов, энергетической безопасностью, санкционным давлением и контролем над глобальными рынками. В этих условиях результативность геостратегии государства определяется его способностью поддерживать экономическую устойчивость, развивать стратегические отрасли и сохранять доступ к международным рынкам, что становится одним из ключевых критериев оценки её практического воздействия.

Региональные вооружённые конфликты выступают механизмом перераспределения влияния и одновременно индикатором того, в какой мере выбранная стратегическая линия обеспечивает достижение заявленных целей. Поскольку оценка результативности возможна только на основании сопоставления фактических последствий с исходными стратегическими установками, возникает необходимость уточнения категорий «геостратегия», «формирование», «реализация» и «результативность геостратегии государства» как исходной методологической основы анализа стратегического процесса.

Геостратегия в современной научной традиции интерпретируется как комплексная, многомерная категория международных отношений, представляющая собой систему долгосрочных принципов, механизмов и инструментов использования пространственных, ресурсных и политико-цивилизационных факторов в условиях глобальной конкуренции.

В данном качестве геостратегия отражает способность политических акторов обеспечивать стратегическое позиционирование и устойчивое развитие на длительном историческом горизонте, опираясь на объективные параметры мировой системы, глобальные технологические изменения и особенности цивилизационной конфигурации.

На уровне государств данная категория получает конкретное выражение в форме геостратегии государства, понимаемой как целенаправленная система внешнеполитической, военно-оборонной, экономической и информационной деятельности суверенного субъекта, основанная на использовании национальных преимуществ для защиты фундаментальных интересов и обеспечения стратегической стабильности.

В отличие от общей категории «геостратегия», описывающей универсальные закономерности международного соперничества, геостратегия государства фиксирует субъектность как носителя суверенной воли, обладающего территориальной целостностью, институциональными возможностями формирования стратегических решений и мобилизации ресурсов в интересах долгосрочного развития.

Содержательно геостратегия государства представляет собой единство объективных факторов (география, ресурсы, цивилизационные основания) и субъективных элементов (политическая воля, стратегические установки, решения государственного руководства). Это находит выражение в институциональной системе управления, учёте историко-геополитической специфики и ориентации на обеспечение внутренней и внешней безопасности. Особая роль геостратегии как инструмента сохранения суверенитета, стратегической автономии и статуса самостоятельного центра силы, подтверждается уникальным географическим положением, масштабом ресурсной базы, ядерно-военным потенциалом и цивилизационным типом российской государственности.

Следовательно, современная геостратегия приобретает значение исходной методологической конструкции, внутри которой требуется теоретически разграничивать этапы её формирования, реализации и оценки результативности. Подобное разграничение позволяет не только описывать содержание стратегического процесса, но и оценивать степень достижения национальных интересов и устойчивость стратегического развития в условиях глобальной конкуренции XXI века.

В этой связи обоснование понятийного аппарата позволяет сформулировать следующие определения.

Геостратегия – комплексная категория международных отношений, представляющая собой систему долгосрочных принципов и механизмов использования пространственных, ресурсных и политико-цивилизационных факторов в условиях глобальной конкуренции с целью обеспечения стратегического позиционирования и устойчивого развития государства.

Геостратегия государства — целостная и целенаправленная система внешнеполитической, военно-оборонной и экономической деятельности суверенного государства, основанная на использовании национальных преимуществ для защиты национальных интересов, укрепления суверенитета и обеспечения стратегической стабильности.

Вместе с тем, геостратегия государства не является результатом разрозненных внешнеполитических действий и не складывается стихийно, а представляет собой целенаправленный и системно организованный процесс, включающий выработку стратегических установок, определение направлений внешней и оборонной политики, институционализацию стратегического курса и мобилизацию ресурсов для его практической реализации. В этой связи возникает необходимость введения в понятийный аппарат специальной категории «формирование геостратегии государства», обозначающей фундаментальный этап стратегического цикла, в рамках которого определяется содержание национальных интересов, средства их достижения, организационные механизмы и стратегические приоритеты.

Формирование геостратегии государства включает комплекс взаимосвязанных процедур: анализ международной обстановки, выявление актуальных угроз и возможностей, определение национально-стратегических целей, оценку ресурсной базы, выбор инструментов внешней и оборонной политики, а также закрепление стратегических положений в официальных доктринальных документах государства.

Факторами формирования геостратегии выступают как внешние, так и внутренние условия: международная обстановка, соотношение сил, стратегия ведущих держав, динамика союзнических и конфликтных взаимодействий, а также географические параметры, историко-культурные особенности, уровень экономического и оборонного потенциала, научно-технологическое развитие и состояние информационно-коммуникационной среды. Существенную роль играют демографические характеристики, инфраструктурная обеспеченность, ресурсный потенциал и уровень мобилизационной готовности государства.

Российская специфика формирования геостратегии определяется многовекторностью внешней политики, оборонительной направленностью стратегического курса и приоритетом ядерного сдерживания, Таким образом, формирование геостратегии государства может быть определено как системный процесс разработки и институционального закрепления долгосрочного стратегического курса, направленного на достижение национальных интересов посредством согласования внешнеполитических, оборонных, экономических и технологических механизмов, что создаёт основу для последующей реализации геостратегии в условиях глобальной конкуренции и стратегической неопределённости XXI века.

Реализация геостратегии государства представляет собой совокупность практических действий, управленческих решений и институциональных механизмов, посредством которых обеспечивается достижение стратегических установок и перевод геостратегических целей в сферу реального внешнеполитического, оборонного, экономического и информационно-коммуникационного поведения государства.

Традиционно в стратегическом анализе применяются понятия «эффективность» и «результативность», однако их употребление требует уточнения. Эффективность в полном смысле предполагает сопоставление достигнутых результатов с затратами, ресурсами и выбранными средствами, что предполагает количественную и балансовую оценку стратегических действий. В условиях геостратегии подобная оценка оказывается затруднительной по ряду принципиальных причин: множественность акторов, недоступность полной информации, длительность стратегического цикла, неопределённость международной среды, а также наличием неформализуемых факторов (цивилизационные, исторические, политико-культурные).

Указанные обстоятельства затрудняют применение понятия «эффективность» как устойчивого критерия и делают предпочтительным использование категории результативности, предполагающей анализ степени достижения стратегических целей независимо от расчёта ресурсных затрат. Поэтому в теоретико-методологическом отношении результативность может рассматриваться как более корректный и измеримый показатель геостратегической деятельности государства.

Под результативностью геостратегии государства следует понимать интегральную характеристику соответствия достигнутых результатов национальным интересам, выраженную в укреплении суверенитета, снижении внешних и внутренних угроз, повышении стратегической устойчивости и расширении возможностей долгосрочного развития. Результативность отражает именно стратегический результат, а не ресурсную модель его получения, что делает данную категорию методологически применимой в условиях высокой неопределённости глобальной системы и многомерности факторов национальной безопасности.

Исходя из данных положений, реализация геостратегии государства может быть определена как применение внешнеполитических, военных, экономико-технологических и информационно-коммуникационных механизмов для достижения стратегических целей государства, а результативность геостратегии государства – как интегральный показатель степени достижения данных целей, проявляющийся в укреплении суверенитета и обеспечении стратегической устойчивости, позволяющий корректно оценивать стратегическую деятельность в условиях глобальной конкуренции и неопределённости XXI века.

Формирование нового понятийно-категориального аппарата военной политики должно опираться на фундаментальные принципы логической методологии, ключевым из которых выступает закон тождества, предполагающий неизменность содержания научных понятий в процессе рассуждения и требующий строгой семантической определённости терминов. Нарушение указанного принципа приводит к смешению категорий, смысловой неопределённости и логическим противоречиям, что ограничивает возможность построения целостных теоретических конструкций и снижает прогностический потенциал стратегического анализа. Следовательно, введение новых категорий требует не только их формального определения, но и установления системных взаимосвязей, обеспечивающих внутреннюю непротиворечивость и методологическую завершённость анализа стратегических процессов.

В данных условиях представляется обоснованным использование последовательного категориального ряда, позволяющего раскрыть содержание современного геостратегического процесса и устранить неоднозначность терминов, применяемых в научном и экспертном дискурсе.

В данной работе предлагается следующая логическая модель понимания геостратегии. Геостратегия рассматривается как универсальная категория международных отношений, отражающая использование пространственных, ресурсных и политико-цивилизационных факторов в условиях глобального соперничества.

Внутри этой общей конструкции геостратегия государства выступает её конкретизацией, применяемой к деятельности государства как суверенного субъекта международных отношений и направленной на обеспечение национальных интересов и стратегической устойчивости.

В то же время представляется необходимым теоретически разграничить этапы функционирования геостратегии государства. Формирование геостратегии государства понимается как процесс разработки долгосрочных внешнеполитических, оборонных и экономических направлений, включающий определение национальных интересов, стратегических приоритетов, оценку геополитических условий и мобилизацию доступных ресурсов.

Реализация геостратегии государства выражается в практическом применении внешнеполитических, военных, экономико-технологических и информационно-коммуникационных инструментов для достижения стратегических целей.

Результативность геостратегии государства представляет собой интегральную характеристику степени достижения стратегических целей и соответствия фактически достигнутых результатов долгосрочным национальным интересам и стратегическому развитию государства.

Таким образом, понятие геостратегии может быть представлено как многоуровневая и динамическая система, включающая универсальный концептуальный уровень, государственный уровень и последовательные этапы формирования, реализации и оценки её результативности. Замена категории «эффективность геостратегии государства» категорией «результативность» представляется методологически корректной, поскольку эффективность предполагает измерение соотношения целей, ресурсов и затрат, что в геостратегических условиях не поддаётся эмпирической фиксации вследствие неопределённости международной среды, длительности стратегического цикла и множественности субъектов влияния. Напротив, результативность позволяет оценивать степень достижения стратегических целей государства вне зависимости от ресурсных расчётов, что делает понятие применимым в условиях глобальной конкуренции.

Использование предложенной терминологической конструкции обеспечивает системность, иерархичность и логическую согласованность категорий, устраняет семантические пересечения и усиливает аналитическую строгость научного исследования. Новая категориальная структура расширяет прогностические возможности анализа, укрепляет методологическую базу стратегических исследований и повышает практическую применимость научных выводов в сфере стратегического планирования и национальной безопасности.

В заключение необходимо отметить, что геостратегия в современном понимании выступает как комплексная категория государственного управления, интегрирующая внешнеполитические, военно-стратегические, экономико-технологические и информационно-коммуникационные элементы, ориентированные на защиту национальных интересов, укрепление государственного суверенитета и обеспечение стратегической устойчивости национального развития.

Современная геостратегия развивается в условиях многополярности, военно-политической конкуренции, технологического соперничества и геоэкономических противоречий, что предопределяет её многомерный и динамичный характер. Предложенный категориальный ряд формирует методологическую основу анализа стратегических процессов, способствует развитию современной теории военной политики и создаёт предпосылки для совершенствования практики государственного стратегического планирования.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с углублённым анализом механизмов реализации геостратегии России в условиях изменяющейся международной конфигурации, санкционного давления, информационно-психологических угроз и технологической конкуренции, с акцентом на обеспечение стратегической автономии и долгосрочного суверенного развития Российской Федерации в XXI веке.

2.2. Теоретико-методологические основания исследования геостратегии государства

Для формирования правовой (легальной) дефиниции понятия «геостратегия», проведён анализ доступных литературных данных, с выделением отдельно: лексического (процесс определения значения слова или выражения в контексте естественного языка, который основан на анализе словарных и смысловых свойств слова, его грамматической функции и контекста использования, что связано с редукцией информации человеческим сознанием, с такими видами мыслительных процессов, как сравнение, классификация, обобщение), энциклопедического (как обобщающий, систематизирующий, сопоставляющий и, одновременно синтетический и компактный метод и способ формирования знания) подходов, далее философско-общенаучного, социологического и гуманитарного подхода, доктринального (относящегося к сфере научно-правового знания, а не установленного нормативно, правового.

Однако, предварительно необходимо указать на ряд существенных моментов, которые влияют как на понимание самого термина «геостратегия», так и на формирование его понятия:

– геостратегия рассматривается как самостоятельное направление[344] и как составная часть геополитики, как одна из её составляющих[345] , что требует сопоставления и разграничения этих понятий;

– геостратегия рассматривается как составной термин: «гео-» и «стратегия», при этом гео- представляется как сокращённое от «географический». Использование приставки «гео-» к различного рода понятиям является неотъемлемой частью процесса глобализации и интеграции различных сфер деятельности, так как позволяет ученым, специалистам и предпринимателям выявлять и анализировать географические закономерности и особенности для достижения различных целей и задач;

---

[344] Беляев В.А., Сибаева Г.Р., Волков В.Р. Социогеографические факторы геополитического конфликта цивилизаций // Казанский социально-гуманитарный вестник, 2023. – №3. – С. 17-21.; Беляев В.А., Сибаева Г.Р., Волков В.Р. Влияние геостратегического позиционирования страны и цивилизации на их геополитику // Казанский социально-гуманитарный вестник, 2023, № 3 (60). С. 22–27.; Ткаченко А.А. Задачи пространственного развития России с точки зрения демографических процессов и национальной безопасности // Вестник РАН, 2023, Т. 9. № 2. С. 112–120.;

[345] Показий А.В. Теоретические аспекты происхождения и применения в современном обществе терминов «геополитика», «геоэкономика» и «геостратегия» // Армия и общество. 2012, № 3 (31). С. 39–43.; Дергачев В. Геополитическая стратегия государства // Институт геополитики профессора Дергачева. – URL: https://dergachev.org/latest-geopolitics/10.html (дата обращения :02.11.2025). – Текст : электронный.; ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОСТРАТЕГИЯ // Геополитика.ru – URL: https://www.geopolitika.ru/article/geopolitika-i-geostrategiya (дата обращения:02.11.2025). – Текст : электронный.

– геостратегия рассматривается как соподчинённое понятию «геополитика»[346], в котором составная честь «гео-» носит тот же смысл, что и указано выше. Указанное также требует анализа обеих составляющих конечного термина.

Следовательно, анализу подлежат:

-- смысловое наполнение понятий «географический», «политика», «стратегия»;

-- их соотношение, в котором основным понятием будем рассматривать «стратегия», а остальные как вспомогательные;

-- иерархия понятий «геополитика» и «геостратегия».

Лексический и энциклопедический подходы.

Корпус базовых толковых словарей современного русского языка, который является нормативным, т.е. в нем отражено актуальное литературное словоупотребление и рекомендуемое, для официального использования представлен[347]: 1) Толковым словарём русского языка в 4-х томах, изданного в 1935-1940 годах, под редакцией проф. Д.Н. Ушакова, (далее – Словарь Ушакова); 2) Словарём русского языка, под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (последняя – с 1992 года), издаваемым с 1949 года с последующими переизданиями до 2015 года (далее – Словарь Ожегова); 3) Большим толковым словарём русского языка, под редакцией С.А. Кузнецова (издания 1998, 2000, 2004 годов) в котором отражена лексика русского литературного языка конца XX века (далее – Словарь Кузнецова). В исследовании лексической составляющей использованы указанные словари, с учётом исторического подхода.

Изучение энциклопедического подхода было основано на исследовании и анализе трёх последовательно выходивших с 1926 года по 1990 год Больших Советских Энциклопедий (далее – БСЭ). Первое издание (1926–1947) насчитывало 65 томов и дополнительный том «СССР» без номера (далее – БСЭ I изд.). Второе издание (1949-1958) насчитывало 49 томов, том 50 «СССР», дополнительный том 51 и том без номера «Алфавитный указатель» в двух книгах (1960) (далее – БСЭ II изд.).

---

[346] Показий А.В. Теоретические аспекты происхождения и применения в современном обществе терминов «геополитика», «геоэкономика» и «геостратегия» // Армия и общество. 2012. - № 3 (31). - С. 39 - 43.; Шевченко Р.И. Геостратегия как объект научного исследования // Культура и духовное производство: материалы междунар. науч. конференции, 24 апр. 2015 г. / ответственный редактор Т.Э. Рагозина. Донецк, 2015, С. 215–218.;

[347] Современные толковые словари русского языка // 2009-2024 "Издательство книг PRESS-BOOK.RU". [сайт] – URL: https://www.press-book.ru/library/books/StyleDocuments/par630.html (дата обращения:23.11.2025). – Текст : электронный; СЛОВАРЬ // В мире словарей. [сайт] – URL: http://life.mosmetod.ru/index.php/item/v-mire-slovarej Текст электронный. (дата обращения: 23.11.2024).; ТОЛКО́ВЫЕ СЛОВАРИ́ // Большая российская энциклопедия 2004–2017. – URL: https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4195675 (дата обращения: 13.11.2025). – Текст : электронный.

Третье издание (1969–1978) насчитывало 30 томов (том 24 издан в двух книгах: вторая, дополнительная книга – «СССР») и дополнительный том «Алфавитный именной указатель» без номера (1981) (далее – БСЭ III изд.). Также был использован электронный ресурс – «Большая Российская энциклопедия»[348].

Итоги исследования лексического и энциклопедического содержания исследуемых понятий: относительно лексической трактовки исследуемых терминов в её историческом развитии – понятие «географический» представляется наиболее устоявшимся, т.к. в значении локализации чего-либо относительно земной поверхности существенных изменений не претерпело. Однако приставка «гео-» не ограничивается только наукой, а также активно используется в различных областях, связанных с конкретными географическими зонами, а также для обозначения концепций и стратегий, связанных с влиянием географических факторов, направлений, геополитическая ситуация, геополитический анализ.

Понятие «политика» в целом также стабильно, в развитии словарей добавляются только сферы его применения. При этом политика отражает деятельность по планированию, принятию решений и внедрению их в государственную, общественную, групповую либо индивидуальную жизнь. Понятие «стратегия» также отражает деятельность по установлению значимых целей и задач, имеющих значимый, определяющий и долгосрочный характер. На этой основе производится планирование, принятие решений, прогнозирование результатов и управление соответствующей деятельностью.

Энциклопедическая трактовка рассматриваемых понятий в историческом её развитии позволяет выделить в каждом термине ряд значимых для темы исследования элементов:

– «географический» – описывает и фиксирует: а) размещение относительно других территорий и объектов; б) положение и его закономерности группировки объектов относительно земной поверхности, включая расположение над, на и под ней, влияющих на развитие государства и общества; в) освоенное и осваиваемое пространство, как условие существования и развития общества и государства;

– «политика» – достаточно устойчивое в исторической перспективе двусоставное понятие, включающее:

а) деятельность, организующую основные и значимые аспекты внутри- и внешне государственного существования, и развития, связанную с экономикой и правом;

б) использующая имеющиеся и доступные властные полномочия;

[348] Большая российская энциклопедия 2004-2017 // Большая российская энциклопедия 2004-2017. – URL: https://old.bigenc.ru/ (дата обращения: 15.11.2025). –Текст : электронный.

– «стратегия» – термин, исторически наиболее устойчивый с уточнением «военная», задающий для цели исследования не менее трёх составляющих: а) теория и практика управления масштабными процессами для достижения безопасности и развития, предотвращения негативных вероятностей; б) в пределе отражающий максимально возможно высокий (государственный, надгосударственный) уровень мышления и планирования; в) подразумевает планирование различных вариантов действий с учётом как имеющихся, так и прогнозируемых ресурсов (в наиболее общем значении этого термина), благоприятных и неблагоприятных факторов и условий.

Таким образом, и лексическое и энциклопедическое содержание исследуемых понятий задаёт не только относительную стабильность понятий, особенно термина «географический» (в связи с чем его дальнейший анализ нецелесообразен), но и определённую общность понятий «политика» и «стратегия», основанную на том, что оба описывают деятельность, имеющую существенное значение для тех, кто ею занимается. принятие решений, оценку возможных (в т.ч. и негативных) результатов, минимизацию рисков и деятельность по воплощению.

При этом оба понятия имеют самостоятельное, устоявшиеся, относительно стабильное лексическое содержание. Указанное актуализирует необходимость разграничения этих понятий.

Направленность политики на достижение изменений в государственной, общественной и индивидуальной сферах задаёт её более общий и менее конкретизированный и детализованный характер, в отличие от стратегии, которая конкретизирует цели[349].

Целевое предназначение политики – разрешение повторяющихся проблем, имеющих существенное значение для субъекта, на основе распределения ресурсов, а стратегии – совладание с прогнозируемыми и непредвиденными действиями противоположной либо дружеской стороны, соответствующими событиями и вызовами, на основе имеющихся ресурсов[350]. Политика, как правило, более стабильна, чем стратегия, которая более чувствительна к обстоятельствам и постоянно корректируется в зависимости от действий сторон[351].

---

[349] Ву Чара Ядав Политика против стратегии: разница и сравнение // ASKANYDIFFERENCE. – [сайт]. – URL: https:// /ru/difference-between-policy-and-strategy-with-table/ (дата обращения: 16.10.2025). – Текст : электронный.

[350] Разница между стратегией и политикой. Чем отличается стратегия от тактики? Ключевые различия между стратегией и политикой // RICHMONDDOM. – URL: https://richmonddom.ru/raznica-mezhdu-strategiei-i-politikoi-chem-otlichaetsya-strategiya-ot-taktiki.html (дата обращения: 16.10.2025). – Текст : электронный.

[351] Современные политические стратегии. Коллективная монография / Отв. ред. В. А. Гуторов, Д. А. Мальцева. — СПб.: Издательство РХГА, 2022 — 282 с.; Дмитрий Тренин Политика и стратегия // РСМД – [сайт]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/politika-i-strategiya/ (дата обращения: 16.10.2025). – Текст : электронный.

Философско-общенаучный, социологический и гуманитарный подход.

Отражает как обще-, так и частно-научный уровень осмысления исследуемых понятий. Стратегия в целом определяется как комплекс мер экономического, торгового, социального, политического, идеологического, дипломатического и военного характера государственных образований, реализуемая в конкретном географическом пространстве и реальном времени[352] и направленная на достижение стабильно высокого статуса государства (группы государств), прежде всего международного, для безопасного успешного развития на основе рационалистических подходов и концепций[353].

При этом показательным является утверждение Р. Б. Дженнифера и М. Харрис: «Все стратегии – военные или невоенные – имеют пространственное измерение и, следовательно, геостратегическую значимость»[354].

Возникнув, как технология победы в войне[355], в современном мире, понятие стратегии чаще всего рассматривается в любой борьбе за ресурсы как многовариантная, динамично меняющаяся схема, исходящая из изначальной неполноты имеющейся информации и, обусловленной этим, необходимости оперативного внесения изменений в сценарий деятельности[356].

Уже в конце XIX – начале XX веков были сформированы подходы к пониманию геостратегии русским ученным, офицером, военным разведчиком А.Е. Вандамом (Едрихиным)[357], определяемой им как «высшая стратегия» – совокупность постановки глобальных целей государственного (и надгосударственного) масштаба, предполагающая аналитическую и прогностическую деятельность, результатом которой должна быть деятельность экономическая, политическая и военная.

---

[352] Шарипов У.З. Концепция «Большого Ближнего Востока» в действии / Институт востоковедения РАН. – М., 2013. – 376 с.; ЗKemp G., Harkavy R. Strategic Geography and the changing Middle East. Carnegie Endowment for International Peace in cooperation with Brookings Institution Press, 1997 – 211 р.; Хилсмэе Р. Стратегическая разведка и политические решения / пер. с англ. К. П. Сонина и О. Е. Зильберберг. - Москва: Изд-во иностр. лит., 1957. – 192 с.;

[353] Дергачев В. Геополитическая стратегия государства // Институт геополитики профессора Дергачева. – [сайт]. – URL: https://dergachev.org/latest-geopolitics/10.html (дата обращения: 02.11.2025). – Текст : электронный

[354] Blackwill R.D., Harris J.M. War by Other Means, Geoeconomics and Statecraft. - Cambridge: Harvard University Press, 2016. – 377р., P. 20.

[355] Клаузевиц К. фон. О войне. Избранное; пер. с нем. А.К. Рачинского; предисл. и коммент. Л. В. Ланника. — Москва: Издательство АСТ, 2017. – 318с., С. 106–114.

[356] Минцберг Г., Куинн Дж. Б., Гошал С. Стратегический процесс: концепции, проблемы, решения. - СПб.: Питер, 2001. – 567 с.

[357] Вандам (Едрихин) А. Е. Геополитика и геостратегия / Сост., вступ. ст. и коммент. И. Образцова; заключ. ст. И. Даниленко. - Жуковский; М.: Кучково поле, 2002. – 272 с. (Серия «Геополитический ракурс»).

Опираясь на анализ А.Е. Вандама, И.С. Даниленко (2002), с учётом современных реалий, предложил пятикомпонентную структуру геостратегии, включающую: 1) территориальные устремления и отношения, направленные в конечном итоге на формирование и отстаивание территории страны; 2) деятельность в области народонаселения, с целью достижения оптимальной численности, динамики демографической структуры, расселения по территории страны и т.д.; 3) деятельность по формированию гражданственно-государственного единства общества на основе общих для различных культур традиционных духовно-нравственных ценностей, а также различные (от сотрудничества до противостояния) формы взаимодействия с другими государствами; 4) военно-политическое строительство как инструмент сохранения и поддержания государства; 5) поддержка и эволюция существующего общественно-политического строя[358].

Геостратегия также определяется как разновидность политических наук, инструментальная к геополитическим целям государства (группы государств) – сохранения и увеличения мощи государства (союза государств), а также минимизации ущерба и восстановления оптимального состояния[359], при этом учитывающая комплекс стратегических составляющих (экономики, военного потенциала, социума, культуры и др.) государства (союза государств), а также потенциальных союзников и противников в конкретных условиях географической среды[360] и местоположения страны[361]. Предлагается определение геостратегии как политической науки «о средствах и методах достижения геополитических целей государства или группы государств-союзников»[362]. М.В. Андреев (2022) подчёркивает необходимость учёта так называемой «мягкой силы» при реализации геостратегии России, представленной в т.ч. в Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом[363].

---

[358] Вандам (Едрихин) А. Е. Геополитика и геостратегия / Сост., вступ. ст. и коммент. И. Образцова; заключ. ст. И. Даниленко. - Жуковский; М.: Кучково поле, 2002. С. 242 – 244.

[359] Показий А.В. Теоретические аспекты происхождения и применения в современном обществе терминов «геополитика», «геоэкономика» и «геостратегия» // Армия и общество, 2012, № 1. (31). С. 39–43.; \

[360] Школьников А. Очерк о геостратегии и панрегионах // ШКОЛЬНИКОВ INFO. – URL: https://shkolnikov.info/articles/153-geopolitika/64822-ocherk-o-geostrategii-i-panregionakh (дата обращения: 02.11.2025). – Текст : электронный.

[361] Беляев В.А., Сибаева Г.Р., Волков В.Р. Влияние геостратегического позиционирования страны и цивилизации на их геополитику // Казанский социально-гуманитарный вестник, 2023, № 3(60). С. 22–27.

[362] Гушер А.И. Геополитика и геостратегия в современном мире // Журнальный клуб Интелрос «Мир и политика». 2012. № 9. [сайт] – URL: http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m9-2012/16511-geopolitika-igeostrategiya-v-sovremennom-mire.html (дата обращения: 06.11.2025). – Текст : электронный.

[363] Андреев М.В. Доктрина «мягкой силы» современной России: базовая стратегия укрепления национальной безопасности // Вестник Казанского юридического института МВД России, 2022, N 4. С. 8–11.

Также геостратегия описывается как совокупность крупноформатных решений и соответствующих им методов и способов достижения долгосрочных политических и военно-политических целей, связанных с национальной безопасностью, профилактики экономических, политических, социальных и т.п. катастроф[364].

А.А. Ткаченко (2022) указывает, что геостратегия «изучает взаимодействие истории, географии, политики и стратегии для разработки аналитических выводов и рекомендаций для проведения соответствующей политики – геополитики.», в т.ч. на основе выделения особых геостратегических территорий страны, в основном под этими территориями понимаются приграничные[365].

Отталкиваясь от выделения в Стратегии пространственного развития[366] приоритетов и основных направлений пространственного развития России, Г.А. Хмелева, К.О. Костромин, Н.И. Скреблов (2023) провели анализ приграничных геостратегических территорий учитывая их особую значимость для обеспечения территориальной целостности и безопасности страны. Авторами обоснована оценка состояния этих регионов на основе показателей экономической и военной безопасности, как показателей геостратегической стабильности[367].

Аналогичная работа, со сходными выводами относительно значимости географического положения для внешней и внутренней политики и стратегии государств проведена М. О′Делл (2015)[368].

Также предложено такое понятие, как «геостратегический регион» – пространство, образующееся вокруг государства или группы государств, играющих ключевую роль в мировой политике[369].

---

[364] Гушер А.И. Геополитика и геостратегия в современном мире // Журнальный клуб Интелрос «Мир и политика». 2012, № 9. – URL: http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m9-2012/16511-geopolitika-i-geostrategiya-v-sovremennom-mire.html. (дата обращения: 06.11.2025). – Текст : электронный; Морозов С.А., Морозова Е.В., Зиновьев А.П. Политический менеджмент. – М.; Краснодар, 2003, – 347 с.

[365] Ткаченко А.А. Геостратегические территории Российской Федерации как понятие и реальность // Россия: тенденции и перспективы развития, 2022. – С. 275–280.

[366] Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. N 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025г.» // Система ГАРАНТ. – [сайт]. – URL: https://base.garant.ru/72174066/ (дата обращения: 13.11.2025). – Текст : электронный.

[367] Хмелева Г.А. Современное состояние и риски развития приграничных геостратегических территорий // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 1. – URL: https://esj.today/PDF/64ECVN123.pdf. DOI: 10.15862/64ECVN123 (дата обращения: 02.10.2025). – Текст : электронный.

[368] О`Делл М. Ближний Восток: ветер перемен государственности и демократии (опыт для России и стран СНГ) // Государство, Конституция, Родина: к поискам национальной идеи и новой доктрины государства / под ред. д. ю. н. Л. В. Голоскокова. — Москва: Проспект, 2015, – С. 112–130.

[369] Голубничий Д. Геостратегия Республики Беларусь: понятие, источники, структура, принципы // Беларусская думка, 2019. № 9. – С. 52–55.

Дж. Чуграй (2020) указывает на связь между геостратегией (а также истории, географии, культуры и экономики) и геополитики именно через методологию геополитического анализа, указывая, что «цель стратегического предвидения в геополитическом анализе – предложить изложение различных ситуаций, которые могут возникнуть, чтобы способствовать процессам принятия решений на разных уровнях» и что геостратегия это практическое применение геополитики, тем самым устанавливая их взаимосвязь как целеполагания, анализа и прогноза (геополитика) и решения прикладных задач, с учётом меняющейся обстановки (геостратегия) [370]. Во второй части XX в. геополитика сосредотачивается на понятиях военно-стратегического паритета, холодной войны, далее – глобализации, многополярный мир, а также сверхдержава[371].

А.П. Макошев (2005) приводит историю формирования самого понятия «геополитика» и предлагает достаточно лаконичное её определение и анализирует определения, данные другими авторами и указывает, что геополитика, занимая положение «на стыке» географии и политики, также тесно связана с историей, политологией, экономикой, социологией, культурологией, философией, юриспруденцией, дипломатией, глобалистикой, регионалистикой, демографией, этнографией, экологией, военным делом и т.д.[372].

К.В. Миньяр-Белоручев (2008) считает основополагающим для формирования понятия геополитики концепцию влиянии географической среды на развитие человеческого общества, её инструментальный характер, выделяя в ней мировой и национальный уровни, а также такие её характерные черты как идеологическая направленность и высокий уровень теоретизирования[373]. Рассматривая базовые категории геополитики, Н. Комлева, Г. Саймонс и Д. Стровский (2011) выделяют понятие «мощь», как совокупность «ресурсов и технологий, позволяющих … эффективно осуществлять экспансию во всех типах геополитических пространств»[374].

---

[370] Чургай Дж. Геополитика, геостратегия и геоэкономика: размышления о меняющихся факторах силы в международной системе // Экономические стратегии, 2020, № 3. – С. 30-41.

[371] Показий А.В. Теоретические аспекты происхождения и применения в современном обществе терминов «геополитика», «геоэкономика» и «геостратегия» // Армия и общество, 2012, № 1. (31). – С. 39–43.

[372] Макошев А.П. Политическая география и геополитика: Учебное пособие. – Горно – Алтайск, 2005, – 125 с.

[373] Миньяр-Белоручев К.В. Российская геополитика в контексте глобализации: проблемы методологии // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. Вып. 1 / Под ред. И.И. Абылгазиева и И.В. Ильина. - М.: ФГП МГУ, 2008. – С. 199–210.

[374] Комлева Н., Саймонс Г., Стровский Д. Идеологическая мощь геополитического актора: сущность, структура, российская практика // Власть: Общенациональный научно-политический журнал, 2011, № 12. – С. 122-125., С. 122.

Л.Г. Ивашов (2015), предлагая различать в международном взаимодействии политический и геополитический уровни, при этом основным субъектом геополитики, по его мнению, являются цивилизации, указывает, что геополитика тесно связана с обеспечением национальной безопасности, указывая при этом базисные закономерности геополитики:

– стремление государств отодвинуть свои границы к естественным рубежам;

– стремление создать поле безопасности и влияния за пределами государственных границ;

– стремление государств (в целях повышения своего статуса) овладеть ключевыми элементами географии (перевалы, проливы, острова, коммуникационные узлы)[375].

Описывая мир-системный анализ (рассмотрение мира как единой экономической, политической, идеологической и т.д. системы, с анализом как её отдельных компонентов (цивилизаций, союзов и государств, вплоть до индивидов) и их взаимодействия, как локального, так и глобального, как в статике, так и в развитии) применительно к процессам глобализации, А.С. Верхоломов (2020) фактически описывает определённые закономерности в большей мере геополитики и, отчасти, геостратегии, что подчёркивает взаимосвязь этих понятий.

Б.А. Исаев и И.Ф. Игнатьева (2023)[376] продолжают развитие тезиса об определении сущности геополитики через понятие «мощи», указывая, что «Раздел и передел мира осуществляется в соответствии с геополитической силой или мощью государств, которая содержит следующие основные компоненты: территория; природные богатства; население, его этнический и конфессиональный состав, образовательный и культурный уровень; поддержка или не поддержка населением существующего политического режима; уровень развитие экономики; уровень развития военно-промышленного комплекса; численность и боеготовность вооруженных сил; контроль всех своих и примыкающих к ним географических сред: суши, моря, воздуха, контроль искусственных сред: Интернета, теле- и радиоэфира.»[377].

Завершая раздел анализа философско-гуманитарных, социологических подходов к исследуемым понятиям необходимо подвести итог.

---

[375] Ивашов Л. Г. Геополитика русской цивилизации. – Москва: Ин-т русской цивилизации, 2015. – С. 121.

[376] Верхоломов, С. А. Глобализация и мир-системный анализ в ракурсе отечественной и зарубежной историографии // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2019. Т. 20. № 1. – С. 39–43.

[377] Исаев Б.А., Игнатьева И.Ф. Геополитическая история как пограничная дисциплина истории и геополитики // Теории и проблемы политических исследований, 2023. Том 12. № 2А. – С. 5.

Наиболее обобщённое понятие, задаваемое философским, социологическим и гуманитарным дискурсом, представлено пониманием того, что геостратегия является инструментальной частью геополитики.

При этом для геополитики характерно планирование и принятие решений, формирующих существование и развитие государства как самостоятельной единицы и как части мира, с учётом пространственного, демографического и экономического расположения как в целом, так и для отдельных территорий.

Геостратегия, в свою очередь, представляет собой в большей степени практику на основе геополитических решений, чем теорию планирования различных вариантов деятельности с учётом как имеющихся, так и прогнозируемых ресурсов, и изменений обстановки, в том числе и непредвидимых. Подход, сводящий геостратегию к выделению геостратегических приграничных регионов, на наш взгляд, несколько сужает исследуемое понятие.

Доктринальный подход.

Рассматривая Стратегию пространственного развития России[378] О.В. Кузнецова и А.Г. Дружинин (2024) предлагают ряд направлений её обновления, среди которых значимыми для настоящего исследования представляются: связь с другими направлениями федеральной политики; полимасштабность и многовекторность федеральной пространственной политики; «переход от определения перспективных центров экономического роста к анализу единой системы расселения»[379].

Анализируя ФЗ от 31 мая 1996г. № 61-ФЗ «Об обороне», А.В. Ефремов (2023) предлагает понимание военной стратегии как деятельностного компонента военной политики, подтверждая этот тезис в т.ч. отсылкой к Морской доктрине Российской Федерации, где в ст. 1 указано, что «Настоящая Доктрина является документом стратегического планирования, в котором отражена совокупность официальных взглядов на национальную морскую политику Российской Федерации и морскую деятельность Российской Федерации»[380] и Плану обороны Российской Федерации на 2021–2025 гг.[381].

---

[378] Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. N 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025г.» // Система ГАРАНТ. – [сайт]. – URL: https://base.garant.ru/72174066/ (дата обращения: 13.11.2025). – Текст : электронный.

[379] Кузнецова О.В., Дружинин А.Г. К новой стратегии пространственного развития России // Проблемы прогнозирования, 2024. - № 4 (205). – С. 36–45.

[380] Указ Президента РФ от 31 июля 2022 г. N 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» // Система ГАРАНТ. – [сайт]. – URL: https:// https://base.garant.ru/405077499// (дата обращения: 10.11.2025). – Текст : электронный.

[381] Указ Президента РФ от 13 ноября 2020 г. N 704 «О введении в действие Плана обороны Российской Федерации на 2021 - 2025 годы» // Система ГАРАНТ. – [сайт]. – URL: https://base.garant.ru/74901498/ (дата обращения: 22.11.2025). – Текст : электронный.

Аналогичного подхода – рассмотрения стратегии как прикладной составляющей политики придерживается Ю.А. Лапунова (2021), применительно к иному предмету исследования – преступлениям, совершаемым на религиозной почве[382].

А.М. Воронов (2022) рассматривая Стратегию национальной безопасности России[383] указывает, что новшества, представленные в указанной Стратегии обусловлены именно обострением геополитической обстановки[384], что вновь обращает нас к взаимоувязанности геополитики и геостратегии, при первичности первой в формировании понимания целей как развития, так и нивелирования угроз, а второй – в разработке и реализации конкретных мер.

Т.Ю. Феофилова, Е.В. Радыгин, А.Н. Литвиненко (2021) подчёркивают именно деятельностный аспект стратегии, обусловленный целями политики[385].

Е.А. Белокрылова, Е.М. Кологерманская, Е.А. Бевзюк (2015), комментируя ст. 3 ФЗ «О безопасности» предлагают разделить, представленные в ней составляющие безопасности государства на[386]:

– политико-правовые, включающие подготовку, принятие и реализацию необходимого и достаточного объёма нормативных правовых актов, всех уровней, связанных с обеспечением безопасности, которые также детализируется в ст. 4 данного ФЗ как «совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер»[387];

---

[382] Лапунова Ю.А. Новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и ее значение для организационного обеспечения противодействия преступлениям, совершаемым на религиозной почве // Труды Академии управления МВД России, 2021, № 3 – С. 132–138.

[383] Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Про Президента России неофициальный сайт. – URL: prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-400-ot-2-iyulja-202 l-goda-03-07-2021.html (дата обращения: 22.11.2025). – Текст : электронный.

[384] Воронов А.М. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021: анализ правовых новаций // Научный портал МВД России, 2022, № 1 – С. 29–35.

[385] Феофилова Т.Ю., Радыгин Е.В., Литвиненко А.Н. Экономическая безопасность - стратегический национальный приоритет РФ: анализ новой стратегии национальной безопасности РФ // Вестник Алтайской академии экономики и права, 202,. № 7 (часть 1). – С. 83–88.

[386] Белокрылова Е.А., Кологерманская Е.М., Бевзюк Е.А. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2010г. N 390-ФЗ "О безопасности". - Специально для системы ГАРАНТ, 2015г. // Система ГАРАНТ. – [сайт]. – URL: https://base.garant.ru/57469858/ (дата обращения: 10.11.2025). – Текст : электронный.

[387] ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ «О безопасности» (с изменениями и дополнениями) // Система ГАРАНТ. – [сайт]. – URL: https://base.garant.ru/12181538/ (дата обращения: 10.11.2025). – Текст : электронный.

– исполнительно-распорядительные, заключающиеся в формировании и контроле деятельности органов власти и управления всех уровней, а также их должностных лиц по реализации целей и исполнению задач по обеспечению безопасности личности – общества – государства;

– экономические, направленные на финансирование расходов, связанных с обеспечением безопасности, а также контроля и надзора за целевым использование выделенных бюджетных средств;

– организационно-управленческие, формирующиеся, по сути, как в процессе, так и в результате реализации субъектами исполнительной власти всех уровней и осуществления ими определённых регулирующих управленческих функций, связанных с обеспечением безопасности государства и общества, что, исходя из задачи данного исследования, отражает совокупно как элементы геополитики и геостратегии.

С.Ю. Чапчиков (2011), указывает «Основная задача Стратегии состоит в формировании и поддержании силами обеспечения национальной безопасности внутренних и внешних условий[388], благоприятных для реализации стратегических национальных приоритетов». Геостратегия также рассматривается как видовая наука, для которой родовая – политология; как прикладная отрасль знания, вырабатывающая средства и подходы для достижения геополитических целей государства (группы государств)[389].

Итоги рассмотрения доктринального подхода к понятиям геостратегии и геополитики подтверждают ранее установленную их взаимосвязь в форме деятельностного и более динамичного содержания геостратегии и аналитически-планирующего геополитики в их совместной обращённости к национальной безопасности государства.

В целом геополитика может быть представлена следующим доктринальным пониманием: теоретическая и идеологически нагруженная деятельность по определению целей, потребностей и перспектив, задаваемых географической средой, рассматриваемой в единстве всех её явлений, для наиболее полного осуществления национальной безопасности государств (союзов государств).

Геостратегия (в свою очередь) как деятельность, задаваемая геополитическими целями, включающая в себя:

– анализ и прогноз значимых территориальных, экономических, демографических, внутри- и внешнеполитических интересов;

– военную, экономическую, общественно-политическую и иную необходимую практику по осуществлению этих интересов.

---

[388] Чапчиков С.Ю. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (постатейный). - Москва: Юстицинформ, 2011, –188с.

[389] Показий А.В. Теоретические аспекты происхождения и применения в современном обществе терминов «геополитика», «геоэкономика» и «геостратегия» // Армия и общество. 2012, № 3 (31). – С. 39–43.

Правовой подход к формированию легальной дефиниции.

В 2015 году ООН приняла Декларацию «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»[390], в которой установлено 17 Целей устойчивого развития (далее – ЦУР ООН) и 169 задач для их реализации, определяющих взаимосвязь и необходимость комплексных решений в области устойчивого развития. Анализ этих целей и задач прямо отсылает к планетарной геополитике и геостратегии, однако определений этих понятий не задано.

В Послании Федеральному Собранию 21.02.2023 г. Президент России В.В. Путин фактически объявил о новом курсе страны, направленном на устойчивое развитие, в котором расширен перечень ЦУР ООН, введены:

– внутренняя устойчивость; национальная безопасность;

–поддержка семьи и детства; патриотизм и любовь к Родине;

– развитие финансовой системы;

– развитие культуры и конкретизированы цели устойчивого развития России[391].

Анализ этих целей, показывает, что большинство из них неразрывно связаны и геополитически, и геостратегически, однако определений этих терминов нет.

В сфере формирования геополитики и геостратегии в Российской Федерации утверждены:

– Доктрины: военная, морская, продовольственной безопасности, информационной безопасности, экологическая, климатическая, в которых приведён анализ политических и иных вызовов и сформулированы основы стратегического планирования, с акцентированием тех либо иных аспектов, в зависимости от направленности Доктрины, однако само понятие «Стратегия», либо «Геостратегия» не сформированы. Наиболее частое употребление слова «стратегия» – в качестве прилагательного;

– Основы государственной политики в области: национальных целей развития Российской Федерации, обеспечения химической и биологической безопасности, обеспечения ядерной и радиационной безопасности, развития науки и технологий на период, государственной политики Российской Федерации в Арктике, региональной политики, пограничной политики, обеспечения безопасности населения Российской Федерации и защищенности критически важных и потенциально опасных объектов от угроз природного, техногенного характера и террористических актов.

---

[390] Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // Электронная библиотека. – [сайт]. – URL: https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/1647 (дата обращения: 10.11.2025). – Текст : электронный.

[391] Митяков С.Н. Новые цели устойчивого развития России // Развитие и безопасность, 2023, № 1 (17). – С. 21–35.

Однако дефиниций исследуемых терминов не приводится, слово «стратегия» чаще встречается в качестве прилагательного;

– Стратегии: государственной национальной политики Российской Федерации, национальной безопасности, противодействия экстремизму, пространственного развития Российской Федерации, государственной антинаркотической политики, развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности, развития информационного общества в Российской Федерации, развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства, научно-технологического развития; экологической безопасности, экономической безопасности, устойчивого развития сельских территорий, энергетическая, развития лесного комплекса Российской Федерации, социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов, транспортная и ряд других.

В ряде перечисленных Стратегий указывается, что Стратегия является документом планирования, определяет цель, основные задачи и приоритеты, устанавливает принципы, основные направления государственной политики и ожидаемые результаты в соответствующей области, однако дефиниции самого понятия не приводится.

– Концепции: внешней политики, государственной национальной политики, приграничного сотрудничества, государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, общественной безопасности, участия России в БРИКС[392], государственной миграционной политики и др., где также дефиниций геополитики и геостратегии не приводится.

Таким образом, можно предположить, что правовых дефиниций понятий «геополитика» и «геостратегия» нет. Однако в ряде документов имеется тот или иной перечень мер по реализации как политики, так и стратегии, заданных документом более высшей силы, однако также не имеется дефиниций, что представляется вполне логичным, исходя из предназначения этих документов.

С учётом выше рассмотренных подходов к формированию правовых дефиниций следует признать, что наиболее полно предложенному подходу о взаимосвязи, взаимодополнении геополитики и геостратегии, с необходимостью их разграничения соответствует материал, изложенный в ст. 3 ФЗ «О безопасности»[393]:

---

[392] Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС // Система ГАРАНТ. – [сайт]. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70257510/ (дата обращения: 14.11.2025). – Текст : электронный.

[393] Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ «О безопасности» // Система ГАРАНТ. – [сайт]. – URL: https://base.garant.ru/12181538/ (дата обращения: 14.11.2025). – Текст : электронный.

– о геополитике: ч.ч. «1) прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности; 2) определение основных направлений государственной политики и стратегическое планирование в области обеспечения безопасности; 3) правовое регулирование в области обеспечения безопасности; 10) международное сотрудничество в целях обеспечения безопасности; 11) осуществление других мероприятий в области обеспечения безопасности в соответствии с законодательством Российской Федерации»;

– о геостратегии: ч.ч. «4) разработку и применение комплекса оперативных и долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению угроз безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления; 5) применение специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности; 6) разработку, производство и внедрение современных видов вооружения, военной и специальной техники, а также техники двойного и гражданского назначения в целях обеспечения безопасности; 7) организацию научной деятельности в области обеспечения безопасности; 8) координацию деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности; 9) финансирование расходов на обеспечение безопасности, контроль за целевым расходованием выделенных средств».

Следует отметить, что ч. 1 ст. 4 указанного ФЗ приводит, по сути, дистинкцию понятия государственной политики, которая «представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер».

Общим для практически всех подходов является то, что с правовой точки зрения понятие стратегии в большей степени увязывается с формированием и внедрением того, либо иного комплекса мер по реализации обширных, глобальных политических программ, имеющих как внутри-, так внешнеполитическое значение на долгую перспективу, примером может служить ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[394], в п. 1) ст. 3, которого приводится дефиниция понятия «стратегическое планирование» именно как масштабной деятельности, а в п. 9) ст. 3 указывается, что «система стратегического планирования» это «механизм обеспечения…», при формулировке понятия «цель» (п.п. 4), 13) ст. 3) указывается, что это состояние, являющееся показателем успешности стратегической деятельности, что адресует к понятию «политика».

[394] Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Система ГАРАНТ. – [сайт]. – URL: https://base.garant.ru/70684666/ (дата обращения: 18.11.2025). – Текст : электронный.

Итоги рассмотрения правового подхода к легальной дефиниции: в большинстве нормативных правовых актов, как международных, так и Российской Федерации, геостратегия и геополитика особо не разграничивается. что, во-первых, указывает на их взаимосвязь, а во-вторых, что на уровне целеполагания (политика) и средств, ресурсов их достижения (стратегия) они неразделимы.

В заключение, на основе всех вышерассмотренных подходов, зафиксируем и систематизируем предлагаемые авторские определения:

Геостратегии:

– «одна из высших форм политического управления. Она представляет собой своеобразную интеллектуальную матрицу, структурирующую мировую политику»[395];

– «разработанная и утверждённая система действий с установленными приоритетными целями, задачами и требуемыми для ее реализации ресурсами в виде проработанной последовательности шагов»[396];

– «категория политической науки для обозначения совокупности складывающихся в ходе геополитических процессов внешнеполитических мер по обеспечению национальных интересов государства главным образом в таких областях, как экономика, энергетика, безопасность, дипломатия, обладающая определенной структурой, направлениями, источниками и принципами»[397];

– «совокупность внешнеполитических мер по обеспечению национальных интересов государства в геополитических процессах ... инструмент для достижения … целей в геополитической среде»[398];

– как разновидность политических наук, «определяющая средства и методы для достижения геополитической цели государства или группы государств-союзников – сохранения и увеличения мощи государства или союза государств, а в неблагоприятных условиях кризиса – минимизации ущерба и восстановления первоначального докризисного состояния.»[399].

---

[395] Современные политические стратегии. Коллективная монография / Отв. ред. В.А. Гуторов, Д.А. Мальцева. — СПб.: Издательство РХГА, 2022. – С. 30.

[396] Макеева А.Д. Стратегия устойчивого развития: понятие, виды, условия // Международный научный журнал «Вестник науки». 2021, № 12 (45). Т.3. – С. 104–110.

[397] Голубничий Д.В. Евразийский экономический союз и Европейский Союз в геостратегии Республики Беларусь: Автореф. … канд. политических наук: Специальность 23.00.04 – Минск, 2020. – 22 с., С. 3.

[398] Голубничий Д. Геостратегия Республики Беларусь: понятие, источники, структура, принципы // Беларуская думка: штомесячны грамадска-палітычны і навукова-папулярны часопіс / заснавальнік Адміністрацыя Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. 2019. № 9. С. 52—55.

[399] Новые слова и значения: Слов.-справ. по материалам прессы и лит. 80-х гг. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [Т.Н. Буцева и др.]; под ред. Е.А. Левашова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. – 903 с.

Геополитики:

– среда существования геостратегии[400];

– «представляет собой … самостоятельное научное направление, объектом исследований для которого является исторический процесс зарождения, развития и определения будущего государства (цивилизации), а предметом – сущность, содержание, методы и механизм реализации национальных (цивилизационных) интересов с учетом системного влияния пространственно-географических, культурно-цивилизационных, духовных, экономических, военно-стратегических, экологических и других факторов»[401];

– «в качестве сферы практической деятельности … является способом взаимодействия коллективных субъектов политической жизни с окружающим пространством; в качестве отрасли знания … является научной дисциплиной, изучающей закономерности развития и взаимодействия государств в пространственном аспекте»[402];

– междисциплинарная область знаний о закономерностях распределения и перераспределения сфер влияния различных государств и межгосударственных объединений[403];

– «наука о географической обусловленности различных политических процессов»[404];

– «взаимосвязь пространственных характеристик государственности с формированием внутренней и внешней политики государства на основе представлений об объективности и пространственной обусловленности национальных интересов и национальной безопасности»[405];

– геополитика представляет собой «общественно-географическую науку, часть политической географии и является, в свою очередь, наукой о контроле над пространством»[406].

---

[400] Голубничий Д. Геостратегия Республики Беларусь: понятие, источники, структура, принципы // Беларуская думка: штомесячны грамадска-палітычны і навукова-папулярны часопіс / заснавальнік Адміністрацыя Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. 2019, № 9. – С. 52–55.

[401] Ивашов Л. Г. Геополитика русской цивилизации. – Москва: Ин-т русской цивилизации, 2015, – С. 111.

[402] Миньяр-Белоручев К.В. Российская геополитика в контексте глобализации: проблемы методологии // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. Вып. 1 / Под ред. И.И. Абылгазиева и И.В. Ильина. – М.: ФГП МГУ, 2008. – С. 199–210., С. 201.

[403] Каледин Н.В., Чекалина Т.Н. Сетевое сотрудничество как основополагающий фактор формирования трансграничных регионов // Вестник СПбГУ. 2008, № 4. - С.130-139.

[404] Макошев А.П. Политическая география и геополитика: Учебное пособие. – Горно – Алтайск, 2005, - 125 с., С. 51.

[405] Тузиков А.Р. Основы геополитики: Учебное пособие. - М.: КНОРУС. 2004, – 272 с., С. 10.

[406] Горбачев В.А. Экономическая и социальная география России и стран СНГ. - М.: Новая школа, 1997, – 176 с.

В заключение сформулируем общие итоги рассмотрения подходов к легальной дефиниции понятий «геостратегия» и «геополитика»:

1. Если рассматривать геостратегию как составляющую геополитики, то как исключительно прикладную, разрабатывающую и проводящую конкретные мероприятия по достижению определённых политических результатов. Геостратегия и геополитика представляют собой взаимодополняющую (без геостратегии геополитика бессильна, а без геополитики геостратегия утрачивает смысловую направленность) и, одновременно противопоставленную (геополитика задаёт глобальные перспективы, основанные на умозрительных представлениях о развитии событий, а геостратегия вносит коррективы, обусловленные меняющейся реальностью) пару смыслов, т.е. диалектическое понятие.

2. Научная область геостратегии находится на стыке общественно-гуманитарных и военных наук. Она представляет собой сложный предмет комплексного междисциплинарного научного исследования, охватывающего сферы безопасности, внешней и военной политики, международных отношений, правоведения, государственного и военного управления.

3. В современных условиях теоретическое обоснование дефиниции геостратегии затруднено в связи с фрагментарностью имеющихся теоретических исследований. При этом, существует потребность органов государственного и военного управления в практических рекомендациях и предложениях по формированию и реализации концептуальных основ защиты и продвижения национальных интересов России в современном геополитическом пространстве.

4. Предлагаемые правовые (легальные) дефиниции понятий:

Геостратегия – теоретическая и прикладная деятельность уполномоченных лиц по обеспечению интересов государства и общества (союза государств) в жизненно-важных сферах их существования, путём разработки и применения комплекса оперативных и долговременных мер для сохранения и прироста могущества государства (союза государств), прогнозированию, предупреждению и устранению угроз внутри- и внешне государственным интересам, ограничения и устранения последствий как происшедших, так и происходящих, а также прогнозируемых последствий этих угроз.

Геополитика – скоординированная и объединённая единым замыслом, теоретически и идеологически нагруженная деятельность уполномоченных лиц по прогнозированию, выявлению, анализу и оценке минувшего, имеющегося и желательного состояния государства и общества (союза государств), для формирования ориентиров, принципов и способов достижения внутри- и внешне государственных интересов с учётом всей совокупности природных, цивилизационных и идеологических, объективных и субъективных факторов.

2.3. Геостратегия и геополитика: методологическое разграничение категорий.

В контексте глубокой трансформации современного мирового порядка на первое место для военно-политического руководства Российской Федерации вышли проблемы, сопровождающие вхождение страны в мир новых политических реалий, характеризующихся турбулентностью и хаотизацией всех сторон жизни.

В этих условиях жизненной необходимостью становится способность власти определить направление дальнейшего развития государства на основе выбранной геостратегии, как инструмента целеполагания в соответствии с новыми внешне- и внутриполитическими задачами. Такое положение требует однозначной фиксации самого понятия «геостратегия» и поиска путей ее реализации применительно к российской государственности, что в целом тождественно эффективному продвижению национальных интересов в современном геополитическом пространстве.

В этом контексте особую актуальность приобретает разграничение понятий «геополитика» и «геостратегия», нередко используемых в научной и прикладной литературе как синонимичные, что снижает аналитическую чёткость и затрудняет формирование единой концептуальной рамки.

Под геополитикой в строгом смысле следует понимать науку, изучающую обусловленность внешнеполитических интересов государств пространственными, историко-цивилизационными и ресурсными факторами.

Геополитика формулирует базовые целевые установки внешнеполитического поведения, определяет долгосрочные векторы взаимодействия государств и цивилизаций, выявляет конфликтные зоны и потенциалы устойчивого доминирования. Она является макроаналитическим уровнем оценки международной среды, в рамках которого государства классифицируются как центры силы или геополитические периферии[407].

Геостратегия, в отличие от геополитики, представляет собой систему практических мер, направленных на реализацию национальных интересов в конкретной пространственно-временной обстановке. Это инструментальная категория, определяющая способы, средства и этапы достижения целей, сформулированных в рамках геополитического замысла[408].

В функциональном аспекте геостратегия выступает как механизм трансформации геополитических ориентиров в конкретные действия военного, дипломатического, экономического или информационного характера.

---

[407] Дугин А.Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России. – М.: Арктогея, 1997. – 608 с.

[408] Гаджиев К.С. Геополитика. – М.: Международные отношения, 2012. – 560 с.

Геостратегия, в отличие от относительно статичной геополитики, обладает высокой степенью адаптивности, реагируя на оперативные изменения международной обстановки. Ее содержание продолжает изменяться в том смысле, что современные акторы международных отношений стремятся при защите и продвижении национальных интересов не столько захватить и освоить новые территории, сколько контролировать, по большей части линии коммуникаций и потоки (финансовые, товарные, рабочей силы, туристические и другие) в том или ином геополитическом пространстве, тем самым поддерживая наиболее благоприятные условия для собственного развития и процветания.

На практике геополитика отражает систему пространственно обусловленных интересов государства и формирует теоретическую основу для внешнеполитического и военного планирования. В то же время геостратегия выступает в качестве инструмента реализации этих интересов посредством конкретных действий в рамках заданной стратегической среды. Таким образом, геополитика задаёт координаты мышления, тогда как геостратегия формирует алгоритмы поведения.

Несмотря на значительную разработанность данных категорий в научной литературе, в отечественной и зарубежной исследовательской практике сохраняется проблема теоретической неопределённости и понятийной путаницы. Нередко происходит подмена понятий, их отождествление или смешение функциональных характеристик, что снижает эффективность научного анализа и стратегического прогнозирования. Указанное обстоятельство свидетельствует о насущной необходимости проведения комплексного исследования, направленного на сущностное и функциональное разграничение геополитики и геостратегии.

Следовательно, разграничение геополитики и геостратегии имеет не только теоретико-методологическое, но и прикладное значение. Геополитика отвечает на вопрос «зачем?» – формируя стратегические ориентиры, тогда как геостратегия отвечает на вопрос «как?» – определяя путь и средства достижения поставленных целей[409]. Наличие такого разграничения позволяет более точно оценивать природу международных конфликтов, рационально распределять ресурсы и выстраивать эффективные модели стратегического планирования. Игнорирование указанной дихотомии[410] ведёт к снижению результативности внешнеполитической деятельности государства.

---

[409] Мажуга С.Н. Геостратегия России: генезис, состояние и перспективы развития: монография. – М.: ВАГШ ВС РФ, 2024. – 165 с.

[410] Дихотомия (от греч. Dichotomia – разделение на две части) – деление на две непересекающиеся части; в логике – деление класса предметов, обозначаемых исходным понятием, на две взаимоисключающие части по наличию какого-то признака или его отсутствию. Философия: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004.

Решение данной задачи позволит не только уточнить понятийно-категориальный аппарат в области политической науки и международных отношений, но и повысить прикладной потенциал исследовательских разработок, связанных с обеспечением национальной и международной безопасности. Целью настоящего исследования является теоретическое и методологическое обоснование сущностного и функционального разграничения понятий «геополитика» и «геостратегия» в контексте современных международных отношений, а также выявление точек их сопряжения и различий на концептуальном и прикладном уровнях. Актуальность поставленной цели обусловлена необходимостью устранения теоретической неопределённости, характерной для современной научной литературы, и повышением эффективности анализа внешнеполитических и военно-стратегических процессов.

Методологическая основа настоящего исследования опирается на совокупность научных подходов и методов, обеспечивающих комплексный и системный анализ понятий «геополитика» и «геостратегия» в их теоретическом и прикладном измерении.

Ключевым методом выступает сравнительный анализ, позволяющий сопоставить сущностные характеристики, функциональные особенности и концептуальные различия между геополитикой и геостратегией. Данный метод позволяет выявить структурные и содержательные аспекты сопоставляемых категорий, определить зону их пересечения и разграничения, а также оценить степень взаимозависимости в рамках внешнеполитического планирования.

Системный подход применяется для рассмотрения геополитики и геостратегии как взаимосвязанных компонентов более широкой системы международных отношений и стратегического мышления[411]. Это позволяет анализировать указанные понятия в их функциональной взаимосвязи, выявлять структурные уровни, на которых они реализуются, и формулировать обоснованные выводы о механизмах их взаимодействия в реальной политической практике.

В исследовании также используются элементы историко-генетического метода, направленного на выявление логики и этапов становления понятий «геополитика» и «геостратегия» в историко-научном контексте. Применение данного метода позволяет проследить эволюцию исследуемых категорий, проанализировать их трансформацию под влиянием политических, военных и социально-экономических факторов и определить условия формирования их современного содержания[412].

---

[411] Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход // Системные исследования: ежегодник. М.: Наука, 1969–1983.

[412] Хрусталёв М. А. Методология прикладного политического анализа. М.: МГИМО Университет, 2009.

Комплексное применение перечисленных методов обеспечивает научную обоснованность выводов, повышает уровень теоретической строгости исследования и способствует достижению поставленных целей и задач. Формирование и развитие понятийного аппарата, включающего термины «геополитика» и «геостратегия», является краеугольным камнем в изучении международных отношений и стратегического мышления.

Их сущностное и функциональное разграничение невозможно без анализа теоретико-методологических основ, отражающих историческую эволюцию понятий, существующие научные школы, а также источники и принципы, лежащие в основе соответствующих категорий.

Понятие геополитики возникло на рубеже XIX–XX вв. в контексте попыток осмысления роли географических факторов в жизни государства. Впервые термин был введён шведским политологом Рудольфом Челленом[413], который определял геополитику как науку о государстве как пространственно-географическом организме.

На основе идей Фридриха Ратцеля о «жизненном пространстве» и «органическом государстве» Челлен обосновывал необходимость территориальной экспансии как условия национальной силы. Геополитика, по его мнению, объясняет поведение государств с учётом их географического положения, ресурсов и стратегического окружения.

Развитие геополитического мышления продолжилось в трудах Хэлфорда Макиндера[414], предложившего концепцию «Хартленда» – центральной земли Евразии, обладание которой, по его мнению, обеспечивало мировое господство: «Кто контролирует Восточную Европу – тот контролирует Хартленд; кто контролирует Хартленд – тот контролирует Евразию; кто контролирует Евразию – тот управляет миром». Эта пространственно-центрированная логика оказала существенное влияние на стратегическое планирование XX века, включая политику «сдерживания» времён холодной войны. В дальнейшем геополитика развивалась в рамках трёх ключевых направлений. Классическая геополитика (Мэхэн, Макиндер, Хаусхофер) исходила из детерминизма географических факторов и была тесно связана с государственным милитаризмом.

Критическая геополитика, сформировавшаяся в 1980–1990-х гг. (Дж. О'Туал, Г. Тойнби, С. Далби[415]), фокусируется на объективных параметрах пространства, анализе дискурсивных практик и символических конструкций, формирующих восприятие «своего» и «чужого» пространства.

---

[413] Челлен Р. Геополитика как наука о государстве // Избранные труды по геополитике. – М., 2001. – С. 15–27.

[414] Макиндер Х. Географическая ось истории / В кн.: Геополитика и стратегия. – М., 2010. – С. 45–62.

[415] О' Туал Дж., Тойнби Г., Далби С. Критическая геополитика: теория и практика / Пер. с англ. – М., 2015. – 320 с.

Неогеополитика (современная геополитика), в свою очередь, представляет собой синтез пространственного анализа и новых факторов, таких как информационные технологии, энергетическая безопасность, киберугрозы и демографические процессы. Примером неогеополитического подхода служит современная стратегия США по сдерживанию Китая в Индо-Тихоокеанском регионе, в которой одновременно задействованы военные, экономические и технологические инструменты[416].

Следовательно, геополитика в теоретическом аспекте, опираясь на анализ объективных факторов, определяющих поведение государств на международной арене, выполняет методологическую функцию в процессе выработки национальной и военной доктрины, концепции национальной безопасности, а также формулирования принципов участия государства в геополитических союзах и блоках. Кроме того, она задаёт теоретические основания для определения и развития компонентов национальной силы на основе идеи фундаментального дуализма политико-географического устройства мира и типологизации цивилизаций. Этот дуализм находит выражение в исторически устойчивом противостоянии теллурократических (от др.-греч. tellus – земля) и талассократических (от др.-греч. thalassa – море) держав, что, по мнению ряда современных исследователей, включая философа и геополитика А.Г. Дугина, имеет более глубокую природу, нежели предполагали основоположники классической геополитики[417].

В данном контексте геополитика служит основой для принятия стратегических внешнеполитических и военно-политических решений. В более широком плане она формирует геостратегию государства – как совокупность средств, методов и форм достижения геополитических целей в пространственно-временном измерении. Геостратегия, в свою очередь, выступает в роли механизма верификации ключевых положений геополитики[418]: ее практическая реализация позволяет либо подтвердить, либо опровергнуть выдвинутые теоретические постулаты, что ведёт к их дальнейшему закреплению или пересмотру.

Понятие геостратегии, в отличие от геополитики, носит более прикладной и операционализированный характер. Оно формируется в середине XX века в контексте развития стратегического планирования, прежде всего в военной сфере. Геостратегия представляет собой систему действий, направленных на достижение геополитических целей с использованием всех доступных инструментов национальной мощи: военных, дипломатических, экономических, информационных.

---

[416] Стратегия США в Индо-Тихоокеанском регионе: современный неогеополитический подход // Международные отношения и безопасность. – 2022. – № 3. – С. 89–105.

[417] Дугин А. Г. Основы геополитики: геополитическое будущее России. – М.: Арктогея, 1997. – 608 с.

[418] Дугин А. Г. Мистерия Евразии. – М.: Арктогея, 1996. – 368 с.

Таким образом, геополитика отвечает на вопрос «Что?» и «Где?», тогда как геостратегия – «Как?» и «С помощью чего?»

Каждое государство, исходя из специфики своего исторического развития, географического положения и цивилизационных особенностей, формирует собственные геополитические концепции и теории. Их системный анализ позволяет более точно определить геостратегическую направленность внешней политики, а также оценить степень вероятного союзничества, противостояния или нейтралитета данного государства в условиях геополитического конфликта или войны.

Классическим примером геостратегического мышления является стратегия «сдерживания» Дж. Кеннана[419], реализованная США в период холодной войны. Геополитическая цель – недопущение расширения советского влияния в Евразии – трансформировалась в конкретные геостратегические действия: создание системы военных союзов (НАТО, СЕАТО), размещение военных баз, поддержка антисистемных режимов и проведение экономической помощи (план Маршалла). В XXI веке примером геостратегии можно считать действия Китая по проекту «Один пояс – один путь»[420], где геополитическое целеполагание (укрепление контроля над евразийским пространством) реализуется через экономическую экспансию, строительство инфраструктуры и заключение стратегических партнёрств.

Источниками геостратегического мышления выступают как национальные стратегические культуры, так и опыт военного планирования. Принципы геостратегии включают концентрацию усилий на ключевых направлениях, координацию различных сфер государственной деятельности, гибкость и адаптацию стратегических решений в зависимости от изменения обстановки[421]. Геостратегия всегда привязана к конкретному контексту и конкретным целям, в отличие от более обобщённого и теоретически насыщенного понятия геополитики.

Таким образом, теоретико-методологическое разграничение геополитики и геостратегии основывается на различии их функционального предназначения, уровня абстракции и степени прикладной направленности. Геополитика формирует картину мира, выявляет пространственные интересы и указывает на точки напряжённости, в то время как геостратегия отвечает за реализацию этих интересов в конкретной военно-политической среде. Их взаимодействие можно охарактеризовать как отношения цели и средства, стратегии и тактики, анализа и действия.

---

[419] Кеннан Дж. Стратегия сдерживания: исторический опыт холодной войны / Пер. с англ. – М., 2005. – 280 с.

[420] Проект «Один пояс – один путь» как геостратегический инструмент Китая / Вестник международных исследований. – 2020. – № 2. – С. 33–50.

[421] Бжезинский З. Великая шахматная доска: американское первенство и геостратегические императивы / З. Бжезинский; пер. с англ. – М.: АСТ, 2017. – 384 с.

Несмотря на тесную взаимосвязь и частое совместное употребление, понятия «геополитика» и «геостратегия» отражают разные уровни анализа и типы деятельности в системе международных отношений. Их отождествление в научной и публицистической литературе приводит к методологической путанице, снижает аналитическую точность и затрудняет разработку стратегических решений. Сущностное разграничение указанных категорий требует анализа их онтологических оснований, логики функционирования, предметного поля и степени абстракции.

Геополитика представляет собой концептуально-аналитическую категорию, описывающую взаимосвязь пространства и власти. Она занимается выявлением пространственно обусловленных интересов государств и других акторов международной политики, а также анализом конфигурации сил в глобальном и региональном измерении. В рамках геополитики формулируются модели территориального доминирования, определяются зоны влияния, фиксируются географические условия, благоприятные или ограничивающие политическое развитие.

Геостратегия, напротив, выступает как прикладной инструмент, направленный на реализацию целей, сформулированных в геополитическом дискурсе. Она включает разработку и применение механизмов воздействия на международную среду – от планирования военных операций до ведения торгово-экономических и дипломатических кампаний. Геостратегия действует в логике «целерациональности» и ориентирована на достижение конкретного результата в условиях пространственной конкуренции.

Формирование представлений о геополитической картине мира происходит в рамках политического дискурса, инициируемого и направляемого органами государственной власти в целях конструирования основ геостратегии. Такой дискурс способствует закреплению в массовом сознании определённой интерпретации национальных интересов и путей их обеспечения, формируя общественную и политическую легитимацию внешнеполитического курса государства.

Геостратегия, как инструмент защиты и реализации национальных интересов, базируется на системном учёте ряда факторов: географических и климатических условий, особенностей территориального соприкосновения с соседними государствами и иными субъектами международных отношений, а также социально-экономического потенциала и культурно-исторического наследия страны. В связи с этим геостратегия и геополитика рассматриваются в качестве междисциплинарных категорий, сформировавшихся на пересечении географии, экономики и политической науки, отражающих взаимодействие государства с окружающим его пространством в условиях глобального противоборства ведущих центров силы за право реализации собственных национальных интересов.

Опираясь на геополитические установки конкретного государства или коалиции государств, геостратегия конкретизирует инструментарий достижения национальных целей посредством расширения экономического и военного потенциала, а также через проецирование влияния на международную систему. При этом она находится в постоянной диалектической взаимосвязи с геополитикой и геоэкономикой, учитывая стратегический потенциал других государств и классифицируя их в качестве потенциальных союзников, противников либо нейтральных акторов.

Вместе с тем, в современном научном и экспертном дискурсе сохраняется недостаточная степень концептуальной разработанности феномена геостратегии, что ограничивает глубину теоретического осмысления механизмов формирования и реализации национальных интересов в условиях многоуровневого международного противостояния и угроз национальной безопасности.

Понятие геостратегии представляет собой категорию, вызывающую определённые методологические трудности в силу отсутствия устойчивого и общепринятого определения её сущностных характеристик. В отличие от более устоявшегося термина геополитика, концепт «геостратегии» в политической науке продолжает оставаться в стадии научного осмысления и дискуссионного наполнения. Разнообразие трактовок, встречающихся в научной, справочной и энциклопедической литературе, свидетельствует о многозначности и недостаточной операционализации данной категории.

Так, в Военной энциклопедии геостратегия определяется как «стратегия военно-политическая, система основополагающих взглядов на цели и способы использования военной силы для обеспечения национальных интересов и безопасности государства»[422]. Данное определение, носит излишне узкий характер, поскольку ограничивает рамки геостратегии преимущественно военно-силовыми методами реализации государственной политики, сводя её к совокупности взглядов в области военной безопасности.

Более содержательная трактовка представлена в Военном энциклопедическом словаре, где категория «военно-политической стратегии» определяется как «совокупность организационных установок на обеспечение национальной безопасности и защиту жизненно важных интересов страны с применением военной силы»[423]. Здесь налицо попытка расширить понятийные рамки за счёт замены узкого критерия «система взглядов» более широким — «совокупность организационных установок».

---

[422] Стратегия военно-политическая. Военная энциклопедия: В 8 томах / Председатель Главной редакционной комиссии С.Б. Иванов. – Т.7: Продовольственная служба – Таджикистан – М.: Воениздат, 2003. – 735 с.: ил. (С.680).

[423] Военный энциклопедический словарь. / Пред. Гл. ред. комиссии А.Э Сердюков. – М.: Воениздат, 2007. – 832 с.: ил. (С.699).

Тем самым подчеркивается не только идеологический, но и институциональный аспект геостратегии, связанный с формированием целевых установок и механизмов реализации государственной стратегии в военно-политической и экономической сферах.

Анализ приведённых определений позволяет выделить ряд ключевых сущностных признаков понятия геостратегия, обладающих междисциплинарной значимостью:

– совокупность основополагающих взглядов и организационных установок, формируемых на уровне высшей государственной власти;

– способы мобилизации и использования ресурсов страны, включая военную силу, в интересах внешнеполитического позиционирования;

– реализация национальных интересов и обеспечение государственной безопасности в глобальном и региональном измерениях.

Таким образом, геостратегия может быть понята как системная деятельность государства по выработке и реализации долгосрочных целей на международной арене, обеспечиваемая за счёт интеграции политических, военных, экономических и иных ресурсов в целях достижения устойчивого преимущества и защиты национальных интересов.

Онтологически геополитика ближе к философии истории и пространственной теории власти, в то время как геостратегия базируется на логике практического мышления и стратегического планирования[424]. Геополитика апеллирует к таким категориям, как «центр силы», «жизненное пространство», «географическая неизменность», «цивилизационные ареалы», тогда как геостратегия оперирует понятиями «военно-стратегическое присутствие», «оперативный театр», «транспортные коридоры», «стратегическое сдерживание» и др.

Функциональное разграничение можно продемонстрировать на конкретных примерах. Геополитическая оценка, например, Южно-Китайского моря[425] заключается в признании его значения как узловой точки морских коммуникаций и арены соперничества Китая, США и государств АСЕАН.

Геостратегическое измерение данного региона проявляется в практических действиях[426] – развертывании военной инфраструктуры на искусственных островах, усилении военно-морского присутствия, заключении оборонных соглашений и инициировании патрулирования морских путей.

---

[424] Кемп Дж. Геостратегия: теория и практика / Дж. Кемп. – СПб.: Питер, 2015. – 400 с.

[425] Дергачёв В. Ю. Геополитика Южно-Китайского моря: значение и соперничество // Институт геополитики. – URL: https://dergachev.org/geop_events/121114-06.html (дата обращения: 13.06.2025). – Текст : электронный.

[426] Болаткызы Н. Территориальные споры в Южно-Китайском море // ISCA.kz. – URL: https://isca.kz/ru/analytics-ru/2100 (дата обращения: 13.06.2025). – Текст : электронный.

Аналогично, в контексте конфликта на Украине геополитика анализирует противостояние между евроатлантической и евразийской моделями устройства пространства, рассматривая Украину как «буферную зону» или «геополитическую вилку». Геостратегия же фокусируется на способах достижения целей – проведении операций, логистике, поддержке союзников, информационном обеспечении и экономическом давлении[427].

Следует также отметить различие в субъектах анализа. Геополитика часто работает с абстрактными категориями – «Запад», «Россия», «Китай», «Исламский мир» – как с целостными политико-культурными образованиями. Геостратегия, напротив, конкретизирует актора до уровня ведомств, армий, альянсов и даже отдельных подразделений, участвующих в реализации стратегических задач.

Наконец, важным критерием разграничения выступает уровень обобщения и масштабность. Геополитика оперирует крупными пространственными и временными категориями – континентами, цивилизациями, эпохами. Геостратегия, хотя и исходит из этих координат, действует в более узких рамках: конкретных регионов, кампаний, оперативных планов и политических циклов. Таким образом, геополитика задаёт контур, а геостратегия наполняет её содержанием, ориентированным на действие. В обобщённом виде различия можно представить в виде следующих позиций (таблица 4).

Таблица 4.

Различия геополитики и геостратегии по основным критериям

Критерий	**Геополитика**	**Геостратегия**
Уровень	Теоретико-аналитический	Прикладной, инструментальный
Цель	Понимание пространственно-властных структур	Достижение конкретных целей в пространстве
Основные категории	Центры силы, геополитическая ось, ареалы	Театры военных действий, ресурсы, маршруты
Масштаб	Глобальный, региональный	Региональный, локальный
Характер действия	Анализ, концептуализация	Планирование, реализация

Следовательно, разграничение геополитики и геостратегии не является лишь теоретическим упражнением, но представляет собой важный этап в построении адекватной модели анализа международной политики. Только чёткое понимание различий между этими категориями позволяет выстраивать эффективные научные исследования, а также разрабатывать реалистичные внешнеполитические и оборонные стратегии.

[427] Российская военная энциклопедия: в 8 т. / гл. ред. А.В. Харченко. – М.: Военное издательство, 2016. – Т. 3: Геополитика и стратегия. – 512 с.

Геополитика и геостратегия, обладая различным теоретико-методологическим статусом, проявляются в международной практике как взаимосвязанные и взаимодополняющие элементы государственной внешнеполитической и оборонной деятельности.

Их функциональные роли определяются не только различием в уровне абстракции, но и спецификой инструментов, форм воздействия и ожидаемых результатов. На этом уровне особенно важно проследить, как геополитические идеи воплощаются в практическом поведении государств и надгосударственных акторов, а геостратегические решения корректируются с учётом геополитических реалий.

Функциональные проявления геополитики реализуются, прежде всего, в формировании национальных интересов и пространственных ориентиров внешней политики. Геополитика задаёт стратегические векторы – от «доктрины Монро[428]» до современной «восточной политики» ФРГ. Она определяет, какие регионы считаются жизненно важными, какие акторы рассматриваются как союзники или противники, какие формы международного взаимодействия являются приоритетными. Геополитика, таким образом, выступает как интеллектуальное и идеологическое основание внешней политики и национальной безопасности.

Например, США традиционно опираются на атлантистскую и тихоокеанскую геополитическую парадигму, поддерживая присутствие в обоих океанских бассейнах. Концепция «Pivot to Asia» («поворот к Азии»)[429], предложенная администрацией Барака Обамы, демонстрирует изменение геополитического фокуса в сторону Индо-Тихоокеанского региона как нового центра мировой динамики. В российской традиции, напротив, заметно устойчивое внимание к евразийской концепции, где особое значение придаётся постсоветскому пространству как зоне исторического и цивилизационного влияния.

Прикладные аспекты геополитики выражаются в создании стратегических альянсов, выстраивании трансконтинентальных инфраструктурных проектов (например, инициативы Китая «Один пояс – один путь»), геоэкономическом перераспределении сфер влияния и даже в территориальных притязаниях. Также к прикладным механизмам можно отнести картографическое моделирование, зонирование регионов риска и безопасности, прогнозирование сценариев регионального развития.

---

[428] Болховитинов Н.Н. Доктрина Монро / Н.Н. Болховитинов. – М.: ИМО, 1959. – 337 с. Покудов З. В., Калимонов И. К. «Поворот к Азии» Барака Обамы и проблема укрепления трансатлантических отношений». – URL: www.aramota.net/materials/9/2020/5/18.html (дата обращения: 21.07.2025). – Текст : электронный.

[429] Покудов З. В., Калимонов И. К. «Поворот к Азии» Барака Обамы и проблема укрепления трансатлантических отношений. – URL: www.aramota.net/materials/9/2020/5/18.html (дата обращения: 21.07.2025). – Текст : электронный.

Геостратегия, в свою очередь, функционирует как инструмент реализации поставленных геополитических целей. Её ключевая особенность – ориентация на конкретное действие, в том числе в условиях многовариантной и конфликтной среды. Так, например, действия НАТО по наращиванию военного присутствия в Восточной Европе после 2014 года[430] представляют собой классический пример геостратегической реакции на геополитическое изменение статус-кво.

Действия Российской Федерации в Сирии и Украине представляют собой классический пример реализации геостратегии для защиты национальных интересов. Сирийская операция с 2015 года позволила России не только сохранить влияние на Ближнем Востоке, но и закрепиться в качестве ключевого международного игрока, способного определять исход региональных конфликтов. На украинском направлении, российская геостратегия после 2014 года развивалась в логике «защиты соотечественников» и противодействия расширению НАТО[431]. Эскалация 2022 года стала следствием нарастания противоречий по вопросу европейской безопасности. Аналогичным образом, операции Турции в Сирии[432] и Ливии иллюстрируют применение геостратегии для проецирования силы и защиты своих интересов за пределами страны.

Вместе с тем заслуживает внимание позиция Китайской Народной Республики в отношении конфликта на территории Украины, которая демонстрирует последовательную прагматичную линию, обусловленную национальными интересами Пекина. Увеличение объёмов двусторонней торговли между КНР и Украиной в 2024 году подтверждает экономическую значимость Украины для Китая. Согласно данным Главного таможенного управления КНР, двусторонний товарооборот по итогам 2024 года достиг 7,99 млрд долларов США, что на 17,3 % превышает показатель 2023 года[433]. Экспорт китайской продукции составил 3,7 млрд долларов США (+33,1 %), тогда как импорт украинских товаров достиг 4,29 млрд долларов (+6,4 %), сформировав положительное сальдо в пользу Украины на уровне 587 млн долларов США, что почти на 52 % ниже значения предыдущего года.

---

[430] Расширенное передовое присутствие НАТО в Восточной Европе после 2014 года // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Расширенное_передовое_присутствие_НАТО (дата обращения: 13.06.2025). – Текст : электронный.

[431] Цыганок А. Д. Армия России: угрозы и вызовы. Войны XXI века и основные тенденции развития российской армии и оборонной сферы: русский взгляд. – М.: АИРО–XXI, 2019. – 624 с.

[432] Операция «Источник мира» (турецкое вмешательство в северную Сирию, 2019) // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Операция «Источник мира» (дата обращения: 13.06.2025). – Текст : электронный.

[433] Объем торговли Китая с Украиной в 2024 году вырос на 17,3%: [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2025. – 18 января. – URL : https://tass.ru/ekonomika/22912719 (дата обращения: 15.06.2025). – Текст : электронный.

В структуре украинского экспорта в КНР преобладают сырьевые товары и продовольствие: железная руда, зерновые культуры (кукуруза, ячмень, соевые бобы), подсолнечное и рапсовое масло, мясная продукция, а также ферроникель и прочее сырьё. Это позволяет Китаю обеспечивать продовольственную и промышленную безопасность независимо от логистики через территорию Российской Федерации. Таким образом, сохранение функционального статуса независимой Украины отвечает интересам китайской внешнеэкономической стратегии.

Китайская дипломатия последовательно подчёркивает приверженность принципу территориальной целостности Украины в границах 1991 года. Об этом, в частности, заявил представитель КНР на заседании Совета Безопасности ООН 17 января 2025 г.: «Мы признаем территориальную целостность Украины. Мы никогда не действовали в интересах России, создавая ей политическое прикрытие. А действовали только в своих собственных интересах»[434]. Из этого следует, что Пекин проводит политику условного нейтралитета, при которой Россия не рассматривается в качестве союзника, но и не воспринимается как оппонент.

Существование Украины как независимого субъекта международных отношений предоставляет КНР рычаг влияния на Россию, в том числе в аспекте сдерживания её сближения с Западом. Поддержание конфликта в замороженной фазе выгодно Китаю, поскольку позволяет ему укреплять стратегические позиции в Евразии и одновременно использовать своё влияние на Москву в переговорах с США и ЕС. В условиях ухудшения российско-западных отношений Пекин объективно становится для Москвы приоритетным партнёром, что усиливает экономическую асимметрию в двусторонних отношениях.

Исторический опыт советско-китайских отношений, в том числе раскол 1960 годов, демонстрирует ограниченность идеологических союзов в условиях жёсткой конкуренции за ресурсы и влияние[435]. Политика односторонней ориентации на Китай в современных условиях несёт риски утраты стратегической самостоятельности России. Снижение темпов индустриального развития, отказ от политики технологического суверенитета и зависимость от импорта из Китая создают предпосылки для экономического вассалитета. В этих условиях целесообразно выстраивать сбалансированную систему международных связей, в частности, укрепление политико-военного сотрудничества с Индией.

---

[434] Заседание в ООН прошло с критикой РФ и молчанием после речи дипломата КНР: [Электронный ресурс] // Дзен. – 2025. – 20 янв. – URL: https://dzen.ru/a/Z46rS46bG07jqqih (дата обращения: 10.04.2025). – Текст : электронный.

[435] Китайская Народная республика. Конституция и законодательные акты/ Перевод с китайского. Сост.: Егоров К.А., Под ред.: Гудошников Л. М.; Пер.: Ахметшин Н.Х. – М.: Прогресс, 1984. – 470 с.

Ось «Москва – Нью-Дели» могла бы стать не только противовесом китайской доминации, но и важным элементом новой архитектуры многополярного мира, особенно на фоне растущей конфронтации между Индией и Китаем в Южной Азии.

Основной задачей геостратегии является обеспечение конкурентного преимущества в определённом пространстве за счёт рационального распределения ресурсов, манёвра, дипломатического давления или военного вмешательства. Она направлена на трансформацию геополитической реальности путём действий, которые могут быть как открытыми, так и скрытыми.

В военной сфере геостратегия выражается через такие действия, как переброска войск, создание «буферных зон», проведение учений и формирование стратегических группировок сил. Эти меры носят системный характер и направлены на обеспечение национальной безопасности и контроль над ключевыми территориями. В свою очередь, геополитика анализирует географические особенности регионов, которые могут быть использованы для реализации таких действий, выступая основой для принятия решений.

Дипломатическая сфера демонстрирует тесное взаимодействие геополитики и геостратегии. Здесь применяются двусторонние и многосторонние переговоры, заключение союзов, введение санкций и оказание дипломатического давления. Геополитический анализ позволяет учитывать положение государства относительно его соседей и регионального баланса сил, в то время как геостратегия предполагает последовательную реализацию долгосрочного курса по укреплению позиций страны в международных отношениях.

Экономическая сфера становится все более значимой в контексте геополитических и геостратегических подходов. Методами здесь являются контроль над природными и стратегическими ресурсами, блокирование торговых маршрутов и инвестиционные стратегии. Геополитика исследует расположение ресурсов и логистических путей, тогда как геостратегия использует эти данные для достижения стратегических целей, например, ограничения доступа к энергоресурсам или усиления экономической зависимости.

Информационная сфера – это сравнительно новая область проявления геополитических и геостратегических интересов. Основными методами здесь выступают кибервлияние, пропаганда, информационные операции и манипулирование общественным мнением. Геополитика анализирует распространение информации через географические и культурные границы, а геостратегия разрабатывает комплексные программы воздействия на информационное пространство, что позволяет обеспечить стратегическое преимущество в цифровой среде.

Геостратегия может быть наступательной или оборонительной, локальной или глобальной, традиционной или гибридной. Её гибкость обусловлена необходимостью действовать в условиях непредсказуемости и многофакторности.

Функциональное взаимодействие геополитики и геостратегии проявляется в том, что первая формирует архитектуру мышления, а вторая алгоритм действия. Например, геополитическая оценка Арктики как новой арены глобального соперничества порождает геостратегические решения: строительство ледокольного флота, размещение военных баз, участие в международных форумах, правовое закрепление морских границ.

Также важно учитывать, что обе категории функционируют не только на уровне государств, но и на уровне международных организаций (НАТО, ЕС, ОДКБ), транснациональных корпораций, террористических сетей и даже влиятельных индивидуальных акторов (например, стратегов, формирующих повестку внешнеполитических ведомств). Таким образом, геополитика задаёт обобщённую карту интересов, конфигурацию акторов и структурное понимание пространственной конкуренции, а геостратегия реализует практические шаги по достижению этих интересов в реальном времени. Их функциональные проявления и прикладные аспекты переплетены, но не идентичны, и требуют чёткого различения как в научном анализе, так и в практике стратегического управления.

Геостратегия формирует и реализует меры по контролю территорий, важных для дальнейшего существования государства, а для достижения своих целей используются набор военных и невоенных средств. Сегодня традиционный упор государства на контроль над территориями в значительной степени заменен вниманием к политико-экономической силе и особенностью доступа к капиталу, информации и центрам, где вырабатывается политика. Это достаточно тенденциозная точка зрения, поскольку прямой контроль над территориями сменился косвенным[436].

Понимание различий между геополитикой и геостратегией представляет собой необходимую методологическую основу для анализа внешнеполитической и оборонной деятельности государства. Несмотря на тесную взаимосвязь, эти категории выполняют принципиально различные функции в процессе формирования и реализации национальных интересов.

Геополитика в теоретическом аспекте и прикладной практике рассматривается как сфера анализа международной среды. Она направлена на выявление структурных закономерностей распределения силы и влияния в глобальном и региональном измерениях.

---

[436] Безруков А. «Многомерная война и новая оборонная стратегия: Каким угрозам предстоит противостоять России» // Россия в глобальной политике. 2014. № 5. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/mnogomernaya-vojna-i-novaya-oboronnaya-strategiya/ (дата обращения: 14.06.2025). – Текст : электронный.

Геополитический анализ включает оценку таких факторов, как географическое положение, природные ресурсы, демографическая динамика, транспортная связанность, а также идейно-культурные и цивилизационные коды. Главной задачей геополитики является формирование целостного понимания внешней обстановки и выявление направлений, где могут возникать риски, вызовы или возможности для государства.

В свою очередь, геостратегия является практическим продолжением геополитического анализа. Она трансформирует абстрактные выводы в конкретные сценарии действий, включая военное планирование, дипломатическую активность, экономическое давление и информационное воздействие. Если геополитика отвечает на вопрос «что происходит» и «почему это важно», то геостратегия – на вопрос «что делать» и «какими средствами». Геостратегическое планирование осуществляется на уровне национальных интересов с учетом имеющихся ресурсов, технологических возможностей и политической воли.

Взаимодействие между геополитическими установками и геостратегическими решениями носит диалектический характер. С одной стороны, именно геополитическая картина мира задаёт направление стратегического планирования. С другой стороны, реализация геостратегических мер может либо подтвердить, либо опровергнуть исходные аналитические оценки. Примером такой взаимозависимости стало американское военное присутствие в Афганистане: изначально базировавшееся на геополитических целях контроля над Центральной Азией[437], оно не привело к устойчивому стратегическому результату, что вызвало пересмотр приоритетов в американской внешней политике.

Разграничение и взаимодействие геополитики и геостратегии отчетливо прослеживаются в практике ведущих мировых держав. В США геополитический анализ формализован через регулярные стратегические документы, такие как National Security Strategy (Стратегия национальной безопасности США), где определяются основные вызовы и интересы. На их основе разрабатываются геостратегические меры – от расширения военных альянсов до введения санкций и информационных операций.

В Китае функциональное разделение проявляется через концептуализацию инициативы «Один пояс – один путь», представляющей собой геополитическую рамку для продвижения китайского влияния в Евразии и за её пределами. Геостратегическим воплощением этих установок служит строительство морских портов, развитие транспортных коридоров и размещение объектов двойного назначения.

[437] Кули А. «Центральная Азия после американского вторжения» // Россия в глобальной политике. – 2021. – 2 сентября. – URL: https://globalaffairs.ru/ articles/ czentralnaya-aziya-posle-usa/ (дата обращения: 14.06.2025). – Текст : электронный.

Россия, со своей стороны, использует концепцию многополярного мира как геополитическую основу своей внешней политики. Геостратегически это реализуется через военное присутствие в ключевых регионах (Сирия, Южный Кавказ), активное участие в региональных интеграционных проектах (ОДКБ, ШОС, ЕАЭС).

Таким образом, функциональное разграничение между геополитикой и геостратегией не является искусственным, но отражает логику государственного мышления: от постановки целей – к выбору средств их достижения. Эффективность внешнеполитического курса государства напрямую зависит от согласованности и обоснованности этих двух уровней анализа и практики.

Современная внешняя политика и стратегия национальной безопасности требуют чёткого разграничения, но одновременно и тесной взаимосвязи между геополитикой и геостратегией. Эти два понятия не являются тождественными, но находятся в отношениях функциональной взаимодополняемости, формируя целостную систему стратегического мышления. Геополитика выступает как основа, определяющая цели, интересы и приоритеты государства на международной арене, тогда как геостратегия представляет собой реализацию этих целей через совокупность практических мер.

Геополитика, как аналитическая категория, ориентирована на исследование устойчивых факторов и долгосрочных закономерностей в международных отношениях. Она формирует обоснование того, какие регионы и направления являются критически важными для обеспечения национальной безопасности, политического влияния и экономических интересов. Геополитическое мышление позволяет выстраивать иерархию угроз и возможностей, выявлять противоречия между крупными державами, а также оценивать перспективы формирования альянсов и конфликтных зон. Следовательно, геополитика задаёт исходные установки для разработки стратегического курса государства.

На этом фундаменте выстраивается геостратегия – совокупность конкретных действий, инструментов и ресурсов, направленных на достижение геополитических целей. Уже в середине 90-х годов XX-го века военные исследователи С.А. Модестов, С.А. Скворцов, Н.И. Турко указывали на важность геостратегических установок власти.

По их мнению, – от реализации сценариев развития зависит существование и выживание государства, поэтому формулирование геостратегии является одной из важнейших задач органов государственного и военного управления[438].

[438] Модестов С.А., Скворцов С.А., Турко Н.И. Резервуар державной мощи // Независимое военное обозрение. – 1997. – № 10. С. 24.

Однако в реальной политике нередко наблюдаются случаи подмены понятий. Так, американская операция в Ираке в 2003 году служит показателем стратегического провала[439], вызванного несогласованностью между геополитическими целями и геостратегическими средствами. Формальной целью вторжения было свержение режима Саддама Хусейна и устранение «оружия массового поражения», однако ни географическое положение Ирака, ни реальная угроза национальной безопасности США не оправдывали масштабное военное вмешательство. Отсутствие чёткой геополитической логики привело к длительной оккупации, подрыву региональной стабильности и усилению антагонистических акторов и радикальных исламистских группировок. В итоге стратегический результат оказался прямо противоположным заявленным целям.

С другой стороны, пример России демонстрирует более тесную связку между геополитическим мышлением и геостратегическим планированием. Так, приоритет «ближнего зарубежья» как зоны особых интересов (например, Украина, Беларусь, Южный Кавказ) вытекает из концепции России[440] как евразийской державы, стремящейся к сохранению своего влияния в постсоветском пространстве. Геостратегически это реализуется через военное присутствие (например, в Армении и Южной Осетии), участие в региональных организациях (ОДКБ, ЕАЭС), а также активное информационно-психологическое сопровождение. Такая системная реализация геополитических установок позволяет обеспечивать относительную устойчивость российского влияния в ключевых регионах, несмотря на санкционное и дипломатическое давление со стороны Запада.

Разделение понятий «геополитика» и «геостратегия» представляет собой важнейший элемент теоретического и прикладного инструментария исследования международных отношений. Геополитика фиксирует фундаментальные интересы государства, обусловленные его пространственным положением, ресурсными возможностями, транспортной доступностью и культурно-цивилизационной принадлежностью. Геостратегия, в свою очередь, отражает совокупность конкретных действий и средств, направленных на реализацию этих интересов в конкретной историко-политической ситуации. Такое концептуальное разграничение позволяет аналитически отделить мотивационную основу внешнеполитического поведения государств от используемых инструментов, повышая точность стратегического прогнозирования и обоснованность политических решений.

---

[439] Титоренко В. Е. Ирак после полугода оккупации // Международная жизнь. 2003. № 9–10. С. 48–58.

[440] Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Система ГАРАНТ. – [сайт]. – URL: https://base.garant.ru/2158906/ (дата обращения: 14.06.2025). – Текст : электронный.

В условиях глобальной нестабильности и трансформации международной системы, подобный подход приобретает особую актуальность.

Например, украинский конфликт демонстрирует противостояние двух геополитических подходов: западного, ориентированного на включение Украины в евроатлантическое пространство, и российского, рассматривающего эту территорию как критически важную часть зоны влияния и буфера безопасности. Геополитически Украина занимает стратегическое положение между Восточной Европой и Евразией, контролируя транзитные пути и доступ к Чёрному морю. Геостратегически Россия использует военную силу, политические, дипломатические, информационные и экономические инструменты, в то время как Запад применяет санкции, военную помощь и институциональную интеграцию Украины в свои структуры, включая сотрудничество с НАТО и ЕС. Таким образом, конфликт отражает противостояние несовместимых геополитических проектов, реализуемых через разнообразные геостратегические инструменты.

На Ближнем Востоке наблюдается наложение множества геополитических интересов – от контроля над энергоносителями и транспортными маршрутами до религиозно-цивилизационного влияния. Иран, Турция, Саудовская Аравия, Израиль и внешние акторы, такие как США и Россия, действуют в условиях сложной многополярной системы. Геополитически регион представляет собой перекрёсток Евразии и Африки с доступом к морским коммуникациям. Геостратегически Иран развивает сеть союзников и прокси-групп в Ливане, Сирии, Йемене и Ираке; Турция использует экспедиционные военные операции, экономическое влияние и идеологические проекты; Израиль применяет превентивные удары, разведывательные операции и технологии. Россия действует через военное присутствие в Сирии и дипломатическое маневрирование, а США поддерживают союзников и обеспечивают военное сдерживание. Геостратегические действия здесь постоянно адаптируются к меняющемуся балансу сил и ситуативным угрозам.

Арктика и Индо-Тихоокеанский регион представляют собой пространства нарастающего геополитического соперничества. Арктика становится важной в контексте изменения климата, открытия Северного морского пути и доступа к природным ресурсам.

Геополитически интерес проявляют Россия, США, Канада, Норвегия и Китай. Геостратегически Россия наращивает военную инфраструктуру и флотскую активность, развивает атомный ледокольный флот; США усиливают военно-морское присутствие и расширяют арктические учения; Китай строит концепцию «Полярного шёлкового пути» и укрепляет научное и экономическое присутствие.

В Индо-Тихоокеанском регионе геополитическая конкуренция между Китаем и США развернулась за контроль над морскими коммуникациями, архипелагами и зонами исключительных экономических интересов. Китай геостратегически использует строительство баз, искусственных островов и инфраструктурных проектов в рамках инициативы «Один пояс — один путь», в то время как США выстраивают сеть альянсов (QUAD, AUKUS), усиливают присутствие флота и проводят совместные учения с союзниками.

В условиях климатических изменений и глобального смещения интересов на север, Арктика представляют собой пространство нарастающего геополитического соперничества со стороны России, США, Канады, Европейского союза и Китая. Геополитически регион важен с точки зрения доступа к природным ресурсам, новых транспортных маршрутов и контроля над северными морскими коммуникациями.

Геостратегически Россия модернизирует военную инфраструктуру, развивает арктический флот и атомный ледокольный парк. США усиливают военно-морское присутствие и проводят совместные арктические учения с союзниками. Китай формирует концепцию «Полярного шёлкового пути»[441], расширяя научное и экономическое присутствие в регионе.

Параллельно Индо-Тихоокеанский регион становится ареной жёсткого соперничества США и Китая за контроль над морскими путями и зонами исключительных экономических интересов. США выстраивают сеть союзов (AUKUS, QUAD), усиливают военно-морскую активность и проводят совместные учения. Китай, в свою очередь, развивает инфраструктурные проекты в рамках инициативы «Один пояс – один путь», строит военные объекты и искусственные острова, расширяя влияние в Южно-Китайском море. Эти действия отражают разную трактовку и реализацию геополитических интересов через специфические геостратегические модели.

В заключении можно сделать следующие выводы.

Во-первых, проведённый теоретико-методологический анализ позволил установить, что понятия «геополитика» и «геостратегия», несмотря на их внешнюю близость и использование в рамках пространственного подхода к анализу международных процессов, не являются тождественными. Геополитика представляет собой концептуальную модель анализа внешнеполитического поведения государства, основанную на пространственно-географических факторах, в то время как геостратегия выступает как прикладной инструмент реализации национальных интересов в конкретных географических направлениях с использованием системы политических, экономических, военных и иных мер.

[441] Ван Ш., Еремин В., Чжу Я. Новая китайская концепция и российско-китайское сотрудничество по Северному морскому пути // Свободная мысль. 2017. № 6. – URL: http://svom.info/entry/785-novaya-kitajskaya-koncepciya-i-rossijsko-kitajskoe/ (дата обращения: 12.08.2025). – Текст : электронный.

Во-вторых, установлено, что геостратегия государства является системной деятельностью, направленной на достижение стратегических целей в условиях ограниченности ресурсов и изменчивости международной обстановки. Основу её анализа составляют:

– определение и приоритизация (процесс ранжирования) национальных интересов в геополитическом пространстве;

– стратегические установки политического руководства на обеспечение безопасности;

– рациональное распределение ресурсов в подготовке государства и вооруженных сил к возможным конфликтам;

– выбор и применение средств военного и невоенного характера для достижения поставленных целей. Указанные параметры определяют содержательное наполнение геостратегии и обуславливают её отличия от геополитики.

Содержательный анализ современной геостратегии показал, что она включает в себя интеграцию различных составляющих – политической, военной, экономической, информационной, культурной и демографической. Комплексный характер геостратегии обусловливает необходимость системного подхода к её реализации, предусматривающего координацию усилий различных государственных институтов для обеспечения эффективного продвижения и защиты национальных интересов на внешнем контуре.

В-третьих, проведённый анализ различных подходов к трактовке категории «геостратегия государства», представленных в отечественной и зарубежной научной и политико-аналитической литературе, свидетельствует о существующем плюрализме мнений относительно сущности данного феномена. Вместе с тем, синтез имеющихся теоретических разработок позволяет выработать рабочее определение понятия «геостратегия» и «геостратегия государства», которые предлагается использовано в рамках настоящего исследования в качестве концептуального основания и отправной точки для дальнейшего раскрытия сущности и специфики исследуемого предмета.

Прежде всего, рассмотрим категорию «геостратегия», которая в отечественной и зарубежной научной литературе трактуется по-разному – от инструмента внешнеполитического планирования до формы пространственного управления.

В рамках настоящего исследования «геостратегия» рассматривается как искусство управления на основе совокупности основополагающих взглядов и организационных установок власти по использованию географических и культурно-исторических преимуществ страны в борьбе за реализацию национальных интересов и обеспечения безопасности государства.

Для уточнения категории «геостратегия государства» необходимо определить, что под государством в данном контексте понимается: «политическая организация общества, располагающая специальными механизмами управления и принуждения, устанавливающая правовой порядок на определенной территории и обеспечивающая всестороннее развитие человека и безопасность существования народа»[442].

Таким образом, опираясь на синтез указанных понятий, под «геостратегией государства» следует понимать *искусство управления, осуществляемое политической организацией общества на основе основополагающих взглядов и организационных установок власти с учетом географического положения страны, культурно-исторического опыта народа, имеющегося экономического и военного потенциала, направленного на защиту и продвижение национальных интересов, обеспечения устойчивого экономического развития, внутренней и внешней безопасности.*

В-четвертых, выявлены основные формы реализации геостратегии, которые классифицируются по степени вовлеченности, количеству субъектов, сфере реализации интересов, характеру противоречий и способам достижения целей. Установлено, что приоритетными в настоящее время выступают формы, ориентированные на цивилизационное, социально-экономическое, информационное и военное измерения, что требует адаптации механизмов стратегического планирования к условиям гибридного противоборства. Геостратегия, таким образом, выступает как надсистемный механизм, обеспечивающий единство теоретической и практической компонент внешнеполитической деятельности государства.

Выявленное разграничение позволяет утверждать, что геополитика выполняет преимущественно аналитико-прогностическую и теоретико-мировоззренческую функцию, тогда как геостратегия ориентирована на разработку и реализацию практических механизмов обеспечения национальных интересов на международной арене. Геополитика формирует базис для стратегического мышления, в то время как геостратегия реализует соответствующие действия в рамках конкретной пространственно-временной конфигурации.

Систематизация научных подходов, способствовала формулированию рабочих определений исследуемых категорий, что имеет значение для дальнейшего развития понятийного аппарата политической науки и международных отношений. Разграничение геополитики и геостратегии представляет собой не только теоретико-методологическую задачу, но и важный шаг к повышению эффективности анализа внешнеполитических процессов в условиях современного многополярного мира.

---

[442] Марченко М. Н. Теория государств и права в вопросах и ответах: учебное пособие. – М., 2006. – С 36-37.

2.4. Зарубежный опыт формирования и реализации геостратегии государства

Прежде чем приступать к аналитическому осмыслению глобального опыта формирования и реализации геостратегии государства как социально-политического института, обратимся к понятийному аппарату и ответим на ключевые вопросы: в чем принципиальное отличие между геополитикой и геостратегией и какова содержательная основа этих явлений?

Геополитика и геостратегия – это тесно связанные понятия, которые часто объединяются в науке о международных отношениях и политическом дискурсе. Обе имеют дело с влиянием географических факторов на международные дела и управление государством. Однако геополитика относится к изучению структурного влияния географии на политику, в то время как геостратегия касается фактическим измерением внешнеполитической активности государств при ориентировании в географических реалиях.

В настоящем материале мы постараемся представить глубокий концептуальный анализ геополитики и геостратегии, их определений, эволюции идей ключевых мыслителей, стоящих у истоков данных идейных концепций. Следует понимать, в чем заключаются различия и на чем строятся дебаты вокруг разграничения этих терминов в области политической географии и теории международных отношений.

Также для исчерпывающего понимания исследуемых явлений необходимо выявить их сложное взаимодействие на разных уровнях анализа – от системных геополитических констант до практического влияния геостратегических расчетов на геополитическую логику в целом. Таким образом, мы сможем прийти к максимально объективным и научно обоснованным выводам, отражающим интерпретацию мировой политики не только в теоретической, но и в практической плоскости.

Итак, геополитика относится к изучению влияния территориального расположения, ресурсной базы, топологии, пространственного измерения и контроля над стратегическими географическими точками на формирование преимущества государства в области безопасности и его влияния в регионе[443]. Классические основатели геополитической мысли, такие как Ф. Ратцель, Х. Маккиндер и Н. Дж. Спикмэн, главную задачу своих исследований видели в выявлении причинно-следственной связи между историческим влиянием территориального контроля и ресурсов на национальную мощь того или иного государства[444].

[443] Cohen, Saul Bernard. Geopolitics: the geography of international relations / Saul Bernard Cohen. — Third edition by Rowman & Littlefieldpages. 2015. – 504 p.

[444] Parker G. Western Geopolitical Thought in the Twentieth Century. Croom Helm, 1985 – 199 p.

Современная геополитика включает в объяснение международных отношений более широкий перечень географических факторов, такие как климат, топография, демография и распределение ресурсов[445]. Таким образом, предметом анализа современной геополитической парадигмы является вопрос о том, как география формирует глобальный порядок и возможности государства.

Геополитическая стратегия, являющаяся способом реализации геополитических интересов, несет инструментальную функцию и следует из геополитического вектора, определяемого геополитическим кодом – системой политических отношений государства с внешним миром. Она включает государственные интересы, идентификацию внешних угроз и технологию их устранения или нейтрализации. Геополитический код представляет собой исторически сложившуюся матрицу, формирующуюся от прошлого к настоящему с учетом многих факторов, влияющих на интересы данного государства.

Таким образом, как аналитический подход, современная академическая геополитика нацелена на объективное изучение географически обусловленных силовых реалий, лежащих в основе мировой политики, а не детерминистских теорий или идеологической пропаганды экспансии, как в это имело место при зарождении геополитики как науки, ориентированной на государство. Это предоставляет концептуальные инструменты, освещающие стратегическую значимость географии.

Согласно исследованию британского политолога и географа, Д. Эгни, геополитика включает в себя три ключевые методологические приема:

– пространственный анализ – изучение стратегического значения географического положения, близости, границ, ресурсов;

– расчет силы – оценка того, как географические факторы придают государствам относительную (сопутствующую) мощь;

– структурное теоретизирование – установление устойчивых геополитических пределов возможностей для государств, исходя из пространственных и ресурсных реалий[446].

Кроме того, прикладной фундамент современной геополитики зиждется на следующих аналитических подходах.

Системный уровень – как глобальные географические структуры, такие как континенты, океаны и климатические зоны, формируют международные отношения в широком их понимании;

Региональный уровень – влияние географической близости, регионального баланса и пространственных конфигураций на региональную политическую, экономическую и социально-культурную картину;

[445] Flint. C. Introduction to Geopolitics. Routledge, 2012 г. – 312 p.

[446] Agnew A. Geopolitics: Re-visioning World Politics. Taylor & Francis US, 1998 – 150 p.

Государственный уровень – внутренние географические реалии, определяющие стратегические перспективы и возможности отдельных государств;

Локальный уровень – субгосударственные пространства, такие как стратегические города, порты, дороги и кварталы, имеющие геополитическое значение[447].

Таким образом, геополитика предоставляет теорию, объясняющую, как географические реалии формируют структуры и контексты мировой политики на нескольких уровнях: от микро- до макроизмерения. Теперь рассмотрим концепцию геостратегии.

Геостратегия подразделяется на общую и частную (или локальную). Общая геостратегия описывает поведение страны как геополитической единицы в целом, частная же раскрывает содержание конкретных геополитических векторов, например, тихоокеанского вектора российской геополитики.

Геостратегия в совокупности своих составляющих является способом реализации геополитических интересов. Геополитические интересы – это те цели и задачи в различной временной перспективе, которые государство ставит перед собой исходя из геополитического кода.

По мере реализации поставленных задач сама геостратегия трансформируется, ориентируясь на постоянно меняющуюся обстановку, а изменения могут носить подчас противоречивый характер – слишком много разнонаправленных факторов сосуществует в один момент в одной плоскости. Геополитический же код является гораздо менее подверженной трансформациям единицей, хотя с течением времени также может изменяться.

Геостратегия напрямую увязана с внешнеполитической активностью государств, поскольку они ориентируются на геополитический потенциал и возможности для продвижения собственных интересов[448]. В нем рассматривается, как соотносятся геополитические факторы с национальным пониманием общей стратегии, дипломатии и военного планирования.

Аналитический подход геостратегии отличаются от геополитики по следующим концептуальным направлениям.

Глобальная стратегия – всеобъемлющая, географически обоснованная внешнеполитическая позиция государства, основанная на интересах и вызовах;

Военная стратегия – проецирование мощи в масштабах географии посредством размещения сил, базирования и операций;

---

[447] Flint. C. Geopolitical Constructs: The Mulberry Harbours, World War Two, and the Making of a Militarized Transatlantic. Rowman & Littlefield, 19 сент. 2016 г. – 226 p.

[448] Gray Colin S., Sloan Geoffrey R. Geopolitics, Geography, and Strategy. Psychology Press, 1999 – 289 p.

Экономическая стратегия – обеспечение безопасности стратегических ресурсов и торговых путей для использования геополитических рычагов воздействия;

Дипломатическая стратегия – управление пространственными отношениями между государствами с помощью двусторонних связей, региональных блоков и правовых рамок.

Таким образом, по сути, геополитика исследует стартовые условия, в то время как геостратегия касается активного использования государством этих самых условий посредством дипломатической, экономической либо военной политики. Но как геополитика, таки геостратегия, будучи компонентами, по сути, единой науки, имеют принципиальное значение для полного понимания пространственных измерений мировой политики.

Основоположниками геостратегической научно-практической мысли являются: Хэлфорд Маккиндер разработал «теорию Хартленда», подчеркивающую стратегическое значение Центральной Азии. Его теория оказала серьезное влияние на западных политиков, причем как в первой половине XX века, так и после развала СССР[449]; Николас Джон Спикмэн – один из ранних теоретиков, выдвинувший идею «Римленда», автор концепции «сдерживания» (впоследствии реализуемой Дж. Кеннаном) со стороны США конкурентного «евразийского центра» и основатель классического реализма в американской теории международных отношений[450]; Альфред Тайер Мэхэн выдвинул концепцию морского могущества как ключевую основу стратегии США посредством контроля над жизненно важными морскими транзитными маршрутами в мировом океане[451].

К современным адептам геостратегической практики относятся Збигнев Бжезинский – американский политический практик, который делал упор на геостратегический подход в сдерживании СССР и «открытии» Китая в годы холодной войны, заложив концептуальную основу отношений между США и странами Евразийского континента в постбиполярный период[452]; и Генри Киссинджер – архитектор глобальной дипломатической стратегии США, который поставил геополитику и поддержание баланса сил в основу выработки внешнеполитического курса США[453].

---

[449] Маккиндер Х. Географическая ось истории / пер. с англ. В. Желнинова. – М.: АСТ, 2021. – 288 с

[450] Spykman Nicholas J. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. Routledge, 2017 г. – 525 p.

[451] Mahan A. T. The Influence of Sea Power Upon History, 1660-1783. Courier Corporation, 2012 г. – 656 p.

[452] Brzezinski Zbigniew. The Geostrategic Triad: Living with China, Europe, and Russia CSIS, 2001 – 75 p.

[453] Kissinger, H. American foreign policy. Three essays [1st ed.] WW Norton & Company. 1969 – 143 p.

Эти ученые не только теоретически обосновали, но и увязали на практике географические реалии со стратегией внешней политики. Они перешли от геополитического анализа к формулированию того, как государства могут практически использовать географические константы в собственных интересах, применяя дипломатию, военную силу и экономические методы управление государством. Одним из ключевых отличий геостратегии от геополитики является прикладной характер ее применения. Геостратегию как практическое воплощение государственного внешнеполитического курса характеризует целый ряд взаимосвязанных принципов и концептуальных основ[454]:

– использование географии в государственных интересах – создание благоприятных геополитических реалий рассматривается как главная стратегическая цель;

– геостратегия как борьба за доступ к ресурсам со стороны одного государства/группы государств и противодействия доступу к ним со стороны оппонирующего государства/группы государств. Иными словами, геостратегия вращается вокруг контроля над местоположениями стратегически важных ресурсов;

– манихейская логика нулевой суммы – геостратегия традиционно использует конкурентно–реалистическую геополитическую призму, рассматривающую постоянную борьбу за стратегическое преимущество;

– риски дилеммы безопасности – наступательные геостратегические концепции провоцируют ответные действия во взаимозависимом мире, потенциально снижая безопасность;

– фактор технологического воздействия – новые технологии в таких областях как киберпространство, биотехнологии, генная инженерия, формируют географию глобальной безопасности иначе, чем в классических геостратегических теориях.

– экономическая взаимозависимость – сложная экономическая география вынуждает пересматривать чрезмерно милитаризованные геостратегии, перераспределяя нагрузку на ВПК как в рамках политических или военно-политических объединений (например, страны НАТО), так и в рамках глобального мирового распределения труда (данная тенденция характерна, скорее, для государств глобального Юга).

Как видно из приведенного выше анализа, геостратегия остается областью постоянного концептуального обновления по мере развития политических и географических реалий. Как принудительная, так и кооперативная логика пространственного управления государством находит свое воплощение в геостратегической мысли.

[454] Paul Reuber. Politische Geographien Europas: Annäherungen an ein umstrittenes Konstrukt. LIT Verlag Münster, 2005 – 206 p.

Как отмечалось выше, взаимодействие между геополитикой и геостратегией научно обосновано. Учитывая их взаимосвязанный характер, анализ корреляции между геополитическими условиями и активными геостратегическими концепциями представляет собой одну из наиболее сложных задач в современной теории международных отношений[455]. Взаимное влияние двух научных констант происходит как в теоретической, так и в практической плоскости, генерируя мировой опыт формирования и реализации геостратегии государства. Рассмотрим в этой связи ключевые «точки бифуркации» между геополитикой и геостратегией.

Прежде всего, следует исходить из понимания того факта, что геополитика формирует геостратегию. Ведь география предоставляет как возможности, так и (в зависимости от масштаба территории страны) обозначает их пределы. Соответственно, те же принципы справедливы и для геостратегии. К примеру, политика США в отношении Карибского бассейна традиционно определялась географической близостью[456].

Кроме того, геостратегия – не статичное явление. Она способна к адаптации с учетом изменения геополитических вводных. Например, геостратегия США после создания блока НАТО в 1949 году адаптировалась по мере изменения международной обстановки от копирования морской стратегии Великобритании к «сдерживанию» со стороны НАТО в Центральной Европе военно-политического влияния стран социалистического блока.

Как уже отмечалось, технологическое измерение проблемы также меняет геополитические реалии, стимулируя геостратегические концептуальные инновации. Перечислим лишь самые важные из современных технологических вызовов, стоящих как перед политическими элитами, так и перед человечеством в целом.

Кибербезопасность – один из ярчайших примеров взаимосвязи технологий и геополитики, формирующей направления геостратегии государства. Ставшие уже практически повседневными крупномасштабные взломы, получающие громкую огласку в СМИ, зачастую, нацелены на интеллектуальную собственность и разведданные правительств стран мира.

Но следует понимать, что деструктивные последствия подобных действий гораздо глубже, потому что злоумышленники взламывают широко используемое программное обеспечение, нарушив конфиденциальность работы десятков тысяч компаний и правительственных учреждений и обнаружив лазейки, через которые в дальнейшем могут проникнуть другие хакеры.

---

[455] Gray Colin S., Sloan Geoffrey R. Geopolitics, Geography, and Strategy. Psychology Press, 1999 – 289 p.

[456] Zelikow, P. D. (1988). Constraints: The American Republic and American statecraft. The National Interest, (14), 41–51.

Кибератаки, обусловленные геостратегическими задачами, могут иметь значительные последствия для кибербезопасности, управления рисками и стратегии цифровой трансформации. Хотя ни одно государство мира не застраховано от кибератак, страны с мощными системами защиты данных, придерживающиеся жестких правил соблюдения «кибергигиены» и стремящиеся к обеспечению цифрового суверенитета, очевидно, подвержены меньшему риску[457].

Промышленные риски. Они обусловлены тем, что правительства все чаще используют промышленную политику для обеспечения самодостаточности в стратегических технологиях, стимулируя геополитическую конкуренцию.

Например, президент США Джо Байден настаивает на расширении внутреннего производства и повышении уровня локализации производственной цепочки аккумуляторов большой емкости, полупроводников, а также добычи и переработки полезных ископаемых, критически важных для цифровых технологий. Китайское правительство также уделяет приоритетное внимание самообеспеченности в ключевых технологиях, обеспечивая стимулы для внутреннего производства полупроводников.

Стремясь ускорить цифровую трансформацию объединения, ЕС анонсировал целевые показатели производства полупроводников, план производства своего первого квантового компьютера к 2025 году и поддержку расширения инфраструктуры 5G.

Наиболее иллюстративным примером является политика импортозамещения, проводимая в России с момента воссоединения Крыма с Россией в 2014 году и получившая геостратегические черты с момента начала Специальной военной операции на Украине в 2022 году.

С форсированным уходом иностранных компаний с российского рынка в 2022 году. и закрытием доступа к мировому рынку для части отечественных предприятий правительство стало актуализировать планы по импортозамещению, обсуждать различные меры поддержки для компаний, желающих занять освободившиеся ниши.

У государственной политики импортозамещения появилось несколько важных целей: преодолеть техническое отставание и добиться устойчивых темпов качественного роста экономики; повысить конкурентоспособность на мировом рынке за счёт инновационных технологий; повысить качество профессиональной подготовки специалистов, пространственную и квалификационную мобильность; улучшить экологическую ситуацию в регионах; повысить качество жизни населения.

[457] Singer P.W., Friedman Allan. Cybersecurity and Cyberwar: What Everyone Needs to Know? Oxford University Press, 2013 – 336 p.

Как правило, методологически, политика импортозамещения включает в себя два аспекта: замену ввозимой продукции отечественными аналогами и наращивание производства отечественной продукции до объёмов, позволяющих экспортировать товары. Причем, принимая во внимание уход иностранных брендов с российского рынка российское руководство большее внимание акцентируют на первом из них[458].

Наконец, как лидеры государств, так и руководители крупных транснациональных компаний должны помнить, что технологический бум, начавшийся в середине десятых годов текущего столетия, обусловлен геостратегической конкуренцией США с Россией и Китаем.

США расширили контроль за экспортом стратегических технологий и ограничили доступ на американский рынок для китайских компаний в телекоммуникационной и полупроводниковой промышленности.

Администрация Байдена использует это стратегическое соперничество с Китаем для поощрения инвестиций во внутренний технологический кластер, в котором, по ее мнению, США отстают, - в первую очередь, в беспроводные сети 5G, искусственный интеллект и экологически чистую энергетику.

В отношении России США в 2022 году объявили об ограничении доступа России к передовым технологиям из-за военной операции на территории Украины. Санкции коснулись экспорта полупроводников, телеком-оборудования, электронных компонентов и других важных технологических элементов. При этом торговать с Россией не могут даже третьи страны, которые производят товары с использованием американских технологий и оборудования.

Американские эксперты полагали, что экспортный контроль со временем приведет к ухудшению оборонно-промышленной базы России, а внутри страны под удар попадут отрасль связи, дата-центров, сотовые операторы и производители оборудования.

По факту же, недружественные меры со стороны США являются ничем иным, как актом недобросовестной конкуренции, направленной на «сдерживание» технологического развития оппонента. Привели эти меры к осмысленному оздоровлению российской IT-сферы и форсированному развитию наукоемких отраслей промышленности.

Рассмотрим теперь конкретные примеры реализации геополитических инициатив в рамках геостратегической имплементации. Одним из наиболее иллюстративных примеров в данном контексте является китайская инициатива «Один пояс и один путь», поскольку она содержит в себе как геополитический фундамент, так и геостратегическую динамику.

[458] Моисеев В. В. Импортозамещение в экономике России Изд: Директ-Медиа, 2022 – 304 с.

Излагая в 2013 году концепцию по инициативе «Один пояс и один путь» – или, используя официальную терминологию, «Экономическому поясу Шелкового пути и Морскому шелковому пути XXI века», председатель КНР Си Цзиньпин исходил из ключевой геостратегической оценки проекта. Долгосрочная стратегическая идея основана на проекте Большой Евразии, основанной на России, Китае и странах Центральной Азии, т.е. «Хартленда», как назвал его сэр Хэлфорд Маккиндер. Стоит отметить, что на текущий момент уже более 150 стран подписали с Китаем соглашения о сотрудничестве в рамках программы.

«Один пояс и один путь» представляет собой шесть логистических коридоров, рассчитанных в мельчайших деталях с особым вниманием к местным особенностям: во-первых, Новый Евразийский сухопутный мост из Западного Китая в Западную Россию, который в будущем соединит город Ляньюньган в провинции Чансу с голландским городом Роттердам. В западной части «пути» это железнодорожная линия, соединяющая Болгарию и Турцию и непременно включающая в себя транзит через территорию Ирана.

Во-вторых, коридор Китай-Монголия-Россия, от Северного Китая до Дальневосточного федерального округа России; в-третьих, коридор Китай-Центральная Азия-Западная Азия, от территории Китайской Народной Республики до Турции. В-четвертых, Коридор из Южного Китая на полуостров Индокитай до Сингапура; в-пятых, китайско-пакистанский коридор, где в недавно приобретенном Китаем порту Гвадар будет одно из звеньев между Наземным и Морским Шелковыми путями. В-шестых, коридор Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма и, наконец, очень длинный Морской шелковый путь, от побережья Китая до Сингапура и вплоть до Средиземного моря[459].

Говоря о географической привязке проекта, следует выделить следующие ключевые точки сухопутного экономического пояса: Сиань (Китай), Алматы (Казахстан), Бишкек (Киргизия), Самарканд (Узбекистан), Тегеран (Иран), Стамбул (Турция), Москва и Дуйсбург (Германия).

Сейчас средний срок доставки контейнерных грузов морским транспортом из Китая в Европу составляет 45−60 суток. В случае успешной реализации проекта этот срок может сократиться до десяти дней.

В России в рамках проекта запланировано строительство высокоскоростной магистрали (ВСМ) Москва-Казань, которая в перспективе может быть продлена до Иркутска, а в будущем стать частью ВСМ Москва-Пекин. Общая стоимость строительства оценивается в 7 трлн руб. Также уже завершено строительство двух мостов через реку Амур.

[459] Luft Gal, “China’s Infrastructure Play: Why Washington Should Accept the New Silk Road,” Foreign Affairs 95, no. 5 (September/October 2016): C. 68–75.

По мнению китайских экономических аналитиков, сухопутный проект поможет решить пять основных задач: усиление региональной экономической интеграции, строительство единой трансазиатской транспортной инфраструктуры, ликвидация инвестиционных и торговых барьеров, повышение роли национальных валют, углубление сотрудничества в гуманитарной сфере[460].

Помимо создания единой транспортной инфраструктуры проект подразумевает расширение таможенного сотрудничества, расширение масштабов финансовых операций между странами, создание финансовых институтов при различных региональных организациях (ШОС, БРИКС). Развитие гуманитарных связей поможет обмену в сфере культуры и науки.

Отдельно следует проанализировать геостратегическое значение «Морского Шелкового пути». Планы по его созданию Си Цзиньпин представил в октябре 2013 года в Индонезии. Морской путь начнется в городе Фучжоу (провинция Фуцзянь), пройдет через Гуанчжоу (провинция Гуандун) и остров Хайнань, по Малаккскому проливу (Малайзия-Индонезия), затем через Индийский океан, обогнет Африканский рог (Кения) и направится в Красное и Средиземное моря. Второе направление МШП должно пройти из китайских портов в южную часть Тихого океана.

Главными портами «Морского Шелкового пути XXI века» станут Ханой (Вьетнам), Джакарта (Индонезия), Куала-Лумпур (Малайзия), Калькутта (Индия), Найроби (Кения), Афины (Греция) и Венеция (Италия).

Помимо южного пути Россия также предлагает Китаю и другим заинтересованным странам развивать Северный морской путь – судоходный маршрут, который является кратчайшим путем между европейской частью России и Дальним Востоком. Он проходит вдоль северных берегов России по морям Северного Ледовитого океана. На трассе СМП находится свыше 50 портов[461]. За десять лет инициатива «Пояс и путь» привлекла инвестиции почти в 1 трлн. долларов США, что привело к созданию более 3 тыс. совместных проектов. Китай уже увеличил товарооборот со странами вдоль маршрута пути с 1,04 трлн до 2,07 трлн. долларов США Население стран, участвующих в проекте, составляет 63 % населения Земли, а ВВП этих стран превышает 21 трлн. долларов США. По прогнозу Всемирного банка, развитие инициативы «Один пояс – один путь» к 2030 году обеспечит 420 тыс. рабочих мест в странах, расположенных вдоль маршрута[462].

---

[460] Российско-китайский диалог: модель 2016: доклад № 25, 2016 // Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2016. 93 с.

[461] Алимов Р.К. К вопросу о формировании «Экономического коридора Шелкового пути»: состояние, проблемы и перспективы // МИР. 2013. № 16.

[462] WORLD BANK REPORT ON CHINA'S BELT AND ROAD INITIATIVE. – URL: https://diligentias.com/world-bank-report-on-chinas-belt-and-road-initiative/ (дата обращения: 03.07.2025). – Текст : электронный.

С диалектической точки зрения «Один пояс и один путь» соответствует геостратегической сверхзадаче. Китай продвигает ее для осуществления «стратегического хеджирования» – т.е. оптимальному применению своей способности противостоять потенциальным угрозам, исходящим от гегемона международной системы, не прибегая к военной силе, как это нередко делают США[463]. В более широком смысле «Один пояс и один путь» используются для «формирования среды, благоприятствующей экономическому, социальному и политическому развитию КНР»[464]. При этом в геостратегическом плане инициатива в выгодном свете отличается от западной стратегической традиции, в которой делается упор на силовое либо секционное противопоставление силу против силы».

Не следует забывать, что на современном этапе развития международных отношений Китай одновременно реализует инициативу «Один пояс, один путь» (Belt and Road Initiative – BRI) и Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (RCEP) с десятью странами АСЕАН и шестью странами, с которыми у АСЕАН есть дополнительные соглашения о свободной торговле, а также с Зоной свободной торговли Китай-АСЕАН. Это является прямым ответом на геостратегическую активность США в регионе, который Китай традиционно считает сферой своего естественного влияния. Ведь Соединенные Штаты уже создали свою региональную торгово-экономическую сеть с помощью Торгового соглашения между США, Мексикой и Канадой (USMCA), а также попытались (на текущий момент – безуспешно) организовать в прямой противовес BRI договор о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), реализация которого отложена на среднесрочную перспективу.

С геостратегической точки зрения инициатива «Один пояс и один путь» может рассматриваться в трех плоскостях: как ассиметричный и весьма эффективный ответ военному присутствию США в Азиатско-тихоокеанском регионе[465]; как геоэкономическая альтернатива всесторонней конкуренции, направленная на инклюзивное взаимодействие; и, наконец, как гибридная континентально-морская геостратегическая доктрина, отражающая многовековую тактику Китая, заключающуюся в предотвращении военной эскалации с высокими рисками путем стремления к относительному преимуществу[466].

---

[463] Tessman Brock and Wolfe Wojtek, «Great Powers and Strategic Hedging: The Case of Chinese Energy Security Strategy», International Studies Review 13, no. 2 (June 2011): 220 p.

[464] Zhang Yuling and Tang Shiping, "China's Regional Strategy," in, Power Shift: China and Asia's New Dynamics, ed. David Shambaugh (Berkeley: University of California Press, 2006), 48 p.

[465] Leverett Flynt and Binging Wu, "The New Silk Road and China's Evolving Grand Strategy," China Journal, no. 77 (January 2017): 113, https://doi.org/10.1086/689684.

[466] Ghiselli Andrea, "Revising China's Strategic Culture: Contemporary Cherry-Picking of Ancient Strategic Thought," China Quarterly, no. 233 (March 2018): 177–80, https://doi.org/10.1017/S0305741018000413.

На приведенном примере китайской инициативы «Один пояс и один путь» мы убеждаемся в том, что одним из непременных условий понимания сути геостратегии является глубокое осмысление историзма данного явления. Поэтому геостратегия должна рассматриваться как в современном состоянии, так и в историческом контексте.

Только с пониманием исторической ретроспективы можно вывести общие закономерности для геостратегии как комплексного явления, тем более что многие возникающие тенденция из-за отмеченной выше многофакторности могут видеться противоречивыми и поддаются относительно объективной оценке лишь с течением времени. Рассмотрим другие примеры мирового опыта формирования и реализации геостратегии государства в исторической ретроспективе.

В самом широком понимании взаимосвязь между географическими реалиями и общей стратегией государства в рамках глобального политического процесса представляет собой ключевую взаимосвязь. География, как отмечалось выше, предоставляет системные возможности и ограничения, которые применяются в контексте геостратегии при продвижении национальных интересов государства[467]. Рассмотрим это взаимодействие в рамках геостратегии США, которая в годы холодной войны сводилась к следующим принципам:

Предложенная Н. Спикмэном политика сдерживания привела к реализации геостратегии по противодействию влиянию Советского Союза на глобальном уровне, основанной на геополитических условиях[468]. При этом в ключевых для безопасности США регионах мира были созданы альянсы (НАТО и АНЗЮС), как для расширения военно-политического влияния (в случае НАТО), так и для укрепления геостратегической константы (в Азиатско-тихоокеанском регионе). Развитие ядерных военных технологий и средств доставки ядерных боезарядов к территории вероятного противника предопределили пересмотр геополитические рисков, «сузив географию» и вынудив противоборствующие стороны к адаптации военной стратегии начиная, примерно, с конца 50-х гг. прошлого столетия[469].

Не стоит забывать, что геостратегия включает в себя также экономический компонент. Экономические институты, такая как Бреттон-Вудская система межвалютных расчетов, гарантировавшая американскому доллару статус глобальной резервной валюты, к середине 70-х годов укрепила лидерство США в капиталистической географической сфере.

---

[467] Fettweis, C. J. (2018). Geopolitics, strategy and restraint: the mercy of time and space? Geopolitics, History, and International Relations, 10(1), 64-108.

[468] Gaddis John Lewis. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of American National Security Policy during the Cold War Oxford University Press, 2005 - 512

[469] Gray, C. S., & Payne, K. B. (1986). Nuclear strategy in the twenty-first century. International Security, 7-38.

Таким образом, перед нами наглядная иллюстрация сложного взаимодействия американской системной геополитики и геостратегии. Но, как мы уже неоднократно подчеркивали выше, для более глубокого осмысления геостратегической парадигмы современных США, необходимо провести ретроспективный исторический анализ на основе обобщения опыта хотя бы XX столетия. Для этого проследим историографию процесса, вновь обратившись к одному из основателей предмета нашего научного анализа, А. Мэхэну, вклад которого в развитие концепции «морского могущества» является ключевым и системообразующим как в контексте геополитики, так и в практическом понимании геостратегии.

Альфред Тайер Мэхэн (1840–1914) – американский военно-морской теоретик и историк, контр-адмирал, преподаватель морской истории и почетный президент «Naval War Colledge» в Нью- Порте. В 1883 году он написал свою первую книгу «Персидский залив и внутренние воды»[470], посвященную военно-морским сражениям в годы Гражданской войны. Его вторая книга «Влияние морской силы на историю 1660–1783 гг.»[471] принесла ему национальную и международную известность. Эта книга, в значительной степени основанная на лекциях Мэхэна в военно-морском колледже, стала «библией» для многих военно-морских сил по всему миру. Считается, что кайзер Вильгельм II приказал разместить копию этой книги на борту каждого немецкого военного корабля.

Во «Влиянии морской силы на историю 1660–1783 гг.» А. Мэхэн проанализировал роль морской силы в становлении и росте Британской империи. В первой главе книги он описал море как «великую дорогу», «с хорошими торговыми путями», по которым люди проходят во всех направлениях, выделил несколько узких проходов или стратегических «узких мест», контроль над которыми способствовал господству Великобритании на море. Он перечислил шесть основных элементов морской силы: географическое положение, физическая структура, протяженность территории, численность населения, характер народа и характер правительства.

За восемь лет до того, как испано-американская война привела к тому, что США стали мировой державой с заморскими владениями, А. Мэхэн написал статью в Atlantic Monthly «Соединенные Штаты смотрят вовне» (1890), в которой он призвал американских лидеров признать, что баланс сил в Европе и Азии влияет на безопасность и интересы Штатов[472].

---

[470] Mahan A. T. The Gulf and Inland Waters: The Army and Navy in The Civil War. Digital Scanning Inc, 2004 – 296 p.

[471] Mahan A. T. The Influence of Sea Power Upon History, 1660-1783. Cambridge University Press, 2010 г. – 640 p.

[472] Федоров Н. В. Идеи А. Т. Мэхэна и военно-морская политика великих держав на рубеже XIX-XX вв. // Военно-исторический журнал. – 2012. - № 12. – С.15-21.

А. Мэхэн понимал, что Соединенные Штаты, как и Великобритания, геополитически являются островом, лежащим у берегов Евразии, безопасность которого может быть поставлена под угрозу враждебной державой или союзом держав, получивших эффективный политический контроль над ключевыми центрами силы Евразии. Он также понимал, что доминирующая англо-американская морская держава в самом широком смысле является ключом к обеспечению геополитического плюрализма Евразии. Эти соображения он системно развил в книге «Влияние морской силы на французскую революцию и Империю»[473], написанной им в 1892 году. В последующих статьях и книгах А. Мэхэн точно представил себе геополитическую борьбу 20-го и 21-го веков. В «Интересах Америки в международных условиях» (1910), А. Мэхэн предвидел первую Мировую Войну и геополитические условия, приведшие ко Второй мировой войне.

Он признавал, что Германия, занимающая центральное положение в Европе, с её непревзойденным промышленным и военным потенциалом на континенте, представляет угрозу для Великобритании и, в конечном счете, США. «Германский военно-морской флот, ставший крупнейшим после возможного падения Великобритании, предупреждал он, вместе с германской армией, способны легко выделить большие экспедиционные силы для морских операций, что является одним из возвожных вариантов будущего». Соперничество между Германией и Великобританией сегодня, продолжал он, «представляет опасность не только для европейской, но и для мировой политики». Его прогнозы подтвердились в ближайшие 35 лет[474].

Как отмечает в своем фундаментальном исследовании геополитики А.Г. Дугин, в своих работах А. Мэхэн не использует термин ни «геополитика», ни понятие «геостратегия», но методика его анализа и основные выводы о преимуществе морских и океанских держав над континентальными соответствуют сугубо геополитическому подходу.

Концепция Морской силы, была сформулирована А. Мэхэном в контексте обоснования первостепенного влияние морских вооруженных сил на исход войн и судьбы государства. А. Мэхэн пытается установить непосредственную связь между географическим положением государства, его процветанием и наличием морской мощи. Для анализа позиции и геополитического статуса государства им предложено 6 критериев:

– географическое положение государства – его открытость морям, возможность морских коммуникаций с другими странами, протяженность сухопутных границ, способность контролировать стратегически важные районы и угрожать своим флотом территории противника;

[473] Mahan A. T. The Influence of Sea Power Upon the French Revolution and Empire, 1793-1812. Cambridge University Press, 2010 г. – 428 p.

[474] Горшков С. Г. Морская мощь государства. – Изд. 2-е, доп. – М.: Воениздат, 1979. – 416 с.

– «физическая конфигурация» государства – конфигурация морского побережья, количество портов, гаваней, бухт, от наличия которых зависит процветание торговли и стратегическая защищённость;

– протяженность территории равная протяженности береговой линии;

– количество населения и способность государства строить и обслуживать корабли.

– национальный характер – способность к занятию торговлей, к основанию колоний, к мореплаванию;

– политический характер правления – от которого зависит переориентация лучших природных и человеческих ресурсов на созидание мощной морской силы[475].

Возможно, концепция «Морской силы» так и осталась бы только интересной геополитической теорией, а имя адмирала А. Мэхэна называлось бы в общем списке теоретиков геополитики, работавших в этом ключе, таких как Х. Маккиндер, Н. Спайкмен, Д. Фейргрив, К. Хаусхоффер, если бы не одно важное обстоятельство. Идеи А. Мэхэна предназначались в первую очередь Америке и американцам. Он считал, что у США «морская судьба» («Manifest Destiny»), которая заключается на первом этапе в стратегической интеграции всего американского господства.

Теория А. Мэхэна не столько опередила свое время, сколько поражает точностью геостратегического прогноза. Ведь в эпоху, когда он писал свои основные труды, США еще не вошли в разряд передовых мировых держав, и более того, не был очевиден даже «морской цивилизационный тип» этого государства. За 10 лет до теории Х. Маккиндера, который относил США к «сухопутным державам», входящие в состав «внешнего полумесяца» лишь как стратегическое продолжение морской Англии (об этом порассуждаем чуть ниже), А. Мэхэн предсказывал США планетарную судьбу, становление ведущей морской державой, прямо влияющей на судьбы мира.

Крайне интересно отметить следующий факт: главными врагами США как «морской цивилизации» А. Мэхэн считал континентальные государства Евразии - в первую очередь, Россию и Китай, а во вторую – Германию. Для борьбы с этими странами А. Мэхэн предлагал использовать «принцип анаконды». Это принцип заключается в блокировании вражеских территорий с моря и по береговым линиям, что приводит постепенно к истощению противника. Перенеся этот принцип на планетарный уровень, А. Мэхэн предлагал удушать в «кольцах анаконды» континентальную массу, сдавливая её за счет выведенных из-под её контроля береговых зон и перекрывая по возможности выходы к морским пространствам.

[475] Дугин, А. Г. Основы геополитики: Геополит. будущее России / Александр Дугин. – Москва: Арктогея, 1997. – 599 с.

В годы Первой мировой войны эта стратегия реализовалась в блокаде побережья Германии и «запирании» ее военно-морского флота в портах Киля и Гамбурга, а позже – в поддержке со стороны Антанты белому движению по периферии Евразии (как ответ на заключение большевиками Брестского мира с Германией). В период Второй мировой войны она также была обращена против контролируемой нацистами Европы, и в частности, через военно-морские операции против стран Оси.

Но особенно четкое воплощение эта стратегия обрела в эпоху холодной войны, когда для противодействия СССР по всему периметру его западных границ и периферии его военно-политического влияния были размещены базы НАТО, львиная доля которых продолжает действовать против нашей страны и сегодня, спустя более 30 лет после развала СССР. Более того, с момента самороспуска Организации Варшавского договора бывшие его участники были в течение 1999–2023 гг. инкорпорированы в НАТО без учета интересов безопасности России. А с момента обострения военно-политической обстановки в Европе в ответ на начало проведения Россией специальной военной операции на Украине, страны НАТО интенсифицировали перемещение военной инфраструктуры и военных контингентов блока непосредственно к сухопутным и морским границам РФ, напрямую угрожая Калининградской области и ключевому союзнику России в регионе – Республике Беларусь. Таким образом, концепция А. Мэхена вполне релевантна и сегодня, несмотря на качественное и техническое преобразование флота (замена тяжелого линейного флота авианосными ударными группами и кратное возрастание роли стратегического подводного флота) и изменение доктринальных основ его боевого применения.

Но если А. Мэхэн был «практиком», а значит, его идеи больше соответствовали выстраиванию перспективной геостратегической линии США, то системное понимание американской геополитики следует искать в трудах Х. Маккиндера, завершив выстраивание концептуальной причинно-следственной связи одним из виднейших его последователей на современном этапе развития международных отношений – З. Бжезинским.

Итак, сэр Хэлфорд Джон Маккиндер (1871–1947) – английский географ, преподаватель Оксфордского университета, первый ректор Лондонской школы экономики, член палаты общин парламента Британии, один из основателей геополитики как науки. В своем основном труде «Географическая ось истории»[476] Х. Маккиндер ввел понятие Хартленда, обозначив так центральную часть Евразии, вокруг которой расположены внутренняя дуга (Европа – Аравия – Индокитай) и периферийная дуга (Америка – Африка – Океания).

[476] Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории. Изд. Neoclassic Серия Эксклюзивная классика. 2024, – 352 с.

«Кто контролирует Хартленд, тот контролирует весь мир», писал Х. Маккиндер. В 1919 году в работе «Демократические идеалы и реальность» он развил свои идеи, подкрепив географические детерминанты социально-политическими и культурно-историческими положениями[477].

В частности, в указанной работе он утверждал, что внутренняя Азия и восточная Европа (хартленд) стали стратегическим центром «Мирового острова» в результате относительного упадка морской мощи по сравнению с сухопутной мощью и экономического и промышленного развития Южной Сибири. Интересно то, что столь инновационные для мировой морской державы взгляды были изложены Маккиндером в начале 1919 года, когда проходила Парижская мирная конференция.

Роль Великобритании и Соединенных Штатов, по его мнению, заключалась в сохранении баланса между державами, борющимися за контроль над мировым центром – хартлендом. В качестве дополнительного стабилизирующего фактора он призвал к созданию группы независимых государств, разделяющих Германию и Россию, во многом в соответствии с принципами, окончательно навязанными Версальским мирным договором.

Развитие идей Маккиндера получило неожиданное продолжение, поскольку немецкий геополитик Карл Хаусхофер воспользовался концепцией хартленда для обоснования своего грандиозного замысла по контролю над Мировым островом (Евразией). Таким образом, как во время Второй мировой войны, так и по ее окончанию высказывались спекулятивные предположения, что Маккиндер через Хаусхофера вдохновлял Гитлера. Но ирония обстоит в том, что в отношении России взгляды британских империалистических элит, к каковым, безусловно, относился сэр Х. Маккиндер, совпадали с идеями нацистских квази-теоретиков практически полностью.

В январе 1920 года, находясь в Марселе по возвращении из годичной «командировки» в контролируемую белым движением Южную Россию, Х. Макиндер пишет докладную записку британскому правительству, в которой подробно обрисовывает те государства, которые, по его мнению, должны появиться на территории Российской империи. Это Белоруссия, Украина, Южнороссия, Дагестан (включающий весь Северный Кавказ), Грузия, Армения, Азербайджан. Если срочно не создать эти марионеточные государства под контролем западноевропейских держав, уверяет английский геополитик, то рано или поздно большевики укрепятся на всем пространстве бывшей Российской империи и дадут бой «цивилизации Моря»[478].

---

[477] Mackinder, Halford John, Sir, 1861–1947. Democratic ideals and reality: a study in the politics of reconstruction /

by Sir Halford J. Mackinder; London: Constable and Company, ltd.. 1919, – 272 p.

[478] Mackinder H. Situation in South Russia 21 Jan. 1920/Documents on foreign policy 1919-1939. First series. V. III, 1919. London 1949. p. 786–787.

В 1924 году, обобщая опыт Первой мировой войны и первого послевоенного пятилетия, Маккиндер опубликовал свою пророческую теорию атлантического сообщества, которая нашла свое практическое воплощение после Второй мировой войны и приняла военную форму в Организации Североатлантического договора (НАТО). В брошюре «Нации в современном мире» он писал: «Западная Европа и Северная Америка отныне составляют со многих точек зрения единую общность наций. Этот факт полностью был обнаружен тогда, когда американские и канадские армии пересекли Атлантику для сражений во Франции в эпоху великой войны…»[479]. Таким образом, именно с 1924 года мы можем отсчитывать историю осознанного, последовательного и геополитически концептуализированного атлантизма, внутри которого центр тяжести будет постепенно смещаться от Великобритании к США.

В тот самый период, когда Х. Маккиндер пишет «Демократические идеалы и реальность», обосновывая расчленение России геополитическое господство британо-американского тандема, в Европе участниками американской делегации, приехавшей для участия в Версальской конференции, принимается решение, которое будет иметь огромные последствия для англосаксонской геополитики в течение всего XX века. Это было решение о создании «Совета по внешней политике» (Counsil on Foreign Relations, сокращенно CFR)[480].

Эта организация впоследствии стала центром институционализации всей англосаксонской и, шире, западной геополитической традиции, ставящей во главу угла «цивилизацию Моря» и перспективу ее планетарного доминирования. С самого момента своего появления CFR стремится быть интеллектуальным центром глобальной политики, своего рода предвосхищением «мирового правительства», понимаемого как инстанция глобального контроля от лица геополитического субъекта «цивилизации Моря». Геополитика отныне будет преимущественно развиваться в рамках этой организации и связанных с ней научных, политических и разведывательных институтов.

В результате обсуждений на полях Парижской конференции небольшая группа британских и американских дипломатов и учёных встретилась 30 мая 1919 г. в отеле Majestic, где было принято решение о создании сразу двух ветвей по сути единого интеллектуального стратегического и геополитического центра. Американская ветвь получила название «Council on Foreign Reelations», а английская – «Royal Institute of International Affairs» («Королевский Институт Международных Дел»).

---

[479] Mackinder H. The Nations of the Modern World: An Elementary Study in Geography and History. London: George Philip, 1924 – 286 p.

[480] Quigley Carroll. Tragedy and hope. A History of the World in Our Time. New York: Macmillan, 1966. – 1348 p.

Геостратегическая мысль в США, несмотря на определенную секретность и закрытость, связанные с CFR и форматом деятельности этой организации, развивалась и в более откровенном и эксплицитном ключе. Значительный вклад в развитие классической геополитики и трансформацию ее в практическую геостратегию внес американец голландского происхождения Николас Джон Спикмен (1893–1943). Н. Спикмен считается также основателем традиции «реализма» в американской политике. Две свои основные работы он написал в первой половине 1940-х годов, развивая и частично пересматривая идеи Х. Маккиндера[481].

Н. Спикмен, внимательно изучивший труды Х. Маккиндера, предложил свой вариант базовой геополитической схемы, несколько отличающейся от модели Х. Маккиндера. Основной идеей Н. Спикмена было то, что Х. Маккиндер, якобы, переоценил геополитическое значение Heartland. Эта переоценка затрагивала не только актуальное положение сил на карте мира, в частности, могущество СССР, но и изначальную историческую схему. Н. Спикмен считал, что географическая история «внутреннего полумесяца», Rimland, «береговых зон», осуществлялась сама по себе, а не под давлением «кочевников Суши» (как считал Х. Маккиндер)[482].

С точки зрения Н. Спикмена, Heartland является лишь потенциальным пространством, получающим все культурные импульсы из береговых зон и не несущим в самом себе никакой самостоятельной геополитической миссии или исторического импульса. Rimland, а не Heartland является, по мнению Н. Спикмена, ключом к мировому господству. Геополитическую формулу Х. Макиндера «Кто контролирует Восточную Европу, управляет «сердечной землей» (Heartland), кто управляет «сердечной землей» (Heartland), тот управляет «мировым островом»; кто управляет «мировым островом», тот правит миром»[483]

В принципе, Н. Спикмен не сказал этим ничего нового. И для самого Х. Маккиндера «береговая зона», «внешний полумесяц» или Rimland, были ключевой стратегической позицией в контроле над континентом. Но Х. Маккиндер понимал эту зону не как самостоятельное и самодостаточное геополитическое образование, а как пространство противостояния двух импульсов – «морского» и «сухопутного». При этом он никогда не понимал контроль над Heartland в смысле власти над Россией и над прилегающими к ней континентальными массами.

---

[481] Spykman Nicholas J. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. Routledge, 2017 г. – 525 p.

[482] А. Дугин. Геополитика / Катехон. Информационно-аналитическое издание. – URL : https://katehon.com/ru/bind/geopolitika (дата обращения:12.06.2025). Текст : электронный.

[483] Mackinder H. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Washington, D.C.: National Defense University Press, 1996. p. 106.

В своих книгах «Американская стратегия в мировой политике» и «География мира» Н. Спикмен выделяет 10 критериев, на основании которых следует определять геостратегическое могущество государства: поверхность территории, природа границ, количество населения, наличие или отсутствие полезных ископаемых, экономическое и технологическое развитие, финансовая мощь, этническая однородность, уровень социальной интеграции, политическая стабильность, национальный дух.

Если суммарный результат оценки геополитических возможностей государства по этим критериям оказывается относительно невысоким, это почти автоматически означает, что данное государство вынуждено вступать в более общий геостратегический союз, поступаясь частью своего суверенитета ради глобальной геостратегической протекции. Именно этот принцип в настоящий момент реализуется США по отношению к своим сателлитам в рамках НАТО и экономическим партнерам.

Помимо переоценки значения Rimland Н. Спикмен внес еще одно важное дополнение в геополитическую картину мира, видимую с позиции «морского могущества». Он ввел понятие «срединного океана» («Midland Ocean»). В основе этого геополитического представления лежит аналогия между Средиземным морем в истории Европы, Ближнего Востока и Северной Африки в древности и Атлантическим океаном в новейшей истории западной цивилизации.

Так как Н. Спикмен считал именно «береговую зону», Rimland, основной исторической территорией цивилизации, то Средиземноморский ареал древности представлялся ему образцом культуры, распространившейся впоследствии внутрь континента (окультуривание «варваров Суши») и на отдаленные территории, достижимые с помощью морских путей (окультуривание «варваров Моря»).

Подобно этой средиземноморской модели, в новейшее время в увеличенном планетарном масштабе то же самое происходит с Атлантическим океаном, оба берега (американский и европейский) которого являются ареалом наиболее развитой в технологическом и экономическом смыслах западной цивилизации.

В итоге, Н. Спикменом определяется особая геополитическая область, которую можно назвать условно «атлантическим континентом», в центре которого, как озеро в сухопутном регионе, располагается Атлантический океан. Этот теоретический концептуальный «континент» связан общностью культуры западноевропейского происхождения, идеологией либерал-капитализма и демократии, рыночной экономики, проблемами безопасности, единством политической, этической и технологической судьбы[484].

[484] Макошев А.П. Политическая география и геополитика: Учебное пособие. – Горно-Алтайск, 2005 – 125 с.

Таким образом, Н. Спикмен предвосхитил важнейшие политические процессы в послевоенном мире: создание «Североатлантического союза» (НАТО), уменьшение суверенности европейских держав, планетарную гегемонию США и т.д. Идеи Н. Спикмена, как и идеи позднего Х. Маккиндера, оказали огромное влияние на двух значительных политических деятелей США – Госсекретаря США Джона Фостера Даллеса (1888–1959)[485], старшего брата директора ЦРУ в 1953–1961 годах Алена Даллеса (1893–1969), и на дипломата, политолога и историка Джорджа Кеннана (1904–2005), автора «стратегии сдерживания»[486], которая стала основной программой холодной войны[487]. Д. Даллес и Д. Кеннан были главными теоретиками развертывания геостратегического давления на СССР с опорой на Европу. Показательно, что программный материал Д. Кеннана, где впервые упоминается идея «сдерживания» в отношении СССР, была опубликована в «Foreign Affaires», журнале CFR.

Особенно стоит остановиться на близких по стилю к Н. Спикмену и его реализму работах австро-американского ученого и дипломата Роберта Штраусц-Гупе (1903–2002), автора принципиальных для англосаксонской геополитики работ по оценке мирового баланса сил в 1940-х годах («Геополитика: борьба за пространство и могущество») и одного из ведущих архитекторов американской глобальной стратегии во второй половине XX века («Баланс завтрашнего дня»)[488]. Подход Р. Штраусц-Гупе состоит в том, что США в ходе войны и после ее завершения необходимо выстроить такую конфигурацию зон влияния в мире, чтобы она неизбежно и неуклонно привела США к мировому господству, к превращению в единственную мировую державу, к подавлению любых возможных конкурентных образований, в первую очередь, к удушению СССР во внутриконтинентальном пространстве Евразии и к предотвращению дальнейшего усиления и расширения зоны советского влияния.

Так еще в начале 1940-х годов складывалась модель американской стратегии, направленной приоритетно против СССР как сухопутного могущества» (Landpower), которая стала официальной доктриной США с конца 40-х годов XX века. Как мы видим, в основе такого видения баланса сил лежит не столько идеология или экономические соображения конкуренции, сколько геополитика и ее неизменные постулаты.

---

[485] Immerman Richard H. John Foster Dulles: Piety, Pragmatism, and Power in U.S. Foreign Policy. New York: SR Books, 1998. – 221 p.

[486] Kennan George F. Russia, the Atom, and the West. New York: Harper, 1958. – 116 p.

[487] Kennan George F. The sources of Soviet conduct, Foreign Affairs. An American Quarterly Review. Juillet 1947, No 4; Vol. 25 New York: Council of Foreign Affairs. auteur: M. X , p. 566-582.

[488] Strausz-Hupé Robert G.P. The Balance of Tomorrow: Power and Foreign Policy in the United States. Putnam's Sons, 1945 – 302 p.

Наиболее известным и влиятельным геостратегическим преемником Маккиндера был Збигнев Бжезинский (1928–2017), который был советником всех девяти президентов США с 1963 года до своей смерти в 2017 году.

В 1997 г. он опубликовал книгу, в которой с поразительной открытостью и ясностью изложил цели геостратегии США: «Великая шахматная доска: американское превосходство и его геостратегические императивы»[489]. В ней Бжезинский считает, что евразийское сообщество – по сути, союз Западной Европы с Россией – может быть опасным для господства США. Согласно Бжезинскому, нельзя допустить возникновения новой евразийской империи, которая могла бы помешать Америке реализовать свою геостратегическую цель – доминировать на этом пространстве. Характерно, что Украина в этом отношении имеет особое значение: еще в 1997 г. З. Бжезинский предусматривал постепенную интеграцию Украины в концепцию США на десятилетие с 2005 по 2015 гг. Успех этой интеграции он видел ключевым моментом для сохранения превосходства США.

Ключевой нарратив З. Бжезинского в отношении разделения России и Украины следующий: «Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Она еще может претендовать на имперский статус, но тогда она станет преимущественно азиатской империей, которая, по всей вероятности, будет втянута в разрушительные конфликты с мятежными государствами Центральной Азии, которые не смирятся с потерей недавно обретенной государственности и получат поддержку от других исламских государств на юге». В противном случае, как полагает З. Бжезинский, Россия станет контролирующей евразийской великой державой – и, как уже говорилось, не позволит США стать гегемоном.

Это также объясняет, почему украинский конфликт настолько важен для англосаксов и их вассалов, что они вкладывают в него сотни миллиардов. Для англосаксов под руководством США успех России в этом конфликте опасен для жизни: по мнению З. Бжезинского, их мировое господство окажется под угрозой.

Подводя итог анализу геостратегической линии США, предлагаем особо выделить ключевой ее компонент: преемственность. Основным геополитическим императивом внешнеполитической стратегии США является противодействие возникновению центра силы в Евразии или объединению государств, способных противодействовать созданию секулярного нового мирового порядка[490].

---

[489] Бжезинский З. Великая шахматная доска: американское превосходство и его геостратегические императивы. Москва Изд. Международные отношения. 2010 – 254 с.

[490] Современная политэкономия : учебное пособие / В. Г. Гусаков [и др.]; под ред. В. Г. Гусакова. – Минск : РИВШ, 2022. – 463 с.

Внешнеполитический курс США содержит в себе геополитическую аксиому, согласно которой усилия Вашингтона должны быть направлены на предотвращение объединения ресурсов Евразии или возникновения на ее территории противника интересам США в лице одного государства или их группы, способных бросить вызов Америке. Этот базовый принцип американской внешней политики использовался Белым домом уже после принятия доктрины «сдерживания» коммунизма, разработанной, как отмечалось выше, Дж. Кеннаном в 1947 г. Однако если в период холодной войны основные стратегические ресурсы США были направлены против СССР, то сегодня усилия Вашингтона направлены на «сдерживание» России, Китая и процесса евразийской интеграции.

Программная особенность внешнеполитического курса США: геополитическая установка на подрыв мощи своих соперников в Евразии остается неизменной. Она весьма наглядно выражена в тезисах полковника ВВС США Дж. Бойда, который развил идеи китайского военного стратега Сунь Цзы следующим образом: «Морально, духовно, физически изолировать наших противников от их союзников и внешней поддержки, а также изолировать их друг от друга, чтобы усилить их внутренние трения, породить паралич, вызвать развал и/или добиться изменения их политического/экономического/социального мышления, чтобы они были не в состоянии мешать нашим жизнеспособности и росту»[491].

Использование таких методов во внешнеполитическом и военном планировании США позволило архитекторам нового мирового порядка существенно повлиять на распад Советского Союза, привести к власти радикальные элементы в ряде государств.

По такому сценарию США содействовали цветным революциям на постсоветском пространстве, включая государственный переворот на Украине в 2014 году, попытки аналогичных переворотов в Беларуси в 2020 и Казахстане в 2022 гг. Именно на такой геостратегической платформе разработана так называемая доктрина «управляемого хаоса», примененная Госдепом в ходе т.н. «арабской весны» в 2010–2011 гг.

На современном этапе попытки США осуществить геополитический раскол Евразии, в частности, вбить клин в отношения между объединенной Европой и ЕАЭС проявились в рамках политики санкций. Предлогом для санкций в отношении России послужило вначале воссоединение Крыма с Россией, а начиная с 2022 года – начало специальной военной операции в ответ на не прекращавшиеся акты терроризма со стороны вооруженных сил Украины в отношении русскоязычного населения ДНР и ЛНР.

[491] Ричард Ч.У. Мобильные, неуязвимые вооруженные силы: Обзор оборонной политики США глазами Сунь-Цзы и Джона Бойда / Под ред. В. Белоуса, И. Сафранчука. М., 2002. – 109 с.

Такая политика обусловлена неизменным стремлением Запада подорвать оборонную мощь России, окружить ее территорию плотным кольцом военных баз в соответствии с описанной З. Бжезинским тактикой «анаконды»[492], создать систему ПРО, способную подавить ракетно-ядерную мощь страны и таким образом свести на нет эффективность удара возмездия. Вашингтон также использовал кризис на Украине в целях наращивания военной мощи НАТО в Восточной Европе и государствах Балтии, что мы и наблюдаем в настоящий момент.

Подводя итоги, следует отметить, что становление нового мирового порядка – многовекторный и долгосрочный процесс, а формирующаяся многополярная система находится в фазе переходного периода. Ее основные характеристики (несбалансированность, децентрализация, слабая предсказуемость), обозначились, но в концептуальном плане сложно спрогнозировать, каким будет миропорядок при разноплановых геостратегических тенденциях.

Широкие дискуссии с участием представителей всех государств мира (в том числе на площадках ООН), по вопросам становления нового миропорядка могли бы стать примером конструктивного взаимодействия в крайне нестабильное время. Перед лицом глобальных вызовов требуется коллективное управление на справедливых и равных началах, вовлеченность широкого круга государств в мировые политические процессы.

Российской Федерации следует вовлекать новых игроков (страны БРИКС, Турция, КНДР, Венесуэла и др.) в глобальное управление, создавать новые партнерства в области мирового развития, разработать кодекс поведения, некий механизм реагирования на риск случайной эскалации и сформировать коллективный интерес за счет «свежих» инициатив общемирового уровня.

Для российских исследователей, при разработке научных исследований, предлагается использовать долгосрочное сценарное геостратегическое прогнозирование, которое позволяет изучить и обосновать многочисленные проблемы становления нового миропорядка, будущий потенциал государств, крупных макрорегионов и мировых цивилизаций.

[492] Бжезинский З. «Петля анаконды». Стратегия геополитического превосходства. Изд. Родина.2020 – 224 с.

2.5. Исторические этапы и эволюция отечественной геостратегии

Исторический опыт убедительно показывает, что судьба любого государства в значительной степени зависит от разработки и реализации верного стратегического курса. Применительно к нашей стране о зарождении первых элементов геостратегии возможно говорить с момента складывания вокруг Москвы единого государства во второй половине XV века. Данный процесс хронологически совпал с началом эпохи Великих географических открытий, когда к европейцам пришло окончательное понимание реальных размеров земного шара, а планы освоения ими новых территорий приобрели истинный геостратегический размах.

Географическая особенность положения русских земель заключалась в том, что они располагались в центре огромного европейско-азиатского региона, на стыке нескольких мировых цивилизаций. Оказавшись на магистральных путях великого переселения народов, они неоднократно переживали на себе натиск различных внешних сил, становясь ареной яростного противоборства.

Наиболее разрушительными стали походы Батыя (Бату-хана) в 1237–1241 годах, в ходе которых русские княжества, располагавшиеся на территории Восточно-Европейской равнины, претерпели серьёзное разорение и попали в зависимость от одного из самых могущественных государств Евразии эпохи средневековья, получившего в историографии название Золотая Орда (Улус Джучи).

В данных обстоятельствах важная роль в выживании и сохранении самоидентичности русских земель принадлежит Московскому княжеству, правители которого начиная с Ивана Калиты (середина 1280-х – 1340) смогли определить оптимальный путь выстраивания отношений с золотоордынскими ханами, одновременно осуществляя постепенное собирание территории северо-восточной Руси под своей властью. Выбранный курс, последовательно проводимый на протяжении нескольких поколений московских князей, позволил в итоге добиться значительных исторических результатов, которые получили своё окончательное закрепление в период правления Ивана III (1440–1505).

В первую очередь это касается завершения формирования вокруг Москвы ядра единого государства, что позволило начать именовать в ряде официальных документов Ивана III «великим князем всей Руси и самодержцем». В это же время в качестве обозначения нового политического образования в употребление стал входить термин Россия.

Концентрация значительных сил и ресурсов в единых руках московских правителей позволило им приступить к более чёткому определению жизненных интересов государства и более активному их отстаиванию, как по средствам дипломатии, так и военной силы.

Здесь, с определённой долей условности и учётом погрешности на состояние тогдашней научной мысли, уровень мировоззрения, экономики и военного дела, можно констатировать появление первых признаков стратегического планирования развития государства.

В указанное время правителями России определяется несколько приоритетных направления приложения основных усилий государства. Во-первых, полное объединение всех земель, населённых восточнославянскими народами и исповедующих одну православную веру, под своей верховной властью. Во-вторых, получение широкого выхода к Балтийскому и Чёрному морям и уверенное закрепление на их берегах. В-третьих, движение на восток с постепенным присоединением, адаптацией и инкорпорированием осколков бывшей империи Чингисхана и его потомков, а также исследованием и освоением новых территорий Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока и Центральной Азии.

Одновременно под решение указанных задач подводилось идеологическое обоснование, которое в ту глубоко религиозную эпоху, носило преимущественно богословский характер. Так, около 1523–1524 гг. псковским монахом Филофеем была сформулирована концепция, что Москва является «Третьим Римом», то есть выступает в качестве нового центра православия после завоевания Константинополя турками-османами, а великий князь московский – преемник римских и византийских императоров. Отстаивание данного тезиса фактически закрепляло за Москвой статус нового лидера христианского мира (по крайней мере, его православной ветви)[493].

В свою очередь процесс религиозного обоснования растущей мощи нового русского государства подкреплялся усилиями по формированию его историко-политических основ. Здесь акцент был сделан на продвижении таких идей, как происхождении правящей династии Рюриковичей от брата римского императора Августа и о преподнесении византийским императором Константином IX Мономахом в первой четверти XII века царских регалий (в том числе головного убора, изготовленного из драгоценных материалов) в дар своему внуку одному из самых уважаемых русских князей Владимиру Всеволодовичу (1053–1125), получившему в результате столь высокого знака внимания прозвище «Мономах». Активно использовался и факт бракосочетания Ивана III с племянницей последнего византийского императора Софьей Палеолог, состоявшийся в 1472 году, что позволило великому князю начать применять в качестве одного из символов своего государства византийский герб в виде двуглавого орла.

[493] Григорьева Т. Откуда пошло выражение «Москва – Третий Рим» // «Культура.РФ»: [сайт]. – URL: https://www.culture.ru/s/vopros/msk-tretiy-rim/?ysclid=ltg5lmti7y242606810 (дата обращения: 06.08.2025). – Текст : электронный.

Все указанные меры в своей совокупности преследовали одну главную цель – дать идеологическое обоснование растущей мощи единого русского государства, аргументировать его претензии на одно из ведущих мест и правовых оснований на роль преемника Византийской империи и одного из лидеров христианского мира. В результате формируемые государственные интересы, связанные с расширением территории страны, получили идейное оформление. С одной стороны – собирание под властью Москвы всего наследия первых Рюриковичей, значительную часть которого предстояло отвоевать у Великого княжества Литовского. С другой стороны – намечавшееся противостояние с Османской империей и его вассалом в лице Крымского ханства, которое получило оформление в виде священной борьбы за сохранение христианской веры и защиты покорённых турецкими правителями христианских народов.

Значимыми мероприятиями, внёсшими существенный вклад в идеологическое оформление статуса России в качестве суверенного игрока на политической карте Евразии, стали венчание в 1547 году на царство Ивана IV (1530–1584) и введение в 1589 году патриаршества.

Анализ исторического опыта позволяет констатировать, что решение всех трёх сформировавшихся в процессе создание единого государства задач, во многом осуществлялось синхронно и носило объективный, масштабный, стратегический характер, растянувшись на несколько столетий. В определённой степени свою актуальность они сохраняют и в настоящее время в условиях очередного глобального изменения мирового порядка.

В качестве одной из отправных точек начала данного пути следует считать стояние на реке Угре осенью 1480 года. В ходе него войсками Ивана III была предотвращена попытка вторжения на территорию русского государства сил хана Большой Орды Ахмеда. В отечественной историографии данное событие справедливо оценивается как полное прекращение зависимости Московского княжества от власти наследников Чингисхана и окончательное приобретение суверенного статуса.

После решения данной задачи, процесс собирания русских земель под властью московских правителей получил новый импульс. Здесь объективной необходимостью становилось стратегическое противостояние с Великим княжеством Литовским, захватившим к тому моменту значительную часть владений бывшего Древнерусского государства. Первая война 1492–1493 гг. не принесла решительного результата. Более успешной оказалась следующая война 1500–1503 гг. Объективно оценив свои силы и силы противника, поставив реалистичные цели и придерживаясь тактики активных наступательных действий, Ивана III сумел добиться убедительной победы и присоединил к своему государству значительную часть бывшего «наследия Рюриковичей».

По мнению ряда военных историков, оно составило до трети территории Литвы, населённой преимущественно православными жителями.

Анализ источников показывает, что Ивана III столь же умело действовал и на других направлениях. Так, в рамках постепенного продвижения и закрепления на берегах Балтийского моря, Московское государство стало более активно вмешиваться в противоречивые и сложные взаимоотношения в Северной Европе, основанные на морской торговле. Здесь позиция московского князя была близка датскому двору, что привело к заключению в 1493 году русско-датского союза. Помимо взаимовыгодной торговли он предусматривал совместные оборонительные действия против Швеции и Великого княжества Литовского[494].

Одновременно, стремление основателя российской государственности приступить к решению жизненно необходимого вопроса – получению прочного выхода к Балтийскому морю, привели к обострению отношений с Ливонским орденом. В ходе русско-ливонской войны 1480–1481 гг. последний оказался ослаблен в результате понесённого поражения. Данное обстоятельство позволило Ивану III в 1492 году начать строительство Ивангорода и закрыть в 1494 году так называемое «немецкое подворье» в Великом Новгороде с целью устранения монополии ганзейской торговли на Балтике[495].

В конце XV века, после присоединения к Московскому княжеству Вятской и Пермских земель, начался процесс освоения земель, лежащих за Уралом. Русские отряды стали всё более активно продвигаться вглубь Сибири и основывать там крепости. Некоторые исследователи считают данный процесс, начало которого хронологически совпало с эпохой великих географических открытий, вкладом отечественных первопроходцев в изучение европейцами ранее неизвестных им мест на нашей планете.

Следует подчеркнуть, что стратегический курс, взятый Иваном III, продолжил его сын и преемник на великокняжеском престоле Василий III (1479–1533). Среди его главных достижений следует отметить присоединение к своим владениям новых территорий, а также активное противоборство с Великим княжеством Литовским за лидерство в собирании под своей властью всех русских земель. Так, в состав единого русского государства в 1510 году вошли псковские земли, а в 1521 году – Рязанское княжество. В 1507–1508 годах. состоялась очередная русско-литовская война, не принёсшая обеим сторонам значительных результатов.

---

[494] Любая А.А. Призрак «Ягеллонской идеи» и Балтийский мир в конце XV века // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в.: Сб. науч. статей / Отв. ред. А.И. Филюшкин. М.: Квадрига, 2010. – С. 15.

[495] Бессуднова М.Б. Действия разведывательной службы Ливонского ордена в пределах русских земель на рубеже XV–XVI веков // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в.: Сб. науч. статей / Отв. ред. А.И. Филюшкин. М.: Квадрига, 2010. – С. 19–20.

В отличие от неё, противостояние 1512–1522 годов, не смотря на неудачу, постигшую московские войска в битве под Оршей в 1514 году, завершилось взятием и последующим включением в состав Русского государства Смоленска, важного города, прикрывавшего с запада путь на Москву. Значительный интерес с точки рения изучения истории отечественной геостратегии представляет время правления Ивана IV, получившего в историографии прозвище «Грозного».

В указанное время процесс решения задач по отстаиванию жизненных интересов молодого русского государства вышел на новый уровень. Не смотря на наличие ряда неудач, в целом он был достаточно успешным и привёл к существенному расширению его границ. При этом в состав России были включены земли, населённые не только православными христианами, но и народами, исповедовавшими другие религии, включая ислам. Всё это стало превращать её в многонациональную, поликонфессиональную страну.

Важнейшую роль на пути обеспечения безопасности государства, имевшего стратегическое значение, имело присоединение к России Казанского ханства в 1552 году. Ранее московские правители собирали под своей властью преимущественно «наследие Рюриковичей», земли, некогда входившие в состав Древней Руси. В данном же случае в его состав был включён один из ключевых элементов уже «наследия Чингисхана».

Для современников, живших в XVI веке, это имело большое смысловое значение. Становилось ясно, что московские правители, принявшие титул царя, претендуют на верховную власть не только в бывших древнерусских землях, но и на территориях, некогда входивших в состав империи Чингисхана и его потомков.

В 1556 году к России было присоединено Астраханское ханство, ещё один осколок Золотой Орды. Два указанных события в значительной степени обезопасили границы русского государства и открыли путь для дальнейшего более активного продвижения на восток и юг, в сторону Сибири, побережья Каспийского моря, на Северный Кавказ и в Центральную Азию.

Особое значение имело освоение Сибири и Дальнего Востока. Используя сложившиеся благоприятные условия, русские власти на протяжении последующих нескольких столетий прилагали существенные усилия для их исследования и интегрирования в состав России. При этом применялись самые различные подходы и методы, от использования отрядов первопроходцев, снаряжаемых в частном порядке, до регулярных воинских команд. Здесь следует отметить поход отряда казаков под предводительством Ермака в 1581–1585 годах. В ходе него был начат процесс присоединения очередного обломка империи Чингисхана – Сибирского ханства, что в определённой степени расчистило путь для дальнейшего движения вглубь новых территорий.

Следует отметить, что продвижение русских на восток носило форму колонизации, особенность которой заключалась в том, что открываемые земли рассматривались не столько в качестве источника активной эксплуатации местного населения и обогащения за его счёт, сколько как новые владения, входящие в состав российского государства.

В связи с этим продвижение вооружённых отрядов и строительство опорных пунктов в виде крепостей подкреплялось постепенным освоением данных территорий русскими переселенцами и созданием определённой инфраструктуры.

Осознание важности данного процесса, получившего существенный импульс в период правления Ивана IV, стало приходить несколько позже, в XIX–XX веках, когда в эпоху промышленного переворота и научно-технической революции природные богатства Сибири и Дальнего Востока стали одним из главных условий экономической самостоятельности России и обеспечения её безопасности и суверенитета.

Другим важным направлением, на котором первый русский царь сосредоточил свои усилия, стало продвижение в сторону Балтийского моря. Успешное присоединение Казани и Астрахани, позволило Ивану IV сосредоточить свои основные усилия на данном направлении.

Начавшаяся в 1558 году Ливонская война стала самой крупной из всех, которые Россия вела в XVI веке. Она длилась до 1583 года и потребовала напряжения всех сил государства.

Следует отметить, что она проходила в условиях неудачно складывающейся дипломатической обстановки, приведя к втягиванию в неё в качестве противников Швеции, Польши и Литвы.

При этом два последних государства в ходе её ведения, по средствам заключения в 1569 году Люблинской унии, объединились в единое государство Речь Посполитую. Дополнительно ситуация осложнялась тем, что нашим противникам удалось привлечь на свою сторону Османскую империю и Крымское ханство, которые своими действиями на южных границах России отвлекали силы последней от основного театра происходившего противоборства.

Несмотря на то, что боевые действия длились порядка 25-ти лет, поставленная Иваном IV задача не была решена. Однако выбранный им путь оказался верным, свидетельством чему и стало ожесточённое сопротивление со стороны западных соседей России в своём стремлении не дать ей по нему успешно пройти. Отметим, что проведённый впоследствии анализ допущенных просчётов позволил преемникам первого русского царя в лице Бориса Годунова (1551, по другим данным 1552–1605 гг.) и представителей династии дома Романовых в будущем успешно добиваться искомой цели[496].

[496] Шмурло Е.Ф. История России (IX–XX вв.). М., 2005. – С. 117–118.

Изучение указанных событий показывает, что причинами неудачи стали неверные выводы из анализа вероятных сценариев развития обстановки в регионе и переоценка собственных сил. В результате этого, после первых удач в Ливонской войне соседние государства, боясь усиления России, выступили против неё.

Последняя, в данное время, ещё не обладала достаточной экономической мощью и военной силой, чтобы им всем одновременно нанести решительное поражение. В итоге пришлось пойти на мирные переговоры, а решение «Балтийского вопроса» отложить на будущее.

Следует отметить, что Ливонская война стала одним из самых продолжительных конфликтов в отечественной истории и первым масштабным столкновением России сразу с несколькими европейскими государствами одновременно. Она привела к серьёзным изменениям баланса сил в регионе: гибели Ливонии, возвышению Польши и временному снижению роли России. Одновременно указанный регион попал в сферу влияния набирающей силы Швеции. По мнению отечественных исследователей, именно в данные годы можно уверенно говорить о зарождении восточноевропейской геополитики. Следует подчеркнуть, что до настоящего времени историки придают большое значение изучению её результатов. При этом в западной историографии отмечаются случаи предвзятого восприятия происходивших событий. Так, данная война некоторыми авторами преподносится как составная часть предпринятой Иваном IV попытки построения Европейской Славянской империи под гегемонией России или как стремление последней составить конкуренцию Османской империи, вытеснив последнюю из Европы и заняв её место[497].

Несмотря на постигшую неудачу, опыт Ливонской войны наглядно продемонстрировал, что в рамках продвижения и отстаивания собственных интересов российское государство может успешно играть на противоречиях, существующих между различными европейскими государствами, и умело использовать в своих целях стремление нарождающейся буржуазии указанных стран получить прибыль от любого военного конфликта.

Исследуя истоки формирования российской геостратегии, целесообразно отдельное внимание обратить на период смутного времени, хронологически пришедшийся на первые годы XVII века. Причины её возникновения были различными, а влияние на внутриполитическое положение страны носило катастрофический характер. В указанное время над Россией нависла реальная опасность потери своего суверенитета, угроза которому исходила от её соседей в лице Речи Посполитой и Швеции.

---

[497] Филюшкин А.И. Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в.: Сб. науч. статей / Отв. ред. А.И. Филюшкин. М.: Квадрига, 2010. С. 80–81.

Вследствие данного факта ключевой стратегической идеей стало отстаивание своей независимости. Благодаря патриотическому подъёму части населения и сохранению способности к функционированию различных органов власти на местах, её удалось успешно реализовать, обеспечив сбережение государственности.

По мнению ряда отечественных историков, Смута имела глубокие последствия, произведя перемену в мировоззрении, вызвав переоценку старых понятий, открыв новые неотложные для страны задачи. Полагается, что именно в это сложное время окончательно сформировалось представление о России, как о едином государстве – общем национальном достоянии.

При этом понятие «русская земля» и «народ русский» во многом стали тождественны и неотделимы друг от друга. Активное участие представителей от различных сословий в избрании по средствам Земских соборов русских правителей, в том числе и членов новой династии Романовых, утвердившейся на московском троне в 1613 году по итогам бурных событий смутного времени, послужило одним из оснований для суждения о государе, как о первом слуге своей страны. Отчётливее проявилась потребность в решении таких стратегических задач, как выход к Балтийскому и Чёрному морям, а также нивелирование угрозы со стороны такого опасного конкурента, как Польша[498].

Изучение источников и научной литературы позволяет констатировать, что цари из дома Романовых продолжили решать те же стратегические задачи, которые сформировались при их предшественниках. Они носили объективный характер, обуславливаясь потребностями успешного развития России и сохранения её суверенитета.

Период правления Михаила Фёдоровича (1596–1645) и Алексея Михайловича (1629–1676) во многом прошёл под знаменем борьбы с Речью Посполитой.

Определение данного направления в качестве приоритетного хронологически на большую часть XVII века имело стратегическое значение, и с точки зрения отстаивания национальных интересов было абсолютно верным.

Обуславливалось оно тем, что спор шёл не только из-за территорий и политического преобладания в Восточной Европе, но и сохранения духовной и религиозной самобытности всех восточных славян. Кроме того, с позиций военного искусства возобновлять активную борьбу за решение «балтийского вопроса» и предпринимать активные попытки выхода к Черному морю, не обеспечив прочного удержания в своих руках верхнего и среднего течения Днепра с городами Смоленск и Киев было опасно.

[498] Шмурло Е.Ф. История России (IX–XX вв.). М., 2005. С. 162–164.

Следует отметить, что, учтя опыт предыдущих десятилетий, Москва стремилась для достижения своих целей использовать возможности, открывшиеся в сфере международных отношений. В 1618 году началась Тридцатилетняя война (1618–1648), расколовшая Европу на два враждующих лагеря. К одному из них принадлежали испанские и австрийские Габсбурги, которых поддерживали папская курия и Речь Посполитая.

В другой вошли Дания, Франция, Швеция, поддерживаемые Англией и Голландией. Последние так же старались привлечь на свою сторону и Россию. В 1632 году скончался польский король Сигизмунд III, что привело к борьбе за власть различных группировок внутри страны. Сочтя момент удачным, русское правительство попыталось силой оружия вернуть свои земли, захваченные Речью Посполитой в ходе Смуты, включая Смоленск. Боевые действия велись вплоть до 1634 года и успехом не увенчались.

Следующие благоприятные условия для решения «польского вопроса» сложились в середине XVII века. Обусловлены они были начавшимся в 1648 году восстанием части населения Украины (в первую очередь казаков) против польских властей. В ходе развернувшейся борьбы руководители повстанцев во главе с Богданом Хмельницким обратились за помощью к русскому царю.

Оценив сложившуюся обстановку, последним в данном вопросе было принято положительное решение, что привело к началу очередной войны с Речью Посполитой. В историографии она получила название Тринадцатилетней, поскольку с перерывами продолжалась с 1654 по 1667 годы.

Боевые действия для русских войск и казаков в целом носили успешный характер. Их итогом стало заключение в 1667 году Андрусовского перемирия, согласно которому Москве отходили Смоленск, Чернигов и прилегающие территории.

Польская сторона признавала воссоединение Левобережной Украины с Россией. Временно, сроком на два года, за последней сохранялся и Киев (позже он полностью войдёт в её состав). Правобережная Украина и Белоруссия оставались пока под властью польско-литовского государства. Таким образом, стоявшие перед страной актуальные на тот момент цели были достигнуты только частично.

Тем не мене и полученные результаты имели большое стратегическое значение, создав благоприятные предпосылки для перехода к следующему этапу во внешней политике – решению балтийского и черноморского вопросов. В 1686 году достигнутые договорённости были закреплены по средствам заключения между Россией и Речью Посполитой мирного договора, вошедшего в историю под названием «Вечного мира».

Он на длительный срок купировал затяжной конфликт между данными странами, позволив им в будущем объединить усилия для противостояния Османской империи и активизировать действия на балтийском направлении[499].

Отдельное место в истории формирования отечественной геостратегии принадлежит периоду правления Петра I. Личность данного царя является противоречивой и до настоящего времени вызывает дискуссию. Вместе с тем, практически все исследователи сходятся во мнении о том, что проведённые им преобразования дали новый толчок к развитию страны. При этом основные цели и приоритетные направления их достижения были намечены ещё его предшественниками.

Сохраняя абсолютную власть, которая порой проявлялась в форме крайнего деспотизма, он всей совокупностью своих действий воплощал идею, что как царь не просто владеет государством, а управляет им на его благо. Данную ему власть он реализует во имя жизненных интересов России, отстаиванию и продвижению которых должны служить представители всех сословий, включая его самого.

В годы его правления реформированию подверглись практически все сферы общественной и экономической жизни русского общества. Не всегда они носили системный и завершённый характер, обуславливаясь желанием добиться стратегического усиления России и возведения её в ранг великих европейских держав. В рамках реализации данных устремлений ему предстояло решить две ключевые задачи – обеспечить прочный выход к Черному морю и уверенно закрепиться на берегах Балтики. Усилия, предпринятые на первом направлении в виде двух военных походов под Азов в 1695–1696 годах, завершившихся его взятием и присоединением к России, показали, что дальнейшая конфронтация с Османской империей в складывающейся международной обстановке является нецелесообразной. Отсутствие надёжных сильных союзников не позволяло в одиночку справиться с данным соперником, ещё сохранявшим значительную мощь. Более перспективным со стратегической точки зрения являлось балтийское направление, которое в первые десятилетия XVIII века для нашей страны и стало приоритетным.

Подчеркнём, что если в первой половине XVII века ведущая роль в восточноевропейских делах принадлежала Речи Посполитой, то в годы Тридцатилетней войны (1618–1648) она ее уступила Швеции, которая тем самым получила господство и над Балтийским морем. Однако подобное положение дел не устраивало соседние государства, прежде всего всё ту же Польшу, а также Данию и набирающую силу Россию.

[499] История СССР с древнейших времён до конца XVIII в.: Учебник / Под ред. Б.А. Рыбакова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. С. 260–261.

Смерть в 1697 году шведского короля Карла XI (1655–1697) и восшествие на престол молодого и пока неопытного преемника в лице Карла XII (1682–1718) предоставляло последним возможность, объединив усилия, начать активные действий по нейтрализации Швеции и улучшению собственных позиций в регионе.

Необходимо констатировать, что Пётр I прекрасно осознавал, что решение столь важной и сложной задачи требует стратегического подхода и наличие союзников. Грамотно используя сложившиеся в Европе противоречия, русская дипломатия добилась заключения в 1698 году соглашения с курфюрстом Саксонии и одновременно королём Польши и великим князем Литовским Августом II Сильным (1670–1733), и в 1699 году договора с датским королём Фредериком IV (1671–1730), которые предусматривали ведение совместной наступательной войны против Швеции. Так оформился Северный союз, к которому в перспективе планировалось дополнительно привлечь курфюрста Бранденбургского (с 1701 года – короля Пруссии) Фридриха I (1657–1713)[500].

Следует отметить, что война, начавшаяся в 1700 году, для союзников первоначально протекала неудачно. Уже в первые месяцы противоборства Карл XII решительными действиями принудил к капитуляции Данию. В ноябре 1700 года его войска нанесли тяжёлое поражение русской армии под Нарвой. После чего основное внимание шведского короля было сосредоточено на наиболее сильном, по его мнению, противнике – Речи Посполитой.

Пётр I отчётливо понимал, что в подобных условиях добиться победы над одним из ведущих государств Европы, являющимся региональным лидером, можно только по средствам мобилизации всех усилий страны. Во многом именно Северная война (1700–1721) стала одним из первых и ярких примеров, когда отстаивание жизненно важных интересов страны было возведено в приоритет как внешней, так и внутренней политики. Именно необходимостью достижения решительной победы многие исследователи и объясняют тот колоссальный объём преобразований, который за достаточно короткий по историческим меркам XVIII века период был реализован в стране.

Основы для многих реформ были заложены ещё в предшествующие десятилетия, однако условия военного времени, потребовали их ускоренного проведения. В первую очередь это касалось переустройства военной организации страны, внедрения современных технологий и наращивания военного производства.

[500] Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России (1648–2005): Учебник для студентов вузов / Под ред. А.С. Протопопова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010. С. 26.

Предпринятые усилия позволили нашей стране успешно завершить войну. Согласно мирному договору, заключённому 30 августа 1721 г., в городе Ништадте к России отходили в «вечное владение» Ингерманландия (земли по реке Ижоре), часть Карелии, Эстляндия и Лифляндия с городами: Выборг, Нарва, Ревель, Дерпт, Рига, всё морское побережье от Выборга до Риги с островами Эзель, Даго и Моон. При этом Пётр I соглашался вернуть Швеции занятую русскими войсками Финляндию и выплатить своеобразную компенсацию за потерянные территории[501].

Достигнутые результаты фактически означали решение одной из главных задач, стоявших перед страной со времени образования единого государства – получение широкого выхода и уверенного закрепления на побережье Балтийского моря. Итоги Северной войны так же внесли серьёзные изменения в геостратегическое соотношение сил на мировой арене. Швеция навсегда утратила статус регионального лидера. Все последующие попытки взять реванш терпели поражение и только ухудшали её положение[502].

В то же время значительно выросло международное влияние России, которая превратилась в великую европейскую державу с сильной армией и военным флотом. Одним из выражений возросшей роли последней стало провозглашение в 1721 году Петра I императором. При этом Российская империя заняла лидирующее положение на севере и востоке континента.

В итоге, благодаря активным стараниям Петра I, направленным на консолидацию царской власти, проведение глубоких преобразований, усиление военной мощи, успешной внешней политики, проводимой как дипломатическими, так и военными средствами, Россия в первой четверти XVIII века становится одним из ключевых участников стратегического «баланса сил» в Европе. Необходимо подчеркнуть, что с учётом последующих политических трансформаций, начиная с указанного времени, пять великих европейских держав в лице России, Великобритании, Франции, Австрии и Пруссии будут определять основной контекст мировой политики вплоть до Первой мировой войны (1914–1918).

Возросшее влияние России стало беспокоить не только её ближайших соседей в лице Швеции, Речи Посполитой и Османской империи, но и другие крупнейшие государства Европы. В подобных условиях отечественная дипломатия старалась использовать в своих интересах существовавшие противоречия между ведущими державами в их борьбе за приобретение колоний, установление господства над морскими путями.

---

[501] Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России (1648–2005): Учебник для студентов вузов / Под ред. А.С. Протопопова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010. С. 29.

[502] Примером могут служить неудачные для Стокгольма русско-шведские войны 1741–1743 гг., 1788–1790 гг., 1808–1809 гг.

При этом наибольшую конфликтность на протяжении всего XVIII века носило соперничество Англии и Франции за морскую и колониальную гегемонию, Австрии и Пруссии за доминирование в Центральной Европе, а также исторически сложившийся франко-австрийский антагонизм.

После успешного завершения Северной войны свои основные усилия руководство нашей страны сосредоточило на таких задачах, как уверенное и окончательное закрепление на берегах Чёрного моря с одновременным освоением огромных земельных пространств в северном Причерноморье, а также воссоединение Белоруссии и Украины с Россией. Обе они носили актуальный характер и полностью соответствовали жизненным интересам государства. С целью их решения была выбрана наступательная стратегия, которая опиралась на возросшую экономическую и военную мощь страны.

Новый этап в истории формирования и реализации отечественной геостратегии был связан с правлением императрицы Екатерины II (1729–1796). Он характеризовался успешным выходом России к Чёрному морю и вхождением в её состав всего белорусского и большей части украинского народов. Во многом этого удалось добиться благодаря ясному целеполаганию и грамотному использованию возросшей мощи нашей страны. Практическое решение первого вопроса неизбежно вело к военному столкновению с Османской империей.

В итоге, на протяжении более чем двух десятилетий одна за другой следуют две русско-турецких войны – с 1768 по 1774 гг. и с 1787 по 1791 гг. С военной точки зрения их ведение являлось сложной стратегической задачей. Театр боевых действий имел огромную протяжённость (от Дуная до Терека) и большую глубину. Ситуацию дополнительно осложняло, что одновременно с ними России пришлось бороться с польскими конфедератами и противостоять Швеции в войне 1788–1790 годов.

Наличие сильной армии и флота, накопивших значительный опыт участия в крупномасштабных войнах европейского масштаба, позволили России нанести своему противнику целый ряд чувствительных поражений. При этом русские силы не ограничивались действиями только в северном Причерноморье.

Отечественная стратегия второй половины XVIII века строилась на чётком понимании тесной взаимосвязи политики и военного искусства, рассматривая войну как закономерное явление, вытекающее из необходимости защищать силой оружия жизненные интересы государства.

Ввиду данного обстоятельства было выработано ясное представление, что достижение ключевых целей может быть обеспечено только решительными действиями на важных направлениях, где и необходимо концентрировать основные усилия. При этом приоритет должен отдаваться разгрому армии противника, а удары наноситься там, где неприятель их меньше всего ожидает.

Исходя из этого, русские войска в ходе русско-турецкой войны (1768–1774) действовали не только на северном побережье Чёрного моря, но и на Балканском полуострове, и на территории Грузии. Кроме того, русская эскадра совершила переход из Балтики в Средиземное море, где в 1770 году разгромила турецкий флот в Чесменской бухте, блокировала Дарданеллы и высадила десант в Греции. В результате мирного договора, подписанного в 1774 году в населённом пункте Кючук-Кайнарджи,

Россия получила земли между Днепром и Южным Бугом, право беспрепятственного плавания своих торговых судов по Азовскому и Черному морям, а также была устранена зависимость Крыма от Османской империи. Чуть позже, в 1783 году Крымское ханство было ликвидировано, а все его земли включены в состав России.

Со стратегической точки зрения, произошедшие территориальные изменения в Причерноморье оказали значительное влияние на отношения России с народами Кавказа и Прикаспия. Так, в 1770-е годы русское подданство приняли калмыки, а в 1783 году по условиям Георгиевского трактата под покровительство России перешли грузинские земли. Начался аналогичный процесс и в отношении других территорий северного Кавказа и Закавказья. Благодаря решительным действиям русских войск успешный характер носила и следующая русско-турецкая война 1787–1791 годов.

По её результатам к России отошли новые земли в междуречье Днестра и Южного Буга. В итоге, благодаря успехам русского оружия, была решена важная задача – Россия получила выход к Чёрному морю на широком фронте, а приобретение Крыма позволило ей обеспечить контроль над его акваторией. Кроме того, для хозяйственного освоения были получены значительные площади плодородных земель, содержащих в себе большие запасы полезных ископаемых, что уже в следующем веке благоприятно скажется на развитии отечественной промышленности.

В период правления Екатерины II был решён и «польский вопрос». Следует отметить, что со времён Петра I Россия получила возможность активно влиять на внутреннюю и внешнюю политику Речи Посполитой по средствам возведения на её престол своих ставленников. Так, активная поддержка оказывалась Августу II Сильному и его сыну Фридриху Августу, правившему под именем Августа III (1696–1763). После смерти последнего в 1764 году, при участи русских властей, на польский престол был избран Станислав Понятовский. При нём в 1768 году Россия была провозглашена гарантом политического устройства Польши. Однако вскоре оппозиционно настроенная польская аристократия и шляхта (дворянство) подняли мятеж, что потребовало ввода русских войск для поддержки королевской власти[503].

[503] Асташин В.В. История международных отношений и внешней политики России / В.В. Асташин. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. С. 98.

Видя продолжающееся ослабление Речи Посполитой, соседние с ней Австрия и Пруссия стали настойчиво подталкивать Россию к разделу между собой польских земель. По мнению ряда отечественных исследователей, последняя не приветствовала такого подхода поскольку и так обладала значительным влиянием на указанную страну. Однако, опасаясь, что вопрос будет решён без её участия, Екатерина II пошла на данный шаг.

В результате трёх разделов, последовательно произведённых в 1772, 1793 и 1795 годах Речь Посполитая прекратила своё существование как суверенное государство, а её земли отошли к Австрии, Пруссии и России. Последней достались Белоруссия, Правобережная Украина, Волынь, польская часть Лифляндии, Литва. Было так же юридически закреплено включение в её состав Курляндии, фактически находившейся под полным русским контролем на протяжении последних нескольких десятилетий.

С точки зрения европейской дипломатии раздел Польши позволил сгладить противоречия между Австрией, Пруссией и Россией. Это создало предпосылки для их последующего сближения в проведении совместной политической линии на континенте, в том числе совместной борьбы против революционной Франции. Следует отметить, что ликвидация Речи Посполитой является ярким примером, когда отсутствие сильной центральной власти в условиях обладания правящим сословием в лице шляхетства чрезвычайных полномочий, может пагубно сказаться на суверенитете страны. Наличие диаметрально противоположных интересов у представителей различных аристократических фамилий, стремление поддерживать католическую церковь в ущерб другим ветвям христианства, к которым принадлежала значительная часть населения (в первую очередь православию и протестантизму), регулярное втягивание в борьбу за польский престол внешних сил, в значительной степени дестабилизировало внутриполитическую обстановку, не позволяя ясно определить ключевые интересы страны и способы их отстаивания.

С позиции современной геополитики последствия трёх разделов Речи Посполитой сказываются до настоящего времени. Польское руководство, испытывая «фантомные боли», видит в России своего главного противника. Однако история показывает, что в ликвидации польской государственности в первую очередь были виноваты её правящие элиты не способные поделить между собой власть, а также соседние державы, имевшие территориальные притязания. В данном контексте ряд исследователей приписывают Екатерине II важную мысль. В ответ на просьбу самих поляков к императрице о сохранении хотя бы имени страны и титула, она ответила отказом, заявив: «Я не могу титуловаться польской королевой, так как не взяла ни одной пяди польской земли – только своё, исконное русское»[504].

[504] Цит. по: Шмурло Е.Ф. История России (IX–XX вв.). М., 2005. С. 313.

Подводя итоги формирования и развития отечественной геостратегии в XVIII веке, следует констатировать, что данное столетие стало временем решения двух важнейших государственных задач, стоявших перед нашей страной со времени формирования единого государства. России с помощью военной силы и умелой дипломатии, с опорой на возросшую экономическую мощь, удалось выйти и закрепиться на берегах Балтийского и Чёрного морей, обеспечив тем самым свободу собственной торговли, а также собрать вместе русский, белорусский и значительную часть украинского народов, объединённых единой историей и исповедующих в своём большинстве одну религию. Вместе с тем часть территории, населённой восточными славянами и составлявшей «наследие Рюриковичей», в лице Галиции оказалась под властью Австрии. Данное обстоятельство послужит одной из причин участия Российской империи в Первой мировой войне (1914–1918), приведшей к её краху. В связи с этим завершать процесс окончательного объединения Украины придётся уже советской власти в 1930-е – 1940-е годы.

Переходя к рассмотрению истории формирования и развития отечественной геостратегии в XIX веке, следует отметить, что главным внешнеполитическим фактором рубежа столетий стала начавшаяся в 1789 году Французская революция. Связанные с ней события на протяжении четверти века оказывали серьёзное влияние на состояние международных отношений, как в самой Европе, так и во всём мире.

Главная опасность для европейских монархических домов заключалась в тех идеях, которые её сопровождали. 26 августа 1789 г. Национальное собрание Франции, наделившее себя учредительными полномочиями, приняло Декларацию прав человека и гражданина, оказавшую серьёзное влияние на умы современников. Данный документ в ёмких формулах провозглашал в качестве ключевых постулатов революции достижения Просвещения. Первая статья гласила: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». Одновременно возвещался принцип народного суверенитета, равенства всех перед законом, свободы слова и печати, веротерпимость, неприкосновенность частной собственности. В ходе последующих революционных событий озвученные тезисы стали основой для ликвидации сословных привилегий, отмены дворянских титулов, а в рамках утверждения свободы предпринимательства – ликвидации государственной регламентации и цеховой системы[505].

Стремление правящих династий Европы купировать различными способами, включая силовые методы, революцию во Франции стало фундаментом для объединения их совместных усилий.

[505] Новая история стран Европы и Америки: Первый период: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «История» / Г.Л. Арш, В.С. Бондарчук, Л.И. Гольман и др. Под ред. А.В. Адо. – М.: Высш. шк., 1986. С. 186–187.

Необходимо подчеркнуть, что по мере трансформации внутриполитической обстановки во Франции, где на смену революционной эйфории, сопровождавшейся террором, постепенно пришёл режим абсолютной власти Наполеона Бонапарта, ставшего в 1804 году императором, происходило изменение целей и задач формировавшихся коалиций.

Переход от оборонительных войн в рамках защиты достижений революции к агрессивным захватам соседних государств и установлению господства в Европе определяло изменение самого характера развернувшегося противостояния – от недопущения дальнейшего распространения революционных идей, до противодействия установлению гегемонии Франции на континенте.

Война, начатая как освободительная, превращалась в завоевательную, а созданная революцией армия – в орудие французской экспансии. Первоочередной её целью стала борьба за военно-политическое и торгово-промышленное преобладание Франции в Европе.

Все указанные бурные события рубежа XVIII–XIX веков наложили серьёзный отпечаток на развитие отечественной геостратегии. По мнению некоторых учёных в исследуемое время её формирование происходило в условиях отсутствия ясного понимания наиболее важных государственных задач, размытого целеполагания и неоднократных смен внешнеполитического курса. Так, император Павел I (1754–1801) за непродолжительный период своего правления с 1796 по 1801 год дважды менял своё отношение к европейским государствам, включая Францию.

Его преемник император Александр I (1777–1825) проводил более последовательную политику, имевшую ярко выраженную антинаполеоновскую направленность. При нём Россия входила в третью (1805) и четвёртую (1806) антифранцузские коалиции. Однако, потерпев ряд военных неудач, он был вынужден пойти на заключение в 1807 году Тильзитского мира, по которому признал завоевания Наполеона в Европе и стал его союзником. Взамен получил свободу действий в отношении Османской империи и Швеции.

Данные договорённости носили временный характер и не оградили Россию от наполеоновского вторжения в 1812 году. После изгнания неприятеля из страны Александр I стал одним из инициаторов создания очередной антифранцузской коалиции, в отличие от предыдущих, добившейся поставленной цели, – разгрома Франции и низложения Наполеона. Во многом основу коалиционных сил составляли русские войска. Именно их стойкость и умелые действия позволили достичь успеха.

С сентября 1814 по июнь 1815 года в Вене прошёл конгресс европейских государств, который рассматривал вопросы послевоенного устройства.

Его ключевыми целями являлись:

– восстановление свергнутых европейских династий;

– территориальный передел в пользу держав-победительниц;

– создание системы противодействия возможным революционным опасностям в будущем. Россия, сыгравшая решающую роль в окончательной победе над Наполеоном, являлась на нём наиболее сильной державой.

Разногласия и недоверие, воцарившиеся в стане стран-победительниц, позволили Франции избежать тяжёлых последствий своего поражения и сохранить положение одного из наиболее сильных политических игроков на европейском континенте. 9 июня 1815 г., за несколько дней до сражения при Ватерлоо, окончательно ликвидировавшего любую опасность со стороны Наполеона, представители России, Австрии, Пруссии, Англии, Испании, Португалии, Швеции и Франции (в лице династии Бурбонов) подписали Заключительный генеральный акт Венского конгресса.

Согласно его содержанию, Россия получила значительную часть Польши с Варшавой (Царство Польское). За ней так же были закреплены Финляндия, завоёванная в ходе русско-шведской войны (1808–1809), и Бессарабия, присоединённая по итогам русско-турецкой войны (1806–1812) Западная часть Украины осталась под властью Австрии.

С целью сохранения установленного международного порядка был создан Священный союз, одним из главных инициаторов которого выступил Александр I. 26 сентября 1815 г. в Париже российским и австрийским императорами, а также прусским королём был подписан соответствующий правообразующий акт. Позже к ним присоединился французский король Людовик XVIII, а затем и большинство монархов Европы. Англия официально не вошла в данное объединение, но своими действиями поддерживала его политику по целому ряду вопросов.

По замыслу создателей священный союз должен был, с одной стороны, играть охранительную роль, предотвращая возникновение и распространение национально-освободительных и революционных движений. С другой стороны, выполнять функцию гаранта незыблемости сложившихся границ и политического устройства Европы.

Изучение истории международных отношений позволяет утверждать, что по результатам завершения наполеоновских войн Россия приобрела статус ведущей европейской державы, без учёта мнения которой не решался ни один серьёзный вопрос на континенте. Подобное лидирующее положение она сохраняла вплоть до Крымской войны (1853–1856).

В дополнение к этому к её владениям, в результате целой череды успешных локальных войн и активной внешней политики, в течение второй четверти XIX века был присоединён ряд новых территорий в Центральной Азии, Приамурье, Закавказье, на восточном побережье Черного моря и в устье Дуная.

С формальной точки зрения всё это свидетельствует об успешности её правителей в продвижении и отстаивании государственных интересов. Однако в отечественной историографии данный тезис является спорным.

Дискуссию вызывает целесообразность участия России в полном разгроме и низложении Наполеона, который в «ослабленном виде» мог быть использован ею в качестве противовеса Англии, Пруссии и Австрии. Здесь нередко ссылаются на мнения современников, в том числе и приписываемое М.И. Кутузову, высказанное после изгнания в 1812 году остатков Великой армии, о нежелательности использования русских войск за пределами страны для нанесения окончательного поражения Франции.

В определённой степени и вполне обоснованно это объяснялось тем, что военные успехи нашей страны, её возвышение в качестве самой сильной державы настроит против неё остальные государства Европы, которые могут сплотиться уже в антирусский союз. Следует отметить, что подобные опасения получат материальное воплощение в ходе Крымской войны (1853–1856), когда против нашей страны выступит целая коалиция стран в лице Англии, Франции, Сардинского королевства и Османской империи.

С точки зрения отечественной геостратегии вызывает сомнения необходимость включения в состав Российской империи «коренных» польских земель вместе с Варшавой. Подобный шаг приведёт в последующем к обострению и без того сложных русско-польских отношений, нескольким восстаниям (1830–1831, 1863–1864) и конфликтам, став одной из мин замедленного действия, заложенных под основу существования Российской империи. При этом могущество России и благоприятный момент послевоенного передела границ в ходе Венского конгресса не был использован для присоединения к ней Западной Украины, которая так и осталась под властью Австрии.

Следует отметить, что российские правители первой половины XIX в., увлёкшись решением общеевропейских проблем, не сосредоточили своего внимания на задачах внутренней модернизации. Ими не было учтено то обстоятельство, что в ряде случаев жизненные интересы государства могут обеспечиваться не только внешнеполитической активностью, но и своевременным проведением внутренних преобразований.

Особую актуальность данный тезис приобрёл с началом промышленной революции и стремительного ускорения научно-технического прогресса, когда упущение в данных областях могло пагубно сказаться на обороноспособности страны. Примером может служить Крымская война (1853–1856), которая в итоге оказалась для нашей страны неудачной, в том числе и по причине слабого развития внутренней транспортной инфраструктуры и военно-технического отставания от противника в лице Англии и Франции.

За указанный период у России постепенно вызрели новые стратегические задачи, актуального характера. В первую очередь – это отмена крепостного права и освобождение крестьян, что должно было подстегнуть процесс формирования рынка труда, рост фабрично-заводского производства, развитие товарно-денежных отношений.

Во-вторых, широкое просвещение народных масс, имевшей своей конечной целью ликвидацию безграмотности значительной части населения.

В-третьих, проведение широких реформ, как в области экономики, так и внутриполитического устройства страны с целью купирования возможных причин складывания в стране революционной ситуации.

В-четвёртых, активное освоение территорий Сибири и Дальнего Востока, в том числе по средствам стимулирования переселения крестьян из центральной России на новые земли за Урал.

Необходимо подчеркнуть, что к середине XIX века Россия обладала одной из самых сильных армий и смогла добиться целого ряда военных и дипломатических успехов. Всё это вызывало серьёзные опасения у других ведущих европейских держав, недовольных её доминирующим положением. Именно в указанное время император Николай I допустил ряд дипломатических просчётов, приведших к её изоляции и конфронтации с целой коалицией государств.

4 октября 1853 г. началась очередная русско-турецкая война, к которой в последующем на стороне Османской империи присоединились Англия, Франция и Сардинское королевство. Австрия официально в войну не вступила, однако, заняла антирусскую позицию. В итоге, за ошибочную оценку возможных намерений ведущих государств Европы, излишнюю самоуверенность и переоценку собственных сил, России пришлось дорого заплатить. Ситуацию сглаживало лишь то обстоятельство, что Пруссия сохранила нейтралитет. Определённую роль в формировании указанного подхода сыграл Бисмарк[506], который считал ненужным и вредным выступать против своего восточного соседа в интересах других государств. Он объективно полагал, что поддержка последней будет полезной при реализации планов по предстоящему объединению германских земель вокруг Пруссии[507]. Война, получившая в отечественной историографии название Крымской (по месту ведения основных боевых действий), продолжалась с октября 1853 года по март 1856 года.

---

[506] Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк (1815–1898) – германский государственный деятель. В ходе своей политической карьеры являлся представителем Пруссии в бундестаге Германского союза, посланником в России и Франции, министр-президентом и министром иностранных дел Пруссии, канцлером Германской империи.

[507] Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России (1648–2005): Учебник для студентов вузов / Под ред. А.С. Протопопова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010. С. 95–97.

Необходимо подчеркнуть, что выводы из опыта Крымской войны стали фундаментом для пересмотра стратегических взглядов нашей страны. К концу столетия они приобретают завершённые черты мирового масштаба, поскольку национальные интересы России начинают простираться от Европы на западе до Японии на востоке, от Арктики на севере до Ирана (Персии), Афганистана и Индии на юге.

Именно во второй половине XIX века начинается активное продвижение России в Центральной Азии и в Прикаспийском регионе. Предпринимаются активные попытки проникновения и закрепления в Китае и Кореи. Указанные процессы сопровождаются активной исследовательской деятельностью по изучению Северного Ледовитого океана, Центральной и Восточной Азии. Аналогичные процессы освоения ранее малоизученных регионов земного шара в указанное время предпринимают и другие мировые державы, что ведёт к столкновению их интересов в самых различных уголках планеты. Всё это сопровождается глобализацией торгово-экономических отношений, территориальным разделом мира и формированием колониальных империй. В борьбу за мировое лидерство постепенно втягиваются новые игроки в лице Соединённых Штатов Америки и Японии. В подобных условиях Стратегическое планирование начинает приобретать общемировой масштаб, нуждаясь в научной проработке. Всё это ведёт к формированию первых геополитических теорий и моделей, закладыванию основ геостратегии в современном её понимании.

Крымская война так же продемонстрировала, что Российская империя, обладавшая значительным военно-политическим весом в европейских делах в первые десятилетия после окончания наполеоновских войн, данный статус стала утрачивать. Во многом это обуславливалось сохранением в ней значительных пережитков феодализма, наличием застойных явлений в государственной и общественной жизни, тормозивших поступательное развитие страны. Так, наличие крепостного права не только осуждалось многими современниками с точки зрения гуманности, но и в эпоху становления капиталистических отношений экономически оказывалось невыгодным. Растущая численность жителей страны настойчиво требовала перехода к интенсивной форме обработки земли с использованием севооборота, сельскохозяйственных машин и удобрений, чего было трудно добиться в условиях нахождения значительной части крестьян в полной зависимости от своих помещиков.

Отсутствие личной свободы у большой массы трудоспособного населения тормозило формирование свободного рынка рабочей силы, что негативно сказывалось на развитии промышленности. Таким образом, в нашей стране сложилась ситуация, когда отстаивание её стратегических интересов вошло в прямую зависимость от проведения внутренних преобразований.

Следует отметить, что император Александр II осознавал сложившуюся потребность в переменах. С его соизволения, исходя из сформировавшихся условий, в России в 1860-1870-е годы был проведён целый ряд радикальных преобразований. По мнению отечественных историков, наиболее значимыми из них стали:

– крестьянская реформа, основу которой составила отмена в 1861 году крепостного права;

– земская и городская реформа, вводившая элементы самоуправления на местах;

– судебная реформа, заложившая основы самостоятельности судебной власти и современного судопроизводства;

– военная реформа.

Их проведение позволили России существенно укрепить собственную экономическую и военную мощь. Благодаря этому она смогла активизировать свою внешнеполитическую деятельность.

Другим результатом проведённых преобразований стало ускорение процесса складывания единой русской нации, состоящей из лично свободных индивидуумов, связанных с государством таким важным понятием как обязанность его защиты с оружием в руках. Именно в указанное время интересы государства приобретают национальный характер, а их защита становится одной из главных функций власти.

Одновременно всё отчётливее проявляется факт того, что в современном высоко развитом индустриальном обществе обеспечение последних зависит не только от военных и дипломатических успехов на внешнем контуре, но и от уровня внутреннего развития страны, глубины и эффективности проводимой в ней модернизации, её своевременности и последовательности.

В качестве примера приведённого тезиса следует рассматривать Российскую империю рубежа XIX–XX веков, когда успешно начатые реформы 1860-х–1870-х годов создали основу для её активного, подкреплённого возросшей экономической и военной силой, «продвижения» на сопредельные территории и уверенного отстаивания статуса великой державы.

Вместе с тем последующее их свёртывание в период правления императоров Александра III (1845–1894) и Николая II (1868–1918), а в ряде случаев и нивелирование достигнутых результатов, привело к обострению внутренней социальной обстановки.

В свою очередь неудачи в принимаемых внешнеполитических решениях (нередко носивших авантюристический характер) к участию в кровопролитных войнах начала XX века. Всё это в своей совокупности стало причинами серьёзных революционных потрясений в стране, приведших к смене власти и политического строя.

Изучая международную обстановку на рубеже XIX–XX вв. и её влияние на формирование отечественной геостратегии следует отметить, что для России она характеризовалась значительной напряжённостью не только в Европе, но и в Азии, и на Дальнем Востоке, где развернулась борьба за передел уже поделённого мира, в которую активно включились новые игроки в лице Соединённых Штатов Америки и Японии, громко заявившие о себе на мировой авансцене в конце XIX века.

Так, последняя, стараясь получить для своей растущей экономики дополнительные источники сырья и рынки сбыта, начала активное проникновение в Корею и Китай. Указанный процесс сопровождался усилением шовинистических настроений и активной пропагандой идей создания великой Японии, в том числе по средствам приращения территории за счёт соседей. Всё это в конечном итоге привело её к вооружённому столкновению с сопредельными странами, в том числе и с Россией.

Необходимо подчеркнуть, что в данное время наша страна так же приступила к интенсивному освоению своих владений на Дальнем Востоке и прилегающих к ним земель. При этом значительные усилия были направлены на то, чтобы как можно прочнее закрепиться на Тихом океане, в том числе по средствам получения незамерзающих портов.

Следует отметить, что утверждение России в этом регионе полностью соответствовало её национальным интересам и являлось исторической необходимостью. Вместе с тем те методы, которыми оно осуществлялось и те подходы, на которых строилось, у целого ряда отечественных исследователей вызывают определённые сомнения.

Так, с одной стороны, развернувшееся в указанное время строительство Транссибирской железной дороги полностью являлось обоснованным и необходимым шагом. С другой стороны, вызывает сомнения в своей целесообразности попытки закрепиться в Манчжурии и Северной Кореи. Подобная практика полностью соответствовала той политике, которую проводили все великие державы той эпохи, в том числе и по отношении к Китаю, переживавшему острый внутренний кризис и ставшему объектом экспансии практических всех ведущих государств мира.

Вкладывание значительных сил и средств в освоение данных территорий, в том числе и на строительство военных объектов, в то время, когда собственные земли остро нуждались в инвестициях и ресурсах для своего развития, представляется не совсем разумным шагом. Стремление закрепить за собой как можно большие владения, без учёта реальных возможностей на их защиту и освоение, в определённой степени являлось авантюристичным и вело к обострению межгосударственных отношений.

Сложившиеся на рубеже столетий русско-японские противоречия на дальнем Востоке в итоге привели к войне 1904–1905 годов, которая для России была неудачной.

С точки зрения отечественной истории данная война явилась геостратегическим провалом правящей династии, не сумевшей правильно оценить соотношение сил в регионе и адекватно их соотнести с истинными потребностями страны. Несмотря на то, что мобилизационные ресурсы России превосходили японские, их не удалось своевременно и в полном объёме использовать. Военные неудачи, понесённые потери и значительные финансовые расходы, в совокупности с «недостаточной разъяснительной работой» среди населения страны целей и задач конфликта привели к его непопулярности среди народа, став одной из причин начала Первой русской революции (1905–1907).

Столь неудачный результат Русско-японской войны (1904–1905) подорвали международный авторитет России как в мире в целом, так и на Дальнем Востоке в частности. Одновременно указанные события подстегнули процесс перегруппировки сил на международной арене, ускорив формирование двух противостоящих военно-политических блоков.

В тоже время по мнению ряда отечественных исследователей главной проблемой России в начале XX века являлась потребность в расширении внутреннего пространства для реформирования, в том числе за счёт подключения к нему аграрного сектора. Промедление в данном вопросе грозило глубокими революционными потрясениями. При этом форсирование модернизационных процессов во многом тормозилось косностью отечественной государственной системы. Политическая власть в стране оставалась в руках старой политической элиты, которая была не готова к серьёзным преобразованиям, боясь потерять своё влияние.

Всё это свидетельствовало о том, что в очередной раз одним из главных национальных интересов России стала необходимость проведения глубоких внутренних реформ, в соответствии с новыми веяниями эпохи, с учётом уровня развития социально-экономических и общественных отношений. Именно данное направление во многом являлось приоритетным, способным обеспечить успешное развитие страны в будущем. Вместе с тем изучение отечественной истории показывает, что император Николай II и его близкое окружение не до конца осознавали его актуальность. В силу данного обстоятельства проводимые преобразования в нашей стране не носили поступательного и системного характера. Вместо того чтобы служить превентивной мерой недопущения революционных потрясений, они являлись их следствием.

Не осознавая всю пагубность втягивания России в глобальный вооружённой конфликт, царское правительство пошло на заключение союза с Францией и Великобританией, что привело к окончательному расколу Европы на два противостоящих военно-политических блока: Тройственное согласие, или Антанту (Россия, Франция, Великобритания), и Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия).

При этом Россия, менее других государств нуждавшаяся в новом жизненном пространстве, ошибочным решением руководства страны была вовлечена в затяжной кровопролитный конфликт, который завершился падением самодержавия и радикальной сменой всей системы политического устройства страны.

В данном контексте уместно подчеркнуть, что ошибки в определении приоритетных направлений приложения основных усилий государства, неверное понимание истинных национальных интересов, неспособность власти осознать, что на конкретном историческом этапе наиболее актуальным являлось решение вопросов внутреннего развития, а не геополитического доминирования, привели к просчётам в геостратегическом планировании, выразившимся в серьёзных революционных потрясениях и кардинальном изменении вектора последующего развития страны.

Начавшаяся в 1914 году Первая мировая война (1914–1918) стала суровым испытанием для России и привела к новой революции. В результате произошедших в феврале–марте 1917 года событий, перед российским обществом открылись новые горизонты развития. Так были созданы специфические органы власти и народного представительства – Советы, которые в последующем сыграют значительную роль в развитии политической системы нашей страны, вплоть до конца XX века.

В 1917 году они располагали широкой поддержкой революционно настроенных солдат и матросов, массовых объединений трудящихся, выступая своеобразными органами народной демократии. Именно в их руках во многом была сосредоточена реальная власть, в том числе на местах. Именно с их деятельностью народ связывал осуществление своих запросов.

Приход в октябре 1917 года к власти большевиков привёл к началу открытой гражданской войны, которая стала полем сражения различных альтернатив будущего устройства страны и её геополитического курса. С точки зрения отечественной геостратегии это послужило основанием для её коренной трансформации. Он означал начало эксперимента по социалистическому строительству, что вызвало жёсткий антагонизм со стороны ведущих капиталистических государств мира. Их финансовые и политические элиты увидели в молодом советском государстве угрозу для своего благополучного существования, что стало причиной активного противодействия с их стороны. Последующие 70 лет формирования и развития геостратегии России прошли под знаменем противостояния двух систем – социалистической и капиталистической.

Осознавая актуальность глубоких преобразований в стране, советская власть начала проводить политику радикального реформирования социального и государственного устройства страны, которая в значительной степени носила по тем временам прогрессивный характер и соответствовала запросам широких народных масс.

Изучая русскую революцию следует отметить, что с точки зрения мировой истории она имела глобальный характер, став одним из главных событий XX века. Те изменения, которые произошли в нашей стране в 1917 г., оказали серьёзное влияние на судьбы всех стран мира. В частности, страх перед коммунизмом привёл к сплочению сил коллективного Запада против Советской России.

Анализ источников и научной литературы позволяет утверждать, что геостратегия большевиков в первые годы советской власти представляла собой синтез революционной экспансии и прагматичного выживания в условиях изоляции и гражданской войны. Она заложила основы внешнеполитического курса будущего СССР, где идеология сочеталась с необходимостью сохранения государственности. В 1920–1930-е гг. стратегические цели Советского Союза были тесно связаны с задачами сохранения социалистического государства в окружении враждебного капиталистического мира. В этот период основное внимание уделялось укреплению обороноспособности, консолидации внутренних ресурсов и созданию условий для «экспорта революции» в другие страны.

Геостратегия СССР в эти годы строилась на оборонительных принципах, с осуществлением поддержки коммунистических движений за рубежом. Основной задачей было формирование «социалистического ядра» на евразийском пространстве с центром в Москве, способного противостоять внешнему давлению и служить базой для дальнейшей экспансии коммунистической идеологии. Значительное внимание уделялось развитию военно-промышленного комплекса и инфраструктуры на случай начала очередного открытого глобального противостояния.

Великая Отечественная война (1941–1945) стала поворотным моментом для советской геостратегии. Благодаря достигнутой победе Советский Союз существенно расширил сферу своего влияния, приобретя статус сверхдержавы. Значительное внимание было сосредоточено на создании «санитарного» кордона из социалистических государств, которые играли роль буфера между СССР и Западом. Эти государства были связаны с Москвой не только военно-политически, но и экономически – через Совет взаимной экономической помощи и Варшавский договор.

Центральным элементом в послевоенные десятилетия стало стратегическое сдерживание Запада, прежде всего США и их союзников по НАТО. СССР начал выстраивать новую систему военного и идеологического блокирования западного влияния, развивая ракетно-ядерный потенциал, создавая базы на периферии капиталистического мира и поддерживая национально-освободительные движения в странах «Третьего мира». В это время на первый план выходит концепция «глобального стратегического паритета» – идеи о недопустимости военного превосходства одной из сторон, особенно в области ядерного вооружения.

В 1970-е годы геостратегия СССР трансформируется в так называемую «доктрину Брежнева», получившую в западной аналитике определение «доктрина ограниченного суверенитета». Она утверждала право СССР на интервенцию в дела социалистических государств с целью защиты основ социалистической системы и обеспечения стабильности в пределах своего геополитического пространства.

Реализация доктрины ограниченного суверенитета предполагала создание внешнего контура обороны и политического влияния, основанного на системе геополитических кругов. Первый круг включал социалистические государства, не имеющие общей границы с СССР; второй – социалистические страны, непосредственно граничащие с Советским Союзом; третий – союзные республики, входившие в состав СССР. Такая модель расширенной геостратегической проекции обеспечивала стабильность союзных режимов, контроль над смежными пространствами и гарантировала наличие буферной зоны, но требовала значительных финансовых и ресурсных вложений, что со временем привело к перенапряжению советской экономики.

Поворот в геостратегическом мышлении произошёл с приходом к власти М.С. Горбачёва. С 1985 года начинается пересмотр политики глобальной конфронтации. В рамках концепции «нового мышления» была декларирована установка на отказ от принципа классовой борьбы во внешней политике, переход к партнёрству с Западом, а также приоритет политико-дипломатических методов обеспечения международной безопасности. Данные изменения привели к заключению Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, выводу советских войск из Афганистана, свёртыванию поддержки коммунистических режимов и утрате контроля над странами Восточной Европы.

В результате доктрина ограниченного суверенитета была де-факто заменена на доктрину невмешательства, что повлекло за собой демонтаж стратегических форпостов СССР, поражение в «холодной войне» и последующий распад Советского Союза.

Таким образом, советская геостратегия в послевоенный период развивалась как идеологически заряженный и жёстко централизованный проект, основанный на убеждённости в исторической правоте социалистической модели и конечности капиталистического мира.

Она была интегрирована в цивилизационную парадигму, где внешнеполитическая экспансия рассматривалась как продолжение внутреннего развития. Высокая мобилизационная способность, идеологическая сплочённость и стратегическая жёсткость обеспечивали эффективность в условиях биполярной конфронтации, однако отсутствие гибкости, догматизм и переоценка возможности идеологической экспансии привели к стратегическому краху.

После распада Советского Союза в декабре 1991 года перед Российской Федерацией встала сложная задача определения своей внешнеполитической и геостратегической идентичности. Отсутствие явных внешних военных угроз поставило вопрос о характере новых отношений с Западом и с бывшими союзными республиками. Первоначально в период с 1992 по 1996 годы доминировала ориентация на атлантизм – концепцию равноправного партнёрства с США и странами Западной Европы.

Однако эта политика столкнулась с отсутствием взаимности со стороны западных государств, которые рассматривали Россию как побеждённую сторону в «Холодной» войне и стремились к одностороннему диктату в международных делах.

Проявлением подобного подхода стало расширение НАТО на восток, что свидетельствовало об игнорировании ключевых российский интересов в сфере безопасности. На фоне этой односторонней политики Россия оказалась в ситуации, когда её участие в международных делах воспринималось Западом как нежелательное или второстепенное. Одновременно происходило сокращение вооружённых сил, что символизировало отказ от политики силового давления и подтверждало стремление вписаться в либеральную международную систему на правах равного партнёра.

С 1996 по 1999 годы вектор внешнеполитического курса постепенно смещается от атлантизма к идее многополярности, предусматривающей взаимодействие России как с западными, так и с восточными центрами силы без отдачи приоритета одному из направлений. Этот подход отражал стремление России занять самостоятельное положение в международной системе и выйти из состояния стратегической зависимости.

Внутриполитическая ситуация в России в этот период также оказывала влияние на геостратегические приоритеты. Государство сосредотачивалось на решении острых социально-экономических задач, а внешнеполитическая активность воспринималась как второстепенная. Политическая элита находилась в поиске идентичности и ориентиров: либо принять статус регионального государства, либо предпринять попытку восстановления статуса великой державы.

Перелом наступил в начале XXI века. Осознание несостоятельности прежней политики уступок и надежд на интеграцию в западный мир привело к пересмотру приоритетов. Были обозначены новые внешнеполитические принципы: прагматизм, приоритет национальных интересов, отказ от конфронтации и курс на многовекторность.

К середине 2000-х годов отношения с Западом стали стремительно ухудшаться. Причинами послужили поддержка «цветных революций» на постсоветском пространстве, энергетические конфликты, курс на интеграцию Грузии и Украины в НАТО, признание независимости Косово и строительство элементов системы ПРО вблизи российских границ.

Эти события были восприняты Россией как наступление на её жизненно важные интересы. Формируется новая парадигма российской геостратегии, основой которой становится стремление к суверенной политике и отказу от адаптации к правилам однополярного мира.

В 2007 году на Мюнхенской конференции по безопасности президент Российской Федерации В.В. Путин публично поставил под сомнение легитимность глобального лидерства США, подверг критике архитектуру международных отношений и обозначил неприемлемость вмешательства во внутренние дела других государств под предлогом продвижения демократии. Это выступление стало квинтэссенцией нового подхода во внешней политике России и отправной точкой в формировании самостоятельного центра силы, основанного на собственных интересах, а не на навязанных извне правовых и иных нормах.

В итоге, российская геостратегия постсоветского периода прошла путь от попытки интеграции в западноцентричную международную систему до формирования собственной концепции многополярного мира и укрепления позиций в качестве автономного субъекта мировой политики. Отказ от силы в 1990 годах, продиктованный внутренними трудностями и внешнеполитическими иллюзиями, сменился в начале XXI века осознанием необходимости активной защиты национальных интересов, в том числе путём демонстрации политической и военной субъектности.

Постепенно складывалась новая геостратегическая идентичность России как государства, стремящегося не только сохранить своё влияние в евразийском пространстве, но и участвовать в формировании глобальной архитектуры безопасности на равных с другими центрами силы.

В настоящее время российская геостратегия представляет собой целостную систему планирования, основанную на концепциях многополярности, евразийской интеграции и национального суверенитета. В 2014 году на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» В.В. Путиным была произнесена очередная программная речь.

В ней президент России дал резкую оценку действиям США и их союзников, разрушающих сложившуюся систему международных отношений. При этом в качестве ключевых приоритетов внутренней и внешней политики России были обозначены совершенствование институтов демократии, ускоренное развитие страны на основе традиционных ценностей и укрепление независимости.

Ключевым событием, оказавшим фундаментальное воздействие на отечественную геостратегию, явилась специальная военная операция (СВО) на Украине, начатая в феврале 2022 года. Она стала кульминацией нарастающего конфликта между Россией и Западом по вопросам архитектуры европейской безопасности, расширения НАТО и вмешательства во внутренние дела государств постсоветского пространства.

СВО знаменует собой переход к открытому формату силового отстаивания геополитических интересов России, сопровождающемуся масштабной мобилизацией ресурсов, реформой Вооружённых Сил Российской Федерации, повышением оборонной готовности и переориентацией внешнеполитического курса.

В условиях нарастающего противостояния с коллективным Западом Россия активно развивает сотрудничество с альтернативными центрами силы. Особое значение придаётся стратегическому партнёрству с Китаем, с которым отношения вышли на уровень «всеобъемлющего стратегического взаимодействия».

В ответ на санкционное давление и политическую изоляцию, Россия усилила ориентацию на внутреннюю мобилизацию, импортозамещение, укрепление технологического суверенитета и формирование параллельных международных институтов.

В области безопасности особое внимание уделяется ядерному фактору как ключевому элементу стратегического сдерживания, модернизации и укреплению оборонно-промышленного комплекса России.

Таким образом, современная российская геостратегия представляет собой зрелую, институционально оформленную систему, ориентированную на защиту суверенитета, проецирование силы в приоритетных регионах и формирование многополярного миропорядка.

Её ключевыми особенностями являются возвращение к евразийской идентичности, жёсткое противодействие экспансии Запада, стратегическое партнёрство с Китаем и другими мировыми центрами, акцент на внутреннюю устойчивость как условие внешней эффективности. В подобных условиях Россия стремится не только сохранить свои позиции на международной арене, но и выступать в качестве одного из полюсов силы в глобальной системе XXI века.

2.6. Геометрия и архитектура геостратегического пространства Российской Федерации

Существенная трансформация мирового сообщества в XXI в. (формирование контуров многополярного и многостороннего мироустройства, усиление конфронтации между ведущими державами мира, создание искусственного интеллекта, развитие квантовой информатики и др.) требует новых научных подходов к изучению военного дела: теоретических проблем и практических вопросов, связанных со строительством, подготовкой и действиями вооружённых сил государства в мирное и военное время.

Исходя из этого политическое руководство и военное командование различных государств разрабатывают и внедряют в свою деятельность новые формы достижения геополитических целей.

В декабре 2018 г. командованием ВС США принята концепция «Многодоменная битва: эволюция действий общевойсковых группировок вооруженных сил в XXI веке, 2025–2040 гг.», согласно которой операции и боевые действия ОВС НАТО могут осуществляться совместными усилиями объединений и соединений всех видов и родов войск для достижения поставленной цели под единым командованием.

При этом наиболее перспективной формой применения ОВС НАТО в 2025–2040 годах будет многосферная (многодоменная) операция, проводимая в едином разведывательно-информационном пространстве с использованием преимуществ одновременного применения различных видов вооруженных сил и родов войск при сохранении централизованного управления. Поражение противника планируется осуществлять новыми способами практически одновременно в пяти сферах – на земле, море, в воздухе, космосе и киберпространстве[508].

Россия достигает свои геополитические цели на постсоветском пространстве путем проведения специальной военной операции, начатой в феврале 2022 года, т.е. совокупностью согласованных по целям, задачам, месту и времени специальных действий войск (сил), проводимых по единому замыслу и плану.

Цели СВО на Украине многогранны: разоружение ВСУ; смещение правящего режима; устранение неонацистской идеологии; освобождение Донбасса; возвращение территории Новороссии. По ходу операции цели уточняются. Например, в 2023 году главной целью России в спецоперации было отражение контрнаступлений украинской армии. Опыт и итоги СВО, как военно-политического явления, еще предстоит изучить.

[508] Стучинский В.И., Корольков М.В. Пути противодействия реализации концепции США и НАТО «многодоменная битва». Военная мысль. 2021. № 7. С. 41–49.

Геополитические цели в значительной степени формируются на основе национальных интересов. Пути достижения геополитических целей и реализации национальных интересов можно определять через призму геостратегии.

В настоящем научном исследовании Геостратегию будем рассматривать как научную дисциплину. Ее теоретическая составляющая связана с такими науками, как политология, геополитика и др., прикладная – с военной наукой, географией, демографией, метеорологией и др. Анализ различных подходов к определению сущности и содержания геостратегии позволяет выделить ее атрибутивные качества: сфера военного управления; теория и практика использования военной силы с учетом пространственно-временных параметров[509].

Пространственные параметры объективно включаются в содержание различных определений, раскрывающих содержание военной политики государства. Например, оборона определяется как система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории[510].

Понятие «пространство» широко используется в естественных и общественных науках. Для философии и географии категория «пространство» является базовой. Пространство – всеобщая форма бытия материи, её важнейший атрибут. В мире нет материи, не обладающей пространственными свойствами. Пространство есть форма бытия материи, характеризующая её протяжённость, структурность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материальных системах[511].

По мере развития общества географическое пространство приобретает новые черты и качества. Пространство становится виртуальным, информационным, культурным, политическим, экономическим, стратегическим и пр. Оно выходит далеко за пределы территории страны или региона, раскрывая широкие возможности расширения границ обитания социума[512].

---

[509] См.: Мажуга С.М. Геостратегия России: генезис, состояние и перспективы развития. М.: ВАГШ, 2023. С. 47; Опыт строительства союзного государства Белоруссии и России для развития евразийской интеграции 2012 г. // – URL: http://pda.iam.duma.gov.ru/node/10/4961/19956. (дата обращения: 27.07.2025). – Текст : электронный.

[510] См.: Об обороне: ФЗ РФ от 31.05.1996 № 61-ФЗ. / Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/9446 (дата обращения: 27.07.2025). – Текст : электронный.

[511] Философский энциклопедический словарь. М. : Сов. Энциклопедия, 1983. С. 541.

[512] См.: Балина Т.А., Конышев Е.В., Пономарева З.В., Рязанцев А.С., Столбов В.А. Территория и пространство: трансформация категорий на современном этапе развития географической науки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология, 2022, № 2. // – URL: https://argorussia.ru/sites/default/files/2023. (дата обращения: 21.07.2025). – Текст : электронный.

Пространство обладает такими свойствами как симметрия и асимметрия, конкретная форма и размеры, местоположение, расстояние между телами, граница и характеризуется связностью, непрерывностью и одновременно относительной дискретностью, протяженностью и структурностью.

Материальные объекты, существующие в пространстве, имеют границы. Важным свойством пространства является многомерность. В евклидовой геометрии пространство трехмерно. Этого достаточно для описания неподвижных объектов. Например, технические характеристики моста включают: длину; ширину; высоту – расстояние от уровня проезжей части по оси моста до уровня меженных вод. Неевклидовая геометрия и теория относительности для измерения пространства используют четыре измерения, добавляя к длине, ширине и высоте временное многообразие[513].

В космонавтике учитывается «искривление» или «закручивание» пространства. Опытным путем доказано, что большие космические тела, например Земля, искривляет пространство вокруг себя. С протяженностью пространства неразрывно связаны его метрические свойства, которые определяет порядок расположения объектов и их связи.

Многомерное пространство предоставляет возможность определить местоположение субъекта и его действия посредством векторов – прямолинейных отрезков, которые имеют длину и направление.

Если в качестве субъектов рассматривать государства, то их деятельность определяется интересами и ресурсами. О значении последних высказывался в свое время О. Бисмарк: «Меня не интересуют их намерения, меня интересуют их возможности». Интерес определяет направленность вектора, ресурсы – силу, в аналитической геометрии – длину отрезка.

Сила, являясь векторной величиной, характеризуется модулем, направлением и точкой приложения. На практике сила может значительно зависеть от скорости действия субъекта. Именно это выделяет в своей книге «Наука побеждать» великий полководец, основоположник русской военной теории А.В. Суворов, формулируя принципы военного дела: «Быстрота», «Натиск», «Целеустремленность», «Наступательность» и другие.

Геостратегия оперирует понятиями «геостратегическое пространство», «геостратегическая территория», «геостратегический регион» и др.

Геостратегический регион – пространство, образующееся вокруг государства или группы государств, играющих ключевую роль в мировой политике. В геостратегический регион помимо территорий регионообразующих стран входят зоны их контроля и влияния[514].

---

[513] Философский энциклопедический словарь. Москва : Гардарики, 2006. С. 697.

[514] См.: Политический словарь // – URL: https://terminy.info/jurisprudence/political-dictionary/region-geostrategicheskiy. (дата обращения: 23.09.2025). – Текст : электронный.

Геостратегическое пространство это совокупность территорий земной поверхности, с расположенными на ней объектами, акваторий внутренних морей и Мирового океана, а также околоземного воздушно-космического пространства, являющаяся предметом изучения и учёта в геополитике и военной стратегии. Геостратегическое пространство рассматривается в системе континентальных и океанских стратегических районов, регионов, районов, океанских и морских зон, стратегических направлений, стратегических воздушно-космических направлений и воздушных направлений[515].

Методы геометрии применяются при исследовании геостратегического пространства. Геометрия оперирует понятием «фазовое пространство» — это совокупность всех возможных состояний материальной системы, в нашем случае геостратегического пространства. Если состояние системы определяется n величинами, то система имеет n степеней свободы.

Расширению степеней свободы геостратегического пространства способствует создание новых видов вооружения и военной техники. Например, беспилотной авиации, ракетного комплекса «Орешник» и др.

Так, после постановки на боевое дежурство ракетных комплексов «Воевода» в 1988 года геостратегическим пространством СССР, а затем России стал весь Земной шар. При этом, ракетный комплекс «Воевода» с ракетой Р-36М2 предназначен для поражения всех видов стратегических целей в любых условиях боевого применения. По данным из открытых источников, ракета имеет максимальную дальность 16 тыс. км при стартовой массе более 210 тонн и может нести полезную нагрузку 8 800 кг. Ракета оснащена разделяющейся головной частью с 10-ю боевыми блоками[516]. Полк РВСН, у которого может быть до 10 пусковых установок в состоянии решить стратегическую задачу.

В результате совместной деятельности субъектов (например государств) на земной поверхности создаются геостратегические территории. По определению профессора М.М. Голубчика «территория – это ограниченная часть суши с природными, административными, политическими (и иными) границами, заполненная материальными вещами и явлениями». Она характеризуется границами, устойчивостью, ресурсным потенциалом, определяющими её ценность.

К примеру, в Стратегии национальной обороны и безопасности Франции определено, что в зону геостратегические интересов государства попадают часть Африки – от Сахеля до экватора, Персидский залив и Индо-Тихоокеанский регион.

---

[515] Военный энциклопедический словарь // – URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia. (дата обращения: 25.07.2025). – Текст : электронный.

[516] Энциклопедия РВСН // – URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia. (дата обращения: 26.07.2025). – Текст : электронный.

Анализ внешнеполитической деятельности США за последние полвека показывает, что политическое руководство этого государства держит курс на включение значительной территории Земного шара в свое геостратегическое пространство. Об этом свидетельствует количество военных баз США на всех континентах (рисунок 20).

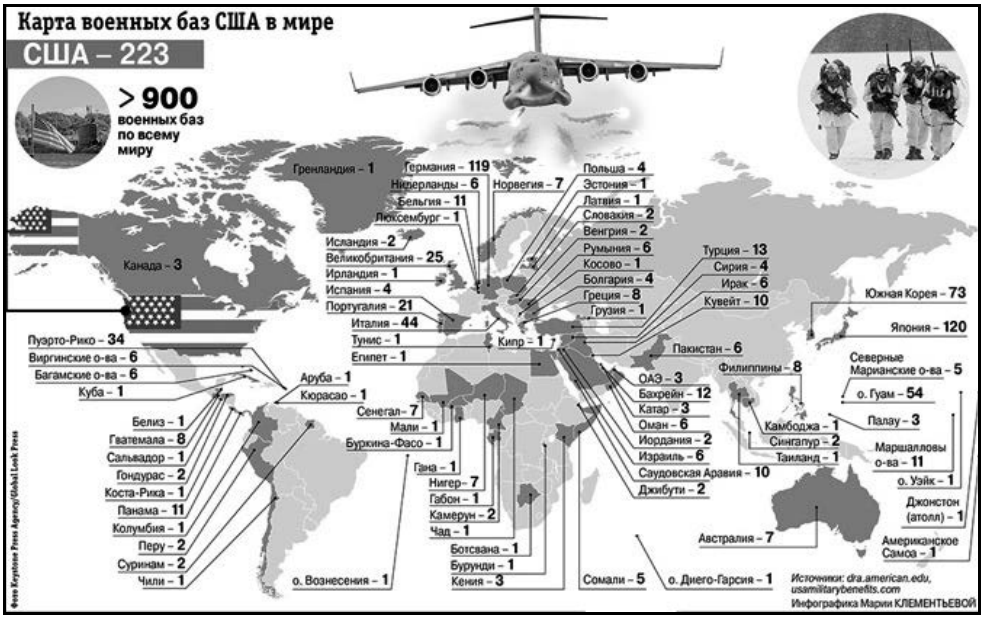

Рисунок 20 – Расположение военных баз США

Геостратегическая территория Российской Федерации – территория в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации (части субъектов Российской Федерации), имеющая существенное значение для обеспечения территориальной целостности и национальной безопасности, развитие которой требует дополнительных ресурсов в связи со специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности[517].

Для понимания диалектики развития того или иного явления ученые используют понятие «организм». Так, Ф. Ратцель писал, что государство можно рассматривать как живой организм, который рождается и развивается, стремясь к территориальному расширению. Г. Спенсер рассматривал общество как эволюционирующий организм, подобный живому организму.

[517] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года // – URL: http://static.government.ru/. (дата обращения: 27.07.2025). – Текст : электронный.

Данный подход позволяет нам отслеживать динамику геостратегической территории, выделять ее качественные и количественные изменения как во времени, так и в пространстве. На конкретной территории могут исчезать и строится города, упраздняться и создаваться военные округа и т.д. Может меняться площадь территории.

Международное право при определённых обстоятельствах допускает ограничения территориального верховенства вплоть до полного перехода его в руки другого государства. Известны около 20 способов приобретения территории: цессия, сецессия, уступка, купля-продажа, дарение, война, интервенция, оккупация, аннексия, репрессалии, блокада, обмен и др. Реализация перечисленных способов приобретения территории происходит путем достижения геополитических и стратегических целей. Стратегические цели определяются военной политикой государств.

Геостратегические цели ставились Россией в ходе проведения специальной военной операции на Украине в 2022 г. В результате достижения, поставленных целей, состав Российской Федерации пополнился Донецкой Народной Республикой (площадь 26 517 кв. км), Луганской Народной Республикой (площадь 26 683 кв. км), Запорожской областью (площадь 27 183 кв. км), Херсонской областью (площадь 28 461 кв. км). Всего Россия приобрела 108844 кв. км[518].

Выступая в МИД России 14 июня 2024 г. президент В.В. Путин заявил: «Жители Херсонщины и Запорожья в ходе референдумов выразили свою позицию, Херсонская и Запорожская области, так же как Донецкая и Луганская народные республики, вошли в состав Российской Федерации. И речи о нарушении нашего государственного единства быть не может. Воля людей быть с Россией незыблема. Вопрос навсегда закрыт и больше не обсуждается»[519]. Ситуацию с включением новых территорий в состав России министр иностранных дел С.В. Лавров назвал реалиями «на земле»[520].

Следует отметить, что территориальные изменения претерпевают и другие государства. В декабре 2024 года Израиль присоединил к своей территории Голанские высоты площадью около 1800 кв. км, которые до 1967 года были частью Сирии. В январе 2025 года президент США Д. Трамп заявил о намерении приобрести Гренландию, которая необходима США «в целях национальной безопасности». Площадь Гренландии 2 166 тыс. кв. км.

---

[518] На 1 января 2025 г. около 17 процентов российской территории находилось под контролем Украины.

[519] Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на встрече с руководством Министерства иностранных дел России, Москва, 14 июня 2024 года // – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1957107/. (дата обращения:27.07.2025). – Текст : электронный.

[520] См.: Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова американскому обозревателю Т. Карлсону, Москва, 6 декабря 2024 года. // – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1985783/. (дата обращения:27.07.2025). Текст : электронный.

Переход от теоретической геостратегии к прикладной требует применение аппарата математических наук и прежде всего геометрии.

Геометрия – часть математики, изучающая пространственные отношения и формы[521]. Она позволяет осуществить интенциональный подход к исследованию геостратегии. Положение любого объекта на Земной поверхности и вне ее описывается системой координат. Расстояние, протяженность, удаленность, площадь и т.д. требуют измерения.

Роль геометрии в военном деле была замечена уже в античном мире. В знаменитом диалоге Платона «Государство» говорится о том, что арифметика и геометрия необходимы каждому воину: «При устройстве лагерей, занятия местностей, стягивания и развертывания войск и разных других воинских построениях, как во время сражения, так и в походах, конечно, скажется разница между знатоками геометрии и тем, кто ее не знает»[522]. И далее у Платона, «геометрия заставляет созерцать бытие».

Созерцание, понимание происходящего на территории возможно посредством таких категорий геометрии как: «расстояние»; «протяженность»; «удаленность»; «площадь» и др. Практическое воплощение этих категорий требует измерения.

Размер (площадь) территории страны рассматривался Ф. Ратцелем, как основа государственной мощи. По его мнению, государства, обладающие территорией размером более 5 млн. кв. км, являются всемирными державами[523]. На 1 января 2025 г. самыми большими по площади государствами мира являются: Россия – 17.316, Канада – 9.985, США – 9.83, Китай – 9.63, Бразилия – 8.51 млн. кв. км.

Площадь государства определяется границами, которые имеют протяженность. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова термин «граница» определен как «линия раздела между территориями». Путем измерения определяется протяженность границы. Суммарная протяжённость государственной границы России составляет 60 932 км, из них 38 808 км – морские границы. Процедура установления границ имеет два этапа: договорное определение направления и положения границы (делимитация) и установление границы на местности (демаркация).

Чтобы привязать территории и их границы к земле, нанести на карты, необходимы геодезия, картография и топография. Основой перечисленных наук является геометрия. Посредством геометрических действий, применением правил и методов геодезии, картографии и топографии, геостратегия превращается в «вещь для себя».

---

[521] Математика. Большой энциклопедический словарь. Москва. : Большая Российская энциклопедия, 1988. С. 143.

[522] Платон Государство. М. : Академический проект, 2015. С. 252.

[523] См.: Ратцель Ф. Политическая география // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б. А. Исаев. Санкт-Петербург : Питер, 2007. – С. 21.

Эти науки позволяют учитывать воздействие человека на геостратегическое пространство и измерять результаты этого воздействия (строительство, модификация, разрушение).

Геодезия позволяет измерить и отобразить отдельные территории на картах и планах. Она определяет координаты и высоты точек поверхности Земли, а также объектов в пространстве. Например, стратегическая железнодорожная линия Москва — Владивосток имеет длину маршрута – 9 288 км. Две федеральные автомобильные дороги, связывающие Москву и Санкт-Петербург М-11 «Нева» и М-10 длинной соответственно 669 и 684 км. Общая протяженность автомобильных дорог и железнодорожных линий геостратегического района важна для расчетов возможностей передвижения и передислокации войск (сил).

Картография позволяет моделировать и отображать пространственное расположение объектов, явлений природы и общества (и их изменений во времени) посредством картографических изображений.

Топография как научная отрасль образовалась на стыке геодезии и картографии. Её основной целью является изучение местности в географическом и геометрическом отношении путём создания топографических карт и планов на основе специальных съёмок – наземных, аэрофотосъёмок и снимков из космоса.

Геометрия необходима в анализе и понимании пространственных паттернов и процессов. Применяя геометрические методы, специалисты могут описывать и анализировать формы рельефа, размещение воинских подразделений и частей, транспортные сети и другие объекты, связанные с пространственной организацией геостратегической территории. Этот анализ обеспечивает описание не только отдельных объектов, но и их взаимодействия во времени и пространстве. Например, строительство оборонительных сооружений, укрепрайонов и т.д.

Пространственно-временные паттерны данных представляют собой интегральный аспект анализа в распределенных системах, которые позволяют исследовать зависимости между различными пространственными и временными характеристиками данных, получаемыми в результате съема беспилотниками и спутниками. Геометрические измерения позволяют давать метрическую характеристику геостратегическим территориям. Для оценки геостратегического района большое значение имеет транспортная инфраструктура. Ее называют линейным каркасом территории. Федеральная служба государственной статистики периодически публикует данные о протяженности автомобильных дорог субъектов Российской Федерации[524].

[524] Протяженность автомобильных дорог по субъектам Российской Федерации в 2008 г. // – URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b09_55/isswww.exe/stg/02-23.htm. (дата обращения: 27.07.2025). – Текст : электронный.

В 2023 году законодательно введено понятие «опорная сеть автомобильных дорог»[525]. Опорная сеть включает в себя совокупность автомобильных дорог, с помощью которых обеспечивается бесперебойное движение транспортных средств и транспортная связанность территории Российской Федерации. Протяженность опорной сети автомобильных дорог в России к 2024 году достигла 140 тыс. км.

Измерение имеет значительное значение при установлении морских и воздушных пространств. На территориальные воды, а также их поверхность и недра, воздушное пространство над ними распространяется суверенитет прибрежного государства. Режим территориальных вод регулируется Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года, а также Федеральным законом от 31.07.1998 г. № 155-ФЗ (ред. от 19.10.2023 г.) «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024 г.)

Рисунок 21 – Правовой режим морских и воздушных пространств

Территориальным морем считается часть моря (океана) в пределах 12-мильной зоны (около 22-х км).

К территориальным водам примыкает 12-мильная прилежащая зона. Она является своеобразным буфером, в котором пограничные силы могут отчасти контролировать мореходство. Иностранные военные суда, как правило, должны получать разрешение для преодоления прилежащей зоны, а подлодки – перемещаться в надводном положении.

[525] О внесении изменений в Федеральный закон «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Федеральный закон от 24.07.2023 № 374-ФЗ

Впрочем, требования чётко не прописаны и регулируются отчасти региональными договорённостями, или «правом сильного». Территориальные воды – это не только 24-мильная область особой ответственности. Государства имеют право первостепенного освоения, так называемой, исключительной экономической зоны (ИЭЗ). Простирается она на 370 км (200 морских миль) от береговой линии (либо внутренних вод), если нет территориальных ограничений в виде морских границ соседних стран. Государство в ИЭЗ может единолично (либо с партнёрами) добывать минералы, разрабатывать месторождения углеводородов, ловить рыбу и другие дары моря, строить ветровые и проводить геологоразведку и т.д. Допускается даже возведение искусственных островов и их экономическое использование[526].

Измерительная деятельность по определению морских границ в Мировом океане сопряжена с жизненно важными национальными интересами Российской Федерации.

К жизненно важным районам (зонам) обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане относятся:

– исключительная экономическая зона и континентальный шельф Российской Федерации, включая континентальный шельф Российской Федерации за пределами 200-мильной исключительной экономической зоны Российской Федерации в Арктическом бассейне в границах, определенных в рекомендациях Комиссии по границам континентального шельфа в соответствии со статьей 76 Конвенции ООН по морскому праву;

– Арктический бассейн, прилегающий к побережью Российской Федерации, включая акваторию Северного морского пути;

– акватория Охотского моря и российский сектор Каспийского моря и др.[527].

Определение внешней границы экономической зоны происходит путем отмера 200 морских миль от внутренней границы территориального моря. Определить и измерить границы континентального шельфа нередко значительно труднее и может растягиваться на годы и десятилетия. Фиксированные точки, составляющие линию внешних границ континентального шельфа на морском дне, должны находиться не далее 350 морских миль от внутренней границы территориального моря, или не далее 100 морских миль от 2500-метровой изобаты, которая представляет собой линию, соединяющую глубины в 2500 метров.

---

[526] См.: Расстояние от берега до нейтральных вод. Международное морское право // URL: https://fgis-tp.ru/rasstoyanie-ot-berega-do-nejtralnyx-vod-mezhdunarodnoe-morskoe-pravo/ (дата обращения: 27.07.2025). – Текст : электронный.

[527] См.: Указ Президента Российской Федерации от 31.07.2022 г. № 512 Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации // pravo.gov.ru // (дата обращения: 27.07.2025). – Текст : электронный.

В зависимости от конкретного района моря или океана 100 морских миль от 2500-метровой изобаты могут выходить за пределы 350 морских миль от внутренней границы территориального моря. Тот или иной вариант внешней границы континентального шельфа устанавливает прибрежное государство. Не всегда это устраивает сопредельные государства.

Примером может служить многолетний спор между СССР (Россией) и Норвегией по разграничению Баренцева моря. Площадь Баренцево моря и прилегающей части Северного Ледовитого океана составляет около 1,4 млн. кв. километров (для сравнения - Балтийское и Черное моря имеют площадь около 0,4 млн. кв. км каждое). Площадь южного участка спорного района составляла примерно 76 тыс. кв. километров.

Рисунок 22 – Морская граница между Россией и Норвегией, установленная в 2010 г.

В сентябре 2010 года между Россией и Норвегией был подписан договор «О разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане». Демаркация морской границы между Россией и Норвегией прошла по «компромиссному» варианту[528], представленному на Рисунке 22.

[528] Колодкин Р. Договор с Норвегией: разграничение для сотрудничества // Международная жизнь. 2011. № 1.

Геостратегические интересы России на Дальнем Востоке неразрывно связаны с Тихим океаном и его морями. Поэтому измерение прибрежной зоны и ее границ имеет важное значение для обеспечения безопасности Дальневосточных рубежей России. Графически прибрежная зона Дальнего востока напоминает неправильный многоугольник (рисунок 23).

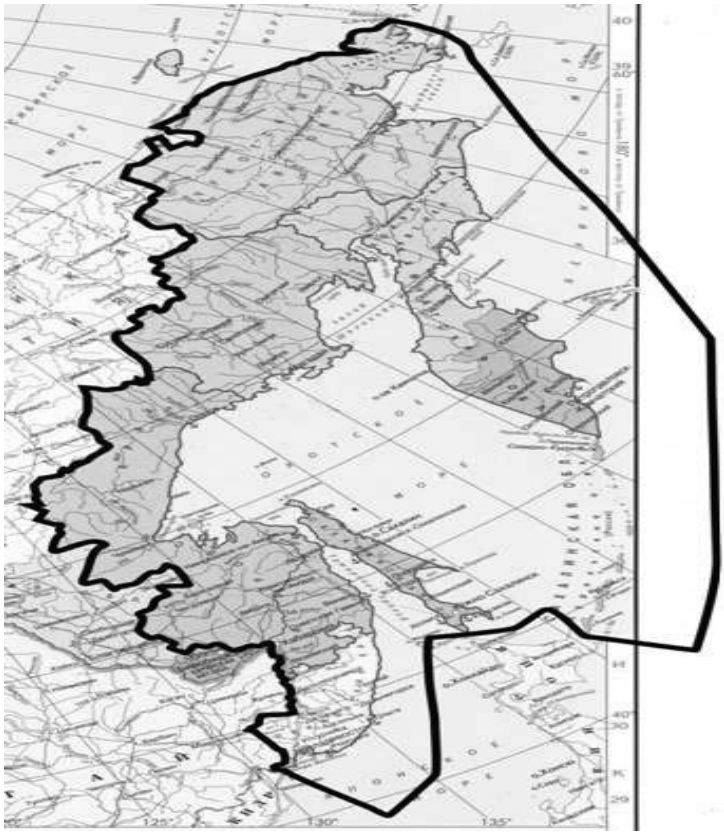

Рисунок 23 – Схематичное изображение прибрежной зоны дальневосточных морей России.

Трудно переоценить роль авиации при подготовке и проведении стратегических операций. Поэтому уничтожение или разрушение аэродромов противника и защита своих является важнейшей задачей боевых действий, в том числе и проведении специальной военной операции. Военными учеными В.В. Синюковым и В.А. Суминым разработан подход, позволяющий выявлять и ранжировать важные объекты авиационной группировки на стратегическом направлении, основанный на применении методов анализа иерархий и экспертных оценок.

На основе проведенного исследования требований, предъявляемых к аэродромам, позволило выделить три группы объектов инфраструктуры авиационных частей, воздействие на которые может привести к потере готовности авиации решать задачи по предназначению[529].

К первой группе относятся объекты, характеристики которых определяются геометрическим измерением. Эти объекты являются элементами летного поля. Взлетно-посадочная полоса (ВПП), магистральная рулежная дорожка (идет параллельно ВПП), зоны рассредоточения авиационной техники и др. На Рисунке 24 ВПП и магистральная рулежная дорожка выделены красным цветом[530].

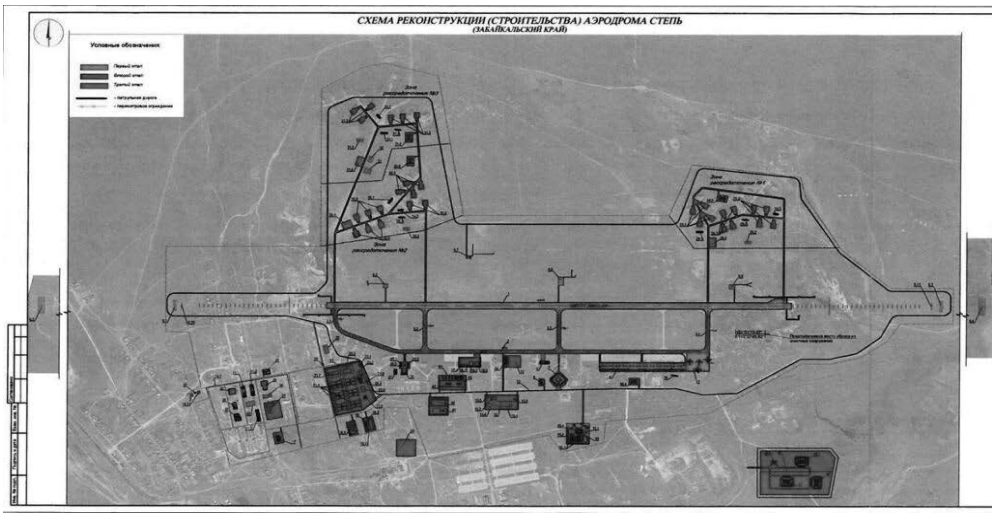

Рисунок 24 – Типовая схема аэродрома.

Организация использования авиации для достижения геостратегических целей требует планирования воздушного пространства на ТВД, содержание которого заключается в определении метрических характеристик зон, районов и маршрутов полетов воздушных судов, районов дозаправок и других элементов. Если структура воздушного пространства на ТВД не определена, то его использование может привести к негативным последствиям[531].

---

[529] См.: Синюков В.В., Сумин В.А. Методика выявления и ранжирования критически важных объектов инфраструктуры авиационной группировки // Военная мысль. 2024. № 7. С. 61– 66.

[530] Военный аэродром «Степь» // – URL: https://energotransproekt.ru/voennyj-aerodrom-step. (дата обращения: 27.07.2025). – Текст : электронный.

[531] См.: Федько С.В. Проблемы организации использования воздушного пространства на театре военных действий // Военная мысль. 2025. № 1. С. 18–23.

Для выполнения боевой задачи группировка самолетов выстраивается в боевой порядок. Самолеты действуют на установленных командиром дистанциях и интервалах, превышениях и принижениях, создающих глубину, ширину и высоту боевого порядка. От построения боевого порядка и соблюдения его геометрической конфигурации во многом зависит выполнение учебной (боевой) задачи. К геометрии боевого порядка предъявляется ряд требований: она должна быть проста, надежна и безопасна; обеспечивать скрытность; быть оптимальной по времени и пространству; обеспечивать универсальность для различных условий полета. Типовые боевые порядки тактической авиации представлены на Рисунке 25.

Рисунок 25 – Боевые порядки тактической авиации.

Современная геостратегия включает космическое пространство. Методы геометрии применяются для ориентации и навигации космических аппаратов и спутников, расчетов их траекторий, определения положения космических объектов относительно других тел космосе. Это необходимо для успешного запуска, стабилизации и управления космическими аппаратами.

Важную роль играют метрические измерения при автоматизированном оценивании стратегической обстановки на основе сравнительного анализа противника и своих войск (сил).

Для этого используется анализ и синтез следующих данных: состав, состояние и положение вооруженных сил сторон, сформированных группировок и их оперативное построение; боевые возможности и количественно-качественное соотношение сил и средств сторон, в том числе по районам и решаемым задачам; тенденции изменения состава, дислокации и боевых возможностей группировок войск (сил) сторон и др.[532].

27 ЦНИИ Минобороны России разработал комплекс математических моделей и информационно-расчетных задач, послуживших основой создания аппаратно-программного комплекса оценки стратегической обстановки для должностных лиц Генерального штаба ВС РФ, поставленного в 2009 г. на опытно-боевое дежурство. Эффективность оценки стратегической обстановки в значительной степени зависит от объема метрических данных, полученных в результате геометрических измерений.

Методы геометрии необходимы при создании различных сооружений, в том числе и тех, которые могут кардинально изменить геостратегическую территорию. Например, Суэцкий и Панамский каналы, Крымский мост, Рокский тоннель, Зангезурский коридор и др.

Рисунок 26 – Строительство Крымского моста (2018)

[532] Беленьков Д.С., Борисенко А.С., Сухорутченко В.В. Актуальные вопросы автоматизации оценки стратегической обстановки при решении задач стратегического сдерживания // Военная мысль. 2024. № 8. С. 66–76.

Крымский мост — самый протяженный в Европе и в России. Общая его протяженность – 19 км. – 11,5 из них проходит по суше, в том числе по острову Тузла, 7,5 км – над морем. Крымский мост включает два моста 4-х полосный автомобильный и двухпутный железнодорожный, ширина проезжей части автодорожной арки, включая полосы безопасности – 23,1 м. Мост имеет арочный пролет длиной 227 и высотой 45 метров, с подмостовым судоходным габаритом высотой 35 м и шириной 185 м, являющимся крупнейшими элементами транспортного перехода (см. Рисунок 26). Природной опорой Крымского моста является остров (коса) Тузла (см. Рисунок 27). О геостратегическом значении Крымского моста говорит тот факт, что его прототип был построен в 1944 года для переброски войск и грузов наступающей Красной Армии. В феврале 1945 г. 10-балльный шторм и ледяной вал со стороны Азовского моря разрушили несколько деревянных опор моста. Опыт советских строителей пригодился для возведения моста в XXI веке.

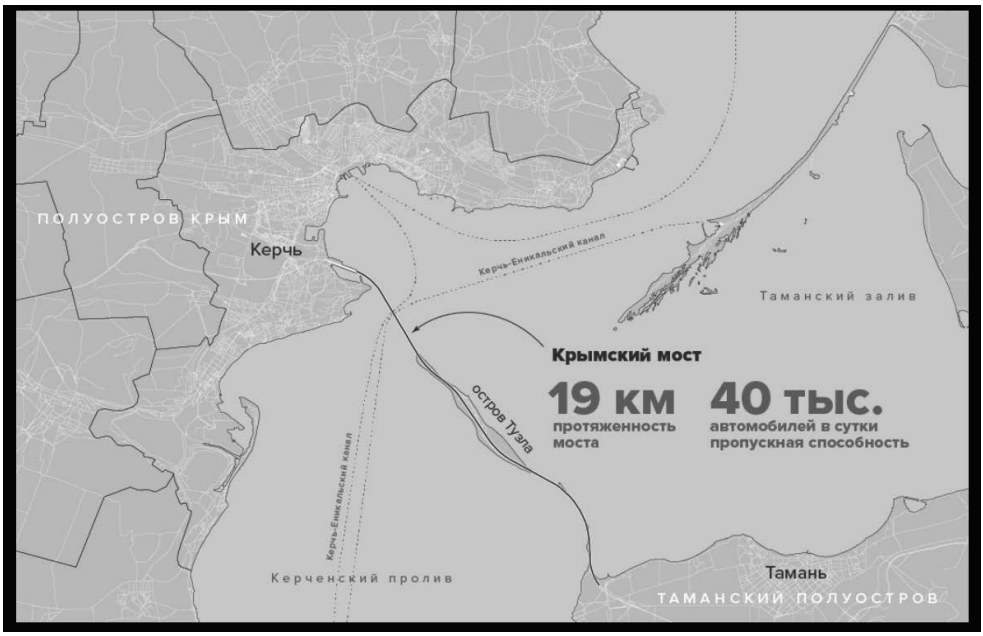

Рисунок 27 – Карта Керченского пролива

Возведение Крымского моста изменило не только геостратегическую территорию Юга России, но и повлияло на геостратегическое пространство всего Большого Средиземноморья. Об этом шла речь в рамках форума «Армия-2018» на круглом столе «Роль судостроения в укреплении военно-морского потенциала России и ее экономической мощи».

Выступая на круглом столе, директор Института общественных наук и международных отношений СевГУ И. Чихарев рассказал о значении региона Большого Средиземноморья для обеспечения стратегического баланса в Мировом океане в интересах России и представил проект «Геостратегический атлас Большого Средиземноморья».

Макрорегион в историческом диапазоне формируется как проекция силовых возможностей и стратегического видения ведущих держав и взаимное наложение таких проекций. Таким образом и очерчиваются границы ключевых политических проектов в регионе и его общие контуры.

Значительно изменится геостратегическое пространство Закавказья и Средней Азии с открытием Турцией и Азербайджаном Зангезурского коридора. Зангезурский коридор – продвигаемый Азербайджаном проект транспортного коридора длиной около 40 км через территорию Сюникской области Армении.

Этот участок войдет в транспортную магистраль, которая обеспечит беспрепятственный сухопутный проход из Нахичевани в собственно Азербайджан откроет Турции ворота к Каспийскому морю и в Среднюю Азию (рисунок 28).

Рисунок 28 – Проект Зангезурского коридора

Применение метода геометрии позволяет перейти от пространственных отношений между реальными объектами к любым отношениям и формам, возникающим при рассмотрении однородных объектов, и сходным с пространственными.

Геометрия способствует формированию образно-графических представлений об исследуемом объекте. Закладывает научную методологию в изучении геостратегии. К особенностям геометрического знания относят степень его визуализации.

Академик А.Н. Колмогоров подчеркивал, что математики по мере возможности стремятся сделать изучаемые ими проблемы геометрически наглядными, поэтому геометрическая интуиция, геометрическое воображение, пространственные представления, всевозможные геометрические их интерпретации играют существенную роль в процессе изучения различных наук. Это в полной мере касается и военной науки.

Результаты измерений легко воспринимаются и обрабатываются. Пространственные модели, построенные с использованием геометрических измерений более совершенны и репрезентативны.

Вместе с тем, некоторые документы государственного стратегического планирования носят абстрактный характер. Например, распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р утверждена Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года.

В разделах Основные направления и задачи пространственного развития Российской Федерации и Приоритеты пространственного развития Российской Федерации. Транспорт нет ни одного числового показателя. Большинство направлений и задач начинаются словами: повысить, расширить, пересмотреть развить, увеличить.

В таком пункте как: создание автодорожных обходов населенных пунктов, устранение лимитирующих объектов транспортной сети автомобильных и железных дорог, снижение доли автомобильных дорог федерального значения, обслуживающих движение в режиме перегрузки, можно было указать конкретные населенные пункты и количество километров обводных автомобильных дорог.

Геометрия способствует формированию образно-географических представлений об исследуемом объекте, обеспечивает его визуализацию, закладывает научную методологию в изучении геостратегии.

2.7. Технологии и методы реализации геостратегии в контексте российской стратегической культуры.

В настоящее время проведение комплексного анализа взаимосвязи между исторически сложившейся стратегической культурой России и конкретными технологиями реализации её геостратегических целей является актуальной научной задачей. При этом особое внимание должно быть уделено практическим аспектам: созданию и поддержанию буферных зон безопасности, использованию энергетической дипломатии, осуществлению многовекторного сотрудничества, применению информационных операций и развёртыванию военно-стратегического присутствия. Углублённое научное понимание стратегической культуры способствует более эффективному и скоординированному принятию практических решений в условиях растущей геополитической турбулентности и формирования нового мирового порядка.

Стратегическая культура представляет собой совокупность ценностей, традиций, норм, установок и привычек, которые формируют подход государства к вопросам безопасности и стратегии. Эти элементы передаются через социальные и политические институты, обеспечивая устойчивость и уникальность поведения страны на международной арене. В сущности, это «культурный код» безопасности, отражающий исторический, социальный и политический опыт нации, на основе которого строится национальная стратегия. Изучение стратегической культуры критически важно, поскольку позволяет точно прогнозировать действия государства в кризисах и анализировать его реакции на глобальные вызовы. Без понимания этого кода внешняя политика кажется хаотичной или иррациональной, а аналитики рискуют ошибиться в оценках. Например, различия в стратегических культурах России и США объясняют их противоположные подходы к конфликтам, что помогает дипломатам и экспертам разрабатывать эффективные стратегии взаимодействия.

Историческое развитие концепции стратегической культуры.

Феномен стратегической культуры как глубокого культурного кода, определяющего поведение нации при применении силы и достижении политических целей, имеет гораздо более древние корни, чем сама научная концептуализация этого термина. Классические авторы античности и раннего модерна интуитивно фиксировали культурные различия в способах ведения войны и дипломатии. Фукидид, описывая Пелопоннесскую войну, показывал, как различные представления афинян, спартанцев о чести, страхе и целесообразности обусловливали их стратегические выборы[533].

[533] Фукидид. История Пелопоннесской войны. Пер. с др.-греч. – СПб.: Наука, 1999. – С. 45–89.

Сунь-цзы в своём трактате подчёркивал, что война невозможна вне понимания моральной атмосферы общества, его политических условий и качеств правителя, тем самым фиксируя исходное понимание культурного контекста военной стратегии[534].

Карл фон Клаузевиц, определив войну как продолжение политики иными средствами, указал на неразрывную связь между политическими амбициями государства, коллективной идентичностью его народа и конкретными способами применения военной силы[535].

В 30-е гг. XX столетия эта аналитическая линия развилась в работах британского военного теоретика Б. Лиддел Гарта, введшего концепцию «way of war» (соотносимую с концепцией стратегической культуры), как национально специфичного подхода к ведению боевых действий[536].

Советский военный теоретик Б.М. Шапошников в своём фундаментальном труде «Мозг армии» показал сложные механизмы трансформации политических решений в оперативные действия и обозначил источники системных сбоев при несовпадении политических амбиций с реальными возможностями государства[537].

Современная профессиональная концептуализация же стратегической культуры обычно связывается с монографией американского политолога Джека Снайдера «The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations» (1977).

Снайдер предположил, что фундаментальные различия между советскими и американскими подходами к ядерной стратегии обусловлены не просто техническими расчётами, но глубокими культурными установками, историческим опытом вторжений и идеологическими представлениями о справедливости и безопасности[538].

Последующие поколения исследователей развивали и уточняли эту идею. Колин Грей рассматривал стратегическую культуру как относительно устойчивый, но при этом подверженный эволюции контекст стратегического выбора элит. Согласно труду автора, стратегическая культура формируется историческим опытом и национальными традициями мышления о применении силы[539].

---

[534] Сунь-цзы. Искусство войны // Древнекитайский военный трактат. – М.: АСТ, 2014: [сайт]. – URL: https://realaiki.ru/wp-content/uploads/2018/12/iskusstvo_voini.pdf (дата обращения: 17.01.2026). – Текст: электронный.

[535] Клаузевиц К. фон. О войне. Пер. с нем. – М.: Топ-Хаус, 2010. – С. 15–35.

[536] Гарт Л., Базил Г. Новый путь современных армий / пер. с англ. О. Триэль. — Москва; Санкт-Петербург : Гос. изд-во, Отд. военной лит, 1930. – 264 с.

[537] Шапошников Б.М. Мозг армии. – М.: Воениздат, 1927. – С. 78–145.

[538] Snyder J. Советская стратегическая культура: последствия для ограниченных ядерных операций. – Santa Monica: RAND Corporation, 1977. – P. 1–45.

[539] Gray C.S. Стратегическая культура как контекст // Review of International Studies. – 1999. – Vol. 25, № 3. – P. 49–69.

Алистер Иан Джонстон, исследуя стратегическую культуру Китая, демонстрировал, как многовековой исторический опыт государства, сформировавшийся в течение двух тысячелетий, продолжает влиять на современные подходы к вопросам безопасности и военного планирования[540]. Джонстон серьёзно относится к концепции стратегической культуры как к идеологической среде, ограничивающей выбор поведения, из которой можно сделать конкретные прогнозы относительно стратегического выбора.

Важным теоретическим поворотом стало антропологическое переосмысление культуры, связанное с работами Клиффорда Гирца, который определил культуру как систему смыслов, воплощённую в символах, практиках и нарративах, через которые люди интерпретируют мир и коммуницируют друг с другом[541].

Применение этого подхода к сфере безопасности и стратегии позволило анализировать стратегическую культуру не только через формальные доктрины и программные документы, но через политический язык, исторические нарративы, ритуалы и символические жесты государственных лидеров.

Для многих исследователей поворотным моментом в осмыслении роли культурного подхода в политической науке стало знаковое выступление президента А. Видальского перед Американской ассоциацией политических наук (APSA) в 1987 году, которое фактически дало официальное одобрение новому пониманию политических процессов.

В советской и российской научной традиции интерес к феномену, обозначаемому в современной западной науке как стратегическая культура, возник в рамках военной теории, геополитических исследований и историко-политического анализа задолго до распространения самого термина в отечественной литературе.

Генрих Александрович Трофименко, выдающийся советский специалист по США, стал ключевым предшественником современных подходов к анализу стратегической культуры. В своих монографиях, он выделял устойчивую триаду американских стратегических представлений: веру в американскую исключительность, абсолютный приоритет военной мощи и практическую идеологию «просвещённого эгоизма»[542].

В постсоветский период целостное и научно обоснованное понимание стратегической культуры России в контексте решения проблем национальной безопасности сформулировал академик Российской академии наук А.А. Кокошин.

---

[540] Johnston A.I. Культурный реализм: стратегическая культура и гранд-стратегия в китайской истории. – Princeton: Princeton University Press, 1998. – P. 34–78.

[541] Geertz C. Интерпретация культур. – New York: Basic Books, 1973. – P. 5–45.

[542] Трофименко Г.А. США: политика, война, идеология. – М.: Мысль, 1976. – С. 89–156.

В его классическом определении стратегическая культура – это совокупность стереотипов устойчивого поведения соответствующего субъекта при масштабном применении военной силы, в том числе при подготовке, принятии и реализации стратегических решений; а также особый, присущий данной стране и её народу характер поведения вооружённых сил и способов использования силы[543]. Эта дефиниция подчёркивает операциональный, практический характер стратегической культуры: это не просто набор идеальных представлений о войне и мире, но конкретный поведенческий код, проявляющийся в реальных конфликтах, кризисах и в процессах принятия стратегических решений.

Значительный вклад в осмысление российской стратегической культуры внесли также А.А. Свечин, развивавший идею стратегии как искусства соотношения целей и средств в условиях длительных войн; Д.В. Тренин, анализировавший трансформацию российской стратегии и её переориентацию после распада Советского Союза; П.А. Цыганков, исследовавший русские претензии на статус великой державы в современной системе международных отношений[544].

Особую роль в современных исследованиях играют работы А.А. Бартоша, показывающие, как стратегическая культура может использоваться в качестве инструмента «мягкой силы» и в качестве объекта прогнозирования в условиях гибридных конфликтов и информационной войны, а также исследования Т.А. Алексеевой, встраивающие стратегическую культуру в более широкий контекст политической культуры и цивилизационной идентичности государств[545].

Э.Н. Ожиганов выделил функциональное и практическое значение анализа стратегической культуры в политическом анализе. По его мнению, она преодолевает этноцентризм в оценке поведения других государств; разрушает искусственную грань между внутренней политической средой и внешней средой безопасности; объясняет кажущуюся иррациональность в поведении государств; и обеспечивает практическое руководство для выработки эффективной политики[546].

---

[543] Кокошин А.А. Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. - М.: МГИМО (Университет); (РОССПЭН), 2003. - 528 с.

[544] Свечин А.А. Основы военной доктрины // Русская военная доктрина: материалы дискуссий 1911-1939 годов. – М.: Военный университет, 1994. С. 45–78; Тренин Д.В. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. – М.: Альпина Паблишер, 2021. С.471.; Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. – М.: Радикс, 1994. С. 15–28.

[545] Бартош А.А. Стратегическая культура в конфликтах XXI века: монография. – М.: Горячая линия – Телеком, 2020. С. 45–68; Алексеева Т.А. Стратегическая культура: эволюция концепции. – Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 130-147.

[546] Ожиганов Э.Н. Стратегическая культура: понятие и направления исследований // Вестник РУДН. Серия Политология. 2012, № 2. С. 91–102.

Стратегическая культура России: происхождение, содержание, геостратегические проекции.

Стратегическую культуру России целесообразно понимать как исторически сформировавшуюся и воспроизводящуюся систему представлений государственной элиты и общества о допустимых целях и легитимных средствах внешнеполитической и военно-политической деятельности, о роли вооружённых сил и государства в обеспечении безопасности, о месте страны в мировой системе, о ценности суверенитета и статуса великой державы[547].

Российская стратегическая культура формировалась под воздействием трёх взаимодополняющих и взаимоусиливающих факторов.

Первый фактор – геополитический. Россия не имела естественных и надёжных границ на большей части своей территории, что исторически создавало перманентный дефицит стратегической безопасности. Огромные открытые степные и лесные пространства и отсутствие защитных природных преград (горных хребтов, морских проливов) обусловили необходимость систематического расширения контролируемого пространства и создания буферных зон как механизма выживания государства. Со времён Ивана Грозного и до конца XIX века русское государство расширялось непрерывно – не столько из амбиций территориального завоевания, сколько как логическое следствие географической логики национальной безопасности[548].

Второй фактор – исторический опыт вторжений и военных угроз. Россия пережила множество потенциально катастрофических вторжений: от татаро-монгольского нашествия XIII века до наполеоновских войн начала XIX века и немецкой агрессии XX столетия. Эти исторические опыты кристаллизовались в глубокое убеждение, что война – это экзистенциальное испытание для государства и народа, требующее полной мобилизации всех национальных ресурсов. В этом контексте военная мощь воспринимается не как средство территориального расширения или завоевания богатств, а как инструмент выживания и сохранения независимости[549].

Третий фактор – цивилизационная государственная структура. Россия всегда была многонациональным и многоконфессиональным государством, объединяющим под единым суверенитетом десятки этносов и религиозных общин. Русская империя легитимизировала себя через идеологию «официальной народности» (народность, православие, самодержавие) в XIX веке, а позднее Советский Союз – через идеологию пролетарского интернационализма.

---

[547] Кокошин А.А. Указ. соч. С. 25–28.

[548] Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. New York: Random House, 1987. P. 118–145.

[549] Богатуров А.Д. Новые поколения внешнеполитических доктрин России / А.Д. Богатуров, О. В. Лебедева // Международная жизнь. 2022, № 6. – С. 8–19.

Это создало особый, отличный от западноевропейского национального государства, тип государственности, в котором территориальное единство, политическая централизация и культурная близость между элитой и населением воспринимаются как самостоятельные, независимые ценности[550].

Различие между стратегической культурой и геостратегией важно для корректного понимания российской политики. Стратегическая культура – это глубокий, медленно эволюционирующий уровень установок и представлений о допустимом и необходимом. Геостратегия – это конкретный набор целей, планов и средств на определённом историческом периоде. Геостратегия России реализует логику стратегической культуры, воплощая её в конкретные политические и военные инструменты.[551]

Официальные российские документы стратегического планирования – Концепция внешней политики Российской Федерации (2023), Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2021), Военная доктрина Российской Федерации (2014) – фиксируют устойчивые геостратегические установки:

– сохранение и укрепление России как одного из главных центров силы в многополярной системе международных отношений;

– обеспечение недопущения враждебных коалиций и развёртывания военных баз противника на границах;

– защита прав соотечественников и культурно-цивилизационных интересов России в соседних странах;

– формирование альтернативной архитектуры мирового порядка, основанной на принципах многополярности, уважении культурного многообразия и равноправии всех цивилизаций.

Все эти геостратегические установки логически вытекают из стратегической культуры и одновременно её укрепляют и воспроизводят. Когда политический класс вновь и вновь воплощает в практику определённые стратегические действия – расширение буферных зон, использование энергетических рычагов, информационное воздействие, военное присутствие – это не просто тактическое реагирование на текущие вызовы, но воплощение в жизнь глубокого культурного кода, сформировавшегося многими столетиями исторического развития государства. Одна из самых устойчивых, долговечных и структурообразующих стратегических практик России – создание, поддержание и расширение системы буферных зон, то есть территорий, служащих барьером между российской метрополией и потенциальными враждебными силами.

---

[550] Sakwa R. One Europe or None? Monism, Involution and Relations between Russia and the EU // European Politics and Society. 2018. Vol. 19, No. 1. P. 5–24.

[551] Кокошин А.А. Современные геополитические трансформации: интересы России и российское общество – М.: Общественные науки и современность, 2024, № 2. – С. 7–25.

Буферные зоны и логика стратегического периметра

Концепция буферных зон составляет логическое и практическое воплощение географически обусловленного дефицита безопасности, который Россия исторически преодолевала путём пространственного расширения.

Историческая генеалогия буферных зон в российской политике восходит минимум к XVI веку – эпохе Ивана Грозного, когда московское государство начало систематическое завоевание татарских ханств (казанского, астраханского), а затем сибирских территорий.

На протяжении нескольких столетий – вплоть до конца XIX века – русское государство расширялось почти непрерывно, в среднем на 130 квадратных километров в день[552]. Это расширение не было следствием амбициозных фантазий отдельных правителей; оно выражало логику выживания государства в условиях отсутствия естественных защитных границ.

При Петре I произошло существенное переориентирование российской геостратегии: Россия начала позиционировать себя как европейскую великую державу, способную конкурировать с Францией, Австрией и Пруссией.

Однако географическое положение между европейским Западом и азиатским Востоком создало двойственное цивилизационное самосознание – Россия воспринимала себя одновременно как европейское государство по политической культуре и системе государственного управления, но евразийское по территориальной протяжённости и демографической структуре[553].

В советский период большевистское руководство, и, в частности, Иосиф Сталин, формально отвергало монархический и национальный легитимизм Российской империи, но на практике не только воспроизводило, но и интенсифицировало основную логику её геополитического развития. Создание советского «социалистического лагеря» в Восточной Европе, Азии, Африке и Латинской Америке представляло прямое продолжение концепции буферных зон, переформулированную в СССР в социалистический интернационализм и защиту первого в мире рабочего государства[554].

В постсоветский период концепция буферных зон вновь стала центральной в русском стратегическом мышлении и политической риторике, особенно после волн расширения НАТО на восток в 1999, 2004, 2008 гг.

---

[552] Kennedy P. Op. cit. P. 123.

[553] Матвеева А.М. Российская геостратегия морской силы в условиях гибридных вызовов // Преподаватель XXI. 2020. № 3. С. 54–72.

[554] Трофименко Г.А. Военно-политическая стратегия США и американская политика в НАТО (1945-1965 гг.): диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.00. – Москва, 1967. – 512 с.

Российское руководство расценивало игнорирование неформальных гарантий из Основополагающего акта Россия-НАТО 1997 г. не как дипломатический инцидент, а как целенаправленное уничтожение ключевых стратегических резервов России в Восточной Европе. Буферная зона выполняет в геостратегии несколько взаимосвязанных функций:

– предотвращает развёртывание враждебной военной инфраструктуры (базы НАТО) вблизи российских границ;

– создаёт стратегическую глубину, позволяющую российскому государству выиграть критическое время для мобилизации ресурсов и переброски войск в случае военного конфликта;

– контроль над буферными территориями повышает возможности разведывательного мониторинга и раннего предупреждения о намерениях противника;

– буферная зона служит инструментом культурной и экономической интеграции, создавая долгосрочные рычаги влияния на соседние государства.

Для государственных служащих, работающих над региональной политикой и стратегическим планированием, критически важно глубокое понимание того, что в русском политическом мышлении и стратегической культуре политика в отношении соседних государств всегда воспринимается как вопрос безопасности в экзистенциальном смысле, а не просто как область экономического или культурного взаимодействия.

Это требует более сложного, чем в других регионах, аналитического и практического подхода к стимулированию экономического сотрудничества, культурных обменов и социальной интеграции в буферных государствах.

Необходимо разработать систему постоянного мониторинга военного присутствия западных держав в регионе, включая анализ развёртывания войск, поставок вооружений и участия в военных учениях.

Инвестиции в трансграничную инфраструктуру (энергопроекты, транспортные коридоры, портовые сооружения) следует планировать как часть стратегии создания устойчивой экономической взаимозависимости, повышающей издержки для потенциального противника от агрессии.

Энергетическая дипломатия как средство геостратегического влияния

Энергетическая дипломатия занимает центральное место в геостратегическом инструментарии России и представляет собой прямое воплощение глубокой логики стратегической культуры. Это не простая случайность, обусловленная географией и наличием богатых месторождений нефти и газа.

Энергетическая дипломатия отражает исторически установленное понимание того, что контроль над ценными ресурсами и их распределение всегда коррелировали с политической властью и международным влиянием.

Создание разветвлённой системы нефте- и газопроводов, экспортирующих углеводороды в страны Европы, Азии и других регионов, одновременно решает несколько переплетающихся геостратегических задач:

– обеспечивает государственный бюджет долгосрочными, относительно предсказуемыми доходами, поддерживающими функционирование государственного аппарата, оборонного комплекса и социальной инфраструктуры;

– формирует устойчивую экономическую взаимозависимость между странами-потребителями энергии и Россией, создавая материальные стимулы для сохранения стабильных политических отношений;

– развитие трубопроводной инфраструктуры, проходящей через третьи страны, делает эти государства участниками энергетического процесса и автоматически повышает их заинтересованность в стабильности отношений между производителем и потребителем энергии.

По состоянию на 2023–2026 годы происходит стратегическая переориентация основного потока углеводородов из Европы на азиатские рынки – в первую очередь в Китайскую Народную Республику, Индию, страны Юго-Восточной Азии и Ближний Восток. Эта переориентация соответствует исторической логике России развивать альтернативные маршруты экспорта и избегать экономической зависимости от одного географического направления.

Развитие Северного морского пути служит нескольким геостратегическим целям: сокращает расстояния морских перевозок между европейскими и азиатско-тихоокеанскими портами; усиливает роль России как связующего звена между атлантической и тихоокеанской экономическими системами; расширяет возможности экспорта углеводородов и других товаров из российской Арктики.

Строительство портовой инфраструктуры вдоль маршрута (Сабетта, Варандей, «Ворота Арктики») превращает Арктику из зоны отдалённых и трудноразрабатываемых ресурсов в динамичный, экономически привлекательный центр мировой морской торговли.

Государственные служащие, работающие в энергетическом секторе, должны руководствоваться следующими приоритетами развития энергетической дипломатии:

– развитие экспорта углеводородов не только в страны Азии, но и на африканский континент, в регионы Ближнего Востока, в государства Латинской Америки снижает системную уязвимость перед санкционным давлением какого-либо отдельного государства или коалиции;

– инвестиции в производство сжиженного природного газа и развитие танкерных перевозок обеспечивают большую гибкость в оперативном выборе покупателей и маршрутов доставки, нежели трубопроводы, чувствительные к политическому давлению в странах-транзитёрах;

– развитие системы расчётов в национальных валютах требует постоянной координации между центральными банками партнёров и целенаправленного развития альтернативных международных платёжных и финансовых систем;

– стратегическое планирование в энергетическом секторе должно включать не только коммерческие показатели (выручка, прибыль, рентабельность), но и геополитическую оценку проектов с точки зрения их влияния на российское влияние в ключевых регионах мира;

– диверсификация портфеля стран-потребителей должна быть непреложным приоритетом государственной политики.

Многовекторная дипломатия.

Многовекторная дипломатия – это сложное искусство одновременного развития многоаспектных отношений со множеством государств и региональных акторов, часто имеющих противоречивые интересы, с целью максимизации собственного влияния и автономии и минимизации зависимости от какой-либо одной доминирующей державы. Эта стратегия глубоко укоренена в русской политической культуре и восходит к дипломатическому искусству Екатерины II и к практикам великих державных деятелей, плоды трудов которых русские политики изучали как образцы балансирования между конкурирующими центрами силы.

В советский период многовекторность проявлялась в активной поддержке национально-освободительных движений в Азии, Африке и Латинской Америке, одновременно сохраняя стратегическое партнёрство (и позднее противостояние) с Китаем.

В современный период многовекторность реализуется через активное и дифференцированное участие в различных организациях и форматах: БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз, Организация договора о коллективной безопасности, Содружество независимых государств – одновременно поддерживая сложные и многослойные отношения с другими центрами силы и региональными лидерами.

БРИКС и ШОС служат выполнению нескольких взаимосвязанных стратегических функций:

– демонстрируют реальную и институционально оформленную альтернативу западноцентричному миропорядку, исторически основанному на доминировании США и их западных союзников.

– создают форум для регулярной координации позиций государств, ориентированных на многополярность и коллективно отвергающих принцип гегемонии одной державы.

– стимулируют разработку и реализацию альтернативных финансово-экономических механизмов, включая развитие расчётов в национальных валютах, независимых от доллара.

БРИКС активно разрабатывает собственный платёжный механизм и альтернативные системы расчётов, защищённые от санкционных рисков и независимые от американской системы SWIFT. ШОС фокусируется на обеспечении безопасности и ускорении экономического развития в евразийском регионе, координируя позиции государств-членов по вопросам борьбы с международным терроризмом, контрабандой наркотиков и иными региональными вызовами безопасности.

Государственные служащие, занимающиеся многовекторной дипломатией и координацией с интеграционными организациями, должны помнить несколько фундаментальных принципов. Необходимо сохранять стратегический баланс между углублением сотрудничества с ключевыми партнёрами (в первую очередь с Китаем и Индией) и твёрдым сохранением российской автономии в принятии решений.

БРИКС и ШОС следует рассматривать не как конкурирующие форматы, а как дополняющие и синергичные системы: БРИКС ориентирован глобально, охватывая множество континентов; ШОС ориентирована на региональную безопасность и экономическое развитие в Евразии. Развитие альтернативных платёжных систем и инструментов финансирования должно быть высочайшим приоритетом долгосрочной экономической и стратегической политики; это позволит значительно снизить системную зависимость глобальной торговли от доллара и западных санкционных рычагов воздействия.

Информационные операции и управление восприятием.

Информационно-психологические операции представляют собой современное выражение древней и универсальной практики манипулирования восприятием противника, его деморализации, разделения его коалиций и создания благоприятных для себя условий для влияния. Хотя технологии, используемые для осуществления этих операций, постоянно эволюционируют в соответствии с быстрым развитием средств коммуникации и информационных технологий, базовая логика этих операций остаётся исторически стабильной.

В советский период информационная работа была составной частью глобальной стратегии холодной войны, включая идеологическую пропаганду, активные операции органов госбезопасности (КГБ) по влиянию на общественное мнение в других странах, поддержку коммунистических движений и антиамериканских организаций. При этом советское руководство разрабатывало сложные теории и стратегии о том, как идеология и информация влияют на исход больших политических и военных конфликтов.

В XXI веке информационная борьба приобрела качественно новые формы в связи с развитием интернета, социальных сетей, цифровых платформ и глобальных средств коммуникации.

Концепция гибридной войны – координированное применение государством или коалицией государств целого спектра средств борьбы (традиционные военные операции, экономические санкции, информационные атаки, кибератаки, поддержка вооружённых группировок) – требует полной мобилизации национальных ресурсов[555].

Стратегическая культура России традиционно предполагает активную, инициативную государственную роль в управлении и контроле информационного пространства.

В отличие от западного подхода, теоретически основанного на предположении о саморегуляции рынка информации и конкуренции идей, российский подход исходит из понимания информации как стратегического ресурса, который должен находиться под государственным контролем и направляться в интересах национальной безопасности.

Государственные служащие, ответственные за информационную политику и стратегическую коммуникацию, должны развивать собственные информационные платформы и системы, независимые от западных компаний и находящиеся под контролем российских интересов. Это требует значительных инвестиций в разработку и развёртывание альтернативных социальных сетей, независимых новостных агентств и медиа-платформ.

Стратегическое использование информации и пропаганды должно быть более открытым и честным перед отечественной аудиторией; систематическое преувеличение угроз и искажение информации о реальности подрывают доверие общества к государственным источникам и ослабляют государство в долгосрочной перспективе.

Борьба с западной информационной гегемонией требует не просто опровержения недостоверной информации, а предложения привлекательных альтернативных нарративов о мировом порядке, моделях развития, которые привлекали бы аудиторию, особенно в государствах Глобального Юга. Цифровой суверенитет (разработка национальных операционных систем, сетевых протоколов, защита критической информационной инфраструктуры) должен стать приоритетом государственной политики.

Военное присутствие.

Несмотря на растущее значение экономических, информационных и культурных инструментов влияния, военная мощь и боевая готовность остаются в стратегической культуре России одними из ключевых факторов, определяющих национальное влияние и способность реализовывать стратегические интересы.

Это отражено в постоянных и значительных инвестициях в развитие вооружённых сил, модернизацию ядерного арсенала и расширение военно-стратегического присутствия в ключевых регионах мира.

[555] Бартош А.А. Указ. соч. С. 48–65.

Военно-стратегическое присутствие России проявляется в нескольких взаимодополняющих формах: размещение постоянных и временных военных баз в партнёрских и союзных странах (Абхазия, Таджикистан, Казахстан); регулярное проведение совместных военных учений с союзниками для развития совместимости и координации боевых действий; поставки современного вооружения и военного оборудования странам, ориентированным на Россию; демонстрационное развёртывание стратегических сил (ядерные подводные лодки, стратегические бомбардировщики) в целях сдерживания и демонстрации мощи.

Ядерный арсенал занимает центральное место в стратегии национальной безопасности России. В отличие от западных подходов, где ядерное оружие воспринимается в основном как средство сдерживания, в российской военной доктрине ядерное оружие играет более активную роль, включая возможность его использования в локальных вооружённых конфликтах при определённых экстремальных условиях.

Обновление ядерного арсенала, включая разработку гиперзвуковых носителей и новых систем доставки, направлено на сохранение надёжного стратегического сдерживания перед лицом развития западных систем противоракетной обороны.

Государственные служащие, занимающиеся оборонной политикой, планированием вооружённых сил и анализом военной угрозы, должны обеспечить разумный баланс между поддержкой постоянной боеготовности вооружённых сил, текущим обслуживанием и модернизацией оборудования и инвестициями в оборонно-промышленный комплекс для разработки и производства новых видов вооружений и военной техники. Военное сотрудничество с союзниками и партнёрами требует расширения совместных учений, обмена опытом и поставок современного оружия. Военная доктрина должна постоянно адаптироваться к развитию новых видов угроз и современных технологий, включая кибератаки, беспилотные системы и гибридные конфликты.

Культурная интеграция и механизмы мягкой силы.

Русский язык и русская культура являются наиболее долгосрочными и эффективными инструментами российского влияния в соседних странах и в более широком мировом сообществе. В отличие от дипломатии, основанной на договорах и соглашениях, которые легко могут быть расторгнуты или нарушены, культурные связи создают устойчивую, глубокую и долгосрочную основу для сотрудничества и взаимопонимания.

На протяжении XX века русский язык служил языком межнационального общения в Советском Союзе и одним из главных языков в социалистическом лагере. После распада СССР волна русофобии и языковой дискриминации в некоторых постсоветских странах привела к системному вытеснению русского языка из официального использования.

Это было воспринято в России как попытка разорвать культурные связи с бывшими советскими республиками и ослабить русское влияние. Защита русскоязычного населения в соседних странах стала центральной и весьма значимой темой в русском политическом дискурсе и официальной политике.

Это не просто вопрос защиты прав культурного и языкового меньшинства в соответствии с международным правом. Это также средство сохранения российского влияния в постсоветском пространстве и культурно-цивилизационное обоснование необходимости российского участия во внутренних делах соседних государств в целях защиты прав соотечественников.

Государственные служащие, ответственные за внешнюю культурную политику и международные обмены, должны развивать масштабные инвестиции в образование за рубежом, включая создание русских школ, гимназий и университетских программ в ключевых странах Азии, Африки и Латинской Америки; это может привлечь молодых людей к русской культуре и языку и создать долгосрочную базу для российского влияния. Поддержка театральных, музыкальных, кинематографических проектов и активная пропаганда русской литературы и искусства за рубежом способствуют созданию позитивного образа России в мире.

Защита прав русскоязычного и российского населения в зарубежных странах должна осуществляться дипломатическими и правовыми средствами, а не путём угроз или открытого вмешательства; это укрепит моральный авторитет России и обеспечит большую поддержку в мире.

Геостратегия в условиях гибридных конфликтов и цивилизационного переустройства.

Традиционная российская стратегическая культура была сосредоточена на ядерном сдерживании и защите ближайшего окружения. В условиях гибридной войны эта культура расширяется, включая развитие цифрового суверенитета, создание альтернативных информационных платформ, экономическую диверсификацию и формирование стратегических альянсов, способных противостоять санкционному давлению запада.

Концепция России как государства-цивилизации стала центральной в официальном политическом дискурсе России в последние два десятилетия. Согласно этому пониманию, Россия позиционирует себя не как просто национальное государство в европейском смысле (подобное Франции или Германии), но как живой организм множества народов, культур и религий, объединённых исторической судьбой, общей территорией и российским гражданством. Это имеет фундаментальные следствия для геостратегии:

– Россия не может быть органичной частью другой цивилизации (ни западной, ни восточной);

– она является самостоятельным центром цивилизационного развития;

– ей приписывается миссия защиты традиционных ценностей, религии и культурной идентичности против попыток их унификации по западному образцу;

– она претендует на роль лидера альтернативного, справедливого мирового порядка, основанного на многополярности, уважении к культурному многообразию и равноправии всех цивилизаций.

Государственные служащие, занимающиеся стратегическим планированием и координацией между различными ведомствами, должны обеспечить интегрированное стратегическое планирование, при котором различные министерства (оборона, иностранные дела, экономика, информация) работают по единой стратегии, скоординированной на уровне Совета Безопасности Российской Федерации.

Это требует создания специализированных органов координации и выработки единого, согласованного понимания стратегических целей. Устойчивость критической инфраструктуры к кибератакам и информационным операциям требует надёжности и дублирования критических функций.

Развитие альтернативных экономических связей требует систематической диверсификации торговых партнёров и снижения зависимости от импорта критических товаров и технологий. Информационная подготовка общества должна быть честной и открытой, обсуждая характер современных угроз и необходимость готовности к длительному противостоянию.

Практические выводы и рекомендации

Российская стратегическая культура является продуктом более пяти столетий исторического развития государства, в ходе которого формировались устойчивые представления о роли государства в системе международных отношений, характере угроз национальной безопасности и соответствующих средствах их преодоления.

Специфические технологии реализации геостратегии России – создание и поддержание буферных зон, использование энергетической дипломатии как рычага влияния, осуществление многовекторной дипломатии, применение информационных операций, развёртывание военного присутствия, культурная интеграция – не являются случайным или эклектичным набором инструментов. Напротив, они логически и органично вытекают из глубокой стратегической культуры, которая была воспроизведена и закреплена многими столетиями уроков истории.

В условиях трансформирующейся мировой политической системы, где становится всё более очевидным переход от однополярного порядка, построенного на американском доминировании, к многополярной системе с множеством центров силы, российская стратегическая культура приобретает повышенную актуальность и практическое значение.

Государства, которые смогут эффективнее использовать и адаптировать свои собственные стратегические культуры как инструменты национальной политики и которые смогут лучше понимать стратегические культуры других государств, получат существенное преимущество в конкурентной борьбе на мировой арене.

Для государственных служащих, занимающихся внешней политикой, национальной безопасностью и обороной Российской Федерации, критически важно интегрировать глубокое понимание стратегической культуры в процесс разработки и реализации государственной политики. Это требует:

– более глубокого изучения исторических корней собственной политики и понимание того, как исторический опыт определяет настоящее и будущее;

– систематического анализа стратегических культур других государств и признания того, что логика их поведения может значительно отличаться от нашей;

– развития способности видеть долгосрочные исторические тренды и закономерности вместо того, чтобы реагировать только на текущие события и кризисы;

– поддержки инновационных подходов и новых технологий при сохранении верности основополагающим принципам национальной безопасности и государственного суверенитета;

– содействия открытому диалогу между различными группами государственной и общественной элиты по вопросам долгосрочной стратегии и направления развития страны.

Успех России в многополярном мире будет зависеть не только от её материальных ресурсов (природные богатства, военный потенциал, людские ресурсы), но и от способности эффективно использовать и развивать культурные, дипломатические и информационные инструменты влияния, действуя в согласии с собственной стратегической культурой и адаптируясь к новым условиям глобального противоборства и конкуренции.

Только синтез глубокого понимания собственного исторического и культурного наследия с инновационным подходом к решению современных проблем может обеспечить России эффективную позицию в трансформирующемся мировом порядке.

2.8. Комплементарность права и геополитики в реализации геостратегии Российской Федерации на исторических территориях

Геостратегия[556] России на исторических территориях нацелена на укрепление государственности и безопасности, объединение территорий в единое экономическое, правовое, информационное пространство.

Правовое обеспечение специальной военной операции как формы реализации геостратегии России по денацификации и демилитаризации Украины остается в числе стратегических приоритетов геополитики. По состоянию на сентябрь 2025 года парламентарии приняли 140 законов в поддержку целей специальной военной операции[557].

Проблемные вопросы комплементарности[558] права и геополитики усматриваются по результатам анализа законодательства России в части правового регулирования статуса участников специальной военной операции.

Легитимация участия добровольческих подразделений в специальной военной операции[559] выглядит необходимой мерой по достижению цели комплементарности права и геополитики.

Так, государство получает легальные людские ресурсы для решения задач в области обороны и военной безопасности. В процессе военного строительства появляются новые способы комплектования вооруженных сил. С позиций государственного управления – исключаются конфликты публичных и частных интересов, а государство монополизирует сферу обороны и военной безопасности в соответствии с конституционными установлениями. Четкий правовой статус участников специальной военной операции создает необходимые условия для режима законности и правопорядка войсках.

Прогрессивное развитие военного законодательства Российской Федерации в части правового обеспечения специальной военной операции предполагает преодоление правовых неопределённостей, суть которых можно свести к следующим аспектам.

---

[556] В исследовании понимается в значении – стратегические взгляды и целевые установки власти по отстаиванию и продвижению национальных интересов в геополитическом пространстве на основе ресурсов и военной силы.

[557] Вячеслав Володин: на сегодняшний день принято 140 законов для поддержки участников СВО и их близких. – URL: http://duma.gov.ru/news/62084/ (дата обращения: 21.09.2025). – Текст : электронный.

[558] Комплементарность права и геополитики заключается в постоянном взаимодействии и взаимодополнении. Геополитика задает политический и пространственный контекст, а право формализует, закрепляет и регулирует общественные отношения.

[559] Федеральный закон от 04 ноября 2022 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: http://kremlin.ru›acts/bank/48497 (дата обращения: 04.10.2025). – Текст : электронный.

Первый аспект проблемы – отсутствие правовых категорий, которые раскрывают в терминах права участие граждан в управлении делами государства в области обороны и военной безопасности.

Так, в законодательстве Росси отсутствует официальное определение понятий «добровольческое формирование» и «гражданин, пребывающий в добровольческом формировании».

Профессор В. Корякин предлагает восполнить этот пробел в теории военного права в следующих авторских коннотациях:

– добровольческое формирование – это организационная единица в системе обороны страны, создаваемая по решению Президента Российской Федерации Министерством обороны Российской Федерации и Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации для выполнения отдельных задач в области обороны и оказания содействия Вооруженным Силам Российской Федерации (войскам национальной гвардии Российской Федерации) в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил (войск национальной гвардии) за пределами территории Российской Федерации. Должности в добровольческом формировании комплектуются личным составом путем добровольного заключения гражданами Российской Федерации контракта о пребывании в добровольческом формировании;

– гражданин, пребывающий в добровольческом формировании (доброволец), – гражданин Российской Федерации, заключивший контракт о пребывании в добровольческом формировании (о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации). Гражданин приобретает статус добровольца со дня подписания указанного контракта уполномоченным должностным лицом и утрачивает его со дня исключения из добровольческого формирования[560].

Из анализа сущностных черт понятий следует, что в содержании воспроизводятся предписания п. 8.1 ст. 1 Федерального закона «Об обороне» в редакции Федерального закона от 25 декабря 2023 г. № 639-ФЗ, согласно которым добровольческие формирования содействуют отдельным задачам, которые решают Вооруженные Силы и войска Росгвардии в области обороны. Авторское определение корреспондирует законодательной концепции и содержит потенциал в интересах дальнейшего применения в Федеральном законе «Об обороне».

[560] Корякин В. М. Некоторые проблемные вопросы правового положения добровольческих формирований и статуса граждан, пребывающих в них // Военное право. 2025. № 4. С. 92–101.

Проанализируем методом дедукции первую правовую категорию «добровольческое формирование». Исходим из того, что «формирование – это постоянная или временная организационная единица в вооружённых силах государства и в других органах государственной власти, в чьих структурах имеются военные подразделения»[561]. Универсальный характер данного термина проявляется в правовой конструкции п. 6 ст. 1 ФЗ «Об обороне», устанавливающей основы обороны страны. Так, для выполнения отдельных задач в области обороны привлекаются спасательные воинские формирования федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны,

Служба внешней разведки Российской Федерации, органы федеральной службы безопасности, органы государственной охраны, органы военной прокуратуры, военные следственные органы Следственного комитета России, федеральный орган обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российского Государства, а также создаваемые на военное время специальные формирования.

Следовательно, критерии «целевого предназначения» (выполнения отдельных задач в области обороны) и «межведомственного взаимодействия» в решении задач в области обороны применимы ко всем элементам системы военной организации государства.

В интересах дальнейшего прогрессивного развития института «добровольчества» ограничения по созданию этих формирований исключительно Министерством обороны Российской Федерации и Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации надлежит исключить и предоставить аналогичные полномочия другим государственным органам, которые имеют воинские формирования в своем составе. Иными словами, критерии «целевого предназначения» и «межведомственного взаимодействия» дополнить критерием «компетенции заинтересованного ведомства» в целях терминологической идентификации понятия «добровольческое формирование».

Эти предложения не относятся к первоочередным правовым мерам, а моделируются как возможные направления эволюционного развития института «добровольцев». Так, Федеральный закон 25 декабря 2023 г. № 639-ФЗ дополнил п. 8.1 ст. 1 Федерального закона «Об обороне», согласно которому практику решения отдельных задач в области обороны добровольческими формированиями внедрили в войска национальной гвардии Российской Федерации.

Данные меры обеспечивают системный характер комплектования войск. Минобороны России только в 2024 году набрало свыше 427-и тысяч военнослужащих.

[561] Военный энциклопедический словарь (ВЭС). М.: Воениздат, 1984. 863 с.

В среднем ежедневно заключают контракт более тысячи двухсот человек[562], а в добровольческие подразделения с начала 2025 года поступило свыше 18 тысяч человек[563].

Предлагаемое расширение ведомственной вовлеченности в решение отдельных задач в области обороны на добровольных началах, корреспондирует также достижению геополитической цели государств – членов ОДКБ: «объединение усилий для отражения вооруженного нападения, в том числе агрессии, и противодействия другим вызовам и угрозам коллективной безопасности»[564].

Реализации предлагаемой правотворческой инициативы способствует двухкомпонентный состав Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ (далее – КСОР), включающий воинские контингенты и формирования сил специального назначения различной ведомственной принадлежности: органов внутренних дел (полиции), внутренних войск, органов безопасности и специальных служб, а также органов, уполномоченных в сфере предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций[565].

Исключительная национальная юрисдикция по предоставлению воинских и специальных формирований в состав КСОР не предусматривает механизма согласования с другими государствами – членами Организации и не вытекает из компетенции ее органов управления.

Кроме того, законодательство не содержит ограничений на комплектование сил системы коллективной безопасности исключительно кадровым составом. Для этого также имеется функциональное основание – использование добровольческих формирований для оказания содействия войскам (силам) при проведении контртеррористических операций, в том числе решение этих задач за пределами территории Российской Федерации.

Совокупность перечисленных обстоятельств обеспечивает реализацию правовых мер по диверсификации источников военной мощи добровольческими формированиями в интересах национальной обороны и представляется перспективным направлением геостратегии России.

---

[562] Министр обороны Российской Федерации Андрей Белоусов выступил на расширенном заседании Коллегии Минобороны. – URL: https://glasnarod.ru/bez-rubriki/ministr-oborony-rossijskoj-federacii-andrej-belousov-vystupil-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-minoborony (дата обращения: 29.08.2025). – Текст : электронный.

[563] Совещание по комплектованию российских вооруженных сил контрактниками 2 июля 2025 г. провел заместитель председателя Совета безопасности России Дмитрий Медведев. – URL: https://www.1tv.ru/news/2025-07-02/514133 (дата обращения: 29.08.2025). – Текст : электронный.

[564] Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности от 14 июня 2009 г. – URL: http://docs.cntd.ru/document/902272592 (дата обращения: 29.08.2025). – Текст : электронный.

[565] См. подробнее Андреев А.Ф. Правовое обеспечение деятельности Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности // Международное право и международные организации. 2018. № 4. С. 28–38.

Поэтому принцип «компетенции заинтересованного ведомства» предлагается воплотить в военном законодательстве России в следующей правовой форме: «Решение об учреждении добровольческих формирований принимается Президентом Российской Федерации на основании предложений заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба с целью оказания содействия в решении возлагаемых на них отдельных задач в области обороны». Иные идентификаторы конструируемого понятия, такие как «добровольный характер», «исключительная учредительная компетенция главы государства – Верховного Главнокомандующего» принимаются и дискуссий не порождают в силу обоснованного характера.

Позиции законодателя представляет интерес оппонировать в части оснований и сроков участия добровольческих формирований в содействии Вооруженным Силам и войскам Росгвардии в решении возложенных на них задач. Определены следующие основания и соответственно сроки, в течение которых такое участие возможно и допустимо [применяется термин «период»]: в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (войск национальной гвардии Российской Федерации) за пределами территории Российской Федерации (п. 8.1 ст. 1 Федерального закона «Об обороне»).

Специальная военная операция как правовое основание и сроки ее проведения, перечисленными выше предписаниями закона не охватываются. Налицо противоречие между фактически сложившимися общественными отношениями, связанными с созданием и функционированием иррегулярных вооруженных формирований именно в ходе вооруженного конфликта на Украине, их последующего вовлечения в специальную военную операцию и отсутствием норм права, регламентирующих их деятельность в данных условиях. Становится очевидным необходимость коррекции п. 8.1 ст. 1 Федерального закона «Об обороне» дополнением предписания словами: «в период проведения специальной военной операции».

Рекомендуемая правовая мера будет способствовать также гармонизации законодательства, регламентирующего правовой институт «добровольца» в части пенсионного обеспечения данной категории участников специальной военной операции. В отличие от Федерального закона «Об обороне», в котором специальная военная операция не упоминается, часть 9 статьи 13 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» периоды участия в специальной военной операции включает (засчитывает) в страховой стаж в целях определения размера страховой пенсии по старости лицам, пребывающим в добровольческом формировании.

При этом исчисление указанных периодов происходит с применением особого порядка [в двойном размере] в противовес общему – «в календарном порядке» (часть 10 статьи 13).

Таким образом, юридический факт участия лица в специальной военной операции и факт его же пребывания в добровольческом формировании (обладание статусом «добровольца») в своей совокупности порождает самостоятельные правовые последствия, влияющие в итоге на размер страховой пенсии по старости.

Налицо наличие в структуре правовой нормы «кумулятивной гипотезы», указывающей два и более условий, которые должны иметь место одновременно, чтобы правило, определенное в ее диспозиции, могло быть применимо к данным правоотношениям.

Обратимся повторно к части 9 статьи 13 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», согласно которой «Периоды участия в специальной военной операции в период прохождения военной службы, в период пребывания в добровольческом формировании исчисляются с применением положений части 10 настоящей статьи».

Соответственно часть 10 статьи 13 анализируемого закона предписывает: «При исчислении страхового стажа периоды участия в специальной военной операции в период прохождения военной службы, в период пребывания в добровольческом формировании засчитываются в страховой стаж в двойном размере».

Приходим к выводу, что такой способ правового регулирования направлен на усиление мер социальной поддержки «добровольцев», не столько этимологически «содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации», а решающих возложенные на них задачи в особых условиях (специальной военной операции), сопряженных с риском для их жизни и здоровья.

Идя по пути унификации правового статуса участников специальной военной операции, данное правило законодателем распространено как на военнослужащих, так и на добровольцев.

Следует признать, что в отношении первых субъектов правовые предписания более определенные и даже неискушенному в юриспруденции читателю очевидно, что речь идет о военнослужащих, получивших боевой опыт в ходе специальной военной операции.

В отношении добровольцев такого однозначного понимания не складывается по причине усеченного предписания «в период пребывания в добровольческом формировании».

Однако «пребывание в добровольческом формировании» как альтернатива военной службе не корреспондирует решению задач в особых условиях: специальной военной операции, чрезвычайного, военного положения, контртеррористической операции и других.

По-нашему мнению, логичным и оправданным в целях правовой определённости необходимо изложить данные предписания Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» в следующей редакции:

а) последнее предложение части 9 статьи 13:

«Периоды участия в специальной военной операции в период прохождения военной службы, периоды участия в специальной военной операции в период пребывания в добровольческом формировании исчисляются с применением положений части 10 настоящей статьи».

б) часть 10 статьи 13:

«При исчислении страхового стажа периоды участия в специальной военной операции в период прохождения военной службы, периоды участия в специальной военной операции в период пребывания в добровольческом формировании засчитываются в страховой стаж в двойном размере».

Реализация авторских инициатив обеспечит корреляцию норм части 9, части 10 статьи 13 Федерального закона «О страховых пенсиях» нормам части 12.1 статьи 15 этого же закона, согласно которой «Коэффициент за полный календарный год засчитываемых в страховой стаж периода службы, предусмотренного Федеральным законом от 4 июня 2011 года № 126-ФЗ «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан» (периоды участия в специальной военной операции во время прохождения военной службы), периода участия в специальной военной операции в период пребывания в добровольческом формировании составляет 3,6».

Таким образом, использованный технико-юридический метод «дублирования предписаний» формулировкой «периода участия в специальной военной операции» не перегружает текст закона, а вносит определённость заложенных в нем смыслов, устраняет противоречивость, обеспечивает согласованность его норм.

В отношении понятия «добровольческое формирование» дискуссия лежит также в плоскости дихотомии ее правовой природы.

Так, по мнению представителя военно-правовой науки профессора В.М. Корякина, это одна из форм реализации «права исполнить конституционную обязанность по защите Отечества путем заключения контракта о пребывании в добровольческом формировании гражданами Российской Федерации, не имеющими по каким-либо причинам объективного или субъективного характера возможности поступить на военную службу»[566].

В целом разделяя авторский концепт построения понятийного аппарата, констатируем необходимость его терминологической коррекции в силу следующих причин.

[566] Корякин В. М. Указ. соч. С. 93.

Во-первых, защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации. Формы реализации гражданами обязанности защиты Отечества включают: прохождение военной службы по призыву или по контракту (активная форма), а также альтернативную гражданскую службу (пассивная форма). Кроме того, одной из форм исполнения гражданами Российской Федерации воинской обязанности является призыв на военные сборы и прохождение военных сборов в период пребывания граждан в запасе. Обязанность защиты Отечества реализуется гражданами также путем прохождения военной службы по мобилизации. Пребывание в добровольческом формировании не является разновидностью ни военной службы, ни альтернативной гражданской службы.

В этой связи правовые предписания о праве гражданина исполнить конституционный долг по защите Отечества путем добровольного поступления на военную службу в порядке, установленном Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», и праве гражданина на замену военной службы альтернативной гражданской службой в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом «Об альтернативной гражданской службе» к правоотношениям с участием добровольческих формирований применимы быть не могут.

Кроме того, анализ нормативных документов Министерства обороны Российской Федерации позволяет заключить, что на этапе отбора кандидатов в добровольческие формирования военным комиссариатам рекомендуется обращать внимание на граждан, прошедших военную службу и имеющих соответствующие военно-учетные специальности.

Более того, основанием для возврата военным комиссариатом заявления кандидата в добровольцы является наличие у гражданина призывного возраста и непрохождение им военной службы по призыву или альтернативной гражданской службы[567].

Следует признать, что лица, пожелавшие оформить свои правоотношения с Министерством обороны Российской Федерации посредством заключения контракта о пребывании в добровольческом формировании, в прошлом бывшие сотрудники частных военных компаний в большинстве своем имеют боевой опыт, многие обладают статусом ветерана военной службы.

[567] Приказ Министра обороны РФ от 15 февраля 2023 г. № 67 «Об определении порядка поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требований, предъявляемых к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, а также порядка заключения контракта гражданами Российской Федерации о пребывании в добровольческом формировании и типовой формы контракта». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/ prime/doc/406397447/?ysclid=mf9aorqhjh121607267 (дата обращения: 07.09.2025). – Текст : электронный.

Следовательно, словосочетание «не имеющими по каким-либо причинам объективного или субъективного характера возможности поступить на военную службу» не может рассматриваться в качестве мотива кандидата и альтернативы вместо прохождения военной службы поступить в добровольческое формирование, чтобы исполнить конституционную обязанность по защите своего Отечества.

Во-вторых, правовая ситуация усложняется при участии в правоотношениях иностранного элемента, для которого вооруженная защита России конституционной обязанностью не является. Российское законодательство на данный момент рассчитано на регулирование деятельности добровольцев граждан Российской Федерации. Правовые статусы добровольцев иностранцев и лиц без гражданства им не охватываются.

Геополитические реалии, как следует из доклада Министра обороны Российской Федерации, напротив свидетельствуют, о том, что «количество иностранных добровольцев в зоне специальной военной операции увеличилось в семь раз»[568]. Из открытых источников известно, что в составе Добровольческого штурмового экспедиционного корпуса сражаются за Россию иностранные добровольцы из 40 стран выходцы из СНГ, Западной Европы и Латинской Америки.

Об одном из таких случаев участия в специальной военной операции иностранных добровольцев стало известно из уст Президента Российской Федерации. Владимир Путин сообщил на сессии XXII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай»[569] подробности гибели американского гражданина Майкла Глосса, который по зову сердца прибыл в Россию, чтобы с оружием в руках сражаться за ценности, которые он разделяет.

Сын заместителя директора управления ЦРУ погиб, спасая русского солдата своего боевого товарища, несмотря на собственные травмы. По мнению В.В. Путина, Глосс воплощал ценности, о которых говорится в гимне США, называющем страну «землей храбрых».

Президент отметил, что Америка может гордиться таким человеком. Майкл Глосс посмертно награжден орденом Мужества, его именем названа школа в ДНР. Подвиг Майкла Глосса и подобные ему примеры свидетельствуют о том, что требуется искать иное основание для уяснения сути добровольческой деятельности.

---

[568] Расширенное заседание коллегии Минобороны 19 декабря 2023 г./ Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73035 (дата обращения: 04.10.2025). – Текст : электронный.

[569] Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78134 (дата обращения: 02.10.2025). – Текст : электронный.

В целях описания данного явления в терминах права целесообразно акцентироваться на этимологической, функциональной и мотивировочной основах научного анализа. Суть, например, военной службы заключается в том, что это особый вид федеральной государственной службы, представляющий собой профессиональную служебную деятельность граждан государства на воинских должностях в вооруженных силах, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства. Главной задачей военной службы является защита и оборона страны в случае внешней или внутренней угрозы. При этом наиболее часто указываются следующие мотивы поступления на военную службу у будущих офицеров: «получение профессии военнослужащего (1-й ранг); стремление иметь социальные гарантии, стабильное положение (2-й ранг); престижность (3-й ранг); патриотические ценности (4-й ранг) и ориентация на получение образования (5-й ранг)»[570].

Мотивация людей, которые осознанно выбирают службу по контракту на должностях рядового и сержантского состава, связывается с регулярным доходом, новым опытом и знаниями. Для некоторых важно сотрудничество, чувство локтя, дух товарищества. Кого-то привлекают новые задачи, приключения, разнообразие. Некоторые стремятся к новым контактам и знакомствам, желают принадлежать к социальной группе солдат-защитников[571]. Исследование мотивации призывников позволяет заключить, что наряду со сложившимися стереотипами внешних побудительных мотивов: быть настоящим мужчиной, отдать долг Родине, существуют иные внутренние потребности граждан страны.

К их числу можно отнести, например, льготное поступление в государственные вузы. Возможна замена вступительных экзаменов собеседованием или освобождение от экзаменов по общеобразовательным предметам. На основании рекомендации командира воинской части после увольнения с военной службы по призыву возникает право обучения на подготовительных отделениях вузов за счет федерального бюджета. Для лиц, мечтающих сделать карьеру на государственной службе или в ведомственном учреждении, служба в Вооруженных Силах – зачастую обязательное условие приема на работу[572].

---

[570] Казакова Л.П., Радке Д.И. Личностные особенности курсантов военного вуза с различными типами мотивации поступления на военную службу // Проблемы современного образования. 2020. № 5. С. 54–68.

[571] Киселев М.В., Голов А.В. Мотивация граждан, поступающих на военную службу по контракту в армию Российской Федерации // Молодой ученый. 2016. №6 (110). С. 695–698.

[572] Долг, честь, служба Отечеству – вот главные составляющие мотивации военной службы. – URL: https://golosstepi.ru/news/87205/ (дата обращения: 04.10.2025). – Текст : электронный.

Таким образом, правовая природа военной службы заключается в том, что это особый вид государственной службы, связанный с «практическим осуществлением функций государства по обеспечению его независимости, государственного суверенитета и целостности, удовлетворение публичного интереса в области военной безопасности на основе принципов и положений, установленных в Конституции России и федеральных законах»[573].

Обратимся теперь к альтернативной форме защиты Отечества. Альтернативная гражданская служба – особый вид трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемой гражданами взамен военной службы по призыву[574]. Данная деятельность выступает по своей правовой природе одним из видов служебной повинности и имеет определенные особенности в сравнении с иными видами государственной службы. Мотивы, по которым граждане выбирают альтернативную гражданскую службу вместо прохождения военной службы по призыву, установлены в нормативном порядке.

Так ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» определяет право гражданина на альтернативную гражданскую службу в случае, если несение военной службы противоречит убеждениям или вероисповеданию призывника.

Существует мнение, что на самом деле фактическими причинами отсутствия желания проходить срочную военную службу является опасение призывников быть вовлеченными в возможные вооруженные конфликты.

В условиях проведения специальной военной операции аналогичные мотивы призывников используются некоторыми правозащитными организациями, предлагающими услуги легального освобождения от призыва на военную службу по соображениям совести или убеждений.

Действующее законодательство определяет, что военнослужащие, проходящие военную службу по призыву, могут быть направлены (в том числе в составе подразделения, воинской части, соединения) для выполнения задач в условиях вооруженных конфликтов (для участия в боевых действиях) после прохождения ими военной службы в течение не менее четырех месяцев и после подготовки по военно-учетным специальностям (п. 3 ст. 2 Положения)[575].

---

[573] Военное право: монография: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. – С. 79.

[574] Федеральный закон от 25июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» (в ред. от 04.08.2023 г.№ 439-ФЗ). – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/18436 (дата обращения: 04.10.2025). – Текст : электронный.

[575] Указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 «Вопросы прохождения военной службы» (в ред. от 07.07.2025 г. № 458). – URL: https://base.garant.ru/180912/ (дата обращения: 04.10.2025). – Текст : электронный.

Принятые правовые меры понизили градус общественного напряжения в этом социально-резонансном вопросе, однако риски не исключили ни фактически, ни юридически.

Де-юре риски усматриваются в правовой архитектуре нормы права. Лексико-лингвистический состав словосочетания «могут быть направлены...» передает смыслы для выражения предположения, возможности, допустимости чего-либо. Содержание предписаний указывает на результат, который носит вероятностный характер, на событие, которое может и не наступить.

Неблагоприятные юридические последствия такого правового регулирования очевидны. Де-факто инициируются риски в общественном сознании об увеличении сроков службы, отправки призывников в зону специальной военной операции или на территории новых регионов, иные домыслы и фейки, которые применяются в гибридных войнах.

Приходится прибегать к нерегулятивному правовому воздействию через механизмы правосознания, путем информационного, психологического, эмоционального и иного влияния на призывников и родителей.

Органы военного управления формируют общественное сознание каждую призывную кампанию. При этом в выступлениях представители военного ведомства ссылаются на устные заявления Президента Российской Федерации. «Хочу успокоить призывников и их родителей, – заявил начальник главного организационно-мобилизационного управления Генштаба Вооруженных Сил Российской Федерации генерал-полковник Евгений Бурдинский, – срок службы по призыву остается неизменным. Как и ранее он составит один год. Граждане, призванные на службу, к участию в специальной военной операции привлекаться не будут»[576].

Выход из этой ситуации видится в поиске альтернативы морфеме «может быть…» иным словосочетанием, которое передает смыслы в утвердительной форме и ведет к положительному результату правового регулирования.

Предположение, что очередной призыв не повлечет участия новобранцев в специальной военной операции или иной форме боевых действий, исключается директивным предписанием субъекта, который наделен такими полномочиями. Если привлекать призывников к участию в вооруженном конфликте (боевым действиям) планируется Министерством обороны, то в указе Президента России об очередном призыве граждан на военную службу это обстоятельство указывается как обязательное.

[576] Исполнить конституционный долг и обязанность по защите Отечества. – URL: http://redstar.ru/ispolnit-konstitutsionnyj-dolg-i-obyazannost-po-zashhite-otechestva/?ysclid=mhtjf99urx922303001 (дата обращения: 04.10.2025). – Текст : электронный.

Только тогда предписания об обязательности прохождения призывниками военной службы в течение не менее четырех месяцев и получения военно-учетной специальности в совокупности с правовым основанием [указом о призыве] оформляются в завершенный правовой механизм и выстраиваются в логическую цепочку: основание, порядок, условия привлечения войск (сил) для решения задач в особых условиях.

Таким образом, идея о понятном механизме привлечения военнослужащих, проходящих военную службу по призыву для выполнения задач в условиях вооруженных конфликтов (участия в боевых действиях), заключается в формальном характере фиксации воли управомоченного субъекта, гаранта прав военнослужащих.

Реализовать правотворческую инициативу возможно в следующей форме: «Привлечение военнослужащих по призыву для выполнения задач в условиях вооруженных конфликтов (участия в боевых действиях), осуществляется Указом Президента Российской Федерации после прохождения военной службы в течение не менее четырех месяцев и после подготовки по военно-учетным специальностям».

Исследователи указывают также на «многочисленные факты проявления неуставных отношений, порой с трагическим исходом (смерть призывника или получение инвалидности во время прохождения службы в вооруженных силах)»[577] в качестве основных причин отсутствия желания у граждан, подлежащих призыву, проходить срочную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Не отрицая, конечно, фактов неуставных взаимоотношений в воинских коллективах, следует признать, что их количество по сравнению с 90-ми годами прошлого века существенно сократилось.

В пользу данного тезиса говорят следующие статистические данные. До 2012-го года количество уголовных дел по статье 335 УК РФ составляло в среднем 1500–1900 в год. В 2018-м году за дедовщину было осуждено 302 человека[578].

В 2020-м году заместитель министра обороны Андрей Картаполов заявил, что «дедовщина и казарменное хулиганство в российских Вооруженных Силах полностью искоренены»[579].

Данному результату способствовали в первую очередь меры правового характера, обеспеченные решением главы государства, согласно которым с 1 января 2008 года в армии снизили срок службы по призыву до одного года.

---

[577] Нарышкина А.В., Крутова Я.А. Указ. раб. С. 326.

[578] Дедовщина в Армии. – URL: https://armyhelp.ru/dedovshhina-v-armii/?ysclid=mhtkhiep67925435052 (дата обращения: 04.10.2025). – Текст : электронный.

[579] Вооруженные Силы РФ искоренили дедовщину и казарменное хулиганство. – URL: https://rg.ru/2020/08/26/vs-rf-smogli-izbavitsia-ot-dedovshchiny-i-kazarmennogo-huliganstva.html?ysclid=mgpdvvatxi696775451 (дата обращения: 04.10.2025). – Текст : электронный.

Это позволило ликвидировать неформальную армейскую иерархию деления военнослужащих по призыву на категории: запах, дух, слон, черпак, дед, дембель и соответственно унизительные формы перевода из одной категории в другую по срокам службы.

Начальник Главного управления военной полиции Минобороны России Сергей Кураленко в свою очередь сообщил, что положительные результаты в наведении уставного порядка в воинских частях появились благодаря слаженной работе военной полиции, военно-политического управления минобороны, а также командиров частей. Приходим к выводу, что правовая регламентация института альтернативной гражданской службы нацелена на разрешение противоречия между долгом и убеждениями.

Государство предоставляет право выполнить конституционную обязанность по защите Отечества в сфере, не связанной с прохождением военной службы. Граждане, проходящие альтернативную военную службу, сохраняют свои права и свободы с некоторыми ограничениями, а время службы засчитывается в общий трудовой стаж по специальности. Процесс организации альтернативной гражданской службы возложен на специально уполномоченные федеральные органы исполнительной власти. По нашему мнению, не полностью передает суть добровольческой деятельности терминология в действующем Российском законодательстве. Не учтены в нем особенности участия добровольцев в специальной военной операции.

Начнем научный анализ с этимологического основания, имеющего французские корни. В одном из значений bénévole определяет его как «солдата-добровольца», «лицо, добровольно поступившее на военную службу без жалованья», «вольнослужащего».

Нормативно-правовой контекст смыслового значения термина «доброволец» раскрывается через функциональное основание. Согласно данному подходу, добровольцы – это физические лица, чья деятельность направлена на цели, формально определенные в пункте 1 статьи 2 Федерального закона[580], а также обозначенные общим предназначением – иные общественно полезные цели. Анализ целевых установок, определенных пунктом 1 статьи 2 Федерального закона, позволяет заключить, что государство рассматривает добровольцев в целях содействия выполнению им своих гуманистических функций.

В историческом контексте доброволец напротив воспринимается как милитаризованный субъект, как участник вооруженной борьбы за общественно значимые и общегосударственные идеи и цели, связанные, прежде всего, с защитой своей территории и национальных интересов.

[580] Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (в ред. от 31.07.2025 г. № 313-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3340.

Существует обоснованное суждение, что «в сознании нашего общества укоренилось значение добровольца именно как участника военных действий, так как коллективная социальная (историческая) память хранит при-меры массового добровольчества в Великую Отечественную войну. Добровольчество и ополчение всегда было неотъемлемой частью национально-освободительных войн на территории России»[581].

Нормативно устоялось также военно-политическое содержание понятия «доброволец» как лица, имеющего активную гражданскую позицию и по собственной воле оказывающего содействие в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, преимущественно с оружием в руках.

Сущностные черты правового статуса добровольца конкретизируются в сравнении с другими участниками специальной военной операции.

В отличие от мобилизованных и военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, добровольцы не являются военнослужащими, хотя и выполняют возложенные на них задачи на основании контракта, заключенного с Минобороны или Росгвардией. Различаются также и сроки выполнения указанных задач. Для добровольца срок ограничен контрактом, а для остальных – окончанием специальной военной операции.

Уяснение сути добровольческой деятельности способствует анализ мотивации добровольцев. Многие из них принимают решение добровольно вступить в ряды специальной военной операции из-за глубокой патриотической приверженности и желания служить Родине в наиболее опасных местах и ситуациях.

Кроме того, добровольцы могут иметь и иные мотивы, такие как профессиональный вызов, стремление к риску и адреналину или убежденность в правильности выполняемых миссий.

Разнообразие мотивов представляет научный интерес в зависимости от субъектного состава добровольцев.

Так, граждане Российской Федерации, как правило, «начинают принимать участие в военной операции по идейным соображениям, где ценность национальных интересов для них выше осознания опасности для собственной жизни и здоровья. А это уже идеологический ресурс, реализуемый добровольцами в масштабах всей страны»[582].

Сербы – самая крупная группа добровольцев-иностранцев на специальной военной операции. Это разные люди, объединенные в основном идеологией, православием, схожестью менталитета и просто дружбой.

---

[581] Шеншин В.М., Прудникова Л.Б. Военно-политический контекст и смысловое значение понятия «доброволец» // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 6 (311). С. 19–23.

[582] Там же.

Они легко интегрируются в несербские части, учат русский язык и часто являются для других бойцов неформальными «политруками» из-за их искренней веры в Россию и преданности тому, что они называют «русским» или «славянским делом» или «миром». Они считают свое участие в специальной военной операции священным долгом, защищая, в том числе и интересы Сербии, не отделяя их от интересов России[583].

Латиноамериканцы в большинстве – сторонники левых взглядов, которые преобладают в Чили, Боливии и Эквадоре. Мотивы этих людей связываются с ностальгией по СССР и социализму. Кроме того, Россию воспринимают как проводника близких по духу общественных представлений – традиционные ценности, приоритет семьи, здоровый консерватизм.

Добровольцев из Африки и других арабских стран объединяет желание и решимость «помочь русским бороться против стран НАТО».

Подразделение «Днестр» является интернациональным и объединяет добровольцев разнообразие этносов: молдаване, русские, украинцы, греки, болгары, гагаузы. Эти люди готовы продолжить борьбу за освобождение Молдовы от нынешней прорумынской и русофобской власти.

Таким образом, даже фрагментарный анализ мотивов участия в специальной военной операции добровольцев-иностранцев позволяет заключить, что их объединяет любовь к России и те ценности, которые она защищает. Единственным дополнительным стимулом для многих может быть приобретение российского гражданства.

Анализ действующего законодательства России в данной сфере не позволяет однозначно определить возможность приобретения добровольцами-иностранцами российского гражданства в упрощенном порядке.

Данный вывод следует из предписаний пункта 1 части 1 статьи 16 Закона, согласно которым данное право предоставлено иностранному гражданину или лицу без гражданства заключившим контракт о прохождении службы в Вооруженных Силах Российской Федерации или воинских формированиях на срок не менее одного года[584].

Буквальное толкование содержания этой статьи означает, что добровольцы-иностранцы предъявляемым требованиям не соответствуют.

Как было установлено исследованием, добровольчество не разновидность военной службы. Понятия «добровольческое формирование» и «воинское формирование» не идентичны.

---

[583] Как иностранные добровольцы сражаются за Россию. – URL: https://vz.ru/society/2024/16/1245290.html (дата обращения: 04.10.2025). – Текст : электронный.

[584] Федеральный закон от 28 апреля 2023 года № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Феде-рации» (в ред. от 07.07.2025 г. № 212-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 18. Ст. 3215.

Следовательно, добровольцу-иностранцу, претендующему на приобретение российского гражданства, требуется пройти процедуру инфильтрации новым контрактом с Министерством обороны или Росгвардией в течение одного года.

Принцип «справедливости» и вклад добровольцев-иностранцев в защиту национальных интересов России упрощают условия натурализации. Достаточным, по нашему мнению, будет признать пребывание иностранных граждан в составе добровольческих формирований в качестве обстоятельства, исключающего иные требования, предусмотренные пунктом 1 части 1 статьи 15 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации».

Реализация предлагаемой инициативы возможна в следующей редакции пункта 1 части 1 статьи 16 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»:

«указанные иностранный гражданин или лицо без гражданства заключили контракт о прохождении службы в Вооруженных Силах Российской Федерации или воинских формированиях на срок не менее одного года, или участвовали в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 г., а также на территориях Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 г. в составе добровольческих формирований, созданных по решению органов государственной власти Российской Федерации в целях содействия выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации».

Таким образом, правовая природа добровольчества заключается в содействии в выполнении задач, возложенных на войска (силы) преимущественно с оружием в руках.

Синергетический потенциал добровольчества достигается консолидацией усилий в составе добровольческого формирования.

Государственный централизм управления процессами организации и функционирования добровольческим движением регламентируется правовыми нормами и персонифицируется контрактом с военным ведомством.

Правовая природа добровольчества не меняется в зависимости от гражданства. Мотивы личного почина добровольца исходят из патриотизма и готовности защиты Отечества или интересов страны, которые дороги.

Контрактные обязательства роднят добровольца с военнослужащим по контракту, а монетизация добровольчества в российском законодательстве противостоит однородному международно-правовому статусу, согласно которому доброволец не получает соответствующего материального возмещения.

Правовой статус добровольца схож со статусом военнослужащего, но не идентичен. Он имеет право на выплаты, льготы, социальные гарантии и статус ветерана боевых действий[585].

Правовая природа и сущностные черты добровольчества формализуют понятие «доброволец» указанием на субъект, побудительные мотивы, цели, основания, формы и способы содействия вооруженным силам. Типология базового построения слов определяет содержание понятия «доброволец».

«Доброволец – это человек, который по воле решимости и патриотизма содействует на основе контракта Вооруженным Силам Российской Федерации в выполнении задач в составе добровольческого формирования преимущественно с оружием в руках».

Второй аспект проблемы – отсутствие легального определения понятия «специальная военная операция», встречающегося в настоящее время лишь в научном дискурсе[586], регламентация правового режима специальной военной операции.

При решении частной научной задачи по формированию необходимого понятийно-терминологического аппарата, исходим из того, что понятие «специальная операция» является родовым понятием, а понятие «специальная военная операция» – видовым.

Следовательно, специальная военная операция как понятие видовое, в своем содержании объединяет общие черты, характерные для «специальной операции» и специфические особенности, присущие операции военной.

Под специальной операцией понимается «комплекс оперативно-розыскных, разведывательных, контрразведывательных и предупредительных мероприятий, силовых и следственных действий, осуществляемых привлекаемыми силами по единому плану при централизованном управлении в одном или нескольких районах с целью предупреждения, пресечении и ликвидации последствий кризисной ситуации террористического характера, а также иного криминального характера, не связанного с терроризмом»[587].

---

[585] Постановление Правительства РФ от 4 марта 2023 г. № 342 «О порядке выдачи удостоверения ветерана боевых действий единого образца лицам, поступившим в созданные по решению органов государственной власти Российской Федерации добровольческие формирования, содействующие выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в ходе специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 г., а также на территориях Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 г.». – URL : https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406395383/?ysclid=mh7vmzodxy252823411 (дата обращения: 04.10.2025). Текст : электронный.

[586] Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Правовой режим специальных военных операций: сравнительно-правовой анализ // Право в Вооруженных Силах. 2022. № 4. С. 2–11.

[587] Казинский Н.Е. Деятельность правоохранительных органов в особых условиях (кризисных ситуациях) учебное пособие. Москва: КНОРУС, 2020. С.11.

Исходя из данного определения понятия становится очевидным, что сущность специальной операции – крупномасштабные целевые действия по единому замыслу, плану, под единым руководством.

В целом потребность в такой форме экстренного массированного реагирования со стороны органов государственной власти и управления порождается обстановкой, сложившейся в результате возникновения чрезвычайных обстоятельств, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю Российской Федерации и устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер.

Действующее законодательство России к таким обстоятельствам относит: попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления (п. «а» ст. 3 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»)[588].

Неудивительно, что впервые термин «специальная операция» в послевоенные годы был употреблен в директиве Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации от 9 декабря 1994 года в связи с вводом войск в Чеченскую Республику для «восстановления конституционного порядка» [589].

Кроме того, п. «б» ст. 3 этого же федерального конституционного закона указывает на чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ.

---

[588] Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (в ред. от 02.11.2023 г. № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 23. Ст. 2277.

[589] Воробьев И.Н., Киселев В.А. Специальная операция в новом облике // Военная Мысль. 2013. № 3. С. 3–13.

Военная операция является основной категорией оперативного искусства, которая изучает методы подготовки и ведения совместных и самостоятельных операций (военных действий) крупными воинскими формированиями на уровне объединений видов вооружённых сил – корпусами, армиями и т. п.

Операция как новая форма ведения военных действий появилась в связи с увеличением пространственно-временных характеристик военных конфликтов и участия в них большого количества сил и средств противоборствующих сторон.

Операция (от лат. operatio – «действие») – форма ведения военных действий оперативными (оперативно-стратегическими) объединениями вооружённых сил, совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту, времени ударов, манёвров, боёв и сражений разнородных войск (сил) видов Вооруженных Сил , которые проводятся одновременно и последователь-но в соответствии с единым замыслом и планом для решения задач на театре военных действий или театре войны, стратегическом или операционном направлении (в определённой зоне, районе) в установленный период времени[590].

Исходя из данного определения понятия становится очевидным, что сущность военной операции заключается в скоординированных боевых действиях, проводимых объединениями вооруженных сил для достижения определенных военных и политических целей.

Военные действия проводятся в форме ударов, маневров, боев и сражений, которые объединяются единым замыслом и планом для решения оперативных и стратегических задач.

Выделяют следующие сущностные черты военной операции.

Единый замысел операции означает главную идею, которая определяет, как достигается боевая задача.

Действия подчиняются единой цели, которая достигается согласованием по времени, месту и задачам.

Управление военной операцией – это комплексное руководство боевыми действиями включает планирование, координацию и проведение операций согласно единому замыслу и плану.

Управление достигает целенаправленным воздействием на силы оперативных (оперативно-стратегических) объединений вооруженных сил, которые дополняются действиями родов войск.

Цели военной операции дифференцируются: уничтожение главных сил противника, захват и удержание господствующих районов на театре военных действий, стратегическом или операционном направлении.

---

[590] Операция // Объекты военные – Радиокомпас / [под общ. ред. Н. В. Огаркова]. М.: Военное изд-во М-ва обороны СССР, 1978. С. 64–67.

Задачи решаются разноплановые: оперативные или стратегические, разгром сил противника, демонстрация военной силы, демилитаризация территории, противодействие терроризму, диверсиям и другим угрозам[591].

Сравнительный анализ сущностных черт специальной и военной операций показывает, что общими для обоих понятий являются целевые действия по единому замыслу, плану, под единым руководством. Особенными являются цели, задачи, силы, средства, способы действий, территории зоны (районы) проведения.

Особенные черты определяют специфику и содержание специальной военной операции. Геополитические аспекты внешней политики Российской Федерации, реализуемые в геостратегии России на исторических территориях опубликованы на официальном сайте Министерства иностранных дел.

Основные цели специальной военной операции – защита Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской области, понуждение Украины к нейтральному статусу, демилитаризации и денацификации ее государственной и общественной жизни, устранение угроз России, исходящих с украинской территории из-за ее освоения странами НАТО[592].

Основными задачами спецоперации на Украине являются:

– закрепление в Конституции Украины новой территории Украины (в т. ч. без Крыма, ДНР и ЛНР, Запорожской и Херсонской области), постоянного нейтрального статуса Украины, подразумевающего отказ от участия в каких-либо военных альянсах, и запрет на размещение любых иностранных военных баз на своей территории;

– демилитаризация, предусматривающая существенное сокращение Вооруженных Сил Украины, запрет на владение ядерным оружием, ударными наступательными вооружениями и военной инфраструктурой, представляющей потенциальную военную угрозу соседним государствам;

– денацификация, итогом которой должно быть искоренение любой неонацистской, человеконенавистнической и дискриминационной идеологии в отношении любых групп граждан по любому национальному или другому признаку, которое должно быть закреплено в постоянном законодательстве страны. В том числе должны быть отменены уже принятые дискриминационные законы, запрещены националистические объединения, предусмотрена люстрация.

---

[591] Упоров А. Г., Степанов К. А. Административно-правовой статус СВО и ее отличие от войны // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. № 2 (22). С. 129–134.

[592] О специальной военной операции на Украине и политике России на постсоветском пространстве. – URL: https://pekin.mid.ru/ru/news/o_spetsialnoy_voennoy_operatsii_naukraine_ipolitike_rossii_na_postsovetskom_prostranstve/ (дата обращения:30.10.2025). – Текст : электронный.

При достижении с действующим руководством Украины мирного соглашения и после выполнения задач спецоперации боевые действия – незамедлительно будут прекращены, а российские войска будут выведены с территории Украины после завершения внутригосударственных процедур, обеспечивающих нейтральный и демилитаризованный статус.

В случае отказа властей Украины от заключения мирного соглашения на вышеуказанных условиях и продолжения вооруженного сопротивления после завершения операции для достижения обозначенных задач на Украине и в ее регионах будут сформированы временные военно-гражданские администрации, задачами которых будет скорейшее полное восстановление мирной жизни на Украине, формирование органов государственной власти и местного самоуправления на основе демократических выборов.

Сравнительный анализ сущностных черт специальной военной операции в части целей и задач, позволяет заключить, что их достижение исключительно военными методами невозможно.

Обоснованным является суждение о том, что концентрация усилий государства по реализации геостратегии должна включать комплекс мер экономического, финансового, социального, политического, правового, информационного, идеологического характера.

Такой подход позволяет рассматривать специальную военную операцию России против Украины как специальный правовой режим, что, по мнению специалистов, наиболее полно и адекватно отражает сущность СВО[593].

В научных публикациях представлен узкий и широкий подходы к определению сущности данного правового режима.

В узком смысле слова специальная военная операция – это вооруженный конфликт международного характера, представляющий собой особый правовой режим, связанный с организацией и ведением вооруженного противоборства конфликтующими сторонами.

В широком смысле специальная военная операция включает в себя элементы иных особых правовых режимов, действующих в период ее проведения: военного положения, мобилизации, контртеррористической операции, чрезвычайного положения. Эти режимы существенно различаются по срокам их действия и по территориальной локализации.

Режим специальной военной операции представляет собой комплексное правовое образование, в котором интегрированы несколько одновременно действующих особых правовых режимов, подчиненных достижению единой цели – демилитаризация и денацификация Украины.

---

[593] См., например, Корякин В.М. Специальная военная операция как комплексный институт военного права // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2024. № 3. С. 12–20; Корякин В. М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины: монография. Москва: Юрлитинформ, 2025. 357 с.

Другими целями СВО являются обеспечение безопасности граждан, восстановление территориальной целостности Российской Федерации в границах, определенных Конституцией Российской Федерации[594].

Таким образом, анализ сущностных черт специальной и военной операций и их последующий синтез позволяет сформулировать следующее определение понятия «специальная военная операция».

Специальная военная операция – форма ведения военных действий межвидовым оперативно-стратегическим объединением Вооружённых Сил Российской Федерации во взаимодействии с другими войсками, воинскими и добровольческими формированиями и органами, совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту, времени ударов, манёвров, боёв и сражений, специальных мероприятий, которые проводятся одновременно и последовательно в соответствии с единым замыслом и планом под единым командованием для решения задач и достижения целей, определенных военно-политическим руководством страны.

Полагаем избыточным установление самостоятельного правового режима специальной военной операции по аналогии с правовым режимом контртеррористической операции. Достаточным, по-нашему мнению, использовать меры уже существующих специальных правовых режимов применительно к условиям развития кризисных ситуаций в период обострения геополитической напряженности.

Правовое регулирование в указанных случаях может осуществляться посредством предписаний: «Достижение целей специальной военной операции обеспечивается комплексом экономических, политических, административных и иных мер специальных правовых режимов, которые вводятся на основании и в порядке, установленном законодательством Российской Федерации».

По результатам проведенного исследования приходим к следующим выводам и предложениям.

1. Комплементарность права и геополитики суть взаимозависимого регулирующего воздействия правовых норм на геополитические процессы и влияния политических реалий и геополитических сил на формирование правой системы. Геополитическая стратегия государства определяет, какие области права будут приоритетными и какие нормы права должны быть приняты для реализации этой стратегии.

Специальная военная операция как форма реализации геостратегии Российской Федерации по денацификации и демилитаризации Украины детерминирует институализацию одноименного правового института в системе военного права.

[594] Корякин В.М. Специальная военная операция как особый правовой режим // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2024. № 8 (325). С. 2–16.

2. Анализ правового поля специальной военной операции выявил следующие проблемные вопросы комплементарности права и геополитики: отсутствие правовых категорий, раскрывающих в терминах права сформировавшиеся формы участия граждан в управлении делами государства в области обороны и ее военной безопасности, легального определения понятия «специальная военная операция», регламентации правового режима специальной военной операции.

3. Разрешить имеющиеся противоречия между действующими правовыми нормами и политическими потребностями общества предлагается следующими правовыми средствами.

3.1. Дополнить п. 8.1 ст. 1 Федерального закона «Об обороне» словами: «в период проведения специальной военной операции».

Данная правовая мера уточняет основания и сроки участия добровольческих формирований в содействии Вооруженным Силам и войскам Росгвардии в решении возложенных на них задач.

3.2. Изложить п. 1 ст. 22.1 Федерального закона «Об обороне» в новой редакции: «Решение об учреждении добровольческих формирований принимается Президентом Российской Федерации на основании предложений заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба с целью оказания содействия в решении возлагаемых на них задач в области обороны».

Во-первых, данная правовая мера суть реализации принципа «компетенции заинтересованного ведомства» направлена на дальнейшее прогрессивное развития института «добровольческих формирований». Расширяет полномочия по формированию добровольческих формирований государственными органами, имеющими в своем составе воинские формирования, наравне с Министерством обороны Российской Федерации и Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации.

Во-вторых, в целях терминологической идентификации понятия «добровольческое формирование» использовать критерии: организационное единство, добровольный характер, исключительная учредительная компетенция главы государства – Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации, целевое предназначение, межведомственное взаимодействие, компетенция заинтересованного ведомства.

3.3. Дополнить Федеральный закон «Об обороне» следующими основными понятиями:

1) доброволец – это человек, который по воле решимости и патриотизма содействует на основе контракта Вооруженным Силам Российской Федерации в выполнении задач в составе добровольческого формирования преимущественно с оружием в руках;

2) добровольческое формирование – это организационная единица в системе обороны страны, создаваемая по решению Президента Российской Федерации заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба с целью оказания содействия в решении возлагаемых на них отдельных задач в области обороны в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении специальной военной операции, контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил (войск национальной гвардии) за пределами территории Российской Федерации;

3) специальная военная операция – форма ведения военных действий межвидовым оперативно-стратегическим объединением Вооружённых Сил Российской Федерации во взаимодействии с другими войсками, воинскими и добровольческими формированиями и органами, совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту, времени ударов, маневров, боев и сражений, специальных мероприятий, которые проводятся одновременно и последовательно в соответствии с единым замыслом и планом под единым командованием для решения задач и достижения целей, определенных военно-политическим руководством страны.

Достижение целей специальной военной операции обеспечивается комплексом экономических, политических, административных и иных мер специальных правовых режимов, которые вводятся на основании и в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

3.4. Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» изложить в следующей редакции:

а) последнее предложение части 9 статьи 13:

«Периоды участия в специальной военной операции в ходе прохождения военной службы, периоды участия в специальной военной операции в период пребывания в добровольческом формировании исчисляются с применением положений части 10 настоящей статьи».

б) часть 10 статьи 13:

«При исчислении страхового стажа периоды участия в специальной военной операции в период прохождения военной службы, периоды участия в специальной военной операции в период пребывания в добровольческом формировании засчитываются в страховой стаж в двойном размере».

3.5. Изложить п. 3 ст. 2 Положения о порядке прохождения военной службы в новой редакции: «Привлечение военнослужащих по призыву для выполнения задач в условиях вооруженных конфликтов (участия в боевых действиях), осуществляется Указом Президента Российской Федерации после прохождения военной службы в течение не менее четырех месяцев и после подготовки по военно-учетным специальностям».

Данная правовая мера направлена на формализацию воли управомоченного лица, наделенного полномочиями гаранта прав военнослужащих, в целях упорядочения правового механизма привлечения войск (сил) для решения задач в особых условиях.

3.6. Изложить пункт 1 части 1 статьи 16 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» в следующей редакции:

«указанные иностранный гражданин или лицо без гражданства заключили контракт о прохождении службы в Вооруженных Силах Российской Федерации или воинских формированиях на срок не менее одного года, или участвовали в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 г., а также на территориях Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 г. в составе добровольческих формирований, созданных по решению органов государственной власти Российской Федерации в целях содействия выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации».

Данная правовая мера упрощает натурализацию иностранных граждан. Юридический факт пребывания лица в добровольческом формировании признается достаточным обстоятельством, исключающим иные требования, предусмотренные пунктом 1 части 1 статьи 15 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации».

Таким образом, в порядке констатации академической новации, укажем на следующие очевидные научные результаты теоретико-методологического характера.

Россия последовательно продвигает и защищает национальные интересы на исторических территориях, противодействует деструктивной экспансии коллективного Запада в современных геостратегических условиях.

Правовыми средствами Россия легитимирует геостратегическую модель взаимодействия с акторами международной политики, делая их законными и приемлемыми в международном сообществе. Комплементарность права и геополитики одновременно выступает ограничителем, устанавливая рамки геополитического соперничества, за которые заходить не допустимо.

Обострение геополитической напряженности должно компенсироваться мерами государственной власти Российской Федерации по усилению законодательства в сфере национальной безопасности.

Военное законодательство призвано мерами военно-административного, военно-уголовного, военно-социального права при безусловном соблюдении международного гуманитарного права создать необходимые условия для достижения целей специальной военной операции.

2.9. Международно-политическая триангуляция как элемент геостратегии Российской Федерации

Политическая «триангуляция» соотносится с понятиями «трилатерализм», «минилатерализм», «треугольная дипломатия», применяемыми для анализа взаимодействий субъектов мировой политики и международных отношений (далее – МО). Международно-политическая «триангуляция» обозначает направление внешней политики государств, поддерживающее объективные условия и субъективный фактор обеспечения балансирования и сдерживания, а также сотрудничества в «треугольных» конфигурациях взаимодействия субъектов МО. Такое направление внешней политики подчинено геостратегии – комплексу требований к политике национальной безопасности, сформулированных в основополагающих доктринальных источниках и определяющих средства и методы достижения геополитических целей государства (группы государств-союзников), направленных на сохранение и усиление мощи государства[595].

Геополитические цели ориентируют на разные формы взаимодействий, обеспечивающие межгосударственные структуры баланса сил, угроз, интересов (партнерские коалиции, структуры сдерживания, диалоговые платформы и др.) для обеспечения общих и национальных интересов взаимодействующих субъектов МО. Концепция внешней политики России от 31 марта 2023 г. определяет национальные интересы России во внешнеполитической сфере и соответствующие стратегические цели, а также средства их достижения. В контексте нашей исследовательской задачи особенно важны такие национальные интересы как «поддержание стратегической стабильности, укрепление международного мира и безопасности», «укрепление правовых основ международных отношений», а также стратегическая цель – «создание благоприятных внешних условий для развития России, упрочение ее позиций как одного из ответственных, влиятельных и самостоятельных центров современного мира», соответствующие средства их достижения («поддержание… стратегической стабильности; оказание союзникам и партнерам России поддержки в продвижении общих интересов, обеспечении их безопасности и устойчивого развития независимо от получения союзниками и партнерами международного признания и их членства в международных организациях; раскрытие и укрепление потенциала многосторонних региональных объединений и интеграционных структур с участием России»[596].

---

[595] Назарова И.С. Основные тенденции развития геостратегии Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 164.

[596] Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090 (дата обращения: 26.06.2025). – Текст : электронный.

Объективные условия и субъективный фактор в концепте международно-политической триангуляции

Постоянный интерес исследователей к теме международно-политических треугольников отражает распространенность практик «трехсторонней дипломатии». Чжао Хуашэн считает, что «любая тройка стран, имеющих отношения ограничения и взаимодействия, может создать “треугольники”»[597]. Но это утверждение, на наш взгляд, касается не всех треугольников: для стратегических треугольников этот тезис вряд ли справедлив в полной мере. Система международных отношений носит объективно-субъективный характер, т.е. частично зависит от реальной действительности, а частично конструируется людьми в политических целях, и развивается и самовоспроизводится в соответствии с целеполаганием[598].

Формирование стратегических треугольников также зависит как от общей обстановки, пространственной структуры и национальных интересов, так и от субъективных замыслов лидеров. Т. Грэм заметил: «Биполярные и трехполюсные мировые порядки способствуют возникновению стратегических треугольников – а, возможно, выступают и необходимым для их появления условием. Объективные условия лишь часть картины. Государственные деятели ведущих держав должны пользоваться возможностями трехсторонней дипломатии, чтобы продвигать или, напротив, тормозить стратегические амбиции. От них требуется готовность и способность искусно маневрировать, чтобы сместить баланс сил внутри треугольника в свою пользу. Стратегический треугольник не существует «сам по себе», а представляет собой продукт политического выбора, который создается как часть стратегического замысла»[599].

Наглядным примером для этого положения является развитие Большого треугольника США–СССР–КНР. Судьба СССР в 1980–1990-е гг. зависела во многом от субъективных усилий руководства КПСС, а также от положения России в 1990-е гг., которое определялось не только объективным откатом экономики после развала кооперативных связей СССР, но и государственной политикой правительства Б.Н. Ельцина.

В свое время СССР смог нивелировать последствия сближения США–КНР, даже когда после визита Дэн Сяопина в США в 1979 г. войска КНР вторглись в союзный СССР Вьетнам[600].

---

[597] Чжао Хуашэн «Новый треугольник» в отношениях между Китаем, Россией и США // Сравнительная политика. 2019. № 10 (2). С. 74.

[598] Цыганков П.А. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия. 12. Политические науки. 2013. № 5. С. 5.

[599] Грэм Т. Китай–Россия–США: отношения и стратегические треугольники // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 63.

[600] Страны Востока во внешней политике России / Под ред. Д.В. Стрельцова, К.А. Ефремовой. М.: МГИМО-Университет, 2023. С. 249.

«Отступление» России в 1980–1990-х гг. объяснялось не только объективными трудностями, но также идейно-ценностной и геоэкономической, а отсюда и геостратегической дезориентацией российского руководства. В ноябре 1989 г. состоялся визит в штаб-квартиру Североатлантического альянса министра иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе, в 1990 г. в Москву прибыл генеральный секретарь НАТО М. Вёрнер. Эти визиты не принесли дивидендов СССР, но создали «благоприятную атмосферу для завершения процесса объединения Германии при сохранении ее в НАТО и подписания Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ)» накануне распада Варшавского договора[601]. З. Бжезинский считал, что, когда в августе 1993 г. Б. Ельцин заявил, что желание Польши присоединиться к НАТО не противоречит интересам России, это предрешило начало расширения альянса на Восток[602].

Как отмечал один из экспертов: «В этот… период наша дипломатия оказалась фактически полностью дезориентированной. Чёткая государственная доктрина, ясно сформулированная, понятная национальная идея, по сути, отсутствовали»[603].

В этот период началось заметное сближение позиций Россия–КНР, что можно было бы использовать для оживления ресурсов сдерживания США, начиная с 1992 года, в Восточной Европе. Однако, руководство России надеялось интегрироваться в европейские структуры, включая структуры НАТО, и при этом переоценило возможности геоэнергетического «рычага» (магистральных газо- и нефтепроводов) в сдерживании ЕС. «…Подчёркивая готовность войти в мировое культурно-цивилизационное пространство, каким мы тогда его себе представляли, и следовать сложившимся там правилам, мы сами способствовали укоренению у Запада мысли о его победе». Б.Н. Ельцин не раз говорил о вступлении России в НАТО. В 2002 г. был создан Совет Россия–НАТО, деятельность которого альянс по сути использовал для сдерживания России, в том числе для более спокойной ее реакции на новое расширение НАТО в 2004 г. Расчеты, что этот Совет даст возможность равноправного диалога России с каждым членом альянса, не оправдались[604].

---

[601] Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность СССР (апрель 1985 – октябрь 1989 г.). Обзор МИД СССР // Международная жизнь. 1989. №12. С. 49.

[602] Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения. 1998. С. 123.

[603] Крылов С.Б. Начало пути // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 4. С. 54–72. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/nachalo-puti-krylov/ (дата обращения: 16.05.2025). – Текст : электронный.

[604] Петровский И. Годовщина Римской декларации России с НАТО: компромисс остался в прошлом // Новые известия. 28 мая 2023 г. – URL: https://newizv.ru/news/2023-05-28/godovschina-rimskoy-deklaratsii-rossii-s-nato-kompromiss-ostalsya-v-proshlom-408651 (дата обращения: 26.06.2025). – Текст : электронный.

В своей уступчивости российское руководство в 1990–2000-х годах не учло непоследовательность идейно-политических настроений западных элит[605]. В России высшее внешнеполитическое руководство считало, что у России нет специфических национальных интересов, что со странами Запада у нас дружеские, даже союзнические отношения.

Таким образом субъективный фактор (заблуждения руководства России) ослаблял позиции России в балансировании и сдерживании США. Однако НАТО, особенно при Б. Клинтоне, реально готовила расширение альянса на Восток, включая бывшие страны Организации Варшавского договора и бывшие республики СССР. Даже опытные дипломаты не могли переубедить министра иностранных дел А. Козырева. Так, зам. министра иностранных дел А. Адамишин резко выступал против ряда неоправданных, как он считал, уступок американцам, но А. Козырев добился отправки его послом в Великобританию[606]. Уступки были сделаны не только западным странам, но и, например, Украине по статусу Крыма и Черноморского флота. И эти уступки действовали в ущерб отношениям с другими, дружественными развивающимися странами, что снижало возможности сдерживания НАТО, в том числе, с помощью балансирования в стратегическом треугольнике с учетом улучшения отношений России с КНР и роста напряженности между США и КНР.

Необходимо также учесть, что установки в стратегических документах США и НАТО не давали оснований для оптимизма. В результате Россия смогла мало что противопоставить агрессии НАТО против Сербии, в том числе, не воспользовались эффективными действиями российских военных в Приштине (Косово). В 1999 году бомбардировке подверглось и посольство КНР в Белграде. Последующие уступки России проявились во время обострения конфликта Грузии с Аджарией (2003–2004), когда США поддержали «революцию роз» в Тбилиси и Президента Грузии М. Саакашвили. В борьбе последнего с лидером Аджарии А. Абашидзе Россия заняла позицию стороннего наблюдателя; позднее последовал вывод российских баз из Батуми и Ахалкалаки. Сильный удар Россия получила и на Украине в 2004 году. Затем 3 апреля 2008 г. саммит НАТО в Бухаресте дал согласие на подготовку к вступлению в НАТО Украины и Грузии[607], что косвенно стимулировало события 8 августа 2008 г. в Южной Осетии.

---

[605] Батюк В.И. Структура взаимоотношений в рамках «стратегического треугольника» (США – КНР – РФ) // Россия и Америка в XXI веке. 2020. Вып. № 3. – URL: https://rusus.jes.su/s207054760011657-9-1/ (дата обращения: 15.08.2025). – Текст : электронный.

[606] Крылов С.Б. Указ. соч.

[607] Bucharest Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Bucharest on 3 April 2008. P. 23 // Home Summit Media NATO Romania. Bucharest. – URL: https://web.archive.org/web/20120730191710/http://www.summitbucharest.ro/en/doc_201.html (дата обращения: 26.06.2025). – Текст : электронный.

Только тогда Россия ответила на эскалацию. После этого члены НАТО несколько сменили тон на саммите НАТО (декабрь 2008 г.) о вступлении Грузии и Украины в Альянс[608].

Специалисты отмечают, что при учете улучшения отношений с КНР, Россия, начиная с 1992 г., могла бы более решительно переходить к сдерживанию США в Восточной Европе. Поддерживая напряженность в стратегическом «треугольнике», Россия и КНР могли бы поддерживать баланс сил и формировать «двойное противодействие» США. Недооценка Россией возможностей создания платформ взаимопомощи с незападными государствами, включая КНР, Индию, Иран, объясняет опоздание в «повороте на Восток». Идея Е.М. Примакова о треугольнике РИК долго не воспринималась не только в Китае и Индии, но и российской элитой. Как отметил Дм. Тренин, слишком много позиций уступил СССР в конце 1980-х гг., а затем и Россия в 1990 гг. не отстаивала достойно свои позиции[609].

Опыт Большого треугольника 1970-х гг. стимулирует дискурс о новых глобальных и региональных стратегических треугольниках в конфигурациях баланса сил XXI века. Идея партнерской диалоговой платформы Россия–Индии–Китая (РИК) реализовалась. Затем с опорой на РИК образовался БРИК из 4-х, затем БРИКС из 5-ти государств, а в 2025 году БРИКС включал 10 членов и 12 государств-партнеров.

Биполярный миропорядок (договоренности сверхдержав + международное право), подстрахованный Большим треугольником, в 1990-х гг. с уходом СССР разрушился. А «однополюсный момент» при «затухавшем треугольнике» США–Россия–КНР означал сначала усиление анархии, затем порядок, основанный на правилах гегемона при снижении действенности международного права и расширении неформальных мирополитических регуляторов. На это обращено внимание и в Концепции внешней политики России от 31 марта 2023 г.: «Серьезное давление оказывается на ООН и другие многосторонние институты, предназначение которых в качестве площадок для согласования интересов ведущих держав искусственно обесценивается. Испытанию на прочность подвергается международно-правовая система: узкая группа государств стремится подменить ее концепцией миропорядка, основанного на правилах (навязывание правил, стандартов и норм, при выработке которых не было обеспечено равноправное участие всех заинтересованных государств».

---

[608] Mayer A., Monath H. Nato-Treffen: An Kompromiss zum Abschied // Tagesspigel. 03.12.2008. – URL: https://www.tagesspiegel.de/politik/ein-kompromiss-zum-abschied-6828718.html (дата обращения: 26.06.2025). – Текст : электронный.

[609] Тренин Д. Стратегическое сдерживание: новые контуры. Ядерное устрашение и другие способы сохранения мира. 2024. № 4. Июль/Август. 01.07.2024. URL: https://globalaffairs.ru/articles/sderzhivanie-trenin/ (дата обращения: 26.06.2025). – Текст : электронный.

В ход шли мягко- и жестко-силовые средства – от дипломатии и информационно-культурного влияния до принуждения к миру и военных конфликтов, включая, например, прокси-войны НАТО руками Украины против России и ответной оборонительной специальной военной операции Российской Федерации.

Концепция внешней политики России отмечала повышение роли фактора силы в МО, расширение конфликтного пространства в ряде регионов, дестабилизирующее воздействие наращивания и модернизации наступательных военных потенциалов, разрушение системы договоров в сфере контроля над вооружениями, что подрывает стратегическую стабильность.

Сильное влияние на регулирование международных отношений стали оказывать мировые СМИ, социальные сети и информационно-психологические кампании, некоторые акторы прибегали даже к вовлечению в балансирование сил и угроз международных террористических движений. Страны, теряющие гегемонию, диктовали другим государствам свои правила, использовали недобросовестную конкуренцию, применяли в одностороннем порядке ограничительные меры (санкции), открыто вмешивались во внутренние дела суверенных государств[610].

Государства искали дополнительные средства балансировки сил и угроз – своеобразную страховку с учетом изменения соотношения сил и неурегулированности международной среды, предпочитая к имеющимся форматам прибавлять минилатеральные коалиции безопасности.

Например, США подключают QUAD и дополнительные треугольники AUKUS, США–Япония–Республика Корея и другие. Снижение регулирующего воздействия гегемонии США и сдвиг к многоцентричности стимулируют поиск гибких средств балансирования и сдерживания. Объемные, формализованные многосторонние институты, в том числе аффилированные с ООН, становились более затратными и подверженными различным эрозиям.

Побочное и перекрестное регулирование создавало регуляторные барьеры, и чтобы их нивелировать или обойти, государства и организации прибегают, в том числе, к минилатеральным формам взаимодействий, включая треугольники[611].

---

[610] Там же.

[611] Dee M. Minilateralism and effective multilateralism in the global nuclear order // Contemporary Security Policy. 2024. Vol. 45. No. 3. P. 494–524. – URL: https://dspace.stir.ac.uk/retrieve/830db313-dabf-4ca0-854c-fe3ae2363360/Minilateralism%20and%20effective%20multilateralism%20in%20the%20global%20nuclear%20order.pdf. (дата обращения:26.06.2025). Текст: электронный; Tow W.T. The Trilateral Strategic Dialogue, Minilateralism, and Asia-Pacific Order Building // US-Japan-Australia: Security cooperation. Prospects and Challenges / Edited by Yuki Tatsumi. Washington: Stimson Center, 2015. P. 23. URL: http://www.jstor.org/stable/resrep11008.7 (дата обращения: 26.06.2025). – Текст : электронный.

Теоретико-методологический аспект триангуляции

Треугольники – популярная аналитическая модель[612], помогающая исследовать геостратегию России, учитывающую сочетание гибкого балансирования, сдерживания, «примыкания», многосторонности, мер укрепления доверия и т.д.

Сохраняется методологическая значимость ряда исследований 1970–1980-х гг., в том числе, вклада Р.Г. Брауна, Т. Каплоу и др. Т. Каплоу использовал модели треугольников при изучении разных коалиций[613]. Р. Браун исследовал стратегические треугольники, включая Большой (США–СССР–КНР 1970-х годов)[614]. Возникают новые аспекты МО, проявляются новые особенности международно-политической триангуляции.

Треугольники – минилатеральные структуры, минимизирующие многосторонность. У. Тоу, определяя минилатеральные платформы, как и многие другие исследователи, говорит о трех-пяти государствах, участвующих в триангуляции[615].

«Треугольник» – наиболее часто рассматриваемая минилатеральная структура. Фэн Шаолэй видит в ней базовую категорию истории: «В двухсторонних отношениях всегда просматривается тень третьей стороны»[616]. Подтверждается вывод Т. Каплоу, что «теория треугольника обещает быть применимой к ситуациям различного масштаба…; обобщения, разработанные в трёхчленной группе, применимы к ситуациям, где взаимодействующие единицы – организованные группы, даже … политические партии и государства»[617].

Специалисты отмечают привлекательность «треугольников» в АТР (в последнее время применяется название Индо-Тихоокеанский регион). Распространенность треугольников объясняется желанием держав сместить баланс сил (угроз) в свою сторону в этом регионе, концентрирующем связи мирового политэкономического развития и привлекающем интересы великих держав и поднимающихся экономик[618].

---

[612] Дегтерев Д.А., Рамич М.С. Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // Контуры глобальных трансформаций. 2021. Т. 14. № 3. С. 24.

[613] Caplow T. A Theory of Coalitions in the Triad // American sociological review, 1956. Vol. 21, No. 4. P. 489–493.

[614] Brown R.G. Chinese Politics and American Policy: A New Look at the Triangle // Foreign Policy. Summer 1976. No. 23. P. 3–24. DOI: 10.2307/1147867.

[615] Tow W.T. Op. cit. P. 24.

[616] См.: Фэн Шаолэй «Асимметрия возможностей»: история треугольника Китай – Россия – США] // Гуаньча. 24.01.2019. URL: https://www.guancha.cn/FengShaoLei/2019_01_13_486674_1.shtml (дата обращения:26.06.2025). Текст: электронный.

[617] Caplow T.A. Op. cit. P. 489.

[618] Green M.J. Strategic Asian Triangles // The Oxford Handbook of the International Relations of Asia / Eds. S.M. Pekkanen, J. Ravenhill, R. Foot. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 758–774.

Внимание к политике триангуляции в АТР заметно с конца 1990-х гг.: в 1999 г. образовалась трехсторонняя группа по координации и надзору (США, Япония, Южная Корея); 2002 г. – TSD (Трехсторонний стратегический диалог по безопасности – США, Япония, Австралия). А с 2010-х гг. по причине роста мощи КНР и недостатка в механизмах, сдерживающих ее влияние, расширялась ориентация на институционализацию «стратегического минилатерализма» (QUAD, AUKUS)[619].

Треугольники – удобная форма балансирования сил (угроз), а также проявления интересов. Эксперты Sasakawa Peace Foundation на примере AUKUS показывают эффективность таких форм, в отличие от крупных многосторонних институтов[620]. По сравнению с многосторонностью, отмечается функциональность и адаптивность минилатерализма. А, по сравнению с билатерализмом, у треугольников проявляется эффект «умножителя силы»: в двухсторонних отношениях равновесие и компенсация внешних дисбалансов обеспечивается за счет внутренних ресурсов; в минилатеральном формате, включая треугольники, субъекты задействуют внешние ресурсы (свои и других), разменивают «активы», действуют через треугольник как дополнительную платформу «выдвижения повесток», не прошедших в других международных структурах и таким образом выравнивают влияния через балансир (контр-силу «третьего партнера» или другой минилатеральной структуры)[621].

У. Тоу выделяет такие преимущества триангуляции перед двухсторонними отношениями:

– «неформальность взаимодействий (официальное документальное сопровождение минимально) для обсуждения взаимных угроз безопасности и решения конкретных задач укрепления региональной стабильности и порядка»;

– «относительная выгода двух участников максимизируется в нейтрализации общей угрозы и реализации взаимных интересов»;

– «нет стремления выявлять или создавать обязательные нормы»;

– более конкретная «целевая ориентация» воспринимается как менее опасная, чем когда государства видят себя «объектом стратегий сдерживания и балансирования двусторонних альянсов, чьи ценности и интересы существенно расходятся с многосторонними повестками»[622].

---

[619] Koga K. A new strategic minilateralism in the Indo Pacific // Asia Policy. 2022. No. 17(4). P. 27. URL: https://www.jstor.org/stable/27254590 (дата обращения: 26.06.2025). – Текст: электронный.

[620] US-Australia-Japan strategic cooperation in the Indo-Pacific… P. 2.

[621] O'Donnell F., Papa M. India's multi-alignment management and the Russia–India–China (RIC) triangle // International Affairs. April 2021. P. 801–822.

[622] Tow W.T. Op. cit. P. 23–24.

Так, США, Австралия, Япония все чаще видят в тринитерализме более привлекательный механизм сдерживания КНР, по сравнению с Форумом по безопасности в Азии с его громоздкими институтами[623].

Сама актуализация в 2020-х гг. стратегического треугольника США–КНР–Россия частично свидетельствует об уходе «однополярного момента». Еще одно свидетельство такого ухода – увеличение числа дополнительных «треугольных» отношений.

Концепты триангуляции помогают уловить смягчение перехода от иерархии однополюсности 1990–2000-х годов («плюралистическая однополярность», «американский консенсус») к многополюсности, а, возможно, и трехполюсности 2020-х годов И в этом стратегическом треугольнике «ребро» Россия–КНР все больше демонстрирует взаимопомощь двух держав Евразии, обеспечивающая «двойное противостояние» их относительно США («двое сдерживают одного»)[624].

Адаптивность, координирующие горизонтальные взаимодействия в сочетании с организующими вертикальными связями[625] – такие черты характерны для «треугольников» государств. Триангуляция проявляется и при доминировании одной державы, и при балансировании сил (угроз) в многополюсном миропорядке, а также для моделирования соотношения сил в отдельных зонах региональных режимов с перекрестным регулированием.

Так, например, поступала Турция, когда, будучи членом НАТО, участвовала в сирийском диалоге (2015–2022) с Россией и Ираном. «Треугольная» платформа помогала Турции сохранять стратегическую автономию в Черном и Средиземном морях. С помощью треугольников региональные режимы сочетаются с глобальным управлением и другими форматами регулирования МО. Это удобно для разрешения конфликтов, сдерживания и «примыкания» в разных раскладах.

Моделирование треугольников для решений проблем безопасности

В инструментальном плане «треугольник» – модель отношений государств, обозначающая «вершины» углов (субъекты – государства), «стороны», или «ребра» (отношения субъектов – государств), что удобно для анализа взаимодействий и балансирования сил (угроз) и сдерживания.

---

[623] Ashizawa K. Australia–Japan–US Trilateral Strategic Dialogue and the ARF: Extended Bilateralism or a New Minilateral Option? // Cooperative Security in the Asia-Pacific: The ASEAN Regional Forum / Eds. N.M. Morada, J. Haacke. Oxford; N.Y.: Routledge, 2010. P. 92–110. – URL: https://doi.org/10.4324/9780203863114-12 (дата обращения: 26.06.2025). – Текст : электронный.

[624] Морозов Ю.В., Батюк В.И. Стратегический треугольник США – КНР – РФ: вызовы и перспективы безопасности России. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 102.

[625] Baumann R., Dingwerth K. Global governance vs empire: Why world order moves towards heterarchy and hierarchy // Journal of International Relations and Development. 2015. No. 18. P. 104–128. – URL: https://doi.org/10.1057/jird.2014.6 (дата обращения: 26.06.2025). – Текст : электронный.

Это – «неравновесная конструкция из нескольких центров силы, каждый из которых преследует собственные цели и использует для их продвижения различные методы»[626].

В треугольнике важны, как отношения intra- (внутренние: сдерживание типа «два против одного» или «каждый за себя»), так и extra- (настрой «триады» относительно сдерживания 4-ой державы, нескольких недружественных держав). Такое функционирование «триады» показали, например, команды экспертов США, Японии и Австралии в совместном моделировании, прорабатывая сценарии автономных и «триадических» действий в кризисных ситуациях вокруг Тайваня и в ядерном кризисе в связи с действиями КНДР[627]. Фигуры треугольников иллюстрируют усложнение взаимодействий (опосредование, корреляцию, конвергенцию, сопротивление, рассогласование, открытые разногласия), если мы смоделируем приложение к одной из сторон («рёбер») «треугольника» еще сторону («ребро») другого треугольника с новым «углом» (четвертым государством)[628]. С. Чугров пишет о появлении в АТР «геополитических конструкций из треугольников, четырехугольников, пятиугольников, которые частично перекрывают друг друга и – предположительно – должны синергетично усиливать влияние США»[629].

Подобное наложение двух и более треугольников высвечивает дополнительные «линии» отношений государств. Скажем, к одной из сторон глобального треугольника США–КНР–Россия присоединяется дополнительный треугольник с другим государством, например, на «ребро» США–КНР наложим ребро треугольника США–КНР–ЕС[630].

Такая комбинация актуализировалась после прихода к власти Д. Трампа, обострившего противоречия в отношениях США–ЕС. ЕС при ужесточении тарифной политики Д. Трампа (2025) решает, возможно ли резко ограничить импорт из КНР и выход на рынок последней европейских инвестиций и экспорта.

---

[626] Асмолов К., Бабаев К. Трехполярный мир и блоковые треугольники в Восточной Азии // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 3. С. 165–181.

[627] US-Australia-Japan strategic cooperation in the Indo-Pacific: Testing trilateralism through crisis simulation / Ch.J. Watterson, M.J. Green, P.J. Dean, N. Kanehara, K. Yamamoto, T. Matsu. Sydney, March 2024. – URL: https://www.spf.org/en/global-data/user191/ENG-WEB-US-Australia-Japan-strategic-cooperation-in-the-Indo-Pacific-Testing-trilateralism-through-crisis-simulation.pdf (дата обращения: 26.06.2025). – Текст : электронный.

[628] Елацков А.Б. Обобщенная модель «геополитического треугольника // Грамота. 2015. № 10(60). В 3-х ч. Ч. III. С. 57.

[629] Чугров С. Новая политическая геометрия. Интервью // Россия в глобальной политике. 18.04.2024. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/novaya-politicheskaya-geometriya/ (дата обращения: 26.06.2025). – Текст : электронный.

[630] Шевченко Е.С. Внешняя политика США в отношении стран Европейского союза на современном этапе: политический диалог или системный кризис? // PolitBook. 2025. № 1. С. 22–40.

КНР повысила свой вес в отношениях с Европой, благодаря экспорту недорогих товаров и к 2025 г. заняла первое место в торговом обороте с ЕС, оттеснив США. И этот «угол» (ЕС) воздействует на «ребро» США–КНР, а опосредованно на отношения США–Россия и КНР–Россия[631].

«Ребро» Россия–США было серьезно отягощено «треугольником» с «углом» Украина, но переговоры американцев с европейцами и украинцами в 2025 г. показывают, что США стремится перекинуть все тяготы поддержки Украины на ЕС, так что давление этого дополнительного треугольника на триаду США–КНР–Россия в целом снижается.

Еще один «угол» – Иран, давал некоторые преференции России и КНР. Превращение Ирана в многосторонний логистический центр, благодаря коридору Север–Юг, включающему «триаду» Россия–Азербайджан–Иран и пути Китай–Иран с триадой КНР–Пакистан–Иран, выводили Россию, как и КНР на более безопасные сухопутные пути торговли и укрепления ШОС и БРИКС. Но США подключают «угол» Израиля против Ирана, что объясняется не только беспокойством за ядерную программу Тегерана, но и опасением, что Исламская Республика станет форпостом незападного мира на Ближнем Востоке. Трамп надеялся, что Россия поможет США в перенастройке переговоров с Ираном по атомной энергетике, но потом перешел к более активному противодействию Тегерану, что привело к дополнительному напряжению в стратегическом «треугольнике», хотя его роль остается очень важной.

А на «ребра» Россия–КНР, КНР–США накладываются треугольники данных государств с Ираном и КНДР, странами ШОС или БРИКС, а, также США–КНР–Тайвань[632]. У России сложился «дополнительный» треугольник с частично признанными республиками Южная Осетия и Абхазия, имеющий важное геополитическое значение для контроля обстановки на Кавказе и Черноморском театре сдерживания НАТО. В концепции внешней политики от 31 марта 2023 г. явно отмечен «восточный поворот» России. В данном документе в разделе V изменение Российской геостратегии отражается в порядке перечисления региональных направлений внешней политики. Первым идет, как и ранее, Ближнее зарубежье, далее Арктика и Евразийский континент, прежде всего КНР и Индия, затем АТР, Исламский мир, Африка, Латинская Америка и Карибский бассейн, и только после этого Европейский регион, США и другие англосаксонские государства.

---

[631] US-China-EU Relations Managing the New World Order /Ed. Robert Ross, Øystein Tunsjø, Zhang Tuosheng. L.: Routledge, 2010. – URL: https://doi.org/10.4324/9780203860205 (дата обращения: 26.06.2025). – Текст : электронный.

[632] Diamond L., Ellis J., Schell O. The Treacherous Silicon Triangle. How to Strengthen the Semiconductor Supply Chain Without Endangering Taiwan // Foreign Affairs. July 17. 2023. – URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/semiconductor-supply-taiwan-treacherous-silicon-triangle (дата обращения: 25.07.2025). – Текст : электронный.

Треугольники в XXI в. наглядно показывают, что формирование нового миропорядка проходит при постепенной утрате гегемонии США. Много лет нации существовали в рамках «американского консенсуса», но сегодня у данной системы, «основанной на правилах», возникли проблемы[633]. Это обнаруживается в одном из направлений моделирования треугольников – имитационных играх. Объектом таких игр был «дополнительный» треугольник AUKUS (США–Японии–Австралии). Эксперты прорабатывали сценарии наложения на модель данного треугольника двух и более других треугольников с КНР, Тайванем, КНДР, Республикой Корея. Так, эксперты из Австралии, отправляющей в Китай около 33% экспорта (для сравнения: Япония – 18%; США – 7%)[634], более последовательно, по сравнению с другими в треугольнике, стремились сохранить экономическую стабильность в регионе, проявляя осторожность, чтобы не ухудшать отношения с КНР. Эксперты Японии обсуждали обеспечение свободы судоходства, сбои в цепочках поставок (особенно энергии и продовольствия) и стратегический баланс в регионе[635].

Специалисты насчитывают в «треугольниках» до шести и более вариантов взаимодействий. В стратегических глобальных и региональных треугольниках чаще всего выстраиваются расклады:

– «два совместно сдерживают одного» («стабильный брак») – США–СССР–КНР в 1950-е годы; пред-состояние современного стратегического глобального треугольника США–КНР–Россия в 2010–2020-е годы[636];

– «один примиряет двух других» («романтический треугольник») – США–Япония–Южная Корея; Россия–Индия–КНР);

– взаимное трехстороннее сдерживание (Большой треугольник 1970-х гг.; США–КНР–ЕС в 2020-е гг.);

– оборонительные треугольники, региональные в территориальном срезе, но стратегические по геополитическому характеру (Россия–КНР–КНДР в 2020-х гг.; Россия–Сирия–Иран (2015–2023); «триада» AUKUS).

При этом стратегическое взаимодействие в первом и третьем вариантах треугольников не имело прямых общих (трехсторонних) взаимодействий, но их взаимосвязь латентно поддерживалась динамикой сдерживания и координации на основе баланса сил (угроз) между «вершинами» («углами») треугольника[637].

---

[633] Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. С. 4.

[634] US-Australia-Japan strategic cooperation in the Indo-Pacific…

[635] Ibidem. P. 5.

[636] Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Большой стратегический треугольник. М.: Московский Центр Карнеги, 2013; Богданов К.В. Указ. соч. С. 13.

[637] Худайкулова А.В. Геополитические треугольники в контексте конкуренции традиционных и восходящих центров силы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 56.

Во втором варианте «треугольные» отношения временно прерывались, но за счет двухсторонних контактов одной из держав с каждой из двух других поддерживалось балансирование сил в «треугольнике» и позволяло полнее учитывать контекст – влияние остальных держав за рамками данной структуры. Особняком стоит трудно классифицируемый вариант – «плавающие» треугольники, например, с участием Турции. Последняя сохраняла стратегическую автономию при росте напряженности по линии Запад–Восток (Север–Юг), расширяя финансовое, экономическое и военно-техническое партнерство с Россией и КНР, снижая зависимость от США, с другой стороны, развивая туранскую линию Турция–Азербайджан–Центральная Азия (ЦА). Все это помогало сохранять регламентирующую роль в использовании черноморских проливов[638].

Опыт такой «плавающей» международно-политической триангуляции является особенно важным для балансирования сил в АТР (Индо-Тихоокеанском регионе). Например, США, помимо структуры AUKUS, через «треугольное ядро» (США, Японии, Австралии) обеспечивают стратегическую координацию в Совместной объединенной оперативной группе (Combined Joint Task Forces – CJTF)[639].

Ценным является опыт участия Индии в стратегических треугольниках с использованием «дополнительных» минилатеральных структур, облегчающих осуществление «мягкого балансирования» («soft balancing»). Неформальные минилатеральные взаимодействия в треугольнике РИК дополняют традиционную индийскую политику многовекторности. После конфликта в Гальванской долине 15–16 июня 2020 г. изменялась тактика Индии в РИК и ИБСА (Индия–Бразилия–ЮАР), а также в БРИКС, ШОС и G-20. Эпизоды в Гальване прервали нормализацию взаимодействия Индии и КНР в управлении Ладакхским коридором, после чего Индия интенсифицировала «мягкое балансирование» и сдерживание КНР с помощью минилатеральных и мультилатеральных институтов в том числе, в противодействующих РИК и БРИКС прозападных структурах QUAD (США, Индия, Япония, Австралия)[640].

---

[638] Шлыков П.В. Турецкий кульбит // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 145–146. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/tureczkij-kulbit/ (дата обращения: 26.06.2025). – Текст : электронный.

[639] Understanding, Deterring, and Preparing for a Great-Power War in the Twenty-First Century / A.J. Echevarria II, L.D. Goodson, B. Deveraux. Strategic studies institute US Army War College. Carlisle (Pennsylvania): «The Army's Think Tank», 2025 August. P. 81–82. – URL: https://www.pivotarea.eu/wp-content/uploads/2020/08/Striking-the-Balance_US-Army-Force-Posture-in-Europe_2020.pdf (дата обращения: 26.06.2025). – Текст : электронный.

[640] Hall I. India's China strategy after Galwan: minilateral and multilateral soft balancing in the Indo-Pacific // International Affairs. 2025. Vol. 101. No. 5. P. 2. – URL: https://www.researchgate.net/publication/388749384 (дата обращения: 26.06.2025). – Текст : электронный.

Россия в соответствии с указаниями стратегических документов наращивает активность в мультилатеральных и минилатеральных структурах, уделяя приоритетное внимание «отношениям всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия с КНР, особо привилегированного стратегического партнерства с Республикой Индией», «углубления многопрофильного сотрудничества с иностранными государствами в форматах ШОС и БРИКС, укрепления функциональных и институциональных основ взаимодействия в рамках РИК и других многосторонних международных институтов, диалоговых площадок, региональных объединений»[641].

Такой опыт заслуживает пристального внимания. Например, Индия предпочитает использовать разные международные структуры взаимодействий для сближения политических позиций или сдерживания, не умножая мультилатеральные межправительственные альянсы, но чаще обращаясь к неформальным минилатеральным платформам. Она интенсифицировала возможности имеющихся платформ и коалиций как средство внешнеполитического хеджирования (страхования) рисков и компенсации возможных неудач в какой-либо из мультилатеральных структур[642]. Характерна при этом динамика изменений в отношении РИК: усиление трехсторонних контактов в 2018 г., их снижение в 2020 г. (параллельно – повышение уровня взаимодействий в QUAD и ИБСА), и снова усиление внимания к взаимодействиям в РИК в 2025 г., после того, как Д. Трамп ввел высокие пошлины против Индии из-за покупки ею российских углеводородов.

Хеджирование с помощью треугольников удобно при росте внешних рисков в современной международной среде[643]. Такие неформальные минилатеральные платформы удобны для актуализации политических повесток, которые не проходят в мультилатеральных формальных объединениях[644]. С помощью триангуляции удается избежать сложностей длительных обсуждений проблем, накапливаемых в крупных коалициях, особенно при принятии решения консенсусом. Все это подтверждает, что минилатеральные структуры, в ряде ситуаций являются более удобными, чем двухсторонние и многосторонние, включая вопросы сдерживания и формирования мер доверия.

---

[641] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 26.06.2025). – Текст : электронный.

[642] O'Donnell F., Papa M. Op. cit. P. 803.

[643] Мафуанг Супатат Сигнализация и тактическое хеджирование как политические инструменты при формировании минилатеральных коалиций безопасности на примере QUAD и AUKUS в Индо-Тихоокеанском регионе // Мировая политика. 2024. № 4.

[644] O'Donnell F., Papa M. Op. cit. P. 803.

Нарастание международной напряженности и разрастание районов вооруженного разрешения конфликтов за последние годы актуализирует задачу, как нормализовать регулирование насилия, найти новые форматы взаимодействия держав. Следствие общего нарастания «давления в котле мировой политики» – эскалация глобального стратегического сдерживания США–КНР–Россия ко все более опасной ступени противостояния держав. Но державы должны стремиться «использовать эндогенные особенности “триплекса” в интересах поддержания стратегической стабильности и перестройки системы международной безопасности в условиях формирования нового – полицентрического – миропорядка»[645].

Деэскалирующую роль могут сыграть двухсторонние договоренности, а, возможно, и трехсторонние контакты этих великих держав. Немалое значение имеет и то, что США вынуждены признавать изменение соотношения потенциала США с совместным потенциалом КНР и России, укрепляющих взаимную поддержку. По всей видимости, триангуляция, в лице глобального стратегического и дополнительных треугольников, сыграет свою роль в балансировании сил и угроз, что в перспективе определит, будет ли преобладать билатеральный или трилатеральный договорный процесс и наступит ли новая «разрядка напряженности».

В 1970-х гг. стратегический треугольник США–СССР–КНР в биполюсном миропорядке обеспечивал взаимное сдерживание и помог избежать прямых масштабных столкновений США–СССР и СССР–КНР, ограничить опасные виды вооружения и испытания ядерного оружия. В 2020-е гг. стратегическая триангуляция может стимулировать трехсторонние соглашения великих держав, р они, наряду с обеспечением собственного выживания этих государств, поддержат формирование нового миропорядка без развертывания третьей мировой войны. Для 2020-х гг. уместно замечание К. Уолтца: «Великие задачи могут быть выполнены только агентами с большими возможностями. Вот почему государства, и особенно крупнейшие из них, призваны делать то, что необходимо для выживания мира»[646].

Такая стратегическая триангуляция может сначала реализоваться не в диалоговой платформе, а через связи позиций трех государств, регулируемые в зависимости от баланса сил (угроз) с постепенным переходом к договоренностям великих держав.

Насколько сохранит значение принцип взаимного уничтожения для сдерживания, учитывая, что искусственный интеллект и IT-технологии усложнят оценку мощи государств?

---

[645] Богданов К.В. Указ. соч. С. 10.

[646] Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading (Mass.): Addison-Wesley Publishing Company, 1979. P. 109. – URL: https://dl1.cuni.cz/pluginfile.php/486328/mod_resource/content/0/Kenneth%20N.%20Waltz%20Theory%20of%20International%20Politics%20Addison- (дата обращения: 21.06.2025). – Текст : электронный.

Аналитики предполагают приближение к 2030 г. ядерной триады (КНР станет обладателем около 1 тыс. стратегических ядерных боезарядов)[647]. В каком состоянии будет РИК, члены которого могут получить преимущества по развернутым ядерным зарядам? Не придется ли США сдерживать две, а то и три мощные ядерные державы с учетом Индии или Пакистана? И как будут распределяться сторонники (союзники) по центрам мировых «полюсов»? Б. Робертс в свое время провел различение «трехполюсного» и «треугольного» миропорядка, что сохраняет свое значение и сегодня[648]. К началу 2000-х гг. «полюс» формировался только вокруг США («однополюсный момент»). В 2020-х гг. в этом «полюсе» заметны расхождения, явно проявившиеся в связи с вопросами о принятии Украины в НАТО, милитаризации ЕС, а также СВО России на Украине. Треугольник США–КНР–Россия, хотя и обладает пока только слабыми связями косвенной координации, тем не менее, мог бы способствовать постепенному, относительно симметричному формированию трех «полюсов», достигая двухсторонних и трехсторонних договоренностей держав.

В 2020-е гг. вдобавок к «полюсу» США формируется пока только «двуглавый полюс» России + КНР, к которому тяготеют несколько государств из ШОС и БРИКС, включая Индию, Бразилию, ЮАР, использующих, в том числе, свои «триады». Снова активизировались РИК и ИБСА. А стремление США и ЕС (НАТО) к конфронтации ведет мир к «двойной глобальной циркуляции» в финансовом и экономическом развитии[649]. Но такая «циркуляция» может проецироваться в «параллельное» регулирование безопасности с перспективой «раздвоения» на противодействующие системы МО: одна на основе правил Запада и вторая на основе международного права (мировое большинство). Однако, на таком направлении США с союзными треугольниками будут обречены на непосильное «двойное сдерживание» с учетом мощи России и КНР. Это ведет к серьезным рискам для всей системы МО в экономической сфере и сфере безопасности. Проведение «цветных» революций, государственных переворотов, вряд ли, поможет расколоть РИК, БРИКС, ШОС, ИБСА.

---

[647] Тебин П. Предчувствие трехполярного ядерного мира и место США в нем. М.: РСМД, 2022. С. 3.

[648] Roberts B. Tripolar Stability: The Future of Nuclear Relations Among the United States, Russia, and China. Alexandria: VA, Institute for Defense Analysis, 2002. P. S-2. – URL: https://www.researchgate.net/publication/235049701 (дата обращения: 28.05.2025). – Текст : электронный.

[649] Ефременко Д.В. Миропорядок Z // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 3. С. 12–30. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/miroporyadok-z/ (дата обращения: 26.06.2025). – Текст : электронный.

2.10. Гибридная политика как инструмент геостратегического влияния на безопасность государства в XXI веке

Предметом, объектом и аспектами геополитики являются динамические величины, взаимодействующие с пространственным, временным и социально-политическим явлениями и категориями. В частности, «…пространство как объект исследования геополитики имеет социологическое измерение и не равно физическому пространству, но является объектом исследовании географии. Геополитическое пространство не абстрактно, оно приобретает определенную конкретику в зависимости от общества», где с ним активно взаимодействует, присущие ему политические, культурные, духовно-нравственные и другие социальные категории. Являясь интегративным феноменом, геостратегия включает в себя «…политические, военные, экономические, религиозные (духовно-нравственные), культурные, демографические…»[650] и непосредственно географические аспекты.

В политологии принято проводить классификацию политики на внутреннюю и внешнюю, где политика в самом немудренном определении представляется рассматривать как деятельность по управлению государством или в интересах государства, в нашем случае будем рассматривать в интересах России. В основе политических аспектов геостратегии находятся отношения, которые бывают различные: по форме и направлениям, по количеству и качеству, по задачам и сферам, по принципам и нормам и т.д. и т.п.

Помимо формальных политических аспектов геостратегии имеются неформальные отношения, построенные на межцивилизационных принципах, где цивилизации тесно в рамках границы конкретного государства из-за тех же социально-политических, культурных и духовно-нравственных аспектов. Например, в Концепции внешней политики России, что сказано в ней о русской цивилизации: – «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»[651].

---

[650] А. Ковалева. Геополитика и геостратегия // – URL: https://www.geopolitika.ru/article/geopolitika-i-geostrategiya (дата обращения: 25.08.2025). – Текст : электронный.

[651] Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 Общие положения. Ст. 4.

Разработчики Концепции, что на наш взгляд, абсолютно справедливо, видят Россию как государство-цивилизацию. Ранее названные черты цивилизации вполне «вмешаются» в формат России, а именно:

– полиэтничность или оформленный суперэтнос, как сложное сочетание многообразных менталитетов, традиций, образов жизни, которые подчиняются неформальным социокультурным регуляторам, с внутренней неантагонической сущностью, позволяющей этносу/суперэтносу распространяться в разнообразных ландшафтах и налаживать контакты с непохожими друг на друга соседями;

– единая идеология, ориентированная на мировые религии или на комплекс «общечеловеческих ценностей»;

– жесткая социальная иерархия внутри суперэтноса, предполагающая возможность некоторых социальных трансформаций, но в любом случае ориентированная на четкое разделение сфер деятельности;

– целевая установка на «всемирность», «вечность», бессмертие вождей; предельно возможное расширение жизненного пространства;

– отказ от природных несовершенных «даров», ориентация на более совершенные - прочные, износостойкие, долговечные, эргономичные и пр. материалы, инструменты, предметы быта.

Вышеперечисленные признаки цивилизации являются ничем иным, как культурные, духовно-нравственные и другие аспекты геостратегии, как конкретно очерченного географического направления интересов государства (России), но тесно связанного со всей геополитической картиной мира.

Действительно, Россия является государством-цивилизацией, т.е. государством, цивилизационно включающим несколько государств, что значительно упрощает нам задачу проведения анализа геостратегических аспектов, как межцивилизационного взаимодействия на определенных направления, например, при взаимодействии нашей страны с другими государствами-цивилизациями. К государствам-цивилизациям, находящихся в зоне геостратегических интересов России, относятся, в том числе такие великие государства как Китай и Индия.

Остановимся для примера подробнее на аспектах геостратегических отношений между Россией и Китаем. Россия и Китай древнейшие цивилизации, с одной стороны, имеют много общих черт, как социально-политические системы, имеют в разных условиях те или иные степени устойчивости, но непременно выходят обновленными из любых исторических событий, оставаясь при этом цивилизацией.

На примере новейшей истории России можно констатировать, что даже утрата значительных территорий государством, не была утрачена русская цивилизация, даже в новых образовавшихся государствах, т.е. сохранились духовно-нравственные и культурные скрепы.

Более того, даже не глубокий анализ показывает, что основная причина конфликта на Украине носит цивилизационный характер, так как те, кто относит себя к западной цивилизации на Украине не могут смириться с подавляющим менталитетом[652] русской цивилизации. Аналогичная ситуация в Центральной Азии, и даже в прибалтийских государствах. На данных территориях корни русской, духовно-нравственной, культурной цивилизации оппоненты не могут вырвать даже силой.

Когда Россия применяет силу, как например проведя СВО на Украине, то временно находящиеся под влиянием внешней Западной (либерально-потребительской, нравственно-дегеративной культуры) цивилизацией люди быстро становятся носителем русской цивилизации, из-за духовно-нравственного стрежня культуры народа, что является признаком России, как цивилизации. Попытки создания, что-то нового или иное из людей на данных территориях распавшейся Империи вряд ли увенчаются успехом. Украина этому живой пример. Так, выдумывание истории, разрыв родственных связей, жесткое насаждение иного культурно кода, конечно могут принести свои плоды, но ненадолго. Чего стоит только одна история русинского народа. Враги русской цивилизации знают это, и поэтому выбрали один «надежный» путь, а именно геноцид. Отсюда и запылал Донбасс в 2014 году.

К сожалению, примеры вытеснения представителей и носителей духовно-нравственной, русской культурной цивилизации с регионов бывшего Советского Союза также могут привести к кровопролитию, например, из государств Центральной Азии и Закавказья. Территории русской цивилизации не появились просто так, по чьей-то злой воле. Данные территории расширялись от центра в основном необходимостью обеспечения безопасности, а входившие в него этносы органично дополняли русскую цивилизацию, обогащая и делая ее еще более устойчивой. Вот такая простая синергетика геостратегического процесса.

С другой стороны, цивилизации России и Китая, которые имеют разные вектора развития, самым немыслимым образом пересекаются в знаковых точках взаимодействия, что создает также удивительную геостратегическую синергию. Например, сочетание коммунистических идей Советской России и китайского постколониального возрождения в середине XX века, по сути, создали сегодняшний великий Китай. Тоже можно сказать и про индийское современное чудо, когда Индия, как Феникс из пепла, возродилась, и семимильными шагами догоняет ведущие государства мира, по сути, становится новым центром силы.

[652] Говоря о России как государстве-цивилизации, позволим себе говорить о русской цивилизации, где под прилагательным «русский» подразумеваем всю мультикультурность и полиэтничность данного слова.

Для общественно-гуманитарных наук нахождение и доказательство причинно-следственных связей является научным достижением, позволяющим объяснять прошлое и настоящее, а также осуществлять прогноз будущего. Наука, при помощи выборки из множества факторов, влияющих на тот или иной процесс, позволяет смоделировать события и перипетия будущего и (или) заглянуть в прошлое доказывая, что могло привести к тому или иному результату.

Существует и обратный процесс, когда события прошлого и их последствия хорошо ложатся (экстраполируются) на современные события. Данная практика научных исследований, является базовой для общественно-гуманитарных наук, в частности для геостратегии, как составляющей политической науки.

Для качественного анализа геостратегических аспектов требуется абстрагирование объекта исследования, в противном случае существует большая вероятность ложных выводов, так как должна быть большая конкретика, т.е. геостратегическая нарезка существенно отличается по сторонам света, но не исключается взаимодействие и взаимовлияние субъектов исследования.

Наиболее характерным для выделения объекта исследования из целого является определение его характерных признаков, отличающих его от других объектов. Наиболее характерными признаками являются функционал объекта исследования и его целеполагание. Также к существенным признакам объекта можно отнести форму и коммуникации с внешней средой, не только, например, чисто духовно-нравственного и культурного содержания. Исходя из этих научных постулатов рассмотри существенные признаки цивилизационного взаимодействия геостратегических интересов России. Целостность нашего мира представляется мультисистемным единством.

Другими словами, совокупность мира представляется системами, надсистемами, подсистемами, антисистемами и связями между ними. Русская цивилизация – это сложная, но весьма устойчивая система. Отличительные признаки одних систем от других определяются: физической природой систем, уровнем, определяемым масштабами и функциями системы, а также внутренними и внешними связями, отраженными в структуре системы.

Единым для всех систем являются причинно-следственные связи, происходящие в них. Факторы или причины, влияющие на системы, имеют одни и те же последствия для всех систем без исключения и приводят к трансформации в той или иной степени целеполагания системы, структуры и ее коммуникациям. Отличие системы-цивилизации от других, то, что ее целеполагание не меняется, имеет очень консервативные корни, что и придает ей устойчивость.

Данный подход к анализу цивилизации очень близок к взглядам Гумилева Л.Н.[653], считавшего влияние факторов внешней среды на общность людей и цивилизацию основным источником развития, а не ее гибелью, другими словами, то, что нас не убивает, то делает нас сильнее.

Понимание цивилизации, как социально-политической системы, наполненной духовно-нравственным и культурным содержанием, позволяет последовательно проанализировать основные принципы существования и развития данных систем, используя исторические примеры и аналогии. Первое, на чем хочется подробно остановиться, это на существовании или выживаемости цивилизации. На чем она (выживаемость) основана? Как ни банально это звучит, но существование, выживаемость или устойчивость стоят на фундаменте рационализма, где рационализм представляет собой обычную разумность в организации жизнедеятельности.

В нашем геостратегическом случае рациональность основана на обеспечении безопасности континентального государства, в отличие от островных государств (Англии, США и т.п.), когда нашему государству для обеспечения своей безопасности приходилось увеличивать буфер безопасности за счет расширения.

Государство, как система само должно уметь оптимально искать разумные, рациональные пути существования, а не находиться в плену догм, неважно каких религиозных, коммунистических или либеральных. Современная западная цивилизация в своем либеральном угаре уже не различает берегов допустимого, погрязнув в крайнем распутстве и разврате, пытается играть с обществом на самых низменных потребностях, выдавая это за великие ценности и культурные достижения западной цивилизации. Россия, как государство-цивилизация, долго шла по своему неповторимому пути, тоже не раз бросаясь от одной догматической крайности в другую. Много лет идет дискуссия о том, какую иметь государственную идеологию, и иметь ли вообще.

Предлагается за идеологическую основу взять российские интересы или государственный рационализм, как идеологию разумного, поступательного развития страны вперед. Например, Китай на протяжении тысячелетий всячески пытался сохранить свою цивилизацию, и как показал опыт не зря. Стоило ему открыться, и величайшая цивилизация была на волоске от наркотической пропасти и абсолютной потери суверенитета в девятнадцатом веке. Отсюда современное стремление китайцев к сохранению своих границ и тяга к автономности, особенно в области культуры, образования и информационной повестки.

---

[653] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев; Под ред. В. С. Жекулина; [Вступ. ст. Р. Ф. Итса]. - 3-е изд. стер. - Ленинград : Гидрометеоиздат, 1990. – 526 с.

Когда перед Россией в конце 90-х XX и начале XXI вв. встал вопрос информационно-технического развития государства, мы встали без раздумываний под знамена Западной цивилизации. Потекли рекой в Россию практически бесплатно западные программы, информационно-технические продукты и непосредственно сама технологическая основа. Китай же в своей традиционной манере сразу принял комплекс ограничительных мер, сделав ставку на собственное информационно-техническое развитие, при этом беззастенчиво копируя лучшие западные образцы.

В итоге Китаю в настоящее время никто не может навязать чуждую информационную повестку и оказывать информационно-психологическое воздействие на население. Под контролем государства находится все области информационного противоборства, информационной безопасности, информационной политики и производства в информационно-коммуникационной сфере. Вот уж действительно очень символично, по замечанию профессора В.А. Дергачева[654], для Китая, с одной стороны, Великий шелковый путь, а с другой – Великая Китайская стена. Такого же прагматизма Китай придерживается и во внешней политике, где внешняя политика Китая имеет подчиненное значение по отношению к внутренней, отсюда приоритет внутреннего права государства по отношению к международному праву. В настоящее время направления нашего российско-китайского межцивилизационного взаимодействия развиваются в русле добрососедства. Еще в 1996 году между нами декларировалось стратегическое взаимодействие в XXI веке, уже тогда смысл декларации состоял в констатации многополярности международных отношений[655].

Наиболее очевидным для межцивилизационного взаимодействия между нами выступают природные ресурсы и товары широкого потребления. Такое взаимодействие не означает автоматический перенос из одной цивилизации в другую современных технологий или модернизацию производства. Хотя именно помощь, причем безвозмездная Советской России когда-то Китаю позволила ему восстановиться и стать на самостоятельный путь развития. Возможен ли такой жест доброй воли со стороны Китая для России? Вместе с тем взаимовыгодный процесс между Россией и Китаем в настоящее время расширяется, и необходимо время, чтобы понять его глубину и направленность.

Проблема проницаемости цивилизаций, так называемой политической диффузии, также является неоспоримым фактом, при этом на наш взгляд, цивилизационное взаимодействие усиливается при различных моделях системы, а именно в закрытых и открытых.

---

[654] Дергачев В.А. Особенности китайской геополитики // Вестник аналитики. 2008. № 2. С. 126-142.

[655] Совместная китайско-российская декларация (1996 г.) // – URL: http://russian.china.org.cn/ russian/273010.htm (дата обращения: 16.08.2025). – Текст : электронный.

Открытая модель исходит из того, что вступающие в контакт крупные культурные системы обладают неодинаковыми потенциальными возможностями для внутреннего заимствования и внешнего влияния. Стоит отметить, что для геостратегии государства как интегрированной мультисистемы основной скрепой является культура, объединяющая порой несовместимые элементы. Взаимодействие цивилизаций зависит от стадий развития партнеров. Россия и Китай в этой связи ментально и морально находятся примерно на одном уровне, что позволяет нам безболезненно резонировать по многим направлениям сотрудничества, в отличие от западной цивилизации, как общества массового потребления, привыкшего к крайнему индивидуализму, что всегда болезненно отражалось и продолжает отражаться при вестернизации других культур.

Для эффективного геостратегического взаимодействия необходимо или переходить на их уровень, или демонстрировать моральное превосходство, что, безусловно, не будет способствовать эффективному контакту. Незападные цивилизации не всегда готовы участвовать на условиях межцивилизационного геостратегического взаимодействия, так как многие страны и представители самых разных групп и сообществ, пугает перспектива утраты собственной культурно-цивилизационной идентичности. Поэтому в разных регионах мира всегда имеет место сопротивление вхождению в глобальные процессы на основе требований, продиктованных лидерами «золотого миллиарда». Еще в XX веке создание социалистической модели было альтернативным ответом глобальному межцивилизационному взаимодействию со странами Запада. Но среди причин распада советской социалистической модели сыграли именно интеграционные процессы с Западом, в результате чего цивилизационная интегрированность ослабла настолько, что скукожилась до размеров современной России.

Культуры некоторых стран Азии, Африки, Латинской Америки до настоящего времени испытывают непреодолимые сложности в полнокровном включении их в общечеловеческие цивилизационные процессы, когда обособленные жизненно важные нормы и ценности при разрыве вгоняют данные культуры в жуткую деградацию и неспособность к развитию. Нельзя оставить без внимание духовно-нравственное, межрелигиозное геостратегическое взаимодействие, когда сильное влияние одних религий на другие сопровождается дифференциацией каждой на ряд крупных ответвлений и сект, например, в российском православии сохраняются некоторые языческие признаки, что не мешает вероисповедованию, а наоборот обогащает ее культурным национальным кодом. Так происходит всегда в глобальных религиозных и идейных процессах, например, китайский социализм хорошо сочетался с конфуцианством, а советский социализм с русской архаичной общиной, а также с традиционным российским исламом.

В ряду геостратегического взаимодействия можно провести еще множество точек соприкосновения целенаправленных или образующихся по наитию, среди них можно выделить глобальные научные общечеловеческие достижения. Наука всегда стоит на плечах предшественников, причем со всех стран и государств мира. Это можно отнести к искусству и даже спорту. Вопрос в другом, до какого уровня можно взаимодействовать и интегрироваться?

Таким образом, на фоне убыстряющейся динамики глобальных изменений сохраняются конфигурации геостратегических взаимодействующих сторон и механизмы отношений между цивилизациями. Место и роль обозначенных геостратегических аспектов будет зависеть от всей совокупности ее сущностных показателей. Но базовыми показателями являются культурный и духовно-нравственный показатели, что очевидно. Поддержание культурно-цивилизационного развития, духовного воспроизводства и рациональность, разумность управления, выражающаяся в общественно-политическом строе России, является ключом к устойчивости наших геостратегических интересов.

Но, в «сухом остатке» духовно-нравственного и культурного аспектов геостратегических интересов России находится даже не население на том или ином геостратегическом направлении, а собственное население России и население с данным цивилизационным кодом прилегающих государств. Другими словами, демографический аспект геостратегии, который неоднократно отмечается руководством нашей страны, как критический.

Например, когда жизнедеятельность государства и его развитие происходит в условиях устоявшихся национально-этнических и культурно-религиозных отношений внутри страны, то такие страны значительно отличаются от других (например, современные исламские государства). Данные страны имеют значительный прирост населения, и главное, что никакие потрясения не способны разрушить устоявшиеся традиции в данных странах. Если традиционные общественные отношения в стране по какой-либо причине размываются или разрушаются, то страна и государство сильно трансформируются. Например, античная цивилизация, утратившая свои языческие верования и погрязшая в разврате и плутовстве, давно уже стала объектом исследования только археологов и историков (кстати, очень напоминает современную тенденцию Западной цивилизации).

Часто даже в большинстве случаев происходит естественная социально-политическая диффузия населения в странах. При этом совсем необязательно захватывать или оккупировать какую-либо страну, в случае нарастания определенной критической национально-этнической или культурно-религиозной общественной массы в том или ином государстве, население само «распахивает двери», и социум сливается с той идентичностью, которая ему наиболее близка по сущности и содержанию.

Ярким примером здесь является народ Украины, который настолько себя посчитал единым с европейскими народами, что потерял свою идентичность, для этого даже придумал себе новую историю. Это своего рода культурная геостратегическая экспансия, можно даже констатировать, что вся история человечества есть нечто иное как появление новых или разрушение старых государств по причине именно данной социально-политической диффузии, а точнее потеря духовного суверенитета, народов. Государства, как системы, по-разному реагирует на возмущающие, дестабилизирующие воздействия, как со стороны внешней среды (идеологические агрессии, торговые войны, дипломатические экспансии, блокады, экономические санкции, войны и т.п.), так и внутреннего роста энтропии (межнациональные и межконфессиональные конфликты, сепаратизм, диссидентские движения, забастовки, восстания, революции, гражданские войны, идеологические расколы) [656].

Часть государств с успехом преодолевает эти бедствия, мобилизуя свои ресурсы на преодоление сбойных ситуаций (смуты, революции) путем противодействия факторам внешней и внутренней среды; проведения реформ, направленных на повышение эффективности организации, другая же - попадает в стадию дезорганизации, деградации или гибели.

Таким образом, способность государства противостоять внешним и внутренним возмущающим факторам или стабилизировать свое движение определяет её устойчивость. Отсюда основным принципом устойчивости для государства является, то, что государство незыблемо, если способно эффективно мобилизовать свои силы, средства и ресурсы на поддержание равновесия или целенаправленного движения при возникновении внешних и внутренних возмущающих воздействий.

Способность государства оставаться в устойчивой области значений духовно-нравственных, культурных и других параметров нередко называют живучестью. Устойчивость государства зависит от количества и качества отношений во внешней и внутренней среде на всех уровнях и во всех областях жизнедеятельности государства, где прирост населения является основным человеческим ресурсом, а духовно-нравственные ценности определяют целостность государства.

Но чтобы сохранить целостность государства необходима обоснованная, сбалансированная, в первую очередь демографическая политика государства, так как решение проблемы увеличения народонаселения, образование и развитие населения, является основным ресурсом любого государства.

---

[656] Лихоносов А.Г., Шевцов В.М. Построенная на традиционных ценностях демографическая политика государства - фактор развития страны / Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире // Материалы Второй международной научно-практической конференции. в 2-х частях. Москва, 2024. С. 259.

За этими очевидными выводами находится тысячелетний опыт существования Российского государства, где фактором прироста населения многие века являлись духовно-нравственные ценности коренного населения страны, в первую очередь построенные на основах православия и других традиционных религиях, а во-вторых, на равноправном участии всех коренных народов страны в управлении государством.

Стимулами к решению проблемы демографии должны быть выработка у людей твердых, идейных, религиозных убеждений в богоугодной миссии деторождения, или выработка высокого понимания у людей государственной значимости процесса рождения и воспитания человека.

По сути, для этого необходимо вырабатывать у населения государственного мышления относительно деторождения, а для этого должна быть целенаправленная демографически политика государства, сопровождаемая целым комплексом идейных, пропагандистских, социально-экономических и других аспектов данной политики. Например, в атеистическом обществе Советского Союза после Великой Отечественной войны, стимулом к деторождению являлась мощная пропаганда деторождения в совокупности с многосторонней социально-экономической поддержкой государством матерей одиночек, так как большое количество мужчин были убиты на войне, а страна нуждалась в людях[657].

Отсюда можно сделать вывод, что необходимо максимально возвращать в российское общество традиционные духовно-нравственные ценности. В совокупности с финансовой поддержкой семей, целенаправленной государственной пропагандой семьи, деторождения и расширения духовно-нравственной основы, только так возможно развитие страны, в том числе в геостратегических интересах государства.

Следующий вывод основан на тенденциях современной международной политики, которая носит все более непредсказуемый характер, если не сказать «смешанный» или гибридный характер. Вывод заключается в том, что если еще полвека назад международные и межгосударственный отношения были построены на международном праве, то со временем право трансформировалось в навязанные центрами силы правила. Это безусловно сразу отразилось на геостратегическом векторе прогнозирования проявившихся тенденций. Сегодня Россия противостоит навязанному миру устройство межгосударственных отношений, о чем неоднократно заявлял Президент России В.В. Путин[658].

---

[657] Лихоносов А.Г., Шевцов В.М. Построенная на традиционных ценностях демографическая политика государства - фактор развития страны / Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире // Материалы Второй международной научно-практической конференции. в 2-х частях. Москва, 2024. С. 260.

[658] Владимир Путин: США и Запад пытаются навязать миру свои правила // – URL: https://www.kp.ru/online/news/6141589/ (дата обращения: 22.08.2025). – Текст : электронный.

Для полного освещения исследуемых нами аспектов требуется более подробно остановиться на существующей гибридной международной политике несущей серьезные конфликтогены в современную геополитику и геостратегию. Точнее сказать, немного перефразируя Ф. Клаузевица[659], что продолжением гибридной политики является гибридная война всеми имеющимися средствами, ведущаяся на всех геостратегических направлениях по периметру России.

Термин «гибридная политика» веял, как говорят, в воздухе в условиях многолетней гибридной войны, ведущейся против России. Политикам, исследователям и учёным давно требовалось каким-то образом объяснить людям, что происходит в мире. Под гибридизацией политики мы понимаем искусственно синтезированный различными методами конечный политический продукт, выраженный в форме концепций, идеологий и практический реализации таковых.

Органичный ход управления государством[660], исходя из естественно-природных условий существования государства, страны и общества, существовавший многие тысячелетия, менялся с позиций сильнейших, с помощью или внутренних сил в государстве или внешних сил соседних государств. Данный ход политического или государственного жизнеустройства не подвергался сомнению, более того в органичном управлении государством существовала закономерность влияния географических и природных, а в современных реалиях техногенных и антропогенных условий на политический строй и вектор его развития, именно данные факты являются основой геополитики и геостратегии государства как науки.

Синтез или гибридизация, как метод, позволяет собрать воедино картину мира, а если мы говорим о политике, то политика это уже сам по себе гибридный, синтетический продукт человеческой (антропогенной, социальной, межстрановой, культурный, духовно-нравственный), природной сущности нашего бытия. Понимание гибридной политики складывается из максимально объективного взгляда на управление государством и даже миром. Стоит также добавить в геостратегические факторы причинно-следственные связи таких компонентов как, человеческие расы и этносы, культуру и национальный менталитет, этнопсихологию и индивидуальную психологию лидера, а также множество невидимых факторов, связанных с историей и развитием государств, религией и скрытыми от глаз политическим рычагами.

---

[659] Клаузевиц К.О. О войне: [избранное: 12+] / Карл фон Клаузевиц; пер. с нем. А. К. Рачинского; предисл. и коммент. Л.В. Ланника. - Москва: Изд-во АСТ, 2019. – 318 с.

[660] Деятельность по управлению государством и есть политика, что касается международной политики, то это искусство найти место и роль государству на международной арене исходя из его потенциалов.

Выявленные в природе и сформулированные когда-то великими мыслителями законы развития окружающего мира, были перенесены на развитие человеческого общества, так как мы являемся частью природы. Это позволило прогнозировать развитие человечества. Развитие, с точки зрения системной методологии, это структурные изменения в системе, а именно изменения в связях, отношениях, элементах или компонентах, в идеале без разрушения самой системы. Данные структурные изменения могут происходить целенаправленно и целесообразно исходя из складывающихся условий внешних или внутренних.

Чаще на практике развитие приводит к появлению чего-то нового, с новыми качествами и свойствами. Например, в политических системах таких как государство, такое развитие приводит к появлению новых государств или государственных образований (Московское царство – Российская империя – СССР – Российская Федерация, и возможно – Новый Евразийский Союз). Кстати, неоднократно учеными[661] отмечена тенденция интеграции современных государств в региональные союзы, по сути, представляющие собой империи нового типа. Развитие может происходить объективно, по складывающимся условиям и факторам внутри системы и вокруг, так как мир системен и все вокруг представляют системы, надсистемы, подсистемы. Другими словами, все в мире связано, влияет друг на друга, явно и неявно через миллиарды других нитей, связей и отношений. Понимая сущность системности окружающего мира, то есть абсолютную взаимосвязь и взаимозависимость, даже астрология уже не кажется лженаукой, а вполне объяснимым явлением в картине мира. Даже «взмах крыла бабочки, вызвавший цунами где-то на другом конце света»[662] не кажется аллегорией.

В социальных и политических системах происходят те же процессы, проявляются те же законы и закономерности, которые происходят в системах любой природы. Здесь стоит подробнее остановиться на сущности системы, как некой абстрактной совокупности, иначе будет сложно понимать, почему мы делаем и приходим к таким выводам.

Независимо от физической природы системы (живой или неживой, искусственной или естественной, техногенной или антропогенной и т.д.) она состоит из элементов, связями между элементами. Элементы и связи в свою очередь представляют структуру или форму. Но все эти составляющие, а именно элементы, связи и структура всегда чем-то или кем-то целеположены. Именно ради цели собираются (синтезируются, гибридизируются) в определённую форму элементы, от самых примитивных до самых сложных форм и связей между ними.

---

[661] Сухонос С.И. Масштабная гармония Вселенной / С.И. Сухонос. – Москва : София, 2000. – 308 с.

[662] Сваллоу Д. Эффект бабочки / Амфора, Ред Фиш; 2004. – 135 с.

В свою очередь цель задается, во-первых, всеобщей мировой гармонией (математически эту гармонию описал Фибоначчи)[663], если угодно, это всеобщая божественная гармония[664]. Наиболее наглядно всеобщая мировая гармония проявлена в солнечной системе, в спиралевидных структурах галактических систем и даже человек и все живое созданы по заданным пропорциям и отношениям.

По мере своей эволюции социальные системы приобретали множество качеств, усложнение социальных систем позволяло формировать новые системные социальные образования. Так стали появляться признаки политических систем, непосредственно связанных с властными функциями. Не вдаваясь в подробности образования и развития государств, хочется довести главное, что любые вновь образуемые системы по мере эволюции в человеческом сообществе (социальные, культурные, религиозные, политические, государственные, этнические и т.д.) были определены целесообразностью выживания человеческого сообщества, то есть, самой природой и условиями существования человеческих сообществ.

Таким образом, политическая система и государство, как основная составляющая данной системы, всегда строились исходя из внешних и внутренних условий и факторов в которой находилась система. Если под воздействием данных условий и факторов политическая система меняла свою внутреннюю структуру, то система не разрушалась, а развивалась. Вся зафиксированная история человечества именно об этом, как политические (или государственные) системы или развивались, или разрушались, где имеющиеся геостратегические интересы государства были неким индикатором живучести страны. Сегодня необходимо рассматривать современные межгосударственные отношения и формирование геостратегии с анализа содержания гибридной политики государства, т.е. максимально целостно и объективно, где в основе понимания происходящих процессов находиться целесообразность существования системы независимо от сущностной природы государства образующей совокупности[665].

Например, рассматривая некое абстрактное государство, а именно структуру власти в государстве, отношения между элементами, основные элементы государства, условия существования и возможные факторы, влияющие на систему. С точки зрения гибридной политики государство есть совокупность властных институтов, основанных на нормативных правовых отношениях, имеющих установленную структуру и полномочия в интересах обеспечения жизнедеятельности личности и общества страны.

---

[663] Воробьёв Н.Н. Числа Фибоначчи. - 2-е изд., доп. – Москва : Наука, 1964. - 71 с.

[664] Сухонос С.И. Масштабная гармония вселенной / С.И. Сухонос. - Москва: София, 2000. – 308 с.

[665] Беляков Б.П., Данюк Н.С., Герасимов В.И. Гибридная политика как новая системная реальность / Общество. Политика. Экономика. Право, 2025. № 2(139). С. 17.

Жизнедеятельность, жизнеустойчивость и положительное развитие страны три ключевых задачи государства, как института, наделённого властными полномочиями. Данные задачи решаются только в комплексе с учетом существующих географических, природных условий расположения страны, имеющихся ресурсов в стране, в том числе и человеческого ресурса. Только политика, как искусство управления государством основанная на рационализме и интересах страны, способна эффективно решать геостратегические задачи.

Гибридная политика, как направление интеграции максимального количества факторов, влияющая на геостратегию того или иного государства, способна дать рекомендации по управлению государством, смоделировать наиболее целесообразную, рациональную стратегию государства, подбирая наиболее эффективные для решения задач инструменты или даже сделать прогноз развития государства[666].

Современная международная геополитика и геостратегия отчётливо вскрываются логическим анализом сущности гибридной политики Запада. Например, С.В. Лаврова, постоянно подчеркивает применение двойных стандартов Западом в международной политике, причем, именно двойные стандарты являются одним из методов гибридной войны, наравне с «мягкой силой», «цветными революциями», «прокси-войнами» и т.д. Если бы в мире не было данного явления, как гибридная политика, всё было бы под один стандарт, то жизнь была бы прекрасна!? Не было бы шпионов, были только разведчики, не было бы противников и врагов, были бы партнеры и более удачливые коллеги по бизнесу или в политике.

Политика между государствами была понятна и открыта, все государства были бы союзниками, товарищами и даже друзьями. В таком случае границы стали бы не нужны, как и армии со своим очень затратным содержанием. Зачем армия нужна, если и так все понятно, что если угрозы будут возникать, то с такой идеальной международной политикой угрозы быстро и мирно устранятся.

Наш скептицизм по поводу данной фантазии, конечно, не означает, что не надо стремиться к идеалу в международной политике. Стремиться надо особенно в межгосударственных отношениях, для этого и созданы и функционируют международные институты, такие как ООН или региональные организации, чтобы, отстаивая свои интересы могли иметь площадку выслушивая все заинтересованные стороны. Например, спровоцированное применение Россией военной силы против украинского режима можно было решить одним решительным и объективным заявлением ООН, при соблюдении интересов всех участников конфликта.

[666] Беляков Б.П., Данюк Н.С., Герасимов В.И. Гибридная политика как новая системная реальность / Общество. Политика. Экономика. Право, 2025. № 2(139). С. 19.

В частности, при политическом диалоге до начала конфликта на имеющихся площадках во главу угла должен был быть поставлен вопрос, что Украина входит в геостратегические интересы нашей страны. Вступление данной страны в НАТО неприемлемо из-за факторов увеличения угроз нашей безопасности, а также культурного, духовно-нравственного единства с Россией, является отрывом государства от русского мира. Более того, на Украине неприкрыто многие годы осуществляется геноцид русскоязычного населения. Например, Россия не предпринимает даже попыток усиления дезинтеграционных процессов государства Канады относительно Соединенных Штатов Америки, хотя, при существующих заявлениях американского президента Д. Трампа о включении Канады в Соединенные штаты[667], дает для этого повод.

Факты о наших геостратегических интересах относительно Украины, конечно и неоднократно были доведены на всех имеющихся региональных, международных, межгосударственных площадках до мировой общественности[668]. Но воспользовавшись, в том числе слабостью России в информационно-коммуникационной сфере, данные заявления России не были услышаны, или были услышаны, но интерпретированы абсолютно с противоположным значением, что позволило развязать данный конфликт. Понимание того, что Россия не потерпит поражение, а наоборот, Россия становится сильнее по всем позициям дает Западу возможность трезво взглянуть на нашу страну и имеющийся у нас потенциал. К существующей практике международной политики и выстраиваемых геостратегических направлений надо просто относиться реалистически, без иллюзий, фантазий и прожектёрства. Тогда исчезнут обиды, неоправданные надежды и обвинения в предательстве, в обмане или в подлоге. То, что Россию, в свое время не приняли в семью стран, так называемого «золотого миллиарда» на равных партнерских условиях, так никто не обещал принять, более того никаких документов подписано не было. Россию в этом союзе «золотого миллиарда» видели, как послушного исполнителя воли геополитического хозяина, а также признали нас мировой бензоколонкой с населением не более 15 миллионов[669]. То, что политики девяностых годов распыляли народную фантазию по поводу надежды на всемирное благоденствие, сейчас трудно рационально объяснить, зачем политики того времени это делали.

---

[667] Трамп «присоединил» к США Гренландию и Канаду: зачем Америке эти территории и причем тут РФ // – URL: https://dzen.ru/a/Z39kt3TG7C6KAMT9 (дата обращения: 20.08.2025). – Текст : электронный.

[668] Обращение Президента России о начале специальной военной операции // – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5229815 (дата обращения: 22.08.2025). – Текст : электронный.

[669] Фейковое это или реальное заявление о 15 миллионах населения бывшей премьер-министра Великобритании, значения не имеет, главное, что мы видим какая против России ведется политика.

Отдельной историей противодействия Запада России является начало специальной военной операции на Украине, когда мы в 2022 голу опять оказались перед лицом неразрешимых мирным путем проблем.

По сути, вся новейшая история России начиная с 1991 года XX века до настоящего времени, это история противостояния Запада России, а точнее непрекращающаяся попытка уничтожения России. Данное противостояние носило и носит гибридный характер, а именно «прокси-войны», неоднократная попытка проведения «цветных революций», террористические акты и другие методы проведения гибридной войны.

Весь анализ отношений Запада и России сводиться к тому, что ничего кроме противостояния не было, даже политические и экономические уступки России Западу в 90-х годах – это не партнерство и даже не дружба, это выплата репарации в проигранной «холодной войне».

Когда же Россия, в лице Президента Российской Федерации В.В. Путина, стала сбрасывать с себя обременительные обязательства и стала возвращать суверенитет, то политика двойных стандартов Запада заиграла новыми красками, а именно стала частью ведущейся (в начальный период, как правило, невоенными средствами) «гибридной войны».

Отсюда вполне логично называть такую политику гибридной, под которой мы понимаем деятельность политического руководства государства-агрессора, стремящихся скрыть свои истинные агрессивные цели за красивыми лозунгами демократии, свободы и человеколюбия. Гибридность политики заключается в том, что в ней умещаются диаметрально разные оценки, и соответственно деятельность политического руководства, при одном и том же или аналогичном событии. Назвать такую политику спонтанной нельзя, так как она спланирована и целенаправленно проводиться против государств-жертв. Она активно и положительно реализуется в гуманитарном, дипломатическом, финансово-экономическом и других сферах относительно государств из «золотого миллиарда», и с точностью наоборот реализуется относительно всех остальных государств-жертв, государств-рабов, государств-колоний.

Особенно ярко и целеустремленно данная гибридная политика реализуется при осуществлении замысла гибридной войны против государства-жертвы, где под «гибридной войной» мы понимаем синтез всевозможных невоенных и военных мер, в различных политических условиях для достижения своих целей государством-агрессором. За примерами далеко ходить не надо, данная политика США и Запада в целом за тридцать лет проявилась в Югославии, Сербии, Ираке, Ливии, Сирии, Афганистане, Иране, Белоруссии, России и т.д.[670].

[670] Военные интервенции США за последние 30 лет // – URL: https://el-tolstyh.livejournal.com/1323967.html (дата обращения: 29. 08.2025). – Текст : электронный.

США и страны Запада проводят гибридную политику достаточно скрытно потому, что еще пытаются сохранить свое политическое положительное реноме. Сразу назвать оппонента врагом и применить против него силовые меры, слишком откровенно имеет негативные политические и имиджевые потери, тем более, если противник имеет некоторый политический авторитет в международной политике.

Для оправдания своих действий ищется самый отвратительный повод против оппонента, чаще такой повод называется «казус белли»[671]. Вход идет всё: от грязных провокаций до инсценировки мерзких поступков оппонента. Высшим достижением гибридной политики является представление преступлений оппонента с элементами правдоподобия.

Особенно хорошо получается если довести только правду, недоговорив часть или упустив часть фактов. Если брать по градации гибридной политики, то такая полуправда превосходит ложь и является больше, чем ложь. Например, полуправдой или большой ложью, являлись и являются до сих пор так называемые «сталинские преступления», на основе которых разрушали Советский Союз и сейчас пытаются очернять любую власть в России.

Современные западные СМИ ежечасно выдают такой клубок полуправды, инсинуаций и фантазий, что становиться страшно за людей, занимающихся этим, это же шизофрения в чистом виде. Кодекс журналиста вообще запрещает давать комментарии к информационному факту, так как любой комментарий – это признак манипуляции. Тем не менее в гибридной политике, где доведение нужной информации, или информации с нужным комментарием, является правилом и нормой.

Трагическим событиям в мире мы пытаемся давать соответствующую оценку и готовность прийти на помощь независимо от политических предпочтений. Еще несколько десятков лет назад это было нормой международных отношений, даже несмотря на наличие противостояний в «холодной войне».

Унижающая, политических оппонентов, риторика практически отсутствовала, так как существовало уважение к сопернику и противнику. Отсутствие равноправного соперничества с распадом СССР, при наличии одного гегемона в лице США породили политический снобизм и политическое хамство.

Отсюда кажется вполне закономерным стремление России и выбор независимого, суверенного пути, так как у нас для самостоятельного развития всё есть, а чего нет, то задача на восстановление производства и сроки установлены Президентом страны.

[671] Казус белли» (лат. casus belli – «случай (для) войны», «военный инцидент») – юридический термин времён римского права: формальный повод для объявления войны

Также логичным кажется, что в рамках гибридной политики, Запад и США создали бандеровскую Украину, как самую ментально уязвимую часть славянского мира, склонную к махровому национализму.

США и страны Запада рассчитали, что подъем России способен остановить только военных конфликт, тогда ресурсы страны пойдут не на создание экономической мощи, а на расходы в конфликте. Сложно в настоящее время спрогнозировать, что ждет Россию в ближайшее время, единственное можно опираться на исторический опыт.

Если проводить аналогию, то ситуация в чем-то напоминает советско-финский конфликт накануне второй мировой войны, когда мы расширили своё геополитическое пространство. Но одновременно современная ситуация осложняется развитием информационно-технических достижений цивилизации, как перед первой мировой войной появились скорострельное оружие и танки, поменявшие полностью тактику боя, так беспилотные средства из игрушек превратились в грозное оружие.

Не сомневаясь в достижении целей специальной военной операции, можно уже сейчас констатировать, что полученный опыт как боевой, производственный и главное морально-психологический для нашего народа, пойдет нам на пользу и станет хорошей прививкой для противодействия такой заразе, как нацизм в соседних государствах и раскол внутри нашей страны. Для США и стран Запада выбранная ими гибридная политика и стратегия в итоге оказываются слабоэффективными, а в дальнейшем при раскрытии их замыслов вообще перестанет существовать как явление в международных отношениях.

С этой целью России следует не молчать на беззастенчивую ложь субъектов гибридной политики, а отвечать решительно и целеустремленно, отстаивая свои геостратегические интересы на международной арене, и главное не потерять политиками достижений победы на полях боев, как было не раз в истории России.

2.11. Военная сила в обеспечении геостратегических интересов России

В условиях современного мира, где геополитические интересы стран становятся все более взаимосвязанными и сложными, значение военной силы как инструмента обеспечения национальных интересов приобретает особую актуальность. Россия, обладая обширной территорией и разнообразными природными ресурсами, сталкивается с множеством вызовов, как внутренних, так и внешних.

В этом контексте военная сила выступает не только как средство защиты суверенитета и территориальной целостности, но и как важный элемент в реализации геостратегических интересов страны. Опыт формирования геостратегии в России и за рубежом приводит нас к необходимости анализа и синтеза основных признаков этого понятия.

Термин «геостратегия» впервые был употреблен Ф. Шуманом в его статье 1942 года «Давайте изучать нашу геополитику»[672]. Природу геостратегии, её сущностные признаки в разное время исследовали ряд отечественных и зарубежных ученых, но для каждого периода времени его сущность и содержание были разные.

Известный русский гидрограф, автор книг по высшей государственной стратегии В. Новицкий представлял геостратегию как высшую стратегию по обеспечению самостоятельного существования и дальнейшего развития государства в соответствии с его политическими, экономическими, историческими и культурными интересами. В реализации геостратегии он уделял значительное внимание военной силе, отмечая в работе «Высшая стратегия»: «...Необходимо всегда иметь ввиду, что высшая стратегия ни при каких условиях не может достичь сколько-нибудь значимых... результатов, если она будет уклоняться от применения войны, единственного решающего средства, которое ей дано, и мощь которого в полной мере будет учтена при оценке достигнутых ею результатов»[673].

Другой наш соотечественник, русский генерал А. Вандам (Едрихин), отмечал важность использования геостратегии в политических целях. Его труды наряду с работами Д. Милютина, В. Семёнова-Тян-Шанского, А. Снесарева, А. Свечина и других с полным основанием можно отнести к военно-стратегическому направлению в геополитике. К основным признакам геостратегии А.Е. Вандам относил: политические цели, интересы государства, климатические и географические особенности страны, определяющие высшую стратегию – искусство ведения войны.

---

[672] Schuman, F. L. Let Us Learn Our Geopolitics / F. L. Schuman // Current History. -1942. - 2 (9). - P. 161-165.

[673] Новицкий, В.Я. Высшая стратегия / В.Я. Новицкий. - СПб.: Типография Морского Министерства, в Главном Адмиралтействе, 1913. – 97 с.

Он отмечал, что «...война есть не что иное, как – кратковременный акт никогда не прекращающейся борьбы за жизнь. Отсюда логически следует, что для ведения борьбы за жизнь необходимо особое искусство – высшая стратегия или политика»[674].

В последующие годы определение понятия «геостратегия» постоянно уточнялось, но, к сожалению, преимущественно в рамках зарубежных геополитических школ поскольку в СССР «геополитику», как отдельную отрасль знания, просто запретили. Тем не менее, потребность в изучении геостратегии, как особой отрасли знания в рамках политической и военной науки, естественным образом сохранилась.

Определение геостратегии объяснимо вызывает серьезную трудность в связи с тем, что однозначного понимания её сущностных признаков нет. В различных научных и энциклопедических изданиях данная дефиниция трактуется по-разному.

Например, в Военной энциклопедии геостратегия понимается как «стратегия военно-политическая, система основополагающих взглядов на цели и способы использования военной силы для обеспечения национальных интересов и безопасности государства»[675].

Существенными признаками данного атрибутивного определения являются:

– система геополитических взглядов;

– цели и способы использования военной силы;

– обеспечение национальных интересов и безопасности государства.

Среди других определений интерес вызывает позиция доцента кафедры государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова Т. Лебедевой, согласно которой геостратегия государства – это сформулированные цели и задачи акторов геополитики, касающиеся его поведения, действий в геополитическом пространстве[676].

Однако данное определение на наш взгляд слишком узкое, т.к., по сути, единственным сущностным признаком является способ функционирования государства, от которого зависит его место и роль на международной арене.

Несмотря на важность исследований проблем, собственно, геостратегии, в настоящее время она рассматривается российскими учеными, как правило, не в прямой постановке, а как один из факторов геополитики (А. Дугин, В. Жириновский, Л. Ивашов, Г. Зюганов, А. Уткин и др.).

---

[674] Вандам, А.Е. Геополитика и геостратегия / А.Е. Вандам; сост., вступит. ст. И.Д. Даниленко. М.: Кучково поле, 2002. – 272 с.

[675] Гибралтар // Военная энциклопедия: [в 18 т.] / под ред. В.Ф. Новицкого [и др.]. - СПб.; [М.]: Тип. т-ва И.Д. Сытина. С. 1911-1915.

[676] Лебедева, Т.П. Геополитика: учебное пособие / Т.П. Лебедева; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. гос. упр. - Москва: Унив. гуманитарный лицей, 2007. – 219 с.

Так, А. Дугин характеризует геополитику как краткий справочник властелина, «учебник власти, в котором дается резюме того, что следует учитывать при принятии глобальных (судьбоносных) решений – таких, как заключение союзов, начало войн, осуществление реформ, структурная перестройка общества, введение масштабных экономических и политических санкций и т.д. Геополитика – это наука править»[677].

С этим трудно не согласиться. Идеи геополитики способствуют развитию теоретических предпосылок разработки программ стратегического развития и превращения России в один из глобальных геополитических и мирохозяйственных центров. Знание основ геополитики позволяет видеть во внешне хаотичном ходе международных событий определенные замыслы и решения в высшей стратегии. Эти знания помогают не только определить место страны в мировой политике и наметить направления развития государства в современном геополитическом пространстве, но и разработать в интересах безопасности государства его эффективную и действенную геостратегию.

Зарубежные подходы к определению геополитики и геостратегии не менее вариативны, но более емкие и соразмерные, поскольку не имели разрыва в исследованиях геополитических процессов по конъюнктурным соображениям. Определение сущности и содержания геостратегии за рубежом осуществляется по траектории двух основных западных школ: немецкой – теория ограниченного государства в географическом и политическом значении (К. Хаусхофер); англо-американской – более широкая геостратегия (Х. Маккиндер, Н. Спайкмен, З. Бжезинский и др.). Необходимо заметить, что англо-американский подход к определению геостратегии в настоящий момент является доминирующим.

В своей «Великой шахматной доске…» З. Бжезинский, рассуждая о смысловом значении терминов «геополитический, стратегический и геостратегический» утверждает, что они используются для передачи следующих значений: геополитический отражает сочетание географических и политических факторов, определяющих состояние государства или региона и подчеркивающих влияние географии на политику; стратегический относится к комплексному и планомерному применению мер для достижения центральной цели или жизненно важных активов военного значения; а геостратегический объединяет стратегические соображения с геополитическими[678].

---

[677] Дугин, А.Г. Геополитика: учебное пособие / А.Г. Дугин. // Интернет-сайт Центра консервативных исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – URL: http://www.konservatizm.org/konservatizm/. (дата обращения: 12.06.2025). – Текст : электронный.

[678] Brzezinski, Z. Game Plan: A Geostrategic Framework for the Conduct of the U.S.- Soviet Contest / Z. Brzezinski. - Boston: The Atlantic Monthly Press, 1986. - 724 p.

Что характерно, по мнению этого политического русофоба, защита национальных американских интересов должна осуществляться посредством реализации трех великих императивов геостратегии эпохи древних империй: «предотвращении сговора и поддержании зависимости в области безопасности среди вассалов, сохранении податливости данников и недопущении объединения варваров»[679].

Вывод напрашивается сам собой: геостратегия формирует и реализует меры по контролю территорий, важных для дальнейшего существования государства, а для достижения своих целей используется набор невоенных и военных средств. Она, по мнению западных политологов, рассматривается в контексте «осуществления власти над особо важными пространствами на поверхности Земли; создания политического присутствия в международной системе. Геостратегия заключается в обеспечении доступа к определенным торговым маршрутам, стратегическим узким местам, рекам, островам и морям. Она требует обширного военного присутствия, обычно совпадающего с открытием зарубежных военных баз и строительством военных кораблей, способных проецировать мощь в глубинах океана. Она также требует сети союзов с другими великими державами, разделяющими чьи-либо цели, или с меньшими «опорными государствами», расположенными в регионах, которые кто-то считает важными»[680].

В то же время, в иерархии политической науки геостратегия занимает подчиненное положение по отношению к геополитике, руководствующейся главным образом географическими факторами, поскольку они непосредственно влияют на политическое и военное планирование. Как и все стратегии, геостратегия связана средствами, приоритеты рассматриваются в рамках возможностей, а цели определяются исходя из ресурсов[681].

Геостратегия, являясь частью геополитики, систематизирует знания вокруг национальных интересов государства, исходя из его географического положения. Она исследует, как географические факторы, ресурсы страны, уровень технологического развития влияют на политические решения и стратегию государств.

Геополитика рассматривает влияние географии на политику в целом, геостратегия акцентирует свое внимание на разработке конкретных стратегий и тактик для достижения политических целей.

---

[679] Brzezinski, Z. Великая шахматная доска: первенство Америки и его геостратегические императивы» / Z. Brzezinski. - New-York: Main books, 1997. - 40 p.

[680] Роджерс, Д. Mitigating Interference During Virtual Machine Live Migration through Storage Offloading / Д. Роджерс // Theses and Dissertations. Virginia Commonwealth University, 2016. - 61 p.

[681] Поздняков, Э.А. Геополитика / Э.А. Поздняков.М: Прогресс: Культура. - М., 2001. - С. 128. Гэддис, Дж.Л. Стратегии сдерживания: критическая оценка послевоенной американской политики национальной безопасности Дж. Л. Гэддис. - Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1982. – 643 с.

Поэтому с точки зрения формальной логики, геостратегия является видовым понятием по отношению к родовому термину «геополитика». В области политологического знания современную геополитику разделяют на геополитологию (теорию) и геостратегию (практику).

Целью теории является создание адекватных геополитических конструкций: концепций, моделей, обсуждение и научная критика этих теоретических конструкций, в общем, создание теоретической базы для принятия важных геополитических решений.

Геостратегия в интересах достижения геополитических целей реализует геополитические теории. Геостратегия предполагает, в крайних случаях, военные методы решения политических проблем, рассматривая применение военной силы как одну из естественных форм межгосударственной борьбы.

Это позволило военному специалисту ВАГШ ВС РФ в области геостратегии С.Н. Мажуге сформулировать определение понятия «геостратегия» как системы основополагающих геополитических взглядов руководства страны на направление внешней политики государства и способы использования военной силы для реализации национальных интересов с учетом географических и климатических особенностей региона[682].

Данное категориальное определение требует уточнения с точки зрения конкретизации его в интересах обеспечения военной безопасности государства, рассмотрев геостратегию через способы использования военной силы в реализации национальных интересов.

В этом плане некоторые отечественные ученые понятие «геостратегия» рассматривают как результат сближения научного знания геополитики и военной науки, так как она сконцентрирована на изучении проблем обеспечения национальных интересов государства преимущественно военно-силовыми методами[683].

Такой подход необходимо рассматривать в рамках военной стратегии, которая является своеобразным симбиозом знаний в различных областях человеческой деятельности. Традиционно такими областями являются военное дело, во всем многообразии его отраслей, география, политика и геополитика, экономика, техника и технологии, социология и статистика, а также целый ряд других областей знания. Однако все перечисленные области важны не сами по себе, а лишь как средства достижения баланса между целями, способами, имеющимися ресурсами, а также размахом их подготовки и применения.

---

[682] Мажуга С.Н. Геостратегия России: генезис, состояние и перспективы развития: монография. – М: ВАГШ ВС РФ, 2023. – С. 42.

[683] Модельски, Дж. Эволюция глобальной политики / Дж. Модельски // Полис (Политические исследования). - 2005. – № 4. С. 2–9.

Анализ содержания составных частей геостратегии показывает, что национальная стратегия занимает подчиненное положение по отношению к геостратегии, а военная стратегия является эффективным инструментом, позволяющим оценить военно-политическую, стратегическую, экономическую обстановки, военно-географические условия в целях выявления состояния и перспектив развития межгосударственных (межнациональных) отношений, состояния военной опасности и возможных военных угроз, вероятных противников и союзников, их намерений и возможностей, определения причин, способов развязывания и характера возможной войны (ее предотвращения), характера военных действий на театрах военных действий с учетом их оперативного оборудования и других условий, влияющих на обеспечение военной безопасности государства и осуществление обороны страны[684].

Президент Российской Федерации В.В. Путин отмечал: «был период, когда Россия не смела заявить о своих национальных интересах. То, что мы это начали делать в начале 2000-х годов, здесь нет ничего необычного, запредельного и не отвечающего мировой практике»[685].

После начала специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины Президент Российской Федерации, выступая в декабре 2022 г. на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека, подчеркнул: «с нашей стороны может быть только один ответ – последовательная борьба за свои национальные интересы. Да, мы будем делать это разными способами и средствами, прежде всего, конечно, будем ориентироваться на мирные средства, но если ничего другого не остается, то будем защищать себя всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами»[686].

Таким образом, сущность геостратегии, неразрывно связанна с понятием «национальный интерес», под которым, в общем, понимаются потребности основных социальных групп в материальной и личной независимости, сохранении целостности территории, суверенитета государства, защите основ конституционного строя, национального образа жизни и национальных ценностей.

Национальный интерес той или иной страны заключается в стремлении нарастить экономический, военный, финансовый и научно-технический потенциал государства.

---

[684] Словарь оперативно-стратегических терминов: военно-энциклопедический труд. – М.: ВАГШ ВС РФ, 2016. С. 266, 274.

[685] Михалев, С.Н. Военная стратегия. Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени / С.Н. Михалев. - М.: Кучково поле, 2003. С.82.

[686] Выступление Путина В.В. на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека. Официальный сат Президента Российской Федерации – URL: https://www kremlin.ru/events/president/news/70046 (дата обращения: 12.07.2025). – Текст : электронный.

Анализ составных частей геостратегии с учетом проблем реализации национальных интересов и обеспечения безопасности государства преимущественно военно-силовыми методами позволяет уточнить сущность данного понятия в следующей авторской редакции.

Геостратегия государства – это система основополагающих геополитических взглядов высшего руководства страны на цели и способы продвижения национальных интересов с учетом пространственно-временных параметров использования военной силы в области обеспечения военной безопасности государства.

В современных условиях геополитика и геостратегия продолжают играть важную роль в международной политике. Глобализация и развитие новых технологий привели к появлению новых вызовов и возможностей, которые государства учитывают при разработке своих геостратегий.

В целом, история развития геополитики и геостратегии отражает взаимосвязь между географией и политикой, а также важность учета географических факторов при разработке стратегий и принятии политических решений. В структурированном виде содержание геостратегии, преимущественно в зарубежных источниках, рассматривается по трем уровням[687].

Высший уровень геостратегии называется национальной стратегией и определяет цели развития нации, обеспечивает эффективное использование духовных и материальных ресурсов. Продвижение национальных интересов в глобальном геополитическом пространстве. Геостратегические устремления, основные взгляды высшего руководства страны отражаются в концепции внешней политики государства.

Второй уровень геостратегии – стратегия национальной безопасности, которую иногда заменяют терминами «большая стратегия», «оборонная стратегия», «стратегическая доктрина», которая включает в себя стратегии тех сфер и направлений, которые существенно важны для национальной безопасности, то есть для обеспечения приемлемых условий существования и развития нации.

Третий уровень геостратегии – военная стратегия, которая рассматривает военные проблемы национальной безопасности. Пространственное расширение военных блоков (НАТО, АУКУС, КУАД и др.), влияющее на военную стратегию государств. Для российской военной стратегии большое значение имеет продвижение блока НАТО к границам России. Превращение Украины в анти-Россию оказалось последней каплей в противостоянии с Западом перед началом СВО на Украине.

[687] Мажуга, С. Н. Геостратегия России: генезис, состояние и перспективы развития / С. Н. Мажуга. – Москва : Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, 2023. – 171 с.

Геостратегия государства не обязательно мотивируется географическими или геополитическими факторами. Государство может проецировать власть на определенное место по идеологическим причинам, группы интересов или просто по прихоти своего лидера.

Для достижения целей своей геостратегии государства стремятся создать коалицию (группу союзников, военно-политические союзы) в интересах совместного использования невоенных и военных средств. С точки зрения внешнего воздействия объектами геостратегии выступают другие государства, военно-политические союзы и иные субъекты политических отношений, препятствующие или способствующие субъекту в реализации политических целей военными или иными средствами.

Цели и задачи геостратегии зависят от системы геополитических отношений государства с внешним миром и различных условий и факторов: «Включает государственные интересы, идентификацию внешних угроз и технологию их устранения или нейтрализации»[688]. Приоритетное значение в деле формирования и реализации геостратегии является соответствие национальным интересам государства.

Геостратегия является комплексным феноменом и включает в себя следующие составляющие: политическую, военную, экономическую, религиозную, культурную, демографическую[689]. Объединяя, их государство защищает или продвигает свои национальные интересы в рамках реализации геостратегии. Обратим внимание на первые две составляющие.

Политическая составляющая геостратегии определяет взаимодействие государства с акторами международной политики в геополитическом пространстве, где происходит взаимодействие (дипломатические отношения или противоборство с ними в той или иной сфере).

Военная составляющая, является продолжением политической составляющей, отвечает за защиту и продвижение национальных интересов, а также за поддержание безопасности государственных границ.

Уже в середине 90-х годов XX века военные исследователи С. Модестов, С. Скворцов, Н. Турко указывали на важность геостратегических установок государства. От реализации геостратегии, по их мнению, зависит существование и выживание государства, поэтому формулирование геостратегии является одной из важнейших задач органов государственного и военного управления[690].

---

[688] Ковалева, А. Геополитика и геостратегия / А. Ковалева // Электронный журнал «Геополитика». – URL: https://www.geopolitika.ru/article/geopolitika-i-geostrategiya (дата обращения: 25.07.2025). – Текст : электронный.

[689] Соловьев, А.И. Политология. - Успешные проекты и команды. / Т. Демарко // М: Символ-Плюс, 2014. – С. 100.

[690] Модестов, С.А. Резервуар державной мощи / С.А. Модестов, С.А. Скворцов, Н.И. Турко // Независимое военное обозрение. 1997, № 10. – С. 17–24.

И в настоящее время эта задача остается актуальной, т.к. в условиях геополитической турбулентности уточнение сущности и содержания геостратегии позволит более точно определить вектор развития Российской Федерации и реализовать национальные интересы государства, в т.ч. с использованием военной силы.

В мировом противоборстве за глобальное лидерство ряд западных стран перешли в XXI веке к радикальной фазе достижения своих геополитических целей военно-силовыми средствами разнообразной специфики, что, в частности, отмечено в Стратегии национальной безопасности Российской федерации: «Возрастает значение военной силы как инструмента достижения субъектами международных отношений своих геополитических целей»[691].

Агрессивная, обладающая деструктивным характером, политика США и их клевретов находит все большее отторжение в мировом сообществе. Более того, проведение Западом в борьбе за глобальную гегемонию противоречивой и во многом деструктивной геополитики ведет его к самоуничтожению. С 6 по 10 июня 2022 года в Лос-Анджелесе прошел IX Саммит Америк[692], основная цель которого для Вашингтона заключалась в укреплении своего влияния на американском континенте, представлении США, как водится, источником «демократии» и «устойчивого развития» в Западном полушарии, напоминании о том, что согласно доктрине Монро[693], вся западная часть полушария представляет собой зону жизненных интересов Соединенных штатов.

Для большинства участников было очевидно, что американская администрация намерена использовать Саммит Америк как площадку для сколачивания в Латинской Америке антироссийского блока. Однако саммит продемонстрировал наличие серьезного кризиса американской политики в регионе. Лидеры Мексики, Сальвадора, Гватемалы, Гондураса, Уругвая и Боливии отказались в нем участвовать в знак протеста против не приглашения американской администрацией на саммит руководителей Кубы, Никарагуа и Венесуэлы.

---

[691] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Рос. газ. 2021.2 июля.

[692] Саммит Америк: «дипломатический кошмар Вашингтона» // Сетевое издание «Еженедельник «Звезда» [сайт] – URL: https://zvezdaweekly.ru/news/2022613 1817-sQfX9.html/ (дата обращения: 19.09.2025). – Текст : электронный.

[693] Доктрина Монро (англ. Monroe Doctrine) – провозглашена 2 декабря 1823 года в ежегодном послании президента США Джеймса Монро к Конгрессу США. Доктрина, в частности, объявляла Западное полушарие (Северную и Южную Америку, острова Карибского бассейна) сферой интересов США, выступая против европейского колониализма в Западном полушарии. В ней указывается, что любое вмешательство иностранных держав в политические дела Северной и Южной Америки является потенциально враждебным актом против Соединенных Штатов.

Итог мероприятия – ни одна из стран Латинской Америки не поддержала даже переговоров о каких-либо санкциях в адрес Российской Федерации, при этом, многие из них не побоялись выразить и резко осудить действия Вашингтона по изоляции российского государства, что и подтвердило: государства, входящие в Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC), не желают безоговорочно исполнять волю коллективного Запада под предводительством США.

Более того, часть государств Латинской Америки осознали, что в феврале 2022 года Россия была вынуждена принять решительные меры, которые положили начало процессу становления нового мироустройства, являющегося противоположностью мироустройству по планам глобалистов.

Другой актуальный пример – признание на сентябрь 2025 года государственности Палестины 157 государствами (из 193) в т.ч. и основными союзниками США: Австралией, Великобританией, Канадой, Францией.

Как видно, многие страны стремятся к суверенной политике в интересах национального собственного независимого развития. Яркий пример тому – БРИКС: неформальное межгосударственное объединение крупных стран, куда входят уже десять государств и примерно столько же государств-партнеров. Сегодня это объединение называют уже БРИКС+.

В новейшей истории Россия прошла сложный и весьма опасный для своего суверенитета период: период преклонения и заигрывания в 90-е г. прошлого века, время дипломатического благородства в отношениях с Западными «партнерами» в «нулевые». Теперь этот этап позади безо всяких перспектив к возвращению. Глобальный мир видит перспективу развития только в составе многополярного мира[694]. Однако его становление не будет простым, многополярный мир необходимо отстаивать и в том числе, возможно, с участием военной силы.

В настоящее время все чаще отмечается, что при решении региональных и геополитических проблем военная сила применяется в самых различных ее вариантах. В будущем, по мнению военных политологов, частота ее использования будет только нарастать, поскольку ключевые противоречия планетарного масштаба все сильнее обостряются: борьба за источники сырья и рынки сбыта, передел сфер влияния.

Политическое руководство России традиционно проводит «последовательную, независимую, многовекторную, открытую, предсказуемую и прагматичную внешнюю политику, направленную на защиту своих национальных интересов и укрепление международной безопасности».

[694] Многополярный мир – система международного жизнеустройства, при которой существуют несколько государств или союзов государств - центров экономического и политического влияния, действующих в качестве обеспечения мировой стабильности, безопасности и независимости развития государств.

Тем не менее, затянувшийся период мирной внешнеполитической либеральной дипломатии, показал, что несмотря на соблюдение Россией международно-правовых норм, международное взаимопонимание, остающееся на бумаге в виде договоров, не всегда исполняющихся одной из сторон, приводит к насаждению политики «двойных стандартов», для обеспечения своих национальных интересов, ведущая к потере политического доверия и конфронтации сторон.

Масштабное проявления агрессивного национализма, нападки на традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, требовали адекватного ответа России на вызовы и опасности, породивших коллективным Западом для всех сфер общественной жизни.

«На фоне реализации целенаправленной политики Российской Федерации путем стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов, жизненно важное значение для нашей страны приобретают укрепление ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности...»[695].

Последовательная политика по стратегическому сдерживанию способствует удержанию мирового баланса сил мировых сверхдержав. Тем не менее, трансформирующиеся формы способы вооруженной борьбы и открытой милитаристской риторики Запада в отношении России вынуждают по-иному относиться к одной из важных сторон жизнедеятельности общества – военной сфере.

Учитывая доминирование фактора военно-силового противоборства и в том числе усиливший его украинский кризис, преобладающее место в достижении геополитических целей занимает военная сфера.

СПРАВОЧНО

Военная сфера государства – это сложная, многоуровневая система, обеспечивающая военную безопасность, оборону и защиту жизненно важных интересов государства, его суверенитета и территориальной целостности. Это не только армия и флот, а вся совокупность взаимосвязанных элементов, которые позволяют государству эффективно применять военную силу для достижения политических целей, а также предотвращать угрозы.

Ключевыми компонентами военной сферы являются:

1. Военная организация государства:

– вооруженные силы (армия, флот, авиация и т.д.) – ядро военной сферы, непосредственно предназначенное для ведения боевых действий;

– другие войска и воинские формирования (например, пограничные войска, национальная гвардия, войска гражданской обороны);

– органы военного управления (Министерство обороны, Генеральный штаб и т.д.).

---

[695] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Рос. газ. 2021. 2 июля.

2. Военно-промышленный комплекс (ВПК):

– научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в военной области;

– производство, испытание и ремонт вооружения, военной и специальной техники;

– обеспечение мобилизационной готовности промышленности.

3. Военная инфраструктура:

– система военного образования (училища, академии);

– военные объекты: полигоны, испытательные центры, склады, базы, порты, аэродромы;

– системы связи, управления и разведки;

– объекты гражданской обороны (убежища).

4. Нормативная правовая база:

– Военная доктрина (основополагающий документ, определяющий взгляды на обеспечение военной безопасности);

– законы о воинской обязанности, об обороне, о статусе военнослужащих;

– международные договоры в области безопасности и разоружения.

5. Человеческий потенциал:

– кадровые военнослужащие и призывной контингент;

– мобилизационный резерв;

– специалисты в области обороны и безопасности.

6. Система управления и планирования:

– стратегическое и оперативное планирование;

– управление в мирное и военное время;

– система мобилизационного развертывания.

К основным функциям военной сферы следует отнести:

– сдерживание потенциальных агрессоров от нападения на государство;

– защита суверенитета, независимости и территориальной целостности;

– обеспечение благоприятных внешних условий для внутреннего развития;

– выполнение союзнических обязательств в рамках международных договоров;

– участие в миротворческих операциях и борьбе с международным терроризмом (в соответствии с законодательством);

– оказание помощи гражданским властям в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Военная сфера – стратегический ресурс государства, интегрированный во все аспекты его жизни (политику, экономику, науку, социальную сферу) и предназначенный для гарантированного обеспечения национальной безопасности военными методами. Понятие «военная сфера» используется так же, как и категория «военная политика» для обозначения этой области жизнедеятельности общества вне зависимости от характера государства, целей и направлений его военной политики. Для государства, имеющего миролюбивые цели, чаще используется категория «оборонная сфера», которая отражает мирный характер его военной политики и оборонительное социальное предназначение этой сферы общественной жизни.

В военной сфере общества формируется военная мощь государства, военный потенциал которого, будучи реализованным, представляет собой мощный фактор обеспечения национальной безопасности, обороны и защиты суверенитета государства.

Возрастание роли возрождающейся России в разрешении международных военных конфликтов и борьбе с международным вооруженным терроризмом осуществляется посредством использования военной мощи нашего государства, формируемой в военной сфере. Выполнение этих внешнеполитических задач объективно требует ее укрепления. Происходящими в нашей стране на протяжении последних десятилетий социально-экономическими и политическими изменениями в соответствии с новой моделью общественно-политического устройства объективно требуют глубоких трансформаций всех сфер общественной жизни, включая военную.

Военная сфера обладает своими вполне определенными специфическими особенностями, к числу которых относятся:

– создание и функционирование военной сферы подчинено основным политическим целям общества и государства, главной из которых является его сохранение, обеспечение благоприятных мирных условий развития и национальной безопасности страны;

– развитие и совершенствование военной сферы обусловлено необходимостью локализации и минимизации негативных последствий военных опасностей и угроз с использованием военной силы, вооруженных сил по их прямому предназначению - ведению вооруженной борьбы в военных условиях и в потенциальной, сдерживающей форме для предотвращения войн и агрессий против государства в мирных условиях;

– военная сфера является в определенной степени «универсальной производственной сферой». Определяется это следующим: выпускаемая продукция, товары и услуги, производимые в ней, а также выстроенная инфраструктура служат основной задаче: сохранению безопасности государства. Одновременно с этим многочисленные военно-научные теоретические и практические разработки, а также новейшие технологии находят применение и в гражданских секторах, придавая новые импульсы их развитию;

– руководство и управление военной сферой, обеспечение ее функционирования являются исключительной прерогативой государства как основного политического института вне зависимости от общественно-политического и социально-экономического устройства общества.

Таким образом, военная сфера – это область, связанная с обороной государства, включающая в себя разработку, производство и использование вооружений и военной техники, подготовку военного персонала, а также стратегию и тактику ведения военных действий.

Военная сила[696] как составная часть военной сферы представлена силами обеспечения национальной безопасности и обороны страны. Основу военно-силового компонента военной сферы составляет военная организация государства. А.Ю. Оборский и А.М. Кривенко, рассматривая сущность и структуру военной организации государства, пишут: «Военная организация как бы соединяет политическую власть, военную мощь государства, активную материальную и духовную деятельность различных социальных и институциональных субъектов, решающих задачи, связанные с функционированием военной сферы общества»[697].

СПРАВОЧНО

Военная сила – это способность государства (или иного политического актора) принуждать к желаемому поведению, защищать свои интересы и оказывать влияние на международной арене с помощью угрозы или прямого применения организованного вооруженного насилия. Проще говоря, это инструмент власти, материализованный в виде военной мощи и готовности её использовать. Содержание данной категории раскрывается через её ключевые аспекты и составляющие элементы:

1. Реальная сила и угроза её применения:

– прямое применение (реальная сила): классическое использование вооруженных сил для достижения целей в ходе боевых действий (война, вооруженная интервенция, подавление сопротивления);

– демонстрация и угроза применения (Силовое сдерживание): пассивная, но не менее важная функция. Само наличие мощной военной силы заставляет других акторов считаться с интересами государства. Сюда относятся:

– сдерживание: угроза неприемлемого ущерба для предотвращения агрессии со стороны другого государства;

– запугивание: угроза применения силы для принуждения оппонента к уступкам без начала реальных боевых действий;

– демонстрация силы: военные учения, испытания новых видов оружия, перемещение войск к границам – все это сигналы, направленные на изменение поведения других игроков.

2. Структурные элементы военной силы.

Военная сила — это не просто солдаты с оружием. Это система, в которую входят:

Материально-техническая составляющая:

– вооружение и военная техника (ВВСТ): от стрелкового оружия до ядерных ракет;

– количественные и качественные параметры армии (численность личного состава, уровень подготовки, моральный дух);

– военная инфраструктура (базы, полигоны, системы связи и управления).

---

[696] Сила военная // Военный энциклопедический словарь / А. П. Горкин. – Москва: Большая Российская Энциклопедия, Рипол Классик, 2001, Т. 2. – С. 548. – ISBN 5-7905-0996 – С. 590.

[697] Оборский А.Ю., Кривенко А.М. К вопросу о сущности и структуре военной организации России // Вестник Военного университета. 2012, № 2. – С. 121.

Интеллектуально-управленческая составляющая:

–Военная доктрина и стратегия – «мозг» военной силы, определяющий цели и способы её применения;

– качество военного командования и управления (искусство генералов и офицеров);

– уровень военной науки, образования и подготовки.

Экономико-производственная основа:

– Военно-промышленный комплекс (ВПК), способный разрабатывать и производить современные виды вооружений;

– общий экономический потенциал государства, который может быть мобилизован для нужд войны.

3. Функции военной силы.

– оборонная. Защита суверенитета и территориальной целостности государства от внешней агрессии;

– принудительная. Принуждение другого государства или негосударственного актора к выполнению воли применяющего силу (например, смена политического курса, вывод войск);

– политико-дипломатическая: Усиление позиций на международной арене и в дипломатических переговорах («дипломатия с позиции силы»);

– обеспечения порядка. Внутренняя функция – поддержание конституционного строя в случае угрозы его стабильности (крайняя мера).

– миротворческая и гуманитарная: Участие в операциях по поддержанию мира, защите гражданского населения или оказанию гуманитарной помощи (часто под эгидой международных организаций).

4. Формы применения военной силы.

Спектр применения очень широк и варьируется по интенсивности:

– война – тотальное вооруженное столкновение для достижения коренных политических целей;

– вооруженный конфликт – менее масштабное столкновение;

– контртеррористические и антипартизанские операции;

– миротворческие операции;

– операции по принуждению к миру;

– демонстративные действия (учения, патрулирование).

Существуют различные подходы и точки зрения относительно сущности и структуры военной организации. Их значительное количество обусловлено тем, что военная сфера общества в некоторых случаях рассматривается как военная организация государства и при этом предметно относящиеся к военной сфере различные компоненты вносятся в структуру военной организации в качестве ее составных элементов. «В большинстве случаев так называют совокупность неопределенного множества различных структур, создаваемых государством или другими политическими акторами, ввиду возможной необходимости вести вооруженную борьбу в целях обеспечения своих интересов»[698].

[698] Бельков О.А. Политология военного управления. М.: ВУ, 2008. С. 95.

В обеспечении мира и безопасности решающее значение в деятельности субъектов международных отношений и мировой политики приобретают политические, информационные и другие, не военно-силовые средства и методы. Однако роль военной мощи в обеспечении национальной обороны и безопасности государства, использование ее как одного из наиболее успешных инструментов внешней политики для достижения военно-политических целей на мировом пространстве до настоящего времени остается довольно велика.

Следует напомнить, что в словаре военных терминов военная мощь представлена как «совокупность всех материальных и духовных сил государства и его способность мобилизовать эти силы для достижения целей войны или решения других задач»[699]. Военная мощь обуславливается экономическими, социальными, научно-техническими морально-политическими возможностями государства.

Кроме того, согласованность компонентов военной мощи, ее характер, величина и эффективность применения зависят от масштабов вооруженной борьбы, ее длительности. Военная мощь государства функционирует в зависимости от соотношения сил противоборствующих сторон, а также от наличия военно-политического союза или его отсутствия.

Военная мощь и военная сила государства являются востребованными категориями современных военно-политических исследований. Так, по мнению Я.М. Бурлакова, важной стороной национальной безопасности государства является создание и поддержание военной мощи, соответствующей реальным и потенциальным угрозам, а также демографическому и экономическому состоянию страны, основным тенденциям исторического процесса, развитию военного дела[700].

Укрепление военной мощи и силы составляет часть общих задач, решаемых государством в ходе развития общества. Еще В.И. Ленин в своих трудах подчеркивал, «что защита Отечества требует серьезного отношения к обороноспособности и боевой подготовки страны»[701]. История не раз подтверждала дословность этих выводов.

Пристальное внимание и всемерную поддержку увеличению военной мощи Российской Федерации уделяет и оказывает военно-политическое руководство страны и лично Президент России В.В. Путин.

---

[699] Шапкин С.Г., Плехов А.М. Словарь военных терминов. – М.: Воениздат.1988. – 365 с.

[700] Бурлаков, Я. М. Военная мощь государства: сущность, структура, динамика // Военная безопасность России: взгляд в будущее: Материалы 8-й Международной межведомственной научно-практической конференции научного отделения № 10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук. В 3-х томах, Москва, 16 марта 2023 года. - М: Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 2023. – С. 177.

[701] В.И. Ленин. Поли, собрание соч. т. 35. – М.: Воениздат.1988. – 365 с.

В своем Послании Федеральному Собранию в 2018 году В.В. Путин заявил: «считаю необходимым подчеркнуть, это очень важно: растущая военная мощь Российской Федерации – это надежная гарантия мира на нашей планете, поскольку эта мощь сохраняет и будет сохранять стратегическое равновесие и баланс сил в мире»[702].

Предназначение военной мощи в государствах различается по целям ее использования во внешнеполитической деятельности. Согласно данного критерия все государства допустимо определить в следующие группы[703]:

– государства, использующие военную мощь как инструмент обеспечения своего суверенитета. В условиях современного глобального противоборства, о совершенствовании оборонного могущества, можно говорить лишь применительно к странам, которые проводят миролюбивую политику, соблюдая принципы мирного сосуществования. Т.е. это группа государств, движений, союзов, отстаивающие свои геополитические взгляды на международной арене по сохранению своего суверенитета;

– государства, использующие военную мощь, как средство доминирования на международной арене. Государства коллективного Запада, казалось бы, также проводят политику по укреплению обороноспособности своих стран. Однако под призмой их агрессивных действий по «перекраиванию мира» просматриваются их геополитические цели по сохранению своего диктата в мире, привычно попирающие нормы международного права.

Данные государства, используют оборонное могущество как средство доминирования на международной арене, наращивают свой военный потенциал и распространяют свое влияние практически на все пространственные сферы мироустройства. Борьба Западного мира за однополярный мир со сторонниками многополярного мира вышла на критически опасное направление, трансформируя и порождая все новые вызовы и угрозы мировому сообществу;

– государства, использующие военную мощь как стабилизирующее средство по соблюдению норм международного права. Являясь одним из основных инициаторов по отстаиванию интересов многополярного мира, Российская Федерация традиционно вносит определенный вклад в построении равноправного миропорядка. Большая часть мирового сообщества, выступающая в борьбе за многополярный мир, выбрала одно из перспективных направлений обеспечения не только международной безопасности, но и собственно национальной.

---

[702] Путин В. В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации Рос. газ. 2018. 1 марта.

[703] Копылов И.А., Бернацких И.В., Военная мощь государства как фактор достижения политических целей в XXI веке. // Вестник университета мировых цивилизаций // Т.16. № 1 (46). 2025. – С.15.

Создание, развитие и совершенствование военной сферы общества происходит при наличии определенных условий, которые, влияя на нее, представляют собой факторы развития этой сферы.

Одним из базовых компонентов военной силы государства является ценностно-мировоззренческий в основе своем составляющий духовную силу общества и вооруженных сил. Она выступает в качестве потенциала, реализация которого превращает их в действующий фактор. К примеру, военная мощь является потенциалом, но при ее использовании превращается в военный фактор.

Здесь необходимо учесть опыт ведения современных войн, например, война США во Вьетнаме, война СССР в Афганистане, которые для обоих стран завершились далеко не победоносно. После этих войн американские аналитики сделали важный вывод о том, что американское общественное мнение готово поддержать силовые действия армии США за пределами страны в течении месяца при условии минимальных потерь.

При затягивании боевых действий росло недовольство общества, что отражалось на боевом духе вооруженных сил. Аналогичные проявления негативного отношения общества к выполнению интернационального долга в Афганистане имело место и в СССР.

События настоящего времени на Украине показывают, какую роль играет базовый элемент военной силы государства – духовная сила общества. Допускаемые политические ошибки в ходе политического процесса, как и проблемы, относящиеся к вопросам войны и мира, могут привести к неготовности общества и вооруженных сил, т.е. военной силы государства, к реализации геостратегических целей. Однако в данном случае российское общество в целом поддержало начало специальной военной операции.

На протяжении последних лет Российская Федерация предлагает миру позитивную, объединительную повестку дня – во имя глобальной стабильности и предсказуемости, а также укрепления центральной роли ООН как главного координирующего органа международной политики (с назревшей необходимостью к совершенствованию ее полномочий).

В рамках реализации своей внешней политики Россия призывает своих недавних партнеров отказаться от двойных стандартов и игр с «нулевой суммой» в пользу честного и открытого диалога.

Политика многополярности, проводимая Российской Федерацией в противовес агрессивной политики коллективного Запада, находит все большую поддержку государств на всех континентах планеты. Создание и успешное развитие таких организаций как ШОС, ЕАЭС и БРИКС, численный состав которых неуклонно растет, позволяет повысить эффективность их сотрудничества по поддержанию международной безопасности, что неуклонно укрепляет и повышает их могущество.

Проведение событий мирового уровня в г. Санкт-Петербурге II Саммита «Россия – Африка», (с 27 по 28 июля 2023 года) на котором, несмотря на беспрецедентное давление США и их союзников, приняли участие официальные делегации 48 стран и пяти крупнейших интеграционных объединений африканского континента; событие глобального уровня в г. Йоханнесбурге, где с 22 по 24 августа 2023 года состоялся XV саммит БРИКС. Эти события позволяют укреплять позиции сторонников многополярного мира на международной арене.

Инициативы, предложенные Россией и ее единомышленниками, нашли широкую поддержку в глобальном мире. Сотрудничество Российской Федерации с евразийскими государствами вызывает многозначный интерес, обладающий многими возможностями и прежде всего по обеспечению безопасности на различных уровнях.

Важнейшим итогом Петербургского саммита стала итоговая декларация и план совместных действий до 2026 года. На официальной церемонии принятия этих документов Владимир Путин высоко оценил результаты взаимодействия в ходе саммита и заявил, что Россия и Африка определили основные направления дальнейшей совместной работы, наметили планы по усилению внешнеполитической координации, наращиванию торговых и инвестиционных потоков промышленной кооперации. В итоговом документе Россия и страны Африки договорились выступать против односторонних санкций, работать над их смягчением и отменой для стран континента, а также укреплять сотрудничество по борьбе с рестрикциями, которые ставят Африку под угрозу голода[704].

Однако главный результат проведенного мероприятия – это подтверждение позиции России и стран Африки о формировании справедливого и демократического, многополярного мироустройства, основанного на общепризнанных принципах международного права и уставе ООН. В своем заключительном выступлении Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «главное, что Россию и Африку объединяет, врожденное стремление отстаивать подлинный суверенитет, право на свой собственный, самобытный путь развития в политической, экономической, социальной, культурной и иных сферах, на наших глазах Африканский континент, становится новым центром силы. Его политическая, да и экономическая роль растет в геометрической прогрессии. И с этой объективной реальностью всем придется считаться»[705].

---

[704] Бедняков П. Итоги 2 саммита Россия - Африка// Информационное агентство «РИА-новости». 2023.29 июля. – URL: hhttp://ria.ru/20230729/Africa-1887052293.html (дата обращения: 15.08.2025 г.) – Текст : электронный.

[705] В.В. Путин принял участие в пленарных сессиях 2 саммита Россия–Африка // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/71826 (дата обращения: 15.08.2025). – Текст : электронный.

В своем самоуничтожении коллективный Запад стремится нанести стратегическое поражение наиболее сильным государствам – представителям новых центров силы и мощи, стремящихся к построению новой равноправной мировой системы. Особенно это касается Российской Федерации, против которой была развязана необъявленная война с использованием деструктивных действий во всех сферах жизнедеятельности российского общества.

Сегодня коллективный Запад сделал ставку на ослабление страны как на международной арене, так и во внутренней политической сфере. Закономерно, что Россия вынуждена была реагировать на вызовы и угрозы политико-дипломатическими и особенно военными мерами.

В настоящее время, владеющая мощным военный потенциалом Россия, принимает ответные меры по противодействию новым вызовам и угрозам. Учитывая многообразие вызовов и угроз, приобретающих многосферное глобальное распространение, укрепление военной мощи России приобретает приоритетное значение в обеспечении его национальной обороны и безопасности.

Объективным фактом является то, что Российское государство, вынужденно объявившее справедливые цели специальной военной операции, в ходе ее проведения за счет морально-политического и психологического фактора получает больше возможностей для поддержания своей военной мощи и ее роста, чем государства, поддерживающие нацистский режим Украины.

Военный парад 2025 года в Пекине, приуроченный к 80-летию Победы над милитаристской Японией и годовщине окончания Второй мировой войны, стал демонстрацией военной мощи Китая. Событием стало и участие в параде лидера КНДР Ким Чен Ына, который на трибуне находился рядом с Си Цзиньпином, что в СМИ назвали шагом к выходу КНДР из международной изоляции и укреплению тройки Москва–Пекин–Пхеньян.

Потеряв лидерство в однополярной геополитике, Запад совершенствует ведение гибридной войны против России, все более предпочитая усиленную подготовку к фазе применения военной силы, которая не всегда находит поддержку у союзников. Растущее противоборство в глобальном мире вынуждает основных политических противников искать решения межгосударственных противоречий радикальными мерами.

В системе факторов, определяющих геостратегию России в XXI веке, военная сила сохраняет статус фундаментального инструмента защиты национальных интересов. В условиях усугубляющейся международной конкуренции, санкционного давления и эрозии системы глобальной безопасности, роль военной силы трансформируется, сочетая в себе задачи прямого сдерживания и сложной «силовой дипломатии».

Современная военная доктрина России в ожидании своей актуализации отражает этот дуализм: с одной стороны, она направлена на защиту от традиционных угроз, с другой – на противодействие тем вызовам, где военная сила используется как один из элементов комплексного воздействия, поскольку ее многогранное значение – есть ключевой элемент, обеспечивающий Российской Федерации суверенитет, международный вес и возможности для реализации своих геостратегических приоритетов в условиях новой реальности. К функциям военной силы относятся:

Военная сила выступает, в первую очередь, как инструмент сдерживания и предотвращения конфликтов.

Эта функция реализуется на двух взаимодополняющих уровнях.

Первый их них – ядерное сдерживание – служит абсолютной гарантией суверенитета и территориальной целостности от крупномасштабной агрессии. Поддержание стратегического паритета с США и другими ядерными державами остается краеугольным камнем национальной безопасности, не исключая, тем не менее, эвентуальной возможности прямой военной конфронтации с блоком НАТО. Современная задача заключается в развитии прорывных систем способных преодолевать любую существующую и перспективную систему ПРО. Это обеспечивает надежность сдерживающего потенциала даже в условиях технологического рывка потенциального противника. Политика «деэскалации через эскалацию» остается спорным, но действенным элементом стратегии, сигнализируя о готовности применить ядерное оружие в ответ на крупную обычную агрессию, угрожающую существованию государства.

Второй уровень – неядерное (конвенциональное) сдерживание – нацелено на парирование региональных и локальных вызовов. Его материальной основой выступает создание так называемых «зон запрета доступа/вмешательства» в критически важных регионах, таких как Калининград, Крым, Арктика и восточная часть Средиземноморья. Развертывание современных комплексов ПВО С-400 «Триумф» и С-500 «Прометей», противокорабельных ракетных комплексов «Бастион» и «Бал», а также систем радиоэлектронной борьбы существенно повышает риски и потенциальные потери для любого агрессора, ограничивая его свободу действий вблизи границ России. Это вынуждает потенциальных противников считаться с зонами российского влияния и делает прямое военное столкновение маловероятным.

Таким образом, сдерживание, основанное на симбиозе ядерного и конвенционального потенциалов, является первоочередной задачей военной силы. Оно создает «страховой полис» для национального суверенитета и позволяет России очерчивать периметры своих жизненно важных интересов, не прибегая к активным боевым действиям, но делая их цену неприемлемо высокой для любого противника.

Важный аспект потенциального применения военной силы – обеспечение военной безопасности и защита национальных интересов в ключевых регионах.

Аспект, безусловно, важный. Однако здесь следует учитывать не только военную силу государства, но и его военную мощь, поскольку военная сила – это конкретное действие или возможность действия, а военная мощь – это совокупный потенциал и ресурсы, которые делают это действие, во-первых, возможным, а во-вторых, эффективным. Сила без мощи, образно говоря, недолговечна, а мощь без умения применять силу – бесполезна. Эти две категории неразрывно связаны.

Мощь порождает силу. Без мощной экономики, развитого ВПК и обученного резерва невозможно создать эффективную военную силу. А сила, в свою очередь, является проявлением мощи. То, как применяется сила (ее эффективность, масштаб, продолжительность), напрямую зависит от уровня мощи. Отсюда вывод: неэффективное применение силы ослабляет мощь. Неверные стратегические решения приводят к истощению людских, материальных и экономических ресурсов, то есть к подрыву самой военной мощи. На защиту конкретных геостратегических интересов России в ключевых регионах проецируется вся ее военная мощь.

Так, например, на постсоветском пространстве военное присутствие и деятельность в рамках ОДКБ представляют собой инструмент поддержания стабильности и защиты союзнических режимов. Операция в Казахстане в январе 2022 года наглядно продемонстрировала роль России как регионального security provider (лидера безопасности), способного быстро предотвратить дестабилизацию и сохранить лояльный политический режим. Военные базы в Таджикистане и Кыргызстане по-прежнему служат стабилизаторами обстановки в Центральной Азии, а также противодействуют распространению влияния экстремистских группировок.

В Арктическом регионе военная сила обеспечивает контроль над Северным морским путем (СМП) и защиту уникальной ресурсной базы. Развертывание специализированных арктических бригад, восстановление и модернизация военной инфраструктуры (аэродромы «Темп», «Нагурское»), патрулирование акватории атомными ледоколами и подводными лодками призваны подкрепить суверенные претензии России и обеспечить безопасность экономической деятельности в условиях обостряющейся международной конкуренции за Арктику. Создание здесь мощной группировки войск направлено на то, чтобы любой спор о ресурсах или маршрутах решался в пользу России.

На западном и южном стратегических направлениях военный фактор используется для противодействия расширению НАТО и укрепления флангов, чему, безусловно способствует военная мощь России, способная при необходимости к реализации через военную силу.

Таким образом, военная сила является материальной основой для защиты и продвижения российских интересов в конкретных, стратегически важных регионах. Она позволяет России выступать в роли регионального гаранта безопасности, контролировать ресурсы и коммуникации, а также проецировать влияние на удаленные театры, что существенно расширяет ее геостратегические возможности.

Важнейшая задача военной силы – выступать в роли основы «силовой дипломатии» и переговорного потенциала.

В современных условиях прямое применение силы часто нередко уступает место ее демонстрации в качестве инструмента давления и усиления дипломатических позиций. К ним можно отнести следующие показательные мероприятия.

Крупномасштабные и внезапные стратегические командно-штабные учения (такие как «Запад-2017», «Восток-2018», «Кавказ-2020», «Запад-2025») служат мощным сигналом для внешних акторов. Они демонстрируют высокую боеготовность, слаженность различных родов войск и способность к быстрой переброске значительных сил на большие расстояния. Это заставляет партнеров и оппонентов считаться с военными возможностями России при принятии политических решений.

Публичные испытания и развертывание новых систем вооружений («Авангард», «Посейдон», «Кинжал», Сармат, применение в ходе СВО гиперзвуковых ракет «Орешник») работают на формирование восприятия России как технологически продвинутой военной державы, совершившей рывок в области военных технологий.

Это создает «эффект неопределенности» в стратегическом планировании противника и усиливает переговорные позиции Российской Федерации по широкому кругу вопросов, от контроля над вооружениями до региональных кризисов.

Военно-техническое сотрудничество, являясь формой экономического влияния, создает прочные политические и военно-технические связи с государствами-партнерами (Китай, Индия, Египет, КНДР, Вьетнам, Алжир и др.) Поставки вооружений формируют долгосрочную зависимость покупателей от российских технологий, запчастей и обучения, что автоматически усиливает дипломатический ресурс России и создает лобби ее интересов в правящих кругах стран-партнеров.

Здесь напрашивается следующий вывод. «Силовая дипломатия» позволяет России компенсировать недостаток экономических и мягких инструментов влияния. Демонстрация военной мощи на учениях, парадах и в виде новых вооружений становится языком, на котором Российская Федерация говорит с международным сообществом, доказывая свою состоятельность как великой державы и вынуждая других игроков идти на переговоры и учитывать ее интересы.

Важное значение принадлежит военной силе при обеспечении безопасности экономических и ресурсных интересов России, поскольку между военным присутствием и защитой экономических активов страны, как свидетельствует современная геополитическая практика, существует самая прямая связь.

Военная сила здесь, во-первых, обеспечивает безопасность критической инфраструктуры, такой как морские порты, трубопроводы и шельфовые месторождения. Например, Черноморский флот обеспечивает безопасность маршрутов транспортировки энергоресурсов, а группировка в Калининградской области прикрывает ключевые экономические объекты в Балтийском регионе.

В Арктике и на Каспии военные корабли, авиация и береговые ракетные комплексы де-факто обеспечивают контроль над ресурсами. Их присутствие отпугивает потенциальных и агрессивных конкурентов от попыток оспаривать суверенные права России на добычу нефти и газа, а также защищает суда, ведущие разведку и разработку месторождений.

Военная мощь и убедительная потенциальная военная сила становятся прямым гарантом экономического суверенитета и будущего благосостояния страны, что позволяет сделать вывод о том, что военная сила как важнейшая составляющая военной мощи является неотъемлемым элементом экономической безопасности. Она обеспечивает физическую защиту и правовое закрепление доступа к стратегическим ресурсам и коммуникациям, что напрямую влияет на экономическое развитие и конкурентные позиции России в мире.

В то же время, военная сила, несмотря на свою значимость, сталкивается с рядом системных ограничений, которые определяют рамки ее применения, а также и вызовы в использовании военной силы.

Очевидно, что экономические издержки содержания и модернизации армии, особенно в условиях «гонки вооружений», ложатся тяжелым бременем на бюджет. Длительное санкционное давление и необходимость дорогостоящего импортозамещения в ОПК создают риски для социально-экономического развития страны в долгосрочной перспективе.

К политическим и репутационным рискам следует отнести те случаи, когда прямое или косвенное применение силы ведет к дальнейшей международной изоляции, ужесточению санкционного режима и ухудшению имиджа страны. Это ограничивает свободу маневра на международной арене и затрудняет формирование благоприятных внешнеполитических условий.

Следует также сказать о том, что технологическое соперничество в ряде критически важных областей (высокоточное оружие дальнего радиуса действия, глобальная разведка, связь и навигация, беспилотные системы, роботизированные комплексы, кибервойска) остается в определенном смысле ахиллесовой пятой.

К системным ограничениям следует, безусловно, отнести изменение характера военных конфликтов нашего времени. В XXI веке все большую роль играют так называемые гибридные, информационные, кибернетические и экономические войны. В этих сферах традиционная военная сила и военная мощь не всегда являются решающим аргументом, и требует глубокой интеграции с невоенными средствами, где позиции России зачастую не столь сильны. Еще один важный аспект в перечне ограничений, впервые масштабно проявившийся в ходе специальной военной операции, – гуманитарная нацеленность военной силы исключительно на силовые военные объекты и объекты их обеспечения, в отличие от бесчеловечных действий нацистско-бандеровских апологетов.

Таким образом, военная сила, оставаясь мощнейшим инструментом политики, панацеей в достижении ею своих целей не является. Эффективность военной силы, как уже было сказано, напрямую зависит от экономической состоятельности страны, технологического развития и способности действовать в гибридной среде. Чрезмерная ставка на военные методы без подкрепления их другими видами власти может привести к стратегическому перенапряжению и ослаблению государства.

В упомянутой выше отредактированной версии доклада для руководства Российской Федерации под общим названием «От сдерживания к устрашению», изложены рекомендации авторов по усилению стратегии сдерживания в конфликте на Украине. Не станем рассматривать предлагаемые экспертами общие, политические и основные военно-технические шаги в этом направлении. Обратим внимание лишь на «некоторые военные меры», представляющие собой конкретную проекцию военной силы на решение задач в случае отказа Запада от деэскалации[706].

В первую очередь названо «нанесение ударов по контингентам западных войск, вошедшим на территорию Украины».

Вторая позиция – уничтожение БПЛА и других летательных аппаратов стран НАТО в пределах бесполётной зоны над Чёрным морем».

Далее следует «вывод из строя разведывательных космических аппаратов США и стран НАТО.

В случае базирования самолётов ВВС Украины на аэродромах стран НАТО нанесение ударов по этим базам, первоначально неядерными боеприпасами… уничтожение элементов логистики стран Европы».

Следующая решительная мера, требующая реализации возможностей военной силы, – «удары неядерными средствами по узловым пунктам снабжения ВСУ западным оружием, расположенным на территории стран НАТО».

[706] От сдерживания к устрашению / Дмитрий Тренин, Сергей Авакянц, Сергей Караганов. – М.: Молодая гвардия, 2024. – С.98–99.

К итоговым и наиболее существенным мерам применения военной силы относится «нанесение неядерными боеприпасами ударов сначала по военным и логистическим целям в странах, активно поддерживающих войну против России, а потом по символическим политическим целям – зданиям правительств, парламентов. Эти шаги должны сопровождаться жесткими указаниями на то, что на «ответ» последует ядерное возмездие».

Итак, значение и роль военной силы в обеспечении геостратегических интересов России в XXI веке остаются исключительно высокими, но претерпевают качественную трансформацию. Она эволюционировала от простой угрозы применения к сложному, многомерному инструменту, сочетающему в себе функции абсолютного сдерживания, регионального контроля, дипломатического давления и экономической защиты. Будучи универсальным инструментом, военная сила (мощи) обеспечивает безопасность границ государства, защищает экономические его интересы и поддерживает статус России как одного из центров в формирующемся многополярном мире.

В то же время ее эффективность в долгосрочной перспективе определяется не только собственным развитием, но и способностью государства интегрировать военный потенциал с экономическими, дипломатическими, технологическими и информационными ресурсами.

Будущие успехи и неудачи российской геостратегии будут зависеть от нахождения оптимального баланса между твердой силой и гибкой дипломатией, между военными инвестициями и нуждами гражданского сектора. Тем не менее, в обозримом будущем военная сила, несмотря на все вызовы, безусловно сохранит свою ключевую роль как ultima ratio (последний довод или решительный аргумент) защиты национальных интересов России в жестком и конкурентном международном пространстве.

В условиях возрастающего межгосударственного противоборства, несмотря на разжигаемые коллективным Западом многочисленные очаги мирового противоборства, выстраивается новая конфигурация глобального мира. С одной стороны, агрессивная риторика Запада в отношении других народов, с другой – формирование международной системы безопасности во главе с государствами, отстаивающими нормы международного права.

Развитие и взаимодействие материальных и духовных составляющих военной силы (собственно военной, политической, социальной, экономической) происходит в Российском государстве на основе и в зависимости от общественной и государственной формации. Политические процессы, охватывающие все сферы российского общества, выработанная патриотическая идея, сплотившая общество в борьбе с неонацизмом в ходе достижения целей специальной военной операции, объективно придают ускорение эффективному развитию России в XXI веке.

2.12. Государственная программа вооружений и стратегия развития военных потенциалов в условиях многополярности

В силу возраста я не верю, что от меня может ещё быть какой-то толк. Но если бы в прошлом фортуна поручила мне государство…, думаю, что в самое короткое время я показал бы миру, сколь ценны древние установления[707].
Н. Макиавелли

Подготовка ГПВ уже на самом первом этапе предполагает максимально точный прогноз развития международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО), который задаёт основные параметры для национальной стратегии и её военной части. Эта часть работы, к сожалению, далеко не всегда делается надлежащим образом, из-за чего страдает не только военное дело, но и экономика государств. Во многом такие решения очень субъективны и являются политической конъюнктурой или поиском личной выгоды, результатами противоборства отдельных структур государства и личных амбиций.

В результате нередко продолжают создаваться малоэффективные вооружения или продолжаются не нужные программы (так, известны случаи, когда ремонты судов продолжаются более 10 лет, а некоторые ремонтируются для того, чтобы… уничтожаться[708]). И, наоборот, забывают развивать НИОКР или производство ВВСТ в достаточном количестве.

Стратегический прогноз развития ВПО в данном случае принципиален потому, что именно от него зависит определения характера и масштаба будущих угроз, в том числе военных. Именно этот аспект в настоящее время особенно важен при разработке ГПВ. Это и понятно, ведь будущее современного военно-силового противоборства в мире, определяющие, в том числе, последствия СВО, является наиболее актуальной и обсуждаемой проблемой сегодня. Очевидно, что мир вступил в период бурных и мало предсказуемых изменений, происходящих в состоянии международной и военно-политической обстановки и, как следствие, неизбежной и неожиданной смены коалиционных и национальных стратегий.

Причём, эти изменения нередко носят не только объективный, вытекающий из общих тенденций в развитии МО-ВПО, но и достаточно субъективно-личностный характер[709]. Последние десятилетия стали свидетельством того, как некоторые политические руководители – Д. Джонсон, Э. Макрон, др. - своими субъективными действиями радикально влияли на ход международных процессов.

---

[707] Макиавелли Н. О военном искусстве. – М.: КоЛибри, 2023, – С. 218.

[708] Так, до настоящего времени неизвестна судьба авианесущего корабля «Адмирал Кузнецов», о котором говорят, что после ремонта его будут утилизировать.

[709] Подберёзкин А.И. Современное мироустройство, силовая политика и идеологическая борьба. М.: ИД «Международные отношения», 2021. – 790 с.

Особенно выделялись в этом отношении лидеры Евросоюза и США, но и в большинстве других государств субъективный момент в формировании политики государств стал снова очень влиятельным фактором. Это произошло не случайно – правящая элита США сознательно и целенаправленно готовит правящие элиты зарубежных стран.

Не является исключением и Россия, где ошибки в области стратегического прогноза развития МО-ВПО в СССР и России привели к принципиальным ошибкам в области военного строительства, которые (по признанию В.В. Путина) стали исправляться только в 2008–2009 гг.

Яркой чертой таких перемен стала СВО, как важная часть всего военно-силового противоборства Запада с Россией в последнее десятилетие, которая делает необходимым внимательное изучение как её объективных, так и субъективных особенностей и последствий[710]. Их исследование является важнейшим условием для стратегического прогноза развития МО-ВПО и будущих национальных и военных стратегий государств[711].

Президент Российской Федерации В.В. Путин специально обратил на это обстоятельство внимание участников совещания по развитию ОПК и будущей ГПВ на 2026-2037 годы, состоявшееся в июне 2025 года, заявив, что «Сегодня же наша задача – сформировать новую долгосрочную программу по всему комплексу систем и образцов вооружений, в том числе и прежде всего, конечно, перспективных. Максимально использовать для этого опыт специальной военной операции, различных региональных конфликтов»[712].

В частности, также требуется изучение отдельных субъективных представлений правящих элит государств о будущей стратегии, как на Западе, так и в России. Этот подход будет вполне соответствовать принципам исторического материализма, о котором писал ещё Г.В. Плеханов: «Материалистическое учение о том, что люди представляют собой продукт обстоятельств и воспитания…забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми, и что воспитатель сам должен быть воспитан»[713].

---

[710] Подберезкин А.И. Субъективные аспекты новой Концепции внешней политики России. // Обозреватель, 2023 №4, 5, СС. 1-21 / https://i-sng.ru/img/2023/09/Obs_4_23_web.pdf

[711] Подберезкин А.И. Национальная стратегия в 20-е годы XXI столетия: возможные и вероятные варианты (СС. 365-376). В к.: Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации: сборник материалов круглого стола (19 августа 2022 г.) / под общ. ред. А.С. Коржевского; ВАГШ ВС РФ. М.: Издательский дом «УМЦ», 2022. – 544 с.

[712] Путин В.В. Совещание по рассмотрению основных параметров проекта программы вооружений на 2027-2035 годы. / Официальный сайт Президента Российской Федерации // – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/77170 (дата обращения: 12.06.2025). – Текст : электронный.

[713] Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма. /В кн. Наши разногласия. К вопросу о роли личности в истории. Основные вопросы марксизма. – М.: АСТ: ОГИЗ, 2023, – С. 447.

Иными словами, прогнозируя развитие будущих стратегий государств, важно учитывать максимально полно все «обстоятельства» – объективные и субъективные, влияющие на их формирование.

Одним из таких объективных обстоятельств является резкое обострение состояния МО и ВПО в новом веке, которое стало закономерным результатом политики США и части их союзников, направленной на сохранение военного, политического и финансово-экономического доминирования в мире. Эта политика имеет очевидный последовательный и долгосрочный характер, фактически стала своего рода продолжением «победы» Запада в холодной войне с Социалистическим содружеством. Нынешняя «Турбулентность» в мире возникла отнюдь не сама по себе, и не как «открытие Е. Примакова конца 90-х годов прошлого века, а как закономерный и естественный результат сознательной политики США и ряда их союзников по «хаотизации» МО и ВПО.

Стабильность в мире была не нужна ни Р. Рейгану, ни Б. Клинтону, ни Б. Обаме, ни Д. Трампу просто потому, что в условиях такой стабильности стали лидировать новые центры силы, как, например, Китай, которые сумели лучше других приспособиться к условиям глобализации, выработанными США. В частности, одной из особенностей такой политики «хаотизации» стало целенаправленное разрушение или деформация имеющихся международных институтов, которые перестали играть роль откровенных прозападных инструментов политики Запада.

Парадокс заключается в том, что даже созданные Западом в этих целях финансовые институты ВТО и Мировой банк, а также система гарантий собственности уже не вполне удовлетворяли правящие элиты Запада. Запад не только захватил финансовые активы России в объеме более 300 млрд долларов США, но и стал использовать их капитализацию против нашей страны в качестве помощи Украине. «Хаотизация» МО-ВПО и ликвидация международных институтов стали теми конкретными объективными обстоятельствами, которые формируют современную реальность, силовым инструментом политики Запада по сохранению своего глобального контроля в мире против национально ориентированных государств. Борьба между глобальными тенденциями и автаркией стала главным предметом военно-силовой борьбы в мире в новом веке[714]. Военно-силовое противоборство двух лагерей – глобальных игроков и сторонников автаркии стало долгосрочной и ведущей тенденцией при формировании МО-ВПО в мире в будущем, предполагающей неизбежную эскалацию военно-силового противоборства.

[714] См. подробнее: Подберёзкин А.И. Онтология современной международной безопасности: противоборство автаркии и глобализации. – М.: Издательский дом «Международные отношения», 2024. – 1670 с.

Такая эскалация допускает временное усиление силовых (не военных) аспектов в стратегиях Запада (что наблюдается, например, при администрации Д. Трампа и ряда политиков ЕС), но не означает принципиального отказа от стратегии военной эскалации в будущем.

Соответствующее противодействие такой военно-силовой политике неизбежно. В этом аспекте продолжает сохраняться англо-саксонская философия «политики силы», не предполагающая ни равноправных договоренностей, ни отказа от стратегии силового принуждения. Как справедливо писал Э. Люттвак, «На любом уровне, от уличной поножовщины до многосторонних отношений большой стратегии в мирное время, логика неизменно гласит, что действие (здесь укрепление могущества) влечет ответную реакцию, которая не обязательно остановит это действие, но непременно затормозит его простое, линейное развитие»[715].

Другим объективным обстоятельством развития политики силы Запада в новых условиях МО[716] становится неизбежное и стремительное ускорение развития военных потенциалов государств, прежде всего, оборонно-промышленных комплексов (ОПК), вооруженных сил и военного искусства, роста военных расходов и широкого спектра мобилизационных мероприятий, которое имеет одним из своих последствий сдерживание социально-экономического развития. Это хорошо видно на конкретном примере резкого ухудшения гуманитарной обстановки в начале XXI века: в 2024 году количество людей, нуждающихся в гуманитарной помощи, достигло 300 млн. человек, число голодающих – 258 млн. человек. Если в 2000 году в мире насчитывалось 36 млн. временно перемещенных лиц (ВПЛ), то в 2024 году их количество уже превысило 107,5 млн. человек[717].

Это ведет к тому, что даже в развитых государствах возникает проблема «совмещения» роста затрат на военную безопасность и развитие. Это наглядно видно на примере России, где затраты (в условиях СВО) достигли в 2024 году 6,3 % ВВП[718], но это уже прямо отразилось на западных странах-членах НАТО, где сформулирована задача повысить военные расходы до 5 % к 2030–2035 годам[719].

---

[715] Люттвак Э.Китай и логика стратегии. – Москва: АСТ, 2023, С. 15–16.

[716] После развала ОВД и СССР, когда Запад безусловно лидировал, военно-силовая политика отошла на второй план, позволив резко сократить военные расходы и ОПК.

[717] Шаталов А.С. Деятельность организаций системы ООН по оказанию гуманитарной помощи: механизмы и практики / диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. МГИМО МИД РФ, июнь 2025 // – URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2025/shatalov-dissertacziya.pdf (дата обращения: 28.08.2925). – Текст : электронный.

[718] Путин назвал траты России на оборону/ РБК, 29 июня 2025 // – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/685eaf519a79478c73d4276c(дата обращения: 28.08.2925). – Текст : электронный.

[719] Подберёзкин А.И. НАТО – основа проамериканской военно-политической коалиции // Обозреватель, 2022, № 3-4, С. 5–25.

Соединенные Штаты, не смотря на огромный дефицит и внешнюю задолжность, в частности, продвигают бюджет на 2026 финансовый год в объеме до 1 трлн долларов США. Приоритеты этого бюджета, как признают откровенно американские эксперты, отчетливо сформулированы в заявке Минобороны США: «Этот исторический оборонный бюджет ставит во главу угла укрепление внутренней безопасности, сдерживание китайской агрессии в Индо-Тихоокеанском регионе, возрождение оборонной промышленной базы США…»[720]. И, всё-таки, при прогнозе будущего ВПО необходимо исходить из приоритета влияния объективных тенденций. Так, главный геополитический фактор, влияющий на формирование ВПО в мире и политику большинства государств (прежде всего, великих), – Китай. Какие бы события не происходили в мире, но «тень Китая» неизменно влияет на решения сторон. Особенно на политику главного конкурента Китая–США.

Более того, опосредованно на все последствия такой политики, например, на ход СВО. Пример – военно-политическое присутствие и активность США в Европе и в НАТО в последние годы, которая прямым образом влияет не только на отношение Запада с Россией, но и на всю военную политику США, включая ход СВО. Этот фактор объясняет, например, позицию США в отношении продажи ЕС ВВСТ для ВСУ.

Как признает главнокомандующий воздушно-космическими силами Нидерландов в июле 2025 года, генерал-лейтенант Андре Стер в своем выступлении на Всемирной конференции руководителей ВВС в Лондоне, «Текущая нехватка в альянсе значительно усугубится, если США придется все больше концентрироваться на текущих и будущих событиях в Индо-Тихоокеанском регионе». «Прежде всего, необходимы глубокие карманы, набитые боеприпасами», – отметил он, – «потому что в мире, в котором мы живем, цифры имеют значение»[721].

По данным анализа Международного института стратегических исследований (IISS), «для компенсации оборудования, которое США могли бы перебросить для поддержки европейских нужд, необходимо будет приобрести комплект замены, включающий 400 истребителей, 20 эсминцев, 24 батареи зенитных ракет, 10 атомных ударных подводных лодок, 600 основных боевых танков, 800 гусеничных боевых машин пехоты, 200 ударных вертолетов и другие современные системы вооружения».

---

[720] Эшли Рок, Валери Инсинна. Пентагон официально представил бюджет на 2026 ф.г. в размере 961,6 млрд. долл. // Срочные военные новости, 26 июня 2025 // – URL: https://breakingdefense.com/2025/06/pentagon-formally-unveils-961-6-billion-budget-for-2026-with-reconciliation-help/?utm_campaign=Skydio&utm_medium=email&_hsenc=p2 (дата обращения: 17.06.2025). – Текст : электронный.

[721] Командующий ВВС Нидерландов Стер: НАТО нужны набитые боеприпасами «карманы» / – URL: https://rianpress.ru/world/572 (дата обращения: 18.06.2025). – Текст : электронный.

Комментарии А. Стера прозвучали после того, как союзники по НАТО согласились на целевой показатель своих военных расходов в размере 5 % ВВП[722], что стало результатом давления со стороны президента Д. Трампа на европейские страны, требующего «больше заботиться о собственной безопасности». Ведущий эксперт МИСиС Лоуренсон подчеркнул, что «За пятилетний период, по его словам, «я не думаю, что для стран ЕС в совокупности вполне реально потратить… более 100 миллиардов долларов на американскую оборону», особенно учитывая динамику расходов с начала войны на Украине. «Предстоит потратить ещё много денег на закупку американского оборудования, которое ещё даже… не поставлено, а затем, без сомнения, появятся новые обязательства… в будущем», – сказал он в интервью Breaking Defense. Но, надо понимать, что «Не нужно слишком много сделок по F-35, чтобы достичь расходов в десятки миллиардов». Он также отметил, – что «вполне справедливо предположить, что страны ЕС будут закупать много оборудования у США», исходя из двух ключевых факторов: масштаба возросших оборонных расходов по всей Европе и ограниченности европейских производственных мощностей[723].

Иными словами, далеко не все амбиции стран ЕС и США могут быть реализованы в ближайшие 2–3 года. Более того, по некоторым сообщениям, посол США в НАТО Мэтью Уитакер даже заявил в мае 2025 года, что переговоры о выводе десятков тысяч американских военнослужащих с континента начнутся «позднее в этом году»[724]. Иными словами, политика США в отношении союзников по НАТО предопределяется приоритетом переориентации ресурсов на противоборство с Китаем, а также стремлением максимально усилить экономические позиции страны в мире.

Другой пример такой геополитической стратегии США перераспределенбия ресурсов – развитие военно-морского могущества США, зафиксированного в стратегии США «Восстановление морского господства Америки», утвержденной Д. Трампом в апреле 2025 года[725].

---

[722] Пока что предполагается достичь собственно военных расходов в 3,5% уровня в 1,5 % расходов ВВП для связанных с «национальной безопасностью».

[723] Тим Мартин. ЕС потратит «сотни миллиардов» на американское оружие? Возможно, и нет, но спрос реален, говорят аналитики. // Breaking Defense, 30 июля 2025г. // – URL: https://breakingdefense.com/2025/07/eu-to-spend-hundreds-of-billions-on-us-arms-maybe-not-but-demand-is-real-analysts-say/?utm_campa (дата обращения: 19.06.2025). – Текст : электронный.

[724] Тим Мартин. Командующий ВВС Нидерландов призывает НАТО изучить «недостатки» без «американских активов». / Breaking Defense, (Срочные военные новости), РЭНД, 16 июля 2025 года // – URL: https://breakingdefense.com/2025/07/netherlands-air-chief-urges-nato-to-examine-shortfalls-without-us-assets/?utm_medium=email&_h (дата обращения: 19.06.2025). – Текст : электронный.

[725] Трамп Д. Восстановление морского господства Америки. Указ президента США от 6 апреля 2025 г. // – URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/04/restoring-americas-maritime-dominance/ (дата обращения: 19.06.2025). – Текст : электронный.

Документ, принятый в США, очень точно отражает суть современной стратегии страны, а не только развитие военно-морской мощи. В этой связи целесообразно подробнее рассмотреть эти планы применительно к стратегии США в мире вы целом.

Так, первый раздел стратегии отражает принципиальную оценку не только военной мощи США, но и ВПО в мире. Коммерческий судостроительный потенциал и морская рабочая сила Соединенных Штатов были ослаблены десятилетиями пренебрежения со стороны правительства, что привело к упадку некогда мощной промышленной базы, одновременно усиливая наших противников и подрывая национальную безопасность Соединенных Штатов. Как наши союзники, так и наши стратегические конкуренты производят корабли за малую часть стоимости, необходимой в Соединенных Штатах. Последние данные показывают, что Соединенные Штаты строят менее одного процента коммерческих судов в мире, в то время как Китайская Народная Республика (КНР) отвечает за производство примерно половины».

В этой связи Д. Трамп предлагает системные и комплексные меры, которые можно расценивать в качестве принципа американской военной политики в целом: «Исправление этих проблем требует комплексного подхода, который включает в себя обеспечение последовательного, предсказуемого и долгосрочного федерального финансирования, обеспечение коммерческой конкурентоспособности судов под флагом Соединенных Штатов и построенных под ним в международной торговле, восстановление морского производственного потенциала Америки (морская промышленная база), а также расширение и укрепление набора, обучения и удержания соответствующей рабочей силы» .

Важно отметить, что Д. Трамп предлагает немедленное создание механизмов реализации такой политики, а именно: «Раздел 3. План действий в области морского судоходства.

(a) В течение 210 дней с даты настоящего приказа помощник президента по вопросам национальной безопасности (APNSA) в координации с государственным секретарем, министром обороны, министром торговли, министром труда, министром транспорта, министром внутренней безопасности, торговым представителем США (USTR) и главами исполнительных департаментов и агентств (агентств), которые APNSA сочтет подходящими, должен представить президенту через APNSA и директора Административно-бюджетного управления (директора OMB) План действий в области морского судоходства (MAP) для достижения политики, изложенной в настоящем приказе.

(b) Директор OMB в координации с APNSA будет нести ответственность за все законодательные, нормативные и финансовые оценки, связанные с MAP.

(c) План действий должен, в той мере, в какой это допустимо и соответствует применимому законодательству, включая Закон «Покупай американское» (41 USC 8301–8305), отражать действия, предпринятые в соответствии с разделами 4–21 настоящего распоряжения.

При этом, исключительное внимание уделяется созданию промышленной основы такой стратегии: «Раздел 4. Обеспечение безопасности и устойчивости морской промышленной базы.

В течение 180 дней с даты настоящего приказа министр обороны в координации с министром торговли, министром транспорта и министром внутренней безопасности должен предоставить APNSA и директору OMB для включения в MAP оценку вариантов как использования имеющихся полномочий и ресурсов, таких как полномочия по разделу III Закона о оборонном производстве, так и использования частного капитала в максимально возможной степени для инвестирования и расширения морской промышленной базы, включая, помимо прочего, инвестиции и расширение коммерческих и оборонных судостроительных мощностей.

Министр обороны должен продолжать использовать программу кредитования Управления стратегического капитала для улучшения судостроительной промышленной базы. В рамках своей оценки министр торговли, министр транспорта и министр внутренней безопасности должны: (a) определить ключевые морские компоненты в цепочке поставок, которые имеют важное значение для восстановления и расширения морской промышленной базы и которые должны быть приоритетными для инвестиций; (b) гарантировать, что их рекомендации по государственным и частным инвестициям сделаны в соответствии с четкой метрикой, полученной по согласованию с помощником президента по экономической политике, окупаемости инвестированного капитала для налогоплательщиков Соединенных Штатов и для экономической и национальной безопасности Соединенных Штатов; и (c) гарантировать, что их рекомендации учитывают прогнозируемое увеличение коммерческого и оборонного потенциала, прогнозируемый рост экономической активности и прогнозируемые выгоды для налогоплательщиков и рабочей силы» .

Эта стратегия предполагает также одновременно комплекс политико-дипломатических и правовых мероприятий по укреплению военного влияния США в мире, в частности: «Раздел 5. Действия по расследованию несправедливого нацеливания КНР на секторы морского судоходства, логистики и судостроения. (a) В отношении действий, если таковые имеются, которые USTR определит предпринять в соответствии с уведомлением USTR о публичных слушаниях под названием «Предлагаемые действия в разделе 301 расследования нацеливания КНР на секторы морского судоходства, логистики и судостроения с целью доминирования»,

Еще один пример, непосредственно связанный с регионом АТР и Китаем. В июле 2025 года Премьер-министр Энтони Албанезе подтвердил выплату в размере 525 миллионов долларов США Австралия, в ходе проводимого Пентагоном обзора программы подводных лодок AUKUS, объявила о втором платеже в размере 800 млн австралийских долларов (525 млн долларов США), что означает, что «Счастливая страна» теперь инвестировала 1,6 млрд австралийских долларов в совместные усилия трех стран. Это лишь малая часть от 368 миллиардов австралийских долларов, которые правительство Албанезе обязалось потратить на всю программу.

«Есть график платежей. У нас есть соглашение с Соединёнными Штатами и Соединённым Королевством. Речь идёт об увеличении их мощностей, их промышленного потенциала», — сказал Альбанезе. «В рамках этой работы наши австралийцы также работают на местах и обучаются этим навыкам»[726].

Иными словами, приоритетное значение военно-политического противоборства США с Китаем предполагает не только новую стратегию, но и новую промышленную, и правовую, и политико-дипломатическую политику. Военные поставки ВСУ в данном случае означают только часть такой политики.

Реальность такова, что самая востребованная на СВО часть ВВСТ США – системы ПВО и ракеты – оказались в жестком дефиците не только из-за СВО. Еще весной 2024 года США это признали, и дальнейшая стратегия помощи США Украине зависела от этого фактора.

Тогда же Армия США подтвердила планы по четырёхкратному увеличению закупок зенитных ракет Patriot Advanced Capability-3 Missile Segment Enhancement (PAC-3 MSE), поскольку возможности противовоздушной обороны страны и её стратегических партнёров по всему миру испытывают всё большую нагрузку. Рост плана закупок с 3 376 до 13 773 ракет был подтверждён в Меморандуме Совета армейского надзора за требованиями, что обойдётся армии ещё в 40,2 млрд долларов США при средней цене одной ракеты PAC-3 MSE в 3,871 млн. долларов США.

Таким образом, влияние военного конфликта и планов США в отношении Китая – огромно. Уже в 2024 году стало предельно понятно, что ВС США испытывает нехватку систем Patriot: развёртывание новых комплексов Patriot и THAAD на Ближнем Востоке с октября 2023 года, а также масштабные поставки Украине истощили и без того ограниченный арсенал, поскольку максимальный арсенал армии составлял всего 17 дивизионов.

[726] Кларк К. Австралия выплатит США еще 525 миллионов долларов на укрепление промышленной базы Австралии // – URL: https://breakingdefense.com/2025/07/australia-pays-us-another-525-million-to-bolster-aukus-industrial-base/?utm_medium=email&_hsenc=p2ANqtz-8aKHJ (дата обращения: 19.06.2025). – Текст : электронный.

Уже в апреле 2024 года помощник президента по нацбезопасности Джейк Салливан признал, что США не смогут поставить Украине новые системы Patriot, несмотря на просьбу В. Зеленского о «по меньшей мере, семи» установках[727].

При всей важности объективных тенденций в стратегических прогнозах необходимо отслеживать субъективные аспекты военного планирования. Недавний яркий пример такой субъективности в принятии решений – удар США по ядерным объектам Ирана, который стал неожиданным и не оправданным для многих (но не для Д. Трампа). Как пишет бывший начальник СНБ США, «Трамп отклонил показания директора Национальной разведки Тулси Габбард в Конгрессе о том, что Иран не был близок к разработке ядерного оружия – оценка, которая противоречила собственным заявлениям президента. «Мне все равно, что она говорит», – сказал Трамп. После ударов США он торжествующе заявил, что целевые иранские ядерные объекты были «целиком и полностью уничтожены», тогда как предварительный отчет Агентства военной разведки (DIA) дал более консервативную оценку ущерба»[728].

Известное влияние на формирование будущих национальных стратегий всегда оказывали, как уже говорилось, субъективные представления представителей правящей элиты о стратегиях – формулирование стратегического целеполагания, выбор средств и способов, организация военной промышленности и пр. – значение которого резко усилилось при сильном лидерстве В.В. Путина, Си Цзиньпина и Д. Трампа, которые (используя понятия Ф. Энгельса и Г. Плеханова) стали активно формировать исторические «условия» и «обстоятельства» будущих национальных стратегий.

Влияние личностей таких лидеров резко усилилось на все области МО – ВПО, а также на реализацию национальных стратегий одновременно во всех важнейших областях – от культуры и образования, до внешней и военной политики. Так, В.В. Путин прямо и последовательно не только руководит внешней политикой России и её Вооруженными Силами, но и непосредственно влияет на большинство решений в военном строительстве, образовании, науке и культуре. Примечательно, что и другие мировые лидеры активно участвуют во всех этих процессах.

---

[727] Армия США не использует полностью весь количественный потенциал ЗРС Patriot. Известно, что в строю имеется ок. 480 пусковых установок. При этом для полного оснащения всех 17 батальонов по максимальному штату понадобится более 800 таких изделий. Схожим образом выглядит ситуация с РЛС и КП, т.к. не все батальоны имеют максимально возможное число батарей

[728] Хейден М. Трамп ломает американскую разведку /Форин Афеарс, 2 июля 2025 г. // – URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/trump-breaking-americanintelligence?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign=Trump%20Is%20Breaking%20American%20Intelligence&utm_content=2025070 (дата обращения: 20.06.2025). – Текст : электронный.

Вместе с тем, следует признать, что складывается впечатление о стремлении ряда политиков на Западе сознательно лично инициировать процесс ускоренной «хаотизации» МО и ВПО. «Личная политика» Д. Трампа, Э. Макрона и других западных лидеров нередко оказывается более радикальна, чем официальная политика государств и институтов с точки зрения эскалации МО и «хаотизации» международных институтов.

Эта политика правящей элиты Запада своего рода «раздела управляющих акций» на максимальное количество пользователей, когда у ведущих западных игроков остается относительное большинство и сохраняется контроль над ситуацией при постоянном снижении политического значения в мире. Этим можно объяснить, что политика Д. Трампа, Э. Макрона и целого ряда других деятелей Запада отличается исключительной непоследовательностью и непредсказуемостью, а нередко и авантюризмом, и безответственностью. Очевидно, что и в такой политике есть своя долгосрочная и последовательная логика стратегии «глубинного государства»[729], стратегия, ориентированная в своем целеполагании на силовое сохранение геополитического контроля над мировыми пространствами – странами, транспортными коридорами, ресурсами[730]. Более того, такое постепенное ослабление и силовое вытеснение России на периферию, последовательно подготавливает почву для русофобии и прямой военной агрессии против нашей страны.

Так, например, в 2022-2025 годы наблюдалась устойчивая тенденция к «хаотизации» постсоветского пространства и враждебному настрою соседних с Россией государств: Белоруссии, Армении, Азербайджана, Грузии, Молдавии, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркмении, а также целенаправленному превращению соседей – Финляндии, Швеции, Польши, Прибалтийских и других государств – во врагов нашей страны.

При подготовке ГПВ надо иметь в виду, что эта политика будет не просто сохранена, но и усилена. Особенно если речь идет о специальных операциях и террористической деятельности против России, противодействовать которым необходимо заранее планировать с точки зрения ГПВ и подготовки кадров.

Надо признать, что подобная политика привела к определенным результатам. В том числе и в силу снижения эффективности политики России. Это создавало определенные предпосылки до начала СВО, в ходе СВО и будет, вероятно, влиять на стратегии государств в будущем.

---

[729] «Глубинное государство» – понятие, характеризующее устойчивую часть правящей элиты страны, которая фактически контролирует деятельность политической власти, может саботировать и даже противодействовать решениям политиков. Это, как минимум, ведет к инерционности в политике современных государств.

[730] Подберёзкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель, 2024, май-июнь, №3 (404), – С.28–46.

Достаточно посмотреть на результаты такой долгосрочной стратегии Запада в ретроспективе 20-25 лет, т.е. всего нашего нового века. С этой точки зрения позиция США в отношении России за 40 лет (необходимо, к сожалению, признать), усилились, в частности, надо признать, что:

– им удалось фактически завершить раскол Югославии и создать в Косово и Румынии, Болгарии и в целом в Юго-Восточной Европе (а также фактически в других странах Восточной Европы и Прибалтики) крупнейшие военные базы, постепенно превратив Европу из нашего главного торгового партнера в агрессивного противника России. Более того, этот противник с 2020 года стал выполнять многие антироссийские функции уже самих США, например, на Украине, развязав им руки в других регионах;

– США удалось дезинтегрировать противников в арабском мире – на Среднем и Ближнем Востоке, а также в Северной Африке, уничтожив стабильность и дестабилизировав своих противников в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливии, Египте, а теперь и Иране;

– уничтожить, ослабить или изменить почти все международные институты в выгодном для себя направлении, а также скорректировать международные нормы и правила в нужном для себя направлении;

– дестабилизировать обстановку на постсоветском пространстве, отчасти подорвав идею ОДКБ и ЕАЭС и позиции России в Молдавии, Грузии, Армении, Азербайджане и государствах Средней Азии;

– вершиной антироссийской политики США на постсоветском пространстве стало стремительное превращение Украины всего за 20 лет в военного противника России;

– США, используя масштабные санкции, удалось добиться осложнения отношений и фактического участия в антироссийской политике в той или иной мере практически всех государств – от Индии до Китая;

– создать и относительно успешно структурировать антироссийскую оппозицию за рубежом[731];

– наконец, Д. Трампу фактически удается переформировать мировую экономику в выгодном для США отношении, привлечь инвестиции (только из ЕС более 6000 млрд. долл.), добиться выгодных в одностороннем отношении условий внешней торговли.

Иными словами, США удалось за относительно короткий исторический период 30-35 лет, внешне выглядевший как период мирного развития человечества, создать максимально неблагоприятные внешние условия для развития России, препятствующие её полноценному участию в международном разделении труда.

[731] Подберёзкин А.И. Онтология современной международной безопасности: противоборство автаркии и глобализации. – М.: Издательский дом «Международные отношения», 2024. – 1670 с.

Россия, после периода правления Б. Ельцина, с огромным трудом преодолевает последствия десуверенизации и нарастающего развала, каким-то чудом выживая в этих условиях. Фактически, в 2000 году Россия оказалась как государство на краю пропасти, лишившись основных признаков суверенитета и самостоятельности, потеряв контроль над развитием внутренней ситуации и лишившись практически всех своих союзников. Более того, начав терять свою идентичность[732].

Это означало, что изначально у В.В. Путина не было ни достаточно ресурсов, ни времени для вывода страны из кризиса в силу чего он был вынужден на первых порах действовать крайне осторожно и в силу этого медленно.

Главным достижением политики В.В. Путина в эти годы стало то, что в подобных, крайне обстоятельствах, Россия просто выжила, укрепила свою идентичности и суверенитет, а также обеспечила определенные условия для своего развития.

Стратегия России в после ельцинский период (до 2008 года) во многом сохраняла инерционность именно в силу ограниченности у В.В. Путина ресурсов и тяжелейшего положения, в котором оказалась Российская Федерация в 2000 году (огромный внешний долг, разбалансированный бюджет, инфляция, кризис промышленности, фактическая потеря суверенитета, война на Северном Кавказе и т.д.).

Только во время второго избирательного цикла В.В. Путин (после 2012 года) смог активно заняться активизацией стратегии безопасности и развития (прежде всего, в социальной области). Его «майские указы» 2012[733] года стали программными, хотя и не были впоследствии реализованы в своем большинстве.

В отношении внешней политики сохранялась во многом инерция прежнего курса, хотя после конфликта в 2008 году на Кавказе и в Ливии произошел определенный пересмотр внешнеполитической и оборонной стратегии, не затрагивающий её принципиальных основ.

Только после воссоединения с Крымом в 2014 году этот во многом вынужденный пересмотр внешнеполитической стратегии стал принципиален, хотя, повторю, во многом вынужденный, и только после февраля 2022 приобрел характер новой национальной стратегии[734].

---

[732] Подберёзкин А.И., Боброва О.В. Средства защиты российской идентичности: монография. Книга 2. Подольск, 2024. – 776 с,

[733] «Майские указы» – сложившееся в публицистике наименование серии из одиннадцати указов, подписанных Владимиром Путиным 7 мая 2012 года в день вступления в должность президента РФ и содержащих 218 поручений правительству РФ на 2012—2020 годы, а затем и еще одного указа, подписанного в 2024 году.

[734] Подберёзкин А. Государственная Стратегия безопасности России после февраля 2022 года // Обозреватель-Observer, 2022, май-июнь, № 5-6, – С. 5–27.

В частности, только 21 февраля 2023 года в ходе ежегодного послания Федеральному собранию на фоне вооружённого конфликта с Украиной Владимир Путин отменил «майский указ» № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», подразумевавший, в том числе, «сближение России с Европейским Союзом и США, а также продолжение активного поиска решения вопроса Приднестровья на основе уважения суверенитета, территориальной целостности и нейтрального статуса Молдовы».

При подготовке системы исходных данных для внешней политики России (СИД ВП) на стратегическую перспективу, надо отдавать себе отчет, что стратегия США и их союзников в новых условиях МО-ВПО имеет прежний долгосрочный антироссийский характер и ясную последовательность. Очевидно, что США и в будущем будут продолжать такую политику, используя в этих целях любые возможности и любых союзников[735].

Не стоит питать иллюзий – процесс силового давления на Россию будет продолжен, хотя тактические приемы могут быть и сменены, в частности, во многом из-за необходимости для США поиска компромиссов с Россией в отношении Китая[736].

Этот процесс уже прошел стадию эскалации от политики «мягкой силы» до политики силового не военного принуждения, перейдя к стадии военно-силовой борьбы. Всё говорит о том, что следующая стадия – переход к активной военной борьбе с Россией[737] - неизбежен. Вопрос только о форме такого военного противоборства. Она хорошо иллюстрируется на примере Ирана, от которого потребовали в итоге ультимативно отказаться не только от ядерного, но и ракетного оружия. В случае поражения России на СВО не исключено, что от России потребуют того же.

В этих условиях перед Россией стоит неизбежный выбор долгосрочной национальной стратегии, как минимум, не менее долгосрочной и последовательной, чем в США и на Западе[738].

---

[735] Подберезкин А.И., Родионов О.Е. Современная национальная стратегия России в области военной безопасности: монография. – М.: МГИМО-Университет, 2022. – 440 с.

[736] Подберёзкин А.И. В Вашингтоне мыслят старыми стереотипами / Красная Звезда, 04.04.2022 / http://redstar.ru/v-vashingtone-myslyat-starymi-stereotipami/ (дата обращения 12.06.2025). – Текст : электронный.

[737] Такой прогноз развития стратегии США и НАТО был сделан в работе в декабре 2023 года – Подберёзкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке после начала специальной военной операции на Украине. М.: МГИМО-Университет, 2024. – 603 с.).

[738] Подберёзкин А.И. Стратегия национальной безопасности и стратегическое планирование в условиях резкого обострения военно-политической обстановки, СС. 86-101. В кн.: Трансформация войны и перспективные направления развития содержания военных конфликтов. Сборник материалов круглого стола. ВАГШ, кафедра военной стратегии, 2023. – 239 с.

Этот выбор предполагает либо сохранение нынешней «универсальной» стратегии, сочетающей одновременное военно-силовое противоборство и социально-экономическое развитие, либо переход к полномасштабной стратегии вооруженной борьбы с Западом, предполагающей инициативу в военной эскалации в ответ на очередные действия по дестабилизации нашей страны. Либо (приемлемый для части элиты и общества) навязываемый с 90-х годов прошлого века США фактическую капитуляцию России и отказ от суверенитета и в конечном итоге от национальной идентичности. В зависимости от такого выбора будет находится прежде всего стратегическая программа ГПВ РФ.

Рассмотрим коротко эти три основных варианта национальной стратегии, которые могут иметь множество частных разновидностей. Аргументы в пользу той или иной стратегии есть у самых разных представителей российского общества. Это надо иметь в виду потому, что разные политические силы внутри страны и извне рассчитывают на общественно-политическую поддержку (даже в том случае, когда она минимальна) с тем, чтобы оправдать свою стратегию и право на власть.

Первый выбор. Продолжение прежней существующей стратегии России – сочетания политики обеспечения военной безопасности и продолжения СВО с социально-экономическим развитием страны в 2022-2025 годы. Этот выбор предполагает, в конечном счете, неизбежное сопротивление политике «экономического изматывания», ориентированное на превосходство западных экономик в отношении 20 к 1 применительно к России, «войны на истощение», которая с начала 2024 года приобрела отчетливый характер стратегии «оптимизации» Западом своих усилий против России на Украине с целью её экономического изматывания и признания, в конечном счете, поражения.

В этом случае национальная стратегия России и ГПВ должна исходить из максимальной оптимизации всех усилий – финансовых, демографических, военных, – с тем, чтобы выдержать такое силовое противоборство. Опыт и основные условия (ресурсы, традиция и возможности) у русской нации есть, но потребуется возвращение к политике национальной мобилизации в самом широком контексте, т.е., по сути, повторить опыт 30–50-х гг. СССР.

Второй выбор. Перехват Россией инициативы не только в области военно-силовой эскалации противоборства с Западом, который может привести к открытым военным действиям в Европе, но и в расширения пространства военного противоборства на другие ТВД. Но не только. Такой перехват инициативы предполагает распространение силового противоборства на не военные области – идеологию, культуру, образование, науку и СМИ, которое на самом деле было объявлено СССР и России давно, но в 1980-е и последующие годы встретили вялое сопротивление (а иногда и поощрение) со стороны правящей элиты СССР и России.

Такой вариант выбора предполагает главное – лидерство в эскалации, навязывание своей воли, а не реактивное ответное действие. Так, в военной области это предполагает наступательные действия на СВО и поддержку антизападных сил – от Ближнего и Среднего Востока, Африки и Азии до самых отдаленных районов, но, прежде всего, активные действия самого разного характера на постсоветском пространстве. Этот выбор потребует от России новых огромных жертв – экономических и демографических, которые неизбежны в бескомпромиссной борьбе. И огромного риска. В том числе и во внутренней политике.

Третий выбор. Капитуляция. Признание Россией подчиненной роли и тех норм и правил, которые будут навязываться Западом во всех областях. Не стоит забывать, что в истории России были периоды, когда часть правящей элиты шла на откровенное предательство. Победа в эти годы была возможна только в том случае, когда такие предатели оставались в меньшинстве и были изолированы.

Иными словами, не избежать политического и исторического выбора. Выбор, который предстоит, похоже, сделать правящей элите России такой же, какой в свое время 2 тысячи лет назад был сделан древними греками во главе с Ксенофонтом, оказавшимися в окружении персидской армии[739]. Подчеркну, что сначала части элиты враги отрубили головы, а затем Ксенофонт пригрозил, что сделает то же самое с другими предателями.

Фактически такой выбор (но очень-очень осторожно, можно сказать, предварительно) был сделан уже в первый период президентства В.В. Путина, который заключался в серии небольших, часто не видимых тактических и не всегда публичных решений, например, освобождения от внешней задолжности страны, восстановление информационного контроля и единства правового пространства, постепенного вытеснения либералов и т.д.

Этот выбор в 2021 году оформлен нормативно в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года, где обеспечение безопасности и развития было объявлено интегрированной стратегией. За период СВО 2022–2025 годов эта стратегия, по сути, оставалась неизменной, но, главное, получала регулярные практические подтверждения от В.В. Путина.

Можно признать, что её главный результат к середине 2025 года – выживание России в условиях эскалации военно-силового давления – достигнут. Вопрос, который предстоит решать, насколько эта национальная стратегия сможет быть долгосрочной.

---

[739] Подберёзкин А.И. Оценка и прогноз развития сценария военно-политической обстановки и его конкретных вариантов в третьем десятилетии нового века, сс. 22-36 // Сборник материалов круглого стола. Кафедра военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ «Угрозы национальной безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: направления и пути их нейтрализации. ВАГШ ВС РФ, 2022. 152 с.

Но остаётся в настоящее время вопрос и о её соответствии новым внешним условиям, а именно тому, насколько Россия сможет успешно сопротивляться широкой коалиционной политике США и Запада в вопросах развития, не концентрируясь только на силовом противоборстве? Сможет ли сохранение этой стратегии обеспечить и дальше результат (одновременно выживание и развитие) страны?

Очевидно, что продолжение силовой эскалации с США и Западом в мире будет вести в итоге к усилению противодействия и возможному уничтожению Ирана, КНДР и Китая, ослаблению и разгрому других партнеров и союзников России, а также активизации давления на Россию внутри страны. Не случайно, в частности, то, что санкционная политика против России за 2025 год не ослабла, а только усиливается. Иными словами, в этих условиях существующая последние 25 лет стратегия силового противоборства и развития России может оказаться уже неэффективной[740].

То есть первый, инерционный, вариант может стать провальным. По сути дела, результаты СВО и противоборства с Западом последних 5 лет говорят о том же – немногие победы России сопровождаются ростом потерь. Политических, дипломатических, экономических. Иными словами, «так побеждать – потерпим поражение».

Выбор во многом зависит от опыта, который приобрела Россия в ходе СВО. В таком нарастающем противоборстве с Западом опыт СВО имеет огромное значение, как положительное, так и отрицательное (отрицательное, может быть, даже важнее).

Прежде всего, с точки зрения весьма вероятного характера будущего (и неизбежного) военного противоборства с Западом, о котором откровенно говорят и которое открыто планируют в НАТО на конец уже 20-х годов нынешнего столетия.

Речь идет не только о ВВСТ и способах её применения, но и о многих других аспектах военной и внешней политики, например, о длительности военных действий, масштабах, необходимых ресурсах и прочих факторах, от которых зависит силовое противоборство[741].

В частности, продолжительности ведения военных действий, необходимых запасах ВВСТ и боеприпасов, которые (как показала СВО и война Израиля и Ирана) имеют критическое значение.

---

[740] Подберёзкин А.И. Некоторые вопросы теории и методологии анализа современных стратегий безопасности государств: монография / А.И. Подберёзкин; [редактор О.Е. Родионов]. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Центр военно-политических исследований, Кафедра всемирной и отечественной истории. — Москва: МГИМО-Университет, 2023. – 541 с.

[741] Подберезкин А.И. Целеполагание стратегии США в отношении России. В кн.: Российский военный ежегодник «Russian Military Yearbook» / АО «Рособоронэкспорт», 2025, С. 32–45

Что явилось новостью для воюющих сторон, хотя еще в начале века уже было ясно значение накопленных государством и общество запасов на случай войны[742].

При подготовке нового государственного оборонного заказа (ГОЗ)[743], например, этот вывод имеет огромное значение даже для работы ОПК в мирных условиях. Так, говоря о «долгих войнах», А.А. Свечин еще в 20-х гг. имел в виду, что «максимум стратегического напряжения …. может быть не раньше второго года войны».

Вместе с тем, очевидно, что в силу самых разных соображений Минобороны, например, воздержалось от заказа необходимых ВВСТ и боеприпасов до начала СВО, хотя даже Сирийская кампания показала, что расход боеприпасов (в частности, ракет ПВО и крупнокалиберных снарядов) значительно превышает темпы их производства[744].

Опыт СВО полностью подтверждает эту истину. К сожалению, со значительным опозданием потому, что исправление неверной точки зрения в военной политике и военном строительство прямо и негативно отразилось на ходе СВО. Даже сегодня, возрождая программы (например, подготовки кадров), мы можем рассчитывать, что искомый результат получится только через 5–7 лет[745].

---

[742] Подберёзкин А.И. Западная коалиция и Россия: проблема соотношения ресурсов в 2024-2025 годах / Обозреватель, 2024, ноябрь-декабрь, №6 (407), – С.18–34.

[743] ГОЗ - государственный оборонный заказ - установленные нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации задания на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных нужд в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также поставки продукции в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации (Федеральный закон от 29.12.2012 N 275-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О государственном оборонном заказе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025 г.).

[744] Подберезкин А.И. Современная стратегия национальной безопасности: монография – М.: Издательский дом «Международные отношения», 2023. – 1594 с.

[745] Подберёзкин А.И., Тупик Г.В. Современные средства и меры военной политики и их влияние на развитие государственной и военной стратегии. В сб.: Развитие теории и практики военной стратегии. М.: ВАГШ, 2024, – С. 20–59.

2.13. Социальная безопасность как основа поступательного развития России в XXI веке

Трансформационные изменения, происходящие во всех сферах жизнедеятельности российского общества в условиях кризисного развития и санкционной политики, способствуют усилению неопределённости общественного развития, ломке старых стереотипов и формированию новых социальных интересов, ценностей и норм, активизации социостратификационных и демографических тенденций и перемен, влияющих на социальное развитие общества.

Эти изменения неизбежно сопровождают многочисленные социальные риски, опасности и угрозы, активно воздействующие на обеспечение национальной безопасности государства, важным элементом которой является социальная безопасность. Приоритетной ценностью людей становится желание обезопасить себя и близких от возникающих социальных рисков через обеспечение социальной безопасности, минимизирующей значительные институциональные среды риска в условиях цифровизации общества[746]. В этих условиях активизируется внимание учёных к исследованию понятийного аппарата социальной безопасности, выявлению механизмов и технологий её обеспечения.

В российской социологической традиции проблема социальной безопасности получает разработку во второй половине 80-х годов XX века на фоне трансформаций постсоветского общества. В работах ученых ИСПИ РАН, а также в трудах В.В. Барабина, Н.П. Ващекина, Ю.И. Дерюгина, М.И. Дзлиева, В.Н. Кузнецова, В.В. Серебрянникова, С.А. Тюшкевича, исследовались следующие направления социогуманитарного профиля:

– определялись сущностные характерные особенности, закономерности развития, цели и задачи социальной безопасности;

– анализировались социальные риски, вызовы, опасности и угрозы функционированию российского общества в новых исторических условиях;

– выявлялись и рассматривались концептуальные положения стратегии сохранения и развития социального функционала государства в рамках национальной безопасности страны,

– рассматривались социокультурные аспекты обеспечения социальной безопасности в рамках ценностно-смыслового регулирования общественных отношений в социуме.

Специфика предметной области исследований, комплексный и всеобщий характер рассматриваемой категории, многообразие её объектной иерархической принадлежности обуславливают различные подходы к определению самого понятия «социальная безопасность».

[746] Кузнецов В.Н. Социология безопасности. – М.: Университет, 2009.

Выделяются следующие основные позиции:

– данное понятие связывается с «защитой и организацией условий по предотвращению или ликвидации угроз, возникающих вследствие появления дисфункций в ее экономической, социальной, политической, военной и технической подсистемах»[747];

– взаимодействием личности, государства и общества по эффективному функционированию основных социальных институтов, обеспечивающих безопасное развитие социума[748];

– состоянием социальной сферы, позволяющим обеспечивать ее устойчивость, оптимальное удовлетворение потребностей и достойное качество жизни граждан, создавать условия для развития личности[749];

– способом функционирования социальной системы в процессе взаимодействия ее структурных составляющих»[750].

Имеют место также подходы, рассматривающие социальную безопасность с точки зрения масштабирования её уровней: глобального (цивилизационного), странового (национального), регионального (территориального), ведомственного (отраслевого), хозяйствующего субъекта (организации), социальной группы (страты), личности (индивида).

Существует точка зрения, отрицающая выделение социальной безопасности в отдельный элемент системы национальной безопасности и предлагающая использовать вместо этого такие понятия как: «социально-экономическая», «социально-политическая», «социально-экологическая безопасность» или ассоциирующая понятие «социальная безопасность» с понятием «социальное обеспечение», поскольку, решение проблем обеспечения социальной безопасности, предоставления материальной и иной помощи нуждающимся категориям граждан, является основополагающим аспектом обеспечения национальной безопасности[751].

В целом, анализ подходов к характеристике понятия «социальная безопасность» в современном научном дискурсе свидетельствует о комплексном и всеобщем характере рассматриваемой категории как неотъемлемом условии самого её существования и укрепления системных, структурных и нормативных эффектов социальной реальности.

---

[747] Ващекин Н.П., Дзлиев М.И., Урсул А.Д. Безопасность и устойчивое развитие России. М., 1998. С.110–111, 117.

[748] Черникова С.А., Черданцев В.П., Вшивкова Г.А. Современные проблемы социальной безопасности // Фундаментальные исследования. 2015. № 11. С. 836–838.

[749] Социальная безопасность и защита человека в современном российском социуме: монография / К.А. Антипьев [и др.]; под общ. ред. З.П. Замараевой. - М.: Дашков и К0, 2022. – 272 с.

[750] Самыгин С.И., Верещагина А.В., Печкуров И.В. Социальная безопасность России в условиях информационной реальности: монография. – М.: РУСАЙНС, 2016. – 156 с.

[751] Рейтер Е.А. Социальная безопасность и качество жизни. - М.: Изд-во МФПУ «Синергия». 2016.

Нам представляется наиболее продуктивным выделение социальной безопасности как особого, многоуровнего феномена жизнедеятельности социума, при котором обеспечивается сохранение целостности, устойчивости и жизнеспособности социальной системы, эффективное функционирование всех основных социальных институтов общества и государства.

Социальная безопасность выступает важным элементом системы национальной безопасности, обеспечивающим «эффективное функционирование социальной сферы, предотвращение деструктивных явлений и процессов, сохранение и развитие условий, средств и способов социализации человека, соблюдение в обществе и государстве его образа жизни, благосостояния, неотъемлемых прав и свобод, духовно-нравственных ценностей»[752].

Данное понятие приобретает категориальный смысл, поскольку отражает характер и содержание жизнеспособности основных социальных институтов, их существенные, закономерные связи и отношения в условиях взаимодействия общества, государства и личности, позволяет рассматривать социальную безопасность как рациональное состояние, подлежащее объективации, способствует выработке эффективных и действенных механизмов и технологий преодоления существующих для государства, общества и человека многочисленных рисков, опасностей и угроз, развитию свободы и подъему творческой инициативы граждан, возвышению международного авторитета страны.

Рассмотрение социальной безопасности как особого, многоуровнего феномена жизнедеятельности социума позволяет исследовать данное явление с позиций философского, социологического, политологического, психологического, культурологического анализа и представлять социальную безопасность как своего рода системообразующий тип современного общественного развития.

Центральным звеном обеспечения социальной безопасности выступает социальная сфера, представляющая собой целостную, постоянно трансформирующуюся подсистему общества, связанную с объективной потребностью по непрерывному воспроизводству, развитию и самореализации личности во взаимодействии с другими субъектами социального процесса.

Социальная сфера обеспечивает создание и развитие человеческого потенциала, реализацию творческих возможностей личности, гармоничное существование и развитие системы «природа-общество-человек»[753].

---

[752] Маргулян Я.А. Основы социальной безопасности населения России: Учебное пособие – СПб.: СПбГЭУ, 2018. С.19.

[753] Суркова С.А., Кунгурцева Г.Н. Теоретико-методологические аспекты выявления сущности социальной сферы //Журнал экономической теории. 2008, № 4. С. 85-96.

В данной сфере жизнедеятельности общества обретает смысл социальная политика государства, реализуются социальные и гражданские права человека, обеспечивается качество жизни граждан, удовлетворяются жизненно важные интересы и потребности граждан в социальной защите и социальном обеспечении, происходит развитие, совершенствование взаимодействующих общественных групп и индивидов. Основными целями реализации социальной безопасности в стране выступают:

– обеспечение принципов социальной справедливости, прочного гражданского мира, основанного на свободе, равенстве возможностей и солидарности людей;

– снижение социального неравенства людей и поддержание высокого качества жизни граждан;

– сохранение и развитие человеческого капитала, позволяющего создавать условия для проявления творческого потенциала личности, её профессионального роста и обучения в течение всей жизни;

– обеспечение в настоящем и будущем устойчивого социально-экономического развития страны во имя общего блага народа и каждой личности[754].

Правовое обоснование социальной безопасности заложено в Конституции Российской Федерации (статья 7), определяющей Российскую Федерацию как социальное государство, деятельность которого направлена на создание условий по обеспечению достойной жизни и свободного развития человека. Особую роль в обеспечении устойчивого развития российского общества играет Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, в которой определяются национальные интересы государства в социальной сфере, раскрываются социальные риски, опасности и угрозы российскому обществу, обосновываются цели социальной безопасности, направленные на обеспечение сбережения народа России и развитие человеческого потенциала[755].

Уровень и состояние социальной безопасности зависят от социальной сферы жизнедеятельности, связанной с развитием социальной структуры общества, характером взаимодействия социальных групп, слоев, всего общественного организма, трансформацией социальных интересов, ценностей, норм и отношений, качеством социальной инфраструктуры, образом жизни людей.

---

[754] Маргулян Я.А., Савельева О.В. Технологии обеспечения социальной безопасности российского общества / Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2009, № 3(24) С. 108–119.

[755] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / Официальный сайт Президента Российской Федерации – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 15.07.2025). – Текст : электронный.

Объектом социальной безопасности выступает социальная инфраструктура общества и социализация индивидов. Социальная инфраструктура включает системы жизнеобеспечения людей жильем, объектами образования и воспитания, медицинского обслуживания, обеспечения транспортом и связью, продуктами питания и водой, информацией и массовой коммуникацией, спортом и отдыхом, бытовым и социальным обслуживанием и т.д.

Важнейшее место в обеспечении социальной безопасности населения принадлежит социальной защите как системе управления обеспечением качественных параметров жизнедеятельности граждан, соблюдения их социально-экономических прав и гарантий, справедливого удовлетворения социальных потребностей, нормального функционирования и решения жизненно важных проблем.

Функционирование современной социальной системы общества непосредственно связано с регулированием отношений между людьми, их коммуникациями, разработкой всех видов защитных средств социальной жизнедеятельности, обеспечением социализации личности в социуме, выработкой политическими элитами своей социальной политики и стратегии для социальных преобразований.

Выделяются следующие закономерности обеспечения социальной безопасности в современных условиях:

– объективная востребованность и высокая значимость института социальной безопасности, позволяющая обеспечивать решение социальных проблем личности, качество ее жизни, совершенствовать права и свободы;

– масштабирование количественных и качественных параметров социальных рисков, опасностей и угроз в соответствии с расширением и усложнением организации общества и его дифференциацией;

– системный характер и взаимосвязь интересов личности, общества и государства по обеспечению своей социальной безопасности;

– зависимость состояния и уровня социальной безопасности от конкретных обстоятельств жизнедеятельности социальных групп, слоев и индивидов;

– соотносимость уровня социальной безопасности с реальными возможностями по ее обеспечению.

Социальную безопасность следует рассматривать в широком и узком смысле. В широком понимании социальная безопасность представляет собой систему мер и гарантий, обеспечивающих устойчивое развитие и защиту личности, общества и государства от внутренних и внешних опасностей и угроз в различных сферах жизнедеятельности.

В узком понимании – это безопасность особой сферы жизни общества, сферы обеспечения высокого качества жизни народа посредством минимизации социальных рисков, вызовов, опасностей и угроз.

Такое исследование позволяет глубже детализировать процесс изучения многослойной социальной области жизнедеятельности социума, обосновывать компоненты внутренней устойчивости государства, общества и социальной защищенности личности, разрабатывать комплексные целевые социальные программы, определяющие стратегические приоритеты, направления и механизмы социальных преобразований по обеспечению безопасности российского общества, особенно в кризисных условиях его существования.

Структурными компонентами социальной безопасности выступают:

– высокое качество жизни населения;

– оптимальная стратификация общества по уровню благосостояния и половозрастным группам;

– наличие многочисленного «среднего класса», выполняющего стабилизирующую роль в социальном взаимодействии и устойчивом развитии;

– соблюдение прав и свобод граждан;

– трудовая занятость и мобильность населения;

– эффективная миграционная политика;

– высокая рождаемость и средняя продолжительность жизни в стране, обеспечивающие прирост населения;

– квалифицированные трудовые ресурсы, обладающие высокой профессиональной мотивацией к производительной деятельности;

– стабильность института семьи;

– развитие институтов гражданского общества;

– уровень социального обеспечения и социального страхования;

– устойчивость и эффективность функционирования системы социальной защиты населения, её способность к системному саморегулированию, развитию и совершенствованию;

– высокий духовный, нравственный и творческий потенциал населения[756].

Выделяются следующие уровни функционирования социальной безопасности:

– микроуровень социальной безопасности, который характеризуется поддержанием высокого качества жизни граждан, обеспечением их прав и свобод;

– макроуровень – на котором обеспечивается сохранение ценностных основ общества;

– мегауровень – взаимодействие с национальной безопасностью, направленной на соблюдение баланса на первом и втором уровнях.

[756] Маргулян Я.А. Основы социального государства. - М.: Издательство Юрайт, 2016. - 138 с.

Социальная безопасность – явление измеряемое. С позиции институционального подхода выделяются демографические, духовно-нравственные, социально-стратификационные, социально-экономические, социально-правовые и социально-политические критерии социальной безопасности, которые отражают состояние и тенденции развития таких базовых социальных институтов, как семья, образование, культура, экономика, политика и право[757].

В соответствии с данными критериями система социальной безопасности оценивается по ее способности: своевременного разрешения социальных конфликтов и не допущения возникновения ситуации социального взрыва на всех уровнях функционирования социума; контроля предотвращения деформации социальных институтов общества; обеспечения стабильности и устойчивости социальной структуры общества, развития вертикальной и горизонтальной социальной мобильности населения; поддержания и развитие системы ценностных ориентаций и культуры общества, нравственного и творческого потенциала граждан.

За последние годы спектр внимания в рамках развития социологического знания смещается от концептуально-описательной парадигмы исследования социальных опасностей и угроз к прогностико-управленческой, позволяющей не только ограничиваться «вторичной рационализацией» уже произошедших ранее трансформаций, но и ориентироваться на предвидение и проектирование социальных последствий[758].

Такой подход позволяет в полной мере сочетать коренные, жизненно важные национальные интересы с проблемами текущего, ближнесрочного и среднесрочного планирования и прогнозирования изменения социальных процессов как на региональном, так и на федеральном уровнях страны.

В условиях усиления нестабильности и политического противоборства, роста этнических и межконфессиональных войн и военных конфликтов, дестабилизации экономических систем, санкционной политики западных государств, важное значение приобретает анализ возникающих социальных рисков, опасностей и угроз, обоснование механизмов их мониторинга и управления, основанных не на статистической ретроспективе, а на социокультурной рефлексии. Особую роль здесь играет исследование рисков, опасностей и угроз, оказывающих деструктивное воздействие на человека, его самосознание в контексте восприятия угроз своей безопасности.

---

[757] Чумак И.А. Социальная безопасность как индикатор национальной безопасности современной России: автореферат дисс. ...канд. полит. наук. – Пятигорск, 2013. – 32. с.

[758] Максимов В.В. Социально-демографические факторы трансформации идентичности молодежи в условиях становления цифровой экономики: дисс. … канд. социол. наук: 5.4.2. / В.В. Максимов. – Москва, 2022. – 191с.

Уровень социальной напряжённости как обобщенный эмпирический индикатор нестабильной ситуации в обществе, его оценка и проектирование включают определение характера и содержания рисков, опасностей и угроз, возникающих внутри социальной сферы.

К их числу относятся:

– падение реальных доходов населения и углубление социостратификационной дифференциации общества;

– сложная социально-демографическая ситуация в обществе;

– трансформация рынка труда, замедление социальной мобильности российских граждан, особенно молодежи;

– состояние здоровья россиян и проблемы с получением медицинской помощи;

– несоответствие образовательного и научно-технологического уровней потребностям инновационного развития российского общества;

– затрудненный доступ к социальной инфраструктуре в условиях коммерциализации образования и здравоохранения;

– трансформация мировоззренческих взглядов и идеалов в сфере духовно-нравственного развития.

Падение реальных доходов населения и рост бедности превращаются в долгосрочный тренд социального развития страны, поскольку ухудшают не только социальной положение и качество жизни граждан, но и негативно сказываются на перспективах развития экономики, приводят к политической нестабильности и ослаблению доверия к институтам политической власти.

Сохраняется высокий уровень социостратификационной дифференциации общества, вызванный полярным расслоением общества по владению собственностью и доходам населения, возможностями осуществления самостоятельной коммерческой деятельности, углублением соотношения богатства и бедности, реализации социально-профессиональных видов деятельности, доступностью к объектам социальной инфраструктуры, различиями качества и условий жизнедеятельности, которые усиливаются региональными диспропорциями и территориальным неравенством.

По данным Росстата коэффициент Джини (индикатор, отражающий неравномерность распределения доходов граждан) вырос в 2024 году до 0,408 против 0,405 в 2023-м (или с 40,5 до 40,8 %). Кроме этого, увеличился коэффициент фондов, отражающий разрыв между 10 % населения с самыми высокими доходами и 10 % населения с самыми низкими: теперь они различаются в 15,1 против 14,8 раза год назад[759].

[759] Росстат «Социально-экономическое положение России» – URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2025/03/10/67c96f139a794702ed62e69a (дата обращения: 02.08.2025). – Текст : электронный.

Остаются на достаточно высоком уровне диспропорции дифференциации трудовых доходов, когда доминирующее значение в оплате труда приобретает не уровень образования, квалификации, опыт работы, а финансовое состояние предприятия, сектор экономики, регион, в котором осуществляется трудовая деятельность. Достаточно медленно происходит снижение количества «работающих бедных», к числу которых относятся высококвалифицированные кадры, обеспечивающие функционирование фундаментальных социальных институтов общества: работники государственных систем образования, здравоохранения, культуры, госслужащие среднего и низшего звеньев.

Определённые изменения происходят в качественном составе среднего класса. Его прибавление осуществляется в основном за счет специалистов, занимающимися информационными технологиями (IT-сфере), работников в сферах с активным импортозамещением, гособоронзаказом, строителей, а также семей участников специальной военной операции (СВО). Вместе с тем, снижение темпов экономического развития приводят к замедлению темпов становления среднего класса, выступающего основой стабильности и порядка любого общественного устройства. Происходит увеличение групп «социального риска», включающих социально незащищенные слои населения, активно пополняемые неполными и многодетными семьями. Глубокая социальная дифференциация общества не только усиливает социальное напряжение, но и негативно влияет на интеллектуальное развитие работников, приводит к «утечке мозгов» за границу.

Сложная социально-демографическая ситуация в обществе связана с сохранением процесса депопуляции. За последние годы в стране осуществляется комплексная программа улучшения демографической ситуации, направленная на формирование в долгосрочной перспективе желательного режима воспроизводства населения. Вместе с тем, сохраняется процесс естественной убыли населения, связанный со снижением рождаемости и увеличением смертности, низкими показателями увеличения продолжительности жизни, спецификой брачности и разводимости (таблица 5).

Таблица 5.

Показатели естественной убыли населения России (млн. чел.)

Годы	**Рождаемость**	**Смертность**
2020	1,435	2,124
2021	1,432	2,445
2022	1,306	1,905
2023	1,264	1,760
2024	1,222	1,818

Естественная убыль населения в стране по итогам 2024 года составила 596,2 тыс. чел. Данный показатель увеличился по сравнению с 2023 годом на 20,4 %. Происходит не только увеличение смертности с 1,760 тыс. чел. в 2023 году до 1,818 тыс. чел. в 2024 году, но и сокращение числа родившихся детей на 3,4 % – до 1,222 млн с 1,264 млн в 2023 году. Сохраняется тенденция снижения коэффициента рождаемости, составляющим 1,4 рождения на одну женщину. Это самый низкий показатель за последние 18 лет (для простого воспроизводства населения необходимо достичь показателя 2,1)[760].

Значительные проблемы остаются в институте семьи, испытывающей сегодня влияние множества экономических, политических, социальных, психических, культурно-исторических факторов. Среди главных причин: отсутствие стабильности, уверенности в благополучном будущем, инфляция, низкий уровень жизни, последствия демографических изменений.

Социально-демографическая ситуация усугубляется проблемами регионального экономического развития, снижением возможностей финансирования демографических проектов, особенностями реализации стратегических целей и задач социальной политики на федеральном и региональном уровнях, ухудшением обеспечения действенной медицинской помощи населению, проводимой экологической политикой в регионах.

В условиях крупномасштабной структурной перестройки российской экономики, проведения СВО, санкционного давления западных государств происходят значительные изменения на рынке труда. Данные преобразования связаны с укреплением военно-промышленного комплекса, развитием новых высокотехнологических отраслей, куда происходит определённый переток рабочей силы, закрытием или снижением деятельности отдельных корпораций, предприятий, фирм и учреждений.

Происходит изменение структуры и формы занятости, дифференциация персонала на предприятиях, формирование внутренних рынков труда, активизация роли профессиональных знаний и компетенций работников. Вместе с тем, остаётся достаточно низкой социальная мобильность российских граждан, что приводит к замедлению процесса перетока рабочей силы из «простаивающих» отраслей в динамично развивающиеся, инновационные сферы. Продолжается переезд молодежи из сельской местности для получения профессионального образования в крупные города, что значительно снижает не только научно-технологический потенциал регионов, но и негативно влияет на социально-демографическую ситуацию и репродуктивное поведение населения.

[760]Как изменилось количество россиян к 2024 году: данные Росстата – URL: https://journal.sovcombank.ru/zhizn/naseleniye-rossii-dannie-rosstata (дата обращения: 12.07.2025). – Текст : электронный.

К числу основных факторов, негативно влияющих на социальную мобильность населения относятся: недостаточные финансовые инвестиции для осуществления структурных изменений экономики, отсутствие комплексной программы регулирования рынка труда и занятости населения, кризис системы образования, многообразные миграционные процессы, углубление социального неравенства, социальная аномия (разрушение одной ценностно-нормативной системы и несформированность другой) и социальная депривация (ограничение, либо лишение доступа к материальным и духовным ресурсам, возможностям, необходимым для удовлетворения основных жизненных потребностей индивидов или групп).

Значительное число рискогенных факторов связаны с состоянием здоровья россиян и получением медицинской помощи. За последние годы активизировалось строительство крупных федеральных и региональных медицинских центров и госпиталей, обеспеченных современной высокотехнологической аппаратурой, активно развивается система образования медицинских кадров.

Реализация национального проекта «Здравоохранение» позволило снизить младенческую и материнскую смертность, активизировать внедрение онкологической помощи через использование инновационных методов лечения и раннюю диагностику, снизить зависимость от импорта лекарственных препаратов, активизировать систему цифровизации здравоохранения, расширить программы диспансеризации населения, развивать систему паллиативной помощи, открывать новые реабилитационные центры. Сохраняются значительные проблемы и трудности в развитии российского здравоохранения.

К их числу относятся:

– многолетнее недофинансирование медицинской отрасли;

– оптимизация системы здравоохранения, выразившаяся в сокращении медицинского персонала и коечного фонда;

– многократное увеличение платных услуг населению и фактическое снижение бесплатной медицинской помощи;

– невысокий уровень заработной платы медицинских работников;

– снижение качества подготовки медицинского персонала, нехватка квалифицированных специалистов;

– сложное положение с обеспечением населения лекарственными препаратами, связанное с их недостаточным производством и массовым «вымыванием» дешёвых лекарственных препаратов с прилавков аптек практически во всех регионах России.

Сохраняется несоответствие образовательного и научно-технологического уровней потребностям инновационного развития российского общества. Многолетние попытки модернизации российского образования не приносят заметных улучшений.

К числу ключевых проблем, затрудняющих интеллектуальное и научно-технологическое развитие общества, относятся:

– недостаточный уровень финансирования образовательных и научных проектов;

–уменьшение инвестиций в человеческий капитал;

– нехватка квалифицированных кадров, способных эффективно работать в новых условиях;

– сокращение масштабов академической мобильности;

– несоответствие подготовки квалифицированных специалистов требованиям современного рынка труда;

– отсутствие комплексной системы непрерывного образования;

– усиление дифференциации качества подготовки школьников и студентов;

– бюрократизация научной и образовательной деятельности, неэффективность мотивационных механизмов её организации.

Для преодоления существующих негативных тенденций в образовательной сфере акцентируется внимание на укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, развитие патриотизма и гражданственности, усиление компетентностного подхода, позволяющего расширять не только теоретическую подготовку, но и развивать практические навыки обучающихся учеников, востребованные на современном рынке труда.

В настоящее время получает распространение персонализированное обучение, способствующее созданию индивидуальных образовательных технологий для каждого ученика, взаимопроникновение учебных сред, мультимодальная педагогика, обучение через вызов, предпринимательское образование, педагогика с использованием искусственного интеллекта и педагогика заботы о студентах.

В системе высшего образования происходит переход от Болонской системы образования на национальную модель обучения студентов. Реализуется национальный проект «Наука и университеты», направленный на повышение уровня профессиональной подготовки специалистов, снижение дисбалансов предлагаемых образовательных услуг и потребностей рынка труда, создание условий для развития талантов и профессионального роста научных, инженерных и предпринимательских кадров, распространению лучших образцов инновационной образовательной деятельности.

Для повышения эффективности государственной научно-технической политики разработана и утверждена Стратегия научно-технологического развития Российского государства, определяющая механизмы взаимодействия образования, науки, технологий и производства, создание благоприятных условий для технологического прорыва российской науки.

Кроме этого Стратегия определяет организацию системы трансфера технологий, управления интеллектуальной собственностью, развитие передовых инженерных школ, опытно-конструкторских производств и студенческих конструкторских бюро в целях обеспечения быстрого перехода к стадии практического применения результатов научных исследований; привлечение к научной деятельности талантливой молодежи, построения их успешной карьеры в области науки, технологий и технологического предпринимательства, вовлечение научных и образовательных организаций в технологическое обновление отраслей экономики, расширение сети научных установок (в том числе класса «мегасайенс») и центров экспериментального производства, инжиниринга, прототипирования, создание новых материалов и химических соединений, результатов обработки больших объемов данных, технологий машинного обучения и искусственного интеллекта.[761].

Пространство сетевой коммуникации, взаимодействуя с традиционными социальными институтами и практиками, определяет их трансформацию и генерирует новые риски и угрозы, связанные с расширением масштабов цифрового неравенства общества, снижением социальной защищённости граждан, противоправными действиями сетевых структур, которые проявляются в качестве кибермошеничества, кибертерроризма, распространения и пропаганды идеологий насилия, использования технологий социальной инженерии в целях манипуляции сознанием и поведением человека, влияющих на формирование девиаций, ухудшением прозрачности частной жизни, изменениями в психике и моделях поведения людей.

Свойства социальной сети и нерациональное использование сетевых коммуникативных технологий усиливают риск дезориентации человека в сетевом коммуникативном пространстве. Поэтому на первый план выдвигаются риски, продуцируемые человеческой деятельностью: контентные, коммуникационные и потребительские.

Сетевые угрозы социальной безопасности в отличие от сетевых рисков связаны с неправомерными действиями по разглашению и искажению информации, низким уровнем информационно-технической защиты инфраструктуры.

Многочисленные работы, посвящённые анализу влияния цифровизации на развитие современного общества позволяют выделить информационно-технологические и социальные виды рисков негативного воздействия сетевой коммуникации на личность и общество (таблица 6).

[761] Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» / Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358 (дата обращения: 11.08.2025). – Текст : электронный.

Таблица 6.

Виды рисков негативного воздействия сетевой коммуникации на личность и общество

Виды рисков	**Содержательные характеристики рисков**	**Объекты воздействия**
Технико-экономические	– риски эксплуатации технических систем, связанные с моральным старением оборудования, распространением проблемных инноваций; – монопольное использование новых технологий; – риски утраты конкурентоспособности хозяйствующими субъектами; – промышленный шпионаж, кибероружие; – разглашение коммерческой тайны; – риски несанкционированного физического проникновения злоумышленников, вандализма.	Бизнес-структуры, государственные предприятия и учреждения, органы государственной власти
Информационно-технологические	– риски утечки информации; – манипулирование данными, использование искажённой информации; – риски скрытого использования информационных ресурсов; – нарушение процессов получения, переработки и хранения информации; – внешнее воздействие на информационную инфраструктуру, использование вредоносных программ и ресурсов; – интернет-пиратство и нарушение авторских прав.	Личность, социальные группы, бизнес-структуры, органы государственной власти, институты гражданского общества
Социальные	– расширение масштабов цифрового неравенства; – развитие диспропорций на рынке труда, приводящих к росту безработицы; – снижение уровня защиты персональных данных граждан и прозрачности частной жизни; – виртуализация действительности и формирование клиповости сознания личности; – изменения в психике и моделях поведения людей (формирование «цифровой личности», компьютерная зависимость); – доступ детей и подростков к опасной информации и контактам; – создание олигополий на рынке информации и их влияние на общественное мнение	Личность, социальные группы, социальные институты общества

К числу важнейших сетевых угроз социальной безопасности относится расширение масштабов цифрового неравенства, негативными последствиями которых являются:

– социальная поляризации населения на противоположные страты по уровню получения и использования разнообразных информационных услуг;

– трансформация социальной структуры общества, приобретающей «сетевой» характер;

– усиление социальной напряженности на рынке труда среди возрастного населения в связи с сокращением низко- и среднеквалифицированных рабочих мест;

– увеличение в социальных группах населения состояния цифровой эксклюзии, связанной с наличием или отсутствием средств для покупки компьютерной техники и подключения к Интернету;

– неравенством использования цифровых возможностей городским и сельским населением.

Значительное влияние на уровень и состояние социальной безопасности в условиях сетевого коммуникативного пространства оказывают риски и угрозы манипулирования сознанием и поведением людей, а также противоправная деятельность преступных сетевых сообществ (киберпреступники, кибертеррористы, кибермошенники), направленные на трансформацию ценностных ориентаций личности, её сознание, мышление и в целом психическое здоровье и поведение человека.

Сложная социально-экономическая обстановка, низкий уровень жизни, отсутствие политической стабильности и этнонациональные конфликты способствовали активизации роста миграционных потоков на территорию России. Социальные риски, возникающие в результате массовой трудовой миграции сопровождаются неготовностью государства в полной мере контролировать данные процессы, разрастанием теневого бизнеса и коррупции, формированием особой мигрантской маргинальной прослойки, состоящей в основном из сельского населения, молодёжи, подростков и дестабилизирующей местные рынки труда, ростом протестной активности со стороны принимающего населения, созданием и политизацией этнических диаспор на территории ряда регионов страны.

Усиливаются риски дестабилизации политической ситуации, связанные со столкновением социально-политических интересов и вызывающих обострение межэтнической напряжённости между мигрантами и коренным населением.

Возрастание экономических рисков обусловлено усилением конкуренции на региональных рынках труда, снижением стоимости рабочей силы, ухудшением характера и содержания труда, теневой занятостью, увеличением государственных расходов на социальное содержание мигрантов.

Получают распространение асоциальные явления, межнациональные конфликты, связанные с стрессогенным воздействием новой культуры, с которой сталкиваются мигранты в результате географического передвижения, непониманием необходимости жизни в поликультурной среде, неприятием людьми друг друга, неумением и нежеланием значительной части мигрантов адаптироваться в новой этнокультурной среде, трансформацией этнической идентичности у различных поколений мигрантов. Миграционные проблемы усиливаются несовершенством миграционного законодательства, отсутствием комплексной миграционной политики, негативно влияющих на экономические, политические, социальные и духовно-нравственные процессы, уровень и состояние национальной безопасности российского общества.

Глубокие социально-экономические, политические, социальные, духовно-нравственные трансформации, происходящие в России за последние десятилетия, оказали значительное влияние на общественное сознание и духовно-нравственные основы российского социума. Данные трансформации характеризуются интенсивным влиянием цифровых медиа, в результате воздействия которых происходит размывание традиционных российских духовных ценностей и ослабление единства многонационального народа, формируется эклектичная мозаичная культура, сотканная из целого ряда самых разнообразных ценностно-нормативных, идеологических, эстетических и иных систем[762].

Медленно и недостаточно эффективно осуществляется социализация молодежи, её духовно-нравственное и патриотическое воспитание. Ценности новых политических элит не превратились в ценности массового сознания, что приводит к снижению политической и социальной активности населения. Отрицательно сказываются на духовно-нравственном развитии общества скудное финансирование институтов культуры и искусства из государственного бюджета, неумение их адаптироваться к современным рыночным условиям, полное или частичное перепрофилирование.

Девальвация духовных ценностей общества влечёт за собой следующие риски: усиление состояния социальной аномии, заполняющейся псевдоидеалами потребительского общества, подрыв доверия к социальным институтам государства и дискредитации служения Отечеству, расширение масштабов социокультурного расслоения и создание условий для саморазрушения социальных связей и коммуникаций, разрушение исторической памяти и отрицание российской самобытности, рост индивидуализма и пренебрежения к правам других людей.

[762] Коршунова С.А. Современная студенческая молодёжь как носитель человеческого капитала в цифровом обществе //Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. 2023. №18 (20). С.32–38.

В новых исторических условиях значительно возрастает роль государственных органов управления в проведении курса экономических и социальных реформ, преодолении допущенных ошибок и перекосов, создании и проведении научно обоснованной социальной политики, направленной на повышение качества жизни российских граждан, решение демографических проблем, осуществление поддержки социально незащищенных слоёв населения.

Именно государство должно обеспечивать населению социальные гарантии безопасности при помощи и поддержки институтов гражданского общества.

В наиболее общем виде к числу приоритетных направлений укрепления социальной безопасности российского общества в современных условиях относятся:

– обеспечение принципов социальной справедливости, прочного гражданского мира, основанного на свободе, равенстве возможностей и солидарности людей;

– повышение уровня жизни граждан, обеспечение роста денежных доходов и снижение социальной дифференциации различных групп и слоёв населения путём гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспечения;

– реализация целей и задач национального проекта «Семья» через оказание помощи и поддержки многодетным семьям и семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, расширение перечня выплат, льгот и социальных гарантий, обеспечивающих доступ к качественному образованию и медицинским услугам для всех членов семьи, развитие программ социальной адаптации;

– развития национальной инновационной системы и инвестиций в человеческий капитал, позволяющей совершенствовать творческий потенциал личности, её профессиональный рост и обучение в течение всей жизни;

– реализация программ государственной поддержки при покупке или строительстве жилья, направленных на помощь молодым семьям в решении жилищного вопроса;

– инвестиции в систему образования, профессиональную переподготовку и развитие интеллектуального потенциала молодёжи;

– увеличение финансирования строительства и функционирования инфраструктурных объектов (детских садов, школ, студенческих кампусов университетов, объектов здравоохранения, железных и автомобильных дорог и др.);

– улучшение инфраструктуры в малых городах и сельской местности, создание комфортных условий для жизни и работы, сокращение социального и экономического дисбаланса между российскими регионами;

– реформирование системы социального обслуживания, направленное на совершенствование качества и доступности предоставляемых населению социальных услуг, персонифицирование финансирования, профессионализацию специалистов;

– развитие системы инклюзивного подхода и интеграции людей с ограниченными возможностями в социальной защите и образовательной системе;

– восстановление и развитие социальной инфраструктуры новых регионов, вошедших в состав Российской Федерации;

– социальная, медицинская, образовательная, психологическая и юридическая поддержка участников СВО и их семей;

– активное вовлечение НКО и волонтеров в решение социальных проблем, в том числе социальную и психологическую реабилитацию уязвимых групп;

– расширение масштабов цифровизации социальной сферы (оцифрованности процессов, применения технологий искусственного интеллекта, автоматизации рутинных и интеллектуальных процессов в организации, прозрачной отчетности, хранения информации);

– совершенствование деятельности по оптимизации работы государственных учреждений и институтов гражданского общества по социальной защите наиболее уязвимых слоёв населения, решению социально-демографических проблем, связанных с рождаемостью, сокращением численности населения, старением населения и сокращением трудовых ресурсов;

– укрепление системного взаимодействия научных учреждений и бизнес-структур, увеличение доли частного финансирования проектов в сфере науки, образования, здравоохранения и культуры;

– создание действенных механизмов восстановления духовно-нравственного потенциала общества и укрепления его ценностных ориентаций во взаимодействии с системой духовного и патриотического воспитания.

Таким образом, социальная безопасность выступает как важный компонент системы национальной безопасности, обеспечивающей защищенность жизненно важных интересов личности, семьи и общества от внутренних и внешних социальных рисков, опасностей и угроз. Активизация социальной политики по повышению качества жизни граждан страны позволит своевременно выявлять, предотвращать и минимизировать риски и угрозы социальной безопасности, организовывать системный рост человеческого капитала, укреплять социальную защиту наименее обеспеченных слоев населения, повышать эффективность политической и экономической системы общества.

2.14. Общественная безопасность и ее роль в обеспечении национальной безопасности России

Значение и роль общественной безопасности в развитии государства трудно переоценить, так как она напрямую обращена к защите жизни, здоровья, прав и свобод российского гражданина, что закреплено в Конституции Российской Федерации.

Кроме этого, в Стратегии национальной безопасности России определено, что «обеспечение и защита национальных интересов Российской Федерации осуществляются за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества на реализации стратегических национальных приоритетов»[763], одним из которых является общественная безопасность.

В широком смысле общественная безопасность – это состояние защищенности граждан, общества и государства от угроз криминального характера, террористических проявлений и социальных конфликтов. В Концепции общественной безопасности России, под ней понимается «состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»[764].

Общественная безопасность тесно связана с национальной безопасностью. С одной стороны, нарушение общественной безопасности влечет за собой ослабление стабильности общества, приводит к социальной напряженности и создает условия для внутренних и внешних угроз. С другой стороны, необходимые условия для поддержания общественной безопасности создаются эффективным процессом обеспечения национальной безопасности. В свою очередь укрепление общественной безопасности способствует повышению уровня национальной безопасности.

Однако при несомненной взаимосвязи между общественной и национальной безопасностью есть и отличие. Оно состоит в том, что национальная безопасность связана с угрозами суверенитету, территориальной целостности и стратегическим интересам страны.

Общественная безопасность, по преимуществу, связана с обеспечением правопорядка, защиты жизни и здоровья граждан, предотвращением и ликвидацией чрезвычайных ситуаций, борьбой с преступностью внутри страны.

---

[763] Указ Президента РФ от 2.07.2021 г. №400 «О Стратегии национальной безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2021, № 27. ст.5351.

[764] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации / Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL : http://www.kremlin.ru/acts/news/19653 (дата обращения: 12.01.2026). – Текст : электронный.

Обеспечение общественной безопасности обусловливает не только соответствующий уровень национальной безопасности, но и поддержание глобальной безопасности, поскольку угрозы различного характера могут проявляться как внутри страны, так и за ее пределами.

Общественная безопасность включает в себя совокупность общественных отношений, которые направлены на обеспечение безопасных условий, необходимых для жизни, труда, отдыха, развития личности и подержание стабильности и правопорядка в обществе.

Соответственно этому содержание общественной безопасности составляет следующее:

– защита жизненно важных интересов личности и общества, состоящая в обеспечении прав и свобод граждан, сохранении материальных и духовных ценностей, поддержании социальной стабильности;

– предотвращение угроз, предполагающее противодействие преступным проявлениям: экстремизму и терроризму, коррупции, незаконному обороту наркотиков, оружия, незаконной миграции;

– снижение рисков, связанных с чрезвычайными ситуациями различного характера;

– поддержание общественного порядка, состоящее в создании условий для нормального функционирования всех сфер жизни человека и общества: инфраструктуры, транспорта, энергетики, социальных институтов;

– профилактика конфликтов, заключающееся в предотвращении социальных, межнациональных и межрелигиозных противоречий, которые могут привести к дестабилизации общественных отношений;

– обеспечение безопасности в техногенной и природной сферах, состоящее в снижении рисков аварий на промышленных объектах, радиационно опасных предприятиях и защите от стихийных бедствий.

Соответственно этому обеспечение общественной безопасности преследует определенные цели, суть которых заключается в:

– достижении и обеспечении необходимого уровня защищенности прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов организаций и общественных объединений, материальных и духовных ценностей общества от угроз криминальных посягательств;

– обеспечении должного уровня защищенности населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;

– сохранении гражданского мира, политической, экономической и социальной стабильности в обществе.

Это предопределяет задачи, связанные с обеспечением общественной безопасности. В их числе:

– оценка состояния общественной безопасности, прогнозирование его изменения, информирование государственных органов и общественности по данному вопросу;

– выявление и нейтрализация (устранение) источников угроз;

– разработка и реализация целевых программ, направленных на обеспечение общественной безопасности;

– совершенствование и поддержание должной готовности сил и средств обеспечения общественной безопасности, развитие систем оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации любого характера;

– укрепление правопорядка, предупреждение криминальных посягательств на материальные и духовные ценности общества. Системная работа по профилактике правонарушений и реагированию на факты их совершения.

Обеспечение общественной безопасности осуществляется в соответствии с определенными принципами, к числу которых относятся:

– приоритет соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина;

– законность, заключающаяся в том, что обеспечение общественной безопасности основывается на системе соответствующих нормативных правовых актов;

– системность и комплексность, заключающаяся в использовании системы политических, правовых, экономических, социальных, информационных и иных мер;

– превентивность, выражающаяся в приоритете предупредительных мер, раннем выявлении и устранении причин и условий возникновения различного вида угроз;

– взаимодействие всех уровней органов власти государственной власти, органов местного самоуправления, международных организаций, институтов гражданского общества.

Обеспечение общественной безопасности осуществляется на основе имеющейся правовой базы, куда входят: Конституция Российской Федерации, международные договоры России, федеральные конституционные законы, нормативные правовые акты Президента и Правительства Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты федеральных и региональных органов исполнительной власти, уставы муниципальных образований, ведомственные правовые акты и др. Анализ системы нормативных правовых актов, содержащих в себе нормы, связанные с регулированием и обеспечением общественной безопасности, показывает, что они находят отражение в различных отраслях права: в конституционном праве, трудовом праве, административном праве, уголовном, экологическом и др.[765].

[765] Феоктистов А.В., Зернов И.В. Эволюция развития законодательства о национальной безопасности в Российской Федерации // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023, Т.11. № 1. – URL : http://esj.pnzgu.ru (дата обращения 11.01.2026). – Текст : электронный.

Для обеспечения общественной безопасности государство располагает системой соответствующих органов, именуемых еу субъектами. К ним относятся государственные органы: МВД России, Генеральная прокуратура РФ, ФСБ России, ФСО России, Росгвардия, МЧС России, Минюст России и ФСИН России, Минприроды России, Минздрав России, Минтранс России, Минцифры России, Минэнерго России и др.

Значительный вклад в обеспечение общественной безопасности вносят органы местного самоуправления, институты гражданского общества, общественные организации и граждане. Эффективность обеспечения общественной безопасности в значительной мере зависит от взаимодействия всех субъектов, их активного участия в поддержании правопорядка и профилактике правонарушений.

Как отмечают специалисты, безопасность является объектом ряда групп правоотношений, складывающихся в области социальной деятельности и обеспечивающих усиленную защиту жизни и здоровья населения, собственности, окружающей среды и пр. при организации социальных процессов и управлении ими[766].

Российское государство осуществляет последовательную и систематическую работу по обеспечению общественной безопасности, однако в условиях современного противоборства России с коллективным Западом уровень внешних и внутренних угроз значительно увеличился. Характер и особенности этих угроз меняются с развитием технического прогресса, а также других обстоятельств.

«Концепция общественной безопасности в Российской Федерации» содержит в себе характеристики таких угроз. Их можно классифицировать следующим образом:

– неправомерные посягательства (правонарушения и преступления);

– разногласия общественные и международные (социальные конфликты);

– чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера.

Одной из основных угроз общественной безопасности Концепция считает угрозы криминального характера, связанные с появлением новых видов преступлений. Как свидетельствует вся история жизни человечества, развитие науки и техники влечет за собой не только прогресс, но и негатив в системе общественных отношений. Так на наших глазах угрозой общественной безопасности стали современные технические средства связи (телефоны, компьютеры), информационные сети и интернет-пространство, используемые в преступных целях. Это требует своевременной реакции государства по принятию мер, направленных на защиту от таких угроз.

[766] Безверхов А.Г., Норвартян Ю.С., Юдин А.В. Юридическая категория «безопасность» в публичном и частном праве. // Безопасность бизнеса. 2021, № 6. С. 9–14.

Развитие и проникновение современных технологий во все сферы государственной, общественной, личной жизни неизбежно влечет за собой зависимость всех протекающих здесь процессов от возможностей этих технологий, и с той же неизбежностью они включаются в противоправную деятельность[767]. Очевидно, что глобализация информационного пространства, развитие информационных технологий и коммуникативных связей в значительной степени понизили уровень защищенности личности, общества и самого государства от преступных посягательств.

Именно на это обращено внимание в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, где отмечается, что возможности трансграничного оборота информации, и прежде всего сети Интернет, все чаще используются для достижения террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей, в ущерб международной безопасности и стратегической стабильности, увеличиваются масштабы и скоординированность компьютерных атак на объекты критической информационной инфраструктуры, нарастают угрозы применения информационных технологий в целях нанесения ущерба суверенитету, территориальной целостности, политической и социальной стабильности Российской Федерации[768].

Соответственно активному проникновению в жизнь современного человека информационных технологий сегодня отмечается возрастание числа преступлений, совершенных с их использованием. Общее их число возросло более чем на 60 %. Примечательно, что каждое второе такое преступление совершается с использованием Интернета, каждое третье с использованием средств мобильной связи.

Очевидно, что с развитием информационно-телекоммуникационных технологий персональный компьютер уже не рассматривается исключительно как средство, с помощью которого можно хранить, обрабатывать и передавать информацию. Теперь компьютер стал выступать инструментом, с помощью которого реализуются преступные намерения не только отдельных индивидов, но и преступных групп. Таким образом, формируется специфический вид правонарушений, преступлений и преступности.

---

[767] Широков В.А., Беспалова Е.В. Компьютерные преступления: основные тенденции развития. // Юрист. 2006, №10. С. 18–21; Коновалов А.А., Наумов С.А., Колесникова Д.Д. Киберпреступность как глобальная угроза экономической безопасности: виды, особенности, проблемы противодействия. // Ростовский научный журнал. 2018, №1. С. 20–27; Осипенко А.Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы. Омск. Академия МВД России. 2009. – 480 с.

[768] Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646. / Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL : http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460 (дата обращения: 28.01.2026). – Текст : электронный.

С начала XXI века появился новый, теперь уже привычный, термин «компьютерная преступность». Под ней понимается «совокупность преступлений, в которых предметом преступных посягательств выступает компьютерная информация»[769]. Термин «компьютерная преступность» имеет довольно широкое и разнообразное толкование. При этом и в международной практике здесь пока не сложилось единого понимания.

Это вызывает необходимость формирования единого подхода к оценке компьютерной преступности, с учетом особенностей правовых систем, традиций и культуры каждого отдельного государства и народа.

Этим вопросам было обращено внимание X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Вена, 10–17 апреля 2000 г.) на котором был проведен семинар-практикум по преступлениям, связанным с использованием компьютерной сети. Здесь было подчеркнуто, что расширенной трактовкой охватываются как составы преступлений в отношении компьютеров, компьютерных сетей и хранящихся на них данных, так и преступления традиционных составов (мошенничество, кражи, терроризм и т.п.), но совершаемые с применением компьютерной техники и технологий. Все это получило название «киберпреступность» (cybercrime)[770].

Как следует из материалов X Конгресса ООН, киберпреступность включает в себя:

– преступность, связанную с компьютером или иными информационными устройствами, которые рассматриваются в качестве цели преступного деяния. В эту группу входят: несанкционированное использование компьютерной системы, причинение вреда компьютерной информации и другие посягательства на безопасность компьютерных систем и имеющихся в них данных;

– преступность, связанная с Интернетом и информационными технологиями, являющимися инструментом, способствующим совершению таких преступлений, как кража персональных данных, нарушение авторских прав, отмывание денег, мошенничество, незаконный оборот наркотиков, торговля людьми, сексуальная эксплуатация детей, домашнее насилие и др.

Примечательно, что такие преступления могут носить как ненасильственный, так и насильственный характер. Это свидетельствует о неограниченном их разнообразии.

---

[769] Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL : http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460 (дата обращения: 10.01.2026). – Текст : электронный.

[770] Доклад эксперта «Киберпреступность, как глобальная угроза в современном обществе». UNODC (United National Office on Drugs and Crime). Ш. – URL : https://sitt-695358.mozfil,com> file/695358/ Doklad (дата обращения: 30.01.2026). – Текст : электронный.

Достаточно обратить внимание на обширность перечня киберпреступлений, чтобы понять, что сегодня практически любое преступление может совершаться с использованием цифровых информационных устройств. И это представляет серьезную угрозу как общественной, так и национальной безопасности России.

Статистические данные свидетельствуют, что в современных условиях такая угроза вполне реальна. Так, 2019 году таких преступлений зарегистрировано 294,4 тыс. (+ 67,5 %), в 2020 году – 510,4 тыс. (+73,4 %), в 2021 году – 517, тыс. (+1,4 %), в 2022 году – 522,1 тыс. (+ 0,8 %), в 2023 году – 677 тыс. (+29,7 %) в 2024 году – 765,4 тыс. (+ 13,1 %), в 2025 году – 627 тыс. (за 11 месяцев) (– 10,8 %).

И хотя отмечается некоторое снижение киберпреступлений, трудно признать эту картину благостной, поскольку при наметившейся тенденции к снижению количества преступлений ущерб от них продолжает увеличиваться, растет наркотрафик в сети, возрастает количество преступлений против детей – за 9 месяцев 2025 года оно возросло на 120 %[771]. Обращает на себя внимание резкая эскалация кибератак: за один только квартал 2025 года их было 42 тыс. В сравнении с предыдущим периодом это на 73 % больше. По преимуществу такие атаки направлены на телекоммуникации, транспортную сеть, финансовый сектор.

При этом киберпреступность связана с организованной преступностью, терроризмом, коррупцией, всеми незаконными оборотами (оружия, наркотиков, транспортных средств, торговлей людьми и пр.) и обусловливает их. Причин такого положения немало. Они в целом известны и носят экономический, правовой, организационный характер[772].

Ориентируясь на обеспечение общественной, информационной безопасности, предупреждение таких преступлений и сокращение их числа необходимо принимать во внимание следующее:

– развитие информационно-коммуникационных технологий неизбежно повлечет за собой расширение перечня преступлений, совершаемых с использованием IT;

– расширение такого перечня преступлений повлечет за собой и расширение круга их участников, объектов посягательств и территорий, на которых будут совершаться;

– преодоление той высочайшей социальной опасности, с которой связаны указанные преступления, силами самого только государства невозможно.

---

[771] Количество киберпреступлений против детей возросло на 120 % с начала года. – URL : https://www.banki.ru/news/lenta/?id=11018813 (дата обращения: 21.01.2026). – Текст : электронный.

[772] Бормотова Т.М., Ильин А.Е. и др. Киберпреступность в России: состояние и методология анализа. // Этносоциум.2023. № 10 (184). С. 71–72.

– возникает необходимость совершенствования уголовного законодательства в части четкого разграничения между традиционными компьютерными преступлениями (в контексте главы 28 УК РФ) и преступлениями, в которых персональный компьютер, компьютерные системы и компьютерные сети выступают способом совершения преступлений.

При этом необходимо понимать, что формирование уголовно-правовых норм, касающихся преступлений, связанных с IT, одним только юристам не под силу. Поэтому здесь необходимо тесное сотрудничество со специалистами в области IT. Вместе с тем правовая регламентация обеспечения общественной безопасности в связи с использованием IT техническим специалиста без участия юристов затруднена. Этим обусловливается необходимость совместного правотворчества. Это же положение является актуальным и для правоприменения.

Распространение киберпреступлений, неизбежно расширяющийся круг лиц, вовлекаемых в эту деятельность, по преимуществу молодежи, указывает на необходимость разработки мер и теории общей и специальной превенции в области предупреждения таких преступлений. Вполне очевидным является то обстоятельство, что здесь есть свои особенности, связанные с формами, методами и средствами такой работы.

Следует понимать, что совершенствование законодательства, системы предупреждения преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники, потребует не просто совершенствования, а вероятно, изменения, правоприменительной практики. А это, в свою очередь, указывает на необходимость совершенствования подготовки кадров, имеющих назначением борьбу с рассматриваемым видом преступлений.

Очевидно, что, решение вопроса об обеспечении общественной безопасности от криминальных угроз, связанных с киберпреступностью требует не единовременных мер, а совершенствования, скорее даже изменения и формирования новой уголовной политики в указанном направлении.

Это требует комплексного решения вопросов правотворчества, правообучения, правоприменения, правопросвещения и правовоспитания. При этом правопросвещение и правовоспитание предполагает систематическую и целенаправленную работу с населением.

В настоящее время к одному из основных источников общественной безопасности относится экстремистская и террористическая деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на насильственное изменение конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации, публичное оправдание терроризма, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время характер деятельности указанных организаций меняется и усложняется, приобретает более массовый и жестокий характер. Экстремизм и терроризм совершенствуясь и развиваясь, расширяют пространство своей деятельности заражая умы населения своей идеологией. Давно известно, что такая деятельность границ не знает, а носит международный характер.

Как свидетельствуют статистические данные, в период с 2006 по 2013 годы количество преступлений террористического характера в России не превышало 1,4 тыс. В первом полугодии 2014 года их уже совершено 1,6 тыс. В 2023 году их зарегистрировано 23,8тыс., а в 2024 – 3,7 тыс., рост составил 55,9 %. Анализ статистических показателей за вторую половину текущего десятилетия обнаруживает тревожную тенденцию.

В 2019 году таких преступлений было зарегистрировано 1,8 тыс., в 2020 году –2,34 тыс., в 2021 году – 2,13 тыс., в 2022 году – 2,23 тыс., в 2023 году – 23,82 тыс., в 2024 году – 37,14 тыс., за 9 мес. 2025 года – 4,46 тыс. (+ 75 %). При этом террористических актов (ст.205 УК РФ) было совершено: в 2019 году – 43, в 2020 году – 50, в 2021 году – 41, в 2022 году – 127, в 2023 году – 410, в 2024 году – 1,19 тыс. При устойчивой тенденции к росту числа таких преступлений, очевиден резкий скачок в 2023 г. Соответственно этому возросло и количество лиц, осужденных за такие преступления: в 2019–2023 гг. от 14 до 43, а в 2024 г. – 759. В 2025 году за преступления террористического характера осуждено 2 тыс. человек[773].

В январе – сентябре 2025 года зарегистрированы 4467 преступлений террористического характера (+75,0 %) и 1760 преступлений экстремистской направленности (+28,1 %)[774].

О том, сколь серьезную опасность для государства и общества представляет терроризм, свидетельствует международный индекс терроризма, который показывает его влияние на жизнь в стране. Он измеряется цифровыми значениями от 0 до 10 и включает показатели 163-х государств мира.

В 2023 году для России он составлял 3,02, а в 2024 году – 7.553. В настоящее время глобальный индекс терроризма в России составляет 6,267 пункта. Самые высокие показатели Индекса у Буркина-Фасо – 8.851. Россия по показателям индекса занимает 16 место в мире[775].

---

[773] Как выросло в России число зарегистрированных терактов. Инфографика / РБК [сайт] – URL : https://www.rbc.ru/politics/13/07/2025/687153669a7947a67e3030a3 (дата обращения: 22.01.2026). – Текст : электронный.

[774] В России выросло число террористических и экстремистских преступлений. – URL : https://moposlisnos.ru/rabota-organov-msu/profilaktika-terrorizma-i-ekstremizma/v-rossii-vyroslo-chislo-terroristicheskikh-i-ekstremistskikh-prestupleniy/ (дата обращения: 26.02.2026). – Текст : электронный.

[775] Глобальный индекс терроризма. – URL : https://statbase.ru/data/rus-global-terrorism-index/ (дата обращения: 23.01.2026). – Текст : электронный.

Террористическая деятельность отличается большим разнообразием. Специалисты выделяют такие виды террористических актов как диверсия, похищение, покушение и убийство, захват транспортных средств (хайджекинг), захват зданий, вооруженное нападение, ядерный терроризм, политический терроризм, биологический терроризм, химический терроризм, компьютерный терроризм (кибертерроризм), космический терроризм, электромагнитный терроризм. А всего эксперты, занимающиеся вопросами терроризма, рассматривают около 200 видов террористической деятельности в современных условиях. Соответственно росту числа преступлений террористического характера растет и число их жертв.

Активную деятельность по привлечению россиян к совершению терактов, в том числе в качестве смертников, осуществляют спецслужбы Украины, которые пристальное внимание уделяют молодежи, в том числе несовершеннолетним. В диверсионно-террористическую деятельность активно вовлекаются разного возраста, пола, вероисповедания граждане Российской Федерации. У всех на памяти кадры телевидения, где пожилые люди поджигают автомобили, военкоматы, базовые станции связи, релейные и батарейные шкафы железнодорожных станций и пр.

Заметно растет число несовершеннолетних, которые привлекаются к совершению террористических преступлений. Если в 2022 году их было 13, то в 2024 году уже 482. Они по указанию кураторов поджигают двери военкоматов, полицейских автомобилей, устраивают диверсии на железной дороге. В 2025 году на объектах транспорта задержано более 300 человек, подозреваемых в совершении диверсий и поджогов транспортной инфраструктуры. В их числе 150 несовершеннолетних, то есть половина[776].

Как отмечает НАК, украинские националисты и террористические организации ведут активную работу на территории нашей страны по распространению идеологии терроризма и неонационализма. Это такие организации как «Колумбайн», «Маньяки Культ Убийц» (запрещены в Российской Федерации). За последние три года в России задержано более 2,5 тыс. молодых людей, подпавших под влияние таких террористических и экстремистских организаций[777]. Деятельность таких преступных организаций, связана с вовлечением несовершеннолетних в противоправные действия террористического и экстремистского характера, с целью дестабилизации социально-политической ситуации в стране, разрушения традиционных российских ценностей.

---

[776] В России за год задержали более 300 человек за диверсии на объектах транспорта / ТАСС. – URL : https://tass.ru/proisshestviya/26054263 (дата обращения: 19.01.2026). – Текст : электронный.

[777] За три года в РФ задержали 2,5 тыс. молодых людей, подпавших под влияние экстремистских организаций / Интерфакс. – URL : https://www.interfax.ru/russia/1018780 (дата обращения: 27.01.2026). – Текст : электронный.

Реальную угрозу для общественной и национальной безопасности государства, общества и граждан страны представляет искажение исторических фактов, фальсификация роли СССР во второй мировой войне и преуменьшение его роли в победе над Германией и милитаристской Японией, пропаганда идей реваншизма и национализма и пр. Активное проявление экстремизм находит на Украине, что способствует распространению русофобских настроений не только на ее территории, но и за пределами.

Противодействие террористической и экстремистской деятельности предполагает осуществление профилактических мер, выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц. Особо важное значение имеет проведение предупредительной работы среди молодежи, так как именно молодежь является наиболее уязвимой для негативного влияния[778]. Для этого необходимо проведение комплексных мероприятия, направленных на формирование правовой культуры, понимания положений ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации о запрете любых форм ограничений прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой и религиозной принадлежности. Правовое просвещение предполагает понимание правовых предписаний и последствий за их нарушение, ответственности, которая может наступить за это.

Противодействие терроризму и экстремизму предполагает решение такой важной задачи как образование и воспитанию толерантности и терпимого отношения к окружающим, формирование уважительного отношения к другим культурам, религиям, взглядам, умения находить компромиссы. Требуется пропаганда в молодежной среде здорового образа жизни и деятельного досуга. Важно, чтобы свободное время молодежи было заполнено социально полезными делами и способствовало совершенствованию и развитию личности. Одним из важных направлений в работе с молодежью является разъяснительная работа по вопросам опасности терроризма и экстремизма, причин его возникновения и ответственности за участие в них[779]. Безусловным требованием к предупредительной работе является осуществление контроля за деятельностью общественных организаций и объединений, во избежание формирования в них экстремистских настроений и проявлений.

---

[778] О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ (ред.27.10.2025 г.) / Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL : http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939 (дата обращения: 27.01.2026). – Текст : электронный.

[779] «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» Указ Президента РФ от 28.12.2024 г. № 1124 / Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL : http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580 (дата обращения: 24.01.2026). – Текст : электронный.

Серьезную угрозу общественной безопасности представляет незаконный оборот наркотиков и потребление наркотических средств и психотропных веществ. Вероятно, нет такой стороны социальной жизни, которой не причинялся бы вред и ущерб незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их потреблением[780].

Это оказывает, безусловно, негативное влияние на экономику страны, поскольку, во-первых, теряется активное трудоспособное население, во-вторых, значительные средства расходуются на лечение. Кроме того, колоссальные финансовые средства уходят из легального оборота.

Известно, что с наркотиками связано совершение многих преступлений. Этим обусловливается общественная опасность для социума.

Наркомания неизбежно влечет за собой потерю населения, как вследствие деградации потребителей, их гибели от передозировки, так и утраты здоровья, что связано с ухудшением демографической ситуации. А это, в свою очередь, создает угрозы военной безопасности: уменьшается число лиц, способных её обеспечивать.

В незаконном обороте наркотиков активно используется сеть Интернет, что позволяет искать потенциальных потребителей наркотиков и путей их бесконтактного сбыта. По данным Верховного Суда Российской Федерации в 2023 году 47,2 % лиц, осужденных за сбыт наркотиков, совершили преступления с использованием IT, в том числе, интернета. В 2024 году таких преступлений совершено 118,2 тыс. (+13,6 %), в 2025 году – 184,6 тыс. только за первый квартал. Отмечается возрастание организованности при сбыте наркотиков. Верховным Судом Российской Федерации приводятся сведения о том, что в 2023 году число осужденных за сбыт наркотиков в составе организованной группы возросло на 31,4 %[781].

Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что в сбыт и потребление наркотиков активно вовлекаются несовершеннолетние. Заслуживают самого пристального внимания то, что употребление наркотиков является одним из элементов субкультуры. Наркомания распространяется среди студентов и школьников, в семье. Потребители наркотиков молодеют: им от 13 до 25 лет. Однако отмечаются случаи знакомства с наркотиками детей и более младшего возраста, разумеется, под влиянием и воздействием (в том числе насильственным) взрослых. Все это указывает на необходимость активной воспитательно-предупредительной работы с молодежью, молодыми семьями, детьми и несовершеннолетними.

---

[780] Павлова С.А. Влияние незаконного оборота наркотиков на национальные интересы Российской Федерации. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т.13. № 10. С. 1805–1817.

[781] Опубликована статистика о состоянии судимости за 2023 г. – URL : https://www.advgazeta.ru/novosti/opublikovana-statistika-o-sostoyanii-sudimosti-za-2023-g/ (дата обращения: 26.01.2026). – Текст : электронный.

Известно, что наиболее успешное профилактическое воздействие имеет место в тех случаях, когда оно носит комплексный характер. То есть оно оказывается на:

– конкретного человека, с учетом особенностей его личности и внутренних побуждений к потреблению и распространению наркотиков;

– окружающую социальную среду, побуждающую к потреблению наркотиков и поддерживающую пристрастие к ним, либо, напротив, отвращающую его от этого;

– систему мер и мероприятий по профилактике употребления наркотиков и их распространения.

Стратегические цели, задачи, направления и меры по реализации антинаркотической политики определены в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г.[782]

Значительную угрозу общественной безопасности представляет коррупция, которая ослабляет государственные и социальные институты, подрывает доверие населения к органам государства.

Коррупция как социальное явление современности имеет свои особенности. Она разнообразна, системна, дистанцирована от легальной жизни и деятельности и тесно связана с криминальными структурами.

Обращает на себя внимание то, как меняется характер коррупционного поведения, как оно мимикрирует соответственно изменяющимся социальным, экономическим, общекультурным условиям современной жизни. Установлено, что коррупционные преступления совершаются в удаленном доступе, используются офшорные зоны, различные платежные системы, аффилированные через третьих лиц фирмы, взятки выражаются в виде услуг нематериального характера, факты которых доказать сложнее. При этом появляются новые методы конспирации, видоизменяется предмет взятки и способы её передачи[783].

Анализ статистических данных за последние пять лет свидетельствуют о том, что эта проблема для России остается весьма актуальной. В 2020 году выявлено 30,8 тыс. коррупционных преступлений, в 2021 году они составили 35,5 тыс. (+13,8 %), в 2022 году – 35,3 тыс. (+0,8 %), в 2023 году – 36,4 тыс. (+3 %), в 2024 году – 38,5 тыс. (+5,8 %), за десять месяцев 2025 года это число равняется 38,47 тыс. [784].

---

[782] «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г.» (ред.29.03.2023 г.) Указ Президента Российской Федерации от 23.11.2020 г.№733 //Собрание законодательства РФ. 2020. №48. Ст.77101.

[783] Киреев Е.В. Коррупция в России как угроза национальной безопасности. // Экономика. Право.Общество.2020. №5 (2). С. 85–94.

[784] Генпрокуратура раскрыла данные о коррупции в России / РБК [сайт]. – URL : https://www.rbc.ru/society/16/06/2025/6837ed979a79471aa4b6c83d (дата обращения: 28.01.2026). – Текст : электронный.

То есть еще до окончания календарного года показатели практически сравнялись с предыдущими. Нельзя не заметить устойчивую, хотя может быть и не критичную, тенденцию к росту числа коррупционных преступлений. С одной стороны, это свидетельствует об активизации деятельности соответствующих органов, имеющих своим назначением борьбу с этим видом преступлений. С другой – о том, что социум толерантен к коррупционному поведению и принимает его.

Нельзя не учитывать и того, что коррупционные преступления характеризуются очень высоким уровнем латентности. Это легко объясняется: коррупционное поведение предполагает участие в нем двух сторон, ни одна из которых не заинтересована в обнаружении себя. И следовательно, делает все для, того, чтобы такое поведение сокрыть, используя для этого различные способы. Это указывает на необходимость усиления оперативно-разыскной работы, что невозможно без расширения соответствующих штатов.

Как свидетельствует статистика, в массе коррупционных преступлений преобладает взяточничество. Так, в 2023 году в общем числе коррупционных преступлений взятки составили 55,7 % – 20,27 тыс., в 2024 году – 60,3 %, 23,24 тыс. Нельзя не отметить, что коррупционные преступления совершаются организованными группами или преступными сообществами. К примеру, в 2023 году их было совершено 2,57 тыс. (+7,1 %), в 2024 году – 2,89 тыс. (+12,8%). А только за первый квартал 2025 года в сравнении с аналогичным периодом 2024 года зарегистрировано вдвое больше таких преступлений: в 2024 году – 1,1 тыс., в 2025 году – 1,6 тыс. (+46,5 %).

Любопытна картина, иллюстрирующая объемы коррупции. В 2023 году зарегистрировано 8,0 тыс. преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размере. В 2024 году– 8,6 тыс. (+7,4 %). При этом в первом квартале 2024 года таких преступлений совершено 2,25 тыс., а в 2025 году за аналогичный период – 3,73 тыс. (+65,7 %)[785].

Коррупция затрагивает многие стороны общественной жизни, оказывая на них негативное влияние. В области экономической она расшатывает экономические основы (выводит из официального оборота значительные средства – миллиарды рублей, снижает налоговые доходы государства), способствует росту теневой экономики и пр.

В области политической она ослабляет могущество государства, подрывает его авторитет, демонстрируя избирательность деятельности государственных служащих, некоторые из которых рассматривают её как возможности решения личных вопросов и обогащения.

[785] Генпрокуратура рассказала о росте на 24% выявленных коррупционных преступлений / Forbes [сайт]. – URL : https://www.forbes.ru/society/539614-genprokuratura-rasskazala-o-roste-na-24-vyavlennyh-korrupcionnyh-prestuplenij (дата обращения: 26.01.2026). – Текст : электронный.

Это, в свою очередь, способствует формированию у граждан неверия в возможность реализации конституционных прав и свобод, недоверия к представителям власти и государственным чиновникам.

Индекс уровня коррупции в России составляет 22, в расчете от 0 до 100 баллов. Это 154 место в общем рейтинге 183 государств мира. С 1996 по 2024 годы индекс равнялся 25,64. Любопытно, что в 2019 году Россия находилась на 137 месте по своим показателям, в 2020 году на 129, в 2021 году на 139[786]. То есть позиции России ухудшаются, что подразумевает активные меры борьбы с коррупцией. Причем здесь важно не только своевременно и полно реагировать на выявленные факты, но что еще более значимо – предупреждать коррупционное поведение.

При этом необходимо принимать во внимание, что коррупция – системное и динамичное явление, оно подпитывается теми негативными условиями, которые имеются в социальной жизни и становятся причинами коррупционного поведения.

Председатель Конституционно Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин в своей лекции на ХШ Петербургском Международном юридическом форуме отметил: «Коррупция предает забвению и поруганию одну элементарную и в то же время святую истину: должностное лицо, назначенное или выборное, какое бы высокое положение оно ни занимало, наделено властью исключительно для надлежащего выполнения лежащих на нем публичных обязанностей; его долг служить суверену, а не превращать их в объект наживы. Тем самым государство превращается в открытого врага для всех, кого оно должно представлять и защищать»[787]. При этом системная коррупция превращает граждан даже не в подданных, а в заложников гигантской преступной группировки, фактически захватывающей весь аппарат публичной власти.

В зависимости от характера и содержания меры предупреждения коррупции можно рассматривать как:

– политические, связанные с нормализацией общественно-политической ситуации, разрешением социальных конфликтов, снижением уровня социально-политической напряженности, осуществлением международного сотрудничества в области противодействия коррупции;

– социально-экономические, направленные на оздоровление социально-экономической ситуации в отдельных регионах и выравнивание уровня развития регионов, уменьшение имущественной дифференциации, обеспечение социальной защиты населения;

---

[786] Индекс коррупции в России. – URL : https://ru.tradingeconomics.com/russia/corruption-index (дата обращения: 27.01.2026). – Текст : электронный.

[787] Коррупция - угроза цивилизации права / РБК [сайт] – URL : https://rg.ru/2025/05/20/korrupciia-ugroza-civilizacii-prava.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 28.01.2026). – Текст : электронный.

– правовые, направленные на неотвратимость наказания за совершенные коррупционные правонарушения, (административно-правовые, уголовно-правовые); совершенствование механизма ответственности за несоблюдение требований антикоррупционного законодательства; использование информационно-коммуникационных систем;

– информационно-пропагандистские, направленные на раскрытие сущности и разъяснение опасности коррупции, формирование нетерпимости к коррупционным проявлениям, оказание воздействия на граждан и их группы с целью вовлечения в реализацию антикоррупционной политики;

– культурно-образовательные, направленные на формирование и укрепление духовно-нравственных ценностей;

– организационно-технические, связанные с разработкой и реализацией целевых программ, конкретных мероприятий, обеспечивающих согласованное применение правовых, экономических, образовательных, организационных и иных мер, направленных на противодействие коррупционным проявлениям.

Совершенствование деятельности государственных органов в целях предупреждения коррупцией и борьбы с ней обеспечивается также системой соответствующих мер, в числе которых:

– взаимодействие всех органов власти с населением и гражданскими институтами, направленное на противодействие коррупции.

– совместная работа федеральных, региональных и муниципальных органов власти, направленная на борьбу с коррупционерами по единому алгоритму;

– принятие законодательных актов, а также осуществление других организационных мер, способствующих активизации должностных лиц и населения в борьбе против коррупции;

– публикация в открытых источниках информации о работе федеральных, региональных и муниципальных органов власти.

– контроль за порядком использования государственного имущества, ресурсов, услуг и финансовых средств, а также процессом передачи имущественных прав;

– организация международного сотрудничества между представителями исполнительной власти России и специальными службами других государств, направленное на выявление правонарушений, розыск и арест коррупционеров, а также арест и конфискацию их активов, приобретенных неправомерным путем и хранящихся в иностранных финансовых организациях;

– ужесточение ответственности представителей федеральных, региональных и муниципальных органов власти за несоблюдение мер, определенных законодательством для борьбы с коррупцией и причинами имеющей место противоправной деятельности.

По мнению Председателя Следственного комитета А.И. Бастрыкина «борьба с коррупцией требует комплексного подхода. Но решение этой проблемы не может иметь успеха без изменения общественного сознания, укрепления антикоррупционной культуры, воспитания нетерпимости к любой коррупции. Это не быстрый процесс. Это марафон, требующий системной работы и поддержки общества»[788].

Одной из важных проблем многих государств, в том числе и России, и всего мирового сообщества в целом является незаконная миграция.

Под незаконной миграцией понимается проникновение на территорию Российской Федерации иностранных граждан, лиц без гражданства с нарушением действующего законодательства о порядке пересечения государственной границы. Миграционные процессы оказывают существенное влияние на социальное, экономическое, культурное и духовное развитие и безопасность страны.

По имеющимся данным в 2024 году в Россию прибыли 586,5 тыс. человек. Это существенно меньше, чем в былые годы, однако на 2,8 % больше, чем в 2023 году. В 2024 году депортировано из страны 190,0 тыс. чел., что на 31,1 % больше, чем в предыдущем году[789].

Незаконные мигранты представляют интерес для террористических и экстремистских организаций, зарубежных спецслужб. Известно, что Украина вербует мигрантов в качестве исполнителей преступлений различного характера[790]. С незаконной миграцией связываются многие негативные процессы:

– нарушение трудовых отношений, т.к. мигранты занимаются трудовой деятельностью, не оформленной юридически, либо не в соответствии с полученным разрешением;

– занятие предпринимательской или индивидуальной деятельностью без соответствующего юридического оформления (наличие разрешения, лицензии, регистрации);

– незаконная занятость связана с деятельностью в теневой экономике и в криминальном бизнесе (торговля людьми, оружием, наркотиками и пр.);

– незаконная миграция подпитывает коррупцию в государственных органах, уполномоченных обеспечивать регулирование миграционных процессов и осуществлять соответствующий контроль;

---

[788] Бастрыкин призвал изменить сознание общества для борьбы с коррупцией / РБК [сайт] – URL : https://www.rbc.ru/politics/09/12/2025/69369b189a794734b1fc55a3 (дата обращения: 01.02.2026). – Текст : электронный.

[789] МВД опубликовало миграционную статистику за 2024 год. – URL : https://www.kommersant.ru/doc/7605606 (дата обращения: 28.01.2026). – Текст электронный.

[790] Сизов С. Г. Бесконтрольная миграция как угроза национальной безопасности России // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Выпуск 35. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2024. – С. 71-78.

– нарушения налогового законодательства, имеющие латентный характер;

– незаконная миграция обеспечивает жизнеспособность нелегальных, а, следовательно, и неконтролируемых секторов экономики-рынка труда и товаров;

– незаконная миграция создает угрозы возникновения этнических и религиозных конфликтов;

– возникают угрозы, связанные с терроризмом и транснациональной преступностью;

–возникают угрозы национальной идентичности страны, связанные со сложностями в интеграции мигрантов;

– нелегальная миграция способствует проявлению экстремизма и национализма, ксенофобии, национальной, расовой и религиозной ненависти и формированию террористических организаций[791];

– проявляется политическая активность мигрантов в интересах обеспечения принятия нужных для них политических решений;

– усложняется криминальная обстановка в связи с тем, что отмечается рост числа преступлений, которые совершают мигранты. И это по преимуществу тяжкие преступления[792].

По данным Следственного Комитета Российской Федерации за первые пять месяцев 2025 года мигрантами совершено 18,87 тыс. (+10 %) преступлений. При этом число тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных мигрантами, выросло на 57 % и составило 6,12 тыс. против 3,87 тыс. за аналогичный период 2024 года[793].

За последние пять лет значительное число иностранцев получили российское гражданство: в 2020 году – 656 тыс.; в 2021 году – 735 тыс.; в 2022 году –691 тыс.; в 2023 году – 378 тыс.; в 2024 году – 209 тыс. Одновременно с этим, по различным причинам, в 2024 году депортировано из России 190 200 человек, что на 31,1 % больше, чем в предыдущем году.

Стоит обратить внимание на то, что с миграционными процессами напрямую связаны угрозы здоровью коренного населения страны. Установлено, что мигрантами завозятся такие заболевания, как ВИЧ, коклюш, сифилис, туберкулез, менингит и др.

---

[791] Сидоров С.А., Лабунский А. Л. Миграция как угроза государственной безопасности: состояние и пути минимизации. //Право и государство: теория и практика.2025. №4. С. 182.

[792] Сизов С. Г. Бесконтрольная миграция как угроза национальной безопасности России // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Выпуск 35. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2024. С. 71–78.

[793] Число совершенных мигрантами тяжких преступлений в России выросло на 57% / РИА Новости [сайт]. – URL : https://crimea.ria.ru/20250708/chislo-sovershennykh-migrantami-tyazhkikh-prestupleniy-v-rossii-vyroslo-na-57-1147805739.html (дата обращения: 01.02.2026). – Текст : электронный.

Для нейтрализации угроз, связанных с незаконной миграцией, необходимо разработать и внедрить в практику такие меры, как:

– формирование четкой миграционной политики государства по привлечению на работу иностранцев и лиц без гражданства; -

– усиление контроля за организацией трудоустройства иностранных граждан;

– совершенствование противодействия организации незаконной миграции и незаконному осуществлению трудовой деятельности на территории Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства;

– своевременное выявление, пресечение криминальных связей и коррупционных схем, в которых участвуют мигранты;

– совершенствование механизмов депортации иностранных граждан и лиц без гражданства, нарушающих действующее законодательство Российской Федерации.

– совершенствование работы пограничных служб;

– систематическое проведение профилактических мероприятий в местах компактного пребывания иностранных граждан (расселенные дома, бытовые городки, общежития, гостиницы, хостелы и др.), с целью выявления нарушений миграционного законодательства и юридических и физических лиц, организующих каналы нелегальной миграции или оказывающих содействие незаконной миграции.

В качестве итогов следует отметить, что обеспечение общественной безопасности России осуществляется в соответствии с основными направлениями этой деятельности, которые формируются в соответствии с имеющими угрозами. При этом, в зависимости от ситуации, степени распространенности или преобладания какого-то вида угроз, конкретная деятельность должна своевременно активизироваться. Сегодня главным и незыблемым принципом остается «предвидение и предупреждение».

Время и ситуация требуют принятия и других мер, необходимых для обеспечения общественной безопасности. Принимая во внимание динамичность, стремительность развития и изменения отношений в социуме, трудно ожидать, что предвидение будет своевременным. В настоящее время вопрос обоснования прогнозов, по всем направлениям, связанных с общественной безопасностью, приобретает особую актуальность.

Поэтому специалистам в области общественной безопасности, занимающихся обоснованием краткосрочных и долгосрочных прогнозов развития ситуации следует использовать в своей деятельности возможности информационных технологий и в том числе искусственного интеллекта. Именно он может рассчитать возможные варианты криминальных преступлений с использованием IT-технологий. Он же может предложить меры противодействия этому.

На основе данных о социальных условиях, состоянии и уровне общественной безопасности искусственный интеллект может составить прогноз развития криминальной ситуации, в том числе влияние на нее увеличения незаконного оборота наркотиков, активизации террористической и экстремистской деятельности, роста уровня коррупции и миграции.

Принимая во внимание то обстоятельство, что к совершению преступлений против общественного порядка активно привлекаются лица, недостаточно ориентирующиеся в жизненных вопросах – дети и пожилые люди, необходимо осуществление постоянной и систематической просветительской работы по вопросам технической грамотности и информационной безопасности.

Необходимы серьезные социологические исследования, которые помогут определить преобладающие интересы и привязанности современных молодых людей, что позволит скорректировать и реорганизовывать воспитательно-просветительскую работу, обеспечить их социально-полезную общественную занятость.

В рамках современной миграционной политики, необходимо рассмотреть вопрос о том, чтобы прибывающие мигранты в числе прочих документов представляли и те, которые свидетельствуют о профессиональной пригодности. Надо отдавать себе отчет в том, что необразованный и неквалифицированный мигрант вряд ли будет полезным для нашей страны, а все ограничения, которые для него установлены российским законодательством, соблюдаться не будут. И это означает, что проблемы, связанные с мигрантами, будут оставаться неразрешенными, а общественная безопасность уязвимой.

Поэтому, в целях контроля над внешней миграцией и экономии расходования государственных финансово-экономических средств Российской Федерации, связанных с депортацией мигрантов, проявивших себя как нежелающих выполнять российские законы и правила общежития, предлагается внести дополнение в постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2024 г. № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» в следующей редакции:

– «при пересечении границы Российской Федерации для осуществления трудовой деятельности по контракту, иностранный гражданин вносит в Банк России залог – денежные средства в сумме, позволяющей, в случае неисполнения норм российского законодательства или нарушения трудового договора, осуществить его депортацию. В условиях исполнения и завершения заключенного контракта, залоговая сумма выплачивается трудовому мигранту при выезде из Российской Федерации в соответствии с установленными правилами».

2.15. Этнополитическая безопасность как направление государственной стратегии России

В условиях глобализации, усиления миграционных потоков, роста этнокультурного разнообразия и обострения конфликтов на этнической почве категория «этнополитическая безопасность» приобретает всё большее значение в системе национальной безопасности Российской Федерации. Однако, несмотря на её практическую востребованность, в российской политической науке до сих пор отсутствует единое, консенсусное понимание данного термина.

Это обусловлено как междисциплинарным характером феномена (на стыке политологии, этнологии, правоведения и международных отношений), так и динамичностью самого объекта исследования, который трансформируется под влиянием внутренних и внешних вызовов.

Первые попытки теоретического осмысления этнополитической безопасности в постсоветской России относятся к концу 1990-х – началу 2000-х годов, когда страна столкнулась с острыми последствиями распада СССР: ростом сепаратистских настроений, межэтническими конфликтами и дестабилизацией межнациональных отношений.

В этот период доминировала узкая трактовка этнополитической безопасности как «предотвращения межэтнических конфликтов и сепаратизма»[794].

Такой подход, хотя и отражал актуальные угрозы того времени, был недостаточно системным и не учитывал превентивные, институциональные и ценностные аспекты обеспечения стабильности в полиэтническом обществе.

С середины 2000-х гг. в российской научной литературе начинает формироваться более комплексное понимание этнополитической безопасности. В работах таких исследователей, как В.А. Тишков, Л.М. Дробижева, А.В. Мальков, А.И. Юмашев, подчёркивается, что этнополитическая безопасность – это не только отсутствие конфликтов, но и состояние устойчивого, конструктивного взаимодействия между этническими общностями и государством, основанное на принципах правового равенства, культурного многообразия и гражданской солидарности[795].

Такой подход позволяет рассматривать этнополитическую безопасность как интегративный элемент национальной безопасности, охватывающий как угрозы дестабилизации, так и ресурсы консолидации.

---

[794] Дробишева Л.М. Этнические конфликты и пути их урегулирования в постсоветской России// Полис.1998. № 4. С. 5-18.

[795] Тишков В.А. Этническое и гражданское в национальной политике России // Вопросы философии. 2003. № 5. С. 22-35.

В XXI веке, особенно после 2010-х годов, в связи с обострением геополитической конкуренции и активизацией «мягкой силы» в этнокультурной сфере, понятие этнополитической безопасности приобретает дополнительное измерение — внешнеполитическое.

Российские исследователи всё чаще указывают на то, что угрозы этнополитической безопасности исходят не только изнутри, но и извне — через информационные кампании, поддержку радикальных диаспор, манипулирование исторической памятью и попытки дестабилизировать межэтнические отношения в целях ослабления государства[796].

В этой связи этнополитическая безопасность начинает трактоваться как стратегическая устойчивость политэтнического государства к внутренним и внешним деструктивным воздействиям, направленным на подрыв его целостности, идентичности и социальной сплоченности.

В настоящее время в российской политической науке можно выделить три основных концептуальных подхода к определению этнополитической безопасности:

Угрозоцентрический подход, в рамках которого основное внимание уделяется выявлению и нейтрализации угроз: сепаратизма, этнического экстремизма, дискриминации, культурной ассимиляции, внешнего вмешательства и т. д[797].

Ресурсно-консолидационный подход, разрабатываемый в основном академическим сообществом. Он акцентирует внимание на позитивных факторах устойчивости: гражданской идентичности, межкультурном диалоге, развитии институтов гражданского общества, сохранении культурного многообразия в рамках единого правового поля[798].

Идентичностно-дискурсивный подход, рассматривающий этнополитическую безопасность как результат успешного управления идентичностями и нарративами. В этом контексте ключевую роль играют государственная идеология, образовательная политика, медиадискурс и историческая память[799].

Угрозы здесь понимаются как конкурирующие идентичности, деструктивные нарративы и попытки фрагментации национального дискурса. Эти подходы не исключают, а скорее дополняют друг друга, формируя многомерную картину этнополитической безопасности.

---

[796] См.: Мальков А.В. Этнополитическая безопасность России: вызовы XXI века // Вестник МГИМО. 2017. № 6. С.45–58.

[797] См.: Юмашев А.И. Угрозы этнополитической безопасности в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 42. С. 112–125.

[798] См.: Козлов В.И. Многообразие в единстве: стратегии межэтнической интеграции в России // Этнографическое обозрение. 2019. № 3. С. 7–24.

[799] См.: Зинченко Ю.П. Идентичность и безопасность: дискурсивные стратегии в полиэтническом обществе // Политическая лингвистика. 2020. № 5. С.33–42.

В современной государственной стратегии России наблюдается синтез всех трёх подходов: с одной стороны, усиливается контроль за проявлениями экстремизма и сепаратизма; с другой – развивается система поддержки этнокультурных инициатив; с третьей – формируется единый патриотический нарратив, основанный на идеях исторического единства и гражданской солидарности.

Важнейшим шагом в институционализации понятия «этнополитическая безопасность» стало его включение в систему национальной безопасности России. Хотя в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (в редакциях 2000, 2015 и 2021 годов) термин «этнополитическая безопасность» прямо не упоминается, соответствующие угрозы и задачи последовательно обозначаются в разделах, посвящённых общественной, культурной и информационной безопасности.

Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года прямо указано, что «к числу угроз национальной безопасности относятся… попытки дестабилизации внутриполитической ситуации в Российской Федерации, в том числе путём разжигания межнациональной и межконфессиональной розни, подрыва исторической памяти и традиционных духовно-нравственных ценностей»[800].

Это свидетельствует о том, что этнополитическая безопасность рассматривается не как изолированная сфера, а как неотъемлемая часть общей архитектуры национальной безопасности. Более того, в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (2021) подчёркивается необходимость противодействия «информационным технологиям, направленным на формирование негативного образа Российской Федерации, разжигание межнациональной и межконфессиональной вражды, подрыв гражданского единства»[801].

Это указывает на осознание того, что в XXI веке угрозы этнополитической безопасности, источниками которых является деструктивная деятельность США и их союзников, всё чаще реализуются именно в информационном пространстве, через цифровые платформы, социальные сети и трансграничные медиапотоки.

Таким образом, можно констатировать, что в современной России этнополитическая безопасность понимается как состояние защищенности многонационального народа Российской Федерации от внутренних и внешних угроз, способных дестабилизировать межэтнические отношения, подорвать гражданское единство, нарушить конституционный строй и территориальную целостность государства.

[800] Утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400.

[801] Утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2021 г. № 672.

Это состояние обеспечивается комплексом мер правового, институционального, культурного, образовательного и информационного характера, направленных как на предотвращение конфликтов, так и на укрепление социальной сплочённости и гражданской идентичности.

Для практической реализации стратегий обеспечения этнополитической безопасности необходима система объективных критериев и измеримых индикаторов. В российской научной литературе предлагаются различные модели оценки, однако наиболее систематизированный подход разработан в трудах А.В. Малькова и В.И. Козлова, которые выделяют следующие группы индикаторов[802]:

– правовые и институциональные, которые предполагают наличие и эффективность законодательства в сфере межэтнических отношений, уровень реализации конституционных прав национальных меньшинств, функционирование органов по делам национальностей, эффективность механизмов урегулирования межэтнических споров.

– социально-экономические, которые предполагают уровень социальной мобильности представителей различных этнических групп, доступ к образованию и здравоохранению, отсутствие этнической дискриминации на рынке труда, сбалансированность регионального развития.

– культурно-идентификационные, предусматривающие степень сохранения родных языков и культурных традиций, участие этнических общин в общественной жизни, уровень доверия к государственным институтам, доминирование гражданской идентичности над этнической в публичной сфере.

– конфликтологические, которые отражают количество и интенсивность межэтнических инцидентов, уровень этнической толерантности населения (по данным социологических опросов), распространённость ксенофобских и радикальных идеологий.

Использование такой многоуровневой системы индикаторов позволяет не только диагностировать текущее состояние этнополитической безопасности, но и прогнозировать потенциальные угрозы, а также оценивать эффективность государственной политики в этой сфере.

Таким образом, понятийно-категориальный аппарат этнополитической безопасности в России XXI века претерпел значительную эволюцию – от узкого, реактивного понимания к комплексному, превентивному и стратегическому. Современное определение этнополитической безопасности включает в себя как защитные, так и консолидирующие функции, а также интегрируется в общую систему национальной безопасности.

---

[802] См.: Мальков А.В., Козлов В.И. Индикаторы этнополитической стабильности: методология оценки // Социологические исследования. 2018. № 11. С.3–14.

Для эффективной реализации государственных стратегий в области этнополитической безопасности необходима чёткая концептуальная основа, подкреплённая системой измеримых показателей и научно обоснованными методами управления межэтническими процессами.

Институциональная основа обеспечения этнополитической безопасности в России XXI века представляет собой сложную многоуровневую систему, сформировавшуюся в результате последовательной трансформации государственной политики в сфере межэтнических отношений.

В отличие от советского периода, когда управление национальными процессами осуществлялось преимущественно через партийно-государственный аппарат (в частности, через ЦК КПСС и Совет Министров СССР), постсоветская Россия прошла несколько этапов институциональной реформы, отражавших как внутриполитические сдвиги, так и изменения в понимании самой природы этнополитической стабильности.

В 1990-е годы, в условиях острого кризиса государственности и роста сепаратистских тенденций, ключевую роль играл Совет по делам национальностей при Президенте РФ созданный в 1991 году. В его функции входила координация межреспубликанских отношений, участие в разработке законодательства по национальному вопросу и урегулирование конфликтов[803].

Однако слабость центральной власти, а также отсутствие чёткой стратегической линии привели к тому, что этот орган действовал скорее как кризисный оперативный штаб, чем как стратегический институт долгосрочного планирования.

С приходом к власти В.В. Путина в начале 2000-х годов начался процесс централизации управления национальной политикой. В 2001 году Совет по делам национальностей был упразднен, а его функции переданы Администрации Президента Российской Федерации, в частности – Управлению по внутренней политике.

Это решение отражало общий курс на укрепление «вертикали власти» и перевод национальной политики из зоны публичной полемики в сферу закрытого административного управления[804]. В то же время в регионах сохранялись комитеты и департаменты по делам национальностей, однако их полномочия существенно сократились.

Ключевой поворот произошёл в 2012 году, когда в структуре Администрации Президента было создано Управление Президента России по вопросам государственной национальной политики.

---

[803] Лапкин В.В., Пантин В.В. Политическая история национального вопроса в России. М.: Мысль, 1996. С.312–315.

[804] Заславский С.Е. Национальная политика в России: от хаоса к управляемости // Россия и современный мир. 2004. № 2. С.45–60.

Это стало институциональным признанием того, что этнополитическая безопасность требует не только оперативного реагирования, но и системного, стратегического подхода. Управление стало координирующим центром для всех федеральных органов исполнительной власти, участвующих в реализации национальной политики[805].

Одновременно с этим развивалась межведомственная координация.

В 2013 году при Министерстве регионального развития РФ (позднее – при Министерстве по делам Северного Кавказа, а затем – при Министерстве экономического развития) функционировал аппарат по реализации государственной национальной политики.

После упразднения Минрегионразвития в 2014 году координационные функции были переданы Министерству юстиции России, которое стало отвечать за регистрацию национальных общественных объединений и мониторинг их деятельности в целях противодействия экстремизму.

Важным элементом институциональной архитектуры стали также региональные органы власти. В субъектах Российской Федерации с многонациональным составом населения (например, в Татарстане, Башкортостане, Дагестане, Саха (Якутии)) действуют министерства или комитеты по национальной политике, межэтническим и межконфессиональным отношениям. Однако их деятельность всё чаще подчиняется федеральным приоритетам, что свидетельствует о переходе от модели «асимметричного федерализма» к более унифицированной системе управления[806].

Несмотря на то, что исполнительная власть по-прежнему доминирует в обеспечении этнополитической безопасности, значительную роль играют и другие институты. Так, например, Государственная Дума и Совет Федерации участвуют в формировании правовой базы, регулирующей межнациональные отношения. В частности, в 2010-х годах были приняты ключевые законы, к которым относятся:

– Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (в ред. 2016 г.);

– Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с поправками, закрепляющими право на использование родных языков);

– законодательные инициативы, направленные на противодействие реабилитации нацизма и разжиганию межнациональной розни[807].

---

[805] Указ Президента РФ от 15 октября 2012 г. № 1393 «Вопросы Администрации Президента Российской Федерации».

[806] Гаджиев К.С. Федерализм и национальная политика в современной России //Федерализм. 2018. № 3. С.22-37.

[807] См.: Федеральный закон от 05.05.2014 № 114-ФЗ «О внесении изменений в статью 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Особого внимания заслуживает создание в 2015 году Межфракционной депутатской группы по защите христиан и аналогичных платформ, ориентированных на защиту традиционных конфессий, что косвенно влияет на этнополитическую стабильность, учитывая тесную связь этничности и религии в ряде регионов России.

Что касается гражданского общества то его роль в системе этнополитической безопасности двойственна.

С одной стороны, национально-культурные автономии (НКА), зарегистрированные в соответствии с Федеральным законом «О национально-культурной автономии» (1996), выступают важными партнёрами государства в сохранении языков, традиций и социальной адаптации мигрантов[808]. По состоянию на 2023 год в России действует более 700 НКА, представляющих свыше 120 этнических групп.

С другой стороны, государство проявляет осторожность в отношении неправительственных организаций, получающих иностранное финансирование, особенно если их деятельность связана с правами национальных меньшинств. Закон «об иностранных агентах» (2012) и последующие нормативные акты ограничили влияние внешних субъектов на внутренние этнополитические процессы, что, по мнению официальных лиц, способствует снижению рисков «цветных революций» и дестабилизации[809].

Таким образом, гражданское общество включено в систему обеспечения этнополитической безопасности, но в рамках строго регламентированного партнёрства, исключающего автономию и критическую оппозицию.

В XXI веке всё более заметную роль в обеспечении этнополитической безопасности играют силовые структуры и ведомства. Федеральная служба безопасности (ФСБ), Министерство внутренних дел (МВД), Росгвардия и Следственный комитет России активно участвуют в предотвращении и пресечении проявлений экстремизма, сепаратизма и терроризма.

Особое значение приобрела профилактика радикализации в этнических и религиозных общинах. С этой целью ФСБ и МВД развивают систему мониторинга общественных настроений, в том числе в социальных сетях, а также взаимодействуют с традиционными духовными лидерами (например, с Советом муфтиев России, Русской православной церковью) для выявления и нейтрализации деструктивных идеологий[810].

---

[808] Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии».

[809] См.: Закон РФ от 20.07.2012 № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента»

[810] Доклад ФСБ России «О состоянии и мерах противодействия экстремизму в 2022 году». М., 2023.

Важным инструментом стал Национальный антитеррористический комитет (НАК), который координирует действия всех силовых структур в регионах с повышенным риском этноконфессиональной напряжённости (в первую очередь на Северном Кавказе). Деятельность НАК направлена не только на силовое подавление угроз, но и на социально-экономическую реабилитацию конфликтных территорий, что соответствует современным подходам к комплексной безопасности[811]. Однако усиление роли силовых структур вызывает критику со стороны части научного сообщества. Так, например, В.А. Тишков указывает, что чрезмерная секьюритизация национальной политики может привести к маргинализации этнических идентичностей и росту недоверия к государству[812].

Параллельно с правоохранительными мерами государство развивает мягкие институты обеспечения этнополитической безопасности. Ключевую роль здесь играют система образования и культурная политика.

В 2010-х годах в рамках реализации Стратегии государственной национальной политики на 2012–2025 годы началось внедрение курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) в начальной школе, а также усиление патриотического компонента в школьных и вузовских программах. Особое внимание уделяется формированию российской гражданской идентичности как надэтнической основы национального единства[813].

В 2021 году Министерством просвещения РФ был утверждён Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС), в котором прямо закреплено требование о воспитании «уважения к многонациональному народу Российской Федерации, его культуре, традициям и языкам»[814].

При этом сохраняется баланс между поддержкой родных языков (в рамках региональных компонентов) и обязательным изучением русского языка как языка межнационального общения. Эти меры направлены на создание позитивного нарратива о многонациональной России в котором этническое разнообразие рассматривается не как угроза, а как ресурс национальной устойчивости. Несмотря на развитую институциональную структуру, система обеспечения этнополитической безопасности в России сталкивается с рядом системных проблем.

---

[811] Положение о Национальном антитеррористическом комитете (утв. Указом Президента РФ от 18.02.2010 № 205).

[812] Тишков В.А. Не надо бояться национального вопроса//Неприкосновенный запас. 2019. № 4. (126). С. 10–18.

[813] Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1663).

[814] Приказ Минпросвещения РФ от 31.05.2021 № 282 «Об утверждении ФГОС начального общего образования».

Главная из них – фрагментация полномочий между различными ведомствами. Отсутствие единого федерального органа, обладающего исключительной компетенцией в сфере национальной политики, приводит к дублированию функций, противоречивости решений и снижению эффективности управления.

Кроме того, наблюдается дисбаланс между центром и регионами. В то время как федеральный уровень делает ставку на унификацию и гражданскую идентичность, некоторые регионы продолжают продвигать этнократические модели (например, через титульные языки, национальные символы, квоты на государственной службе), что создаёт потенциал для конфликтов[815].

Наконец, сохраняется недостаточная вовлеченность научного сообщества в разработку стратегий. Хотя отдельные институты РАН (Институт экономики РАН, Институт научной информации по общественным наукам, Институт мировой экономики и международных отношений) проводят исследования в этой области, их рекомендации редко находят прямое отражение в государственной политике, что снижает её научную обоснованность.

Тем не менее общая тенденция последних лет свидетельствует о движении к более целостной, системной модели управления этнополитической безопасностью, основанной на сочетании правового регулирования, силового сдерживания, культурной интеграции и гражданского партнёрства.

Государственные стратегии обеспечения этнополитической безопасности в России XXI века не возникли на пустом месте – они сформировались как реакция на системный кризис национальной политики, пережитый страной в 1990-е годы.

В условиях распада СССР, ослабления центральной власти и идеологического вакуума федеральный центр утратил не только инструменты управления межэтническими процессами, но и саму концептуальную основу такой политики.

Заявленный в Конституции Российской Федерации 1993 года «многонациональный народ» оставался абстрактной формулой, не подкреплённой ни институтами, ни стратегическими документами[816].

В этот период доминировала так называемая политика «пожарной части» – реактивное реагирование на острые конфликты (Чечня, Осетия–Ингушетия, Тува, Ставрополье), а не превентивное управление межэтническими отношениями.

---

[815] Мухаметшин Р.Г. Этнический федерализм в России: вызовы и перспективы //Вестник Башкирского университета. 2020. т.25. № 4. С.112–119.

[816] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). Статья 1, часть 3.

Отсутствие единой государственной доктрины позволяло регионам формировать собственные модели национальной политики, зачастую основанные на этнократических принципах. В ряде республик были приняты конституции, провозглашавшие титульную нацию «государствообразующей», а русскоязычное население всё чаще воспринималось как «колонизаторское меньшинство»[817].

Именно вакуум стратегического мышления в 1990-е годы стал одной из ключевых причин обострения этнополитической напряжённости и угрозы территориального распада. Как отмечал В.А. Тишков, «государство тогда защищало не столько границы, сколько саму идею общности»[818]. Этот исторический урок стал отправной точкой для формирования новых подходов в XXI веке.

Первым значимым документом, заложившим основы стратегического подхода, стала Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ Б.Н. Ельцина от 15 июня 1996 года № 891[819]. Несмотря на поздний срок принятия (в самый разгар межэтнических кризисов), Концепция предложила важные принципы, которые впоследствии легли в основу стратегий XXI века. К основным указанным выше принципам относятся:

– приоритет гражданской идентичности над этнической;

– равенство всех граждан независимо от национальной принадлежности;

– сохранение культурного многообразия в рамках единого правового поля;

– недопустимость сепаратизма и этнической дискриминации.

Особое значение имело провозглашение русского языка языком межнационального общения, что стало важным шагом на пути к преодолению языковой раздробленности. В то же время Концепция оставалась декларативной: в ней не было чётких механизмов реализации, показателей эффективности и ответственных исполнителей. Более того, ее положения не были закреплены в законодательстве, что сводило на нет практическое воздействие.

Тем не менее именно Концепция 1996 года заложила нормативно-целостную основу будущих стратегий, подтвердив, что Россия – не этническое, а гражданское государство, основанное на принципах правового равенства и культурного плюрализма.

---

[817] Брагинский Ю.В. Этнические конституции российских республик: правовые и политические аспекты // Журнал российского права. 1998. № 7. С.45–56.

[818] Тишков В.А. Этническое и гражданское в национальной политике России // Вопросы философии. 2003. № 5. С.12.

[819] Указ Президента РФ от 15.06.1996. № 891 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации».

Качественный прорыв в системе стратегического планирования произошёл в 2012 году с принятием Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года (Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1663)[820].

Этот документ стал первым в истории России стратегическим планом в сфере национальной политики, имеющим чёткие цели, задачи, приоритеты и горизонт планирования.

Стратегия 2012 года отразила фундаментальный сдвиг в понимании этнополитической безопасности: от реактивной защиты к активному построению гражданской нации.

В её основе лежит идея российской нации как общности граждан, объединённых общей историей, культурой, территорией и будущим. При этом культурное и языковое многообразие признаётся «важнейшим достоянием» страны, но подчиняется логике единства.

Ключевые стратегические цели документа включают:

– укрепление российской гражданской идентичности;

– развитие межэтнического и межконфессионального согласия;

– противодействие проявлениям экстремизма и сепаратизма;

– интеграция мигрантов в российское общество;

– сохранение и развитие языков и культур народов России.

Особое внимание уделяется молодежной политике, что отражает понимание того, что этнополитическая безопасность — это не только вопрос сегодняшнего дня, но и инвестиция в будущее. Через систему образования, патриотические клубы, добровольческие движения и культурные проекты государство стремится сформировать у молодого поколения чувство принадлежности к единой российской общности[821].

В Стратегии 2012 года также впервые были чётко обозначены внешние угрозы этнополитической безопасности: «попытки дестабилизации внутриполитической ситуации в Российской Федерации посредством разжигания межнациональной розни, поддержки сепаратистских движений и дискредитации исторического наследия». Это свидетельствовало о переходе к геополитическому измерению национальной политики.

После 2014 года, в контексте событий на Украине, введения санкций и обострения отношений с Западом, государственная стратегия в сфере этнополитической безопасности претерпела дальнейшие изменения. Хотя формально Стратегия-2025 оставалась действующим документом, её реализация стала сопровождаться рядом дополнительных мер и корректировок, направленных на усиление внутренней сплочённости.

---

[820] Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1663 «О стратегии Государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»

[821] См.: пункт 17 Стратегии 2025. См.: Стратегия национальной безопасности РФ (2021), пункт 23.

Во-первых, была усилена идеологическая составляющая. В официальных выступлениях и нормативных актах всё чаще звучит тезис о «традиционных духовно-нравственных ценностях» как основе национального единства. Это нашло отражение в Стратегиях национальной безопасности 2015 и 2021 годов, где защита этих ценностей объявлена приоритетной задачей[822].

Во-вторых, произошёл акцент на историческую память как инструмент консолидации. Противодействие «фальсификации истории», особенно в контексте Великой Отечественной войны, стало частью обеспечения этнополитической безопасности. Закон о запрете реабилитации нацизма (2014) и последующие поправки в КоАП и УК РФ усилили правовую защиту исторического нарратива[823].

В-третьих, была активизирована политика в отношении соотечественников за рубежом.

Программа переселения соотечественников, поддержка русскоязычных общин в ближнем зарубежье и продвижение русского языка через «Русский мир» стали элементами не только «мягкой силы», но и внутренней стабильности — за счёт укрепления связей с диаспорами и снижения рисков «обратной миграции» в условиях кризиса[824].

Таким образом, стратегия 2012 года не была отменена, а адаптирована к новым геополитическим реалиям, приобретя более защитный, консолидирующий и идеологически насыщенный характер.

В 2021–2024 годах наблюдается дальнейшая институциональная и концептуальная интеграция этнополитической безопасности в общую архитектуру национальной безопасности. Хотя отдельной «Стратегии этнополитической безопасности» по-прежнему не существует, её элементы последовательно включаются в ключевые стратегические документы. Например, к таким документам относятся:

– Стратегия национальной безопасности РФ (2021), которая прямо указывает на угрозы, связанные с «дестабилизацией межнациональных и межконфессиональных отношений[825].

– Доктрина информационной безопасности (2021), которая акцентирует внимание на противодействии «Информационным технологиям, направленным на разжигание межнациональной розни»[826].

---

[822] См.: Стратегия национальной безопасности РФ (2021), пункт 23.

[823] Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в статьи 354 (1) и 354 (11) Уголовного кодекса Российской Федерации.

[824] Государственная программа «Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (Утв. Постановлением Правительства РФ от 14.09.2012. № 915.

[825] Указ Президента РФ от 02.07.2021. № 400. Пункт 23 (ж).

[826] Указ Президента РФ от 05.12.2021. № 672. Пункт 18.

– Концепция внешней политики Российской Федерации (2023), которая подчеркивает роль «защиты прав русскоязычных и российских общин за рубежом» как элемента национальной безопасности[827].

Это свидетельствует о том, что этнополитическая безопасность перестала восприниматься как узкоспециализированная сфера и стала сквозной задачей, пронизывающей все направления государственной политики – от внутренней и внешней до информационной и культурной.

Важным нововведением стало введение в 2023 году мониторинга реализации Стратегии–2025 с участием представителей научного сообщества, гражданского общества и регионов. Это позволило не только оценить достигнутые результаты, но и выявить новые вызовы – такие как этническая сегрегация в мегаполисах, радикализация молодёжи в социальных сетях, давление на малые народы со стороны добывающих компаний[828].

Эволюция государственных стратегий обеспечения этнополитической безопасности в России XXI века отражает общий вектор трансформации государства: от хаоса и реактивности к системности, стратегическому планированию и интеграции в национальную безопасность. Если в 1990-е годы отсутствие стратегии само по себе было угрозой, то в 2020-е годы стратегия становится инструментом упреждающего управления, направленным на консолидацию общества в условиях внешнего давления и внутренней трансформации.

Ключевым достижением этого периода стало формирование гражданско-патриотической парадигмы, в рамках которой признаётся этническое разнообразие, но оно подчиняется логике единства. Однако перед государством по-прежнему стоят серьёзные задачи: необходимо найти баланс между централизацией и региональной автономией, между защитой от угроз и поддержкой культурного плюрализма, между идеологической консолидацией и уважением к инаковости. Ответы на эти вызовы определят облик стратегий следующего десятилетия.

Эффективность государственной стратегии обеспечения этнополитической безопасности в Российской Федерации в XXI веке напрямую зависит от развитости её институционально-правовой базы. Как отмечает В.А. Тишков, «без устойчивых институтов, способных транслировать политику из центра в регионы и обеспечивать обратную связь, любая стратегия рискует остаться декларативной»[829].

---

[827] Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023). Пункт 58.

[828] Мониторинг реализации Стратегии -2025 (2023). М.:Экспертный институт социальных исследований, 2023. С.34–39.

[829] Тишков В.А. Этническая ситуация в России: вызовы и ответы // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С.12–28.

В этом контексте ключевую роль играют как федеральные органы власти, так и региональные структуры, а также консультативные и общественные институты, формирующие пространство диалога между этническими общностями. Центральным координационным органом в сфере межнациональных отношений выступает Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, учреждённый в 2011 году. В его функции входит выработка предложений по совершенствованию государственной национальной политики, мониторинг межэтнической ситуации и содействие в разрешении конфликтов[830].

Несмотря на консультативный статус, Совет стал важным инструментом вертикальной интеграции этнополитической повестки, особенно после обострения ситуации на Северном Кавказе в начале 2010-х годов. На оперативном уровне реализация стратегий осуществляется через федеральные министерства и ведомства. В частности, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации отвечает за формирование межкультурной компетентности в университетской среде, а Министерство просвещения – за внедрение программ патриотического и гражданского воспитания в школах.

Важно подчеркнуть, что с 2020 года в рамках национального проекта «Образование» запущены модули по «культурному многообразию России», направленные на профилактику этнических стереотипов среди подростков.

На региональном уровне ответственность за реализацию государственной национальной политики возложена на органы исполнительной власти субъектов России, чаще всего – на департаменты (министерства) по национальной политике, делам казачества или связям с общественностью. Однако степень их вовлечённости и ресурсное обеспечение существенно различаются. Так, в республиках Северного Кавказа и Поволжья функции по обеспечению межнационального согласия традиционно закреплены за отдельными ведомствами с широкими полномочиями, тогда как в моноэтничных регионах Центральной России такие структуры либо отсутствуют, либо действуют в рамках общих департаментов по внутренней политике[831].

Особое значение в институциональной архитектуре имеют общественные палаты и межэтнические советы, создаваемые при губернаторах. Хотя их влияние часто ограничивается рекомендательным характером, именно через эти площадки осуществляется вовлечение этнокультурных автономий, религиозных организаций и НКО в диалог с властью.

---

[830] Указ Президента РФ от 15 апреля 2011 г. № 477 «Вопросы Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям».

[831] Дробижева Л.М. Федерализм и национальная политика в России: региональный аспект // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020.-т.22. № 3. С. 456–472.

По данным мониторинга Института этнологии и антропологии РАН (2023), в 68 субъектах Российской Федерации действуют региональные советы по межнациональным отношениям, однако лишь в 23 из них предусмотрено регулярное финансирование их деятельности[832].

Таким образом, институционально-правовая система обеспечения этнополитической безопасности в России обладает значительным потенциалом, однако её эффективность сдерживается раздробленностью полномочий, недостаточной координацией между уровнями власти и слабой интеграцией негосударственных субъектов. Российская Федерация как государство, объединяющее более 190 этносов, демонстрирует значительное разнообразие региональных подходов к обеспечению этнополитической безопасности. Это разнообразие обусловлено как историко-культурными особенностями, так и демографической структурой, уровнем социально-экономического развития и геополитическим положением субъектов России.

В научной литературе выделяют несколько типов региональных моделей: республиканская (мультиэтническая), моноэтническая с миграционным давлением, коренных малочисленных народов Севера и мегаполисная (многонациональная урбанизированная).

Республики Поволжья и Северного Кавказа традиционно выступают локомотивами институционализации межэтнического диалога. Так, в Республике Татарстан с начала 2000-х годов действует система «гражданского согласия», основанная на принципе равноправия татарского и русского языков, развитии двуязычного образования и поддержке межконфессионального взаимодействия[833].

Важным элементом является ежегодный форум «Казань – территория межкультурного диалога», который с 2012 года приобрёл международный статус. Анализ данных ВЦИОМ (2023) показывает, что 78 % жителей республики оценивают межэтнические отношения как «спокойные» или «дружественные» – это один из самых высоких показателей в стране.

В отличие от Татарстана, Дагестан сталкивается с иной конфигурацией вызовов: здесь этническое многообразие сочетается с высокой плотностью локальных идентичностей (аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины и др.), что требует не только межэтнической, но и межгрупповой политики.

Государственная стратегия здесь делает упор на сохранение традиционных институтов, таких как советы старейшин (джамааты) и духовные управления мусульман[834].

---

[832] Мониторинг реализации государственной национальной политики в субъектах РФ / Под ред. А.В. Малашенко. М.: ИЭА РАН. 2023. С. 142.

[833] Государственная программа Республики Татарстан «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 202–2025 годы»- Казань, 2021.

[834] Бобровников В.О. Традиционные институты и современное управление в Дагестане // Этнографическое обозрение. 2020.-№ 4. С. 112–129.

Тем не менее, как отмечают исследователи, в условиях экономической маргинализации и высокого уровня безработицы среди молодёжи эти институты всё чаще теряют легитимность, что создаёт риски радикализации.

Москва, как крупнейший мегаполис с высоким уровнем миграции, представляет собой модель урбанистической этнополитики. Здесь основной упор делается на профилактику ксенофобии и интеграцию мигрантов. С 2015 года в столице действует программа «Москва – город равных возможностей», которая включает в себя курсы русского языка для мигрантов, межкультурные фестивали и систему «этнокультурных наставников» в школах, где учится много детей из семей трудовых мигрантов[835]. Однако, по данным ФОМ (2024), 41 % москвичей считают, что «чрезмерное присутствие мигрантов угрожает культурной самобытности города», что указывает на ограниченность принимаемых мер.

Наконец, регионы Центральной России (например, Тульская или Курская области), отличающиеся низким уровнем этнического разнообразия, часто проявляют институциональную пассивность в сфере национальной политики. Отсутствие постоянных департаментов по межнациональным отношениям, редкие профилактические мероприятия и слабая подготовка муниципальных служащих к работе с этническими конфликтами создают «эффект латентной уязвимости»: при возникновении даже локального инцидента (например, бытового конфликта с участием мигранта) система реагирования оказывается не готовой.

Таким образом, региональные модели управления этнополитической безопасностью в России отражают как достижения, так и системные диспропорции. Успешные практики (как в Татарстане или Москве) требуют тиражирования с учётом локального контекста, в то время как «слабые звенья» – особенно в моноэтнических регионах – нуждаются в целенаправленной поддержке со стороны федерального центра.

В XXI веке угрозы этнополитической безопасности в России претерпели качественную трансформацию. Если в 1990–2000-е годы доминировали риски, связанные с территориальным сепаратизмом и вооружёнными конфликтами, то сегодня ключевые вызовы носят диффузный, сетевой и дискурсивный характер.

Среди них особое место занимают радикальный национализм, цифровая дезинформация и внешнее вмешательство.

Радикальный национализм в России эволюционировал от уличных движений (таких как «Славянский союз» или «Формат 18») к декларативно «патриотическим» онлайн-сообществам, маскирующим ксенофобские идеи под защиту «традиционных ценностей».

---

[835] Правительство Москвы. Программа «Москва – город разных возможностей» (2023-2027). М., 2023.

По данным Центра мониторинга противодействия экстремизму при РАНХиГС (2024), количество выявленных материалов с признаками этнической вражды в российском сегменте интернета выросло на 37 % по сравнению с 2020 годом[836]. Особенно уязвимой оказывается молодежная аудитория: алгоритмы социальных сетей способствуют формированию «информационных пузырей», в которых этнические стереотипы воспроизводятся и усиливаются без критического осмысления.

Цифровая дезинформация стала новым вектором дестабилизации. Как показало исследование Института проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге (2023), в периоды социальной нестабильности (например, во время пандемии или мобилизации) в соцсетях активизируются ботофермы, распространяющие фейки о «массовых преступлениях мигрантов» или «тайных планах по ассимиляции коренных народов»[837].

Подобные нарративы, даже при отсутствии подтверждений, могут спровоцировать локальные вспышки агрессии – как это произошло в Брянской области в 2022 году, когда слухи в Telegram привели к нападению на пункт временного размещения мигрантов[838].

Не менее серьёзным вызовом остаётся внешнее вмешательство.

Согласно докладу Совета Федерации «О рисках информационно-психологического воздействия на межнациональные отношения в РФ» (2023), отдельные зарубежные акторы целенаправленно используют этническую тематику для дестабилизации внутренней ситуации в России. В частности, выявлены кампании, направленные на поддержку сепаратистских настроений среди коренных народов Севера через финансируемые из-за рубежа НКО и СМИ[839].

Хотя прямые призывы к сепаратизму блокируются, более мягкие формулировки, такие как «культурный суверенитет» или «право на автономное развитие», используются для легитимизации диверсификации политической лояльности. Наконец, структурные социальные изменения – урбанизация, демографический переход – создают фоновую нестабильность. По прогнозам Росстата, к 2030 году доля мигрантов в крупных городах может превысить 25 %, что потребует новых подходов к интеграции[840].

---

[836] Центр мониторинга противодействия экстремизму РАНХиГС. Ежегодный отчет за 2024 г. М., 2024. С.34.

[837] Петухов В.В., Смирнов А.Д. Цифровая дезинформация и межэтнические конфликты в России // Журнал социологии и социальной антропологии. -2023.-т. 26, № 2. - С.155-170.

[838] См.: Инцидент в Брянске: анализ причин и последствий / Под ред. Е.Ю. Загрядской. - М.: ИЭА РАН, 2022. – 48 с.

[839] Совет Федерации. Доклад «Об информационно-психологических угрозах межнациональному согласию в РФ». - М., 2023. С.22–25.

[840] Росстат. Демографические прогнозы до 2035 года. М., 2-23.

В то же время сокращение численности коренных малочисленных народов Севера (на 12 % за последние 15 лет) усиливает чувство уязвимости и риски этнического ревизионизма[841].

В совокупности эти вызовы формируют новую парадигму этнополитической безопасности, в которой главным полем битвы становится не территория, а символическое пространство идентичностей.

Для ответа на этот вызов требуются не только правоприменительные, но и коммуникативные, образовательные и технологические решения.

Несмотря на наличие разветвлённой нормативно-стратегической базы и декларируемый приоритет межнационального согласия в повестке национальной безопасности, реализация государственной политики в сфере этнополитической безопасности в России XXI века сталкивается с рядом системных ограничений, которые существенно снижают её эффективность.

К основным вышесказанным системным ограничениям относятся:

Во-первых, наблюдается хроническая раздробленность полномочий и отсутствие единого координирующего центра.

Хотя Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям формально выполняет функции стратегического руководства, его консультативный статус не позволяет обеспечить жёсткую вертикаль исполнения решений.

В то же время ответственность за реализацию конкретных мер при реализации государственной политики по укреплению этнополитической безопасности в России распределена между Министерством науки и высшего образования, Министерством просвещения, Министерством культуры, Росмолодёжью, а также региональными органами власти.

Отсутствие единого оператора приводит к дублированию усилий, пробелам в охвате проблемных зон и слабой обратной связи между федеральным центром и регионами.

Во-вторых, преобладает реактивный, а не превентивный подход.

Государственная политика по-прежнему направлена на ликвидацию последствий межэтнических конфликтов, а не на их предотвращение. Система раннего выявления рисков, несмотря на декларации в Стратегии национальной безопасности, функционирует фрагментарно.

По данным Института этнологии и антропологии РАН (2023), лишь в 15 субъектах России действуют регулярные программы мониторинга общественных настроений по этническому признаку, в то время как в остальных анализ ситуации проводится эпизодически[842].

---

[841] Перепелкин А.А. Демографическая уязвимость коренных народов Севера: вызовы и ответы // Север и рынок: управление социально-экономическим развитиеи. 2021.№4. С.5–18.

[842] Мониторинг реализации государственной национальной политики в субъектах РФ // Под ред. А.В. Малашенко. - М., ИЭА РАН, 2023. С.78–82.

В-третьих, существует значительный разрыв между федеральной стратегией и региональной практикой.

Многие субъекты Российской Федерации, особенно в Центральной и Северо-Западной России, формально выполняют предписания Концепции государственной национальной политики, но не адаптируют их к местным условиям. В результате программы носят шаблонный характер: проводятся фестивали национальных культур, издаются буклеты, организуются «дни дружбы народов», но при этом не затрагиваются реальные источники напряжённости, такие как дискриминация мигрантов в сфере ЖКХ, трудоустройства или образования. Как показало исследование Л.М. Дробижевой, «в регионах с низким уровнем этнического разнообразия национальная политика часто воспринимается как дань моде, а не как инструмент управления социальными рисками»[843]. Это приводит к формированию иллюзии стабильности при реальном накоплении скрытых конфликтов.

В-четвертых, крайне слабо задействован потенциал гражданского общества и этнокультурных автономий.

Несмотря на декларируемый курс на партнёрство с НКО, фактически большинство общественных организаций, представляющих интересы этнических общин, остаются на периферии процесса принятия решений. Финансирование их деятельности носит точечный и конкурентный характер, что подрывает устойчивость инициатив.

Более того, в условиях ужесточения законодательства о «нежелательных организациях» и «иностранных агентах» многие этнокультурные объединения избегают открытой критики или конструктивных предложений, опасаясь политических репрессий[844]. В результате государство лишается важного канала обратной связи и возможности использовать социальный капитал этнических сообществ для предотвращения конфликтов.

В-пятых, образовательная и медийная политика недостаточно интегрированы в систему обеспечения этнополитической безопасности.

Школьные и вузовские программы по межкультурной коммуникации остаются факультативными, а подготовка педагогов по вопросам этнической чувствительности – фрагментарной. В то же время государственные СМИ, несмотря на позитивную риторику о «многообразии в единстве», редко публикуют глубокие аналитические материалы о межэтнических процессах, предпочитая поверхностные репортажи с фольклорных мероприятий.

---

[843] Дробижева Л.М. «Скрытые» риски в моноэтнических регионах России // Вестник МГИМО. - 2023.- Т.16, № 1, С. 95.

[844] Загрядская Е.Ю. Гражданское общество и этнополитика в современной России: между сотрудничеством и контролем // Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С.134–149.

В условиях доминирования цифровых платформ это создаёт вакуум, который заполняется радикальными и дезинформационными нарративами. Как справедливо отмечает В.А. Тишков, «без системной работы с символическим пространством – через образование, культуру и медиа – невозможно противостоять деструктивным идентичностным проектам»[845].

Наконец, отсутствует четкая система оценки эффективности государственной национальной политики. Отсутствуют индикаторы, позволяющие измерять динамику межэтнического доверия, уровень толерантности, степень интеграции мигрантов или устойчивость коренных народов. Вместо этого успехи часто измеряются количеством проведённых мероприятий или объёмом выделенного финансирования – показателями, не имеющими прямого отношения к реальному состоянию этнополитической безопасности[846]. Это делает невозможным корректировку политики на основе эмпирических данных и превращает её в формальную отчётность.

Таким образом, ограничения в реализации государственной политики по обеспечению этнополитической безопасности в XXI веке носят системный характер и требуют не точечных корректировок, а комплексной реформы подходов. Без устранения указанных недостатков даже самые продуманные стратегические документы рискуют остаться декларативными и неспособными противостоять вызовам новой эпохи.

Анализ эволюции государственных стратегий в сфере этнополитической безопасности в XXI веке свидетельствует о постепенном переходе от реактивной модели управления межэтническими отношениями к проактивной, ориентированной на предотвращение конфликтов, укрепление гражданской идентичности и развитие институциональной устойчивости.

Однако актуальные вызовы – от дестабилизирующего влияния внешних акторов до внутренних дисбалансов в реализации национальной политики на региональном уровне – требуют не только корректировки существующих подходов, но и формирования новой стратегической парадигмы на период с 2025 по 2035 год.

В качестве ключевого ориентира для определения перспективных направлений выступает положение Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года о необходимости «формирования общероссийской гражданской идентичности как основы единства многонационального народа России»[847].

---

[845] Тишков В.А. Символическая политика и этнические идентичности в России. //Этнографическое обозрение. 2020.№ 5. С.12–29.

[846] Козлов В.И. Индикаторы политической стабильности: опыт разработки и применения // Социологические исследования. 2022. № 8. С.67–74.

[847] См.: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1662 // Собрание законодательства РФ. 2012.№ 52. Ст.7503.

Однако сама эта стратегия, утверждённая в 2012 году, уже исчерпала свой временной горизонт, что объективно требует разработки нового документа, отражающего трансформацию как внутренней, так и внешнеполитической конъюнктуры. В этой связи стратегический приоритет на 2025–2035 гг. должен быть связан с интеграций этнополитической повестки в систему национальной безопасности, включая её институциональное закрепление в обновлённой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Вторым приоритетом выступает декларативно-нормативное и практическое усиление роли гражданской (российской) идентичности как объединяющего фактора. При этом важно избегать противопоставления гражданской и этнокультурной идентичностей. Соответственно, в новой стратегии необходимо закрепить принцип субсидиарности – признания права субъектов Федерации на реализацию собственных программ в области межэтнических отношений при условии их соответствия федеральным целям и ценностям.

Третий стратегический вектор связан с модернизацией институциональной архитектуры. Несмотря на наличие таких структур, как Совет при Президенте России по межнациональным отношениям и Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России), наблюдается дефицит межведомственной координации, а также слабая вовлечённость гражданского общества в процесс выработки решений.

Четвёртый приоритет – цифровизация национальной политики. В условиях доминирования цифровой среды как пространства формирования общественного мнения необходимо разработать национальную программу цифровой грамотности в межэтническом контексте, направленную на противодействие дезинформации, ксенофобии и радикализации в онлайн-пространстве.

Наконец, пятым стратегическим направлением должно стать усиление международного измерения этнополитической безопасности.

Стратегический горизонт 2025–2035 годов требует перехода от фрагментарных мер к целостной, системной и опережающей политике, в которой этнополитическая безопасность рассматривается не как узкоспециализированная задача, а как неотъемлемый элемент устойчивого развития государства и общества.

В качестве итогов следует отметить:

– понятийно-категориальный аппарат этнополитической безопасности претерпел существенную трансформацию: от акцента на «межнациональной стабильности» в 1990-е годы к современной трактовке, в которой безопасность понимается как устойчивость гражданской идентичности, способность государства противостоять деструктивному внешнему влиянию и обеспечивать инклюзивное развитие этнокультурного многообразия.

Эта эволюция отражает переход от пассивной модели «предотвращения конфликтов» к активной модели «строительства общероссийской идентичности».

– институциональная архитектура, несмотря на формальное укрепление (создание ФАДН России, Совета при Президенте России и др.), страдает от межведомственной разобщённости, слабой обратной связи с регионами и ограниченного участия гражданского общества. Это снижает оперативность реагирования на локальные кризисы и ослабляет профилактический потенциал национальной политики.

– анализ стратегических документов показал, что акцент постепенно смещается с прав этнических меньшинств на укрепление гражданского единства. Однако декларативный характер многих положений Стратегии до 2025 года, отсутствие чётких показателей эффективности и механизмов ответственности за их реализацию ограничивают её практическое воздействие.

– практика реализации стратегий на местах демонстрирует значительную дифференциацию: в одних регионах наблюдается успешный опыт межэтнического диалога и инклюзивного развития, в других сохраняются риски этнической сегрегации, ксенофобии и радикализации. Это свидетельствует о необходимости персонализированного подхода к реализации национальной политики с учётом региональной специфики.

Наконец, на основе системного анализа определены пять стратегических приоритетов на период 2025–2035 годов:

– интеграция этнополитической безопасности в систему национальной безопасности;

– укрепление гражданской идентичности без ущерба для этнокультурного многообразия;

– модернизация институциональной архитектуры посредством создания межведомственного координационного центра;

– цифровизация национальной политики и противодействие дезинформации в онлайн-пространстве;

– развитие международного измерения российской модели межэтнического согласия.

Современное обеспечение этнополитической безопасности в Российской Федерации требует не просто корректировки отдельных мер, а формирования целостной, системной и опережающей стратегии, способной адаптироваться к вызовам будущего.

Только такой подход позволит сохранить и приумножить главное достижение российской государственности – единство многонационального народа в условиях глобальной нестабильности.

2.16. Стратегия создания, эксплуатации и развития защитных сооружений гражданской обороны России

В связи с началом проведения специальной военной операции с февраля 2022 года задачи гражданской обороны вновь обрели первостепенное значение. Сам термин гражданской обороны включает в себя подготовку к защите и непосредственно защиту населения от опасностей, возникающих в ходе или вследствие военных конфликтов[848].

Очевидно, что одной из основных угроз является поражение объектов и населения различными видами вооружения. Конституцией Российской Федерации каждому гарантировано право на жизнь, поэтому обеспечение безопасности населения является одной из основных задач государства.

В свою очередь вопросы гражданской обороны нашли свое отражение и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Так, достижение целей обороны Российской Федерации осуществляется, в том числе, и путем повышения готовности сил и средств гражданской обороны, при этом особое внимание уделяется мероприятиям гражданской обороны.

На сегодняшний день вопросы гражданской обороны (далее – ГО) целесообразно сгруппировать по задачам, мероприятиям, требованиям и полномочиям. Анализ нормативных правовых и других документов в области ГО свидетельствует о том, что существует пятнадцать задач ГО, мероприятий (основных) – семьдесят два, а требований и полномочий – более тысячи. Исторический опыт наглядно показывает недостаточность выделяемых сил и средств для ведения ГО.

Обстановка последних лет наглядно показывает, что Россия в очередной раз сталкивается с противоречием между возможностями гражданской обороны по обеспечению защиты населения от опасностей, возникающих в ходе или вследствие военных конфликтов и требованиями государства по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации.

В связи с этим возникает необходимость решения научной задачи, которая, на наш взгляд, может быть сформулирована так: определение первоочередных задач, мероприятий, требований и полномочий гражданской обороны, от которых напрямую зависит национальная безопасность Российской Федерации.

Одной из составных частей этой научной задачи является задача по созданию, содержанию и использованию защитных сооружений гражданской обороны, как основных средств по обеспечению защиты населения от чрезвычайных ситуаций и поражающих факторов различных видов оружия противника.

---

[848] Федеральный закон от 12.02.1998 № 28-ФЗ «О гражданской обороне».

Выявленные в ходе проведенного исследования проблемные вопросы и ситуации свидетельствуют о необходимости формирования стратегии создания, содержания и использования защитных сооружений. По нашим взглядам, основными принципами стратегии целесообразно считать: разумную достаточность проводимых изменений и мероприятий (в том числе отнесение организаций к категориям по гражданской обороне), экономическую обоснованность деятельности по созданию, содержанию и использованию защитных сооружений, социальную и законодательную ответственность организаций и органов государственной власти.

Основной целью стратегии целесообразно определить создание и развитие системы защитных сооружений гражданской обороны, способных обеспечить защиту населения России от поражающих факторов оружия и чрезвычайных ситуаций различного характера.

Каждый вооруженный конфликт имеет свои особенности и способствует развитию как военного искусства, так и средств вооруженной борьбы. Поэтому, применение беспилотных систем различного назначения и дальнобойных средств поражения, стало характерным признаком специальной военной операции. При этом, наряду с поражением воинских формирований, наблюдается рост потерь среди мирного населения.

Это связано как с нежеланием части населения эвакуироваться, так и с тем, что уничтоженные средствами ПВО беспилотные авиационные системы (далее – БАС) противника при падении поражают инфраструктуру и население. Кроме того, гибель населения возможна и при непосредственном вторжении вооруженных сил противника на территорию субъектов Российской Федерации на которой не осуществляется ведение боевых действий и отсутствуют в необходимом количестве воинские формирования способные пресечь подобные операции противника (май-июнь 2023 года в Белгородской области и с августа 2024 года по апрель 2025 года в Курской области)[849].

Следует учитывать, что полная эвакуация населения из районов боевых действий невозможна в силу необходимости осуществлять какую-либо деятельность для обеспечения действий войск и поддержания критической инфраструктуры прифронтовой полосы в рабочем состоянии, а также невозможности эвакуироваться ввиду отдаленности мест проживания от основных маршрутов эвакуации и отсутствием средств эвакуации у данной категории населения. Наряду с постоянными обстрелами российской территории системами залпового огня и дальнобойной артиллерией, противник массово применяет беспилотные авиационные системы.

[849] Задачи в области гражданской обороны и опыт их решения в ходе специальной военной операции на Украине / В. В. Абрамов, А. В. Агарков, С. Н. Азанов [и др.]. – М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2024. – 444 с. – ISBN 978-5-93970-297-3. – EDN RCTGXP.

Так по сообщению Министерства обороны Российской Федерации с начала проведения СВО силами ПВО было сбито более 85 тысяч БАС[850]. Основная масса поражения беспилотных систем осуществляется в тактической и оперативно-тактической зоне ведения боевых действий. Поэтому, четвертая задача ГО – предоставление населению средств коллективной защиты (защитных сооружений гражданской обороны), представляется в условиях вооруженного конфликта наиболее значимой.

Общеизвестно, что жизнь и здоровье граждан во время использования противником обычных средств поражения напрямую зависит от наличия и количества мест для укрытия населения. Немаловажными факторами также являются знания о местах нахождения защитных сооружений и своевременность оповещения.

В условиях, требующих государственного регулирования общественных отношений, одной из форм такого регулирования является федеральный государственный надзор в области гражданской обороны. Этот надзор охватывает федеральные органы исполнительной власти, исполнительные органы субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и различные организации. Благодаря государственному надзору выявляются нарушения обязательных требований в области гражданской обороны, выдаются предписания для их устранения, а также применяются меры ответственности.

В связи с проведением СВО перед МЧС России возникла задача в дополнительной защите населения страны, поэтому министром было доложено Президенту Российской Федерации о целесообразности издания поручения для проведения внеплановых проверок в отношении органов власти и организаций в рамках государственного надзора в области гражданской обороны в 2024 году[851].

За 2024 год было организовано и проведено более 30 тысяч проверок, в ходе которых выявлено более 85 тысяч нарушений. Защитные сооружения гражданской обороны (ЗС ГО) оказались наиболее подверженными нарушениям – зафиксировано более 30 тысяч случаев его отсутствия либо нарушения правил эксплуатации. Общая структура выявленных нарушений представлена на Рисунке 29[852,853].

---

[850] Минобороны России: более 85 тысяч беспилотников уничтожили с начала СВО – URL: https://www.vesti.ru/article/4694774. (дата обращения:12.10.2025). – Текст : электронный.

[851] Поручение Президента Российской Федерации от 21.01.2024 № Пр-107.

[852] Дронов А. В. Предложения в методику оценки готовности организации и органов власти к выполнению мероприятий в области гражданской обороны / А. В. Дронов, В. Н. Григорьев // Гражданская оборона на страже мира и безопасности: Материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной Всемирному дню гражданской обороны. В 5-ти частях, Москва, 28 февраля 2025 года. – Москва: Академия государственной противопожарной службы, 2025. – С. 186-192.

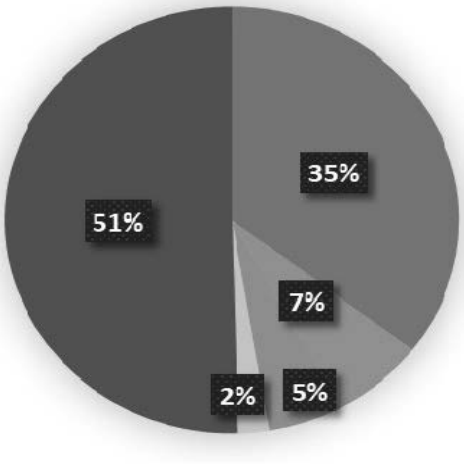

Рисунок 29 – Количество выявленных нарушений в области ГО за 2024 год:
35 % (30,35 тыс.) – ЗС ГО;
7 % (5,72 тыс.) – планирование мероприятий по ГО;
5 % (4,62 тыс.) – подготовка населения в области ГО;
2 % (1,84тыс.) – запасы ГО;
51 % (43,23 тыс.) – остальные в сумме.

Практика надзорной деятельности свидетельствует, что в случае выявления нарушений обязательных требований в области гражданской обороны, кроме предписания об их устранении, инспектором составляется протокол по ст. 20.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и направляется в мировой суд для рассмотрения.

Размер штрафа несоизмеримо мал по сравнению с затратами на создание защитного сооружения гражданской обороны. Так, максимальный штраф по ст. 20.7 КоАП РФ для юридического лица – 200 тыс. руб. При этом необходимо учитывать, что создание защитного сооружения обходится в несколько миллионов рублей.

Кроме того, срок на устранения нарушения в предписании должен быть разумным (на защитное сооружение минимум 1 год), а в случае неисполнения предписания в области гражданской обороны административная ответственность идет по другой норме права – ч. 1, ст. 19.5 КоАП РФ, где штраф для юридического лица – 20 тыс. руб.

---

[853] Автоматизированная аналитическая система поддержки и управления контрольно-надзорными органами. – URL: https://monitoring.gpn.mchs.ru/#/control-supervision/root/GNGO?start=2024-01-01&end=2024-12-31. (дата обращения: 12.10.2025). – Текст : электронный.

То есть, если у какого-либо недобросовестного лица нет желания создавать защитное сооружение, то оно заплатит 200 тыс. руб. штрафа, затем каждый год будет платить по 20 тыс. руб., что является абсурдным с точки зрения обеспечения безопасности, но законным по сути.

По указанной причине за 2024 год было подано порядка 450 досудебных жалоб, где выражено несогласие с выявленными нарушениями, что составляет 1,5 % от 30 тысяч проводимых проверок[854]. В связи с обязательным порядком предварительной досудебной подачи жалобы, в суде было обжаловано около 150 исков[855].

Из-за реформы и изменений в контрольной (надзорной) деятельности, связанной с коронавирусной инфекцией (COVID-19) государственный надзор в области гражданской обороны осуществлялся со значительными ограничениями, по этой причине в 2023 и 2024 годах рост выявленных нарушений произошел в сотни раз, при этом самыми массовыми являются нарушения, связанные с созданием и содержанием защитных сооружений.

Следует учитывать, что государственный надзор предназначен для заблаговременного контроля, поскольку определять наличие и готовность защитных сооружений в зоне ведения боевых действий нецелесообразно. Для всестороннего исследования положения дел с защитными сооружениями гражданской обороны, а также направлений развития средств коллективной защиты необходимо рассмотреть историю их создания и использования.

Исторические этапы развития защитных сооружений.

Великая Отечественная война стала основным периодом развития защитных сооружений гражданской обороны. Немецко-фашистские войска использовали авиацию для нанесения бомбовых ударов по площадям и жилым застройкам, поэтому остро встал вопрос об укрытии населения. В дальнейшем, появление ядерного, химического и биологического оружия заставило совершенствовать средства и способы защиты населения.

С созданием блока НАТО с одной стороны и формированием организации Варшавского договора с другой в мире возникла угроза развязывания третьей мировой войны. Этот период в международной политике характеризовался противостоянием блока империалистических государств странам социалистического лагеря.

---

[854] Информационная система «Единая информационная среда цифровизации процессов предоставления государственных услуг в сфере обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах физическим лицам, субъектам малого и среднего предпринимательства, индивидуальным предпринимателям, а также мониторинга пожарной безопасности объектов защиты». – URL: https://registry.cgu.mchs.ru/pretrial/knd/registry. (дата обращения: 14.10.2025). – Текст : электронный.

[855] Сведения из ответов территориальных органов МЧС России на письмо Департамента надзорной деятельности и профилактической работы МЧС России от 24.01.2025 № М-19-70 из системы электронного документооборота. – URL: https://sed.mchs.ru/node/159428585. (дата обращения: 14.10.2025). – Текст : электронный.

Нарастание политической напряженности было связано и с «гонкой вооружений» в ходе которой противники производили и накапливали запасы ядерного, химического и биологического оружия. Наряду с этим разрабатывались средства его доставки и поражения. Наиболее эффективным средством защиты населения были признаны защитные сооружения различного типа. В связи с этим в Советском Союзе, как и во всех развитых капиталистических странах проектировались и строились коллективные средства защиты, но после его распада в 1991 году ситуация резко изменилась.

Перед Россией – преемницей СССР возник вопрос о создании новых и содержании существующих защитных сооружений. В результате недальновидных управленческих решений значительная часть ЗС ГО была незаконно приватизирована и сдана в аренду. Соответственно осуществление надзора за состоянием защитных сооружений в таких условиях стало затруднительно.

Только спустя 8 лет, в 1999 году был принят основной нормативный правовой акт о создании убежищ и иных объектов гражданской обороны[856] (далее – Порядок). Основой содержания указанного акта стали ранее действующие в СССР документы, а также своды норм и правил (СНИП).

В первой редакции указанного постановления существовало два вида защитных сооружений – убежище и противорадиационное укрытие. В них должно было укрываться все население Российской Федерации. Однако в виду значительных материальных затрат, данное требование так и осталось не реализованным.

В 2015 году в рассматриваемый Порядок внесли существенные изменения. Был введен новый тип ЗС ГО – укрытие. Категории работников и населения, для которых предназначаются эти сооружения, были уточнены с указанием конкретного типа ЗС ГО (убежище, противорадиационное укрытие или просто укрытие). Для «нетранспортабельных больных» более не требовалось создание убежища, их заменили на укрытие.

Впервые нормативно закреплено выражение «заглубленные помещения и другие сооружения подземного пространства». Порядком был определен алгоритм строительства ЗС ГО в период мобилизации и военного времени, который теперь должен соответствовать планам гражданской обороны и защиты населения, а не мобилизационным планам, как это было в первоначальной редакции 1999 года.

Следующая редакция изменений вступила в силу в 2019 году. В целях снижения административной нагрузки на предприятия промышленности произошли законодательные послабления.

---

[856] Постановление Правительства Российской Федерации от 29.11.1999 № 1309 «О Порядке создания убежищ и иных объектов гражданской обороны».

Так, условием для создания убежищ теперь стало не только наличие категории по гражданской обороне, но и наличие мобилизационного задания. Также стал важен факт какая именно категория у организации (особой важности, первая или вторая) и расположена ли организации на территории, отнесенной к группе по гражданской обороне. Вид ЗС ГО – укрытие теперь не требовалось создавать для населения, проживающего на территории, отнесенной к группе по гражданской обороне и др.

Период времени с февраля 2022 года по настоящее время можно рассматривать как важнейший вызов всей системе гражданской обороны, в том числе и решению задачи – предоставление укрытий от современных средств поражения. С учетом опыта ведения ГО в субъектах Российской Федерации, на территории которых ведутся боевые действия или находящихся в непосредственной близости от зоны СВО в рассматриваемое постановление были вновь внесены изменения, которые вступили в силу осенью 2025 года. Впервые нормативно закреплен такой способ создания ЗС ГО, как подтверждение соответствия существующего помещения.

Правила отнесения организаций к категориям по гражданской обороне.

С точки зрения гражданской обороны любую организацию можно представить, как отнесенную к категории по гражданской обороне и не отнесенную к этой категории. Следует отметить, что законодательно не существует различия между российской организацией и организацией с иностранным капиталом. При этом возникает проблема возможно ли в вопросы организации гражданской обороны и мобилизационной подготовки посвящать потенциального противника.

В свою очередь, в отношении организаций, отнесенных к категории по гражданской обороне, осуществляется федеральный государственный надзор в области гражданской обороны. Большинство требований по ГО предъявляются исходя из наличия категории, прежде всего, это создание сил, средств, органов управления, запасов ГО; подготовка работников, разработка планирующих документов (план гражданской обороны, план основных мероприятий, план приведения в готовность и др.).

Для достижения соответствия установленным нормативам и стандартам требуется значительное материальные затраты, что ставит перед государственными органами сложную дилемму. С одной стороны, необходимо разработать минимальные, но достаточные нормативные акты, классифицирующие организации по категориям гражданской обороны и устанавливающие обязательные требования, сопряжённые с финансовыми обязательствами. С другой – крайне важно минимизировать административную и финансовую нагрузку на организации, способствуя их устойчивому развитию и повышению конкурентоспособности.

При этом необходимо обеспечить надёжную защиту жизни, здоровья и имущества граждан от потенциальных угроз, связанных с вооружёнными конфликтами. В ответ на эти вызовы российское правительство, начиная с 1998 года, последовательно принимает нормативные правовые акты, регулирующие порядок отнесения организаций к различным категориям по гражданской обороне. Эти акты направлены на обеспечение комплексного подхода к вопросам безопасности, включая как нормативное правовое регулирование, так и экономическую оптимизацию, что позволяет сбалансировать интересы национальной безопасности и устойчивого экономического развития[857,858,859] (далее – Правила).

В редакции правил 1998 года определены три вида организаций (с уточнением стадии создания организации – действующие, реконструируемые, технически перевооружаемые, строящиеся и проектируемые организации):

– имеющие мобилизационное задание (заказ).

– представляющие высокую степень потенциальной опасности возникновения чрезвычайных ситуаций в военное и мирное время.

– являющиеся уникальными культурными ценностями.

В редакции Правил 2016 года отсутствует уточнение стадии создания организации (то есть исключена возможность отнести проектируемую и строящуюся организацию к категории по ГО), уточнен один вид организаций – организации, имеющие уникальные в историко-культурном отношении объекты и добавлен один вид – организации, имеющие важное оборонное и экономическое значение.

В редакции Правил 2024 года также отсутствует уточнение стадии создания организации, расширено положение про мобилизационное задание словами «организации … осуществляющие выполнение мероприятий, предусмотренных мобилизационными планами экономики, на основе договоров (контрактов), заключаемых в соответствии с законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации».

Таким образом, в Правилах перечислены виды организаций, которые подлежат отнесению к категории по гражданской обороне – остальным организациям возможность присвоения категории по гражданской обороне не предусмотрена.

---

[857] Постановление Правительства Российской Федерации от 19.09. 1998 г. № 1115 «О порядке отнесения организаций к категориям по гражданской обороне».

[858] Постановление Правительства Российской Федерации от 16.08.2016 г. № 804 «Об утверждении Правил отнесения организаций к категориям по гражданской обороне в зависимости от роли в экономике государства или влияния на безопасность населения».

[859] Постановление Правительства Российской Федерации от 27.04.2024 г. № 546 «Об утверждении Правил отнесения организаций к категориям по гражданской обороне в зависимости от роли в экономике государства или влияния на безопасность населения».

Возникает вопрос – отвечает ли такой подход интересам защиты жизни и здоровья людей? Например, не подлежит отнесению к категории по гражданской обороне химически опасный производственный объект 3 класса опасности, на котором содержится от 50 до 499 т аммиака. При этом в случае удара по нему обычными средствами поражения велика вероятность возникновения значительной зоны химического заражения.

В другом пункте Правил установлено, что МЧС России определяет показатели для отнесения организаций к категориям по гражданской. В зависимости от этих показателей может быть установлена различная категория по гражданской обороне (особой важности, первая или вторая) – что в свою очередь определяет уровень требований по гражданской обороне. В открытых источниках информации фигурирует приказ МЧС России от 21.03.2025 г. № 225дсп «Об утверждении показателей для отнесения организаций к категориям по ГО».

Учитывая изложенные утверждения по пониманию пунктов правил, логичными выглядят требования к показателям:

– показатели не могут устанавливать иные виды организаций, которые подлежат отнесению к категориям по гражданской обороне;

– показатели лишь устанавливают особенности выбора категории по гражданской обороне (особой важности, первая или вторая).

Отдельно отмечается положительный опыт раскрытия в редакции Правил от 2024 года основных понятий из десяти терминов, отсутствовавшие ранее, наиболее важные из них:

– «организации, имеющие важное оборонное и экономическое значение»;

– «организации, представляющие высокую степень потенциальной опасности возникновения чрезвычайных ситуаций в военное и мирное время»;

– «организации, имеющие уникальные в историко-культурном отношении объекты»;

– «общая численность работающих»;

– «наибольшая работающая смена».

Но из четырех видов организаций, подлежащих отнесению к категории по ГО, установлен термин только для трех из них (не установлен термин для организаций, имеющих мобилизационное задание или осуществляющих мероприятия по мобилизационным планам) – это наиболее значимый проблемный вопрос.

Также, в открытых источниках информации отсутствует термин «объем выпускаемой продукции (работ, услуг) для государственных нужд в военное время, тысяч руб. (или в соответствующих единицах)» из прилагаемых к правилам таблиц, что значительно затрудняет проведение процедуры категорирования.

До наступления 2024 года в Правилах использовались формулировки «организации, связанные с …» и «организации в сфере ведения», однако конкретные критерии, определяющие данные организации, не были четко сформулированы. Это создавало определенные сложности в процессе принятия управленческих решений и классификации субъектов хозяйственной деятельности в рамках системы гражданской обороны.

С 2024 года появилось два термина: «организации, подведомственные… органам власти» и «организации, находящиеся в сфере ведения…органов власти».

Термин «подведомственных» раскрыт однозначным понятием – те организации, у кого учредитель орган власти. В свою очередь термин «сфера ведения» раскрыт менее удачно – это организации, осуществляющие свою деятельность в отраслях (сферах управления), регулируемых федеральными органами исполнительной власти и государственными компаниями, и состоящие в соответствующих реестрах (перечнях), ведение которых нормативно закреплено за тем или иным федеральным органом исполнительной власти или государственной компанией. Затруднительно искать сферы управления для конкретных организаций – например, все производственные и торговые организации должны предоставлять сведения в Министерство промышленности и торговли Российской Федерации или не должны?

Предлагается, что при дальнейшем развитии правил отнесения организаций к категориям по гражданской обороне целесообразно термин «организации, находящиеся в сфере ведения органов власти» заменить на «организации, получившие мобилизационное задание, заказ, задачу или предписание от органа власти».

В дополнение к изложенному, процедура категорирования организаций по гражданской обороне предполагает предоставление информации, которая не подлежит обнародованию ввиду наличия на ней отметки «для служебного пользования». Организации, включая частные, обязаны самостоятельно инициировать предложения о присвоении соответствующей категории. Однако для выполнения данной процедуры им необходимо обладать конкретными показателями, которые не являются общедоступными.

Следует подчеркнуть, что в приложении № 1 к установленным Правилам используется термин «Гриф секретности». В случае, если это подразумевает применение законодательства о защите государственной тайны, возникает очевидное противоречие. С одной стороны, доступ к государственной тайне предоставляется на добровольной основе, а с другой – организации обязаны направлять предложения об установлении категории по гражданской обороне, которые могут содержать конфиденциальные сведения.

Данное противоречие требует тщательного анализа с точки зрения правового регулирования и административных процедур. Необходимо провести детальное исследование нормативных актов, регулирующих вопросы защиты государственной тайны и гражданской обороны, с целью выявления возможных путей его разрешения.

В частности, следует рассмотреть возможность разработки специальных процедур, которые позволят организациям получать необходимую информацию для инициирования предложений о категорировании, не нарушая при этом требований законодательства о защите государственной тайны.

Отдельно необходимо отметить о недопустимости отправления сведений, составляющих государственную тайну, формой, установленной в абзаце 3 пункта 9 действующих Правил: «…на бумажном носителе заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении или в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью». Поэтому, изложенный порядок присвоения организациям категории по гражданской обороне нуждается в корректировке.

В условиях современной геополитической ситуации, характеризующейся высокой степенью неопределенности и рисками, актуализируется проблема устранения правовых коллизий в сфере гражданской обороны. Для достижения этой цели представляется необходимым реализовать комплекс мер, направленных на систематизацию и совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность организаций в данной области.

Во-первых, следует определить этап проектной или строительной деятельности, на котором организация должна быть классифицирована в соответствии с категориями гражданской обороны. Это позволит обеспечить более четкое разграничение ответственности и обязанностей субъектов хозяйствования в зависимости от их потенциальных рисков и возможностей в условиях военного времени.

Во-вторых, целесообразно обязать государственные органы осуществлять принудительную классификацию организаций по соответствующим категориям, принимая во внимание их производственные мощности и специфику деятельности в мирное время. Данный подход обеспечит объективный процесс категорирования.

В-третьих, необходимо ввести обязательное требование для организаций предоставлять органам власти информацию о своих производственных мощностях, численности сотрудников и других ключевых показателях в мирное время. Это позволит создать более полное и достоверное представление о потенциале организаций в контексте гражданской обороны.

В-четвертых, необходимо пересмотреть процедуры допуска руководителей организаций к информации ограниченного распространения, включая внесение соответствующих поправок в Закон «О государственной тайне» и порядок доступа к информации «для служебного пользования».

Это обеспечит необходимый уровень конфиденциальности и защиты стратегически важной информации, а также повысит уровень ответственности руководителей за выполнение своих обязанностей в области гражданской обороны.

В-пятых, необходима разработка прозрачного и эффективного механизма доведения мобилизационных задач до организаций. Это позволит обеспечить своевременную и адекватную реакцию субъектов хозяйствования на возможные угрозы, а также минимизировать риски дезорганизации и хаоса в условиях военного времени.

В-шестых, необходимо предусмотреть ответственность руководителей, которые отказываются ознакомиться с информацией о необходимости работы в военное время или выполнении дополнительных обязанностей в области ГО.

Это мера направлена на повышение уровня ответственности и профессионализма руководящего состава организаций, а также на обеспечение более эффективного выполнения ими своих функций в условиях потенциальных угроз.

В-седьмых, предлагается предоставить субъектам федерации полномочия относить организации к соответствующим категориям по гражданской обороне в случае, если федеральные органы этого осуществили. При этом субъекты должны будут уведомлять федеральные органы о принятых решениях, что обеспечит координацию и согласованность действий на различных уровнях управления.

Организации, относящиеся к категориям по гражданской обороне, сталкиваются с рядом трудностей в выполнении требований государственного надзора, обусловленных нерешенностью ряда правовых вопросов. В частности, нормативные акты, затрагивающие права и свободы граждан, должны быть официально опубликованы в соответствии с Конституцией Российской Федерации (часть 3 статьи 15 и часть 2 статьи 24). Организации справедливо сомневаются в законности предъявляемых к ним требований, что может приводить к снижению уровня их готовности к выполнению задач в области ГО.

Таким образом, реализация предложенного комплекса мер позволит устранить правовые коллизии в сфере гражданской обороны, повысить уровень готовности организаций к выполнению своих функций в условиях потенциальных угроз, а также обеспечить более эффективное управление рисками и минимизацию последствий в случае возникновения вооруженных конфликтов.

Отнесение территорий к группам по гражданской обороне.

На основании вышеизложенного проблемного вопроса по порядку отнесения организаций к категориям по гражданской обороне вытекает следующий – отнесение территорий к группам по гражданской обороне в соответствии с установленным порядком[860]. Указанный нормативный правовой акт был принят в 1998 году, в него было внесено три изменения в 2005, 2015 и 2017 годах. Можно выделить существенное изменение – в начальной редакции было четыре группы территорий, в действующей сегодня – три, основные подходы при этом кардинально не изменились.

Важно отметить, что в условиях проведения специальной военной операции вопросы дифференцированной организации системы гражданской обороны не рассматриваются. При этом существуют территории, которые находятся в непосредственной близости к линии боевого соприкосновения, где противником применяются средства поражения, а система оповещения населения не успевает сработать (например, ракетный обстрел системами залпового огня по Белгороду 30 декабря 2023 года, в результате которого 25 человек погибли и более 100 получили ранения). Также по некоторым территориям возможны удары беспилотных летательных аппаратов, при этом на других территориях такого воздействия не наблюдается.

Разберем подробнее действующие условия отнесения территорий к группам по гражданской обороне, опираясь на открытые источники информации.

Первым важным фактором является численность населения. В соответствии с федеральным законом[861] она устанавливается Росстатом и публикуется в открытом доступе в сети Интернет. Далее идет зависимость от одновременных факторов – численность населения и количество организаций, отнесенных к конкретной категории по гражданской обороне. В открытых источниках информации сведений о количестве организаций, отнесенных к категориям по гражданской обороне, не имеется. Условие подсчета категорированных организаций не логично – например, установлено либо 2 организации особой важности по гражданской обороне, либо более 20 организаций первой (второй) категории по гражданской обороне (а если одновременно 1 организация особой важности и 19 первой категории, то территория не относится к группе по гражданской обороне?).

Затем установлена зависимость от количества процентов населения или территории города, которые попадают в определенную опасную зону (пограничные значения 30 и 50 %).

---

[860] Постановление Правительства Российской Федерации от 3 октября 1998 г. № 1149 «О порядке отнесения территорий к группам по гражданской обороне».

[861] Федеральный закон от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации».

В эту опасную зону входит зона возможного химического заражения, радиоактивного загрязнения или катастрофического затопления.

Расчеты опасных зон:

1. Зона химического заражения. Согласно своду правил[862], в том числе и научной работы[863], расчет зоны химического заражения предусматривает допущения – полное разрушение емкостей с АХОВ, определенная толщина слоя жидкости, предельное время пребывание людей, учет обязательной сработки автоматики запорной арматуры для АХОВ в трубопроводах, глубина химического заражения не превышает 20 км, также установлены конкретные параметры окружающей среды (метеорологические условия не наихудшие). При перемещении АХОВ транспортом (автомобильным и железнодорожным) в любом месте возможен его выброс. Отсутствуют обязанности по сообщению в органы власти эксплантатов химически опасных объектов, в целях гражданской обороны, сведений о перемещении АХОВ, вводе в эксплуатацию новых объектов, вывода из эксплуатации и др.

2. Зона радиоактивного загрязнения. Согласно ГОСТ[864] зона возможного радиоактивного загрязнения – это территория, на которой возможно радиоактивное загрязнение. В указанном выше Своде Правил фигурирует исключительно 20 (40) километровая зона от атомных станций в зависимости от мощности до 4 (более 4) ГВт. Логично также относить к этой зоне территории, в границах зон радиоактивного загрязнения, установленных актами правительства в соответствии с законодательством в области радиационной безопасности[865]. Также необходимо учитывать зоны, рассчитанные с помощью методики прогнозирования и оценки обстановки в условиях воздействия обычных современных средств поражения по радиационно опасному объекту[866]. Не установлен вопрос использования оружия массового поражения – ведь после его применения противником возможно, как радиоактивное загрязнение, так и заражение.

3. Зона затопления. В соответствии с Федеральным законом[867] опасные зоны затопления отражаются в декларации безопасности гидротехнического сооружения.

---

[862] СП 165.1325800.2014. Свод правил. Инженерно-технические мероприятия по гражданской обороне.

[863] В.А. Владимиров и др. Монография «Радиационная и химическая безопасность населения» Москва 2005 г., 544 с.

[864] ГОСТ Р 42.0.02-2023 Национальный стандарт Российской Федерации. Гражданская оборона. Термины и определения основных понятий.

[865] Федеральный закон от 09.01.1996 № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения».

[866] Методические рекомендации по порядку формирования системы исходных данных для планирования мероприятий по гражданской обороне на период 2021-2025 годы.

[867] Федеральный закон от 21.07.1997 № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений».

Расчет количества процентов населения также является проблемным вопросом так как в настоящее время отсутствует утвержденная методика подсчета населения на территории. Что целесообразно брать за основу: место постоянной регистрации, место временной регистрации, миграционные потоки по режиму рабочего времени (с учетом или без выходных и праздничных дней)? Какой населенный пункт брать в расчет, а какой нет, ведь в соответствии с действующим законодательством к населенным пунктам помимо города относятся[868] (поселок, село, станица, деревня, хутор, кишлак, аул и другие сельские населенные пункты)?

При этом территория города может периодически изменятся, поэтому необходимо установить обязанности по пересчету процентов при ее изменении (например, присоединение к городу Москве новых административных округов, или объединение городских поселений в Московской области и т.д.).

Анализ порядка отнесения территорий к группам по гражданской обороне также говорит о том, что территории муниципального образования не подлежат отнесению к группе по гражданской обороне, так как предусмотрено отнесение только населенных пунктов. В свою очередь перечень закрытых административно-территориальных образований установлен постановлением правительства[869].

Также в рассматриваемом порядке отнесения территорий к группам по гражданской обороне в приложении указаны слова «Секретно», то есть сведения о том, отнесена ли территория к группе по гражданской обороне является государственной тайной.

Дополнительно в открытых источниках информации фигурирует наименование распоряжения Правительства Российской Федерации от 13.03.2017 г. № 444-рс («Об утверждении перечня городов, отнесённых к группам территорий по гражданской обороне»), но само распоряжение не опубликовано.

Из этого следует, что именно территория, отнесенная к конкретной группе по гражданской обороне, и должна стать отправной точкой в организации проведения мероприятий по гражданской обороне. В том числе на некоторых группах территорий должна быть введена возможность осуществления государственного надзора в режиме постоянного контроля (по аналогии с федеральный государственным пожарным надзором – на самые опасные территории инспектор должен иметь право прийти с проверкой в любой момент без предупреждения).

---

[868] Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

[869] Постановление Правительства Российской Федерации от 05.07.2001 г. № 508 «Об утверждении перечня закрытых административно-территориальных образований и расположенных на их территориях населенных пунктов».

Учитывая изложенное, предлагается:

– снять гриф секретности с перечня территорий, отнесенных к группе по гражданской обороне.

– предусмотреть дифференцированный подход к определению групп территорий, опираясь на опыт проведения специальной военной операции (учесть удаленность от линии боевого соприкосновения, а также использование противником БАС).

– разработать программу «Расчет зоны химического заражения, радиоактивного загрязнения или катастрофического затопления» и распространить его среди территориальных органов МЧС России.

Порядок создания защитных сооружений.

Рассмотрев порядок отнесения организаций и территорий к категориям по гражданской обороне, необходимо проанализировать ситуацию по созданию ЗС ГО.

В ходе исследования были выявлены основные аспекты, которые подверглись изменениям с момента принятия акта в 1999 году до последних изменений в 2025 году. Далее был проведен всесторонний анализ выполнения требований гражданской обороны при осуществлении государственного надзора. В результате анализа установлен ряд проблемных вопросов, требующих нормативного уточнения и методического пояснения.

1. В опубликованных нормативных правовых актах не используется термин «работающая в военное время смена работников организации». С момента официального объявления состояния войны в соответствии с федеральным законом или фактического начала боевых действий наступает военное время[870]. Однако законодательство не регламентирует, какие именно организации и их сотрудники обязаны продолжать свою деятельность в этот период. Предполагается, что к таким организациям относятся те, на которые нормативно возложены обязанности в военное время, включая выполнение государственного оборонного заказа, реализацию мероприятий, предусмотренных мобилизационными планами на основании договоров (контрактов), а также участие в гражданской и территориальной обороне и другие функции, связанные с обеспечением национальной безопасности и обороноспособности государства.

2. Термин «смена работников, имеющая мобилизационное задание (заказ)» также не фигурирует в открытых законодательных актах. Вероятнее всего, речь идет об организациях, которые обязаны выполнять мобилизационные задания в рамках заключенных договоров (контрактов). Цель таких действий заключается в обеспечении мобилизационной подготовки и готовности к выполнению задач, связанных с обороной государства.

[870] Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне».

Однако в открытых законодательных актах не конкретизируются, с какими именно организациями, в какие сроки и на каких условиях заключаются данные договоры (контракты)[871].

3. Понятие «нетранспортабельные больные» и «медицинский персонал, обслуживающий нетранспортабельных больных» вызывает вопросы. В действующей редакции постановления указанной категории населения и персонала требуется укрытие. Наряду с этим нет единого понимания, какая именно категория больных считается нетранспортабельной и какой медицинский персонал их обслуживает.

В разделе 7 свода правил[872] медицинский и обслуживающий персонал учреждений здравоохранения указаны как отдельные категории работников. Также определено, что численность нетранспортабельных больных должна составлять не менее 10% от общей проектной вместимости учреждений здравоохранения в мирное время.

Исходя из выявленной проблематики, рассмотрим ее влияние на ряд поставленных в исследовании вопросов.

1. Для кого создаются ЗС ГО. На основании федерального законодательства защите от чрезвычайных ситуаций подлежат граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, находящиеся на территории Российской Федерации[873]. Из этого следует, что защита населения является прерогативой органов власти, при этом ЗС ГО являются одним из видов защиты. Следовательно, и создание защитных сооружений является задачей государства. Поэтому организации вне зависимости от форм собственности и отнесения к категориям по гражданской обороне и расположенным на территориях, отнесенных к группам по гражданской обороне, не обязаны создавать защитные сооружения.

2. Когда создаются ЗС ГО. Вопросы организации защитных сооружений гражданской обороны регулируются законодательством, касающимся обороны, военного положения, мобилизационной подготовки и гражданской обороны. В мирное время их подготовка осуществляется в соответствии с установленным положением. В особый период, включая мобилизацию и военное время, мероприятия проводятся в соответствии с планом гражданской обороны и защиты населения

[871] Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации».

[872] Инженерно-технические мероприятия по гражданской обороне. СП 165.1325800.2014 актуализированная редакция СНиП 2.01.51-90. Утвержден приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 12 ноября 2014 г. № 705/пр.

[873] Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»

На основании правовой позиции Пленума Верховного суда Российской Федерации[874] может возникнуть впечатление, что гражданская оборона функционирует в особом периоде. Однако это не соответствует действительности, если учитывать положения нормативных правовых актов в области обороны, военного положения и гражданской обороны. Необходимо учитывать, что переход из мирного времени в особый период требует выполнения определённых мероприятий. В документах МЧС России используются термины «приведение в готовность» и «план приведения в готовность гражданской обороны», что указывает на поэтапность и временность этих мероприятий, начинающихся с момента получения соответствующего указания.

Согласно пунктам 7 и 11 Порядка, создание ЗС ГО в мирное время осуществляется на основании планов, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В особый период их создание происходит в соответствии с планами гражданской обороны и защиты населения. По состоянию на 1 сентября 2025 года гражданская оборона функционирует в мирное время, что означает необходимость создания защитных сооружений на основании плана их создания.

Однако законодательством не установлены обязательные требования к содержанию таких планов, т.е. де-юре создать ЗС ГО в настоящее время не представляется возможным. Наряду с этим в принятых осенью 2024 года методических рекомендациях[875] указано, что заполненный план создания объектов ГО содержит информацию, относящуюся к сведениям, составляющим государственную тайну. Кроме того, у исполнительных органов субъектов федерации при формировании плана создания объектов ГО7 отсутствует полномочие по запросу информации от организации, а у тех в свою очередь обязанность по предоставлению такой информации.

Если рассматривать «особый» период, то ЗС ГО создаются в соответствии с планом гражданской обороны и защиты населения, в котором определен порядок строительства недостающих ЗС ГО. Однако основополагающий принцип гражданской обороны – заблаговременная подготовка в мирное время к ведению гражданской обороны в «особый» период. Из этого следует, что недостающих защитных сооружений в особый период быть не должно.

---

[874] Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

[875] Методические рекомендации по формированию плана создания объектов гражданской обороны федеральными органами исполнительной власти и исполнительными органами субъектов Российской Федерации. Утверждено МЧС России от 13.09.2024 № 43-5730-11.

3. Каким образом создаются ЗС ГО. Пунктом 14 рассматриваемого порядка установлено, что МЧС России, в рамках своих полномочий, разрабатывает нормативные акты, регулирующие создание, эксплуатацию и поддержание в готовности защитных сооружений гражданской обороны. В настоящее время отсутствуют официальные правила, регламентирующие процесс создания таких сооружений. Вместо этого действуют правила их эксплуатации[876]. Следует отметить, что Минстроем России принят свод правил «Защитные сооружения гражданской обороны» в котором определена область применения на проектирование новых, обследование, капитальный ремонт и реконструкцию существующих защитных сооружений гражданской обороны, а также проектирование приспособления заглубленных помещений для защиты населения. Также, согласно пункту 4.1 определены способы создания объектов гражданской обороны: приспособление существующих, реконструируемых и вновь строящихся зданий и сооружений, а также строительство этих объектов[877].

Одновременно осенью 2025 года в Порядок были внесены существенные изменения по способам создания объектов ГО и по типам объектов – добавлен новый тип «заглубленное помещение». Поэтому свод правил «Защитные сооружения гражданской обороны» теперь нуждается в актуализации по типу объектов, а также конкретизации каждого из 5 способов создания объекта гражданской обороны (новое строительство, реконструкция, подтверждение соответствия, приспособление зданий и сооружений, приспособление метрополитена).

В настоящее время в сфере нового строительства и реконструкции общественные отношения в достаточной степени урегулированы градостроительным Кодексом и иными нормативными актами, но каким образом необходимо осуществлять (проектировать) приспособление помещения под объект гражданской обороны – не установлено.

К тому же, с точки зрения градостроительного Кодекса и других нормативных актов в настоящее время отсутствует как вид градостроительной деятельности «приспособление» здания под ЗС ГО.

Существует мнение, что термин «приспособление» можно приравнять к реконструкции, которая включает изменение характеристик капитальных объектов, таких как их высота, количество этажей, площадь и объем. Однако на основании этого нельзя однозначно утверждать, что приспособление части существующего здания под защитное сооружение гражданской обороны будет считаться реконструкцией. Следовательно, остается неясным, каким образом следует обустроить ЗС ГО в уже построенном здании.

---

[876] Приказ МЧС России от 15.12.2002 № 583 «Об утверждении и введении в действие Правил эксплуатации защитных сооружений гражданской обороны».

[877] Защитные сооружения гражданской обороны. СП 88.13330.2022 (свод правил СНиП II-11-77*), утвержден приказом Минстроя России от 21.12.2022 г. № 1101/пр.

В эпоху Советского Союза, когда все защитные сооружения гражданской обороны (ЗС ГО) находились в государственной собственности, процесс их создания регулировался строгими правилами[878].

Для внесения данных в паспорт ЗС ГО, включая «дату приемки в эксплуатацию», требовалось проведение официальной приемки объекта государственной комиссией. Проектирование являлось обязательным этапом перед созданием ЗС ГО.

4. Кто обязан создать ЗС ГО. Пунктами 8, 9, 10 рассматриваемого Порядка закреплено полномочие по созданию ЗС ГО федеральными органами исполнительной власти, исполнительными органами субъектов федерации, органами местного самоуправления и организациями Российской Федерации.

В процессе реализации этих полномочий часто возникают вопросы распределения ответственности за строительство и финансирование конкретных объектов между различными субъектами правоотношений.

Например, для организаций определено, что они обязаны создать ЗС ГО в мирное время. Это требование вступает в силу после получения соответствующего согласования от уполномоченных органов власти. Конкретные органы власти определяются термином «сфера ведения», который не имеет однозначного определения. Однако в контексте создания ЗС ГО он может интерпретируется как совокупность организаций, находящихся в подчинении (где учредитель орган власти) или подотчетности органов власти.

Негосударственные (частные) организации, которые не входят в указанную категорию, не обязаны самостоятельно создавать ЗС ГО. Требовать от них выполнения данной обязанности в мирное время является неправомерным в рамках государственного надзора.

Исключение могут составляют случаи, когда негосударственные организации получают мобилизационные задания от органов власти. В таких ситуациях на органы власти возлагается обязанность обеспечить создание ЗС ГО частными организациям в мирное время.

Таким образом, ответственность за создание ЗС ГО для негосударственных организаций в мирное время распределяется между федеральными органами исполнительной власти, исполнительными органами субъектов федерации и органами местного самоуправления. Основанием для возникновения данной обязанности является наличие у организации мобилизационного задания, выданного уполномоченными органами власти.

---

[878] Приемка в эксплуатацию законченных строительством объектов. Основные положения. Строительные нормы и правила СНиП III-3-81. Утверждены постановлением Госстроя СССР от 27 ноября 1981 г. № 201.

5. Кто обязан сохранять и поддерживать существующие ЗС ГО. Как отмечалось выше, подавляющее большинство существующих ЗС ГО поставлено на учет во времена СССР.

В период с 1991 года по 1993 год в отношении объектов гражданской обороны (в том числе ЗС ГО) отсутствовало правовое регулирование – до опубликования Указа президента[879] по которому приватизация ЗС ГО стала запрещена. Одновременно, в соответствии с постановлением Верховного Совета[880] ЗС ГО не были включены в перечни объектов собственности, подлежащих разграничению (то есть переход из федеральной собственности в местную или собственность субъекта Российской Федерации).

Далее с 1994 года в соответствии с постановлением правительства[881] установлено правовое регулирование – организации обязаны содержать ЗС ГО исключительно в соответствии с договором. Но такие договора в 90-е годы зачастую не заключались, а государством на тот момент не было принято исчерпывающих мер по организации должного контроля.

Начиная с 2000-х годов ситуация с содержанием ЗС ГО начала меняться. С 2001 года на регулярной основе в МЧС Российской Федерации издавались приказы и другие акты для проведения так называемой «инвентаризации ЗС ГО».

При наличии изложенных выше правовых проблем с правом собственности на защитное сооружение, отсутствии нормативного закрепления процедуры «инвентаризации ЗС ГО» (соответственно прав и обязанностей участников) ее проведение оказалось затруднительно. Поэтому, начиная с 2001 года было проведено несколько инвентаризаций, последняя в 2024 году.

С 2010 года параллельно по вопросу содержания ЗС ГО получила развитие судебная практика – был принят ряд решений Верховного Суда Российской Федерации. В частности, о том, что:

1. Отсутствует срок давности на виндикационный иск по праву собственности государства на ЗС ГО[882];

---

[879] Указ Президента Российской Федерации от 24.12.1993 г. № 2284 «О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации».

[880] Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 27.12.1991 г. № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга».

[881] Постановление Правительства Российской Федерации от 23.04.1994 № 359 «Об утверждении Положения о порядке использования объектов и имущества гражданской обороны приватизированными предприятиями, учреждениями и организациями».

[882] Определение Судебной коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2010 № 306-ЭС19-23752 по делу № А57-23624/2018

2. Приватизированная организация не вправе отказаться от заключения договора о правах и обязанностях в отношении имущества гражданской обороны[883];

3. В случаях, когда здания, в которых расположены ЗС ГО, были ранее переданы в собственность субъектов Российской Федерации или муниципальную собственность, защитные сооружения продолжают оставаться федеральной собственностью[884].

В дальнейшем с 2022 года руководством страны принято решение провести разграничение прав собственности на ЗС ГО – передать их в собственность субъектов Федерации и органов местного самоуправления[885].

Таким образом, на сегодняшний день обязанность по содержанию защитных сооружений ложится на организации (органы власти), у которой они в собственности (право собственности должно быть разграничено и зарегистрировано), либо с организацией заключен соответствующий договор содержания. Соответственно требования при осуществления федерального государственного надзора в области гражданской обороны возможно предъявить только к таким лицам.

Единственным неразрешенным вопросом является вопрос об исполнимость договора со стороны организации в период мобилизации или военного времени, когда все работники организации могут быть призваны на службу в Вооруженные силы.

Возможность использования населением защитного сооружения.

Отдельным разделом проведенного исследования помимо рассмотрения нормативных подходов к созданию и содержанию защитных сооружений гражданской обороны, было определение реальной возможности их использования.

В связи с этим были изучены два фактора:

– скорость оповещения населения;

– знание населения мест расположения ЗС ГО.

Основным нормативно-правовым актом в области оповещения населения является совместный приказ МЧС России и Минцифры России[886]. В соответствии с требованиями раздела 3 установлен следующий порядок оповещения, который требует определенных временных затрат. В общем случае время задействования имеет вид (1).

$$t_{задействования} = \sum_{i=1}^{n} t_i \qquad (1)$$

[883] Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2015 № 32-АД15-9

[884] Постановление Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 12757/09

[885] Письмо МЧС России от 20.01.2022 № 43-233-11

[886] Совместный приказ МЧС России и Минцифры России от 31.07.2020 № 578/365 «Об утверждение Положения о системах оповещения населения».

где ti включает:

– время получения (обработки) дежурными (дежурно-диспетчерскими) службами органов повседневного управления РСЧС сигналов оповещения и (или) экстренной информации;

– время подтверждения полученного сигнала;

– время доведения сигнала оповещения до соответствующих руководителей;

– время на принятие решения руководителем на задействование системы оповещения;

– время на включение сетей электрических, электронных сирен и мощных акустических систем.

Для своевременного оповещения населения необходимо учитывать время на обнаружение воздушной цели средствами противовоздушной обороны, на передачу сигнала в органы повседневного управления РСЧС, на распознание (обработку) сигнала оповещения населением. Тогда, в общем виде время оповещения можно определить по формуле 2.

$$t_оп=t_об+t_п+t_з+t_р, \qquad (2)$$

где $t_{об}$ – время обнаружения воздушной цели силами ПВО, с;

$t_п$ – время передачи сигнала оповещения до органов повседневного управления РСЧС, с;

$t_з$ – время задействования системы оповещения, с;

$t_р$ – время на получение сигнала и его восприятие (после звуковых сирен – информации из телевизора, радио, мобильного телефона), с.

Анализ формул (1) и (2) свидетельствует о том, что при действующем порядке оповещения населения по сигналам гражданской обороны имеется длинная логическая цепочка звеньев. В причинно-следственных связях присутствует человеческий фактор, который увеличивает время оповещения в разы. Наглядным примером может послужить время выхода на связь высшего должностного лица субъекта Российской Федерации при доведении ему сигнала оповещения.

Для оценки эффективности применения системы оповещения населения рассмотрим пример использования противником неуправляемых реактивных снарядов М3-21 (9М22С) для полевой реактивной системы залпового огня М-21 «Град» пользуясь открытыми источниками информации. Наиболее значимая для оценки величина – скорость полета снаряда. При запуске, данная ракета вылетает со скоростью 50 м/с, затем разгоняется до 707 м/с. Условно примем за расчетную величину среднюю скорость полета ракеты 500 м/с. Тогда время преодоления снарядом расстояния в 10 км, составит 20 с. А при максимальной дальности стрельбы время полета ракеты составит около 80 с.

Учитывая временные правила задействования системы оповещения населения и при нахождении населения в зоне полета ракеты эффективность системы оповещения не обеспечивает безопасность населения.

Очевидно, что защита населения должна быть организованна другим способом. Например, при угрозе применения противником систем залпового огня аналогичных М-21 «Град» целесообразно введение специального режима деятельности (режим воздушной опасности), который предусматривает запрет определенных действий, в том числе и нахождение населения на объектах общего назначения.

Одновременно проведенным исследованием установлено, что вопрос о знании мест расположения укрытия для большинства населения остается неразрешенным. Так, в соответствии с ответом заместителя мэра Москвы от 27.06.2022 г. № 18-34-268/22-1 «Обобщенные сведения об адресах защитных сооружений гражданской обороны, их количестве, готовности к приему укрываемых отражаются в ежегодных докладах о состоянии гражданской обороны в городе Москве, которые в соответствии с требованиями нормативных правовых актов Российской Федерации относятся к сведениям, составляющим государственную тайну». То есть, каким образом население должно оповещаться о местах расположения ЗС ГО в настоящее время не определено.

Заключение.

Учитывая все изложенные обстоятельства, необходимо безотлагательно решить существующее противоречие между возможностями гражданской обороны и требованиями государства к обеспечению национальной безопасности Российской Федерации в целях защиты населения страны от поражающих факторов оружия массового поражения и других видов оружия.

В ходе формирования стратегии создания, содержания и использования защитных сооружений гражданской обороны в России были разработаны проекты постановлений Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» и «Порядок создания убежищ и иных объектов гражданской обороны» которые учитывают вышеперечисленные проблемные вопросы и ситуации. Принятие данных проектов потребует изменения ряда нормативных правовых документов в области гражданской обороны и защиты населения, а также порядка финансирования этой деятельности.

Видится что стратегия создания, содержания и использования защитных сооружений гражданской обороны должна базироваться на системном подходе, который должен учитывать прежде всего, интересы населения и государства, как гаранта защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций различного характера в мирное и военное время.

Наряду с переработкой законодательства и оптимизации финансирования указанных мероприятий следует обеспечить надлежащий надзор за деятельностью организаций и органов власти в области создания, сохранения и использования защитных сооружений гражданской обороны.

Основные подходы в предлагаемых проектах:

– определить область применения правил отнесения организаций к категориям по ГО (на стадии проектирования здания до строительства уже необходимо относить к категории).

– установить обязанности и ответственность организаций, независимо от их организационно – правовой формы предоставлять в органы власти сведения о своих производственных мощностях и количестве работников.

– пересмотреть порядок доведения мобилизационного задания (в том числе в мирное время).

– пересмотреть порядок доведения сведений составляющих государственную тайну до руководителей организаций и ответственность за отказ в ознакомлении, отнесенных к категории по гражданской обороне;

– расширить полномочия исполнительных органов субъектов Российской Федерации в части отнесения к категориям по гражданской обороне федеральных учреждений и государственных компаний (в случае отсутствия от них предложений по отнесению к категориям).

– отменить гриф секретности для территорий, отнесенных к группе по гражданской обороне.

– расширить перечень территорий, относимых к группам по гражданской обороне (учитывать удаление от ЛБС).

– установить правила осуществления федерального государственного надзора в области гражданской обороны в режиме постоянного контроля (при отнесении территории к конкретной группе по гражданской обороне, введении военного положения, режима контртеррористической операции и пр.).

– по вопросу «для кого создаются ЗС ГО?» отменить элементы:

а) …работающая в военное время смена работников организации…

б) …имеющие мобилизационное задание…

в) … медицинский персонал, обслуживающий нетранспортабельных больных…

– по вопросу «когда создаются ЗС ГО?» отменить зависимость создания ЗС ГО от мирного времени или особого периода (периоду мобилизации и военного времени). Конкретизировать этапы создания ЗС ГО.

– по вопросу «каким образом создается ЗС ГО?» необходимо переработать свод правил 88.13330.2022, принять нормативные правовые акты (совместно с Минстроем России) по созданию объектов ГО, учитывая 5 способы их создания (новое строительство; реконструкция; подтверждение соответствия; приспособление зданий; приспособление метрополитена).

Также внести изменения в Положения о ГО (постановление Правительства Российской Федерации № 804 и приказ МЧС России № 687).

– по вопросу «кто обязан создать ЗС ГО» отменить положения о создании объектов ГО для организаций, находящихся в сфере ведения органов власти.

– по вопросу «кто обязан содержать и поддерживать ЗС ГО» отнести договор о правах и обязанностях в отношении объектов и имущества гражданской обороны, а также на выполнение мероприятий гражданской обороны к разряду мобилизационного задания.

– в связи с появлением нового объекта ГО – «заглубленное помещение, приспособленное для укрытия населения» необходимо переработать существующие правила эксплуатации ЗС ГО, либо принять отдельный нормативный правовой акт по его эксплуатации.

– доработать порядок создания убежищ и иных объектов ГО в части установление этапов:

а) определение необходимости создания объектов ГО;

б) уточнения субъекта, создающего объект ГО;

в) определения способов и возможности создания объекта ГО (в том числе проведение технико-экономического обоснования способа создания объекта ГО и параметров объекта ГО);

г) оформление плана создания объекта ГО (дополнить промежуточным контролем);

д) приемка созданного объекта ГО;

е) постановку на учет созданного объекта ГО.

Видится, что указанные подходы позволят реализовать стратегию создания, содержания и использования защитных сооружений гражданской обороны и повысить национальную безопасность Российской Федерации.

В ходе работы над исследованием стало известно, что в октябре 2025 года Министр МЧС России А.В. Куренков доложил Президенту Российской Федерации В.В. Путину о состоянии дел с федеральным государственным надзором в области гражданской обороны.

Установлено, что более 70 % выявленных нарушений, связанных с защитными сооружениями гражданской обороны и системами оповещения населения не устранены. В результате предложение о введении в отношении указанных задач гражданской обороны режима постоянного государственного надзора поддержано Президентом Российской Федерации поручение от 17.10.2025 № Пр-2450.

2.17. Политика ядерного сдерживания как стратегический элемент обеспечения суверенитета и безопасности России в XXI веке

В условиях обострения борьбы Российской Федерации с коллективным Западом и проведения специальной военной операции резко возросла роль ядерного сдерживания потенциальных противников России, эффективность которого во многом зависит от информационного обеспечения государственной политики ядерного сдерживания в интересах обороны страны.

В настоящее время данный вид обеспечения недостаточно изучен и слабо освещен в научной литературе, отдельные представления о нем фрагментарно отражены в разрозненных источниках. В этой связи представляется весьма актуальной задачей обобщение и приведение разрозненной информации по обозначенной теме в систему знаний.

Геополитическая идея сдерживания России впервые была озвучена английским ученым Дж. Маккиндером в начале XX века в его трудах, «Географическая ось истории» и «Центральный материк», где России отводилась роль вечного геополитического соперника Великобритании и предлагалось сдерживать ее посредством создания препятствий союзу России и Германии, разъединения восточно-европейских стран и геополитического объединения всех их против России.

Теория сдерживания разработана несколько позже американским дипломатом Джорджем Кеннаном в 1940-х годах прошлого века до появления в мире ядерного оружия. Она строилась на концепции гарантированного уничтожения противника мощным ударом войск (сил) в случае его нападения на США.

По мнению Кеннана, осведомленность противника о такой опасности должна сдерживать его от намерений осуществить военную агрессию против Соединенных Штатов. В данной теории термин «сде́рживание» (англ. deterrence, containment) означал поддержание мира на основе страха тотального возмездия в случае нанесения противником первого удара[887].

С появлением ядерного оружия данная теория легла в основу советско-американских отношений в ядерной сфере и отношений России с другими ядерными странами. Основные ее положения продолжают сохранять свою актуальность и в настоящее время, поскольку ядерное оружие до сих пор играет значительную роль в мировой политике. Современные доктринальные положения России и США в сфере ядерных вооружений во многом основаны на использовании фактора сдерживания.

[887] Фененко А.В. Эволюция теории ядерного сдерживания в США в годы холодной войны / Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020, Т. 13. Вып 1. С. 111–135.

В основе современной теории сдерживания используются такие понятия как стратегическое и ядерное сдерживание.

Стратегическое сдерживание. Под ним принято понимать согласованную систему мер несилового и силового характера, предпринимаемых последовательно или одновременно одной из сторон (государства, коалицией стран) в отношении другой стороны (государства, коалиции стран) с целью удержания последней (последних) от каких-либо силовых действий, наносящих или могущих нанести ущерб стратегического масштаба.

Основная цель стратегического сдерживания – недопущение силового давления на военно-политическое руководство страны и предотвращение агрессии путем убеждения потенциального противника в бесперспективности осуществления военной агрессии из-за угрозы получения неприемлемого ущерба в результате ответного применения комплекса неприемлемых для противника военных и невоенных мер, а в случае ее развязывания – гарантированная защита суверенитета, территориальной целостности и других жизненно важных национальных интересов государства и союзных стран.

Основу стратегического сдерживания составляют меры устрашения, убеждения и принуждение потенциального противника.

Существенное влияние на результативность стратегического сдерживания оказывают многочисленные факторы, среди которых могут быть не только военные, но и политические, экономические, информационные и другие. К числу наиболее существенных факторов можно отнести:

– многополюсную структуру современного ядерного мира с высокой динамикой трансформаций ядерных угроз;

– высокий риск перерастания военного конфликта с участием ядерных держав в конфликт ядерный;

– ошибочные оценки собственных решений и действий противника в ядерной сфере;

– наращивание военного потенциала и попытки приобретения оружия массового поражения рядом стран;

– перевод сил общего назначения и ядерных сил недружественных стран в высшие степени боевой готовности;

– активизация агрессивной деятельности противника в отношении России с использованием широкого спектра экономических, политических, идеологических, морально-психологических и иных мер;

– недружественные шаги администраций зарубежных стран против России и др.

Взвешенный учет этих факторов в политике стратегического ядерного сдерживания представляется весьма важной и ответственной задачей.

В Российской Федерации стратегическое сдерживание возможной агрессии обеспечивается всей совокупностью военной и экономической мощи России, включая ядерное оружие. Стратегическое сдерживание в Российской Федерации базируется на ряде основополагающих принципов:

– поддержание оборонной мощи государства и боевых возможностей Вооруженных Сил Российской Федерации на уровне, обеспечивающем стратегическое сдерживание агрессора от развязывания войны с применением всех видов оружия, включая оружие массового поражения, а в случае недостижения цели стратегического сдерживания, – решительный разгром агрессора с использованием всех имеющихся сил и средств;

– наличие политической воли руководства страны к применению военной силы государства, включая и силы ядерные;

– высокая надежность, устойчивость и согласованность функционирования системы государственного и военного управления при осуществлении стратегического сдерживания, включая единое планирование мероприятий сдерживания;

– постоянный мониторинг военных опасностей и угроз, включая военные приготовления потенциальных противников, своевременное реагирование на них;

– непрерывность стратегического сдерживания;

– соответствие предпринимаемых мер стратегического сдерживания опасности возникающих угроз;

– соблюдение международных обязательств в области стратегического сдерживания в отношении государств – союзников РФ;

– оценка рисков провоцирования противника мерами сдерживания на эскалацию военного конфликта.

Данные принципы легли в основу российской политики стратегического сдерживания.

Для осуществления стратегического сдерживания в Российской Федерации созданы и совершенствуются *Стратегические силы сдерживания* (ССС), в состав которых входят: Стратегические наступательные силы (СНС) и Стратегические оборонительные силы (СОС).

Стратегические наступательные силы (СНС) включают в себя Стратегические ядерные силы (СЯС) и стратегические силы двойного назначения – соединения и части стратегических и дальних бомбардировщиков ДА ВВС, а также подводные лодки, надводные корабли и морская ракетоносная авиация ВМФ с обычным высокоточным оружием большой дальности. Стратегические оборонительные силы (СОС) формируются на основе Войск воздушно-космической обороны, включают: систему предупреждения о ракетном нападении (СПРН), систему контроля космического пространства (СККП), противоракетную оборону (ПРО), противокосмическую оборону (ПКО) и противовоздушную оборону (ПВО).

Совокупный потенциал стратегических сил сдерживания позволяет Российской Федерации проводить политику стратегического сдерживания, в которой ключевыми моментом является понятие *«гарантированное сдерживание»* – сдерживание агрессии против Российской Федерации и (или) ее союзников всей военной мощью России, включая ядерное оружие. Гарантированное сдерживание, отнесено к числу высших государственных приоритетов.

В интересах реализации гарантированного сдерживания большое внимание уделяется решению таких задач, как разработка и претворение в жизнь взаимосвязанных политических, военных, военно-технических, дипломатических, экономических, информационных и иных мер, направленных на предотвращение применения военной силы потенциальным противником в отношении России поддержание на достаточном уровне российского потенциала ядерного сдерживания. Основу стратегического сдерживания составляет ядерное сдерживание.

Ядерное сдерживание. Базовые положения ядерного сдерживания отражены в документах стратегического планирования: Военной доктрине Российской Федерации[888] и Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания (далее – Основы)[889].

В Основах отмечается, что ядерное сдерживание направлено на обеспечение понимания потенциальным противником неотвратимости возмездия в случае агрессии против Российской Федерации и (или) ее союзников (П.12) и обеспечивается наличием в составе Вооруженных Сил Российской Федерации боеготовых сил и средств, способных путем применения ядерного оружия гарантированно нанести неприемлемый ущерб потенциальному противнику в любых условиях военно-политической обстановки, а также готовностью и решимостью Российской Федерации применить такое оружие (П.13).

В этом же документе указывается, что ядерное сдерживание обеспечивается наличием в составе Вооруженных Сил Российской Федерации боеготовых сил и средств, способных путем применения ядерного оружия гарантированно нанести неприемлемый ущерб потенциальному противнику в любых условиях обстановки, а также готовностью и решимостью Российской Федерации применить такое оружие (П.13. Основы).

---

[888] Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976) / Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://kremlin.ru (дата обращения: 29.11. 2025). – Текст : электронный.

[889] Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. (Утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.06.2020 г. № 355) / Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://kremlin.ru›acts/bank/45562 (дата обращения: 29.11. 2025). – Текст : электронный.

Средством ядерного сдерживания Россия рассматривает ядерное оружие, применение которого представляется крайней и вынужденной мерой. В интересах обороны страны Российская Федерация формирует и реализует государственную политику ядерного сдерживания. Политика ядерного сдерживания Российской Федерации. Данный вид политики отражен в Военной доктрине Российской Федерации и Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. В Основах дано определение государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания – совокупность скоординированных, объединенных общим замыслом политических, военных, военно-технических, дипломатических, экономических, информационных и иных мер, осуществляемых с опорой на силы и средства ядерного сдерживания, по предотвращению агрессии против Российской Федерации и (или) ее союзников (П.3).

Согласно данного документа политика России в сфере ядерного сдерживания носит оборонительный характер и направлена на поддержание потенциала ядерных сил на уровне, достаточном для обеспечения ядерного сдерживания, и гарантирует защиту суверенитета и территориальной целостности государства, сдерживание потенциального противника от агрессии против Российской Федерации и (или) ее союзников, а в случае возникновения военного конфликта – недопущение эскалации военных действий и их прекращение на приемлемых для Российской Федерации и (или) ее союзников условиях (П.4). В данном документе обозначены субъекты и объекты государственной политики ядерного сдерживания. К субъектам государственной политики ядерного сдерживания отнесены:

Президент Российской Федерации, осуществляет общее руководство государственной политикой в области ядерного сдерживания (П.21), именно он принимает решение о применении ядерного оружия (П.18). Правительство Российской Федерации осуществляет меры по реализации экономической политики, направленной на поддержание и развитие средств ядерного сдерживания, а также формирует и осуществляет внешнюю и информационную политику в области ядерного сдерживания (П.23).

Совет Безопасности Российской Федерации формирует основные направления военной политики в области ядерного сдерживания, а также осуществляет координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти и организаций, участвующих в реализации, принятых Президентом Российской Федерации решений, касающихся обеспечения ядерного сдерживания (П.24).

Министерство обороны Российской Федерации через Генеральный штаб Вооруженных Сил Российской Федерации осуществляет непосредственное планирование и проведение мероприятий организационного и военного характера в области ядерного сдерживания.

Другие федеральные органы исполнительной власти и организации участвуют в реализации принятых Президентом Российской Федерации решений, касающихся обеспечения ядерного сдерживания, в соответствии со своими полномочиями.

Объектами российской политики ядерного сдерживания являются:

– потенциальный противник (отдельные государства и военные коалиции, блоки, союзы, которые рассматривают Россию в качестве потенциального противника и обладающие ядерным оружием и (или) другими видами оружия массового поражения либо значительным боевым потенциалом сил общего назначения);

– отдельные государства, которые представляют свою территорию, воздушное, морское пространство и ресурсы для подготовки и осуществления агрессии против России (П. 9);

– коалиция государств в целом (блок, союз), когда любое государство из ее состава, осуществляет агрессию против Российской Федерации и (или) ее союзников (П. 10);

– неядерное государство, осуществляющее агрессию против Российской Федерации и (или) ее союзников, совместно с ядерным государством, участвующим в агрессии или осуществляющее ее поддержку (П. 11).

Важными аспектом в российской политике ядерного сдерживания рассматриваются опасности и угрозы, порождающие потребность в осуществлении ядерного сдерживания. Военная доктрина России к их числу относит: нарушение функционирования стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной, химической, фармацевтической и медицинской промышленности и других потенциально опасных объектов (П.14 б).

В Основах существенно расширен данный спектр опасностей и угроз:

– наличие у потенциального противника ядерного и (или) других видов оружия массового поражения, которые могут быть применены против Российской Федерации и (или) ее союзников, а также средств доставки этих видов оружия;

– наличие у потенциального противника и развертывание им систем и средств противоракетной обороны, крылатых и баллистических ракет средней и меньшей дальности, высокоточного неядерного и гиперзвукового оружия, ударных беспилотных аппаратов различного базирования, оружия направленной энергии, которые могут быть применены против Российской Федерации;

– создание и размещение потенциальным противником в космосе средств противоракетной обороны и противоспутниковой борьбы, а также ударных систем;

– наращивание потенциальным противником на сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками территориях и в прилегающих морских акваториях группировок сил общего назначения, в составе которых находятся средства доставки ядерного оружия, и (или) военной инфраструктуры, обеспечивающей их применение;

– размещение на территориях неядерных государств ядерного оружия и средств его доставки;

– создание новых или расширение существующих военных коалиций (блоков, союзов), приводящие к приближению их военной инфраструктуры к границам Российской Федерации;

– действия потенциального противника, направленные на изоляцию части территории Российской Федерации, в том числе на блокирование доступа к жизненно важным транспортным коммуникациям;

– действия потенциального противника, направленные на поражение (разрушение, уничтожение) экологически опасных объектов Российской Федерации, которые могут привести к техногенным, экологическим или социальным катастрофам;

и) планирование и проведение потенциальным противником крупномасштабных военных учений вблизи границ Российской Федерации;

к) неконтролируемое распространение оружия массового поражения, средств его доставки, технологий и оборудования для их изготовления» (П.12).

При формировании и реализации государственной политики ядерного сдерживания органы государственной власти, уполномоченные ее осуществлять, руководствуются следующими принципами:

а) непрерывность мероприятий по обеспечению ядерного сдерживания;

б) адаптивность ядерного сдерживания к военным опасностям и угрозам;

в) неопределенность для потенциального противника масштаба, времени и места возможного применения сил и средств ядерного сдерживания;

г) централизация государственного управления деятельностью федеральных органов исполнительной власти и организаций, участвующих в обеспечении ядерного сдерживания;

д) рациональность структуры и состава сил и средств ядерного сдерживания, а также их поддержание на уровне, достаточном для выполнения поставленных задач;

е) поддержание постоянной готовности выделенной части сил и средств ядерного сдерживания к боевому применению;

ж) централизация управления применением ядерного оружия, в том числе размещенного за пределами территории Российской Федерации.

Военной доктриной России определено основное средство ядерного сдерживания, а именно: ядерное оружие, которое «будет оставаться важным фактором предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны)» (П.16).

Наличие в составе Вооруженных Сил Российской Федерации боеготовых сил и средств, способных к применению ядерного оружия и гарантированному нанесению потенциальному противнику неприемлемого ущерба в любых условиях обстановки, а также готовность и решимость Российской Федерации применить такое оружие, обеспечивают достижение целей ядерного сдерживания. Особо значимым аспектом государственной политики ядерного сдерживания следует рассматривать право российского государства на применение ядерного оружия. Такое право задекларировано в Основах как ответ на применение против России и (или) ее союзников ядерного и (или) других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против РФ и (или) Республики Белоруссия как участников Союзного государства с применением обычного оружия, создающей критическую угрозу их суверенитету и (или) территориальной целостности (П. 18 Основы). Ключевой основой российской политики ядерного сдерживания выступает декларирование условий, при которых возможно применение ядерного оружия России, закрепленных в пункте 19 Основ:

а) поступление достоверной информации о старте баллистических ракет, атакующих территории Российской Федерации и (или) ее союзников;

б) применение противником ядерного оружия или других видов оружия массового поражения по территориям Российской Федерации и (или) ее союзников, по воинским формированиям и (или) объектам, расположенными за пределами ее территорий;

в) воздействие противника на критически важные государственные или военные объекты Российской Федерации, вывод из строя которых приведет к срыву ответных действий ядерных сил;

г) агрессия против Российской Федерации и (или) Республики Белоруссия как участников союзного государства с применением обычного оружия, создающая критическую угрозу их суверенитету и (или) территориальной целостности;

д) поступление достоверной информации о массированном старте (взлете) средств воздушно-космического нападения (самолеты стратегической и тактической авиации, крылатые ракеты, беспилотные, летательные аппараты) и пересечение ими государственной границы РФ»[890].

[890] Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. (Утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.06.2020 г. № 355)/ Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://kremlin.ru›acts/bank/ 45562 (дата обращения: 29.11. 2025). – Текст : электронный.

Президент Российской Федерации в случае необходимости может проинформировать военно-политическое руководство других государств и (или) международные организации о готовности Российской Федерации применить ядерное оружие или о принятом решении о применении ядерного оружия, а также о факте его применения (П.20).

Четкое изложение в документах стратегического планирования условий возможного применения Россией ядерного оружия, есть ни что иное, как предупреждение администраций недружественных стран о смертельной опасности создания своими необдуманными действиями таких условий на мировой арене. Данные доктринальные положения означают и то, что Россия рассматривает возможность нанесения по противнику не только ответного или ответно-встречного ядерного удара (в ответ на его ядерный удар), но и возможность превентивного ядерного удара по нему при возникновении обозначенных выше обстоятельств.

Для реализации политики ядерного сдерживания в Российской Федерации созданы и функционируют силы ядерного сдерживания, которые включают в себя ядерные силы наземного, морского и воздушного базирования (П.17. Основы). В их состав входят Стратегические ядерные силы (СЯС) и тактическое ядерное оружие.

Стратегические ядерные силы включают: Ракетные войска стратегического назначения (РВСН); Авиационные стратегические ядерные силы (АСЯС); Морские стратегические ядерные силы (МСЯС). Тактическое ядерное оружие представлено: тактическими и оперативно-тактическими ракетами, оснащенными ядерными боеприпасами; ядерными артиллерийскими снарядами и авиационными бомбами; ядерными торпедами и минами, а также другими видами тактического ядерного оружия.

Совокупный арсенал ядерных сил России представляет собой надежный ядерный щит государства, позволяющий военно-политическому руководству страны проводить политику ядерного сдерживания.

Осмысление современной политики Российской Федерации в сфере ядерного сдерживания предусматривает рассмотрение исторического контекста ее зарождения и проведения.

Понимание необходимости проведения политики ядерного сдерживания была осмыслена еще во время Советского Союза в 1945 году после сброса американских атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки.

Эти события повлекли за собой ответный шаг – формирование советской политики ядерного сдерживания с целью сдерживания США от намерений применить атомное оружие по территории СССР. В августе 1949 года Советский Союз испытал первую отечественную атомную бомбу, а 12 августа в 1953 года – первую в мире термоядерную бомбу.

В результате, монополия США на ядерное оружие была ликвидирована, что стало основной причиной отказа США от применения атомного оружия против СССР и перехода к политике наращивания американских ядерных сил с целью достижения превосходства над СССР в ядерных вооружениях. Таким образом, сам факт наличия ядерного оружия в стране стал основным сдерживающим фактором для администраций США и других стран НАТО от намерений осуществить военную агрессию против СССР и применить ядерное оружие.

Успешные испытания советского атомного и термоядерного оружия сопровождалось мощной информационной кампанией. Информационное пространство того времени пестрило об успехах советской науки и промышленности, что во многом способствовало сдерживанию агрессора.

Процесс наращивания ядерного потенциала Соединенными Штатами вызвал необходимость проводить Советским Союзом политику наращивания своих ядерных вооружений (ядерных зарядов и средств их доставки к территории США). Целью такой политики было добиться стратегического паритета с Соединенными Штатами в ядерных вооружениях. Идея достижения паритета в ядерных вооружениях СССР и США легла в основу советской политики ядерного сдерживания того времени.

Информационное обеспечение данной политики велось в нескольких направлениях: освещение успехов Советского Союза в ракетостроении; создании орбитальной группировки космических аппаратов по слежению за стартами ракет противника; строительстве и эксплуатации радиоэлектронных станций дальнего обнаружения пусков ракет противника; создание и совершенствование автоматизированных систем обработки и доведения информации о ядерном нападении до военно-политического руководства страны, автоматизированного управления ядерным оружием; защита информационных систем от вмешательства противника.

Как показала практика информационное обеспечение политики ядерного сдерживания принесло свои плоды – был создан надежный ядерный щит страны, способный обнаружить старты ракет противника, в кратчайшее время довести информацию об этом до военно-политического руководства государством, оперативно принимать военно-политическое решение в ответ на ядерное нападение и быстрое доведение решения до пунктов управления ядерным оружием, в кратчайшие сроки нанести ответно-встречный удар возмездия по агрессору. Понимание высоких рисков ответа на ядерную агрессию ядерным возмездием многие годы сдерживало руководство США от применения ядерного оружия против СССР (России).

Кризисом в политике ядерного сдерживания стал 1962 год, когда в ответ на размещение США тактических ядерных ракет в Турции Советский Союз разместил свои ядерные ракеты средней дальности на Кубе. Ситуация настолько обострилась, что мир висел на грани ядерной войны.

И только здравый смысл и политическая воля руководителей государств, позволили избежать ядерной катастрофы. Большую роль в этом сыграли средства массовой информации, создавшие в общественном сознании обеих стран обстановку страха высокого риска ядерной войны, что во многом способствовало принятию политических решений руководителей США и СССР на деэскалацию конфликта.

Особо важную роль в информационном обеспечении политики ядерного сдерживания сыграло научное сообщество. Ученые США и СССР почти одновременно провели независимые исследования по моделированию обмена ядерными ударами между СССР и США. Результаты моделирования почти совпали между собой – в случае обмена ядерными ударами между СССР и США на планете Земля возникнет «ядерная зима», которая может погубить все человечество.

Эта информация подняла меру ответственности военно-политического руководства СССР и США за принятие политических решений в ядерной сфере, соответственно, повысило планку ядерного сдерживания.

Осознание невозможности достичь победы в ядерной войне и высоких рисках «ядерной зимы» в случае обмена массированными ядерными ударами породили политику «взаимного ядерного сдерживания на почве страха перед ядерной войной и дали старт другому политическому направлению – ядерное сдерживание на основе доверия, где доверие означает заключение межгосударственных договоров по ядерным вооружениям.

Не секрет, что такие международные соглашения обладают большой сдерживающей силой от необдуманных решений в области ядерных вооружений, они существенно ограничивают действия администраций противостоящих ядерных государств, поэтому в период с начала 60-х годов прошлого века и до начала 2000 года XXI в. начало активно развиваться международное сотрудничество между СССР (РФ) и США по вопросам контроля над ядерными вооружениями.

Были заключены двухсторонние договоры: об ограничении развития стратегических вооружений ОСВ-1 (1972), ОСВ-2 (1979) и ПРО (1972), о сокращении стратегических наступательных вооружений (РСМД, СНВ-1, СНВ-2, СНВ-3) и другие.

К сдерживающим мерам на основе доверия также можно отнести и заключение многосторонних договоров: «О нераспространении ядерного оружия» (1968), «Запрете испытаний ядерного оружия в трех средах» (1963) и др. Каждому договору предшествовала большая работа по его информационному обеспечению (сбор, подготовка и обобщение исходных данных для обозначения договорной позиции государства, освещение в СМИ хода переговоров и их результатов, подготовка данных о количестве ядерных вооружений договаривающихся сторон, характеристиках стратегических вооружений и др.).

После заключения договоров информационное обеспечение политики ядерного сдерживания заключалось в освещении реализации достигнутых договоренностей (мониторинг выполнения сторонами договорных обязательств, освещение фактов нарушений договоренностей, работа комиссий по разоружению и др.) Все договоры о стратегических вооружениях были обнародованы.

Таким образом, сегодня можно констатировать факт, что первоначальное понимание политики ядерного сдерживания, основанного на страхе перед ядерным возмездием не в полной мере, соответствует действительности. Государственная политика ядерного сдерживания носит многомерный характер и базируется на двух концепциях: ядерного устрашения и доверия в межгосударственных ядерных отношениях.

Политика ядерного устрашения достигается посредством создания и развития национальных сил ядерного сдерживания, способных гарантированно нанести противнику неприемлемый ущерб в любое время и любых условиях обстановки. Именно наличие таких сил, как ничто иное, убеждает противника отказаться от агрессивных намерений в отношении российского государства. Эффект сдерживания на основе ядерного устрашения особенно ярко проявил себя во времена Берлинского кризиса (1961), Карибского кризиса (1962), а также в условиях проведения Россией специальной военной операции. Наличие ядерного оружия у России сдержало и продолжает сдерживать коллективный Запад от прямого участия в конфликте. Можно не сомневаться, что в противном случае некоторые страны НАТО ввели бы свои войска на Украину и приняли непосредственное участие в военном конфликте. Распад Югославии (неядерной державы) во время военной интервенции НАТО (1999) является тому ярким подтверждением.

В настоящее время политика ядерного устрашения претерпевает кризис по причине приверженности администрации США концепции ограниченного ядерного удара с применением ядерных зарядов малой мощности, что понижает уровень страха перед ядерным оружием, порождает неверие руководства коллективного Запада в высокие риски применения Россией ядерного оружия в ответ на западную военную или ядерную агрессию.

Политика сдерживания на основе доверия проявляется в заключении межгосударственных договоров по ядерным вооружениям, что на долгие годы создавало в мире обстановку стратегической стабильности. К сожалению, в последние годы и этот вид политики сдерживания претерпевает острый кризис, вызванный односторонним выходом США из договора по ПРО и СВН-2, приостановлением участия России в договоре СНВ-3 и прекращением действий других договоров. Все это ведет к балансированию мира на грани ядерной войны.

В сложившейся обстановке Россия предприняла ряд радикальных шагов выхода из кризиса. И такими шагами стало создание и постановка на вооружение гиперзвукового ядерного оружия: «Авангард», «Сармат», «Кинжал», «Циркон», подводный аппарат «Посейдон» и другие, способного преодолевать американскую ПРО, а также глубокая модернизация существующих систем стратегических вооружений. Все это сопровождается масштабным информационным освещением данных событий в отечественных и зарубежных СМИ, что способствует сдерживанию стран коллективного Запада от прямого участия в российско-украинском конфликте. Полагаем, в перспективе России необходимо будет выстраивать баланс между двумя подходами ядерного сдерживания (устрашение и доверие) во взаимоотношениях с ядерными державами и в первую очередь с США, что позволит создать в мире геополитическую ситуацию взаимного ядерного сдерживания – основу стратегической стабильности.

Особый резонанс мировой общественности вызвало испытание в боевых условиях российской гиперзвуковой стратегической ракеты среднего радиуса действия «Орешник» в неядерном оснащении с применением гиперзвуковых боевых блоков индивидуального наведения. Результаты разрушений «Орешником» украинского Южмаша вызвали панику в руководстве недружественных стран. Эффективность нового оружия продемонстрировала всему миру новое качество российских стратегических неядерных вооружений, близкое по своим разрушительным способностям к ядерному оружию. Орешник может оснащаться и ядерным зарядом, что делает его чрезвычайно действенным средством стратегического сдерживания, в том числе и ядерного.

Осмысление факта применения «Орешника» в боевых условиях дает основание к выводу о том, что в международных отношениях России с другими недружественными странами возникла новая форма стратегического сдерживания, которой дадим название «предъядерное сдерживание» – согласованное по месту, времени, целям и задачам применение стратегического гиперзвукового оружия в неядерном оснащении (самостоятельно или в купе с оперативно-тактическими вооружениями в неядерном оснащении). По существу, это новая форма военных действий, является дополнительной ступенью в лестнице эскалации военного конфликта и возможно новым механизмом стратегического сдерживания.

Обобщение информации о политике России в сфере ядерного сдерживания дает основание утверждать, что в Российской Федерации сформированы научные и политико-правовые основы государственной политики ядерного сдерживания. Однако кризис в реализации этой политики по причине снижения порога страха администраций недружественных стран перед применением ядерного оружия со стороны России повлек активизацию их агрессивной геополитики против Российской Федерации.

Поддержка неонацистского режима на Украине, вовлечение западных государств в российско-украинский военный конфликт свидетельствуют об этом. В этой связи актуализировалась задача повышения результативности российской политики ядерного сдерживания за счет повышения эффективности ее информационного обеспечения.

Информационное обеспечение российской политики ядерного сдерживания.

Информационное обеспечение (И.О.). В энциклопедической литературе приведено множество определений термину «информационное обеспечение». Так, в Экономическом словаре[891] под ним понимается – информация, необходимая для управления экономическими процессами, содержащаяся в базах данных информационных систем. В Российской энциклопедии по охране труда[892] – предоставление информации, необходимой для осуществления какой-либо деятельности, оценки состояния чего либо, совершенствования чего либо, предупреждения нежелательных (опасных) ситуаций и др. В Словаре-справочнике терминов нормативно-технической документации[893] – совокупность информационных ресурсов и услуг, предоставляемых для решения управленческих и научно-технических задач в соответствии с этапами их выполнения и др.

Обобщая приведенные выше определения, можно дать следующее определение информационному обеспечению деятельности государства – это совокупность методов, средств и процедур, направленных на сбор, обработку, хранение и передачу данных, необходимой для осуществления какой-либо государственной деятельности.

Информационное обеспечение государственной политики. Государственная политика это, прежде всего деятельность государства в различных сферах общественно-политической, экономической и иных сферах жизни общества, сообщества, а информационное обеспечение государственной политики есть предоставление, сохранение и порядок выдачи информации, необходимой для формирования и реализации государственной политики в различных сферах общественно-политической жизни общества. Основными требованиями, предъявляемыми к. государственной политики, являются: полнота, достоверность, адресность, своевременность и оперативность предоставления информации.

---

[891] Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.. Современный экономический словарь. 2- е изд., испр. М.: ИНФРА, 1999.

[892] Российская энциклопедия по охране труда: – URL: http://www. WildBerries.ru›catalog/202894128/detail.aspx (дата обращения: 29.11.2025). – Текст : электронный.

[893] Словарь-справочник терминов нормативно-технической документации: – URL: http://www.find-info.ru/doc/dictionary/normative-technicaldocumentation/index.htm?ysclid =m45f9dqmeb368639043 (дата обращения: 29.11. 2025). – Текст : электронный.

На базе первичных представлений об информационном обеспечении государственной политики можно сформулировать искомую дефиницию. Информационное обеспечение российской политики ядерного сдерживания – это деятельность субъектов информационного обеспечения (государство, международные и отечественные организации, средства массовой информации, научное сообщество и другие обладатели информации) по сбору, обработке, хранению и предоставлению информации о государственной политике РФ в сфере ядерного сдерживания, официальной позиции военно-политического руководства страны в отношении ядерного сдерживания с обеспечением доступа к открытым государственным и иным информационным ресурсам.

Правовую основу государственной политики ядерного сдерживания составляют:

– Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[894];

– Федеральный закон «О средствах массовой информации»[895];

– Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»[896].

В данных законах закреплены формы предоставления информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: устная и в виде документированной информации, в том числе в виде электронного документа (ФЗ № 8. Статья 7).

Определены каналы распространения информации о деятельности государственных органов: телевизионного вещания и (или) радиовещания, телеканалов и (или) радиоканалов, включая совокупность теле-, радиопрограмм и (или) иных аудиовизуальных, звуковых, текстовых сообщений и материалов, транслируемых в эксплуатируемых операторами связи сетях.

Установлены способы доступа населения о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления (в том числе о государственной политике). Закреплены нормы ограничения доступа информации о деятельности органов государственной власти. Определены меры защиты информации.

---

[894] Федеральный закон от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ (последняя редакция) \ Консультант Плюс (дата обращения:17.11. 2025). – Текст : электронный.

[895] Федеральный закон от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ (последняя редакция) \ Консультант Плюс (дата обращения:17.11. 2025). – Текст : электронный.

[896] Федеральный закон от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // http://kremlin.ru›acts/bank/28858 (дата обращения:17.11. 2025). – Текст : электронный.

Концептуально-доктринальную основу государственной политики ядерного сдерживания составляют документы стратегического планирования в рамках целеполагания:

– Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания;

– Военная доктрина Российской Федерации;

– Концепция внешней политики Российской Федерации.

В этих документах излагаются концептуально-доктринальные взгляды политического руководства страной о политике государства в сфере ядерного сдерживания, которые достаточно подробно были рассмотрены в первом вопросе.

Важная роль в информационном обеспечении политики ядерного сдерживания отводится государственным институтам информации.

В первую очередь это касается пресс-службы Администрации Президента Российской Фежерации, куда входят: Отдел Управления пресс-службы и информации Президента России; Пресс-секретарь Президента России; Департамент аккредитации и брифингов Управление пресс-службы и информации Президента России.

В число задач Управления пресс-службы и информации Президента Российской Федерации[897] входят:

– предоставление средствам массовой информации сведений о деятельности Президента Российской Федерации, об издаваемых им актах, о заявлениях, выступлениях, встречах главы государства и других мероприятиях с его участием;

– организация информационного обеспечения государственных, официальных и иных визитов, официальных встреч, бесед, переговоров, рабочих поездок Президента Российской Федерации, а также других мероприятий с участием главы государства в Российской Федерации и за рубежом;

– организация и обеспечение взаимодействия Президента Российской Федерации со средствами массовой информации.

Функциями Управления являются:

– участие в подготовке и проведении государственных, официальных и иных визитов, официальных встреч, бесед, переговоров, рабочих поездок Президента Российской Федерации, а также других мероприятий с участием главы государства в Российской Федерации и за рубежом в целях их освещения в средствах массовой информации;

– обеспечение выступлений Президента Российской Федерации в средствах массовой информации;

[897] Управление пресс-службы и информации президента РФ — Яндекс: (дата просмотра 21.01 2025 г.).

– взаимодействие со средствами массовой информации, об информационной поддержке мероприятий, проводимых Администрацией Президента Российской Федерации;

– участие в перспективном и оперативном планировании мероприятий с участием Президента Российской Федерации;

– формирование через средства массовой информации объективного общественного мнения о деятельности Президента Российской Федерации;

Распространение информации:

– организация пресс-конференций, интервью, других встреч Президента Российской Федерации с представителями средств массовой информации;

– приглашение представителей средств массовой информации для освещения мероприятий с участием главы государства;

– распространение сообщений пресс-службы Президента Российской Федерации для средств массовой информации;

– организация и проведение брифингов по различным вопросам деятельности Президента Российской Федерации;

– взаимодействие с российскими и иностранными средствами массовой информации, а также с журналистами в целях объективного и в полном объеме освещения деятельности Президента Российской Федерации;

Официальное интернет-представительство Президента Российской Федерации. Основными функциями этого госоргана являются: предоставление гражданам Российской Федерации и зарубежных стран, российским и мировым СМИ, экспертным сообществам, органам государственной власти всех уровней, профессиональным и бизнес-сообществам информации о деятельности Президента Российской Федерации, а также возможности обращения к Президенту Российской Федерации.

Особую роль в информационном обеспечении политики ядерного сдерживания отводится МИД России, в первую очередь Департаменту информации и печати МИД России[898].

Задачами этого государственного органа являются:

– координация государственных органов при распространении за пределами страны информации о ее внутренней и внешней политике;

– участие в разъяснении российской общественности внешнеполитического курса России, а также создание на международной арене объективного представления о РФ, подготовка и проведение информационных мероприятий, сопровождающих внешнюю и внутреннюю политику государства (в том числе ядерного сдерживания);

[898] Пресс-служба МИД России URL: https://www.mid.ru/ (дата обращения: 21.01.2025). – Текст : электронный.

– изучение и решение проблем информационного характера, возникающих в ходе международных контактов, с целью обеспечения участия и координации взаимодействия страны с международными форумами и международными организациями;

– обеспечение международного сотрудничества Российской Федерации в информационной сфере, обеспечение межведомственного взаимодействия и координации в области внешней политики государства.

Решение данных задач осуществляется по следующим направлениям:

– обеспечение информационными материалами СМИ по ключевым вопросам российской внешней политики (бюллетени, пресс-релизы);

– обеспечение взаимодействия с представителями российского журналистского корпуса, журналистами зарубежных стран;

– размещение официальной информации с использованием Интернет-сайтов;

– общение с интернет-аудиторией (в режиме «онлайн») по вопросам внешнеполитической проблематики, размещение наиболее актуальной информации, а также выражению позиции ведомства по отношению к основным мировым событиям;

– обеспечение прямых контактов с аудиторией, проведению мероприятий (консультаций, выставок, пресс-конференций, прямых телевизионных эфиров с открытыми дискуссиями между оппонентами.

Активное участие в информационном обеспечении политики ядерного сдерживания принимают диппредставительствам Российской Федерации в зарубежных странах. Именно они осуществляют ведение переговоров с правительством государств пребывания.

Существенный вклад в информационное обеспечение российской политики ядерного сдерживания вносят российские ученые, занимающиеся вопросами международных отношений в ядерной сфере.

Они проводят научные исследования и формируют научные знания о современном ядерном мире, его опасностях и угрозах, государственной политике стратегического и ядерного сдерживания, публикуют в научной литературе проблемы межгосударственных отношений в ядерной сфере и пути их решения.

Дипломаты с участием российских ученых принимают активное участие в многочисленных международных конференциях, созываемых по ядерным проблемам, сессионных заседаниях в рамках международных форумов или объединений государств, не имеющих статуса международной организации, различных консультациях или переговорах.

Такая форма дипломатии часто называется конференционной. Лица или делегации, направляемые государствами для участия в таких мероприятиях, относятся к категории специальных миссий.

Важная роль в информационном обеспечении российской политики ядерного сдерживания отводится Центру информационного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации (Центр). Центр активно использует возможности глобальной информационной сети (ГИС) Интернет. На него возлагаются задачи, затрагивающие сферу обороны, в том числе политики ядерного сдерживания:

– участие в обеспечении деятельности Министерства обороны при реализации им государственной информационной политики в области ядерного сдерживания;

– обеспечение доступа граждан, организаций, представителей средств массовой информации, российской и зарубежной общественности к информации о деятельности Министерства обороны через официальный сайт Министерства обороны в ГИС Интернет и журнал «Российское военное обозрение»;

– информирование граждан, организаций, представителей средств массовой информации, российской и зарубежной общественности о строительстве, применении, повседневной жизни и деятельности Вооруженных Сил (Сил стратегического сдерживания) через официальный сайт Министерства обороны в ГИС Интернет и журнал «Российское военное обозрение».

В установленном порядке Центр взаимодействует с центральными органами военного управления Вооруженных Сил, информационными структурами федеральных органов исполнительной власти, других войск, воинских формирований и органов, а также органов государственной власти. В компетенции сотрудников Центра находится не только Официальный сайт Министерства обороны и его английская версия, но и его специальные разделы: «Служба по контракту», «Общественный совет при Министерстве обороны Российской Федерации» и др.

Особая роль в информационном обеспечении государственной политики ядерного сдерживания принадлежит прямой линии связи между руководителями сверхдержав, по которой президенты Российской Федерации и США могут напрямую связаться друг с другом в экстренных случаях. Информация, переданная по данной линии, может в некоторых случаях предотвратить ядерную катастрофу.

Современная политика Российской Федерации в сфере ядерного сдерживания в интересах обороны осуществляется по нескольким направлениям, основными из которых являются:

– формирование научных знаний о ядерном оружии, формах, методах и последствиях его применения, геополитических процессах в современном ядерном мире, ядерных опасностях и угрозах, их трансформациях, международных отношениях в ядерной сфере и государственной политике в сфере ядерного сдерживания;

– наделение этими знаниями государственных лиц, уполномоченных участвовать в разработке и принятии политических решений по ядерному сдерживанию, а также лиц, участвующих в информационном обеспечении политики ядерного сдерживания;

– создание и развитие информационных систем (баз данных информации и информационных технологий, обеспечивающих ее обработку, надежное хранение, а также технических средств) для информационной поддержки принятия политических решений в сфере ядерного сдерживания, оперативное доведения информации о принятых решениях до субъектов ядерного сдерживания;

– взаимодействие с государственным институтам информации, руководством средств массовой информации по вопросам освещения государственной политики ядерного сдерживания;

– формирование и развитие политико-правовых основ регулирования государственной политики ядерного сдерживания;

– информационное обеспечение международного сотрудничества по вопросам ядерных вооружений;

– формирование информационного ресурса и информационных технологий для информационных систем, обеспечивающих государственную политику ядерного сдерживания;

– внедрение искусственного интеллекта в сферу информационного обеспечения государственной политики ядерного сдерживания;

– обеспечение информационной безопасности государственной политики ядерного сдерживания и др.;

– информационное обеспечение подготовки и заключения двухсторонних и многосторонних договоров по ядерным вооружениям, а в случае их заключения информационное обеспечение их реализации;

– информационное обеспечение отечественных и международных форумов, научных конференций, научно-практических семинаров сессионных заседаний, созываемых по освещению проблем международных отношений в ядерной сфере и др.

Таким образом, в Российской Федерации сложился и функционирует механизм информационного обеспечения политики ядерного сдерживания, способный формировать информационные ресурсы, хранить информацию и доводить ее до субъектов и объектов политики ядерного сдерживания. От эффективности работы этого механизма во многом зависит результативность политики ядерного сдерживания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показало, что Россия в XXI веке – не только крупная держава, но и самобытное государство-цивилизация с уникальной системой ценностей, историко-культурной преемственностью и особым геополитическим положением. Цивилизационный подход позволяет рассматривать российскую идентичность в широком пространственно-временном измерении, выводя её за рамки бинарной логики «Запад – Восток» и утверждая самостоятельность России как полноценного полюса мировой политики.

Выявлено, что современный суверенитет выходит за рамки территориально-правовой категории и включает технологический, ценностный и гуманитарный измерения. Россия формирует собственный нормативный порядок, основанный на принципах справедливости, равноправия, культурного многообразия и неделимой безопасности, противопоставляя его универсализму и неоколониальным практикам Запада. В этой логике национальная идентичность становится не только фактором внутренней консолидации, но и стратегическим ресурсом международного влияния.

Теоретическая значимость исследования заключается в синтезе цивилизационного подхода и системной геостратегии. В работе представлена трёхэтапная модель российской геостратегии: внутренняя консолидация и укрепление устойчивости; институционализация континентального блока и формирование союзов; глобальный прорыв и закрепление статуса России как самостоятельного полюса силы. Эта траектория отражает переход от адаптивного реагирования к проактивному нормотворчеству в мировой политике.

В научный оборот введена матрица факторов силы – дипломатического, экономического, военного, технологического, инфраструктурного и гуманитарного, – что позволяет рассматривать российскую стратегию как целостную систему государственного целеполагания и инструмент укрепления цивилизационной субъектности в XXI веке.

Теоретико-нормативные ориентиры формируют основу российской геостратегии, где справедливость понимается как баланс интересов, равноправие – как признание цивилизационного многообразия, культурное многообразие – как гарантия идентичности, а неделимая безопасность – как отказ от принципа «за счёт других».

В этой рамке отвергаются блоковое мышление и унифицированные «правила» ограниченных коалиций. Им противопоставляется концепция подлинной многополярности, где Россия выступает гарантом баланса и связующим звеном между цивилизациями.

Понимание России как государства-цивилизации расширяет категорию суверенитета: к территориальному добавляются технологический, ценностный и гуманитарный. Это отражает логику цивилизационной субъектности – не адаптацию к чужим стандартам, а формирование собственных норм и институтов.

Нормативные ориентиры, таким образом, задают рамку для стратегического проектирования и практических действий России в международных отношениях, где каждая сфера – от безопасности и экономики до культуры и технологий – становится частью единой цивилизационной стратегии.

Ценностное обеспечение российской геостратегии опирается на традиционные духовно-нравственные основы, выступающие фактором внутренней консолидации и инструментом международного позиционирования. Они служат универсальной основой укрепления общества, защиты от культурной ассимиляции и противодействия разрушительным идеологиям. В.В. Путин на заседании клуба «Валдай» в 2025 году подчеркнул: «цивилизаций много, и ни одна из них не лучше и не хуже другой», что отражает отказ от универсализма и признание многообразия путей развития.

Цивилизационная идентичность России объединяет православие, ислам, наследие других религий и советскую модернизационную традицию. Этот синтез формирует уникальный цивилизационный код, обеспечивающий устойчивость к внешнему давлению и способность адаптироваться к вызовам без утраты культурного и политического ядра. Таким образом, ценности становятся не только внутренним ресурсом, но и основой для экспорта альтернативного мировоззрения, противопоставляемого западному индивидуализму и либеральному универсализму.

В геостратегическом измерении ценностный фундамент позволяет России позиционировать себя как защитника культурного многообразия и права народов на собственный путь развития. Это повышает её привлекательность для стран Глобального Юга и формирует предпосылки для создания континентального блока, основанного не только на прагматике, но и на идеологических связях. В этой логике ценности превращаются в инструмент «великого пространства», где геополитическая мощь соединяется с цивилизационной миссией.

Сохранение и укрепление культурной идентичности невозможно без технологического суверенитета, обеспечивающего автономию страны в условиях глобальной конкуренции. В XXI веке наука, образование, цифровые технологии и оборонно-промышленный комплекс выступают не только инструментами развития, но и гарантиями цивилизационного выживания

В создании 1 тома научно-теоретического труда «Цивилизационные основы, геостратегические и геополитические приоритеты России в XXI веке» приняли участие представители:

I. Государственной Думы Российской Федерации:

от Комитета по международным делам – Бутина М.В.; Слуцкий Л.Э., доктор экономических наук;

II. Высших учебных заведений, учредителем которых является Правительство Российской Федерации:

от Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова – Капицын В.М., доктор политических наук, профессор;

от Санкт-Петербургского государственного университета – Лосев А.Е., кандидат военных наук;

III. Высших учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации:

от Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации – Бернацких И.В., кандидат политических наук; Зарудницкий В.Б., кандидат исторических наук, доцент; Ларченков В.В., кандидат политических наук, профессор; Мажуга С.Н., кандидат военных наук; Музяков С.И., доктор философских наук, доцент; Сержантов А.В., доктор военных наук, профессор, Заслуженный военный специалист Российской Федерации; Тарасов С.А., кандидат исторических наук; Толстых В.В., кандидат военных наук;

от Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева – Акопян А.Р., кандидат исторических наук, доцент; Акопян Е.А., кандидат социологических наук, доцент; Курмышов В.М., доктор исторических наук, профессор;

от Военной академии Министерства обороны Российской Федерации – Скалепов А.Н., доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации;

от Военного ордена Жукова университета радиоэлектроники – Гайдунко Ю.А., кандидат педагогических наук, доцент; Гужавина Т.А., кандидат философских наук, доцент; Макарова С.П., кандидат социологических наук, доцент;

от Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации – Кононов Л.А., доктор политических наук, профессор; Костин А.В., доктор политических наук, профессор;

IV. Высших учебных заведений и научно-исследовательских организаций Министерства науки и высшего образования Российской Федерации:

от Донецкого государственного университета – Седнев В.В., доктор медицинских наук, профессор;

от Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации – Подберезкин А.И., доктор исторических наук, профессор; Фролова М.С.;

от Московского государственного лингвистического университета – Цыбаков Д.Л., доктор политических наук, доцент;

от Негосударственной автономной некоммерческой организации высшего образования «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского» – Булавина М.А., кандидат юридических наук, доцент; Копылов А.В., доктор политических наук, профессор; Копылов И.А., кандидат политических наук, доцент; Лихоносов А.Г., доктор политических наук, профессор; Попова С.А., кандидат экономических наук, доцент; Слоботчиков О.Н., кандидат политических наук, профессор; Чичулин Н.А., доктор политических наук, профессор;

от Санкт-Петербургского государственного экономического университета – Бразевич С.С., доктор социологических наук, профессор; Маргулян Я.А., доктор социологических наук, профессор;

от Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук – Колин К.К., доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации;

от Финансового университета при Правительстве Российской Федерации – Грузина Ю.М., кандидат экономических наук, доцент; Харланов А.С., доктор экономических наук, кандидат технических наук;

от Южного федерального университета – Васьков М.А., доктор социологических наук;

V. Высших учебных заведений Министерства внутренних дел Российской Федерации:

От Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации – Беляева Л.И., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации;

VI. Следственного Комитета Российской Федерации:

от военного учебного центра Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева – Андреев А.Ф., кандидат юридических наук, доцент;

VII. Научно-исследовательских заведений Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий:

от Всероссийского научно-исследовательского института по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России – Григорьев В.Н., доктор военных наук, доцент; Дронов А.В.;

VIII. Высших учебных заведений Министерства юстиции Российской Федерации:

от Донбасского государственного университета юстиции – Байков А.И.; Беляева Е.В.; Войтов А.В., кандидат юридических наук; Кашпер А.А.;

Научное издание

Цивилизационные основы, геостратегические и геополитические приоритеты России в XXI веке

Монография
в двух томах

Том 1

Под общей редакцией
доктора экономических наук
Слуцкого Леонида Эдуардовича

Редакторы И.А. Копылов , С.Н. Мажуга
Дизайн обложки В.В. Толстых
Компьютерная верстка И.С. Надворский

Подписано в печать 03.03.2026. Формат 60x90/16.
Гарнитура SchoolBookC. Усл. печ. л. 36,625
Тираж 300 экз.

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 1/2, корп. 1
Тел.: +7 (499) 261-11-26
www.imc-i.ru; www.imc-ph.ru

Отпечатано ООО «ТОМИК»
115477, г. Москва, ул. Кантемировская, д. 60, помещ. 2, этаж 3